

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

MONOGRAPH SERIES
«Issues Of Japanology = Вопросы японоведения» №8

JAPAN XXI NOVA:
эра и век

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2020

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

JAPAN XXI NOVA:
эра и век

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2020

УДК 008+94+821.521+811.521+292/299
ББК 63+70/79+81/83+85+86 (5Япо)

*Печатается по рекомендации
Научной комиссии Восточного факультета СПбГУ*

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ И СОСТАВИТЕЛИ:
А.В. Филиппов, Н.А.Самойлов, Е.М.Османов

РЕЦЕНЗЕНТЫ: канд. ист. наук Сеницын А.Ю. (МАЭ РАН, Кунсткамера),
канд. ист. наук Ковригин Н.Е. (СПбГУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

докт. ист. наук Филиппов А.В., докт. ист. наук Самойлов Н.А.,
канд. ист. наук Османов Е.М., канд. ист. наук Щепкин В.В.,
канд. филол. наук Ибрагим И.С., канд. ист. наук Маранджян К.Г.,
канд. ист. наук Боголюбов А.М.

ДИЗАЙН И ОРИГИНАЛ-МАКЕТ: В.В.Щепкин, А.В.Филиппов

Печатается в авторской редакции

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

ЯПОНИЯ XXI NOVA: эра и век. Исследования российских и зарубежных учёных, посвящённые наступлению девиза годов Рэйва [«Issues Of Japanology = Вопросы японоведения» №8]. – СПб. – Изд-во Art-xpress, 2020. – 626 с.

Коллективная монография посвящена наступлению в Японии нового девиза годов – Рэйва (с 2019 г.). В ней нашли отражение различные аспекты жизни традиционной и современной Японии, всесторонне и многогранно охарактеризованы тенденции развития разных сторон общественной жизни в условиях локальных и глобальных изменений.

Авторский коллектив объединил как известных российских японоведов, так и зарубежных учёных. Присущий востоковедению комплексный подход позволил создать многоплановую картину эволюции японского общества, в которой представлен весьма широкий круг вопросов (язык и литература, история и культура, политика, экономика и международные отношения). Оценка и интерпретация исследуемых проблем, их глубокий анализ – в полной мере позволяют составить целостный и динамичный образ сегодняшней Японии.

Монография адресована не только востоковедам, но и студентам, аспирантам, специалистам в области культуры, политики, международных отношений, а также широкому кругу читателей, интересующихся прошлым и настоящим Японии. Материал приводится на русском, японском и английском языках.

ISBN 978-5-4391-0637-0

© Авторский коллектив, 2020
© Восточный факультет СПбГУ, 2020
Все права защищены

– ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ¹ –

XXI век, информационная эпоха: что ждёт Японию и традиционное востоковедение

- об Учителях и традициях -

Вниманию читателя предлагается исследование, появление которого стало возможным благодаря сотрудничеству японоведов из различных уголков России, Японии, Сербии, Белоруссии. Запланированный на осень 2020 года симпозиум виделся организаторам как шанс обменяться мнениями о японоведении при личной встрече, но международная обстановка внесла свои коррективы. Проект получил название «Япония XXI Nova: Эра и век», поскольку поначалу исследование предполагало изучение вопросов, связанных с приходом нового столетия, провозглашением в Японии девиза годов правления Рэйва 令和, наконец, роли традиции и современности в этой стране сегодня. Однако, ситуация карантина в мировом сообществе, закрытие границ, переход в режим онлайн и «удалённого общения» чрезвычайно обострили рассматриваемую проблематику. Следует учесть и смену в середине сентября премьер-министра Японии. Завершение относительно длительного периода «абэномики» и приход нового премьера Суга Ёсихидэ неизбежно привнесёт очередные перемены в непростое положение Страны Восходящего Солнца. Наконец, затруднительны прогнозы и для отношений Японии с США. На ряд различных политико-экономических нюансов, возможно, повлияет развернувшееся в США движение «Black Lives Matter» (и это на фоне тяжелейшей пандемии коронавируса).

¹ Исследование издано при спонсорском содействии компании «Дж.Т.И.Россия».

Что есть традиция в востоковедении в целом и японоведении в частности? Значение традиции и преемственности трудно переоценить. Культура и современная жизнь в Японии тесно переплетена с традициями. Не менее важна традиция и преемственность в востоковедной науке. На Востоке уважение к Учителю — это ключ к сохранению и поддержанию устоев, коим наставник учил преемников-учеников. В 2020 году исполнилось бы 100 лет Л.В.Зениной (1920–2018). Она преподавала историю Японии на Восточном факультете СПбГУ более полувека (1950–2016), раскрыв путь в японоведение десяткам поколений студентов, стремясь научить и восточной мудрости жизни, и благожелательности. Поэтому для японистов Санкт-Петербурга она поныне на недосягаемой высоте, ибо передавала свои знания о прошлом Востфака, об академиках, некогда ходивших по тем же коридорам, что и сегодняшние студенты. Важно, чтобы новые поколения студентов также осознали и усвоили мудрость, что «Восток – дело тонкое» (чему Л.В.Зенина и учила). В действительности, данная фраза из «Белого солнца пустыни» даёт возможность оценить роль востоковедов в складывании юного советского государства и их неоценимую помощь в формировании геополитики Страны Советов.

Человек – существо социальное. Вне личного общения, поддержания норм ритуала и этикета, передачи традиций – существовать не может. «Карантинный кризис» обострил проблемы глобализации, компьютеризации, засилья цифровых технологий и социальных сетей. Подмена реального социального взаимодействия погружением в социальные сети чревата деградацией и для личности, и для общества. Иногда может встать и вопрос о

попытках «роботизации» в значении приучить быть роботами, постоянно находящимися в «режиме удалёнки». Учеников и студентов неуместно превращать в безликих «обучающихся», тем паче, если речь идёт о востоковедах. Японские понятия *сэмпай* (старший товарищ) и *сэнсэй* (наставник) – важнейшие составляющие японской культуры. Если востоковед не проникся этими понятиями, значит, востоковеда из него не получилось. Подобные пагубные тенденции, наносящие ущерб традиционной культуре, присущи не только Японии, но и востоковедению как таковому. Только бережное отношение к традиции и преемственность в классическом востоковедении могут сохранить его уникальный всесторонний формат для грядущих поколений. Сегодня с ностальгией могут быть восприняты некогда критично звучавшие слова из песни про советские «реперткомы, Союз писателей, доклады и месткомы». Ностальгия – поскольку тогда существовали всем понятные и стабильные правила и ориентиры, эффективно и с пользой проводились в жизнь государственная декларация «О задачах востоковедной науки» 1929 года и постановление «О преподавании гражданской истории» 1934 года, которые позволили отечественному востоковедению достигнуть должных высот. В комплексе это позволяло востоковедению быть чрезвычайно полезным и эффективным для советского общества.

Обратимся к становлению и развитию мировой культуры. Существуют вариации в определении стадий общественного разделения труда, которые связаны с отдельными этапами в истории человечества. Не ставя целью воссоздать картину в мельчайших деталях, обрисуем общую канву, стремясь определить – каково место сегодняшнего мира. Так, в своё время, первым общественным

разделением труда стал переход к земледелию от собирательства и охоты (порою, исходя из контекста, акцент делается на отделении скотоводства и земледелия), вторым — отделение от земледелия ремесла, третьим — разделение ремесла и торговли. Ещё в XV–XVII веках первые вехи «**глобализации** и **интернационализации**» наметила эпоха Великих географических открытий. Промышленная революция в начале XIX века тоже явилась «сотрясанием основ мира», вызвав движение «крушителей машин» луддитов. Для Японии исходным рубежом для погружения в «**глобальный** социум и **индустриальный** мир» оказалась революция Мэйдзи, открывшая страну после самоизоляции для контактов с иными культурами и заставившая её сразу вступить в отчаянную борьбу за выживание в этом новом окружении в условиях воистину «скоростной модернизации». Более того, в одночасье Япония вступила и в борьбу за передел мира, перераспределение сфер влияния и колоний между державами. Во имя защиты национальных интересов Япония в порыве отчаяния весьма быстро смогла и вступить в так называемый «клуб великих держав», приучив соперников иногда даже прислушиваться к её мнению. Пережив «шок американской оккупации» после Второй мировой войны, страна вскоре изумила мир «японским экономическим чудом», во временном отношении соответствовавшим такому общемировому явлению второй половины XX века как НТР (научно-техническая революция). Развитие НТР сопровождали совершенно новые понятия и явления – ЭВМ, АСУ, ЧПУ, НИОКР (распространение 'электронно-вычислительных машин', 'автоматизированных систем управления', станков с 'числовым программным управлением', развитие 'научно-исследовательских и опытно-конструкторских

работ'). Во всём пока только угадывались черты будущей «индустрии знаний» **постиндустриального общества (post-industrial society)**, для которого столь характерны инновации и высокая производительность. Однако, эту стадию (условно говоря, в общемировом масштабе 1970-1980-е годы) более уместно воспринимать как складывание **общества потребления (consumer society)**, при всех технических и социальных достижениях, связанных с ростом доходов, появлением свободного времени и индивидуализации потребления. Толчком к следующему, тому самому постиндустриальному обществу становится массовая компьютеризация и развитие средств массовой информации (СМИ) и форм коммуникации. Истоки для того, заметим, были заложены существенно раньше — с появлением телефона, телеграфа, телетайпа, распространением всеобщего радиовещания в 1920-х и телевещания в 1950-х годах, производством 'текстовых процессоров' в конце 1970-х годов. За 1980-е годы Япония в полной мере ощутила вкус к жизни **в обществе потребления**, что совпало и с ростом международных политических амбиций страны (при премьер-министре Накасонэ Ясухиро). Во второй половине 1990-х годов миновала этап «мыльного пузыря» в экономике, который быстро лопнул, произведя значительные потрясения в обществе потребления. Далее с 1993 г. застой в экономике страны поначалу назвали «потерянным десятилетием», а затем и «потерянным двадцатилетием» (всплески были лишь кратковременны). Именно в 1990-х годах в японском обществе стали усиленно продвигать концепции **глобализации и интернационализации**.

Подлинным знаком погружения Японии и мира в **постиндустриальное общество** стала всеобъемлющая

компьютеризация с появлением и развитием графического интерфейса Windows во второй половине 1980-х годов. За этим последовал очередной мощный толчок благодаря массовому распространению мобильных телефонов. Мгновенно прошло увлечение японцев пейджерами покэ-бэру в первой половине 1990-х, к концу 1990-х годов уходят в прошлое коммуникаторы (КПК = карманные персональные компьютеры) с функциями мобильного телефона и электронные записные книжки. С начала 2000-х годов Япония вместе с остальным миром окунулась в мир смартфонов и планшетов с функциями мобильной связи. Сохранили значение и стационарные компьютеры с ноутбуками. На смену борьбе производителей станков и иного *хард-оборудования* и АСУ пришла конкуренция создателей *софта*, программного обеспечения (сокр.: ПО; как в сфере стационарных, так и мобильных устройств). Задела эта борьба и отдельные отрасли японской экономики (а также США и КНР). Данную стадию, без оговорок, можно именовать как **эпохой Ай-Ти** (информационных технологий; IT = Information Technology), так и **постиндустриальным обществом**, либо **информационным обществом**. Техногенная катастрофа на атомной электростанции в Фукусима весной 2011 года стала новым серьёзным социально-экономическим потрясением, усилив и так присущее японской культуре явление «атомной аллергии».

Япония уже успела столкнуться и ранее с примерами асоциального воздействия гнёта компьютеризации и цифровизации (не мыслящие жизни без телевизора детишки *тэрэбикко*, игроки-геймеры и затворники *хикикомори*, годами не выходящие из жилья). Чрезмерность усилий власти в насаждении глобализации с 1990-х годов (да ещё на фоне застоя и плохой экономической

конъюнктуры) вступила в противоречие с традиционным культурно-мировоззренческим комплексом японцев. Весьма меткую характеристику проблемы можно найти в недавно опубликованной книге, посвящённой великим трансформациям в Японии². Трансформация сознания в 1990-2008 гг. из-за глобализации чревата проявлением «новых рисков информационного... общества»; впрочем, в итоге, демонстрируя в Японии «отход от идеи воинствующего глобализма... в сторону 'ориентации на традиции'»³. Возможно, для Японии как государства сравнительно закрытого для иммиграции был шанс осознать чреватость проблемы на основе чужого опыта, Европы и США. Опыта необычайных сложностей глобализации на фоне призывов к толерантности, попыток межкультурного смешения и демократии, порою доходящей до анархической вседозволенности.

Вышеизложенное лишь кратко представляет ситуацию в Японии сегодня **в контексте постиндустриального, информационного общества**. Вне сомнения, за последние полгода положение крайне осложнено пандемией, нарушением экономических связей, нестабильностью финансовых потоков и психологическим дискомфортом от необходимости жить во внезапно изменившемся мире по совершенно новым правилам. Подлинно всесторонняя характеристика современной Японии требует анализа всех сфер жизни общества. От японского языка как вербального проявления нюансов национальной культуры (глава 1) и понимания истории (глава 2), тенденций социально-экономических (глава 3), устремлений во

² Япония в эпоху великих трансформаций // Под редакцией Д. В. Стрельцова. М.: АИРО-XXI, 2020. 320 с.

³ Там же. С. 297–298.

внутренней и внешней политике (глава 4) – до литературы (глава 5), традиционной культуры (глава 6) и особенностей межкультурного взаимодействия (глава 7). Каждая из глав включает до 10 разделов, благодаря чему перед читателями предстаёт информативная и красочная палитра жизни Японии сегодня. Особо отметим, что многие материалы весьма инновационны, впервые введены в широкий научный оборот отечественного востоковедения и могут явиться стимулом для новых дискуссий. Авторский коллектив монографии, объединивший более полусотни учёных и начинающих исследователей из нескольких стран, искренне надеется, что подобная структура книги в значительной степени сможет удовлетворить любопытство взыскательного читателя. Материалы опубликованы в авторской редакции на русском, английском и японском языках с целью максимально донести до читателя многогранность мнений, представленных при завершении проекта на международном научном симпозиуме на Восточном факультете Санкт-Петербургского госуниверситета 9-10 октября 2020 года. Авторский коллектив предполагает дальнейшую плодотворную совместную деятельность в рамках новых международных симпозиумов «Япония: цивилизация, культура, язык» (日本文明・文化史と国語の国際大会), выражая надежды на их проведение преимущественно в формате «живого общения», т. е. оффлайн. Для удобства читателя в содержании приведены имена авторов каждого соответствующего раздела; подробные сведения об авторах (аффилиация) – опубликованы в конце издания.

Картина современной жизни Японии представлена в книге на фоне демонстрации глубинной взаимосвязи дня сегодняшнего с историческим прошлым страны. Именно

представление настоящего в параллели, в совмещении с событиями дней минувших, позволяет воспринять непрерывность эволюции общества, найти проявления общего и особенного, оценить традиции культуры, понять логику межкультурного взаимодействия, смысл внешней рецепции понятий и явлений иной культуры и особенности внедрения инновационных черт.

Выражаем искреннюю признательность всем, оказавшим помощь при реализации данного проекта. Особо благодарим за спонсорскую поддержку проекта японскую компанию JTI, Генеральное консульство Японии в Санкт-Петербурге за всестороннее содействие в исследованиях, Общество дружбы Россия–Япония за постоянное внимание к распространению знаний о японской культуре. Авторский коллектив вверяется благосклонности читателя и надеется, что книга будет полезна для новых исследований, посвящённых Стране Восходящего Солнца.

ГЛАВА 1. ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК

Актуальные вопросы изучения японского языка в настоящее время

Я хочу остановиться на трех вопросах. Это роль науки в подготовке специалистов по японскому языку, краткая история исследований японского языка в нашей стране и ситуация в нашей японистике сейчас.

Как люди выучивают язык? Как писал академик Л. В. Щерба [1, с. 4], имеются два пути: либо естественное овладение языком через человеческое общение, либо сознательное освоение в процессе обучения. Ребенок бессознательно овладевает языком (иногда несколькими языками) в раннем детстве. Такого рода овладение еще какими-либо языками может происходить и позже, однако при этом всегда происходит значительное влияние освоенного в раннем детстве материнского языка. Новый для его носителя язык получает черты уже известного языка (в науке их называют субстратными), и осваивается не полностью. Именно этим, в частности, объясняются те значительные трудности, с которыми связано установление родственных связей японского языка, который нередко считают гибридным по происхождению. Как доказал наш замечательный лингвист (кстати, японист по образованию) С. А. Старостин, этот язык в своей основе — алтайский, но подвергся значительному влиянию австронезийских языков, на которых, по-видимому, в большинстве говорили предки японцев. Затем на острова переселились кочевники-алтайцы и передали коренному населению свой язык. Австронезийцы освоили алтайскую грамматику и базовую лексику, но не справились с овладением алтайской фонетикой, более сложной по

сравнению с австронезийской. В результате сложился язык с алтайской грамматикой, австронезийской фонетикой и двумя слоями лексики разного происхождения; он затем стал материнским для последующих поколений.

Однако бывает и так, что люди сохраняют материнский язык, но для общения с носителями другого языка используют особый язык, в котором присутствуют черты обоих контактирующих языков, а грамматика упрощается. Такие контактные по происхождению языки называют пиджинами. Известная фраза *Моя твоя не понимай* существовала в пиджине, на котором русские на Дальнем Востоке говорили с местным населением. Впрочем, такую фразу могли сказать русские, а их собеседники говорили *Моя твоя понимай нету*: в тунгусо-маньчжурских языках, как и в японском, отрицание стоит на конце. При благоприятных условиях развития пиджин может стать обычным языком.

Таким образом, естественным путем чужой язык осваивается с искажениями. Для адекватного его освоения нужно использовать сознательные методы обучения, что и делается в мире, начиная с глубокой древности (школьники заучивали парадигмы склонения и спряжения чужого для них шумерского языка в Древнем Вавилоне ещё около четырех тысяч лет назад). Сознательные методы применяются и для овладения нормированными, обработанными вариантами материнского языка: тем, что у нас называется *литературным языком*, а в Японии — *хёдзюngo*.

Но сознательные методы требуют эксплицитной формулировки правил, а для этого язык нужно описать. Для этой цели формировалось большинство лингвистических традиций. Европейская традиция (русская традиция — одно из ее ответвлений) сложилась в III–II вв. до н. э. в египетской Александрии, где языком культуры

был древнегреческий, а большинство населения составляли носители других языков; для обучения языку культуры были созданы первые греческие грамматики. В них уже содержались многие понятия, сохраняющиеся в науке о языке до сих пор: слово, части речи, глагол, наклонение, падеж, предложение и многие другие. И японская традиция сложилась в эпоху Токугава во многом для обучения бунго.

В первые годы после «открытия Японии» в Иокогаме и других портовых городах распространялись японо-английские пиджины [2, с. 57–59]. Его следы — слова, пришедшие в это время из английского языка устным путем и воспринятые на слух, вроде *пурин* ‘пудинг’ из *pudding* или *мисин* ‘швейная машина’ из *machine*. Но затем всегда господствовало сознательное обучение японскому языку как иностранному, для чего писали учебники и грамматики.

Однако здесь возникает проблема: как описывать чужой (в том числе и для автора учебника и/или грамматики) язык. Она не была столь острой, когда речь шла о близких друг к другу языках, например, разных языках Европы, принадлежащих к индоевропейской семье. Но огромное количество языков мира, включая японский, по строю значительно отличаются от русского или английского. Эти проблемы в Европе встали с появлением первых грамматик «экзотических» языков в XVI в., когда был выработан жанр «миссионерской грамматики» (в большинстве их писали миссионеры, которым нужно было распространять христианство среди «бродивших во тьме» народов). Тогда европейская лингвистическая традиция основывалась на грамматиках латинского языка (по строю очень близкого к древнегреческому). И авторы ранних европейских грамматик японского языка, находили те же самые части речи, грамматические категории и пр. Не

решало проблему и изменение эталона: место латыни в дальнейшем стали занимать современные языки. Но всё равно происходило искажающее влияние материнского или наиболее престижного для исследователя языка, которое может быть значимо не только при бессознательном, но и при сознательном освоении других языков.

Авторы миссионерских грамматик и продолжатели их традиций исходили из того, что человеческое мышление обладает универсальными категориями, в основном описанными еще Аристотелем в IV в. до н. э.: это субстанция, количество, время и др. Эти категории должны выражаться в любом языке. Однако, как показал видный французский лингвист XX в. Эмиль Бенвенист, эти категории являются категориями древнегреческого языка, единственного, который знал Аристотель. Например, разработанная им традиционная логика представляет собой упрощенный синтаксис древнегреческого языка [3]. Центральным для классической логики является понятие субъекта: считается, что мы мыслим о ком-то или о чём-то, и этому приписываются некоторые свойства (предикаты). По сути, субъект и предикат — не что иное, как подлежащее и сказуемое, а центральная роль субъекта в мышлении обосновывается тем, что в древнегреческом языке (как и, например, в русском) сказуемое согласуется с подлежащим и (что редко замечают) только с ним. Других доказательств главной роли субъекта в мышлении нет. Но в огромном количестве языков, включая японский, сказуемое ни с чем не согласуется, а в айнском языке сказуемое согласуется и с прямым дополнением.

Освободиться от влияния материнского или престижного языка можно, лишь развивая лингвистическую теорию. Я, конечно, не говорю, что каждый преподаватель языка должен быть теоретиком или владеть большим числом языков, но он должен учитывать

то, что достигнуто к данному времени лингвистикой. А там происходит двуединый процесс: расширяется база языковых фактов (это могут быть ранее неизвестные языки или факты, впервые замеченные в уже известном языке) и строятся теории, объясняющие факты. Можно сказать, что идет борьба хаоса и упорядочения: открытия фактов увеличивают хаос, построение теорий производит упорядочение. Многие практики считают, что теория им не нужна, но попытки обходиться без теории иллюзорны, и исследователь вольно или невольно опирается на ту теорию, к которой он привык, например, теорию из его школьного учебника, когда-то прочитанного, который обычно уже не отражает современный уровень науки. А хорошая теория дает возможность обнаружить в языке больше интересного и получить лучшее описание, которое может и должно быть и практически использовано.

В связи с этим стоит кратко рассмотреть историю изучения японского языка в нашей стране. Оно проходило те же этапы, что в странах Европы и Америки, но ускоренными темпами. Первые русские японисты были практиками-страноведами, обычно изучая самые разные аспекты: географию, историю, экономику, литературу и пр., и в том числе язык. Среди них иногда встречались очень талантливые люди: таким был автор первой русской грамматики японского языка [4] миссионер Д. Д. Смирнов; см. о нём [5, с. 15–21]. Он не обладал университетской подготовкой, но, может быть, поэтому мог быть свободнее от догм науки того времени.

Первым ученым, который начал преодолевать разрыв между практикой и теорией, был Е. Д. Поливанов. Он занимался различными областями японского языкознания и всегда стремился теоретически обосновывать все свои положения, учитывая факты многих языков. Он, в частности, предложил научно обоснованные концепции

слова и частей речи. Однако он во многом опирался на представления, выработанные на материале русского языка. Для него, как и для большинства специалистов по русскому языку, слово должно быть «оформлено», то есть регулярно изменяться по тем или иным грамматическим категориям. Поэтому он разработал концепцию японского словоизменения, в частности, падежного склонения. Она оказала существенное влияние на отечественное японоведение, даже несмотря на трагическую судьбу ее автора. Ей следовали Н. И. Конрад, А. А. Холодович, Н. И. Фельдман и другие ученые двух поколений (при этом она не нашла отражения в западной японистике и крайне редко встречалась в японской науке, где всегда преобладало представление о так называемых падежных показателях как об отдельных словах). Однако концепция Е. Д. Поливанова хорошо соответствовала традициям отечественного языкознания. Понятие грамматической категории, в частности, понятие падежа, здесь строго ограничивается случаями, когда грамматическое значение выражается внутри слова; аналитические формы допускаются лишь если они входят в один ряд с синтетическими. Но в японском языке можно говорить о падежах лишь с точки зрения их функций, однако считать падежные показатели окончаниями оказывается во многих отношениях затруднительно. Поэтому концепция падежного словоизменения была подвергнута критике И. Ф. Вардулем и И. В. Головинным с 60-х гг. XX в. и сейчас скорее относится к прошлому науки, хотя в учебной литературе может сохраняться.

И так было не только с падежами. Уже понятие подлежащего в его традиционном виде вызывает трудности сразу в двух отношениях. Во-первых, японский язык, где нет согласования сказуемого с именными членами предложения, ставит под сомнение идею о

подлежащем как вершине или одной из вершин предложения. В России вершиной предложения считал сказуемое уже Д. Д. Смирнов, а затем эту точку зрения и в теоретическом плане, и для японского языка развил А. А. Холодович. В Японии с середины XX в., начиная с работ Миками Акира, она господствует. Во-вторых, дополнительные сложности, отсутствующие для языков типа русского, представляет то, что у нас называют *словом-темой*, а в американской лингвистике *топиком*. Традиционная (школьная) классификация членов предложения плохо применима к словам, оформленным частицей *ва*. Отмечу, что распространенные сейчас в США исследования топика в разных языках были предвосхищены работами Н. И. Фельдман о слове-теме в японском языке в 1940-1950-х гг. [6].

Одно из традиционных представлений лингвистики, восходящее еще к Аристотелю, заключается в том, что глагол должен изменяться по временам, которых бывает не менее трех. И Н. И. Конрад в «Синтаксисе» 1937 г. развивал концепцию о настоящем, прошедшем и будущем временах в японском языке. Однако он указывал, что форма настоящего времени может употребляться, «если действие произойдет обязательно», а форма будущего времени возможна и в смысле «предполагаемого настоящего» [7, с. 174–175]. Если подойти к вопросу непредвзято, то очевидно, что здесь выражено не время, а достоверность-предположительность, что вскоре сделала Н. И. Фельдман.

Формы настояще-будущего времени могут переводиться на русский язык и настоящим, и будущим временем в зависимости от контекста. Но бывают и случаи, когда присутствует нерасчлененное значение. Вот стандартная фраза, которой начинаются прогнозы погоды на радио: *Тэнки-ёхо: дэсу, ср. заключительную его фразу:*

Тэнки-ёхо: *дэсита* 'Прогноз-погоды был'. Как перевести эту фразу? Прогноз уже есть, но он еще и будет.

В современном японском языке, безусловно, можно говорить о грамматической категории времени, однако времен всего два. А вопрос о существовании данной категории в древнеяпонском языке проблематичен. Во многих же языках, например, в китайском, ее вообще нет.

Следование привычным для отечественной науки схемам иногда в 30-50-е гг. доходило до крайностей. Е. Л. Наврон-Войтинская пыталась искать в формах вежливости категорию лица на основании того, что некоторые из них не употребляются, когда говорят о себе [8, с. 45–46]. Писали и о согласовании в японском языке сказуемого с подлежащим, но не в лице и числе, а в формах вежливости.

А вот более сложный пример: конструкции со вспомогательным глаголом *симау*. При опоре на русский эталон хочется найти в числе прочего японские эквиваленты глагольной категории вида. И писали, что конструкции с *симау* обозначают совершенный вид, хотя нетрудно найти опровергающие примеры. Более адекватно понимание этих конструкций как обозначающих законченность действия; это значение входит в число значений русского совершенного вида и соответствует этимологии глагола *симау*. Но вот пример, который я уже приводил [9, с. 33]. В повести Исикава Тацудзо «Доро ни мамирэтэ» («Измазанная грязью») мать говорит выходящей замуж дочери, что женщина в браке становится женой на сто процентов, а мужчина, хотя и женится, но наполовину остается холостяком. В отношении женщины трижды употребляется конструкция *кэккон-ситэ симау*, а про мужчину сказано, что он просто *кэккон-суру* (этот глагол значит и 'выходить замуж', и 'жениться'). С точки зрения законченности все события одинаковы, но там, где речь идет о женщине,

говорится о существенном и необратимом изменении состояния. В русском языке для такого значения нет грамматических средств выражения.

Всё же для японского языка (как и для многих других языков) идет постепенный процесс выработки более адекватных описаний тех или иных его явлений и освобождения от решений, навязываемых русским или каким-либо другим языком иного строя. Не всегда этот процесс быстро проникает в учебную литературу и преподавание, но постепенно это происходит.

Еще хочется поговорить о современных процессах в японистике в нашей стране. Более тридцати лет назад ныне покойный академик В. Н. Топоров писал о русско-японских культурных взаимоотношениях: «Настоящее время — тот рубеж, после которого (и тут не надо быть пророком) взаимное знакомство двух культур, роль литературных связей, появление новых форм культурных контактов и взаимопроникновение — взаимообогащение этих культур будет возрастать очень быстро» [10, с. 49]. «Вероятно, с точки зрения XXI века все, что достигнуто пока, будет отнесено к предыстории русско-японских культурных связей или к самому начальному периоду их истории» [10, с. 51]. Он в духе того времени считал, что главным препятствием для развития этих взаимоотношений были советская власть и коммунистическая идеология. Теперь же произойдет быстрый переход от «предыстории» к «истории». Однако прогноз оказался слишком оптимистичным. Более того, по ряду параметров дело сейчас, пожалуй, обстоит хуже, чем в лучшие времена: в 60-70-е гг. Тогда интерес наблюдался с обеих сторон. А теперь?

Падение интереса особенно очевидно с японской стороны. Раньше для Японии и многих других государств русский язык, помимо непосредственных потребностей

коммуникации, был связан с тремя культурными факторами. Мы можем условно говорить о роли русского языка как «языка Ленина», «языка Гагарина» и «языка Толстого». Приверженцев имели в Японии идеи не только Ленина, но и Бакунина, Кропоткина и того же Л. Толстого. А успехи СССР в науке и технике приводили к тому, что, как мне говорили сами японцы, в 60-е гг. большинство студентов по естественным специальностям старались выучить русский язык. И русскую классическую литературу знали и переводили.

Теперь свежие взгляды на социальное устройство мира идут, во всяком случае, не из России. Успехи современной России в науке, разумеется, бывают, но прорывов, какие были при СССР, нет. А что касается классической литературы, то она, конечно, остается ценностью, но вот диалог из японского фильма 2000-х гг., действие которого происходит в 1950-е гг. Спорят два персонажа. Один говорит: «Я был на войне, а ты не был». Другой отвечает: «Зато я читал русскую литературу». То есть сейчас русская литература — такое же прошлое, как вторая мировая война. И есть ли хоть один современный русский писатель, столь же авторитетный, какими были русские классики?

А культурный интерес к Японии в России, разумеется, есть, но часто имеет «точечный» характер, а прежние приоритеты уходят. Стали очень популярны анимэ, но японское игровое кино, которое любили многие в 60-80-е годы, сейчас практически неизвестно. Снизился и интерес к современной художественной литературе (в меньшей степени, пожалуй, это свойственно классической). И видим возврат к практике конца XIX в.: снова японская культура (в широком смысле) приходит к нам через английский язык. Культурные связи с Японией при всех трудностях в советское время шли напряжущо.

А теперь? В Москве нередко можно встретить вывеску: Суши-бар. Люди обычно знают о японском происхождении этого блюда, но попробуйте найти суши даже в Большом японско-русском словаре 1970 г.: нет суши, а есть суси. Это слово так пишут в поливановской транскрипции, и японисты до недавнего времени так и говорили, но оно вытеснено словом суши, представляющим собой кириллическую транслитерацию написания этого слова в английском языке. И это уже закономерность.

Теперь японские по происхождению культурные явления в основном приходят к нам через массовую культуру глобализации. Она интернациональна по происхождению своих элементов, но формируется и конструируется из них в США. Я почти 20 лет назад, выступая, говорил, что в этой культуре кубик Рубика пришел из социалистической Венгрии, сауна из Финляндии, йогурт из Турции, и особенно много всякого пришло из Японии, близкого американского союзника. Естественно, возникает вопрос: что может сюда прийти из России. Одна из присутствующих сказала: «Русская литература». И всего через несколько дней мне попались в газете рассуждения Нины Хрущевой, правнучки Никиты Сергеевича, живущей в США. Она писала, что русская литература — не то, что Россия может представить миру. Вот если бы в России изобрели хороший рецепт сыра!

Поэтому любовь в современной России к суши или к восточным единоборствам не означает того «взаимопроникновения» и «взаимообогащения», о котором мечтал покойный академик. А обучение японскому языку, количественно, безусловно, возросшее (это особенно заметно не в Москве или Петербурге, а в менее крупных городах), тем не менее, всё больше отстаёт от овладения английским языком.

И всё-таки важно продолжать готовить специалистов, владеющих японским языком, используя, в том числе, достижения лингвистической науки.

Список литературы

1. Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения // Известия АН СССР, серия литературы и языка. Т. IV, вып.5., 1945.
2. Stanlaw J. "For Beautiful Human Life": the Use of English in Japan // Re-Made in Japan. Everyday Life and Consumer Taste in a Changing Society. New Haven – London, 1992.
3. Бенвенист Э. Категории мысли и категории языка // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
4. Смирнов Д. Руководство к изучению японского языка. СПб., 1890.
5. Алпатов В. М. Изучение японского языка в России и СССР. М.: Наука, 1988.
6. Фельдман Н. И. Об именительном самостоятельном в современном японском языке // Труды Военного института иностранных языков. Т. 1. М., 1945.
7. Конрад Н. И. Синтаксис японского национального литературного языка. М.: Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР, 1937.
8. Наврон-Войтинская Е. Л. Личная форма японского глагола. Кандидатская диссертация. М.: Институт востоковедения, 1946.
9. Алпатов В. М. Нестандартные видовые категории в современном японском языке // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 1998.
10. Топоров В. Н. Россия и Япония на встречах путях // Народы Азии и Африки, 1989, №5.

XXI век и новые тенденции в японском языке

Первые десятилетия XXI в. в Японии ознаменовались появлением и закреплением в японском языке ряда новаций в фонетической, лексической и грамматических системах. Некоторые из этих новых для японского языка явлений были зафиксированы ранее, в конце XX в., но развитие получили уже с наступлением текущего столетия. Другие, несомненно, зафиксированы уже в XXI в. и характеризуют сегодняшнее состояние японской языковой системы. Эпоха Хэйсэй, начавшаяся в 1989 г. и продолжавшаяся до апреля 2019 г., богата различными языковыми изменениями. Можно предположить, что именно этим объясняется, что ещё в 2012 г. один из номеров известного в японских лингвистических кругах журнала «Нихонгогаку» («Японское языкознание») был полностью посвящён изменениям в японском языке эпохи Хэйсэй¹. При этом обращает на себя внимание то, что в статьях, которые представлены в указанном номере журнала, не затрагиваются вопросы, связанные с функционированием в современной Японии т. наз. «новых диалектов» *синхо:гэн, рануки котоба* (глагольные формы страдательного залога, при образовании которых эллиптируется слог *ра* в суффиксе *ра:рэру*), стяжённых форм глаголов и ряда других особенностей современного общего языка *кё:цу:го*, о которых японскими и отечественными лингвистами написано немало работ. Можно предположить, что эти тенденции, хотя и продолжают своё существование, уже не воспринимаются как нечто новое, а, следовательно, не являются новациями и не могут описываться в качестве таковых для периода

¹ 日本語学、2012、9、vol. 31-11、明治書院、東京。

Хэйсэй. Прежде всего в статьях указанного журнала обращается особое внимание на изменения, связанные с высокой частотностью использования определённых форм вежливости кэйго. Так, всё большее распространение в различных ситуациях общения получает конструкция с *-тэ итадаку*, употребляющаяся гораздо чаще, чем её грамматические синонимы. Эту конструкцию нередко можно услышать как в официальной обстановке, например, в речи депутатов парламента, так и в ситуациях неформального общения, где изменения в частотности использовании этой конструкции особенно заметны. Казалось бы, сам по себе факт частотной употребительности данной вежливой конструкции опровергает отмечающиеся в отдельных работах утверждения о том, что в целом речь современных японцев становится менее вежливой. Но в действительности всё оказывается гораздо сложнее. Так, в настоящее время фиксируется резкое сокращение частотности употребления этой конструкции в случае обращения за помощью к врачу и, напротив, повышение частотности использования этой же конструкции при сдаче покупок и других предметов на временное хранение в магазинах. Известный японский лингвист Иноуэ Фумио объясняет это явление следующим образом². На протяжении долгого периода развития японского языка конструкция с *-тэ итадаку* использовалась в качестве формы повышенной вежливости, в случае, например, обращения за помощью к врачу. На протяжении многих веков врач в японском обществе пользовался глубоким уважением как человек с высоким уровнем образования, высоким уровнем доходов и, что самое важное, человек,

² Там же. С. 12.

выполняющий святую миссию спасения человеческой жизни, т.е. как лицо с высоким социальным статусом, к которому обращались с просьбой оказать помощь. В наши дни в Японии врач уже не навещает пациентов на дому, все, кому необходима медицинская помощь, сами отправляются в больницы и клиники. С другой стороны, в прежние времена в отличие от современной эпохи связи между владельцами лавок и покупателями были весьма близкими и прочными, почти приятельскими. Доставка товара на дом из лавки была заурядным событием. В сегодняшней Японии товар, приобретённый покупателем, даже если он весьма объёмный и тяжёлый, как правило загружается в собственный автомобиль покупателя или такси и увозится им же. Ситуация, когда купленный товар просят оставить на некоторое время в магазине, ныне весьма редка, и покупатель в данном случае просит оказать ему любезность. Иными словами, изменения в условиях жизни повлекли за собой изменения в употреблении языковых форм, в данном случае конструкции с *-тэ итадаку*. В то же время действующая одновременно тенденция к сокращению количества используемых вежливых конструкций и их упрощению привела к укорачиванию предложений, поскольку, как известно, именно эти конструкции располагаются в конце японского предложения.

Другой характерной для первых десятилетий текущего столетия особенностью японского языка стало повсеместное распространение акцентуации по типу *平板化 хэйбанка*, т. наз. *хэйбанкасики акусэнто*. Как известно, при произношении различных слов в японском языке действуют определённые закономерности повышения или понижения высоты тона в слогах тех или иных единиц, которые были исследованы и описаны ещё в начале прошлого века

выдающимся отечественным лингвистом Е. Д.Поливановым. Для японского языка в целом характерна акцентуация типа 起伏式アクセント *кифукусики акусэнто*, букв. «акцентуация по типу подъёма и спуска», когда, например, начальные слоги в двусложных, трёхсложных и пр. словах произносятся высоким тоном, а последний (последние) или последующий (последующие) – низким или средним тоном, либо, напротив, первые слоги произносятся низким тоном, а последующие — высоким или средним. Существуют различные варианты повышения и понижения тона в слогах, но во всех случаях нормативная акцентуация с повышением и понижением тона должна соблюдаться. В отличие от этой модели произношения в различных вариантах, существовавшей на протяжении веков и позволявшей различать омонимы, *хэйбанка* подразумевает произношение всего слова, всех его слогов одним тоном, без понижения тона там, где это диктует правило. Акцентуация типа *хэйбанка* ранее явно уступала по распространённости типу *кифукусики акусэнто*. Однако в современной Японии всё большее распространение получает именно тип акцентуации *хэйбанка*, когда все слоги слова произносятся одним тоном, как правило высоким. Высказываются предположения о том, что определённое влияние на распространение подобного типа акцентуации оказал процесс активного заимствования лексики из американского варианта английского языка и последующего появления слов японского языка, состоящих из двух частей, иноязычной по происхождению, и японской, а, правильнее сказать, канго или китайской корневой морфемы. В словах コスト削減 *косуто сакугэн* «снижение цены», 省エネ *сё:энэ* «экономия энергии; энергосберегающий» и других лексических единицах, построенных по аналогичной

модели, запоминание правил повышения и понижения тона в тех или иных слогах новых слов требует определённых усилий, которые несколько обременительны для молодого поколения носителей языка. Поскольку наибольшее количество подобных единиц и заимствований фиксируется в речи молодых специалистов в области IT-технологий, модельного бизнеса, новых медийных технологий, именно в этих областях наиболее распространена акцентуация типа хэйбанка. В результате всё большего распространения хэйбанка в среде молодых специалистов указанных областей, говоря об этом относительно новом явлении, всё чаще стали употреблять термин 専門家アクセント сэммонка акусэнто «акцентуация специалистов».

В современной Японии заметно изменение статуса традиционных территориальных диалектов. «Диалектный комплекс», как его определял Сибата Такэси, когда говорить на диалекте на протяжении десятилетий послевоенного периода считалось постыдным и недостойным для современного носителя языка, исчез и уступил место восприятию диалекта как языка, владением которого, напротив, следует гордиться и демонстрировать это умение окружающим³. Разумеется, в различных регионах Японии неодинакова приверженность диалектам в повседневной коммуникации. Однако в районе Тохоку и на о-ве Кюсю до сих пор даже молодое поколение жителей страны предпочитает говорить на диалекте, хотя в целом по территории всей страны употребление диалектальных форм наиболее характерно для поколений

³ Быкова С. А. О статусе территориальных диалектов в современном японском языке// Японский язык в ВУЗе. Выпуск 8. Материалы научно-методической конференции «Японский язык в вузе» (октябрь 2012 г.). М.: Ключ-С, 2013. С. 29-38.

в возрасте от 40 лет до 60 и выше. При этом носители языка соблюдают определённые правила употребления диалектов и кё:цу:20: последний употребляется в официальной обстановке, диалект — в неформальной обстановке. Говоря о функционировании диалектов в современном японском обществе, следует отметить распространение нео-диалектов и «виртуальных» диалектов. Эта тенденция особенно усилилась в последние годы. При этом следует различать нео-диалекты (ネオ方言 нэо-хо:гэн) и т. наз. «новые» диалекты синхо:гэн, появившиеся в XX в. и продолжающие развиваться в современной Японии. «Новые» диалекты являются территориальными разновидностями японского языка, возникающими в речи молодого поколения носителей языка в том или ином регионе и затем распространяющимися по всей стране среди представителей других возрастных категорий. Поскольку, с одной стороны, они возникают на определённых территориях, их следует рассматривать как территориальные диалекты, но, с другой стороны, они зарождаются в определённом социальном коллективе и, следовательно, обладают признаками социальных диалектов. Нео-диалекты — некие диалекты «смешанного типа», когда носители языка, говорящие в целом на стандартном языке, одновременно используют диалектальные формы. Впервые термин нэо-хо:гэн был употреблён Санада Синдзи⁴, и эта разновидность диалектов, зародившаяся в конце XX в., продолжает функционировать в современной Японии. Чаще всего подобный «смешанный» диалект характерен для речи жителей Канся, особенно молодых девушек. Токийское короткое предложение Со: дзя най но «Не так» в речи молодых жительниц Осаки обретёт несколько другую

⁴ 日本語と社会、佐治圭三、真田信治監修、東京、とうほう、1997. С. 35.

форму: Со: я най но, где вместо токийской формы связки дзя употреблена кансайская форма я. Аналогичным образом утверждение Со: дэс «да» в Осаке будет звучать как Со: дэс нэн. Эквивалентом связки дэс стандартного языка в Осака-бэн, диалекте Осаки, является связка дасу, от которой молодое поколение отказывается в пользу нормативной формы дэс, но добавляет диалектальную частицу нэн, эквивалент частицы нэ общего языка.

Другой относительно новой тенденцией в функционировании диалектов является широкое распространение так называемых «виртуальных» диалектов под влиянием дальнейшего развития японской массовой культуры и новых для японского общества способов общения с помощью социальных сетей, ведения блогов и переписки с помощью мессенджеров. «Виртуальные» диалекты не являются территориальными диалектами в традиционном понимании. Это не функционирующие в действительности территориальные разновидности японского языка, а псевдодиалекты, на которых говорят персонажи キャラクター пользующихся популярностью во всём мире японских аниме, манги, косплей. Язык этих персонажей, прежде всего косплей, в совокупности с их костюмом должен соответствовать представлениям о жителях тех или иных районов Японии⁵. Главной задачей в данном случае является стремление создать 方言らしさ хо:гэн расиса , т. е. ощущение «подобия диалекту». Заметим в связи с этим, что использование «виртуальных» диалектов служит ещё одним доказательством изменения статуса диалектов в современном японском обществе и признания их ценности даже в условиях повсеместного распространения стандартного языка. Основными видами «виртуальных» диалектов являются ジモ方言 дзимо хо:гэн

⁵放言学入門、木部暢子、竹田暢子、田中ゆかり、日高水穂、三井はるみ、東京、三省堂、2014. С. 116–118.

и 二七方言 *нисэ хо:гэн*. *Дзимо хо:гэн* — диалектальные формы, которые используют персонажи косплей, представляющие те или иные регионы страны и в соответствии с сюжетом владеющие каким-либо диалектом, а также молодые люди, приехавшие в Токио из других регионов, в переписке с членами своей семьи и друзьями, оставшимися на родине. В отличие от них молодые люди, родившиеся и выросшие в Токио, не говорят на диалектах, используют *кё:цу:го* и не ощущают, что их речь в действительности диалектальна, поскольку считают, что токийский язык абсолютно нормативен. Заметим, в связи с этим, что в современном Токио отмечаются значительные нарушения норм стандартного языка, и *то:кё:го*, язык токийцев, вовсе не идеален. У некоренных же токийцев, даже повседневно говорящих на общем языке, сохраняется привязанность к родному диалекту и желание выразить это чувство в общении с близкими. Первая часть термина *дзимо хо:гэн* восходит к слову 地元 *дзимото* «место, район» и является сокращением слова *дзимоти* «местный», распространённом в 90-е годы прошлого столетия. *Нисэ хо:гэн* в случае использования в косплей предполагает эпизодическое употребление диалектальных форм персонажами, чтобы создать всего лишь иллюзию знания диалекта. Молодые люди, являющиеся коренными токийцами, аналогичным образом эпизодически используют известные им отдельные диалектальные формы в переписке с друзьями с использованием современных способов связи. Не обладая знаниями того или иного диалекта, молодые токийцы употребляют диалектальные единицы как неформальное средство выражения дружеского отношения, т. е. как своеобразный код. Интересна этимология термина *нисэ хо:гэн*. Казалось бы, учитывая, что этот диалект виртуален, часть *нисэ* может трактоваться как «поддельный, псевдо», поскольку в

японском языке существует морфема именно с этим значением. Но этимология этого компонента иная: слово *нисэ* является единицей диалекта Сацугу, одного из диалектов о-ва Кюсю, и означает «молодой мужчина». Со временем слово в этом значении было заимствовано молодёжным языком, а впоследствии стало употребляться в составе указанного термина. Данные японских диалектологов, проводивших исследование по различным регионам Японии в отношении использования *нисэ хо:гэн* в частной переписке, свидетельствуют, что наибольшей частотностью употребления характеризуются диалекты Кансай, северного Канто, Кюсю и р-на Тюгоку.

Продолжаются и становятся всё более активными различные тенденции в области словообразования. Ежегодно всё в большем количестве фиксируются неологизмы и модные слова *рю:ко:го*, многие из которых обязаны закреплением в языке молодёжному языку. При этом молодёжный язык оказывается той подсистемой японского языка, которая не только наиболее подвижна и склонна к новациям, но в то же время оказывает наибольшее влияние на дальнейшее развитие японского языка. Большое количество неологизмов, вовсе не обязательно сохраняющихся в японском языке на долгие годы, вначале фиксируется в речи молодёжи, прежде всего студентов различных университетов. В начале второго десятилетия нашего века среди молодого поколения японцев было проведено анкетирование, в ходе которого молодым людям было предложено оценить достоинства и недостатки молодёжного языка на основе анализа переписки с помощью смартфонов и других современных средств связи⁶. Следует отметить, что молодёжь достаточно объективно оценила особен-

⁶日本語学、2012、9、с. 33-34.

ности своего языка. Так, в качестве недостатков были отмечены излишняя аббревиация, неверное употребление или полный отказ от использования вежливых слов и конструкций, употребление не всегда понятных эмодзи с изображением животных, использование вульгарных слов и выражений, стремление выражать свои мысли кратко, что порой создаёт трудности в понимании сказанного или написанного, выражение негативного отношения к собеседнику, непонимание того, что на письме и в устной коммуникации должны использоваться различные языковые средства, чрезмерная частотность употребления форм диалектов Кансай и Окинава в целях придания оригинальности своему сообщению, выраженное желание высказаться самому, не учитывая мнение собеседника, слишком высокая частотность употребления модных слов и заимствований *гайрайго*. В то же время молодые люди признают и положительное влияние подобной переписки на совершенствование собственных знаний родного языка. В частности активное общение подобным способом способствует, по их мнению, расширению собственного словаря, овладению умением выражать мысли лаконично, но при этом так, чтобы не обидеть собеседника и в то же время донести до него своё мнение, приобретению полезной привычки писать и говорить, предварительно всё обдумав.

Разумеется, лексические новации не ограничиваются молодёжным языком. Как и ранее, новые лексические единицы фиксируются в языке других поколений и СМИ как правило, хотя и не обязательно, в результате появления новых реалий в жизни японского общества и необходимости их наименования. Так, на музыкальных вечерах и концертах классической музыки вместо прежде использовавшегося наименования программы исполняющихся произведений 演奏曲名 энсо:кёкумэй ныне

используется слово *сэтто рисумо* (*set list*), являющееся заимствованием из английского языка. Довольно неожиданно начинают вновь употребляться лексические единицы, давно ставшие архаизмами. В 2019 г. обрёл новую жизнь в японском языке лексический архаизм 割卵 *кацуран* «разбивать куриное яйцо». Слово употребляется на крупных предприятиях пищевой промышленности, производящих майонез, где стали применять специальные машины 高速割卵機 *ко:соку кацуранки*, способные с большой скоростью выполнять операцию по разбиванию яиц. Примечательно, что ряд неологизмов появился в последние годы как результат изменений в законодательной политике государства, с которыми знакомят японские СМИ. Так, распространённое в японской прессе канго 外 国 人 材 *гайкокудзиндзай* «иностранные рабочие» зачастую воспринимается как давно существующее в японском языке, видимо, благодаря прозрачности своей семантической структуры. Но в действительности оно зафиксировано в японском языке лишь в 2019 г.⁷ благодаря принятию нового иммиграционного закона, в тексте которого впервые была употреблена эта новая лексическая единица. Отмечаются также новации в японском языке, которые связаны с изменением правил ведения документации, принятых кабинетом министров Японии. Так, в 2019 г. правительством страны был утверждено положение, в соответствии с которым фамилии и имена граждан страны в случае записи латиницей должны записываться в порядке, принятом при записи иероглифической, то есть на первом месте фамилия, на втором — имя. Основываясь на этом документе, введена аналогичная норма и для записи фамилий и имён иностранцев, являющихся гражданами Японии.

⁷ 現代用語の基礎知識、東京、自由国民社、2020. С. 136.

Можно было бы привести ещё немало примеров изменений в языке первых десятилетий XXI века, затрагивающих различные подсистемы японского языка. Очевидно, что японский язык находится в непрерывном процессе развития, получившем в текущем столетии особое ускорение в результате изменения социальных отношений, прогресса в области информационных технологий и ряда других отраслей.

Список литературы

1. Быкова С. А. О статусе территориальных диалектов в современном японском языке // Японский язык в ВУЗе. Выпуск 8. Материалы научно-методической конференции «Японский язык в вузе» (октябрь 2012 г.). М.: Ключ-С, 2013. С. 29–38.
2. Гэндай ё:го но киси тисики (現代用語の基礎知識 Основные сведения о современной лексике). Токио: Дзю: кокуминся, 2020. С. 136.
3. Нихонгогаку (日本語学、Японское языкознание), 2012、9、vol. 31-11.
4. Нихонго то сякай (日本語と社会、佐治圭三、真田信治監修, Японский язык и общество, составители Сайдзи Кэйдзо: и Санада Синдзи). Токио: То:хо:, 1997. С. 35.
5. Хо:гэнгаку ню:мон (放言学入門、木部暢子、竹田暢子、田中ゆかり、日高水穂、三井はるみ、Введение в диалектологию, Кибэ Нобуко, Такэда Ко:ко, Танака Юкари, Хидака Мидзухо, Мицуи Харуми). Токио: Сансэйдо:, 2014. С. 116–118.

Контрастивные исследования на материале японского и русского языков (к постановке проблемы)

Контрастивные исследования двух языков (родного и неродного) позволяют выявить и описать особенности, несходства каких-либо явлений и фактов (прежде всего, на уровне грамматики и лексики), имеющиеся в этих языках. С одной стороны, контрастивные исследования вносят вклад в углубление теоретических знаний, касающихся каждого из исследуемых языков, а с другой — способствуют развитию лингводидактики, поскольку позволяют обучающимся избегать интерференции при усвоении и практическом использовании неродного языка [2]. Практическое предназначение контрастивных исследований заключается также и в том, что на их базе можно создавать грамматики, акцентирующие внимание обучающихся на различиях родного и неродного языков, и словари с более точным описанием значений лексических единиц каждого из сопоставляемых языков. Постараемся доказать сказанное на примере контрастивного анализа некоторых грамматических и лексических фактов русского и японского языков.

Контрастивный анализ эллипсиса в русском и японском языках. Эллипсисом в широком смысле называют сокращение любого языкового элемента, который может быть восстановлен из языкового или внеязыкового контекста. Эллипсис считают одной из главных особенностей японского языка (наряду с порядком слов и категорией вежливости), присущей ему с древнейших времён. [4, 5] Особенности японского эллипсиса ярко проявляются при сравнении его с аналогичным явлением в русском языке. Это касается не только неоднократно отмеченных в исследованиях случаев частого элидирования местоимения первого лица в позиции подлежащего [5, с. 40–41], глаголов речи и мыслительной деятельности [3,

с. 68, 70, 72]. Интересны и весьма своеобразны не имеющие аналогов в русском языке конструкции в предложениях тождества с эллипсисом подлежащего, которому в предшествующем предложении соответствует исходный (неэлидированный член) в одной из следующих функций:

1. Присвязочный член в именном составном сказуемом: *ゆっくりその方を見ると女であった。バッグをさぐり、鍵を出している。Когда (я) внимательно посмотрел в ту сторону, то увидел женщину (досл. являлась женщиной). (Женщина) пошарила в сумке и вынула ключ. [Я, с. 11].*

2. Подлежащее:
脱衣場のところで一人の男がうしろ向きになってシャツをぬいでいた。勝呂医師だった。В раздевалке, повернувшись спиной, мужчина снимал рубашку. (Мужчина) был врач Сугуро. [У, с. 15].

3. Дополнение:
十二歳の私は父の郷里の愛知県の村へ行き、一人暮しの祖父と暮すことになった。農家だったが... В 12 лет я поехал в деревню префектуры Айти – родину отца – и стал жить с одиноким дедушкой. (Дедушка) был крестьянином... [Я, с. 35–36].

4. Придаточное подлежащего предыдущего предложения:

肋膜と胸郭との間に針がすべりこむのがハッキリ感ぜられた。みごとな入れ方だった。Явственно ощущалось, что между плеврой и грудной клеткой скользит игла. (То, как между плеврой и грудной клеткой скользит игла), было прекрасным уколом. [У, с. 18].

5. Придаточное дополнительное предыдущего предложения:

俺と離れることに、こいつは本当はなんの未練もない。こいつにとってはゲームなのだ。По правде говоря, о том, что расстаётся со мной, он совершенно не жалеет.

(Расставание со мной) для него игра. [Я, с. 20].

В связи с тем, что в русском языке конструкции с эллипсисом подлежащего, которому соответствует исходный член в одной из перечисленных функций, не употребляются, элидируемое подлежащее в переводе на русский язык обязательно восстанавливается.

Эллипсис определяемого — частое явление в русском языке, но не характерное для японского языка. Сохранение эллипсиса, определяемого при переводе на японский язык таких конструкций, невозможно. Перечислим наиболее частотные способы перевода на японский язык элидируемого русского определяемого, используемые японскими переводчиками¹:

1. Сохранение в японском переводе элидируемого в русском предложении существительного, повторяющего неэлидированное в исходной части имя.

И всё-таки во мне до сих пор два Полоцка – тот, выдуманный, и действительный. И этот действительный я тоже вижу теперь уже поэтически... [Б, с.762]

今でも僕の心には二つのポローツクが存在するんだ、一つは空想のポローツク、もう一つは現実のポローツクなんだ。この現実のポローツクも、今の僕にはすでに詩的な感じがする。[Б₁, с.241]

2. Замена русского элидируемого имени японским существительным *もの* ‘вещь’, ‘предмет’, ‘нечто’, ‘некто’.

Наконец явился Павел и с ним два молодых человека, она знала их, оба – фабричные. [ГМ, с.91]

最後にパーヴェルが二人の青年をつれて帰ってきた。二

¹ Здесь и далее способы перевода на японский язык различных конструкций анализируются нами на материале переводов на японский язык романов Горького «Мать», Толстого «Анна Каренина», Бунина «Жизнь Арсеньева», выполненных японскими переводчиками и изданных в Японии.

人とも工場のもので、母は知っていた。[ГМ₁, с.38]

3. Использование в японском предложении бинома, сочетающего в себе значения русского определения и определяемого:

Я, знаете, о матери часто думаю, и все мне кажется, что она жива.

- Вы говорили – умерла?

- То – приёмная умерла. А я – о родной [ГМ, с.91]

僕はねえ、お袋のことをたびたび思うんだよ。そしていつもお袋はまだ生きている、とそんな気がしてならないんだよ。

—お母さんは亡くなったって、あんた言っていたんじゃない？

—あれは養母のほうだ。今僕が言っているのは生母のことなんだ。[ГМ₁, с.36-37] (養母 ‘приёмная мать’, 生母 ‘родная мать’)

Данный способ перевода представляется очень важным, поскольку в нём отражается специфика некоторых японских лексических единиц, без знания которых невозможен адекватный перевод.

Отличие русского и японского эллипсиса проявляется также и в том, что эллипсис глагольного сказуемого – явление, значительно более распространённое в русском языке по сравнению с японским и характерное, прежде всего, для русских симметричных предложений. Необходимо заметить, что для русских элидированных глаголов в отличие от японских, видимо, не существует семантических ограничений. Перечислим наиболее частотные способы их перевода:

1. Повторение одного и того же японского глагола-сказуемого в симметричных предложениях:

Наступил вечер. И – ночь. [ГМ, с.123]

日暮れ時が来た。そして夜が来た。[ГМ₁, с.122]

2. Употребление в обеих частях японских симметричных конструкций разных, но в полной мере отражающих ситуацию глаголов, соответствующих русскому глаголу-сказуемому:

Эти речи у одних возбуждали слепое раздражение, у других смутную тревогу... [ГМ, с. 79]

そういう話は、ある者には盲目的ないら立ちの気持をおこさせ、またある者にはぼんやりした不安をおぼえさせ [ГМ₁, с. 7] (おこさせる «возбудить», おぼえさせる «заставить почувствовать»)

3. Если японский глагол, соответствующий элидированному русскому, относится к подклассу глаголов становления, перехода из одного состояния в другое и т.п., то в срединной позиции он может опускаться, например:

... Осень сменяла лето, зима осень, весна зиму... [Б, с. 536]

... 夏は秋に変わり、秋は冬に、冬は春に変わっていった [Б₁, с. 22]

Ещё одним существенным отличием японского эллипсиса от русского является возможность употребления в японском языке как непересекающихся цепочек, т.е. последовательностей предложений с одним элидируемым членом, так и пересекающихся, т.е. последовательностей предложений с двумя и более элидируемыми членами.

Пример непересекающихся цепочек:

日本人はろんりのなせつめいは下手ですが、しょうちょう的な表現は上手です。不ひつような部分をしょうりやくして、エッセンスだけを表現します。だからわずか 17 シラブルの中に全うちゅうが表現できます。 [Гэй, с.167]

Японцы не склонны к логическим объяснениям, но обладают хорошими способностями к символическим выражениям. (Японцы), опуская всё лишнее, выражают только суть. Поэтому всего лишь в 17 слогах (японцы)

способны выразить всю вселенную.

Пример пересекающихся цепочек:

そこで私は、六蔵の教育を骨を折ってみる約束をして気の毒な婦人を帰し、その夜はおそくまで、いろいろと工夫を凝らしました。さてその翌日からは、散歩ごとに六蔵を伴うことにして、機に応じていくらかづつ知能の働きを加えることにいたしました。第一に感じたのは、六蔵に数の観念が欠けていることです。一から十までの数がどうしても読めません。幾度も繰り返して教えれば、二、三と十まで口で読み上げるだけのことはしますが・・・[X, c.232]

Тогда я, пообещав попытаться сделать всё возможное для обучения Рокудзо, отпустил домой эту несчастную женщину и до поздней ночи придумывал план действий. Итак, со следующего дня (я) решил брать с собой на прогулки Рокудзо и при случае понемногу развивать умственные способности (Рокудзо). Прежде всего (я) понял, что у Рокудзо недостаточно развито понятие о числах. (Рокудзо) совершенно не может сосчитать от 1 до 10. Сколько бы (я) ни объяснял, (Рокудзо) только механически произносит 2, 3 и до 10...

Для русского языка характерны непересекающиеся цепочки:

... она зажгла лампу и села к столу вязать чулок. Но скоро встала, нерешительно проиhsась по комнате, вышла в кухню, заперла дверь на крюк и, усиленно двигая бровями, воротилась в комнату. Опустила занавески на окнах и, взяв книгу с полки, снова села к столу, оглянувшись, наклонилась над книгой, губы её зашевелились. [ГМ, с.140]

Контрастивный анализ русских и японских сочинительных союзов. Объектом нашего дальнейшего контрастивного анализа являются русский союз *и* (не при именах) и его японские переводные эквиваленты – союзы

が、し、そして. Основные отличия союзов *и* и *が、し、そして* рассматривались нами в статье «Сопоставительное исследование сочинительных союзов в русском и японском языках» и заключаются в следующем:

1. Отличие в месте локализации. Союз *и* в этом отношении не имеет ограничений. Он может располагаться внутри, в начале предложения, а также в начале абзаца. Союзы *が* (в значении *и*) и *し* могут занимать позиции только внутри предложения (союз *が* в значении *а*, но имеет иную локализацию, которая здесь не рассматривается). Союз *そして* может располагаться в середине, начале предложения и в начале абзаца, но типичными для *そして* являются позиции в начале предложения и в начале абзаца. [1, с. 4]
2. Отсутствие у японских союзов *が、し、そして* усилительного и выделительного значений, релевантных для союза *и*. [1, с. 8].
3. Распределение сем «причинно-следственная связь», «перечислительность», «противительность», «уступительность» по трём японским союзам и наличие данных смыслов (сем) в одном союзе *и*. [1, с. 9].
4. Отсутствие в значении союза *и* семы «смысловая направленность», релевантной для японских союзов *が、し、そして*. Мы выделяем два вида сем «смысловая направленность» — «левосторонняя» и «правосторонняя». «Левосторонняя смысловая направленность» входит в смысловую структуру значения союзов *が* и *し*, присоединяющих часть предложения, которая содержательно не продвигает сюжет, а является комментарием по отношению к досююзной части. В случае союза *し* послесоюзная часть имеет оттенок перечисления. [1, с. 5–6]. Сема «правосторонняя смысловая направленность» входит в значение союза *そして*, послесоюзное

окружение которого представляет собой развитие повествования, рассуждения, описания по прямой вправо [1, с. 6].

В связи с тем, что русский союз *и* покрывает большее семантическое пространство по сравнению с каждым из японских союзов *が*、*し*、*そして*、при переводе на японский язык русских предложений с союзом *и* необходим предварительный тщательный анализ этих предложений с точки зрения содержательных отношений между досоюзной и послесоюзной части. В случае «левосторонней смысловой направленности» послесоюзного окружения в качестве переводного эквивалента союза *и* необходимо выбирать союз *が*.

... он шёл медленно, крепко опираясь на палку, *и* было слышно его хриплое дыхание [ГМ, с.217].

彼はしっかりと杖にすがって、のろのろやっていたが、そのかすれた息づかいが聞こえるのだった。 [ГМ₂, с.65].

В случае «левосторонней смысловой направленности» с оттенком перечислительности выбирается союз *し*.
Я понимаю *и* ценю твоё отношение к нему... [АК, с.28].
兄さんのその態度はぼくにも分かります *し*、えらいと思います。 [АК₁, с.51].

В случае «правосторонней смысловой направленности» необходимо выбрать союз *そして*.
Она улыбалась, охмелённая музыкой, чувствуя себя способной сделать что-то нужное для брата и сестры.
И поискав глазами – что можно сделать? – тихонько пошла в кухню ставить самовар. [ГМ, с.206].
彼女は音楽に酔って、にこにこしながら、この姉兄たちのために何か必要なことをしてやることのできるぞという気持だった。

そして、何をやったらよいかと目で探して、そっと台所へサモワールをたてにいった。[GM₂, с.38].

Контрастивный анализ лексики в русском и японском языках. Контрастивное описание лексических единиц относится к недостаточно разработанным проблемам лингводидактики. Контрастивный анализ лексики позволяет наглядно продемонстрировать отличия, несходства лексических единиц родного и неродного языков с близкими значениями и способствует выявлению сем, которыми они отличаются. Объектом нашего рассмотрения являются следующие японские глаголы движения и их русские переводные эквиваленты: 泳ぐ ‘плыть’, 流れる ‘плыть’, 沈む ‘тонуть’, 溺れる ‘тонуть’, 帰る ‘возвращаться’, 戻る ‘возвращаться’, 引き返す ‘возвращаться’. Как видим, семи японским глаголам соответствуют три русских. Необходимо в каждом из японских глаголов выделить такие семы, т.е. мельчайшие компоненты смысла, которые отличают его от другого глагола (глаголов) той же подгруппы и от русского глагола, выступающего в качестве переводного эквивалента. Существуют разные методики, позволяющие извлечь из значения мельчайшие его компоненты, семы: анализ данных словарей и примеров из разных письменных и устных источников, анализ особенностей членов обязательного окружения, синонимичное перефразирование, эксперименты с информантами и т.д. Так, глаголы 泳ぐ и 流れる, 溺れる и 沈む отличаются таким признаком, как одушевленность / неодушевленность субъекта перемещения. Глаголы 泳ぐ и 溺れる используются в случае одушевлённого субъекта, а 流れる и 沈む – соответственно в случае неодушевлённого. Иными словами, при переводе предложения ‘Этот человек хорошо плавает’ следует употребить глагол 泳ぐ, а не 流れる, а при переводе предложения ‘Этот человек утонул’ — 溺れる, а не 沈む. В значениях глаголов 帰る, 戻る, 引き

返す также есть семы, определяющие индивидуальность каждого из них. Все три японских глагола, также как и глагол 'возвращаться', содержат сему «конечный пункт движения — место прежнего пребывания». Однако глагол 帰る включает дополнительную сему — «конечный пункт движения — место жительства». Особенность глагола 引き返す состоит в том, что его значение содержит сему «исходный пункт движения — место, пребывание в котором заранее не запланировано», например, 'вернуться с полпути', отсутствующую в других глаголах этой подгруппы. Особенность значения 戻る в том, что он выражает идею возвращения в широком смысле без детализации, поэтому при соответствующем контексте может заместить и глагол 帰る, и глагол 引き返す.

Подводя итоги сказанному выше, считаем необходимым подчеркнуть актуальность проведения контрастивных исследований на материале японского и русского языков, создания на их основе грамматик, учебных пособий, словарей. Это будет вкладом в типологию, в развитие теоретической грамматики обоих языков и лингводидактики, способствуя обучению грамотному использованию обоих языков на практике.

Список сокращённых наименований источников

- АК** Толстой Л. Н. Анна Каренина. М.; Л.: Гослитиздат, 1950. 838 с.
- АК₁** トルストイ (Толстой Л. Н.) アンナ・カレーニナ (上) / 中村融訳 (Пер. Накамура То:ру). 東京: 岩波書店, 1989. 440 p.
- Б** Бунин И. А. Жизнь Арсеньева // Бунин И. А. Избранное. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1973. С. 516–780.
- Б₁** ブーニン アルセーニエフの青春 / 高山旭訳 (Пер. Такаяма Акира). 東京: 河出書房新社, 1975. 267 с.

- ГМ Горький М. Мать // Горький М. Старуха Изергиль. На дне. Мать. В. И. Ленин. М.: Учпедгиз, 1956. С. 77–326.
- ГМ₁ ゴーリキー母 (上) / 横田瑞穂訳 (Пер. Ёкота Мидзухо). 東京: 岩波書店, 1989. 309 p.
- ГМ₂ ゴーリキー母 (下) / 横田瑞穂訳 (Пер. Ёкота Мидзухо). 東京: 岩波書店, 1989. 363 p.
- Гэй 日本のげいじゆつ // Basic Japanese. Vol. 1/ Osaka University of Foreign Studies. Osaka, 1967. P.167.
- У 遠藤周作 (Эндо Сю:саку). 海と毒薬. 東京: 新潮社, 1965. 176 с.
- Х 国木田独歩 (Куникида Доппо). 春の鳥 // 日本現代文學全集. 国木田独歩集. 18 / 講談社版. 東京: 講談社, 1962. P. 229–234.
- Я 山田太一 (Ямада Тайити). 異人たちの夏. – 東京: 新潮社, 1987. 220 p.

Список использованной литературы

1. Басс И. И. Сопоставительное исследование сочинительных союзов в русском и японском языках // Вестник Пятигорского государственного университета. 2019. №1. С. 123–128.
2. Гак В. Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 5–17.
3. 川合淳介 (Каваи Ацуюки). 日本語後略文について // 日本語学校論集. 1982. 9号. P. 53-74.
4. 久野すすむ (Куно Сусуму). 談話の文法. 東京: 大修館書店, 1981. 334 p.
5. 李建国 (Ли Цзяньго). 日本語の中における省略 // 中華人民共和国日本語研修センター紀要: 日本語教育研究論纂. 1985. 第4集. P. 39–44.

Зооморфная метафора в японском языке

В любом языке есть слой лексики, отображающий мир фауны. Для наименования животных в лингвистических работах используются термины зооним, зоосемия, а также просто названия животных¹. Далее мы будем использовать термин «зооним» в отношении лексем, имеющих в семантике компонент «название животного» и являющийся прямым, основным значением лексемы. Для обозначения переносных употреблений зоонимов мы будем использовать термины «зооморфизм» и «зооморфная метафора». Зооморфные метафоры используются для переносного наименования человека с целью описать его внешний вид, дать образную характеристику личности, характеристику поведения или характеристику социальных взаимоотношений и т. д. В лексико-семантическую группу зоонимов входят подгруппы названий животных, птиц, рыб и насекомых.

Изучением зооморфной метафоры на материале различных языков занимались Е. А. Гутман, Ф. А. Литвин, М.И.Черемисина (1977) [русский, английский, французский]², Ю. Л. Лясота (1984) [английский]³, Э.А.Кацитадзе (1985) [немецкий]⁴, А.А.Киприянова [новогреческий]⁵,

¹Киприянова А. А. Функциональные особенности зооморфизмов (на материале фразеологии и паремиологии русского, английского, французского и новогреческого языков): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1999. С. 17.

² Гутман Е. А., Литвин Ф. А., Черемисина М. И. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского, английского и французского языков) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука. 1977. С. 147–165.

³ Лясота Ю. Л. Роль метафорических слов и выражений в развитии словарного состава языка (на материале современного английского языка): Автореф. дисс. канд. филол. наук. Л., 1955. 17 с.

⁴ Кацитадзе Э. А. Метафоризация зоонимов в немецком языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1985. 20 с.

А.О.Кубасова (2008) [румынский]⁶, Т.М.Гуревич и Н.Н.Изотова (2018) [японский]⁷.

В значении слова присутствует коннотативная окраска с помощью, которой к основному значению добавляется ассоциативно-образное представление об обозначаемой реалии. В случае зооморфизмов — это совокупность признаков, на основе которых человек наделяет животное некоторыми качествами, связанными с его поведением или повадками.

При сопоставлении человека с животным существуют два субъекта — человек и животное, каждый из которых присутствует в сознании человека в виде многочисленных общепринятых ассоциаций, например, если мы в русской лингвокультуре называем человека лисой — это значит, что он хитрый, лукавый и лстивый.

Данная работа является продолжением нашего исследования⁸. В ней мы рассматриваем метафору типа X является тануки (енотовидной собакой) или Y является

⁵ Киприянова А. А. Функциональные особенности зооморфизмов (на материале фразеологии и паремиологии русского, английского, французского и новогреческого языков): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1999. 218 с.

⁶ Кубасова А.О. Образная характеристика человека в румынском языке через сравнение с человеком и зоометафоры: лексико-семантический анализ. Автореф. дис. канд. филол. наук. СПб., 2008. С. 24.

⁷ Гуревич Т.М., Изотова Н.Н. Специфика зоологического кода японской культуры. Culture and Civilization. 2018, Vol. 8, Is. 2A. P. 29–36. <http://publishing-vak.ru/file/archive-culture-2018-2/4-gurevich-izotova.pdf> дата обращения 18.12.2019.

⁸ Кутафьева Н. В., Гладких А. А. Зооморфизмы в японском языке // Материалы XII Международной конференции «Языки Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии, Западной Африки». М., 2016. С. 150–155.

кошкой и исключаем сравнения типа X сильный, как бык или Y хитрый, как лиса.

Цель исследования — выявить национально-культурную специфику зооморфизмов, используемых в японской лингвокультуре при описании своей (японской) и другой (русской) нации.

Исследование проводилось в 2 этапа.

1. Первый этап.

Поскольку восприятие животных и ассоциации, связанные с ними, в японской и русской лингвокультуре различаются, на основе анализа материалов научно-исследовательских работ японских и русских исследователей и статей в словарях и Интернет-ресурсах были выявлены характеристики зоонимов, помещенных в анкету на этапе 2.

Использовались следующие зоонимы *тануки*, лисица, черепаха, обезьяна, собака, кошка, лошадь, бык, заяц, медведь, слон, волк, белка, хомяк, мышь, пчела и муравей.

2. Второй этап.

Был проведен ассоциативный эксперимент, для которого мы составили анкету, в которой использовались вышеуказанные зоонимы, и содержалась просьба ответить на вопрос: «Как Вы представляете себе японцев и русских, выберите, пожалуйста, из списка одно или два названия животных и объясните, почему Вы выбрали это животное. Если в списке подходящее на Ваш взгляд животное отсутствует, пожалуйста, добавьте его».

Метафора стимулирует воображение слушателя, но нечетко идентифицирует общность восприятия у говорящего и слушающего, поэтому мы попросили респондентов объяснить причину использования той или

иной зоометафоры. В опросе участвовали студенты и преподаватели японских университетов (Сайтама и Дохо) всего 100 человек.

Результаты первого этапа исследования

На основании анализа Интернет-ресурсов и монографий были выявлены следующие характеристики и ассоциации, характерные для японской лингвокультуры.

Тануки 狸 — обжорство, пьянство, благополучие; хитрый человек, который скрывает свою хитрость, лжет, притворяется⁹; к тануки относятся с юмором (что исключено для лисиц)¹⁰; умеет манипулировать людьми¹¹.

Лисица 狐 — в Японии есть храмы, посвященные божеству плодородия Инари, символом которого является лисица; может принимать облик человека; имеет магическую силу; обманывает людей; человек, который обманывает¹²; мудрый человек, который обманывает¹³.

Черепаша 亀 — долголетие; мудрость, на панцире были написаны первые иероглифы¹⁴, приносит счастье.

Обезьяна 猿 — издавна обожествляется; ловкость; ум; подражает человеку; хитрый человек¹⁵.

Собака 犬 — защита, чуткость, преданность (на станции Сибуя в Токио установлен памятник собаке, в

⁹ https://www.toku-chi.com/pages/bbs/topic_detail.htm?id=21430&listCount=50&page=1 дата обращения 17.11. 2019.

¹⁰ <https://kotobank.jp/word/%E7%8B%B8%E3%83%BB%E8%B2%8D-321618> дата обращения 17.11. 2019.

¹¹ <https://hyogen.info/word/6597395> дата обращения 17.11. 2019

¹² Ibid дата обращения 17.11.2019.

¹³ https://www.toku-chi.com/pages/bbs/topic_detail.htm?id=21430&listCount=50&page=1 дата обращения 18.11. 2019.

¹⁴ Мещеряков А. Н. Книга японских символов. 2008. С. 138.

¹⁵ Словарь <https://www.weblio.jp/content> дата обращения 17.11.2019.

¹⁵ Ibid дата обращения 17.11.2019.

течение многих лет ждавшей своего хозяина)¹⁶, хорошенькая, дисциплинированная¹⁷.

Кошка 猫 — с одной стороны — 招き猫 манэки-нэко «зазывающая кошка», статуэтка кошки в витринах магазинов, лапой приглашающей покупателей. С другой стороны — общение с потусторонними силами, упрямая и свободолюбивая, воровство и лукавство, коварная, символ опасности и угрозы¹⁸. Кошачью шкуру, поскольку она легко тянется, использовали в качестве резонатора на сямисэн. Сямисэн — инструмент, который использует гейша для развлечения гостей, затем и саму гейшу стали называть «кошечка»¹⁹.

Лошадь 馬 — сила и быстрота; скачки; символика, нечто благоприятное²⁰; тупое и глупое животное²¹.

Корова 牛 — медлительность, терпеливость²².

Заяц 兎 — удача, дом, ловкость; заяц на Луне делает моти²³; преданность; проводник бога; плодовитость; быстрота²⁴.

Медведь 熊 — большой. Этот иероглиф в сочетании с другими обозначает нечто большое, например, 熊蜂

¹⁶ Мещеряков А.Н. Книга японских символов. 2008. С. 119.

¹⁷ Словарь <https://www.weblio.jp/content/%E7%8A%AC> дата обращения 07.12.2019

¹⁸ Иванова Е.Ю. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом. Лингвокультурологический аспект (на примере английского и японского языков).

[https://dekanat.unecon.ru/DOCS/stud_files/303207/C8%E2%EO%ED%EE%E2%EO_\(%F1%F2%EO%F2%FC%FF\).doc](https://dekanat.unecon.ru/DOCS/stud_files/303207/C8%E2%EO%ED%EE%E2%EO_(%F1%F2%EO%F2%FC%FF).doc) дата обращения 16. 11. 2019.

¹⁹ Словарь <https://www.weblio.jp/content> дата обращения 17.11.2019

²⁰ Мещеряков А. Н. Книга японских символов. 2008. С. 114.

²¹ Гуревич Т.М., Изотова Н.Н. <http://publishing-vak.ru/file/archive-culture-2018-2/4-gurevich-izotova.pdf> дата обращения 20.11.2019.

²² <https://hyogen.info/word/6597395> дата обращения 17.11. 2019.

²³ Ibid дата обращения 18.11.2019.

²⁴ <https://ja.wikipedia.org/wiki/%E3%82%A6%E3%82%B5%E3%82%AE> дата обращения 17.11. 2019.

«пчела-древогрыз, крупная пчела», 熊莓 «крупная земляника», 熊蟻 «крупный муравей»²⁵.

Волк 狼 — с одной стороны — опасность, с другой — ипостась бога, защитник леса и гор²⁶; зверь, обладающий сверхъестественными способностями; на вид добрый, но если проявить к нему любовь, сразу же атакует, мужчины — волки²⁷, жестокий, жадный человек²⁸.

Белка リス — маленькая, проворная, быстро бегаёт²⁹.

Хомяк ハムスター — маленький и хорошенький. Герой, похожий на хомяка с пухлыми щеками, используется в манга, анимэ и компьютерных играх³⁰.

Мышь 鼠 — символ богатства³¹; человек, тайно причиняющий вред³²; маленькая, изящная.

Пчела 蜂 — жалить; пчелиный рой, опасная; мед³³.

Муравей 蟻 — роящиеся муравьи; маленький; трудолюбивый³⁴.

Результаты второго этапа исследования

Анализ результатов анкетирования дал следующие результаты, которые далее приводятся в соответствии с

²⁵ <https://hyogen.info/word/3966923> дата обращения 05.12.2019 дата обращения 16.11.2019.

²⁶ Садокова А. Р. Образ волка в японской народной храмовой мифологии. Современная филология: Материалы VI Междунар. науч. конф. Казань: Молодой ученый, 2018. С.1–4.

²⁷ Ibid дата обращения 17.11.2019.

²⁸ <http://xn--i6q76ommckzzzf6z63ccihj7o.com/honbun/zoukan-4f35.html> Дата обращения 19.12.2019.

²⁹ <https://hyogen.info/word/8973036> дата обращения 07.12.2019.

³⁰ <https://dic.pixiv.net/a/%E3%83%8F%E3%83%A0%E3%82%B9%E3%82%BF%E3%83%BC> дата обращения 07.12.2019.

³¹ Ibid с. 116 дата обращения 20.12.2019.

³² <https://hyogen.info/word/2555869> дата обращения 17.11. 2019.

³³ <https://hyogen.info/word/6726796> дата обращения 17.12.2019.

³⁴ <https://hyogen.info/word/1804684> дата обращения 18.12.2019.

двумя разделами анкеты, японцы и русские. В скобках приведено количество ответов.

1. Японцы глазами японцев

Тануки 狸 (23) — часто встречается в сказках и анимэ (10), много безделушек в виде тануки (7), спокойные (2), глупые (2), маленькие (1), злые и коварные (1). Большая часть примеров связана с ощущением чего-то японского.

Лисица 狐 (15) — хитрые (6), обманывают (2), лгут (2), используют хоннэ и татэмаэ (2), любят посудачить (1), встречается в мифах (1), есть в синтоистских храмах (1). Большая часть примеров относится к характеру и поведению человека.

Черепашка 亀 (14) — медлительные (9), тихие и спокойные (2), мудрые (2), появляется в легендах (1). Большая часть примеров также относится к характеру и поведению человека.

Обезьяна 猿 (44) — лицом похожи на обезьян (30), подражают старшим (5), изображаются на карикатурах в других странах (5), японские макаки, как люди любят онсэн (4). Большая часть примеров относится к внешности и поведению человека.

Собака 犬 (46) — преданные семье, фирме, обществу (30), следуют за кем-то (6); следуют чьему-то приказу (5), соблюдают отношения старший-младший (3); соблюдают правила этикета (1), воспитанные (1). Большая часть примеров относится к характеру и социальному поведению человека.

Кошка 猫 (10) — тихие (6), спокойные (4). Все примеры относятся к поведению.

Лошадь 馬 (18) — много работают (10), живут коллективом (4), не высказывают своего мнения (3), следуют за кем-то (1). Все примеры относятся к социальному поведению.

Корова 牛 (14) — делают все медленно (14). Все примеры относятся к поведению.

Заяц 兎 (15) — живут группой (10), индивидуально работать не могут (3), выглядят испуганными (2). Большая часть примеров относится к поведению.

Медведь 熊 (0) — отсутствует.

Волк 狼 (0) — отсутствует.

Белка リス (8) — маленькие (8). Все примеры относятся к размеру.

Хомяк ハムスター (9) — хорошенькие (9). Все примеры относятся к внешнему виду.

Мышь 鼠 (17) — невысокий рост (10), семят как мышки (2), суетятся (2), боятся окружающих (2), появляются в легенде (1). Большая часть примеров относятся к внешнему виду и поведению.

Пчела 蜂 (10) — много работают (6), активны по сравнению с другими людьми (4). Все примеры связаны с поведением.

Муравей 蟻 (65) — много работают (31), маленькие (25), живут группой (9), не высказывают своего мнения (3). Большая часть примеров связана с поведением и внешним видом.

Слон 象 (0) — отсутствует.

Были добавлены зоонимы: лягушка 蛙 (1) — отсутствие любознательности, павлин 孔雀 (1) — выпячивают себя перед другими, коала コアラ (1) — не борются, но выживают другими способами.

Большая часть ассоциаций связана с зоонимами муравей, собака, обезьяна, при этом полностью отсутствуют ассоциации, связанные с зоонимами медведь и волк.

2. Русские глазами японцев

Тануки 狸 (2) — злые и коварные (2).

Лисица 狐 (23) — живут в холодном месте (12), устойчивы к холоду (5), белые (6). Уточняется цвет животного, ассоциативно связанный с цветом кожи человека. Большая часть примеров связана с местом обитания, качеством и цветом.

Черепаша 亀 (8) — неторопливые (5), ищут свою выгоду (3).
Все примеры связаны с поведением.

Обезьяна 猿 (0) — отсутствует.

Собака 犬 (4) — красивые хаски (4). Род уточняется через вид, указывается порода. Все примеры связаны с внешностью.

Кошка 猫 (16) — не обращают внимания на окружающих (8), совершенно отличаются от японцев (5), красивые (2), большие глаза (1). Большая часть примеров связана с поведением и внешностью.

Лошадь 馬 (14) — высокие (7), выглядят солидно (3), белая лошадь (3). Уточняется масть лошади. Все примеры связаны с внешним видом.

Корова 牛 (7) — медлительные (5), пьют алкоголь и шатаются (2). Все примеры связаны с поведением.

Заяц 兎 (18) — много белых людей (10), холод (5), большие глаза (2), красивый (1). Большая часть примеров связана с внешним видом.

Медведь 熊 (59) — большие (14), сильные (12), живут в холоде (10), устойчивы к холоду (8), надевают много одежды и становятся похожими на медведя (5), страшные (5), любят медведей (4), агрессивные (1). Большая часть примеров связана с размером, местом обитания и качеством.

Добавлен вид белый медведь (28) — живут в холоде (10), сильные (7), большие (5), белые (5), на взгляд хорошенькие, но внутри страшные (1). Большая часть примеров связана с местом обитания, качеством, размером.

Слон 象 (21) — большие (7), тяжеловесные (6), сильные (5), действуют сами по себе (2), спокойные (1). Большая часть примеров связана с внешним видом и качеством.

Волк 狼 (51) — живут в холодном месте (10), устойчивы к холоду (9), надевают много шерстяной одежды (8), сильные (6), сильная воля (5), любят свободу (5),

- эгоистичные (4), похожи на волков (2), похожи на хаски (2). Большая часть примеров связана с местом обитания, качеством, внешним видом (ассоциации по смежности: шерсть — много шерстяной одежды).
- Белка **リス** (11) — маленькие (5), красивые (3), белые (3). Большая часть ответов связана с размером и внешним видом.
- ハムスター** (9) — белый цвет (9). Уточняется цвет животного. Все примеры связаны с характеристикой цвета кожи.
- Мышь **鼠** (5) — хитрые (3), жуликоватые (1), нечестные (1). Все примеры связаны с характером.
- Пчела **蜂** (5) — сильные, но опасные (5). Все примеры связаны с качеством.
- Муравей **蟻** (0) — отсутствует.
- Были добавлены следующие зоонимы.
- Гепард **チーター** (17) — энергичные (8), живут отдельно от других (5), сильные (2), хорошо выглядят (1), страшные (часть слова осоросий «страшный» совпадает с частью слова Россия) (1). Большая часть примеров связана с поведением. По количеству ответов добавленный зооним является значимым для представления русских глазами японцев.
- Северный олень **トナカイ** (9) — живут в холоде (5), большие (3), сильные и стройные (1). Большая часть примеров связана с местом обитания.
- Жираф **キリン** (8) — высокие и красивые (8). Все примеры связаны с внешностью.
- Тигр **虎** (7) — большие (4), сильные (3). Большая часть примеров связана с размером.
- Лебедь **白鳥** (5) — красивые (5). Ассоциативно связано с русским женским фигурным катанием. Все примеры связаны с внешним видом.
- Кенгуру **カンガルー** (2) — лицо с глубокими морщинами (2). Все примеры связаны с внешним видом.

Большая часть ассоциаций связана с зоонимами медведь (белый медведь), волк, лисица, слон, при этом ассоциации, связанные с зоонимом муравей, полностью отсутствуют.

Итак, проведя анализ имеющегося у нас материала, мы пришли к следующим выводам.

Представления о японских зоонимах и зооморфизмах, которые мы нашли в литературе и Интер-сайтах, в целом мало связаны с ассоциациями исследуемых зоонимов у японцев.

Зооморфизмы, **используемые японцами по отношению к себе**, связаны со следующими параметрами:

- характером (верные, тихие, спокойные),
- социальным поведением (много работают, живут группой, следуют чьему-то приказу, не высказывают своего мнения, соблюдают иерархию старший-младший),
- внешностью (похожие на обезьян, так изображают японцев)
- размером (маленькие).

Зооморфизмы, **используемые японцами по отношению к русским**, связаны со следующими параметрами:

- внешним видом (красивые, высокие, белые),
- местом обитания (живут в холоде, надевают много одежды, сильные к холоду),
- поведением (медлительные, не обращают внимания на окружающих),
- размером (большие)
- качеством (сильные).

Для японцев при описании себя и русских важными являются различные характеристики: для себя — внутреннее содержание и поведение, для русских – внешний вид и

место обитания, связанное с холодом, затем поведение. У зоонимов, используемых для наименования русских (медведь, лиса, заяц, лошадь, хомяк), уточняется цвет (белый), ассоциативно связанный с цветом кожи.

При описании себя и другой нации японцы используют разные зоонимы, для характеристики японцев — типичными зоонимами являются муравей и обезьяна, для русских — медведь (белый медведь) и волк.

При использовании одного и того же зоонима японцы используют разные зооморфные характеристики для себя и другой нации. Например, лисица, для японцев — человек, который обманывает, для русских — живет в холоде;

собака, для японцев — преданная, для русских — красивая;

кошка, для японцев — тихая, спокойная, для русских — не обращает внимания на окружающих;

лошадь, для японцев — много работает, для русских — высокая;

заяц, для японцев — живут группой, для русских — белый, холод;

хомяк, для японцев — хорошенький, для русских — белый;

мышь, для японцев — маленькая, для русских — хитрая;

пчела, для японцев — много работает, для русских — сильная, но опасная.

В некоторой степени совпадают зооморфные характеристики для японцев и для русских, связанные с зоонимами черепаха — медлительная, корова — делает все медленно, белка — маленькая³⁵.

³⁵ Автор выносит благодарность за помощь в проведении анкетного опроса Нонака Сусуму и Ю. Бурениной.

О некоторых случаях энантиосемии в японском языке

Термин «энантиосемия» впервые ввёл В. И. Шерцлем, определив его как «то явление, где одно и то же слово вмещает в себя два прямо противоположных друг другу значения» [5, с. 1, цит. по 4]. Согласно другим определениям, энантиосемия или внутренняя антонимия (*auto-antonymy*) — это совмещение в одной полисемичной лексической единице противоположных (антонимичных) значений.

Л.Р.Махмутова в своей диссертации подробно описывает энантиосемию современного русского языка, выделяя по разным признакам номинативную и эмоционально-оценочную, синхроническую и диахроническую, узуальную иokkaзиональную, полную и неполную, одностилевую и разностилевую и другие типы энантиосемии [1, с. 9–13].

А. Шмелёв, рассматривая энантиосемию на материале славянских языков, относит существование двух противоположных значений в одной и той же лексической единице к энантиосемии в узком значении, относя её к особому случаю полисемии. Он также утверждает, что причиной возникновения энантиосемии являются семантические сдвиги, при которых «значение лингвистической единицы идёт по двум различным путям, в результате чего формируются два противоположных значения» [7, с. 67]. При этом он полагает, что по крайней мере частично этот феномен должен иметь «регулярные источники и межъязыковые параллели» [там же]. Рассмотрим некоторые примеры из японского языка в соответствии с категориями, которые предлагает в своей статье А. Шмелёв.

Как один из примеров окказиональной энантиосемии Шмелёв описывает иронию [там же, с. 69]. Например, использование фразы: «Ну, ты молодец!» при порицании какого-то поступка, когда благодаря приёму антифразиса единица с изначально положительным значением употребляется в противоположном, отрицательном значении. В этом случае единица, казалось бы, не приобретает дополнительного значения, однако в случае конвенционализации ироничного выражения в языке оно переходит в категорию «настоящей» энантиосемии [там же].

В японском языке подобные примеры можно увидеть при употреблении гоноративных форм или бенефактивных глаголов «не по назначению», т. е. в конструкциях, выражающих неудовольствие или подразумевающих критику. Например, *Ёку мо нагуттэ курэта нэ* «Как ты смел меня ударить!» (буквально «Вот спасибо, как ты меня ударил!») — ироничное высказывание, в котором говорящий подразумевает не то, что сказано, а совершенно обратное), в то время как *Ёку мо наоситэ курэта нэ* «Вот спасибо, починил!» означает нормативную похвалу.

Электронный словарь Дэдзитару Дайдзисэн [8] даёт, среди прочих, такие значения глагола *курэру*: 1) «Человек даёт что-то мне или тому, кто относится ко мне»; 2) «Я сам даю человеку что-либо или совершаю какие-то действия по отношению к человеку; употребляется по отношению к низшим по статусу для выражения презрения, часто в сочетании *курэтэ яру*»; 3) (в качестве вспомогательного глагола) а) «Человек делает что-то для меня или для того, кто ко мне относится»; б) «Я делаю что-то, невыгодное для человека». При этом для пункта 3а есть примечание: «Чаще совершаемое действие приятно [для объекта] или

воспринимается [объектом] как благо, однако существуют случаи, когда объекту действия этим наносится ущерб или он ставится в невыгодное положение». Таким образом, ироничное значение бенефактивного глагола *курэру*, очевидно, закрепилось в языке и вполне может употребляться в противоположном значении.

То же самое относится к наречию с усиливающей частицей *ёку мо*, употреблённой в том же примере. Она может выражать как похвалу (в выражении «молодец, починил»), так и неодобрение (в выражении «ну ты даёшь, ударил»). Тот же словарь предлагает для *ёку мо* следующее значение: «Усиливает значение слова *ёку* «хорошо», включает в себя похвалу, удивление, неожиданность, ненависть». Можно предположить, что значение неодобрения тоже восходит к ироничному употреблению этого наречия.

Шмелёв отмечает, что «противоположное значение часто возникает у слов, выражающих сильную эмоциональную оценку» [7, с. 72], например, восхищённое или гневное «Вот, паршивец!». В японском языке аналогичным примером может служить слово *гаки* (первое значение — голодный демон, второе — ребёнок (иронично)), употреблённое в сходном контексте: *Ано гаки!* «Вот, чертёнок!». Так, в повести Ёру Сумино «Я снова видела тот же сон» одна из героинь называет другую, младшую по возрасту именно так, при этом испытывая к девочке вполне дружеские чувства [8].

Сходное явление противоположной оценки наблюдается при движении не по оси «плохо — хорошо», а по оси интенсивности. Например, слово *тайхэн* «ужасно, страшно», может само по себе означать отрицательную оценку ситуации *Тайхэн!* «Ужас какой!», но также может

обозначать и просто интенсивность, в том числе с положительной коннотацией *тайхэн омосирой* «ужасно интересно» (ср. употребление этих единиц в русском языке). Наречие *амари* в отрицательных предложениях означает «не очень» (недостаточную выраженность признака), а в утвердительных — «очень, слишком» (чрезмерную выраженность признака): *Амари цукарэтэ инай* «Не очень устал», *Амари ни мо цукарэта кара...* «Так как слишком устал...».

Приведённые выше примеры, очевидно, относятся к эмоционально-оценочному типу энантиосемии и затрагивают прагматический аспект коммуникации, подтверждая предположение Шмелёва о существовании межъязыковых параллелей для этой категории.

Существуют также лексические единицы, обладающие энантиосемией «в узком смысле», номинативной, по классификации Махмутовой [1, с. 10]. К. Абель, рассматривавший явление энантиосемии почти одновременно с В. И. Шерцлем (в 1884 г.), считал «главной причиной возникновения противоположных значений в рамках одного слова» «неопределённое содержание древних корней», а Шерцль утверждал, что «чем язык древнее и чем народ примитивнее, тем чаще встречается это явление и наоборот, чем больше развит и чем образованнее народ, тем точнее он различает категории понятий и тем реже встречается энантиосемия, хотя отголоски её во всех почти языках сохранялись в многочисленных следах до настоящего времени» [5, с. 1–2, цит. по 4].

Н. А. Сыромятников пишет о «широко представленных» в древнеяпонском языке случаях, «когда одно слово или родственные слова обозначают прямо противополож-

ные понятия: свет и тьму, тепло и холод, начало и конец, чистоту и грязь, хвалу и брань» и указывает, что это явление свойственно многим, «особенно древним языкам» [3, с. 72]. Он приводит такие примеры родственных корней, как древнеяпонское *кира* «сверкающий»: *кирасу* «затуманиться»: *кири* «туман»; *кору* и *когору* «замерзать»: *коюру* «мёрзнуть»: *когарэру/когаруру* «подгорать, обугливаться», новояпонское *когэру* «подгорать»: *когоэру* «коченеть» и др. [там же]. Однако даже если рассматривать не родственные корни древнеяпонского языка и не диахроническую энантиосемию, а единичные лексемы современного японского языка в синхроническом аспекте, обнаруживаются такие единицы, как *саки* «впереди, в будущем; раньше, недавно»: *соно саки-о осиетэ кудасай* «расскажи, что будет дальше» vs *саки анохито-ни атта* «только что его встретил»; *кагэ* «тьма, свет»: *ки-но кагэ-ни* «в тени дерева» vs *цуки-но кагэ-ни* «в свете луны».

Очевидно, это случай «классической» энантиосемии, где от одной интегральной семы развитие полисемии идёт по двум разнонаправленным векторам. У единицы *кагэ* интегральной семой, видимо, является «то, что отбрасывает предмет» — и это могут быть как лучи света, так и, наоборот, тень, а в единице *саки* можно вычленишь интегральную сему «то, что находится с самого края», при этом очевидно, что край может быть любой из двух и, в зависимости от направления взгляда говорящего, он может быть впереди или сзади. Этот пример, кстати, частично входит в категорию «временной метонимии», выделяемую А. Шмелёвым, хотя *саки* может иметь также и пространственное значение.

Существует ещё одна категория единиц, совмещающих в своём значении противоположные значения. А. А. Пашковский относит их к многозначным словам, где разные значения связаны между собой отношениями «общее и частное» либо «частное и общее» в их подкатегории «раздельные и обобщающие значения»

[2, с. 198]: *катимакэ* (или *сё:бу* — дополнение наше) 1) «победа и/или поражение», 2) «исход соревнования»; *агарисагари* (или *дзё:ка* — дополнение наше) 1) «повышение и понижение»; 2) колебание. Сюда же можно отнести такие единицы, как *дзо:гэн* 1) «увеличение и уменьшение», 2) «изменения»; *хамбай* 1) «купля-продажа», 2) «торговля» и т.п. Однако, несмотря на совмещение (обобщение) противопоставленных друг другу значений в одной единице, эти единицы, видимо, нельзя в строгом смысле отнести к энантиосемическим, т. к. не соблюдается функциональный признак подобных единиц, на который указывала Махмутова: совместная невоспроизводимость полярных по значению семантических вариантов [1, с. 9]. То есть единицы должны реализовать эти полярные варианты в разных контекстах, а не выражать обобщённое значение, складывающее и объединяющее значения, противоположные по смыслу.

В японском языке обнаруживаются также и случаи грамматической энантиосемии, о которой писал В. И. Шерцль — например, сочетание в одном глаголе транзитивного и нетранзитивного значения: *то-га хираку* «дверь открывается» и *то-о хираку* «открыть дверь», *дзюгё:-га овару* «занятие заканчивается» и *кайги-о овару* «закончить совещание» и др. при том, что чаще транзитивные и нетранзитивные глаголы образуют пары, например *аку* — *акэру* «открываться» — «открывать», *хадзимару* — *хадзимэру* «начинаться» — «начинать» и т. д.

Явление энантиосемии в японском языке, судя по всему, пока слабо изучено и заслуживает дальнейшего тщательного рассмотрения, однако даже на небольшом количестве примеров нам удалось доказать его присутствие в японском языке и соответствие уже описанным парадигмам. Очевидно, мы можем по крайней мере частично подтвердить предположение А. Шмелёва о межъязыковых параллелях, что даёт возможность рас-

сма́тривать такой вариант развития значений полисемантических лексем в рамках семантических универсалий.

Список литературы:

1. Махмутова Л. Р. Основные типы энантиосемии в современном русском языке. Автореферат дисс. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Казань, 2009. 24 с.
2. Пашковский А. А. Ёмкость японских слов // Слово в японском языке. М.: «Наука», 1980. С. 195–202.
3. Сыромятников Н. А. Древнеяпонский язык. М.: Вост. лит., 2002. 176 с.
4. Хохлова У. В. Явление энантиосемии как актуальная проблема современной лингвистики // Социокультурная среда и ее развитие в условиях глобализации современного общества Материалы V Международных социально-педагогических чтений им. Б.И.Лившица. Уральский государственный педагогический университет, Институт социального образования. 2013. С. 99–107.
5. Шерцль В. И. О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии) // Философские записки. 1883. №5. С. 1–39.
6. Электронный толковый словарь японского языка Dejitaru Daijisen.
7. Shmelev Alexei Semantic shifts as sources of enantiosemy // The Lexical Typology of Semantic Shifts. Ed. Paivi Juvonen, Maria Koptjevskaya-Tamm. Walter de Gruyter GmbH & Co KG. 2016. P. 67-93.
8. Sumino Yoru Mata onaji yume-o mite ita (Я снова видела тот же сон). Токио: Футабася. 2018. Электронное издание.

**Языковые средства создания ложной гендерной
идентичности при виртуальном общении
на японском языке**

*«Но могут действовать они не прямиком:
Шать в купе — и притвориться мужиком, —
А сама наложит тола под корсет.
Проверяй, какого пола твой сосед!»*
В. С. Высоцкий

В данной статье рассматриваются языковые элементы, используемые для создания виртуальных образов «мужчины» и «женщины» в электронной переписке на материале повести современного японского автора Исида Ира «Reverse» («Наоборот»). В повести молодой человек и девушка, будучи не знакомыми в реальной жизни, ведут дружескую переписку, выдавая себя за представителей противоположного пола. Литературные работы Исида Ира отличаются актуальной современной проблематикой, живым стилем изложения, сбалансированным соотношением диалогов и повествовательной части. Язык его произведений лексически, иероглифически и стилистически разнообразен, что и обусловило выбор произведения именно данного автора.

Явление литературной мистификации, когда автор пишет свое произведение от имени представителя противоположного пола, не ново. В X в. Ки-но Цураюки писал «Тоса никки» («Дневник путешествия из Тоса») от имени фрейлины из своей свиты. Чтобы убедить публику в том, что автор произведения женщина, высокопоставленный аристократ написал дневник используя стереотипные представления о том, как должна писать и говорить женщина того времени. Например, произведение написано хираганой, которая считалась «женским» письмом с маленьким количеством иероглифов и канго (слов китайских корней), которые должны были в большом числе присутствовать в произведении любого образованного аристократа-мужчины. Подобные мистифи-

кации не ограничены пространством или эпохой. Десять веков спустя в России начала XX в. Валерий Брюсов издал сборник стихов «Новые стихи Нелли», написанные от имени страстной, легкомысленной дамы. Однако перечисленные примеры, по сути, являются речью монологической, автор создает произведение и отправляет его в мир, не вступая в диалог с конкретным собеседником. Публика анализирует и оценивает зафиксированное слово. Если по началу мистификации иногда и удавались (например, некоторые современники Брюсова пытались выяснить, кто же эта новая талантливая поэтесса, не сомневаясь в том, что автор женщина), довольно быстро выявляли настоящего автора. В личном общении такой обман гораздо сложнее, так как мы оцениваем собеседника, представляющего перед нами, по многим физическим и социальным параметрам, которые можно скрыть только сложным обманом.

С распространением Интернета и мобильной связи появились новые формы коммуникации, создающие новые условия для самовыражения. Возникла возможность общаться в реальном времени без пространственных ограничений — через электронное устройство. При этом встраивание средств коммуникации в процесс общения неизбежно приводит к изменению его структуры и форм выражения, в первую очередь.

При виртуальном общении реальный, занимающий пространство в материальном мире адресат отсутствует. Поэтому встает вопрос идентичности виртуальной личности. Участник диалога не предстает перед собеседником как материальный, целостный, комплексный объект, а только как образ, представление, сконструированное самим человеком с целью произведения определенного впечатления. В сети важным становится казаться, а не быть. Взаимодействие происходит не с человеком, а с создаваемым на одном компьютере и восстановленным на другом виртуальным образом. «Вливаясь в виртуальный

социум, человек получает полную свободу сотворении самого себя, так как, по сути, в чатах живут созданные людьми образы» [1, с. 218].

Человек надевает маску и создает образ, меняя свои параметры по желанию. Одним из параметров является и гендер. Автор создает виртуальную личность противоположного пола, для достижения какой-либо цели, по психологическим причинам и т. п. Такое явление среди авторов интернет текстов нередкое. «Недаром на компьютерных чатах в Сети (...) полагается скрывать себя за псевдонимом (сказываться в Net-ях?), и не зря там процветают разнообразные мистификации вроде виртуального трансвестизма». [6, с. 55] Поведение автора «надевшего» маску должно соответствовать выбранной гендерной роли, а точнее представлениям и знаниям собеседника о поведении представителей данного пола. Поведение автора включает в себя в первую очередь речевое поведение, так как свой образ он реализует через слово. Для реализации выбранной гендерной роли автор воплощает в тексте на всех уровнях (лексика, морфология, синтаксис, орфография, стилистика текста и т.д.) стереотипы выбранного им гендерного поведения. В данном случае речь идет уже не о том, как пол влияет на коммуникативное поведение и использование языка, а о том, какие средства существуют в языке для создания гендерной идентичности.

Японский язык издавна славится большим и разнообразным набором языковых средств для выражения «мужественности» и «женственности», для выражения принадлежности к определенному полу. Особенности этих двух подсистем присутствовали на всех ярусах японского языка и поощрялись обществом. Но, с середины XX в. эти особенности постепенно стали исчезать, различия стираться. Языковые элементы, которые считались неотъемлемыми атрибутами женской / мужской речи становились общепотребительными или исчезали из

языка. Данная тенденция получила название *тю:сэйка* «усреднение (языка)», «стандартизация» [9; 11]. Тем не менее, различия не исчезают полностью из японского языка. Часть особенностей переходит из области повседневной разговорной речи в речь «стереотипную», «виртуальную». В японской массовой культуре широко распространены *якувариго* — «стереотипная речь» или «ролевой язык». Это определенный набор языковых элементов, использование которых призвано вызвать у слушающего образ определенного типажа (по полу, возрасту, профессии и т. д.) [10, с. 205]. На «ролевом языке» люди не говорят в реальной жизни, но все японцы его понимают.

«Ролевой язык», как и мужская и женская речь, в наибольшей степени реализуются в разговорной повседневной речи в японском языке. С возрастанием степени формальности и официальности ситуации элементов этих подсистем в речи становится все меньше. В письменном стиле в японском языке таких элементов крайне мало. Японская культура относится к числу ярко выраженных «письменных культур». «Культура письменного текста, благоговение перед письменным знаком были присущи японской культуре с древности» [4, с. 105]. В интернете, в таких формах общения как блог и комментарии к нему, электронные письма, чаты, единственный способ создания виртуального образа — это язык в форме письменного текста. Поэтому возникает дихотомия — необходимо в письменном тексте выразить принадлежность к определенному полу, используя элементы разговорной речи, в то время как правила эпистолярного жанра сильно формализованы и строго определяют структуру текста. В общении посредством интернета эти правила меняются, так как не соответствуют самой природе такого общения. Электронные послания предполагают краткость изложения, спонтанность, быстрый ответ, личностную направленность. Характеристиками общения в интернете являются фрагментар-

ность, анонимность, социальность, карнавальнй характер, эмоциональная насыщенность [7, с. 92]. Упрощение характера общения проявляется и в более широком использовании разговорно-обиходной лексики [2, с. 13]

Вышеперечисленные характеристики интернет-общения влияют и на саму форму и структуру текста, в котором воплощается виртуальный образ. Можно сказать, что в интернет общении проявляется новый стиль речи: письменно-разговорный [3; 5]. «Сегодня письменная речь становится полноценной формой существования разговорного языка, что приводит, с одной стороны, к обогащению этой речи, с другой — к появлению новых механизмов, некоторые из них локальны, а некоторые будут иметь довольно обширные последствия.» [5] Языковые (в т. ч. и стилевые) элементы устной речи переходят и повседневное письменное общение. Различия мужской и женской речи в японском языке (например, особые личные местоимения, МЭЧ), которые прежде фигурировали в устной речи, перемещаются в электронно-письменную. В первую очередь исследователи отмечают использование разных местоимений первого лица (*атаси* у женщин, *боку* и *орэ* у мужчин), преимущественное использование некоторых слов представителями одного из полов (*офукуро*, *мэси*, *хара инпай*, *яцу*, *куу* мужчинами; *арама:*, *кавай*, *тоттэмо*, *инпай*, *урэсий*, *сугой* — женщинами) [12 с. 62]. В русском и английском языках в гендерных исследованиях языка, проведенных на материале из интернета, выделяют некоторые общие закономерности письменно-разговорного языка интернет посланий. Мужская речь лексически богаче, а мужские предложения длиннее. Мужчины чаще используют утвердительные и повелительные конструкции. Женщины используют больше глаголов, смайликов, знаков препинания, их предложения короче, лексические средства менее разнообразны, но при этом они чаще используют вежливую лексику. В исследовании М. Хиллс автор попыталась

выяснить, насколько успешно мужчина или женщина могут создать ложную гендерную идентичность при общении в интернете. Она пришла к выводу, что при попытке присвоит себе идентичность противоположного гендера, авторы речи сознательно преувеличено использовали те языковые элементы, которые соответствовали их стереотипному представлению о языковом поведении противоположного пола. В английском языке это проявлялось в выборе темы и частоте использования лексики повышенной степени вежливости (данные по [3]).

В японском языке гораздо большее разнообразие языковых элементов, которые можно использовать для создания ложной гендерной идентичности. Это обусловлено еще до недавнего времени хорошо развитыми подсистемами мужской и женской речи, их довольно широкой распространенностью в разговорной сфере языка. Здесь же кроется и опасность быть разоблаченным. Если использовать стереотипную преувеличенно «мужскую» или «женскую» речь, можно превратить свои электронные послания в тексты *якувариго* и начать звучать как персонаж из *анимэ* или *манга*. У собеседника возникнет образ не живого человека, а мультяшной куклы. Поэтому героям повести «Reverse» Тиаки (девушка) и Хидэки (юноша) пришлось балансировать на тонкой грани между сужающимся в следствие *тю:сэйка* реально используемыми мужской и женской речью, и искусственным ролевым языком. При этом они стремятся создать в достаточной степени «женственный» и «мужественный» образ соответственно, чтобы быть привлекательными для собеседника. Тиаки пишет, что она — юноша по имени Акихито, а Хидэки — что он девушка по имени Кирико.

Танидзаки Дзюнъитиро более пятидесяти лет назад в романе «Ключ» решил вопрос авторства текстов своих героев средствами графической стилистики. В романе, который строится как чередующиеся дневниковые записи мужа и жены, соответствующие записи сделаны разными

системами письма. Жена пишет свой дневник, используя хирагану и иероглифы, а муж — иероглифы и катакану. Читатель понимает, какого пола автор текста, даже не вчитываясь в него, а просто по внешнему облику текста. Но в наше время такой прием уже не уместен, поскольку постепенно исчезло противопоставление катакана «мужское письмо» vs. хирагана «женское письмо». За исключением различных графических стилей, используемых ученицами средней и старшей школ, представители обоих полов используют все три составляющие японской системы письма.

В современную эпоху роль маркеров «женственности» в сфере графической стилистики взяли на себя знаки пунктуации, эмодзи, смайлики и другие нестандартные символы. В исследуемой нами повести были обнаружены заметные различия в использовании нестандартных знаков пунктуации. Сообщения Кирико часто содержат восклицательный и вопросительный знаки, скобки. Иногда «она» усиливает их, записывая несколько знаков подряд и комбинируя. В сообщениях встречаются длинные многоточия. Это вписывается в общие тенденции оформления японского неформального письменного текста в современную эпоху. «Чем менее книжным является письменный текст, чем сильнее в нем неформальное начало, (...), тем чаще попадаются в нем кутэн, то:тэн, вопросительные и восклицательные знаки» (...) «В японских комиксах (манга), а также в неформальной бытовой рукописи (письма и особенно краткие записки (...)) знаки препинания вообще играют исключительную роль и отличаются гораздо большим разнообразием, чем в других жанрах письменной речи» [6 с. 114] Все эти нестандартные знаки призваны выразить повышенную эмоциональность женской речи. Зачастую они передают восходящую интонацию и высокий тон, характерные для женской речи. Кирико в конце фраз в скобках вставляет иероглифы со значением «смех», «аплодисменты»,

«стесняться», дополнительно усиливая эмоциональную нагрузку сообщений. Ватаситати до:си-дэ цукиаттяэба ий нони (笑) [8, с. 125] В письмах Акихито подобные элементы не наблюдаются, что соответствует распространенному представлению о женской речи как более эмоциональной, и мужской — как более сдержанной.

По соотношению используемых в текстах иероглифов и канго существенных различий не было выявлено. Поскольку переписка носила сугубо лично-дружественный характер, в ней не затрагивались ни общественные ни научные темы, используемая лексика у обоих собеседников состояла преимущественно из ваго с небольшим числом широко используемых канго. Доля иероглифов в текстах была сравнительно невелика независимо от пола. В равной степени и Тиаки и Хидэки использовали и заимствованные слова (*бурандо*, *пурэдзэн*, *сэнсу*, *изс* и т.д.), что обусловлено их молодым возрастом (около 30 лет). С одной стороны, они уже недостаточно молоды, чтобы в полной мере и, с японской точки зрения, безответственно экспериментировать с языком, используя, например, сердечки и смайлики, а с другой их образ мышления еще достаточно гибок, чтобы внедрять новшества в свою речь.

Если говорить о лексических особенностях, то наиболее заметными являются ожидаемые различия в используемых местоимениях и модально-экспрессивных частицах. Акихито обозначает себя личным местоимением первого лица боку и указательным местоимением *котира* и *котира-но хо*:. Кирико о себе пишет *ватаси*. Хотя боку и *котира* в наше время встречаются и в женской речи, это преимущественно речь учениц средней и старшей школ и студентов, поэтому в переписке по умолчанию эти местоимения считаются принадлежащими к мужской системе речи. *Ватаси* нейтрально-вежливое личное местоимение, которое в формально-официальных ситуациях используется и мужчинами, и женщинами. В данной переписке оно оперирует в качестве «женского», так как переписка

происходит между виртуально знакомыми. При обращении Акихито всегда обращается к собеседнику по имени, добавляя суффикс сан (Кирико-сан). С углублением эмоциональных отношений Кирико начинает обращаться к Акихито используя личное местоимение второго лица *аната*, которое в настоящее время рассматривается как формально-нейтральное и общеупотребительное, но возникло как обращение жены к мужу и долгое время использовалась в таком контексте.

Среди модально-экспрессивных частиц наиболее часто в тексте встречаются общеупотребительные частицы *ё* и *нэ*. Акихито изредка использует считающуюся «мужской» частицу *са*. *Отоко нанда кара, тянто вакаттэкурэруса* [8, с. 124] Кирико местами использует фонетически удлинённые варианты частиц и наречий, например, *каа*, *наа*, *яппари* для выражения повышенной эмоциональности. *Мирай-но най хито кара пурэдзэнтэ каа...* [8, с. 120] С этой целью она на письме удлиняет гласные в таких словах как *наани*, *ийканаа*, что должно передать восходящую интонацию, удивление. В письмах Кирико встречаются и «женские» слова, такие как *кавайи*, *урэсий*, *сугой*. *Ватасу-но офису-ни тётто кавайи кандзи-но отоко-но ко га имасу*. [8, с. 59] Из лексики пониженного регистра отмечается *яцу* «тип», «парень» в письмах Акихито.

Сообщения Кирико соответствуют представлениям о более высоком уровне вежливости женской речи. Она чаще, чем Акихито использует слова с вежливым префиксом *о* и адрессивные формы сказуемого. Тем не менее заметно смешение стилей, когда в одном сообщении используются и адрессивные и простые формы сказуемого. Когда речь идет не о клише, это связано с коммуникативной целью и эмоциональной нагрузкой. Если кто-либо из собеседников задается целью сделать высказывание более торжественным, или напротив, увеличив дистанцию выразить некоторую «холодность» в

обращении он начинает использовать адрессивные формы сказуемого. Подобное чаще встречается в письмах Кирико. Акихито предложения чаще всего заканчивает сказуемым в неадрессивной форме, существительным, существительным + модально-экспрессивная частица. Это делает «его» речь более отрывистой и категоричной, что соответствует общему представлению о мужской речи. Разница отслеживается и в использовании предположительных форм *дэсэ:/даро:*. Если *дэсэ:*, которое является более вежливой формой, встречается в сообщениях обоих участников беседы, то *даро:* удалось обнаружить только у Акихито. В целом сообщения Акихито более короткие, сами фразы тоже содержат меньше знаков, чем у собеседницы, что соответствует представлению о более сдержанном и кратком способе изложения у мужчин. У Кирико встречаются неоконченные предложения, многие из которых имеют форму «глагол в деепричастной форме/прилагательное в срединной форме + заключительная модально-экспрессивная частица (*Отоко ттэ, ёку ё, Сирасэтэ нэ*).

На основе полученных результатов можно сделать вывод, что в японском языке сохраняются различия между мужской и женской подсистемам языка, несмотря на усиливающуюся тенденцию *тю:сэйка*. Эти различия достаточно широко используемые и хорошо известны носителям языка, чтобы быть использованы для создания ложной гендерной идентичности при общении в интернет среде. При этом авторам текстов не приходится использовать преувеличенно стереотипные формы, так как в общепотребительном японском языке существует достаточно элементов на всех уровнях для выражения «женственности» и «мужественности». Данные элементы расширяют сферу своего использования, так как начинают активно распространяться и в «письменно-разговорной речи», которая возникла в сфере общения посредством электронных устройств. Это, как традиционные элементы,

такие как личные местоимения и модально экспрессивные частицы, так и новые элементы, появившиеся благодаря новым технологиям и изменениям в молодежной речи, такие как знаки пунктуации, смайлики, нестандартное использование иероглифов. В то же время отмечаются тенденции общие и для других языков при общении посредством электронных средств связи.

Список использованной литературы

1. Бондаренко Т. А. Общение в виртуальном мире интернета // Вестник ДГТУ. Т.9. №4(43). Ростов-на-Дону: Изд-во ДГТУ, 2009. С. 216–223.
2. Голубева И. В., Левоненко О. А. Особенности выражения языковой личности в электронном общении // Вестник ВолГУ. Серия 2. № 1 (7). Волгоград: Изд-во Волгоградский государственный университет, 2008. С. 12–16.
3. Горошко Е. И. Гендерные особенности русскоязычного Интернета [Электронный ресурс] URL: <https://mybiblioteka.su/tom2/3-105069.html> 2004. (дата обращения 05.06.2020).
4. Завадская Е. В. Искусство книги как знак культуры (художественный облик современной японской книги) // Япония: культура и общество в эпоху научно-технической революции. М.: Наука, 1985. С. 104–111.
5. Кронгауз М. А. «Лытдыбр» от блогера, или как Интернет-язык делает письменную речь формой существования разговорного языка [Электронный ресурс] / URL: <https://rusmir.media/2009/06/01/internet> 2009. (дата обращения 09.06.2020).
6. Маевский Е. В. Графическая стилистика японского языка. Москва: Муравей-Гайд, 2000. 174 с.
7. Чучкова Г.С. О проблеме общения в виртуальной коммуникативной среде // Омский научный вестник №1 (51). Омск: научное изд-во ОмГТУ, 2007. С. 90–94.
8. Исида И. Reverse. Япония: Сюэйся, 2015. 323 с.

9. Като С. Нихонго ни окэру сэйса но хэнка то якувариго // Лекция в Университете Хоккайдо, 18.10.2019.
10. Кинсуй С. Ва:тяру нихонго. Якувариго но надзо. Япония: Иванами сётэн, 2014. 225 с.
11. Накамура М. «Сэй» то нихонго: котоба гацукуру онна то отоко. Япония: Нихон хо:со: сьуппан кё:кай, 2007. 252 с.
12. Огино Ц. Бурогу ни миру нихонго но дандзёса // Нихонгогаку 26(4). Япония. 2007. С. 58–64.

Аспектуальные функции конструкций *te-iku* и *te-kuru*

1. Введение

Среди всех функций *te-iku* и *te-kuru* возможно выделение четырёх, которые заключаются в указании на характер протекания ситуации во времени, при этом ни в одной из них *iku* и *kuru* не описывают перемещение в пространстве [Конума 2014: 777]. При грамматикализации лексемы такой семантический переход из одной концептуальной области (пространство) в другую (время) весьма распространён типологически. Большая часть этих функций связана с линейной аспектуальностью и только одна — с количественной (см. раздел 4.3).

Как отмечается в статье [Suda 1995], для реализации большинства аспектуальных функций *iku* и частично *kuru* важен такой семантический компонент смыслового глагола, как “прогрессивная фаза изменения”. Это значение является совокупностью двух аспектуальных сем:

- 1) *собственно прогрессивная фаза* (как звено в цепочке “до начала > начало > прогрессивная фаза > окончание > после окончания”) (ср. аналогичную классификацию в [Плунгян 2011: 286]);
- 2) *постепенное изменение* (как процесс).

Для *kuru* же прототипическим может считаться компонент “возникновение”. Ниже мы рассмотрим каждую функцию в отдельности.

2. Метафоры Филлмора

В “Курсе лекций о дейксисе” Ч. Филлмор указывает на то, что время однонаправленно и имеет только одно измерение, вследствие чего два события, произошедшие в разные моменты, будут неизбежно вступать друг с другом в таксисные отношения следования и предшествования

[Fillmore 1971: 247ff]. При этом отношения между событиями и временем зачастую описываются при помощи метафоры перемещения. Автор предлагает две разновидности такой метафоры: в одной из них мир представляется статичным, а время “приходит” из будущего и “уходит” в прошлое; в другой метафоре, напротив, динамичен мир: участники “приходят” к точке отсчёта из прошлого и “уходят” в будущее. Эти метафоры также известны под названиями TIME IS A MOVING OBJECT и TIME IS SPACE, соответственно [Майсак 2005: 360-362]. Ниже мы увидим, как они реализуются в аспектуальных функциях *iku* и *kuru*.

2.1. Метафора “Динамичное время”

- (1) [Hasegawa 1993: 61] (с изменениями)
- a. *akaru-i mirai-ga otozure-te-k-uru.*
bright-PRS future-NOM visit-CVB-COME-PRS
“Наступит светлое будущее”.
 - b. *haru-ga megut-te-k-ita.*
spring-NOM come.again-CVB-COME-PST
“Вновь пришла весна”.
 - c. *kako-ga tōzakat-te-ik-u.*
past-NOM move.away-CVB-GO-PRS
“Прошлое уходит”.
 - d. *seishun-ga sugisat-te-it-ta.*
youth-NOM pass-CVB-GO-PST
“Молодость прошла”.

В этой функции *kuru* обозначает, что событие из будущего приближается к точке отсчёта (1a) или уже настало (1b), в то время как *iku*, напротив, описывает событие, уходящее в прошлое (1c-d). При этом, как видно из Таблицы 1, степень близости к точке отсчёта

определяется временными формами вспомогательного глагола.

Таблица 1. Схематическое представление функции “Динамичное время”

	Прошлое	Настоящее	Будущее
k-uru (COME-PRS)			←
k-ita (COME-PST)			←
ik-u (GO-PRS)		←	
it-ta (GO-PST)	←		

Как правило, в качестве субъекта выступают абстрактные существительные со значением времени. По всей видимости, эта функция грамматикализовалась из метафорического употребления *iku* и *kuru* как полнозначных глаголов (см. пример ниже).

- (2) *fuyu-ga ik-i haru-ga k-ita.*
 winter-NOM go-CVB spring-NOM come-PST
 “Зима ушла, и пришла весна.”

2.2. Метафора “Динамичный мир”

Логика этой метафоры прямо противоположна логике предыдущей: здесь выбор между *kuru* и *iku* зависит от того, начался ли процесс до (*kuru*) или после (*iku*) точки отсчёта. В первом случае субъект “приходит” из прошлого, а во втором, напротив – “уходит” в будущее. Поскольку точка отсчёта, как правило, совпадает с моментом речи, *kuru* чаще используется в форме прошедшего времени (3), а *iku* – не прошедшего с показателями модальности, указывающими на ирреальность действия (например, показатель презумптива в (4)). Однако встречаются примеры, когда *kuru* выступает в форме инкомплетива в

непрошедшем времени (6): в таких случаях возникает результирующая семантика. Кроме того, обе конструкции часто сочетаются с обстоятельствами времени, указывающими на протяжённость (*naganen* в (3)) и/или начало (*korekara* в (4)) действия.

(3) *Ken-wa naganen shisso-ni kurash-ite-k-ita.*
Ken-TOP **for.years** simple-ADV live-CVB-**COME-PST**
“Кэн уже долгие годы ведёт скромный образ жизни”.

(4) *Yamada-san -wa korekara hitoride iki-te-ik-u da-rō.*
Yamada-Mr-TOP **from.now** alone live-CVB-**GO-PRS**
COP-PMT

“Теперь г-н Ямада, наверное, будет жить один”.

(5) *kare-wa tenkō-o nandomo kasane-te-k-ita.*
he-TOP changing.schools-ACC **many.times** repeat-
CVB-**COME-PST**

“Он неоднократно менял школы”.

(6) [Nakayama 2010: 175] (с изменениями)
jibun-no kodomo-to dōtōni ai-sh-ite-k-ite-i-ru.
self-GEN child-COM equally love-VRB-CVB-**COME-**
CVB-**INCM-PRS**

“(Я) всегда любил (её), как своего собственного ребёнка”.

Важным ограничением, позволяющим отличить эту функцию от функции “Возникновение” (см. далее), является невозможность интерпретировать ситуацию как появление участника или нового состояния. Этим объясняется то, что в качестве смысловых здесь выступают либо процессуальные (3, 4, 6), либо итеративно-хабитуальные глаголы (5).

В большинстве работ эта функция обозначается термином *дуратив* (i.a., [Sawada 2009]). В [Nakayama 2010] она описывается как *обозначение временной точки отсчёта* (deictic time relation).

3. Возникновение

Эта функция есть только у *kiyu*, при этом возможно выделение двух её разновидностей.

3.1. Возникновение явления

В качестве субъекта здесь выступает природное явление (7), физический (8) или абстрактный (9) объект.

(7) *ne-yō to sh-itara kaminari-ga nat-te-k-ita.*
 sleep-HOR COMP do-COND thunder-NOM roar-
CVB-COME-PST

“Только (я) попробовал заснуть, как прогремел гром”.

(8) *Suna-nonaka-kara ōki-na rūbi-ga de-te-k-ita.*
 sand-GEN inside-ABL big-ATR ruby-NOM exit-CVB-
COME-PST

“Из песка показался большой рубин”.

(9) *Mondai-ga shōji-te-k-ita.*
 Problem-NOM arise-CVB-**COME-PST**

“Возникла проблема”.

За исключением тех редких случаев, когда предполагается движение субъекта, в этой функции не реализуется аспектуальное значение “прогрессивная фаза изменения”, а на первый план выходит компонент “возникновение”. Именно поэтому у данной функции нет аналога с *iki*, ведь в противном случае дейктический центр помещался бы в той точке, где субъект находился до возникновения: такой ракурс представляется маловероятным. Согласно [Nakayama 2010: 184], в качестве смыслового в этой

функции чаще всего употребляется глагол *deru* (выходить) (8), который в сочетании с *kuru* образует самостоятельную лексему со значением *появляться*. Другой кластер глаголов, характерных для данной функции – перцептивные предикаты. В большинстве работ это значение *kuru* обозначается как *возникновение* (ср. *emerge* в [Hasegawa 1993]).

3.2. Возникновение состояния

- (10) *koto-ga dandan koware-*(te-k)-(i)ta*¹.
koto-NOM step.by.step break-CVB-COME-PST.
“Постепенно кото стало приходить в негодность”.

В этой функции, в отличие от первой, значительную роль играет семантический компонент “прогрессивная фаза изменения”. Важным условием для реализации этого значения является наличие у описываемой ситуации внутренней структуры. При этом, как видно из примера (10), сам глагол может принадлежать к акциональному классу событий, то есть предикат должен быть процессуальным только концептуально. Так, в примере (11) ситуация развода, безусловно являясь процессом во внеязыковой действительности, не имеет внутренней структуры с концептуальной точки зрения², вследствие чего блокируется употребление *kuru* в функции “Возникновение состояния”.

- (11) **sono fūfu-wa dandan rikon-sh-ite-k-ita*.

¹ Здесь и далее символы *(N) и *N означают, что предложение неграмматично при отсутствии или наличии N, соответственно. Если * стоит в начале, неграмматично всё предложение.

² Говоря о концептуализации некоторой ситуации, мы не подразумеваем каких-либо универсальных когнитивных закономерностей, а только описываем факты японского языка.

this couple-TOP step.by.step divorce-VRB-CVB-
COME-PST

досл. “Эта пара постепенно развелась”.

Смысловый глагол может описывать: а) внешнее изменение, происходящее с человеком или физическим объектом, при этом оно может иметь абсолютный (10) или относительный (12) предел; б) физическое или психическое состояние человека, включая неконтролируемые предикаты когнитивной деятельности (13). Как видно из примеров (10) и (13), для этой функции также характерно употребление обстоятельств, подчёркивающих наличие у ситуации внутренней структуры (постепенно, мало-помалу и т. п.).

(12) *juku-ni ik-u kodomo-ga fue-te-k-ita.*
juku-DAT go-PRS children-NOM increase-CVB-**COME-**
PST

“Количество детей, посещающих частные школы, увеличилось”.

(13) *jojoni kare-no it-ta koto-ga wakat-te-k-ita.*
gradually he-GEN say-PST NML-NOM understand-CVB-
COME-PST

“Постепенно я начал понимать смысл его слов”.

В японской аспектуальной системе нет способа выразить перемену как процесс, поскольку моментальный предикат в форме инкомплетива (*-te-i-ru*) даёт исключительно результативную семантику [Конума 2014: 778]. В качестве имперфективатора, заполняющего эту лауну, выступает именно *kuru* в функции “Возникновение состояния” [Hasegawa 1993: 51] (см. пример (10)), а также *iki* в функции “Изменение S-участника” (см. следующий раздел). Восполнение пробелов в аспектуальной системе может рассматриваться как один из механизмов языко-

вого изменения: так, в [Nakayama 2010: 254] этот процесс уподобляется восполнению пробелов в фонологической системе (ср. *case vide* Мартине).

В литературе для описания этой функции используются различные термины: *ингрессив*, *изменение* в [Sawada 2009], *cognitive* в [Hasegawa 1993] (этим же термином описывается функция *iku*, именуемая здесь *изменение ситуации* (см. далее)). Большинство же авторов называют её *инхоативной* (i.a., [Shibatani 2003]). Объединение этой функции с предыдущей под общим названием “Возникновение” было предложено в диссертации [Nakayama 2010].

В [Shibatani 2003: 271] особый акцент делается на “вовлечённости говорящего” как важном компоненте “инхоативной” функции. В этом смысле ей противопоставляется конструкция с *iku*, которая, по мнению М. Сибатани, выражает объективность описываемой ситуации. В качестве минимальной пары приводится следующий пример.

(14) *kawa-nomizu-ga fue-te-k/it-(i)ta.*

river-GEN water-NOM increase-CVB-COME/GO-PST

“The water of the river has been increasing/went on to increase”.

Так, вариант с *kuru* уместен в том случае, когда разлив реки, например, представляет угрозу для дома участника, соответствующего дейктическому центру, а вариант с *iku* – как беспристрастное описание. В настоящем очерке такое употребление *iku* трактуется как “Изменение S-участника” (см. раздел 4.1). Необходимо, однако, заметить, что семантика вовлечённости не может быть признана центральным компонентом описываемой здесь функции: если в примере (10) ещё можно предположить, что поломка коту негативным образом сказалась на его владельце, то есть дейктическом центре,

то в примере (12) такая семантика уже маловероятна и, что самое главное, необязательна. Повторим, что ключевым для этой функции является компонент вхождения в “прогрессивную фазу изменения”.

4. Изменение ситуации

Многими авторами (i.a., [Shibatani 2003], [Hasegawa 1993]) эта функция *iki* трактуется как аналог функции *kuru*, которая здесь обозначается как “Возникновение состояния”. Связано это с тем, что она также описывает некое изменение и не подходит для описания ситуаций, концептуально не имеющих внутренней структуры, поскольку в этом случае не реализуется важный семантический компонент “прогрессивная фаза изменения”³. Изменение может иметь как абсолютный, так и относительный пределы.

Однако, как отмечается в [Nakayama 2010: 232], между этими функциями существуют принципиальные различия. Во-первых, в значении “изменение ситуации” *iki* не сочетается с глаголами эмоций и внутренних состояний, что связано с упоминавшейся ранее семантикой невовлечённости в ситуацию. В свою очередь *kuru*, описывающий возникновение, практически не употребляется с глаголами исчезновения (см. далее). Во-вторых, в рамках рассматриваемой функции *iki* возможно выделение трёх подфункций, которые связаны между собой общим компонентом “прогрессивная фаза изменения”: “Изменение S-участника”, “Изменение O-участника” и “Глагольная множественность”. У *kuru*

³ Даже если смысловой глагол относится к классу событий, интерпретация ситуации как продолжительной становится возможной при поддержке соответствующих обстоятельств (16).

последние две подфункции отсутствуют. Центральной же для всех из них является **градативный** компонент: “постепенное развитие в направлении накопления результата” [Майсак 2005: 364], [Конума 2014: 778]. Далее каждая подфункция будет рассмотрена отдельно.

4.1 Изменение S-участника

В качестве смысловых для этой подфункции особенно характерны событийные глаголы с семантикой изменения (15) и исчезновения (16)⁴. Собственно *iki* здесь привносит градативную семантику, которая выражается в постепенном накоплении признака субъектом.

(15) *Okinawa-no fūkei-ga (dandan) kawat-te-ik-u.*
Okinawa-GEN scenery-NOM step.by.step change-
CVB-**GO**-PRS

“Облик Окинавы постепенно меняется”.

(16) *tomoshihi-ga (shidaini) kie-te-it-ta.*
lamplight-NOM gradually disappear-CVB-**GO**-PST
“Свет лампы мало-помалу угас”.

Важно заметить, что обстоятельства типа *dandan* (шаг за шагом) или *shidaini* (постепенно) только *поддерживают*, но не задают градативный компонент значения, и поэтому могут быть опущены без существенных потерь для семантики всего предложения.

4.2. Изменение O-участника

В этой подфункции градативная семантика выражается в постепенном накоплении признака O-участником или увеличении количества O-участников.

⁴ Некоторые авторы выделяют такие случаи в отдельную функцию, но в предлагаемой классификации они рассматриваются как частные случаи функции “Изменение субъекта”.

- (17) *Doitsu-ga shidaini shihai.ryōiki-o hiroge-te-it-ta.*
 Germany-NOM gradually territory-ACC extend-
 CVB-**GO**-PST

“Германия постепенно расширила подконтрольные территории”.

4.3. Глагольная множественность

В.А.Плунгян выделяет два типа глагольной множественности: множественность (повторяемость) самой ситуации и множественность участников ситуации [Плунгян 2011: 157-160]. По всей видимости, эти значения сочетаются в рассматриваемой функции *iki* и не могут быть отделены друг от друга.

Так, в примерах (18) и (19) повторяемость ситуации непосредственно обусловлена множественностью участников. При этом из основных значений глагольной ымножественности реализуется только дистрибутивное, но не итеративно-хабитуальное значение. Дистрибутивность, как правило, не заложена в семантику смыслового глагола, но может поддерживаться обстоятельствами кратности (*tsugitsugito* ‘один за другим’, *nandomo* ‘много раз’ и т.п.).

- (18) *yūjin-ga tsugitsugito shin-de-it-ta.*
 друг-NOM один.за.другим умирать-CVB-**GO**-PST
 ‘Друзья один за другим поумирали’. [BCCWJ]

- (19) *terorisuto-wa tsugitsugito zen'in-no kubi-o kit-te-it-ta.*

террорист-ТОРодин.за.другим все-GENголова-ACC
 резать-CVB-**GO**-PST
 ‘Террорист(ы) поочередно поотрубал(и) всем головы.’ [Nakayama 2010: 230]

В качестве смысловых в этой подфункции могут выступать как непереходные, так и переходные предикаты,

а градативное значение может распространяться как на субъект, так и на объект, соответственно. Иными словами, семантика накопления количества требует множественности субъекта (*karera* ‘они’) (21) и/или объекта (*tsukue* ‘столы’) (22), при этом в первом случае действие должно выполняться несколькими субъектами не одновременно, а последовательно (20) [Nakayama 2010: 231].

(20) *ōzei-no hito-ga tsugitsugito/*dōjini suwat-te-it-ta.*

многие-GEN человек-NOM

поочередно/одновременно стечь-CVB-**GO**-PST

‘Множество людей поочередно/*одновременно уселись.’ [ibid.]

(21) *kare-*(ra)-wa onaji⁵tsukue-o nandomo tatai-te-it-ta.*

он-PL-TOP тот.же стол-ACC много.раз стучать-CVB-**GO**-PST

‘Они снова и снова стучали по столу.’ [ibid.]

(22) *kare-wa *onaji tsukue-o nandomo tatai-te-it-ta.*

он-TOP тот.же стол-ACC много.раз

стучать-CVB-**GO**-PST

‘Он снова и снова стучал по столам/*столу.’ [ibid.]

Таким образом, в этой подфункции дистрибутивность сочетается со значением мультисубъектности (18, 20, 21) и/или мультиобъектности (19, 22).

5. Грамматикализация конструкций с конвербной формой -te

⁵ Поскольку японские существительные не обладают словоизменяемой категорией числа, здесь значение единичности передаётся перифрастически.

В качестве служебных глаголов *iku/kuru* используются в составе конструкции *V-te + iku/kuru*, где *V-te* — смысловой глагол в конвербной форме с суффиксом *-te* или его алломорфом *-de*, который восходит к перфективатору *-tu* в инфинитивной форме. В древнеяпонском и классическом японском языках форма на *-te* являлась средством межклаузуальной связи, однако уже в средневековом японском стала использоваться для присоединения служебных глаголов [Frellesvig 2010: 327] и в современном языке встречается преимущественно (65% употреблений) в этой функции [Schmidt 2004: 191-198], via [Shibatani 2007: 23].

В статье [Shibatani 2007: 25-27] было продемонстрировано, что в современном японском языке эта конструкция отличается от биклаузуальной рядом просодических и синтаксических признаков. Во-первых, по правилам японского мелодического ударения, она образует единое просодическое слово, в рамках которого тон, понизившись, не повышается вновь. Во-вторых, на моноклаузуальность указывает и то, что при модификации объекта смыслового глагола ограничителем *-shika* (только), который всегда вызывает отрицание на предикате своей, но не матричной клаузы, показатель отрицания *-(a)na* линейно располагается именно за служебным глаголом.

(22) *Taroo-wa ringo-shika tabe-te-ik-ana-katta.*

Taro-TOP apple-only eat-CVB-**GO**-NEG-PST

“Таро съел только яблоко”.

Возможность аспектуального употребления *kuru* и *iku* только в связке с конвербной формой свидетельствуют о том, что мы имеем дело с грамматикализацией целых конструкций, а не отдельных лексем. Целесообразность

конструкционного подхода объясняется и тем, что в типологии существует немало примеров того, как одна и та же лексическая единица участвует в разных путях грамматикализации [Майсак 2005: 91]. Поскольку между некоторыми функциями *iku/kuru* сложно усмотреть какую-либо семантическую связь (ср. например, функции *iku* “Динамичное время” и “Глагольная множественность”), логично предположить, что перед нами разные грамматические показатели, происходящие из одного лексического источника (*iku*). Однако более пристальный взгляд показывает, что между определёнными типами употребления эта связь всё же присутствует: так, инверсив (об этой функции см. [Shibatani 2003]), по всей видимости, диахронически связан с функцией “Возникновение состояния”, что подтверждается возможностью амбивалентных контекстов типа (23).

- (23) *Taro-wa dandan watashi-o mihanash-ite-k-ita.*
Taro-TOP step.by.step I-ACC abandon-CVB-COME-PST
“Мало-помалу Таро стал мной пренебрегать”.

Таким образом, перед нами набор функций, некоторые из которых развились независимо друг от друга из одного лексического источника, в то время как другие представляют собой разные стадии развития на одном пути грамматикализации. Окончательно установить отношения между всеми рассматриваемыми ниже функциями возможно только посредством диахронического анализа корпусных данных.

Список литературы

Конума, Ю. Дейктические ориентиры как ограничители в системе японского глагольного аспекта // *Акта*

- Linguistica Petropolitana. – Т. 10, часть 1. – 2014. – С. 775-780.
- Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. – М.: Языки славянских культур, 2005.
- Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. — М.: РГГУ, 2011.
- Fillmore, C. J. Santa Cruz lectures on deixis. – Indiana: Indiana University Linguistics Club, 1971.
- Frellesvig, B. A History of the Japanese language. – New York: Cambridge University Press, 2010
- Hasegawa Y. Prototype Semantics: A case study of the K-/IK-constructions in Japanese // Language & Communication. – 1993. – Vol. 13, no. 1. – Pp. 45-65.
- Nakayama 2010 – 中山健一「日本語の動詞『いく』『くる』の多義の記述：本動詞から補助動詞へ」。– 博士学位論文（東京外国語大学）、2010.
- Sawada 2009 – 澤田淳「移動動詞「来る」の文法化と方向づけ機能—「場所ダイクシス」から「心理的ダイクシス」へ—」『語用論研究』11、Pp.1-20、2009.
- Shibatani, M. Directional Verbs in Japanese // Motion, Direction and Location in Languages: In Honor of Zygmunt Frajzyngier / ed. by Shay E., Seibert U. – Amsterdam: John Benjamins, 2003. – Pp. 259–286.
- Shibatani, M. Grammaticalization of converb constructions: The case of Japanese -te conjunctive constructions // Connectivity in Grammar and Discourse / ed. by Rehbein J., Hohenstein C., Pietsch L.– Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2007. – Pp. 21-49.
- Suda 1995 – 須田義治「『してくる』と『していく』」日本語の研究と教育、Pp. 92-117, 1995.

Эмоции и их роль в изучении грамматики японского языка

Человек, являясь частью окружающей его среды вынужден так или иначе реагировать на изменения, постоянно в ней происходящие. Реакция может быть разной: от кратковременного аффекта на реально происходящую ситуацию до длящегося долгое время и наполненного различными мыслями чувства. Между аффектом и чувством находится эмоция. Эмоция может быть реакцией как на реально происходящие, так и на воображаемые ситуации. В обоих этих случаях переживание будет субъективным, т. е. интерпретированным человеческим сознанием, осмысленным на предмет соответствия уже имеющимся у отдельно взятого индивида представлениям об окружающем мире. Подобные представления обозначают личную значимость происходящего для субъекта и в итоге в целом проявляются в виде положительной или отрицательной реакции (Аткинсон 2003).

Эмоция — это сложное понятие, включающие в себя как саму обработку полученной информации, так и определенное отображение итогового результата. Отображение может быть разного характера. Так, например, оно может быть невербальным: действия, мимика, жесты, интонация. А может быть вербальным. Но в любом из этих случаев мотивом для той или иной отображенной во вне реакции послужило субъективное переживание человека. Таким образом, можно говорить о том, что за исключением тех случаев, когда повествование является эмоционально нейтральным, в речевом поведении человека неизменно присутствует и эмоциональная составляющая, которая оказывает влияние на то, что и как будет сказано, ведь «в большинстве случаев людей интересует не фактуальная

информация, а эмоциональные ощущения, связанные с ней» (Шаховский 2009). В языке присутствует немало фраз, где целью говорящего является непосредственное проговаривание испытываемой эмоции, однако все же еще больше случаев, где эмоция обозначается косвенно вместе с какой-то фактической информацией. В подобных ситуациях при передаче желаемого содержания высказывание будет отрегулировано в соответствии с качеством и интенсивностью эмоции.

Стоит отметить, что на то, как должна в той или иной ситуации быть выражена эмоция значительное влияние оказывает культура говорящего. Демонстрация эмоции за исключением случаев произвольных и неконтролируемых реакций культурно обусловлена. Общеизвестен факт, что в одних культурах, таких как русская, принято более открыто выражать свои эмоции, а в других, таких как, например, японская, проявление эмоций строго обусловлено. Однако культурно обусловлены не только правила демонстрации, но и сами эмоции. Они «навязываются языковому коллективу этноса различными когнитивными сценариями, ассоциирующимися с тем или иным терминопонятием эмоции» (Шаховский 2009). В разных культурах эмоции представляют собой уникальные концепты, в которые входят разнообразные образы, звуки, цвета. Туда же входят и определенные языковые единицы. Существуют вербальные и невербальные образы, которые вошли в культуру как непосредственные и первостепенные представители той или иной эмоции. Однако также присутствует большое количество элементов культуры и языка, которые не являются прямыми отражениями эмоционального концепта. Каждый из них, обладая своим основным значением, раскрывается как символ той или иной эмоции только в определенном контексте. Подобная эмоциональная окрашенность приобретает как второстепенный признак. Носителями языка такие дополни-

тельные значения усваиваются естественным образом в ходе ежедневного общения и пребывания в рамках определенной культуры. Для иностранцев же подобные культурные и языковые особенности не являются очевидными и естественными и требуют дополнительных разъяснений и уточнений.

Однако интересно отметить тот факт, что несмотря на имеющиеся различия в способах передачи эмоций в разных культурах присутствуют и общие черты, существующие благодаря в целом схожей эмоциональной системе разных народов. Так, например, «эмотивов с отрицательной оценочной семантикой в словарях разных языков больше, чем с положительной, но употребляются они значительно реже, чем последние» (Шаховский 2009). Прослеживается одинаковая закономерность: представители разных культур, стремясь к комфортному сосуществованию, стараются поддерживать позитивное общение, в чем им помогает лексика с положительной оценочной семантикой. Однако в силу того, что, во-первых, негативные эмоции сами по себе более разнообразны по качеству, а, во-вторых, менее стандартизованы, языковых единиц, их передающих, насчитывается больше. Также В.И.Шаховский отмечает еще одну закономерность относительно отражения языковыми средствами положительных эмоций. Он говорит о том, что «положительные эмоции выражаются всеми народами более однообразно и диффузно, чем отрицательные» (Шаховский 2009). Так, например, как в русском, так и в японском языках присутствует большое количество выражающих радость стандартных фраз, широко применимых в разных обстоятельствах.

Наличие схожей эмоциональной системы у разных народов говорит о том, что у них все же существуют различные точки пересечения в плане переживания и выражения эмоций, что может послужить связующими

звеном для понимания культуры общения представителя другого народа, а как следствие и для более логичного обоснования употребления тех или иных языковых единиц. Сведение сложного смысла к конкретной эмоции, которая знакома представителям разных культур, позволяет сделать порой трудно уловимые смыслы более доступными для понимания.

Рассматриваемые далее примеры показывают, что эмоции могут быть выражены в языке не только посредством лексических, но и грамматических единиц. Имея свое основное значение, грамматическая единица приобретает эмоциональный окрас в зависимости от контекста употребления. Эмоциональное значение может быть не одно. Однако знание возможных эмоциональных смыслов, которые могут стоять за тем или иным грамматическим показателем, дает возможность индивиду более точно расшифровывать и самому применять языковые единицы.

Так, например, вместо того чтобы заставлять изучающего японский язык заучивать разные конструкции, выражающие просьбу, и объяснять в общих словах, что они отличаются по уровню вежливости, можно постараться провести параллели с русскими реалиями. Поместив учащегося в знакомую ему речевую ситуацию, попросить его вспомнить, какие эмоции он испытывает в подобной ситуации, а затем вместе с ним подобрать самый подходящий русский эквивалент для подобных случаев. Так, станет понятнее, что японец чувствует в похожей ситуации, и что он на самом деле хочет выразить одной своей фразой. Рассмотрим пример: *日本語で手紙を書いたんですが、見ていただけませんか。Я вот тут написал письмо по-японски, не могли бы вы, пожалуйста, его проверить?* Для понимания данного примера можно попросить учащегося вспомнить ситуацию, когда ему

было неловко кого-то беспокоить, когда появлялась эмоция смущения, и он, всячески извиняясь, просил очень вежливо оказать ему помощь. Отсюда возникает желание сначала обосновать причину, чтобы не выглядеть слишком навязчивым, а дальше уже перейти к просьбе, которую говорящий стремится выразить как можно более вежливо. Как на русском, так и на японском просьба оформляется через отрицание возможности, как бы акцентируя внимание слушающего на том, что говорящий особенно не рассчитывает на помощь, но надеется на великодушие слушающего. Таким образом, на психологическом уровне возникает проблема, которую говорящий пытается устранить, подобрав определенный шаблон действий, который в данном случае оказывается общим как для японцев, так и для русских. Далее шаблон претворяется в жизнь разными для каждого носителя языковыми средствами, где в каждом из вариантов есть свое языковое отражение причинно-следственной связи, а также отрицание возможности.

В статье 2019 г. под названием «Изучение вспомогательных глаголов в качестве эмоциональных средств выразительности: на примере V — テクル» автор Цуцуи Саё говорится о том, что большую сложность для употребления на практике даже на высоком уровне владения языком представляют японские вспомогательные глаголы, которые были пройдены ещё на начальном этапе. Учащийся в идеале владеет теорией, знает типичные примеры, но так и не может достичь свободного применения данных форм в речи. Автор обозначенной выше статьи для решения данной проблемы предлагает взглянуть на проблему с точки зрения конкретных эмоций, которые могут быть выражены тем или иным вспомогательным глаголом при наличии определенного контекста. Происходит отхождение от теоретизирования к конкретным речевым ситуациям, где во главу угла

ставится трансляция посредством определенных языковых единиц не мысли, а эмоции.

Рассмотрим, например, вспомогательный глагол **テシマウ**. Его основное грамматическое значение «сделать что-либо полностью», «доделать до конца». Однако даже в грамматических учебниках сразу приводится его дополнительное значение, которое непосредственно отсылает изучающего к конкретной ситуативной эмоции, а именно «к сожалению», что делает запоминание лёгким и обеспечивает безошибочное употребление в любом подобном контексте. Однако данное эмоциональное значение не является единственным. Так, **テシマウ** способно также выражать и эмоцию удовлетворения. В статье Цуцуи Саё приводит следующий пример: «Я, уронив, сломал папину вазу» (яп. 父の花瓶を落として割ってしまった). Данное предложение в зависимости от контекста может передавать и эмоцию сожаления, и эмоцию удовлетворения в связи с тем, что запланированное наконец-то осуществилось (Цуцуи Саё 2019).

Перейдем к еще одному вспомогательному глаголу **テミル**. Основное значение данного глагола – «пробовать что-то сделать». По сути, в зависимости от контекста **テミル** может передавать и эмоциональное значение неуверенности, и заинтересованность. Рассмотрим два примера:

1. 私のスピーチを聞いてみてください。 послушай мою речь.

В данном случае присутствует ощущение неуверенности и сомнения в качестве речи.

2. この面白いアイスクリームを食べてみたい。 Хочу попробовать это интересное мороженное.

В данном случае чувствуется заинтересованность говорящего в предмете обсуждения.

В целом стоит отметить, что сложность японской грамматики во многом заключается в том, что японская

культура общения является высококонтекстуальной, в которой контекст насыщен, в том числе и различным эмоциональным содержанием. Эмоции в основном не лежат на поверхности, а представлены завуалированно, что может представлять потенциальную сложность при коммуникации, особенно для представителей другой культуры. Однако считывание эмоций становится гораздо проще, когда реципиент знает, какие эмоции могут быть потенциально скрыты за той или иной грамматической единицей. Более того, несмотря на то, что грамматические показатели отличаются от языка к языку, эмоции, имея в зависимости от культуры разное символическое отображение и некоторые специфические особенности, все же обладают многими общими чертами, что может оказать позитивное влияние на взаимопонимание между представителями разных культур.

Список использованной литературы

1. Аткинсон Р. Л. и др. Введение в психологию: учебник для студентов университетов. 13-е изд. М.: Прайм-Еврознак, 2003. 713 с.
2. Шаховский В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 29–42.
3. Цуцуи Саё. Кандзё тоситэ но ходзёдо:си но ко:сацу : V-テクル о рэи ни (Изучение вспомогательных глаголов в качестве эмоциональных средств выразительности: на примере V — テクル) // URL: https://ir.library.osakau.ac.jp/repo/ouka/all/71886/ffle_02_127.pdf (дата обращения: 18.06.2020.).

Особенности современной японской лексикографии в цифровую эпоху

Активное распространение Интернета, внедрение цифровых технологий и всеобщая цифровизация общества в XXI в. затронули самые разнообразные сферы жизни, и лексикография не стала исключением. Бумажные словари продолжают издаваться и по-прежнему пользуются спросом, однако наряду с бумажной часто выходит и электронная версия словаря, а некоторые разработчики полностью отказываются от книжного формата.

В данной статье мы остановимся на истории цифровой лексикографии в Японии, а также сделаем краткий обзор основных электронных словарей и других цифровых инструментов, полезных для работы япониста.

В 1979 г. фирма “Шарп” выпустила первый карманный электронный словарь (КЭС) «дэнъякуки» (電訳機) модели IQ-3000, содержащий 2800 входов в англо-японской и 5000 входов в японско-английской части. На однострочном дисплее отображалось всего 16 символов катаканой [5].

Первый словарь на универсальных цифровых носителях появился в Японии в 1985 г., это была CD-ROM версия словаря издательства “Сансюся” “Новейший словарь научно-технических терминов” [34]. На следующий год издательство “Иванами-сётэн” объявило о выходе тестовой CD-ROM версии известного толкового словаря “Кодзиэн”. Газеты встретили эту новость громким заголовком: “Бумага прощай!”. В 1987 г. “III издание словаря Кодзиэн в CD-ROM версии” [33] вышло в продажу, оно стоило в пять раз дороже бумажного. Еще через год, в 1988 г. вышла CD-ROM версия словаря новых слов “Гэндай ёго-но кисотисики” издательства “Дзикокуминся” [32], и с каждым годом электронных словарей становилось все больше [7]. В 1987 г. вышел и КЭС «Дэндзирын» (電字林) фирмы “Санъё” с англо-японский словарем из 35 тыс.

статей и функцией вывода иероглифики на дисплей. Так началась эпоха цифровой лексикографии.

Толчком для распространения цифровой лексикографической продукции послужила совместная разработка компаниями “Фудзицу”, “Сони”, “Иванами” и “Дайнихон инсацу” единого формата электронных словарей WING, названного в честь офисного здания, где состоялась встреча представителей данных компаний; впоследствии название заменили на EPWING [7], а сам формат был закреплен в перечне японских промышленных стандартов JIS под кодом JIS X 4081 (1996, 2002).

Но для обращения к электронному словарю был необходим компьютер с CD-ROM приводом, в основном деск-топ; впрочем, и ноутбуки, за редким исключением, были довольно-таки громоздкими. Это послужило стимулом для развития КЭС, которые позволяли пользоваться словарем, подобно книге, не прибегая к помощи компьютера, что увеличивало мобильность.

В 1990 г. компания “Сони” выпустила на рынок плеер “Электронная книга” (電子ブックプレーヤー), а в 1991 г. компания “Сэйко” начала продажи КЭС, в который входило три словаря: японо-английский и англо-японские словари “Кэнкюся” и тезаурус Роже. Постепенно количество встроенных в электронную книгу словарей росло: это были и толковые, и двуязычные словари общей тематики, и отраслевые словари, а также разнообразные энциклопедии. Наибольшего пика продажи КЭС, содержащих десятки словарей, достигли в 2007 году, когда было продано около трех миллионов подобных устройств [7], но затем с распространением смартфонов и внедрением новых лексикографических технологий их популярность снизилась.

Начиная с 2000 г. японские издательства стали размещать свои словари в сети Интернет. В 2001 г. там появилась японская Википедия. А на порталах Yahoo! и goo – толковые, японо-английские, англо-японские и дру-

гие словари, также стал развиваться бесплатный словарный сервис “Котобанк” [22].

С 2007 г. на коммерческом словарном портале Japan Knowledge открыт платный доступ к электронной версии самого большого толкового словаря японского языка “Нихон кокуго дайджитэн” (日本国語大辞典) издательства “Сёгакукан”, содержащего 500 тыс. статей и 1 млн. текстовых иллюстраций [6]. Всего на портале представлено около 1500 изданий, включая иероглифические словари, словарь счетных слов, словарь древнеяпонского языка, словарь японских диалектов, словари японских имен собственных и географических названий, энциклопедии, отраслевые, переводные словари, комментированные издания японской классической литературы и др.

В 2008 г. с приходом Айфонов на японских рынок начался бум смартфонов, стали разрабатываться словарные приложения для гаджетов на платформах iOS и, затем, Android. Одним из популярных приложений того времени был толковый словарь “Айфон Дайдзирин” издательства “Монокакидо” [18].

В настоящее время, хотя в силу устоявшихся привычек и финансовых причин, бумажные словари и КЭС еще находят своих пользователей, основной фокус внимания сосредоточен на различных словарных приложениях для смартфонов, компьютеров и прочих гаджетов, а также сайтах, где размещены те или иные словари. Мы остановимся на самых значимых из них с точки зрения их пользы для японистов и тех, кто изучает японский язык.

Большинство лексикографических приложений используют свои оболочки, часто несовместимые с другими электронными словарями. Отсутствие единого формата преимущественно связано с коммерческими причинами и вопросами безопасности, в частности защитой от несанкционированного использования.

Первая, наиболее значимая, на наш взгляд, оболочка — это EV Pocket, который существует в двух версиях: бесплатной и платной профессиональной,

разработанных под iOS и Андроид. Также существуют разновидности EBWin и EBMac для компьютеров с операционными системами Windows и iOS, соответственно. В EB Pocket загружаются словари, представленные в форматах EPWING, а их существует в сети огромное количество. Это и «средние» толковые словари (200–250 тыс. статей), такие как “Кодзиэн”, “Дайдзирин”, “Дайдзисэн”, «малые» словари (60–100 тыс. статей), такие как японские толковые “Синмэйкай”, “Мэйкё”, “Иванами кокуго дзитэн”, японо-английские “Кэнкюся син эйва, ваэй тюдзитэн”, “Гаккэн пасонару ваэй дзитэн” и др. двуязычные словари, словари синонимов, энциклопедии, отраслевые словари по медицине, экономике, строительству, технологиям, словари иероглифов, пословиц и поговорок, новых слов, справочники по эпистолярному жанру и другие, часть из которых представлена в свободном доступе. Оцифрован в формат EPWING и хорошо известный всем японистам Большой японско-русский словарь под редакцией Н. И. Конрада (БЯРС) [8]. Словари могут быть объединены в группы, которые задает сам пользователь. Поиск осуществляется по одному словарю или всем словарям группы, по слову целиком, по началу или концу слова, не только по заголовкам словарных статей, но и по всему тексту, если в оболочку добавлен японско-русский словарь, то поиск по русскому языку возможен, но без учета словоизменения. Можно сделать закладки, просмотреть историю поиска.

Следующая оболочка — это электронные словари, выпускаемые компанией “Логовиста” [23], которая занимается разработкой систем машинного перевода и электронных словарей. Здесь представлено большое количество словарей: толковых, двуязычных, отраслевых, которые можно приобрести на сайте компании. Наше внимание привлекла выпущенная в марте 2019 г. электронная версия Русско-японского / Японско-русского словарей издательства “Кэнкюся”. В русско-японской части, воспроизводящей бумажное издание 1988 г., содержится 260 тысяч слов, в японско-русской, созданной

Т.Фудзинума (2011), – 69 тысяч. Интерфейс словарной оболочки прост. Поиск ведется как по японским, так и по русским словам (без учета русской морфологии, также из поиска исключены заглоздованные русские слова, записанные с тильдой), в словарной статье представлены примеры словоупотребления, есть история поиска, возможность закладок. Как и другие издания этой фирмы, словарь представлен в формате, производном от формата EPWING, но, к сожалению, не совместимом с ним, что, вероятно, связано с вопросами коммерческой безопасности, учитывая высокую стоимость словаря, с одной стороны, и наличие свободно распространяемых (пиратских?) словарей формата EPWING, с другой. Для доступа к словарям “Логовиста” вместе со словарями поставляется специальная словарная оболочка LogoVista 辞典ブラウザ.

Еще один словарь достойный внимания япониста — это электронная версия относительно недавно вышедшего словаря “Прогрессив” под редакцией Х. Накадзава и др. [37]. Сначала электронная версия словаря продавалась как отдельное приложение, сейчас она вошла в оболочку Dictionaries компании “Монокакидо” (辞書 by 物書堂) [35], где представлен также целый ряд толковых японских словарей, тезаурусы, двуязычные словари и проч. Поиск в случае необходимости можно проводить по нескольким словарям сразу, есть история поиска, возможность установки закладок, ввод иероглифов с помощью стилуса. Возможен поиск не только русских, но и японских единиц. Но количество словарных статей “Прогрессива” меньше, чем у словаря “Кэнкюся”, а отличия в отборе лексики сложно оценить, так как одновременный поиск в этих словарях невозможен из-за разных приложений-оболочек, в которые они входят.

Русско-японский словарь EJ Lookup или 銀影, выпущенный в 2015 г. на основе словаря EDICT Джима Брина и Warodai, о котором речь пойдет ниже, когда-то

был единственным русско-японским приложением, но сейчас, видимо, закончил свое существование.

Существует также приложение для японско-русского словаря Яркси Вадима Смоленского, разработанное Севой Алексеевым [11], который создан для разных ОС и платформ: Windows, iOS, Android. Ввод иероглифов осуществляется по чтению, ключам или по написанию стилусом. Также возможен поиск не только отдельных иероглифов, а так называемых составных слов, где дается их чтение и перевод на русский язык. Есть возможность сделать списки избранного.

Среди отраслевых словарей можно отметить платное iOS-приложение Medi Pass RU, автор Ольга Балинская, разработчик Medica Shuppan [24], которое сочетает в себе Японско-англо-русский / Русско-англо-японский медицинский словарь и тематический глоссарий, сформированный в соответствии с различными ситуациями, связанными с обращением в медицинское учреждение. Объем словаря не очень большой, но тем не менее он может быть полезен при переводах на медицинскую тематику или при обращении в японскую больницу.

Еще один словарь, где есть русские переводные эквиваленты, — это бесплатно распространяемое приложение Imita? [17], созданное на основе словарей Джима Бриана JMdict и KANJIDIC, являющихся собственностью Группы исследований и разработок электронных словарей [14]. Словарь мультиязычный: японский, английский, немецкий, испанский, итальянский, французский, португальский, корейский и русский. К сожалению, не у всех словарных статей есть русский перевод. Приводятся примеры словоупотреблений из проекта Татозба [28], а также даются отсылки на иероглифы, входящие в слово. В словарной статье иероглифа дана анимация его написания по порядку черт, чтения, перевод, сочетаемость и проч. информация. Ввод иероглифа возможен по чтению, по ключам, по отдельным элементам, не являющимся ключами. Дается информация об иероглифах, входящих в тот или иной уровень теста на знание иероглифов JLPT.

Также, на наш взгляд, интересны приложения Shirabe Jisho, Nihongo и Japanese. Это японо-английские приложения, которые имеют целый ряд полезных мультимедийных функций.

Shirabe Jisho [26] разработан Блажеем Станеком для iPhone и iPad на основе JMdict (EDICT), иероглифическая часть - KanjiVG, примеры — из корпуса профессора Танаки, проект Татозба. Содержит 170 000 словарных статей и 6500 иероглифов. Так же, как и Imiwa?, Shirabe Jisho представляет собой сочетание обычного двуязычного и иероглифического словаря, но помимо обычного словарного поиска, который также отсылает к иероглифам, входящим в состав слова (порядок черт указан, но не анимирован), дается сочетаемость, включены аудиофайлы с произношением. В словаре представлена лексика, скомпонованная по группам на основании грамматических, стилистических, семантических и прочих признаков: части речи, аббревиатуры, идиомы, поговорки, архаизмы, грубые слова, сленг, диалектизмы, женская и детская речь, тематические группы (от анатомии и архитектуры до сумо и зоологии), списки слов по уровням теста на знание японского языка JLPT, списки иероглифов, собранные по разным критериям, и т.д. Приложение, помимо обычной, словарной функции, также дает интересный материал для изучения японского языка.

Nihongo [25] (170 тыс. слов. статей, 6000 иероглифов) и Japanese [20] (180 тыс. слов. статей) напоминают Shirabe Jisho, но в них больше функций обучения японскому языку. Разработаны под iOS и Андроид. В Japanese есть разделы Кана, Иероглифы, Иероглифические ключи, Части речи, Тематические глоссарии, списки лексики и иероглифов по уровням теста JLPT. Есть обучающие карточки, возможность составления собственных списков и глоссариев, ввод иероглифов стилусом. У Nihongo в словаре есть русские переводные эквиваленты, но как результат машинного перевода английских, есть удобная функция составления карточек и платная функция добавления фуриганы к любому тексту, включая представленный в

формате изображений, а также поиск словарных толкований используемой в нем лексики.

Японо-английские словари gSho [16] и Aedict 3 [12] распространяются через Google Play Store, на них мы не будем останавливаться подробно. В Aedict 3 входит и русский язык. Они похожи на предыдущие словари: иероглифы с написанием черт, примеры, возможность переноса в записную книжку, поиск по ромадзи. Все подобные приложения в большей степени несут обучающую функцию, что не является предметом нашего исследования.

Кроме вышеуказанных, также есть распространяемые бесплатно словарные приложения для смартфонов: Weblio – толковый словарь и японо-английский словарь, с различными функциями поиска. Помимо приложения существует сайт <https://www.weblio.jp/>, с помощью которого можно осуществлять поиск по более, чем 500 словарям (толковые, синонимов, древне-японского языка, англо-, китайско-, корейско-, тайско-японские словари, словарь жестов и др.).

Также может быть полезным приложение “All-кокугодзитэн” [13], в нем представлено большое количество японских толковых и энциклопедических словарей. В “Смаато дзисё” [36] поиск слов из отсканированного текста ведется по толковым словарям, Википедии. “Эйдзиро” [31] – известный англо-японский / японо-английский словарь, созданный компаниями “Рантек” и “Алк” на основе базы данных проекта электронных словарей EDP. Он включает в себя экономическую, юридическую, компьютерную, политехническую, медицинскую лексику, имена собственные, сленг и проч. Много примеров и сочетаемости. В него входит около 2,5 миллионов японских и 2,2 миллиона английских лексических единиц.

Некоторые лексикографические разработки представлены только в сети. К ним в частности относятся проекты Вародай и Якуру, разработанные носителями русского языка. Среди японо-английских словарей

популярны Tangorin [27] и Jisho [21], на которых мы не будем останавливаться подробно.

Основа словаря Вародай [29] — это оцифрованный, исправленный и доработанный коллективом энтузиастов БЯРС. Словарь насчитывает 96 000 словарных статей. Как мы говорили ранее, он входит в подборку словарей формата EPWING.

Последний словарь, на котором хотелось бы остановить ваше внимание, — это словарь Yakuru [30]. Это самый большой на сегодняшний день японо-русский / русско-японский словарь, который насчитывает свыше 1 миллиона слов. Он состоит из общего и 14 отраслевых словарей: политехнический, физический, химический, медицинский, строительный, экономический и проч. Словарная статья состоит из трех элементов: русский вариант, японский вариант и чтение (хирагана / произношение) для японского варианта. Вводить японские слова можно: латиницей, каной и иероглифами. Словарь Yakuru начал разрабатываться в 2006 г. базирующимся в Японии бюро переводов YakuRu и впервые был выпущен в 2008 г. С 2013 г. он существует только в онлайн версии, что, на наш взгляд, к сожалению, сужает его применение, так как в отличие от словарных приложений, необходимо всякий раз обращаться к странице в Интернете, где размещен словарь.

Итак, мы рассмотрели основные словари и словарные приложения, разработанные в Японии. Как же обстоят дела с отечественной японистической лексикографией? Ситуация далека от оптимистичной. После распада Советского Союза новые словари практически не издавались. В частности, в издательстве “Живой язык” появилось довольно много репринтных изданий словарей, которые считаются классикой японистики, такие, как упоминаемый ранее БЯРС под редакцией Н. И. Конрада, “Японско-русский учебный словарь иероглифов” Н.И.Фельдман-Конрад, “Большой русско-японский словарь” С.Ф.Зарубина и А.М.Рожецкина и др. Единственное исключение — словари компании “Ньютек Лингва”: “Японско-англо-русский

словарь по монтажу промышленного оборудования» [4] и «Японско-англо-русский строительный словарь» [5], выпущенные в 2010 и 2012 гг. соответственно. Но все это бумажные версии.

Что касается электронных словарей, то существуют интернет-проекты, о которых мы уже говорили выше, а также оцифрованные (по принципу электронных книг) словари на сайте Литрес (www.litres.ru), где попадаются совершенно дикие варианты, такие как изобилующие ошибками словари автора Надежды Надежкиной «Японско-русский визуальный словарь с транскрипцией» и «Японско-русский Русско-японский словарь», издательство «АСТ», 2018 г., а также «Русско-японский тематический словарь. 9000 слов», издательство «Ти энд Пи Букс Принт», 2014 г. анонимного автора. Вероятно, исходный язык тематических словарей – английский, а над японским поработал Гугл-переводчик. Подобные тенденции очень печальны, так как для изучающих японский язык словарь с ошибками вреден, а для знающих бесполезен.

Теоретические исследования и практические работы в области японско-русской электронной лексикографии ведутся в Институте востоковедения РАН в рамках проекта ЭЛЕЯРС [2, 3].

Цифровые технологии предоставляют возможности новых видов работы с лексикографическим материалом помимо обращения к электронным словарям и приложениям, о которых речь шла выше. Так, например, для поиска чтений незнакомого иероглифа существует функция фотографирования и последующего его распознавания, представленная в приложении Google Translate [15] и др. Для создания глоссариев по незнакомой тематике: сравнение русского и японского текстов в Википедии, чтение профильных японских и русских сайтов для поиска и сопоставления правильных переводных эквивалентов.

Цифровизация лексикографического материала началась в Японии во второй половине 80-х гг. XX в. Во многом

она связана с теми типами носителей, на которых размещаются словари. Сначала они издавались на CD-ROM, и для обращения к ним был необходим компьютер. В 1990-х — сер. 2000-х гг. наиболее популярны стали отдельные компактные электронные словарные устройства. В 2000-е гг. словари стали выкладывать на Интернет-сайтах. А с конца 2000-х гг. по наше время в связи с развитием смартфонов и прочих гаджетов широкое распространение получили словарные приложения, как в виде отдельных словарей, так и платформ-словарных оболочек.

Электронные словари в отличие от бумажных не требуют много места и позволяют “носить” с собой большое количество словарей. Они обладают более высокой скоростью и широкими возможностями поиска: отдельной словоформы целиком, ее префиксальной / аффиксальной формы, контекстных вхождений. Поиск может осуществляться одновременно в большом количестве словарей, можно делать закладки, запоминать историю поиска, создавать собственные глоссарии. В словаре есть звуковые файлы с произношением, анимация написания иероглифа по порядку черт, возможности ввода незнакомых иероглифов с помощью написания стилусом или по фотоскану и др. мультимедийные функции. Во многих словарях есть категоризация лексики по различным семантическим полям и стилистическим группам. Наиболее распространенной платформой является EBRocket ввиду доступности большого числа словарей. Для поиска переводных эквивалентов с русского на японский язык наилучшие варианты: словарь “Кэнкюся” на платформе Логовиста, а также Интернет-словарь Yakuigi. Многие приложения помимо чисто словарной функции также полезны для изучения японского языка.

Среди недостатков можно назвать большое количество разных оболочек или платформ, не совместимых друг с другом, что лишает возможности одновременного поиска по нескольким словарям.

Какое будущее ждет цифровую лексикографию предугадать сложно, так как во многом это связано с

разработкой новых технологий и, следовательно, новых носителей. Вполне вероятно, что развитие искусственного интеллекта, больших данных, языковых корпусов, систем машинного перевода и самообучающихся систем в далеком будущем превратят словари во что-то архаичное и экзотичное, но пока, можно сказать, наверняка, данная область непременно продолжит свое развитие.

Автор выражает благодарность с. н. с. Института востоковедения РАН А. В. Костыркину за ценные замечания, высказанные в ходе написания данной статьи.

Литература

1. Алпатов В.М. О специфике японских словарей. Язык и культура. Новое в японской филологии. М., 1987. С. 40-49.
2. Демич К.И., Костыркин А.В., Шаляпина З.М. Исследования по японско-русской электронной лексикографии. Выпуск первый. М.: Институт востоковедения РАН, 2019.
3. Демич К. И., Костыркин А. В. Старые вызовы и новые решения в вычислительной среде: возможности формата оболочки «Лексикотроника» для Электронного японско-русского словаря. Ч. I–III // Вестник Института востоковедения РАН. 2019. №№ 2, 3, 4.
4. Тарасова Е. С. Об особенностях японских ежегодных словарей новых слов и актуальных понятий // IV Житниковские чтения: Актуальные проблемы лексикографирования научных исследований: Материалы межвуз. науч. конф. Челябинск, 2000. Ч. II. С. 67–74.
5. Tono Yukio. Pocket Electronic Dictionaries in Japan: User Perspectives // Henning Bergenholtz, Sandra Nielsen, Sven Tarp (eds.) Lexicography at a Crossroads: Dictionaries and Encyclopedias Today, Lexicographical Tools Tomorrow. Peter Lang Pub Inc. P. 33–67. 2009.
6. 柏野和佳子 「国語辞典」 // 新「ことば」シリーズ 22. 辞書を知る国立国語研究所. 2009. P. 58–63.
7. 長谷川秀記 日本の電子出版 30 年の軌跡 電子辞書・

電子書籍の黎明期から現在まで 日本電子出版協会 J-STAGE 情報管理 59 巻 (2016) 9 号
https://www.jstage.jst.go.jp/article/johokanri/59/9/59_587/_html/-char/ja

Словари и приложения

1. Большой японско-русский словарь. В 2 томах / Ред. Конрад Н.И.; Изд-во: М.: Советская энциклопедия, 1970.
2. Японско-англо-русский словарь по монтажу промышленного оборудования, под общей ред. И.С.Поповой, А.В.Костыркина; Астрахан. гос. ун-т; Newtech Lingua. Астрахань: Астраханский университет; М.: Япония сегодня, 2010.
3. Японско-англо-русский строительный словарь, под общей ред. И. С. Поповой, А. В. Костыркина (Институт востоковедения РАН); Newtech Lingua. М.: Ньютек Лингва, 2012.
4. Яркси <https://yarxi.ru/>
5. Aedict3
<https://play.google.com/store/apps/details?id=sk.baka.aedict3>
6. All 国語辞書, Japanese ↔ Japanese
<https://play.google.com/store/apps/details?id=com.copyharuki.japanesejapanesedictionaries&hl=ja>
7. Electronic Dictionary Research and Development Group
www.edrdg.org
8. Google Translate <https://translate.google.com/>
9. gSho
<https://play.google.com/store/apps/details?id=com.gshoapp>
10. Imiwa?
<https://apps.apple.com/us/app/imiwa/id288499125>
11. iPhone 大辞林 東京 物書堂 2008.
12. Japan Knowledge <https://japanknowledge.com/>
13. Japanese
<https://play.google.com/store/apps/details?id=com.renzo>

- .japanese&hl=en
14. Jisho <https://jisho.org/>
 15. <https://kotobank.jp/>
 16. <https://www.logovista.co.jp/LVERP/top/Default>
 17. MediPass Русский ▪ Английский ▪ Японский медицинский словарь для iPhone.
 18. Nihongo <https://nihongo-app.com/>
 19. Shirabe jisho <https://apps.apple.com/us/app/shirabe-jisho/id1005203380>
 20. Tangorin <https://tangorin.com/>
 21. Tatoeba project <http://tatoeba.org>
 22. Warodai <https://www.warodai.ru/lookup/index.php>
 23. Yakuru <https://yakuru.net/>
 24. 英辞郎 <https://eow.alc.co.jp/>
 25. 現代用語の基礎知識 CD-ROM 版. 東京: 自由国民社, 1988
 26. 広辞苑第三版 CD-ROM 版. 東京: 岩波書店, 1987.
 27. 最新科学技術用語辞典 藤原鎮男 [ほか]編. 東京: 三修社, 1985.
 28. 辞書 by 物書堂 <https://apps.apple.com/jp/app/id1380563956>
 29. スマート辞書 <https://play.google.com/store/apps/details?id=com.smarttoolab.dictionarycamera&hl=ja>
 30. プログレッシブロシア語辞典 (日本語) 中澤英彦 (編集), 加藤敏 (編集), 北村充 (編集), 嵐田浩吉 (編集), 長谷川章 (編集) 東京 小学館 2015.

**Когнитивный подход к методике преподавания
японского языка на материале
романа Кавабата Ясунари «Снежная страна»**

**日本語らしさの習得のための日本語教育と認知言語学
－ 川端康成『雪国』の事態把握と視点を中心に**

近年、認知言語学の研究は学際的な広がりを見せ、語学教育での研究成果の応用が注目されている。日本語教育分野でも、日本語における「自然な」言語運用能力・発話能力、「好まれる言い回し」を学習者に習得させるための知識を日本語教授法に活かそうという試みがされている。

У.П. Стрижак も語学教育は、外国語の言語単位の単なる羅列を覚えさせるだけでなく、その言語の背景にある言語文化コード、つまりその言語文化共同体に特有の概念構造全体を学習者に習得させ、語学教育は「воспитание вторичной языковой личности」であるとし、認知言語学的な考察の重要性を指摘している。外国で日本語母語話者の教師を務める筆者も、単に日本語の文法構文や慣用的言い回しを提示するだけでなく、その背景にある日本語特有の認知メカニズムを教師自身が学んでいくことは非常に大切であり、母語話者であるからこそ見落としがちな問題や感じられる感覚を日々意識しなければならないことを痛感している。また、学習者としても教師としても日本語習得の難しさを実感してきた非母語話者教師との連携があつてこそ、より効果的な教授法が確立できると確信している。

話者が事態を言葉で表すときにどのような捉え方(интерприация / construal)をし、それを概念化(концептуализация)するのか、言葉によって捉えられる世界像(языковая картина мира)はどう違うのか、言葉によ

って捉えられた世界像から再び言葉を介して構築される思考の産出(языковая репрезентация)はどう違うのかを、これからの語学教育では踏まえて行かなければならないのである。

池上・守屋(2009)の『自然な日本語を教えるために一認知言語学を踏まえて』では、日本語学習者の誤用(人称対名詞の多用、感情感覚表現、テンスやアスペクトの問題(テイク・テクル、タ・テイル)、受動態と恩恵、指示語、ンデス、配慮表現、否定疑問など)は、学習者が、言語化に先立つ日本語における事態把握の特徴を理解しているかどうか起因している。

たとえば、学生が教師に試験の解答終了後に「帰ってもいいですか」というのが自然であるところ、「答えを書いたら帰れますか／帰ることができますか」と問う学習者がいるのは、「日本語話者が言語化に先立つ<事態把握>の段階で、聞き手を事態に取り込んだうえで、聞き手への配慮を社会的・文化的背景と共に認知し、言語化の仕方に反映させるということを、十分理解できていなかったために、起きた問題」であると池上・守屋ら(2009)は説明している(池上・守屋ら 2009:44)。

このような問題を回避するためには、B.J.ウオーフ(Whorf)の言語的相対論(linguistic relativism)に基づいた、好まれる言い回し(fashions of speakers)の検証と「自然な言い回し」「～語らしさ」という言語感覚の教授法の確立が重要である。

池上・守屋ら(2009)が著書の中で強調しているのは、日本語話者は「『見え』のままに話す」とことと「共同で話す」ということだ。この「見え」を、守屋は「基本的に主体が外界から感覚的・知覚的にとらえた像を指すが、主体が経験に基づき自身の頭に思い浮かべた像も含みう

る」としている（池上・守屋ら 2009:47）。どの言語でも、話者の概念化に基づく言語的世界像(языковая картина мира)を言語化(вербализация)するわけだが、そうすると、どこからその「картина 像」を見るのか、その「картина 像」には何が描かれているのか、という視点¹と焦点の問題が発生する。

各言語らしさを導く＜事態把握＞について、英語話者は客観的・俯瞰的であるのに対し、日本語話者は主観的・臨場的であるということが指摘されている（森 1998、金谷 2004、池上 2006、池上・守屋ら 2009 など）²。主観的、つまり話者が事態の中において、臨場的・体験的に事態を把握する場合、現場にいる話し手の目に映った（見える）事態を言語化することになり、見えないものは認識されず、表現の対象にならないのである。つまり、自分の目から自分が見えないのと同じで「私」は観察の原点（＝視点）であって、把握の対称ではない、ということである。したがって、英語では「Where am I?」という言語化が普通だが、日本語では「ここはどこですか」と「私」が把握・言語化されないのが一般的なのがある。

¹ 認知言語学キーワード事典では、視点(perspective)と観点(viewpoint)が区別されて用いられる場合もあるが、視点/観点/パースペクティブ(perspective)という用語は厳密な区別なしで用いられる場合もあると注意が促されている（辻ら 2002:98-99）。池上・守屋ら（2009）では、「観察の原点」（池上・守屋ら 2009:61）。

² 池上は話者による「事態把握(construal)」を「主観的把握(subjective construal)」「自己投入(self projection)」と「客観的把握(objective construal)」「自己分裂(self split)」という 2 つの類型に分け、日本語話者は前者、英語話者は後者を好む傾向が強いと結論付けている（池上 2006:190-191）。長谷部（2014）のように決めつけてしまうことへの危惧を提唱する論考もあるが、多くの研究者に池上の見解は支持されている。

このような事態把握の違いによる言語化の差については、У.П.Стрижак の一連の研究に詳しく書かれており、人称代名詞の省略はアンナカレーニナなどのロシア文学の日本語対訳との対照研究でも報告されている(Стрижак 2013)。そのほかに、待遇表現における授受動詞の使用、謙譲表現が顕著であり(Стрижак 2013)、主観的事態把握と客観的事態把握の対称、無生物主語と受動態の関係性が日本語の言語文化における世界観を反映していることが報告されている(Стрижак 2017)。

事態把握を行う主体の視線の起点となる観点(point of view)について、森田(1998)は、日本語の表現の発想は「地面を這って進む爬虫類型、蛇のように前へ進みながら進行方向を適宜変えていく」スタイルであるとしている(森田 1998: 174)。森田(1998)の「鳥の視点—蛇の視点」や、金谷(2004)の「神の視点—虫の視点」という表現は、言語学者から批判があり熟考を要するテーマだが、言語理論を必要とせず実用を優先する学習者にできるだけ効率よく自然な日本語を修得させるという実用的な応用について考える場合、学習者の記憶に残りやすくイメージがしやすい(=教師も描写・板書・画像表示しやすい)という面で、これらの先行研究を参考にする価値がありそうである。

各言語における話者の視点を論考する際によく例として引用されるのが『雪国』の冒頭部分である(森田 1998、金谷 2004、池上 2006、池上・守屋ら 2009 など)。

1. 国境³の長いトンネルを抜けると雪国であった。(川端康成『雪国』)

³ 「国境」の読み方には諸説あるが、NHK アーカイブスのドラマ映像では「こっきょう」とされている。

2. The train came out of the long tunnel into the snow country. (E. G. Seidensticker 訳)

日本語の原文では、語り手は主人公島村と同じ視点、即ち、汽車の中から窓の外を眺めるような視点で事態把握・言語化しているため、汽車が言語化されていない。視点が事態の内、汽車の中に入り込んでいるからである。そして、読者も、主人公島村と同じ視点に立っている語り手も、視点を同じにすることで、車窓から見える景色を共体験し、臨場感が生まれている。NHK アーカイブスのWEB ページで 1970 年に放送されたドラマの冒頭部分が 3 分 15 秒公開されており⁴、それを見ると一目瞭然である。ぜひ日本語学習者に見ていただきたい。

それに対し、池上・守屋ら(2009)によると、西欧語や中国語を母語とする学習者に『雪国』の冒頭部分を読んで絵を描いてもらおうと、山のトンネルから出てくる汽車の絵を書く人が多いそうだ⁵ (池上・守屋ら 2009 : 45)。池上(2006)の指摘にもあるように、英語の述語動詞の come により汽車が<視る主体>としての主人公の方向へ近づいてくる構図がわかる。池上(2006)はフランス語とドイツ

⁴ NHK アーカイブス、ドラマ『雪国』 (1970 年)

https://www2.nhk.or.jp/archives/tv6obin/detail/index.cgi?das_id=D0009010160_00000 (2020 年 7 月 31 日)

⁵ 池上・守屋ら (2009) では何語で読んでもらったのかは明記されていないが、金谷 (2004) ・小谷野 (2019) によると、認知言語学者の池上嘉彦が 1991 年に NHK テレビの「日本語セミナー」でエドワード・サイデンスティック (Edward Seidensticker) が英訳した文を読んでもらった実験があるようだ。ただ、果たして日本人が日本語で読んでもどのように絵で書き表すのかという問題に対して、小谷野 (2019) のように書きやすいから「もし私が絵を描くとしたら、やはりトンネルから汽車が出てくる俯瞰図を描くと思う」 (小谷野 2019:108) という意見もある。

語の例も取り上げ、日本人が訳したフランス語訳(3)と2004年に新たに出版されたドイツ語訳(5)では汽車が言語化されておらず、「原文のもつ主人公の体験という意味合い」を意識し反映させようとする努力が感じられるとしている(池上2006:196)

- 3 Un long tunnel entre les deux regions, et voici qu'on etait dans les pays de neige. (B.Fujimori 訳)
- 4 Als der Zug aus dem langen Grenztunnel herauskroch, lag das „Schneeland“ vor ihm weit ausgebreitet. (O. Benl ドイツ語訳)
- 5 Jenseits des Tunnels erschien das Schneeland. (T. Cheung 訳2004) (池上2006)
- 6 Поезд проехал длинный туннель на границе двух провинций и остановился на сигнальной станции. Отсюда начиналась снежная страна. (З.Рахима 訳)

ロシア語では、原文の第1文と第3文を合わせた重文で訳出されており、それぞれの主語は汽車だが、後の文では省略されている。Падучева(2004a,2004b)は、汽車に焦点を当てず言語化しない日本語に対し、ロシア語では кто прошел через туннель?誰がトンネルを通ったのかをはっきりさせるために英語と同様に汽車に焦点を当てる必要があり、ロシア語訳で「汽車」は必ず言語化しなければならない対象だと強調している(Падучева 2004a:157, 2004b:189)。

汽車の動きの向きに関しては、英語訳では汽車の動きが come で表され、事態把握をしている視点(語り手)に汽車が向かって来ているような動きであったのに対し、ロシア語では проехать で、汽車が長いトンネルを走り抜けたことが言語化されているだけで、動きの向きは与えられていない。動きの向きは、重文を用いてトンネルか

ら駅までの移動が示唆されているが、視点が汽車の動きに対してどの方向にあるかは定かではなく、視点の前を横切る構図も考えられる。

さらに『雪国』を読み進めてみよう。

7 国境のトンネルを抜けると雪国であった。夜の底が白くなった。信号所に汽車が止まった。

向こう側の座席から娘が立って来て、島村の前のガラス窓を落とした。雪の冷気が流れ込んだ。

8 The train came out of the long tunnel into the snow country. The earth lay white under the night sky. The train pulled up at a signal stop.

A girl who had been sitting on the other side of the car came over and opened the window in front of Shimamura. The snowy cold poured in.

9 Поезд проехал длинный туннель на границе двух провинций и остановился на сигнальной станции. Отсюда начиналась снежная страна. Ночь посветлела.

Девушка, сидевшая по другую сторону прохода, поднялась, подошла и опустила окно рядом с Симамурой. В вагон ворвался холодный, пахнувший снегом воздух.

日本語で「夜の底が白くなった」と夜を深さのある容器のメタファーで空間を捉えることが可能になるのは、語り手の視点が汽車と一緒に地面を這い下から上に空を見上げているからであり、「底」という語で視点の上の夜空と下の雪との上下の空間が生まれている。英語でも under が上下空間を示しているが、容器メタファーは言語化されていない。ロシア語では双方とも言語化されていない。

次に視点の位置（視座）について考えてみたい。英語もロシア語も、第一段落と第二段落は事態把握の視点は汽車の外にあり汽車がく見えるため汽車が言語化されていることは先に述べたが、第二段落では少し異なっている。ロシア語では другая сторона прохода 通路の反対側から娘が島村に近づくのに対し、英語では the other side of the car 車両の反対側から来ると、再び「汽車」が言語化されている。原文では проход 通路や car 車両は言語化しなくても、島村から見て直示的に「向こう側」から立って島村の方に「来る」と言えるのは、語り手の視点が島村と共にあるからだ。読み進めるとわかるが、娘は島村の真横ではなく、通路を挟んだ向側の、島村と対面する側の席から立って来るのである。ロシア語の подойти は視点が娘側にあっても島村側にあっても用いることができ、視座を確定することは難しい。

それに対し、日本語では、視点の位置（視座）は2段落を通して汽車の中の島村の座席から動かず、語り手は島村と共に閉ざされた汽車の中の、しかも狭い座席の空間にいる。

このように、日本語らしさの習得には、視点をどこに置き、そこから何をどう見て、または何を見ないで発話するのかなの訓練が必要であることがわかった。日本語の視点の訓練は、発話や作文のわかりやすさに直結するため、今後、ロシア語と日本語の事態把握の視点の違いと類似点の検証、日本語に特徴的な視点からの事態把握と言語化を習得できるような教授法の確立と教材の作成を進める必要がある。

Список использованной литературы

Падучева Е. В. (2004a) Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. 610 с.

- Падучева Е. В. (2004b) Метафоры и ее родственники // Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура: сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004. С. 187–203.
- Стрижак У. П. Концептуальная картина мира и языковые средства ее репрезентации в обучении иностранному языку // Сб. тезисов межд. конф. «Методические и психолого-педагогические проблемы преподавания иностранных языков на современном этапе». Харьков, 2013. С. 63–64.
- 池上嘉彦 (2006) 『英語の感覚・日本語の感覚』 <ことばの意味>のしくみ』 NHK ブックス, 2006, 249 с.
- 池上嘉彦・守屋三千代編著 (2009) 『自然な日本語を教えるために—認知言語学を踏まえて』 ひつじ書房, 2009, 227 с.
- 金谷武洋 (2004) 『英語にも主語はなかった』 講談社選書メチエ, 2004, 248 с.
- 小谷野敦 (2019) 『哲学嫌い ポストモダンのインチキ』 秀和システム, 2019, 223 с.
- 辻幸夫編著 (2002) 『認知言語学キーワード事典』 研究社. 2002, 314 с.
- 長谷部陽一郎 (2014) 「視点配置と文脈情報—認知文法からみた『雪国』とその英訳テキスト—」 『表現研究 100』 2014, С.21-30.
- 森田良行 (1998) 『日本人の発想、日本語の表現—「私」の立場がことばを決める』 中公新書, 1998. 241 с.
- 川端康成 (2006) 『雪国』 新潮社. 208с.
- Kawabata Yasunari. Snow Country And Thousand Cranes (Modern Classics) New York, First vintage international edition, 1996. 175с.
- Кавабата Ясунари. Снежная страна // Кавабата, Ясунари. Тысячекрылый журавль. Снежная страна. Новеллы, рассказы, эссе. М.: Прогресс, 1971. С. 180–284.

**Особенности употребления императивных и
прохибитивных форм и конструкций в современном
японском языке: на материале анкетирования
студентов**

**現代日本語における命令・依頼・禁止表現の使用実態
-大学生のアンケート調査の結果を元に-**

1. はじめに

本稿では、命令文のなかの禁止、命令、依頼表現を取り上げ、その意味や働きの上での特徴を記述することを目的としている。命令表現とは、相手に行為を要求する表現である。丁寧な命令表現は依頼表現と呼ばれている。否定の命令・依頼表現を禁止表現という。工藤(1989)は日本語における待遇表現を分析する中で、意味論の観点から命令表現の問題点を指摘した。しかし、命令表現は何に基づいて選ばれているかについての研究はまだ調査が十分ではないのが現状である。そこで、本稿では、話し手と相手の関係は命令表現の選択にどのような影響を与えるかという問題について考察したい。このために命令表現が使われるさまざまなシチュエーションを取り上げたアンケート調査を行い、その結果を分析する。

2. 先行研究

2-1. 命令表現と叙法性の関係について

命令表現とは、相手に行為を要求する表現である。「しろ」、「しなさい」、「してください」などの動詞の形を述語に持つ文は、聞き手に動作の実行を強く命令する・丁寧に依頼するというモーダルな意味を表現している。このような意味を持つ文は、命令文と呼ばれている。

工藤 (1989)は「叙法性 (modality)は、文の文法的なカテゴリーである。文の内容に対する話し手の心的態度だろう—それに対応して立てられる、文レベルの意味・機能

的なカテゴリーが、叙法性である (p.35)」と述べている。働き掛けの表現は行為に対する話し手の態度を表すので、ここから働き掛けの種類である命令表現も叙法性というカテゴリーに付属するということがわかる。

2-1-1. 命令を意味しない表現が命令を意味する場合について

普通、命令を意味しない表現も命令を意味することがある。特に、動作動詞の完了形や終止形でも場合によっては命令を意味することがあり、いわゆる命令表現でなくても叙法性と考えられる。だから、完了形や終止形の形も、命令表現の1つとして調査項目の中に入れる。例えば、「さあ、走った、走った!」という動作動詞の完了形がよく用いられる。このような表現は、発話直後に実施されるべき差し迫ったものである。終止形「走る」を使う場合は、学校の先生が生徒に指示したり、親が子供に注意を与えているようなニュアンスを帯びる¹。

2-2. 話し手の立場から見る命令表現

日本語における命令表現の使い方は、話し手の立場によって異なると言われている。仁田義雄 (1995) は、「日本語における命令表現は待遇表現と密接な関係にある (p. 230)」と述べている。これは、話し手と相手の関係、また、話し手の相手に対しての感情は命令表現の選択に影響を与えるということを意味している。相手は目上の人であるか、目下の人であるかなどが命令表現の選択に重要な役割を果たす。たとえば、「走って頂戴」、「走ってくれ」、「走ること」、「走るように」、「走れ」は砕けた言い方であり、目下に対してしか使うことができない。両親は子供に対して、先生は生徒に対してはこの間接的な形式を使うことができる。目上の人に対しては丁寧な形を使う。

¹ 完了形や終止形は命令を意味する場合については益岡隆志(1995)に詳しい分析がなされる。

例えば、「切符を見せてもらえませんか」、「走ってくださいませんか」などいろいろな敬意を表す命令表現がある。

以上に、叙法性と待遇表現の面から、命令表現について先行研究をもとに考察した。その結果、日本語における命令表現の使い方は、話し手の立場、相手との関係によって異なるということが分かった。

では、日本人は、実際にどのような使い分けをしているのだろうか。これを調べるために、命令表現が使われるさまざまなシチュエーションを取り上げたアンケート調査を行った。以下に、その方法について述べたい。

3. 調査概要

3-1. 調査の目的

話し手の命令表現の選択に影響を与える原因を調べることが、今回の言語調査の目的である。命令・依頼・禁止の表現を選び、12人の相手を挙げる。アンケート調査の目的は、学生と大学院生はこの12人の相手に対してどんなフォームを使うか、どんなフォームを使わないかという問題について調べることで、現代日本人の若者は目上・目下・同年代の人に対してどんな命令・依頼・禁止の表現を用いることを明らかにすることです。

被調査者である学生（学部生と大学院生）に、年齢や相手との親疎によってどのような命令・依頼・禁止の表現を使うか、あるいは使わないかを問うアンケートを行うことで、現代の日本の若者が何によって表現を使い分けているのかを明らかにする。

3-2. 調査の方法

被調査者の性別、相手の年齢別に日本の学生と大学院生を対象にアンケート調査を行った。被調査者は自分のスピーチでさまざまな相手に対して使う命令・依頼・禁止の表現に「○」をつけた。相手としては、先生、店の人、

友達、年をとった知らない人、同年代の知らない人、父、母、祖父、祖母、兄、姉弟、妹を選んだ。

アンケートでは、動詞「読む」を元にする命令・依頼・禁止の表現を示す共に、それを使うであろうと想定される 12 人の相手を提示した。被調査者には、この 12 人に対してどのようなフォームを使うか、あるいは使わないかを答えるよう指示した。取り上げた命令・依頼・禁止の表現と 12 人の相手については添付資料参照。

3-2-1 調査地、調査期間

2018 年 2 月 12 日から 17 日にかけて東京で調査を行った。

3-2-2. 調査の対象

被調査者は青山学院大学、桜美林大学、早稲田大学という三つの大学の学生と大学院生である。命令・依頼表現についてのアンケートに答えた被調査者は 20 歳以上の女性 30 名、男性 10 名、計 40 名である。禁止表現についてのアンケートに答えた被調査者は 20 歳以上の女性 33 名、男性 13 名、計 46 名である。

調査の結果を、表 1, 2 に示す。紙幅の関係上、今回は被調査者の性別の分析結果のみを示す。アンケートでは、動詞「読む」を元にする命令・依頼・禁止の表現を示す。

表 1 命令・依頼表現の実態使用（性別）

命令・依頼の表現	表現を使う 男性の割合	表現を使う女 性の割合
砕けた形(年下の親しい相手、友達に対して): 「読め」、「読んで」、「読んでくれ」、 「読みなさい」、「読んで頂戴」等	85.8%	90%
間接的な命令表現（目下に対して）: 「読むように!」、「読む!」、 「読んだ、読んだ!」、「読むこと!」等	50%	30%
丁寧な形（年上の知らない人、目上の相手に対して）: 「読んでください」、「お読みください」等	92.4%	98%

疑問化された依頼表現（肯定文） （親類、友達、同年代の知らない人 に対して）： 「読んでもらえる？」、「読んで くれる？」、「読んでくださる？」等	50%	20%
疑問化された依頼表現（否定文） （親類、友達に対して）： 「読んでもらえないか」、「読んで くれないか」等	25%	20%
疑問化された丁寧な依頼表現（肯定文）（親 類、友達、同年代の知らない人に対して）： 「読んでいただけますか」、「読んで くれますか」、「読んでくださいますか？」等	50%	30%
疑問化された丁寧な依頼表現（否定文）（年 上の知らない人、目上の相手に対して）： 「読んでくださいませんか」、 「読んでいただけませんか」等	50%	70%

表2 禁止表現の実態使用（性別）

禁止表現	表現を使う 男性の割合	表現を使う 女性の割合
砕けた形（年下の親しい人、友達に対して）： 「読むな」、「読まないで」、 「読まないでくれ」等	82%	89%
間接的な禁止表現（目下に対して）： 「読まないように！」、 「読まないの！」、「読まないこと！」等	50.3%	80%
丁寧な形（年上の知らない人、目上の相手 に対して）： 「読まないでください」等	100%	100%

4. 結果と考察

4-1. 砕けた形

男性と比べると、女性は目下の親しい相手に対して「読むように！」、「読む！」、「読んだ、読んだ！」、「読むこと！」という砕けた形を使わないことがわかる。そのか

わり、目下の親しい相手に対して「読んでくれ」、「読みなさい」という直接的な命令表現を使う傾向がある。また、現代の若者は間接的な命令表現をあまり使わないことが明らかになった。

また、間接的な禁止表現においては、使う男性の割合と使う女性の割合が異なっており、その差はほぼ 30%に達している。命令の「—て」、「—てくれ」、禁止の「—ないで」、「—ないでくれ」という形の場合、使う男性の割合と使う女性の割合がほとんど差がない。ここから、この形は性別に関係なくよく使われるということがわかった。

4-2. 丁寧な形

全体的に見ると、20 代の女性は、敬意を表す依頼表現と最も丁寧である疑問化された依頼表現を使う場合が男性より多いことがわかる。20 代の若者は目上の人に対しては疑問化された依頼表現のかわり、「—ください」という形を含む表現を使う。

5. 結び

以上、日本語における命令表現の使用状態について分析を試みた。その結果、日本語における命令表現の使い方は、話し手の立場、相手との関係によって異なるということが分かった。アンケート調査の結果は、20 代の女性の表現は同年代の男性の表現より丁寧であることを示し、また、男女共に目下の親しい相手に対して複雑な表現を使わなくなっていることも示した。また、現代の若者は疑問化された命令・依頼表現を使わなくなっている。ことも明らかになった。目上の人に対しては疑問化された依頼表現のかわりに、「—ください」という形の表現が用いられる。ここから、若者は目上の人に対してより簡単な命令表現を使うということが分かる。これが、日本語の簡略化に大きな影響を及ぼしているのではないだろうか。

日本語における命令・依頼・禁止表現の使用状態についての考察を深め、変遷を知る糸口とすることを今後の

課題として稿を閉じたい。

6. 謝辞

この論文に対して有益なコメントをくださった品川直美に感謝いたします。

東京で本調査にご協力下さった青山学院大学の大学院生、桜美林大学の大学院生、早稲田大学の学生と大学院生に心からの感謝を捧げたい。

本研究を御指導頂いた、東京外国語大学外国語学部の工藤浩教授に厚く御礼申し上げます。

参考文献

工藤浩 (1989) 「現代日本語の文の叙法性」『東京外国語大学論集』第 39 号 pp.35-56

城田俊 (1998) 『日本語形態論』ひつじ書房

仁田義雄 (1995) 『日本語のモダリティと人称』ひつじ書房

仁田義雄、益岡隆志 (1989) 『日本語のモダリティ』くろしお出版

益岡隆志 (1995) 『モダリティの文法』くろしお出版

森山卓郎、安達太郎 (2001) 『文の述べ方』くろしお出版

添付資料 1. 誰に対してどんなフォームを使いますか。使うものに (○) をつけてください。

命令・依頼の表現	相手									
	先生	店の人	友達	年をとった知らない人	同年代の知らない人	父	母	祖父、祖母	兄、姉	弟、妹
読め										
読みたまえ										
読んで										
読みなさい										
お読みなさい										
読んでくれ										
読んでやれ										
読んでおくれ										
読んでくれ たまえ										

ЯПОНИЯ XXI NOVA: эра и век

読んで ちょうだい										
読んでごらん										
読んでください										
お読みください										
読んでいただけ ないか										
読んで くれないか										
読んで くれませんか										
読んでください ませんか										
読んでいただけ ませんか										
読んで もらえませんか										
読んで もらえないか										
読んで もらえまいか										
読んでくれます か										
読んで もらえますか										
読んでくださ る？										
読んで もらえる？										
読んでくれる？										
読んでほしい										
読んでもらいた い										
読むのです										
読むものです										
読むのだ										
読むように										
読む！										
読むこと										
さあ、走った、 走った！										

添付資料 2. 誰に対してどんなフォームを使いますか。使うものに (○) をつけてください。

命令・依頼・禁止 の表現	相手									
	先生	店の 人	友 達	年をとった 知らない人	同年代の知 らない人	父	母	祖父、 祖母	兄、 姉	弟、 妹
読まないで										
読むな										
読まないでおくれ										
読まないでくれ										
読まないでくれたまえ										
読まないでちょうだい										
読まないでください										
読まないでほしい										
読むのではありません										
読むものではありません										
読むのではない										
読むものではない										
読まないように										
読まないこと！										
読まないの！										

ГЛАВА 2. ЯПОНИЯ И ИСТОРИЯ

Тюремное бюро и полицейское ведомство в средневековой Японии (на материалах дневников сановников эпохи Хэйан)

Тюрьма (*Сюгокуси*) и ведомство *Кэбииситё*, будучи ключевыми составляющими японской системы уголовного правосудия в эпоху Хэйан, все еще остаются малоисследованными в российской науке. В отечественном японоведении получила распространение точка зрения, что судебная система, нормы которой нашли отражение в масштабном собрании законов «*Тайхо Ёро рицурё*» (нач. VIII в.), практически не изменялась на протяжении эпох Нара (710–794) и Хэйан (794–1185), а прогресс в сфере уголовно-процессуальной деятельности обнаруживается только в период Камакура.

Исторические источники, между тем, свидетельствуют, что право периода Хэйан — динамически развивающийся организм, непосредственно связанный с конкретно-исторической обстановкой в стране. Порядок судопроизводства не только подробно регламентировался со всей должной строгостью (начиная с проверки наличия оснований для возбуждения дела и завершая рассмотрением дела в ведомстве с судебной юрисдикцией), но и планомерно корректировался.

Цель настоящего исследования состоит в изучении характерных черт судопроизводства в средневековой Японии преимущественно на основе дневников придворных чиновников (внимание читателей акцентируется на

деятельности тюремного и полицейского департаментов в эпоху Хэйан).

Эволюция института тюрьмы к началу X столетия находит отражение на страницах «Энгики» (сост. в 927 г.) – масштабного собрания внутриведомственных циркуляров¹:

Хэйанские источники сохранили информацию о расположении тюрем (всего в столице было две тюрьмы – восточная и западная), а также сведения о внутреннем убранстве тюремного департамента: к примеру, снаружи (перед воротами тюрьмы) горделиво возвышался Айлант высочайший – величавое, красивое дерево с густой кроной (на этом дереве было принято вывешивать на

¹Энгики [Церемониал годов Энги]. Т.1–3. Токио: 1998. Т.2. С. 725. Здесь мы находим интересные подробности будничности тюремного ведомства. Так, арестантов использовали в качестве рабочего люда на строительстве дорог и мостов, поскольку принудительные работы были неотъемлемой частью условий пребывания в месте заключения. Такая «трудотерапия» на официальном, идеологическом уровне осмысливалась в качестве важнейшей составляющей воспитательной работы над узниками, а также имела обширную практическую пользу: силами заключенных проводились ремонтно-восстановительные работы тюремных помещений, заготовка дров, починка ограды (Сэйдзи ёряку [Кратко о важнейших политических делах]. Токио: 1981, Тэнряку, 4-10-13, 950 г.); усилиями арестантов перед воротами восточной тюрьмы был вырыт колодец (Сёюки [Записи правого министра из рода Онономия]. Т. 1-11. Токио: 1959-1986. Тётоку, 2-6-13, 996 г.); заключенных использовали для уборки усадебных комплексов знати и за эти работы им выплачивалось вознаграждение (Мидо кампакуки [Записи канцлера из павильона Мидо]. Т. 1-3. Токио: 1952-1954 Канко, 2-2-4, 1005 г.).

общее обозрение головы казненных преступников общегосударственного масштаба)².

Незаменимость института тюрьмы для государственных интересов признавалась многими государственными мужами: когда здание восточной тюрьмы полностью сгинуло в огне пожарища, некий высший сановный муж предложил временно использовать часть своей усадьбы под нужды тюремного присутствия, пока оно не восстановят³. Немало неудобств причинило закрытие восточной тюрьмы в 1021 г. (в западной тюрьме оказалось недостаточно мест для размещения заключенных, а временный пункт распределения арестантов в *Кэбиуситё* едва справлялся со своими задачами)⁴, аналогичная ситуация повторилась и в 1092 г.⁵

Надлежит констатировать, что тюремный департамент не мог бы плодотворно выполнять возложенные на него функции без оперативного взаимодействия с полицейской управой-*Кэбиуситё* (учреждена между 816 и 834 гг.), с которой у тюремного бюро складываются продуктивные рабочие отношения, не исключающие, следует отметить, и конкуренции между служащими. Если ранее

² Головы обвиненных в умысле мятежа супротив государства Тайра Масакадо (940), Минамото Тамэёси (1156), Минамото Ёситомо (1160) и Фудзивара Нобуёри (1160) были вывешены на дереве у врат восточной тюрьмы. Головы Абэ Садато (1062) и Минамото Ёситика (1108) рядом с вратами западной тюрьмы. Вада Хидэмацу. Кансёку ёкай [Основные сведения о должностях]. Токио: 1990. С. 107-108.

³ Заключенных временно разместили в резиденции сановника. Сёюки. Эйэн, 1-4-28, 987 г.

⁴ Сёюки. Дзиан, 1-7-19, 1021.

⁵ Тююки [Записи правого министра]. Т. 1-6. Токио: 1934-1935. Кандзи, 6-9-9, 1092 г.

(VIII – первая половина IX вв.) судопроизводство являлось прерогативой Министерства Наказаний (*Кэйбусё*), Палаты Цензоров (*Дандзётэй*) и Тюремного бюро⁶, а функции служащих *Кэбииситё* состояли только в «патрулировании столичного града», «допросах бандитов и воров», «надзоре за исполнением наказаний» преступников не обвиняемых в государственных преступлениях⁷, то во второй половине IX столетия компетенция *Кэбииситё* в области следственных мероприятий и судебной деятельности начинает существенно расширяться (при этом роль *Кэйбусё* и *Дандзётэй* в судопроизводстве минимизируется). Полицейское ведомство получает право проведения собственного расследования в случае совершения опасных преступлений (убийства, разбойные нападения, развратные отношения и насилие, похищения, кражи и т. д.). По мере приумножения судебной власти *Кэбииситё* распространяет влияние на весь центральный регион (Кинай). «Филиалы» ведомства создаются и в более отдаленных провинциях⁸.

О профессиональной деятельности полицейских-кэбииси повествуют источники IX в. Только из летописных сводов мы можем почерпнуть данные о многочисленных судебных расследованиях, проведенных полицейскими

⁶ Формально подчинялось Министерству Наказаний, но фактически обладало автономностью и широкой правовой юрисдикцией.

⁷ Руйдзю сандай кяку [Классифицированные указы трех государей]. Т.1-2. Токио: 1998. Тэнтё, 9-7-9, 832 г.

⁸ Собрание официальных распоряжений, корректирующих процедуру судебного разбирательства в IX в. см.: Руйдзю сандай кяку. Указ. соч. Т. 2. С.629-647. Рост полномочий *Кэбииситё* и приобретение функций других ведомств объясняется наличием дополнительного источника финансирования.

чинами⁹. Случались, разумеется, ошибки¹⁰ и значительные инциденты¹¹, при исполнении погибали прославленные

⁹ Приведём несколько небезынтересных примеров. В 866 г. широкую огласку получило дело о сопряженных с риском последствиях безнравственного поведения, когда злоупотребления вредными привычками способствовало утрате человеческого облика, ибо в центре обсуждения оказался любитель выпить, который во время пьяной драки насмерть загубил своего собутыльника. В 885 г. за систематическую подделку государственных печатей был арестован чиновник 7-го ранга одной из столичных управ Ооиси Фукумаро. Он не только поставил на поток изготовление фальшивых печатей, но и организовал рынок сбыта произведённой продукции. Нихон сандай дзицуруку [Истинные записи трех правлений]. Токио: 1972. Дзёган, 8-10-25, 866 г.; Нинна, 1-12-23, 885 г.

¹⁰ Примером нераскрытого дела можно назвать ночное ограбление резиденции экс-императора Рэйдзэйн, когда были похищены дорогостоящие ткани и много ценных вещей. Сёюки. Тёва, 4-5-26, 1015 г.

¹¹ Иногда на преступный путь становились сыновья поборников законности. Фудзивара Ясусукэ, первоначально достойно исправлял службу в городской охране. Когда Ясусукэ был арестован по обвинению в организации банды, промышлявшей воровским грабежом, его престарелый отец лично явился в тюрьму, дабы удостовериться, что его любимое чадо – бандит. Нихон киракю [Краткие записи о Японии]. Токио: 1929. Эйэн, 2-6-13, 988 г. Известный приверженец выпестивания высокого морального духа, правый министр Фудзивара Санэсукэ (957-1046), не раз высказывал негативную оценку деятельности государственных управ. Когда в Хэйанкё участились случаи ночных поджогов, во время которых осуществлялись дерзкие ограбления мирных обитателей, Санэсукэ обрушился с резкой критикой на полицейское управление и городские охранные службы. После этого были сформированы дополнительные посты охраны, а кэбииси получили право ночного патрулирования столицы (ранее такой привилегией обладала только городская охрана). Сёюки. Каннин, 3-4-5, 3-4-13, 1019 г. Высказывал сомнения в результативности усилий кэбииси и Фудзивара Мунэтада (1062-1141). Сановник полагал, что «управы, коим надлежит следить за порядком, разбойникам попустительствуют»: вспышка

сыщики¹², все же, в X–XII вв. в области судебных тяжб полицейский департамент и тюремное бюро слаженно функционировали на надлежащем уровне, демонстрируя высокий уровень мастерства и компетентность¹³.

Между тем письменные источники хэйанской поры демонстрируют яркие образчики судебных казусов, которые по тем или иным причинам не получили достаточного освещения в кодексе «*Тайхо Ёро рицурё*» и собрании комментариев к законам «*Рё-но гизэ*» (несмотря на различные последующие коррективы, именно эти своды, вне всякого сомнения, оставались фундаментом правовых знаний в эпоху Хэйан). Обратим внимание читателя лишь на один репрезентативный прецедент.

гнева была связана с громким убийством в столице. Тогда ночью во время вооруженного грабежа был зарезан высокопоставленный чиновник. Тююки. Гэнъэй, 2-2-30, 1119 г.

¹² Гибель грозы бандитов Мухитобэ Ясутомэ от рук грабителя стала причиной глубокой печали всесильного Фудзивара Митинага. Мидо кампаку ки, Канко, 2-2-16, 1005 г.

¹³ Доказательства тому многократны: арестованы повинные в хищении казённого риса служащие городской управы; схвачен хитрый грабитель, забравшийся в дом главы государевой канцелярии и улизнувший от охраны; знаменитые кэбииси Фудзивара Корэсукэ и Ки Нобуаки выследили и задержали ночного вора, которым оказался сын многоуважаемого человека – целителя Кавати Нобумити (был вхож во дворец, врачевал членов императорской семьи и именитых персон); подвергнут аресту «достопочтенный» монах, методично обворовывавший резиденцию императрицы. Гонки [Записи сановника]. Т. 1-2. Киото: 1965. Тёхо, 1-12-25, 1000 г.; Мидо кампакуки. Канко, 2-4-30, 2-5-2, 1005 г.; Тёва, 2-2-18, 1013 г.; Каннин, 2-7-20, 1018 г. Также см.: Тююки. Сётоку, 1-3-29, 1097 г; Касё, 2-12-30, 1107 г.; Эйкю, 2-1-16, 1114 г.; Дайдзи, 2-9-12, 1127 г.

Назовем происшествие условно – «дело о сопротивлении при аресте». Казус имел место в 1006 г.

Суть дела. Старший чин пятого ранга одной из охранных управ Фудзивара Фумиюки в храме Ходзюдзи подвергся нападению со стороны телохранителя наследного принца (нападавшего звали Тайра Масасукэ). Там же в храме, подав жалобу о насилии со стороны Масасукэ, Фумиюки обнаружил, что его намереваются заарестовать. Почувствовав угрозу жизни¹⁴, Фумиюки решился на побег. Была организована погоня: около двадцати вооруженных кэбииси верхом на лошадях преследовали Фумиюки, пуская в него стрелы. Фумиюки отстреливался, выпустив в преследователей одну или две стрелы, и ему удалось скрыться. С повинной головой Фумиюки явился к Фудзивара Митинага, где был временно размещен до выяснения всех обстоятельств дела. Митинага уведомил полицейскую управу о месте нахождения Фумиюки и вызвал следователя для дальнейшего разбирательства. Прибывший в резиденцию старший следователь Хаяси Сигэтика информировал Митинага по существу дела: Фумиюки хотели задержать по причине ссоры с Масасукэ, однако (после объявления приказа об аресте) Фумиюки неожиданно бросился наутек, пуская в полицейских стрелы. Позже Фумиюки был передан служащим Кэбииситё. Обнаружились и разногласия: полицейские настаивали, что Фумиюки должен покинуть резиденцию со связанными руками, пешим ходом; Митинага, заявив о неуместности такой процедуры ареста, потребовал, чтобы Фумиюки вывезли восседающим верхом на лошади в официальном служебном костюме.

¹⁴ Досл. «спасая тело».

После этого Фумиюки благополучно препроводили в полицейского ведомство¹⁵.

Чем может объясняться такое необычное поведение Фумиюки?

Небезопасность пребывания в судебном учреждении. Согласно закону, инициируемое при наличии письменной жалобы судебное дело, открывало широкие возможности применения потенциала тюрьмы. И подозреваемый, и доноситель на время следственных процедур помещались в тюремное присутствие¹⁶. Выбор тюрьмы определялся местом жительства подозреваемого¹⁷. Если подозрения подтверждались, то доноситель покидал тюрьму, а подозреваемый оставался в тюремном присутствии до вынесения приговора¹⁸.

¹⁵ Мидо кампакуки. Канко, 3-5-16, 1006 г.

¹⁶ Рё-но гигэ [Официальные комментарии к гражданским законам]. Токио: 1998. С. 322; Рицурё [Уголовные и гражданские законы]. Токио: 2001. С. 464.

¹⁷ Когда дерзновенный наглец Симоцукэно Котада из свиты канцлера Фудзивара Ёримити (992-1074) очередной раз задирал свою «жертву», Ёримити резюмировал: «Котада самый коварный человек Поднебесной», приказав препроводить своего челядинца в западную тюрьму, поскольку дом Котада располагался в западной половине столицы. Сёюки Дзиан, 1-7-19, 1021 г.

¹⁸ В эпоху Хэйан это установление стало предметом обсуждения, поскольку задержание заявителя хоть и мыслилось гарантом точности расследования, уменьшая вероятность лжесвидетельствования (клеветника самого могли привлечь к суду), но порождало недовольство среди знатоков права. Сэйдзи ёряку. Указ. соч. С. 685-691. Презумпции невиновности в средневековом японском праве не существовало. По этой причине предусмотренный законом допрос с применением пыток с целью получения признательных показаний представлялся неустранимой частью уголовного следствия; высокоэф-

Объективная возможность быть убитым во время преследования. В документальных источниках VIII-IX вв. нет предельной ясности относительно того, как поступать с заявителем, который оказал сопротивление при аресте, если заявитель является чиновником высокого ранга. В «Сэйдзи ёряку» (нач. XI в.) – собрании актовых материалов, обнародованных с целью поддержания текущего правотворчества, содержится установление, предусматривающее допустимость нанесения смертельных ран подозреваемому, который пытается скрыться от служащих

фективным инструментом дознания, что делало условия нахождения в тюрьме невыносимыми не только для подозреваемых, но и заявителей (если показания заявителя вызвали сомнения, его на взбранилось пытать). Относительно нежелательности непомерного рвеня служащих судебных ведомств во время допросов с пытками высказывался Фудзивара Санэсуэ. Из его дневника мы узнаем немало частных процедур дознания: пыткам дозволялось подвергать и ранговых служащих, и простолюдинов; порядок пытки был регламентирован (не более трех раз с перерывом в 20 дней, оговаривалось также максимальное число ударов); для применения пыток должны были наличествовать «достаточные основания» (на практике «достаточность оснований» определялась формально); за умышленное или же неосторожное нарушение правил пыток, как и убийство во время пыток, судейский чиновник нес ответственность (поскольку в реальности было трудно отличить умысел от неосторожности, то судейские чины не очень страшились ответственности за чрезмерное усердие в пытках); для допросов с пытками существовали возрастные пределы (не ранее достижения шестнадцатилетнего возраста и не позже исполнения семидесяти лет) и ограничения статусные (запрещалось пытать синтоистских священнослужителей и буддийских послушников); нельзя было добиваться признания под пытками у больных и немощных. Сёюки. Тёва, 4-5-11, 1015 г., Дзиан, 3-5-10, 3-6-25, 1023 г., Мандзю, 4-5-21, 1027 г., Тёгэн, 1-7-22, 1028 г., Тёгэн, 4-2-1, 4-3-13, 4-426, 4-3-28, 1031 г. Также см.: Сэйдзи ёряку. Указ. соч. С. 633-636.

сысского ведомства (разрешение беглецу совершить самоубийство также было ненаказуемо). Если же беглец решил сдаться, то лишение его жизни квалифицировалось в качестве умышленного убийства и каралось двухлетним сроком каторжных работ¹⁹. Впрочем, из текста «Сэйдзи ёряку» не понятно была ли эта норма применима ко всем сословным группам. Дневник Фудзивара Митинага, тем временем, сохранил свидетельство, имеющее непосредственного отношение к сопротивлению при аресте именно чиновника высокого ранга.

Вероятность протекции со стороны покровителя.

При всей эффективности судебной системы в эпоху Хэйан в законах обнаруживались лазейки, которые предоставляли юридические основания для того, чтобы высокопоставленные чиновники при желании могли вмешиваться в ход расследования. Закон гласил: государственный совет был учреждением, которое контролировало ход следствия в случае совершения правонарушений высокоранговыми чиновниками и обладало юрисдикцией повторного расследования²⁰. Однако нечеткость обозначения этого ключевого правомочия в законодательных сводах, приводило к тревожным результатам. В 1006 г. Фудзивара Митинага твердой рукой возглавлял государственный совет²¹ и считал возможным вмешаться в дело о сопротивлении при аресте Фудзивара Фумиюки, поскольку последний, обретя высокий пост в одном из охранных ведомств столицы, был

¹⁹ Сэйдзи ёряку. Указ. соч. С. 681-682.

²⁰ Рё-но гигэ. Указ. соч. С. 303, 312, 325.

²¹ В тот год у левого министра Митинага практически не было значимых конкурентов в составе высших должностных лиц. Кугё бунин [Назначения на посты сановников]. Т. 1. Токио: 1971. С. 252.

человеком Митинага, ревностно служивший своему патрону (полезность Фумиюки явила себя еще в бытность пребывания Фумиюки в должности управителя провинции Симоцукэно, на которую он был назначен не без протекции Митинага). Обращает на себя внимание еще одна подробность. Следователем по делу Фумиюки оказался Хаяси Сигэтика. Вряд ли следует считать это случайным стечением обстоятельств в условиях тесных отношений Сигэтика и Митинага²².

Представляет интерес дальнейшее развитие событий. О происшествии было доложено императору Итидзэ²³. Окончательный вердикт гласил: по причине «не подчинения

²² Хаяси Сигэтика был знаковой фигурой сыскного ведомства. На ранних этапах карьеры Сигэтика зарекомендовал себя в качестве верного долгу принципиального офицера, наводившего ужас на обитателей преступного мира. Но в 1005 г. он совершил роковую ошибку, подвергнув аресту влиятельную персону – Фудзивара Мунэмицу. Задержание Мунэмицу наделало много шума, поскольку арестованный оказался вхож в ближний круг Фудзивара Митинага. Об инциденте уведомили императора (обстоятельства дела позволяют предположить наличие злого умысла или вероломной интриги со стороны недоброжелателей Сигэтика). В итоге Сигэтика оказался под следствием. Император был раздражён и Сигэтика грозило полное разжалование без права восстановления на службе. Помощь отчаявшемуся служащему пришла с неожиданной стороны. Митинага лично выхлопотал помилование для Сигэтика. С тех пор Сигэтика стал доверенным лицом Митинага и зачастую выполнял деликатные поручения. Мидо кампакуки. Канко, 2-9-4, 2-9-5, 2-9-6, 2-9-7, 2-10-2, 2-10-3, 1005 г. Об одном таком деле см.: Грачёв. М.В. «Благородные мужи» в «стольном граде мира и спокойствия»: злонравие и злодейства знатных особ в эпоху Хэйан / История и культура Японии. Вып. 12. М.: 2020. С. 534-535.

²³ Арест чинов высоких рангов требовал обязательного доклада императору. Рицурё. Указ. соч. С. 468.

приказу» полномочного служащего *Кэбииситё* Фумиюки, будучи «подданным, не ведающим приличий», «лишается должности и ранга», но не должен быть подвергнут телесным наказаниям²⁴.

Подведем краткий итог. Дневники знатных особ в силу высокой информативности выступают в качестве актуального подспорья источникам документальным и нарративным. Анализ камбунных дневников позволяет провести плодотворный научный эксперимент. Проливая свет на своеобычные системы судопроизводства и существенно корректируя наши знания о правосудии в Японии X–XII вв., дневники, тем не менее, не предлагают специалистам возможности формирования исчерпывающей картины деятельности судебных департаментов (для проведения целостной реконструкции правовых реалий в средневековой Японии требуется применение источников различной видовой принадлежности).

²⁴ Мидо кампакуки. Канко, 3-5-18, 3-5-22, 1006 г. Наказание бамбуковыми палками и связывание рук при аресте можно трактовать как форму причинения ущерба репутации посредством общественного посрамления.

Первая русская экспедиция в Японию 1792 г. и географические карты

Географическая близость России и Японии предполагала раннее знакомство и установление отношений между двумя народами. Однако до конца XVII в., то есть, до выхода России к берегам Тихого океана сведения об этой островной восточной стране, расположенной поблизости от дальневосточного побережья России, были отрывочны и не всегда достоверны. Несмотря на то, что известия о богатой сказочной стране на востоке доходили до Москвы еще в начале XVII в. в разделах космографий, которые на протяжении столетия переводились и публиковались в России в изобилии¹.

К началу XVIII в. было завершено присоединение Северо-Восточной Сибири, открыт остров Сахалин, получена первая информация о Курильских островах и Японии. В это время Россия уже обладала достаточно большой флотилией на Тихом океане. В начале XVIII в. потерпевший кораблекрушение около Камчатки японец Дэмбэй по приказу Петра Первого был доставлен в Москву, считается что он встретился с царем. По инициативе Петра была основана первая школа японского языка, в которой обучалось несколько человек. Но, пожалуй, самое большое значение для развития российско-японских контактов имела история японского моряка Дайкокуя Кодая 大黒屋光太夫 (1751–28.05.1828). Расскажем эту историю кратко. Судно Синсё-мару 神昌丸 под его командованием в 1872 г., груженое рисом и другими товарами, отправилось из гавани Сироко провинции Исэ

¹ Подробно см. Ермакова Л. М. Вести о Япан-острове в стародавней России и другое. М.: Языки славянской культуры, 2005.

(преф. Миэ) в Эдо. Неблагоприятный западный ветер принес шторм, на судне были сломаны мачта и руль, неуправляемое судно носило по океану почти восемь месяцев. В конце концов их прибило к острову Амчитка, Алеутские острова. На острове они провели несколько лет прежде, чем попали на материк. В России в общей сложности они провели 11 лет, японский капитан был представлен Екатерине II и в конце концов получил позволение вернуться на родину. В 1792 г. Россия воспользовалась возможностью сопровождения на родину японских моряков и предприняла попытку установления отношений с Японией. Было направлено первое русское посольство в Японию под руководством Адама Лаксмана (1766–1806).

Одиссея Дайкокуя Кодаю хорошо описана и исследована русскими и японскими историками, однако географическим картам Японии, которые он делал во время своего пребывания в России, внимания уделено недостаточно. Во время своего пребывания в России японский капитан делал карты Японии. Сегодня известны 7 карт архипелага, автором которых полагают Дайкокуя Кодаю². С большой долей вероятности можно предположить, что Дайкокуя Кодаю делал карты Японии в период 1789–1791 г. в Иркутске по просьбе ученого, путешественника Эрика Лаксмана

² Hasegawa Koji (2013) Nostalgia in Maps. Abstract. The 25th International Conference on the History of Cartography. Helsinki, Finland, 2013. p. 131. Иваи Нориюки. Гёттингэн даигаку кура. Дайкокуя Кодаю нихондзу-ни цуйтэ (Архив университета Гёттинген. О картах Японии Дайкокуя Кодаю). журн. Мэйдзи даигаку кёику ронсю. 1994. N. 269, №12, сс. 153–215. Сёсэки сирё итиран (Список рукописей Дайкокуя Кодаю). журн. Мэйдзи даигаку кёику ронсю. 1996, №9, сс. 81–146. Дайкокуя Кодаю сёсэки сирё гогакутэки сокумэн (Лингвистический аспект почерка и рукописей Дайкокуя Кодаю). Токио: Камин сёбо, 1996. С. 297–335.

(1737–1796) и в Петербурге по просьбе графа А.А.Безбородко (1747–1796). Из донесения Э. Лаксмана в Петербургскую академию от 1790 20/4 говорится, что «он [Э. Лаксман] представил очень подробную карту Японии, составленную рожденным в Японии иркутским купцом Дайкокуков-да...»³.

В данное время обнаружено 7 карт Японии. Считается, что все их сделал Дайкокуя Кодая. 3 карты хранятся в Германии (университет Гёттинген, архив фон-Аш), 1 — в Эстонии (видимо, архив Крузенштрна), 3 — в России (1 — в Эрмитаже не ясного происхождения; 2 — в РГВИА, видимо, из архива Кирилла (Эрика) Лаксмана). Интерес представляет история хранения каждой известной на сегодня карты. О трех картах в библиотеке университета Гёттинген можно однозначно сказать, что они были частью большой коллекции, которую завещал университету Георг Томас фон Аш (1729–1807) в конце XVIII в.⁴ В библиотеке сохранились завещательное распоряжение и список почтового отправления, в котором перечислены все три карты. Георг Томас фон Аш был представителем немецкой семьи, которая служила при русском императорском дворе. Представляется, что коллекцию собирали несколько поколений его семьи, он сам, отец, а возможно, еще и дед.

³ Лагус В. Эрик Лаксман: его жизнь, путешествия, исследования и переписка. Санкт-Петербург: Типография императорской академии наук, 1800. с. 234.

⁴ Каталог коллекции фон Аша был опубликован в 1894, цифровой каталог представлен на сайте Digital Library “Meeting at Frontiers/ Встреча на границах” (1999-2003) <http://frontiers.loc.gov/intldl/mtfhtml/mfdigcol/subcoll.html>

Карта в Национальном архиве Эстонии — карта оцифрована, но не описана. Три карты, хранящиеся в России, не оцифрованы и, за исключением эрмитажной карты, не описаны. История эрмитажной карты туманна, если принять во внимание, что она относится к перемещенным культурным ценностям. Не совсем верным представляется утверждение А.М.Боголюбова, что Кодаю создал 3 карты, 2 из которых хранились у Георга фон Аша, а третья до конца XIX в. хранилась в Санкт-Петербурге у потомков ботаника Иоганна Сиверса (1762–1795), была несколько раз перепродана и, в конце концов, оказалась в музее Азиатского искусства в Берлине, откуда среди культурных ценностей попала в Эрмитаж⁵. История эрмитажной карты, вероятно, близка к реальности, при одном условии — что это еще одна карта, кроме трех, сохраненных в архиве фон Аша.

Самый первый, поверхностный обзор свидетельствует: все карты рукописные, цветные, но разного размера. Карты сделаны на разной по выделке и качеству бумаге. Надписи на картах сделаны на одном, двух или трех языках: 1) только на японском; 2) японском и русском; 3) японском, русском и немецком. Все карты имеют ориентацию север-юг, названия провинций подписаны. Изобразительный код довольно простой. Знаки, обозначающие провинции, города на всех картах Дайкокуя Кодаю напоминают упрощенное, «детское» изображение синтоистского святилища. Озеро Бива изображено на всех картах. Мияко (Киото) – императорская столица – отмечена красным кругом, в то время как Осака, Нагоя, Одавара отмечены изображением замков. Эдо — место ставки

⁵ Боголюбов А. М. Карта Японии Дайкокуя Кодаю // Труды Государственного Эрмитажа LXXII. СПб: изд. Гос. Эрмитажа, 2014. С. 165.

сёгуна — отмечен большим замком. Из многочисленных гор отмечена лишь одна, вероятно, Фудзи-сан. Дороги не отмечены. Текстовыми вставками изображены зарубежные и вымышленные страны. Карта напоминает вариант популярного в то время картографического изображения Японского архипелага по типу Гёки⁶. Дневник японского капитана, умение пользоваться морской картой позволяют предположить его достаточно высокий уровень образованности. Допущенные им неточности, в первую очередь, отсутствие пролива Канмон, разделяющего острова Хонсю и Кюсю, при создании карт японского архипелага вызывают некоторое удивление.

Дальнейшее исследование требуется не только для анализа и обоснования намеченных отличий, но и для ответа на ряд вопросов: когда и где были сделаны карты; кто был заказчиком карт; сколько карт было сделано — 7 или больше; определения прототипа карты Дайкокуя Кодаю; определения автора всех карт, т. е. были ли они выполнены самим Кодаю или некоторые были скопированы; кто, когда и где их копировал.

Второй комплект из 10 карт мира, России и Японии, создан разными мастерами, преимущественно русскими, и был привезен в Японию первым русским посольством А. Лаксмана в 1792 г. Однако среди подарков, которые русское посольство везло в Японию, карты не упоминаются. Таким образом, видимо, это комплект карт, что был на борту бригаантины Лаксмана «Св. Екатерина».

⁶ Симонова-Гудзенко Е. К. Карты Гёки – модель изображения японского архипелага на географических картах Восточной Азии и Европы XV–XVIII вв. // *Orientalia et Classica*. Труды института восточных культур и античности. Выпуск LXV. История и культура традиционной Японии 9. М.-СПб: Гиперион, 2016. С. 236–259.

Из дневника плавания, который вел А. Лаксман, явствует, что 15 октября 1792 г. «... Сверх того объявил, что упомянутой Кумазо [начальствующий чиновник из Матмая] просил, чтоб ево одолжить на короткое время глобусом и географиею для любопытства и что естли позволено будет, намерен скопировать, которые ему и отосланы. На другой день был у него и видел, каким посредством копировал: наложя на карту лежащую свою тонкую склеенную бумагу, через которую совершенно было можно читать самую мелкую надпись, и по оной обводил кистью искуснейшим образом без малейшей ошибки. Еще видел у него их сочинения карту острова Матмая или Эззо с приобщением острова, называемого Карап [Карафуту или Сахалин], которой состоит против сего острова с северо-западной и южно-западной стороны, и оную по прозбе для скопирования получил. Скопировавши же и по надписании оной по-японски лекарем Кеньго, остались у штурмана господина Ловцова для лучшего соображения в плавании»⁷.

Таким образом, пояснение на японском сайте к картам, выложенным вместе с текстом «Хокуса монряку», не совсем точно. Строго говоря, карты не были привезены Дайкокуя Кодаяю из России, а являются скорее всего копиями карт, которыми располагала команда корабля, доставившего его на родину⁸. Кроме того, эта небольшая выдержка из записок Лаксмана объясняет существовав-

⁷ Лаксмана журнал мореплавания в Японию 13 сентября 1792 г. – 21 января 1794 г. // Преображенский А. А. Первое русское посольство в Японию. Исторический архив. 1961. № 4. С. 122.

⁸ 北槎聞略 Хокуса бунряку

<https://www.digital.archives.go.jp/DAS/pickup/view/category/categoryArchives/0400000000/0404000000/00>

ший в то время в Японии способ копирования карт, возможно, и других изображений, документов. Для нашего исследования важно, что приведенная цитата в некоторой степени объясняет сходство, по крайней мере, двух карт Японии Кодаю, которые могли быть сделаны таким же способом копирования кем-то из японцев, находившихся с Кодаю в России.

Десять карт, которые получили японцы для копирования это: 1) карта мира «Изображение обеих половин земного шара»; 2) Европа; 3) Азия; 4) Африка; 5) Америка. 6) Азии и Америки – карта 2-й Камчатской экспедиции, сделанная под руководством Г. Ф. Миллера в 1754 г., в Петербургской Академии наук⁹; 7) карта России; 8) «атлас-гармошка» из 8 карт губернаторств России, который заслуживает подробного исследования, хотя бы для выяснения того, встречаются ли подобные по форме атласы в России, в то время как в Японии их создавали во множестве, особенно в XVII–XIX вв.; 9) карта Петербурга; 10) карта Японии, интересная тем, что это единственная из 10 карт, на которой топонимы, текстовые вставки оставлены на русском языке без перевода, лишь названия провинций даны в иероглифическом написании.

⁹ Вторая Камчатская (Великая Северная) экспедиция (1733–1743) под руководством В. Беринга (1681–1741). В результате экспедиции была произведена опись отдельных участков побережья Северного Ледовитого океана, Камчатки, открыты и нанесены на карту Южные Курильские и частично Алеутские острова, доказано отсутствие наличия каких-либо земель между Камчаткой и Северной Америкой и подтверждено существование пролива между Азией и Америкой. По результатам экспедиции в 1754–1758 гг. под руководством Г.Ф.Миллера (1705–1783) была сделана генеральная карта географических открытий Тихого океана, первоначально карта была на французском языке.

Подробная атрибуция карт требует дальнейшего исследования. Скажем несколько слов о карте Японии (1679) Жана Батиста Тавернье (1605–1689)¹⁰, поскольку история функционирования этой карты представляет особый интерес. Как и почему именно эта карта архипелага оказалась в комплекте команды бригантины, на которой русское посольство шло в Японию?

Известный французский путешественник XVII в. оставил описания своих путешествий в 6 томах и дополнительном томе, в котором была напечатана карта Японии. Одна из первых книг о Японии в России была издана в 1734 г. Она состоит из трех частей: «Известие о Японе и о вине гонения на христиан, Историю о гонении христиан в Японе и Последование странствования Генрика Гагенара, которое исправною ландкартою и изрядными фигурами украшено» и открывается картой Японии Ж.Б.Тавернье [Описание о Японе 1734]. Это была первая печатная карта Японии в России. В Японию, вероятно, была отвезена рукописная копия этой карты, сделанная В. Ф. Ловцовым в 1782 г.¹¹ Василий Ловцов был штурманом или капитаном, в источниках его статус в команде указывается по-разному, бригантины «Св. Екатерина», на которой отправилось в Японию посольство А. Лаксмана.

¹⁰ О карте подробно см. Симонова-Гудзенко Е. К. 2018. Карта Японии Ж.Б. Тавернье (1679) – Первая карта далекого архипелага, напечатанная в России // Россия-Япония: политика, история, культура. Казанский федеральный университет. С. 220–226.

¹¹ Postnikov Alexei V. Outline of the History of Russian Cartography // Regions: A Prism to View the Slavic-Eurasian World. Towards a Discipline of Regionology. Ed. by Kimitaka Matsuzato. Sapporo, Slavic Research Center, Hokkaido University, 2000. P. 42.

Одним из источников для Ж.Б.Тавернье явились карты Японии итальянских мастеров XVI в. (Игнацио Данти (1536–1586), Микеле Руджери (1543–1607), прототипом которых, возможно, были китайские карты, на которых архипелаг был изображен по типу Гёки. Примерно за несколько десятилетий изображение японских островов на европейских картах претерпело изменения и добавления. А в конце XVIII в. в России должен был быть уже известен Атлас Ортелия, и опубликованная в нем карта Японии Тейшейра, однако миссия Лаксмана в комплекте карт привозит карту Японии Тавернье, возможно, потому, что она была известна в России, поскольку была первой напечатанной картой Японии в 1734 г. Посольство воспользовалось рукописной копией этой карты, сделанной В.Ф.Ловцовым в 1782 г., тем более, именно В.Ловцов занимался картографическими работами в команде корабля. Эту «русскую» карту Японии представил Кацурагава Хосю (1751–1809) в «Хокуса бунряку» в 1794 г. Таким образом, карта словно совершила замкнутый цикл «странствий»: карта типа Гёки, созданная в Японии — китайские карты — итальянские карты — Тавернье — русский вариант карты Тавернье, вернувшийся в Японию.

Последний, третий комплект карт, связанных с первым русским посольством в Японию, — это карты, которые делал В.Ф.Ловцов во время пребывания на острове Хоккайдо. Русская делегация привезла послание от генерал-губернатора Иркутского и Колыванского И.А. Пиля¹² и дары сёгуну, имела предписание следовать в Эдо

¹² Пиль И.А. (1730–1801) – в 1788–1794 гг. генерал-губернатор Иркутского и Колыванского наместничеств. В морском журнале А. Лаксмана о письме сказано: «Изъяснил им, что по собственному соизволению великой российской государыни написано от генерал-губернатора двух губерний Иркутской и Колыванской от ближайшего

и передать потерпевших кораблекрушение японцев непосредственно японскому правительству, однако разрешения на это не получила. Восемь месяцев русские провели в ожидании, затем им было предложено вернуть японцев столичным чиновникам, прибывшим для этого в Хакодатэ, и разрешено после этого, если будет желание, направить судно для торговли в порт Нагасаки.

В дневнике А. Лаксмана перечислены 5 карт: «...бухты, называемой Нимуру, которой и план под литерою «А» назначен»; «восточного мыса, называемого по-курильски Муному-Шири, учинен план, под литерою «В» означающейся»; «...вид оной [бухты Акэти] положили на план, под литерою «С»; «Продолжая таким порядком следование [из Хакодатэ в Мацумаэ], шли мимо селений и чрез речки по сделанным мостам, похожим на китайские, коих всех названия описаны на плане, под литерою «Д» означенном»; «20 числа шли проливом за маловетрием весьма медлительно. По обе же стороны, как видимы были 19-го и 18-го островов оконечности, коих и сняли вид, под литерою «Е» означающийся»¹³.

Представляется, что подобные исследования картографического наследия первого русского посольства в Японию позволят лучше понять не только знания русских и японцев о дальневосточном побережье, Курильских островах и острове Хоккайдо, но и дополнят наши знания о развитии картографической науки в XVIII в. в России и Японии.

по соседству в рассуждении расстояния чрез море к главным правителям их света» (С. 129).

¹³ Лаксмана журнал мореплавания в Японию. С.119, 134, 137.

Указ 1842 г. и письмо Виллема II

Введение

История отношений Японии и Голландии насчитывала к XIX веку уже более двухсот лет. В период сёгуната Токугава отношения двух стран имели особый характер, несмотря на это в отношениях двух стран контакты на уровне высших руководителей отсутствовали до 1844 г., когда паровой корабль флота Голландии впервые доставил в Японию послание короля Нидерландов, что свидетельствовало о значимости и важности, которые ему придавались. Тем не менее этому документу обычно уделяется мало внимания в исторической литературе, так как для историков приоритетным является изучение экспедиции Перри, которая сыграла ключевую роль в «открытии» страны. Все прочие события, включая Указа 1842 г. и письмо Виллема II, экспедиция командора Биддла остаются без должного освещения.

Одной из причин недостаточного интереса к письму Виллема II является преимущественное внимание историков целям голландского монарха. Если сказать кратко, ставили ли голландцы своей целью открытие Японии или руководствовались какими-то иными интересами, например, добивались собственных экономических выгод или пытались противодействовать расширению влияния Англии, которая без больших усилий могла существенно увеличить свою роль в регионе посредством английской интервенции против Японии.

Подход, сконцентрированный только на целях Голландии, был призван создать несколько негативное впечатление от ее активности накануне «открытия» страны и предложить возможное объяснение отказа японской стороны, чтобы сделать вывод о том, что письмо не достигло своей цели и может практически игнорироваться

историками и широкой общественностью. Такая трактовка появилась еще до Второй мировой войны в работах влиятельного историка Табохаси Киёси¹, который отстаивал мнение, что Голландия добивалась в первую очередь сохранения своего положения единственного европейского торгового партнера Японии, поэтому не ставила своей целью преодоление режима изоляции, и письмо голландского монарха было звеном в курсе на сохранение статус-кво и мало связано с «открытием» страны экспедицией Перри. Соответственно это ведет к недооценке более ранних событий и роли Указа 1842 г., которым был отменен запрет на любые контакты с иностранными государствами.

В связи с чем необходимо заметить, что большие перемены в истории стран и народов, каковым являлось «открытие» страны, обычно не происходят спонтанно и одновременно. Они представляют собой череду событий разной степени важности, таких как Указ 1842 г, Опиумная война, послание Виллема II, экспедиция Перри, из которых американская экспедиция была очень значительным и, может быть, важнейшим, но не единственным. Это был процесс, имевший несколько этапов. С этих позиций видится основная цель данной работы, предполагающая дальнейшее изучение динамики событий «открытия» Японии и определении места в ней письма Виллема II и Указа 1842 г.

Указ 1842 г. и экспедиция Перри

В 1854 г. экспедиция Перри удалось изменить существенным образом внешнюю политику Японии. В процессе открытия страны основным внешнеполитическим документом бакуфу, на который ориентировались центральные и местные власти Японии, был Указ 1842 г. На момент

¹ Табохаси Киёси. 1930. С.378-395.

начала внешней торговли, несмотря на то что были подписаны Канагавский договор, Симодский договор и другие, для японских властей это был основной документ, на основании которого строилась их деятельность. На его основе писались разъяснения бакуфу, предварявшие открытие порта Иокогама в августе 1859 г.

Последние распоряжения перед открытием были разосланы в июне 1859 г. В них запрещалось брать для доставки письменные послания и получать подарки от матросов проходящих судов, а также напоминалось о требовании сообщать немедленно о таковых властям, если получение имело место. Также предписывалось проводить дознание и наказывать виновных, если имело место сокрытие фактов получения или позднее обнаруживались данные факты. Особо напоминалось о необходимости уничтожать щиты с различными надписями в бухтах на побережье, если их пытались установить иностранцы, о чем говорилось в Указе от 12 года Тэмпо (Указ 1842 г.)². Указ 1842 г. был издан за 17 лет до начала активной торговли с иностранными государствами и по совершенно иным причинам. В первую очередь он был ответом на напряженность в Восточной Азии, создавшейся в результате Первой Опиумной войны.

В 1842 г. был подписан Нанкинский договор, в соответствии с которым на китайском побережье были открыты несколько портов, чем фактически был разрушен режим изоляции этой страны. Указ бакуфу был издан летом того же года, а через два года прибыло послание нидерландского монарха Виллема II, в котором выражалось большое беспокойство за будущее Японии, так как принятые меры могут быть недостаточными для того, чтобы предотвратить неминуемые, по мнению короля,

² Исии Рёсукэ, Бакумацу офурэгаки сюэй. Токио: Иванами сётэн, 1995, Т.6, Док. №6308.

бедствия. Соответственно Указ 1842 г. сам по себе в некоторой степени содержал ответ японского правительства на те угрозы, о которых говорил Виллем II, но действия бакуфу оценивались, как явно недостаточные.

Добрый совет голландского короля состоял в том, чтобы японское правительство «осознало, что мир может быть сохранен только посредством дружеских отношений, а те, в свою очередь, создаются коммерческими отношениями». Намек в том, что могут приобрести японцы от торговли, содержался также в подарках, которые представляли собой продукты промышленности, искусства и науки, процветающих под покровительством Нидерландов. Их высокий уровень должен был продемонстрировать паровой военный корабль, который впервые в истории посетил Японию. Голландский король обращает особое внимание на изобретение паровых судов, сделавших, по его мнению, расстояния в мире значительно короче.

Корабль прибыл в Нагасаки, как это предписывали в то время правила бакуфу для иностранных судов. Ранее невиданный корабль вызвал несомненный интерес. Многие люди разного общественного положения проявили желание увидеть его, включая главу дома Набэсима из Сага, на котором лежала ответственность за оборону Нагасаки, и который лично посетил корабль. Примечательно, что в его свите находились не только люди самурайского ранга, но и несколько ремесленников, которые должны были оценить возможности его производства таких сложных изделий в Японии.

Подарки голландского короля не смогли убедить японские власти в необходимости расширения внешних контактов для приобретения передовых достижений европейской науки и техники. Тем не менее, европейцы продолжили линию, направленную на демонстрацию успехов передовых стран. Как известно, командор Перри

привез с собой много образцов оружия, модель телеграфа и даже мини железную дорогу. Не говоря уже о том, что в составе его экспедиции было уже два паровых корабля, которые опять вызвали огромный интерес, когда сотни людей собирались на берегу, чтобы посмотреть на редкое творение рук человеческих.

Экспедиция командора Перри прибыла в Японию в 1853 г. и доставила письмо американского президента Фильмора, содержавшее совет бакуфу предоставить порт для заходов американских судов, идущих через Тихий океан, и начать коммерческую торговлю. При этом в своем письме президент давал заверения в своих самых искренних чувствах и мирных намерениях. Он писал, что «дал указание командору Перри заверить Императорское Величество, что он (президент – С.Т.) испытывает самые лучшие чувства и императору лично и его правительству, и не имею иных целей, кроме как предложить жить в дружбе и иметь коммерческие связи»³.

Более того, президент писал о том, что он в особенности предостерег Перри от принятия действий, которые могут нарушить спокойствие в императорских владениях. Командор строго следовал этим инструкциям и не нарушил спокойствия на японской земле. Более того, он временно покинул бухту Урага и на стоянке вдали от Эдо терпеливо почти год дожидался ответа, реализуя напутствие президента, который выразил желание строить дружеские отношения и развивать отношения к взаимной выгоде.

Главной целью экспедиции Перри было добиться принципиального согласия, открывающего доступ американским судам в порты страны для пополнения своих

³ President Fillmore's letter,

[http://afe.easia.columbia.edu/ps/japan/fillmore_perry_letters.pdf#search=%27 President+Fillmore%E2%80%99s+letter%27](http://afe.easia.columbia.edu/ps/japan/fillmore_perry_letters.pdf#search=%27%20President+Fillmore%E2%80%99s+letter%27) (дата доступа 08.07.2018)

припасов. В письме американского президента было написано, что на территории Японской империи большое изобилие угля и других видов провизии, необходимых для пересечения океана. Паровые корабли, идущие из Америки через океан, сжигают большое количество топлива, пополнение запасов которого на угольных станциях требует больших затрат. Президент сообщает о желании получить разрешение снабжаться на территории Японии углем, продовольствием и водой, поставив уголь в этом списке на первое место⁴. Для этого американцы готовы компенсировать издержки деньгами или в иной форме, которая будет предпочтительна для подданных правителя Японии. Президент Фильмор пишет, что просит японского монарха определить порт в южной части страны, в котором суда могут останавливаться с целью пополнения припасов⁵. Соответственно цели, с которыми президент Америки отправил сильную эскадру командора Перри с визитом ко двору Императорского величества в знаменитом городе Эдо, это «дружба, коммерция, снабжение углем и продовольствием и защита людей, потерпевших кораблекрушение»⁶. В целом эта задача была выполнена и американским посланцам удалось добиться открытия нескольких портов для организации станций снабжения углем своих пароходов и заходов торговых судов.

Перри получил согласие только на заходы в Японию иностранных кораблей. Хотя также было дозволено

⁴ We wish that our steamships and other vessels should be allowed to stop in Japan and supply themselves with coal, provisions, and water.

⁵ We request your imperial majesty to appoint a convenient port, in the southern part of the Empire, where our vessels may stop for this purpose.

⁶ There are the only objects for which I have sent Commodore Perry, with a powerful squadron, to pay a visit to your imperial majesty's renowned city of Yedo: friendship, commerce, a supply of coal and provisions, and protection for our shipwrecked people.

приобретать нужные материалы и продовольствие за деньги, согласие начать регулярную торговлю американцам удалось добиться значительно позднее, преодолев сопротивление японцев, которые пытались организовать систему открытых портов по образцу Нагасаки под полным контролем представителей сёгуна. На переговорах консула Харриса американцам удалось добиться новых уступок, которые дали возможность начать свободную торговлю, но бакуфу еще долго стремилось поставить внешние контакты под свой полный контроль и ограничить свободу действий иностранцев.

Перри одновременно использовал возможности Указа 1842 г. и интерес японцев к паровым судам и новой технике для достижения поставленной цели. Делалось это в сочетании с эффектом от прибытия сильной военной эскадры, что не позволяет говорить о полностью мирном характере миссии командора. Экспедиция посетила бухту Урага, откуда велись переговоры с представителями бакуфу. Пребывание военной эскадры в непосредственной близости от столицы была нарушением правил бакуфу, поэтому Перри не стал ожидать ответа на месте и покинул японские воды, сообщив о намерении прибыть за ответом на следующий год. Таким образом командор стремился в максимальной степени использовать возможности, которые давал Указ 1842 г., не создавая лишней раз конфликтной ситуации.

Письмо Виллема II

В 1844 г. военный корабль флота Голландии впервые доставил в Японию послание короля Нидерландов. Всего два года прошло со времени принятия Указа 1842 г., которые были использованы для проведения сложных консультаций не только в столице, но и с администраторами голландских колоний. Письмо короля Виллема II было составлено при участии чиновников генерал-губернатор-

ства Батавии и жившего в Лейдене в то время известного ученого и путешественника Франца фон Зибольдта, который несколько лет провел в голландской фактории на о. Дэдзима. Зибольдт написал несколько проектов письма и составил список чиновников в Эдо, которым необходимо было отправить подарки⁷.

Главная мысль послания голландского монарха была заключена в словах: «В этом, Всемогущий Император, состоит наш совет – улучшите законы в отношении иностранцев, не то счастливая Япония будет разрушена войной». Виллем II имеет в виду возможность конфликта между Англией и сёгунатом по образцу недавней войны Англии и Китая, которая, по мнению короля, стала следствием разногласий между английскими купцами и китайскими чиновниками в Кантоне.

В письме монарха высказывается мысль, что причинами войны между Англией и Китаем были трения между английскими купцами и китайскими чиновниками по вопросам торговли. Сходное бедствие сейчас угрожает Японской Империи. Малейшая случайность, такая как рядовая ссора между матросами, может спровоцировать большой конфликт. «Количество судов всех типов в японских водах будет только возрастать и легко может возникнуть ссора между членами команды и обитателями владений Вашего Величества. В свою очередь существует большая опасность, что такой конфликт может легко перерасти в войну»⁸. Таким образом, в соответствии с

⁷ Monumenta Nipponica.

⁸ Таковые рассуждения были достаточно широко распространены в то время. Сходные аргументы в пользу возможной войны приводит Такасима Сюхан в своем Меморандуме. См. Tolstoguzov Sergey. The International Situation in East Asia and the Establishment of a Modern Army and Modern Warfare in Japan: The Memorandum of Takashima

текстом послания, его основной целью было предотвращение возможного военного конфликта, в который Япония может быть втянута помимо своей воли.

Одновременно голландский монарх дал совет изменить законы в отношении иностранцев в Японии⁹. Сразу отметим, что в письме голландского монарха не говорится об «открытии» страны. Виллем II ограничивается призывом «улучшить законы в отношении иностранцев», что может трактоваться значительно шире, чем только «открытие» страны. Эти улучшения должны создавать благоприятные условия для торговой деятельности, развитие которой является одной из характерных черт Европы того времени, когда «короли, которые усвоили уроки мудрости, открыли для своих подданных все каналы для торговли». Торговля и промышленность, по мнению короля Виллема, постоянно растут повсеместно, но тем не менее во многих странах испытывался недостаток в необходимых продуктах, от которого особенно страдала могущественная Англия, несмотря на богатство, ресурсы и предпринимательский дух ее обитателей. По мнению монарха, англичане, непрестанно ведя поиск новых каналов для торговли, периодически вступали в конфликт с представителями других наций, что провоцирует конфликты. Поэтому тезис об «улучшения законов в отношении иностранцев» может пониматься как призыв к созданию благоприятных условий для торговой деятельности в широком смысле, а не просто расширения числа стран, которым разрешен допуск в страну. К таковым

Shūhan, *Asiatische Studien – Études Asiatiques*, 2018, vol. 72, issue 1, <https://doi.org/10.1515/asia-2017-0078>. P.253.

⁹ Напомним, что голландцы жили и работали в условиях строгих ограничений на острове Дэдзима в Нагасаки, не имея свободы передвижения по стране и ведя торговлю с ограниченным количеством партнеров, которых не могли менять по своему желанию.

условиям также относится дальнейшее расширение внешних контактов в разной форме, в том числе предоставление топлива, сырья и технологическое сотрудничество. Одновременно нет оснований однозначно трактовать советы монарха в плане сохранения режима изоляции и монопольных прав голландцев на японском рынке.

Необходимость «улучшения законов в отношении иностранцев» также связывается в письме с рассуждениями о важности «мандата, который был зачитан администрацией Нагасаки руководителю голландской миссии 13 августа 1842 г.» То есть Указа бакуфу от 23 июля 1842 г., которым было приостановлено действие Указа от 1825 г., а также разрешалось предоставлять топливо, воду и другие припасы иностранным судам, вынужденно оказавшимся в водах страны.

Указ 1842 г. оценивался Виллемом II как важный политический шаг, который существенно изменил внешнюю политику Японии. Этот Указ называется в письме голландского короля истинным проявлением мудрости. Одновременно подчеркивается его некоторая недостаточность в сложившейся обстановке. В письме прозвучал вопрос: «Что будет с судами, которые приходят к японским берегам по другим причинам и с дружескими намерениями? Будут ли возникать ссоры, которые ведут к войнам, а войны – к разрушениям?»

Содержание этой части письма важным образом перекликается с мнением генерал-губернатора Голландской Восточной Индии Пьера Меркуса, который считал, что некоторые страны могут рассматривать новый указ как проявление желания расширить внешние контакты, попытаются посетить Японию и встретятся с нежеланием японских властей реально открывать страну. Это таит в себе угрозу конфликта. Такое мнение содержится в

письме генерал-губернатора от 13 июня 1843 г.¹⁰ и вполне могло оказать влияние на содержание письма короля, которое было отправлено из Голландии в феврале следующего года.

Цель послания Виллема II выглядит также как зондаж действий японского правительства, которые могут последовать в развитие Указа 1842 г., и попытаться оказать на них свое влияние. Виллем II предложил «мудрому» правительству Его Величества Японского императора продолжать движение в направлении, намеченном Указом 1842 г., и при этом воспользоваться советами голландского монарха. В письме говорилось: «Если Ваше Величество будет желать получить дополнительную информацию по этому вопросу, столь важному для Японии, мы будем рады, после получения послания из собственных владений Вашего Величества, отправить посланником в Японию лицо, располагающее нашим полным доверием, и которое может дать объяснение Вашему Величеству всех деталей вопросов, которые мы в общих чертах изложили в этом письме». В послании также была выражена надежда на скорый ответ из Японии и говорилось: «Мы посылаем это письмо с одним из наших военных, надеясь также, что это же лицо вернется с ответным посланием Вашего Величества».

Однако подготовка ответа на беспрецедентное письмо голландского короля затянулась, вызвав существенные политические трения в бакуфу. Председатель совета родзю Мидзуно Тадакуни, при котором был принят Указ 1842 г., попытался использовать сложный внешнеполитический вопрос для восстановления своего влияния¹¹. Эта

¹⁰ Monumenta Nipponica.

¹¹ В 1843 г. он был отправлен в отставку в связи с недовольством в стране его указом о передаче под управление бакуфу земель в районе Осака и Эдо (Дзэти рэй).

попытка закончилась неудачей. В борьбе за влияние победил политический противник Тадакуни Абэ Масахиро, который сменил его на посту председателя совета родзю. Эта смена лидера вполне могла повлечь отмену или изменение Указа 1842 г., основная заслуга в подготовке которого принадлежит Мидзуно Тадакуни.

В целом негативный ответ бакуфу содержал отказ расширить список внешнеполитических партнеров. Тем не менее, негативная реакция на письмо голландского монарха не имела больших политических последствий для внешнеполитического курса и нововведений, связанных с Указом 1842 г. Японские власти не стали возвращаться к жесткой политике в отношении иностранных судов, не имеющих враждебных намерений в отношении Японии. К ним продолжал применяться принцип предоставления воды, топлива и продовольствия. То есть бакуфу продолжило линию, которая была выбрана в 1842 г.

Экспедиция командора Биддля

Ответ бакуфу на письмо Виллема II был в целом негативным и содержал отказ увеличить количество стран, которым разрешалось вести торговлю с Японией, что обосновывалось стремлением не допустить расхождений с политикой предков. То есть он был значительно уже тех пожеланий, которые высказывал голландский монарх. Одновременно формулировка, которая была использована в ответном послании, заслуживает отдельного анализа, так как представители бакуфу в очередной раз нашли возможность уклониться от однозначного ответа. В их послании говорилось: «Наши предки, начиная свое дело, не сделали внешние контакты и торговлю единым образом. Позднее они определили страны, с которыми есть дипломатические контакты¹² и страны, с которыми

¹² Цусин но куни

ведется торговля¹³. Контакты были ограничены Кореей и Рюкю, а торговля с вашей страной и Китаем. Таким образом полностью не было разрешено устанавливать новые торговые отношения, поэтому если сейчас захотеть сделать объявление об этом, это станет расхождением с политикой предков»¹⁴. Малозаметное слово «сейчас» в этой фразе давало возможность трактовать ответ таким образом, что в другой момент может быть принято иное решение.

Ответ японской стороны, несмотря на то, что последовал на письмо голландского монарха, был дан от лица бакуфу и не был подписан лично сёгуном. Под ним стоит подпись Абэ Масахиро и остальных четырех членов совета родзю. Более того, оно не содержит изложения мнения сёгуна и может трактоваться как мнение совета родзю, что также позволяет предполагать, что со временем при смене состава этого органа может измениться реакция на предложения голландского монарха.

В этой ситуации крайне важным моментом была судьба Указа 1842 г., который мог быть подвергнут значительной ревизии на уровне практических действий чиновников. Однако новый курс японской политики, выраженный в 1842 г., был подтвержден на практическом уровне в 1846 г. во время визита в Японию американской эскадры командора Биддля, флагманом которого был парусный линейный корабль «Колумбус». 20 июля в бухте Урага бросили якорь два американских военных корабля, которые доставили предложение подписать с Японией договор по образцу договоров Китая с иностранными государствами, то есть фактически открыть Японию по

¹³ Цусё но куни

¹⁴ Greene D.C. Correspondence between William II. of Holland and the Shogun of Japan. A.D.1844 // The Transactions of the Asiatic Society of Japan. Vol. XXXIV. Part. 4. 1906. P. 130.

китайскому образцу. Биддль получил отрицательный ответ. В то же время экспедиция не была просто проигнорирована. Она получила ответ от представителей бакуфу, несмотря на то что нарушила правила и прибыла в бухту Урага, которая находится в непосредственной близости от столицы. Правда, американцам сначала было предложено покинуть бухту Урага и вести все переговоры через Нагасаки. Когда же Биддль не прореагировал это предложение, японские власти не стали прибегать к демонстрации силы для выдворения военных кораблей, как это произошло во время захода в Урага американского торгового судна «Моррисон» в 1837 г.

Применение силы против линейного корабля с 74 пушками на борту¹⁵, каким был «Колумбус», было очень опасным по своим возможным последствиям. Ответ мог быть совсем не такой, как в случае с невооруженным «Моррисоном», который был просто вынужден покинуть бухту Урага. Командор Биддль остался стоять на прежнем месте и дождался ответа. Таким образом, был создан прецедент, которым воспользовался командор Перри, который также избрал бухту Урага для ведения переговоров, прибыв во главе военной эскадры.

Корабли экспедиции Биддля были окружены кольцом из лодок, соединенных между собой, которые препятствовали любой попытке экипажа добраться до берега, что также соответствовало предписаниям Указа 1842 г., запрещавшему любые попытки схода на берег. Даже самому командору было запрещено спуститься в японскую лодку, которая постоянно стояла у борта. Напротив, команды японских лодок не создавали препятствий японцам, желавшим увидеть иностранные суда. Посетители

¹⁵ «Колумбус» имел больше пушек, чем все 4 корабля экспедиции Перри в 1853 г., включение состав которой двух паровых судов существенно уменьшило боевой потенциал.

постоянно толпились на палубе, поэтому их общее количество за девять дней, пока американцы находились в Японии, оценивается в несколько сотен или тысяч человек.

Обе стороны смогли избежать каких-либо конфликтов. Команды кораблей под командованием командора Биддла получили большое количество самой отличной воды, а перед отплытием также большое количество овощей и несколько сотен кур. При этом японцы даже не намекали на какое-то возмещение своих расходов. Напротив, после доставки продовольствия они напомнили о необходимости максимально быстро покинуть воды Японии, что было и сделано, так как ответ был получен. Американцы смогли убедиться, что в Японии можно совершенно бесплатно получать воду, топливо и продукты, как это предписывалось Указом 1842 г., и при этом посещать воды в непосредственной близости от столицы, нарушая его требования, которые, правда, не были записаны в тексте этого распоряжения и поэтому имели негласный характер.

Заключение

«Открытие» Японии стало результатом сочетания двух факторов: сильного давления извне и ответных действий японских властей. В ряду последних необходимо выделить в первую очередь Указ 1842 г., разрешавший предоставлять иностранным судам воду, топливо и продовольствие.

Процесс «открытия» Японии в широком плане начинается с Указа 1842 г., ставшего результатом влияния внешних обстоятельств, связанных с поражением Китая в Первой Опиумной войне и стремления Мидзуно Тадакуни избежать возможного конфликта. Этот документ напрямую не подразумевал движения к «открытию» страны, но содержал серьезный потенциал для переговоров об условиях предоставления различных материалов кораблям, в

силу вынужденных обстоятельств, заходящих в порты Японии. Поэтому значение этого указа для дальнейшего развития событий нельзя недооценивать.

Согласие предоставлять иностранным судам воду, топливо и продовольствие было сразу отмечено голландцами, как важный момент в новой японской внешнеполитической линии. Король Нидерландов увидел возможности движения дальше в направлении расширения внешней активности и попытался реализовать их своим посланием.

Письмо Виллема II содержало призыв Японии улучшить законы против иностранцев в широком плане, не ограничиваясь уступками в отношении голландцев. Это должно было помочь японскому правительству избежать сложностей и конфликтов, которые могли ждать страну в будущем при продолжении курса 1842 г. Кроме того, предложения голландского короля подразумевали возможность торговли и технологического сотрудничества, которую не смогло позитивно оценить правительство Абэ Масахиро. Наверное, если бы бакуфу воспользовалось этим шансом, оно смогло бы избежать многих проблем, с которыми столкнулась страна после открытия страны и начала внешней торговли. Отрицательный ответ японской стороны не был связан с желанием голландцев сохранить свое монопольное положение в условиях изоляции и лишь ненадолго отсрочил принятие более радикальных решений.

Виллем II не смог добиться существенных успехов, но его послание стало важным шагом в истории «открытия» Японии. Оно раскрыло возможности, заложенные в Указе 1842 г., сделав поступательное движение к «открытию» Японии неизбежным. Это движение было продолжено сначала экспедицией Биддла, а затем экспедицией Перри. По сравнению с успехами Перри эффект письма голландского короля был значительно более

меньшим, но это не умаляет его важного значения, также как и экспедиции Биддля, как действий, подготовивших «открытие» Японии, без которых успехи Перри вряд ли были возможны.

Приложение Письмо Виллема II ¹⁶

Мы, милостью божией Виллем II, король Нидерландов, принц Оранский, великий герцог Люксембургский и пр., направляем свое королевское послание от всей души нашему Другу, благородному и достопочтенному всевластному сюзерену Великой Японской империи, имеющему резиденцию в Императорском Дворце в Эдо, прибежище мира и спокойствия.

Пусть этот образец эпистолярного стиля будет доставлен в руки нашего Императорского Друга и найдет его в добром здравии и умиротворенном состоянии!

Более двух столетий назад императорским распоряжением достопочтенного предка Вашего Императорского Величества прославленного Гонгэн Иэяс ¹⁷ было дано разрешение голландцам приезжать со своими торговыми судами в Японию, и благодаря этому Императорскому решению голландцы, наши подданные, до настоящего времени радушно принимаются в вашей стране и получают максимально обходительное обращение, а люди, которые занимают ведущие позиции в торговле, получили привилегию свидетельствовать личное почтение Вашему Императорскому Величеству.

Эта непоколебимая добрая воля, проявляемая в отношении наших подданных, наполняет нас дружескими

¹⁶ Greene D.C. Correspondence between William II. of Holland and the Shogun of Japan. A.D.1844. The Transactions of the Asiatic Society of Japan. Vol.XXXIV. Part. 4. 1906. Перевод с английского текста.

¹⁷ Токугава Иэясу, посмертным именем которого было Гонгэн.

чувствами в отношении Японии и горячим желанием делать все возможное для сохранения мира в пределах владений Вашего Императорского Величества и процветания Ваших подданных.

Никогда прежде суверены Нидерландов и Японии не состояли в переписке. Не было в том необходимости, так как по коммерческим делам и общим новостям контакты велись правительством, которое под нашим полным контролем управляет Батавией и всеми островами, принадлежащие нашим доминионам в Азии.

Однако сейчас мы испытываем большое желание прервать таковое молчание. Существуют важные дела, которые заслуживают прямого обмена мнениями. Они касаются не торговли наших подданных с Японией, а политических интересов Империи. Они касаются вопросов, которые стоят того, чтобы прямо разговаривали Король с Королем.

Будущее Японии внушает нам большое беспокойство. Позвольте нам попытаться успеха в предотвращении неминуемого бедствия нашим добрым советом.

Из сообщений, которые доставлялись нашими судами из года в год в Нагасаки, Ваше Величество мог узнать о том, что Король Англии начал с применением силы войну против Китайской Империи.

Могущественный Император Китая после длительного, но бесполезного сопротивления в конечном итоге был вынужден уступить превосходящей мощи Европейской военной тактики и в договоре о мире согласился на условия, в соответствии с которыми политика древней Китайской империи претерпела огромные перемены и пять китайских портов были открыты для Европейской торговли.

Тридцать лет прошло со времени войны, которая велась в Европе, после окончания которой все нации начали работу в пользу мира.

Короли, которые усвоили уроки мудрости, открыли для своих подданных все каналы для торговли.

Рост населения продолжался постоянно. Открытия в технике и физической науке сделали ручной труд менее необходимым.

Торговля и промышленность постоянно растут повсеместно, но тем не менее во многих странах испытывался недостаток в необходимых для жизни продуктах.

Это особенно было очевидно для могущественной Англии, несмотря на богатство, ресурсы и предпринимательский дух ее обитателей. Непрестанно ведя поиск новых каналов для торговли, они периодически вступали в конфликт с другими нациями. Английское правительство силой сложившихся обстоятельств было вынуждено поддерживать и помогать своим подданным путем применения силы.

На этом фоне произошла ссора между английскими купцами и китайскими чиновниками в Кантоне. Из этой ссоры выросла война. Эта война была фатальна для Китая, так как много тысяч китайцев были убиты, были захвачены и разорены многие города, много миллионов из казны были уплачены в качестве контрибуции интервентам.

Сходное бедствие сейчас угрожает Японской Империи. Малейшая случайность может спровоцировать конфликт. Количество судов всех типов в японских водах будет только возрастать и легко может возникнуть ссора между членами команды и обитателями владений Вашего Величества.

Мысль о том, что такие ссоры могут закончиться войной, внушает нам огромное беспокойство. Мудрость, свойственная действиям правительства Вашего Величества, как мы надеемся, позволит избежать этих опасностей.

Эта мудрость проявляется со всей очевидностью в мандате, который был зачитан администрацией Нагасаки

руководителю голландской миссии 13 августа 1842 г.¹⁸, который содержал распоряжение о великодушном обращении со всеми иностранными судами. Но достаточно ли ограничиться только этим мандатом?

В нем упоминаются только суда, которые попадают к японским берегам по причине тайфунов или недостатка провизии. Что будет с судами, которые приходят к японским берегам по другим причинам и с дружескими намерениями?

Будут ли они изгоняться силой или становиться объектом недружественных действий? Будут ли возникать ссоры? Ссоры ведут к войнам, а войны – к разрушениям. А это те опасности, от которых мы хотим избавить Японию. Это послание – свидетельство благодарности за гостеприимство, которым пользовались наши подданные более двухсот лет. Один философ сказал так: «В условиях безопасности мы должны беречься от опасностей, в условиях мира – от хаоса».

Мы следили за развитием событий с особым вниманием. Взаимные отношения между различными нациями

¹⁸ Дата и месяц в соответствии с европейским календарем. Имеется в виду распоряжение бакуфу от Указа от 23 июля 1842 г., который в научной литературе часто именуется «Синсуй кюё рэй» (Указ о предоставлении воды и других припасов). Этим распоряжением было приостановлено действие Указа от 1825 г., которым предписывалось без колебаний выдворять суда европейских держав, оказавшиеся в водах страны («Утихараи рэй»). Кроме того, новым распоряжением разрешалось предоставлять топливо, воду и другие припасы иностранным судам, вынужденно оказавшимся в бухтах страны, а также других нужных материалов, необходимых для того, чтобы судно могло продолжить свое плавание. В период сёгуната Токугава не существовало практики давать название распоряжениям правительства (бакуфу). Они обычно имели только дату по японскому летоисчислению, поэтому в письме голландского короля называется только дата, когда это распоряжение было доведено до сведения руководства голландской факторией Нагасаки.

растут с огромной быстротой. Действие несокрушимой силы сближает их между собой. Посредством изобретения паровых судов расстояния стали короче. Нации, отдавшие предпочтение тому, чтобы оставаться в изоляции во времена растущих контактов, не могут избежать враждебного отношения со стороны многих других.

Мы знаем, что законы достопочтимых предков Вашего Величества издавались имея в виду ограничить контакты с иностранными государствами. Но Лао Цзы говорил: «Когда мудрость восседает на троне, она преуспееет в сохранении мира». Когда законы прошлого строго соблюдаются, мир может быть нарушен, а мудрость должна добиваться успеха в улаживании проблем.

В этом, Всемогуший Император, состоит наш совет – улучшите законы в отношении иностранцев, а то счастливая Япония будет разрушена войной. Мы даем этот совет Вашему Величеству с самыми честными намерениями, без всяких личных политических интересов.

Мы надеемся, что мудрость заставит Японское Правительство осознать, что мир может быть сохранен только посредством дружеских отношений, а те, в свою очередь, создаются коммерческими связями.

Если Ваше Величество будет желать получить дополнительную информацию по этому вопросу, столь важному для Японии, мы будем рады, после получения послания из собственных владений Вашего Величества, отправить посланником в Японию; лица, располагающего нашим полным доверием, и которое может дать разъяснение Вашему Величеству все детали вопросов, которые мы в общих чертах изложили в этом письме.

Мы испытываем чувство беспокойства по поводу счастья и мира далекой Японии и мы сами испытываем огромный груз горя, ибо Провидению было угодно призвать к себе нашего горячо любимого отца Короля Виллема Первого, который удалился от забот о полити-

ческих делах четыре года назад после 28 лет тяжелых трудов. Мы уверены, что симпатии Вашего Величества и после этого продолжат сохраняться в отношении руководителей нашего государства.

Мы посылаем это письмо с одним из наших военных, надеясь также, что это же лицо вернется с ответным посланием Вашего Величества. На корабле также находится портрет, который мы желаем преподнести Вашему Величеству в качестве символа нашей искренней дружбы. На этом корабле также отправлены несколько других подарков Вашему Величеству в соответствии с перечнем, который прилагается. Они все очень дорогие по своей цене и представляют собой продукты промышленности, искусства и науки, процветающих под покровительством Нидерландов.

Мы также выражаем благодарность за милостивое отношение, которое оказывается нашим подданным. И далее вверяем их покровительству Вашего Величества.

Я желаю Вашему Величеству, чтобы Божественное Провидение, которое ниспослало Вашему отцу столь долгое правление, позволило Вашему Величеству пользоваться таким же процветанием. Пусть милости, спокойствие и мир будут гарантированы великой Японской империи на все времена.

Совершено в Королевском Дворце в Гааге 15 февраля 1844, четвертого года правления.

Подпись Виллем
Министр колоний
Подпись J.C.Vaud

**Армия Японии в 1869–1870 гг.
Анализ материалов М. Венюкова**

Введение

В 1869 г. Япония еще представляла полуфеодалную страну, которая только начинала строительство централизованного государства. Дальний Восток привлекал внимание многих европейских правительств, предпринимавших усилия для расширения влияния на страны региона. В Японии не существовало государственной статистики, поэтому косвенные свидетельства, которые содержатся в материалах путешественников, представляют значительный интерес для понимания событий в стране.

В 1869–1870 гг. в Японии под видом коммерсанта с разведывательными целями побывал русский офицер Михаил Иванович Венюков. Его профессиональное понимание проблем несомненно может быть полезно для реконструкции образа и оценки состояния японской армии в первые годы после Мэйдзи исин. Закон о всеобщей воинской повинности еще не был принят, поэтому армия представляла собой пестрое сочетание новой еще немногочисленной императорской армии и воинских контингентов даймё. Тем не менее, для Венюкова очевидны значительные успехи в преобразовании армии, которая выглядит уже в значительной степени более европейской при наличии сильных традиционных черт. Быстрые темпы начала преобразований японской армии в Японии он связывает с курсом нового режима на модернизацию страны по европейскому образцу, провозглашенным в Пятистатейной клятве императора, а также в начале реформ, первым шагом которых явилась передача всех земель и населения страны в подчинение императору. В происходящих в Японии событиях Венюков видел доказательства возможности реформирования

любого государства при наличии политической воли руководства, чего он страстно желал для России.

Биографические сведения о М.И.Венюкове

Прежде всего, коротко коснемся биографии этого неординарного человека. Венюков родился 23 июня 1832 г. в селе Никитинском Рязанской губернии в мелкопоместной многодетной дворянской семье. Образование он получил в дворянском корпусе за казенный счет. Лекции некоторых преподавателей, книги приобщили любознательного юношу к естествознанию и точным наукам. В годы пребывания в корпусе юный кадет старательно занимался естественными науками, увлекался «Космосом» Гумбольдта. Читал передовую литературу 1840-х годов: философские «Письма об изучении природы», «Кто виноват?» и другие художественные произведения Герцена, переписку Белинского с Гоголем, исторические работы Грановского, что способствовало формированию его либерально-демократических убеждений.

По производству в офицеры Венюков служил в артиллерии и одновременно занимался самообразованием. В 1853 г. он назначается репетитором по физике в родной кадетский корпус и сразу добивается разрешения о допущении вольнослушателем в Санкт-Петербургский университет, где слушает лекции по математике, зоологии, физике, международному праву. В 1854 г. он поступает в Академию Генерального Штаба и в 1856 г. успешно заканчивает ее.

В конце 1856 г. молодой офицер получил назначение в штаб генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н.Муравьева (в будущем Амурского), с которым вместе участвует в освоении реки Амур, что становится для него большой жизненной школой. В 1858 г. первым занимается обследованием реки Усури и поиском сухопутного пути от нее к побережью Татарского пролива. Он составил подробное

научное описание Уссурийского края и положил начало освоению этих земель.

В годы пребывания в Восточной Сибири Венюков близко сошелся с местной интеллигенцией, группировавшейся вокруг сибирского отдела Русского географического общества. Он был знаком с М.В.Петрашевским, которого потом высоко оценил в своих воспоминаниях.

В 1859–1860 гг. Венюков проводит рекогносцировочные работы в Средней Азии – в верховьях реки Чу и окрестностях озера Иссык-Куль. Итоги проделанной работы вылились в обширную публикацию, удостоенную серебряной медали Русского географического общества.

Затем он служит на Кавказе в должности командира батальона (1861–1863 гг.). Одним из результатов предпринятого им изучения этого края стало составление первой этнографической карты Кавказа.

В 1863–1867 гг. Венюков служил в Польше, где являлся председателем Люблинской комиссии по крестьянским делам, когда после подавления восстания 1863 г. здесь проводилась крестьянская реформа на гораздо более выгодных для крестьян условиях, чем в самой России. Параллельно с активным участием в делах реформы Венюков успевает написать учебник по физической географии, который увидел свет в 1865 г.

В 1867 г. он совершает поездку на Европейский географический конгресс и затем посещает ряд стран Европы. Одним из главных событий европейского турне стало личное знакомство с Герценом и Огаревым, к тому времени переехавшим из Лондона в Женеву, хотя первую корреспонденцию для герценовского «Колокола» Венюков написал еще в 1861 г. Под влиянием этих встреч Венюков сделал перевод на русский язык «Марсельезы». 1 августа 1867 г. в «Колоколе» была опубликована статья Венюкова о русских завоеваниях в Азии с примечаниями

самого издателя и его положительной оценкой этой статьи.

В том же 1871 г. Венюков был прикомандирован к Генеральному штабу для составления военного обзора русско-азиатских границ, а также был удостоен золотой медали Русского географического общества. В 1873 г. Венюков был избран секретарем этого общества, одного из самых авторитетных научных объединений России. По инициативе Венюкова начались работы над составлением этнографической карты азиатской России. 1874 год Венюков провел в азиатской Турции.

На Втором международном географическом конгрессе, состоявшемся в Париже в 1875 г., Венюков был в составе русской делегации и представил там карту русских путешествий в Азию, показавшую достижения отечественных исследователей в изучении этого огромного региона. В 1876 г. он был произведен в генерал-майоры.

В 1877 г. Венюков был вынужден эмигрировать из России в Европу. Он не был революционным демократом, выдвигал только необходимость либеральных реформ и участия народа в выработке внешней политики.

Все двадцать четыре года, прожитые в эмиграции, Венюков оставался русским гражданином-патриотом. Он много занимался научными изысканиями на благо своей родины, в 1880–1890-е гг. посетив Индокитай, Алжир, Испанию, Тунис, Марокко, Египет, Сенегал и Гамбию, Бразилию, Уругвай, Центральную Америку, Занзибар, Корсику, Мадагаскар, Маскаренские, Антильские и Балеарские острова. «Мне хочется жить в Европе не даром, а изучать ее так же обстоятельно, как двадцать лет изучал Азию. Может быть, от этих занятий будет и какая-нибудь польза и другим», — писал он в одном из писем на родину. Эта многолетняя деятельность еще ждет своего исследователя.

Политическая система Японии по материалам М.И.Венюкова

М.И.Венюков приступил к изучению Японии в конце 1860-х гг., когда еще существовал сёгунат, поскольку считал необходимым понимание состояния дел в важном соседе России на Дальнем Востоке, где укрепляли свои позиции Англия и Франция.

Критически рассмотрев всю имеющуюся к тому времени литературу о Японии на европейских языках, в 1869 г. он впервые в России выпустил капитальный труд по географии страны «Очерки Японии», которые являлись традиционным страноведческим трактатом описанием всех географических компонентов страны.

В книге подробно говорилось о природе Японии, населении и народном хозяйстве. Работу высоко оценили в научных кругах России и военном руководстве, поэтому получив финансовую помощь от российского правительства, Венюков отправляется в Японию и Китай для продолжения изучения этих стран. 13 марта 1869 г. последовало высочайшее разрешение командировать Венюкова в Пекин «для собирания сведений о вооруженных силах, географии и статистике Китая и Японии, а будет возможность и прилегающих к Китаю западных Среднеазиатских земель»¹. Перед поездкой Венюков получил подробную инструкцию, в которой указывалось, что он должен был работать над составлением описания Японии и большей части Китая, уделить внимание топографии пограничных с Россией областей: в Китае — Китайского Туркестана, Монголии и Маньчжурии, в Японии — Мацмая (о. Хоккайдо) и Сахалина. От него

¹ Цит. по: Есаков В. А. Михаил Иванович Венюков, 1832–1901. М.: Наука, 2002. С. 117.

требовалось направлять в Петербург систематические отчеты.

В это время в Токио не было русской дипломатической миссии. В Японии Венюков жил под видом комиссионера, занятого поиском рынков сбыта для российского угля. Это позволяло ему легально посещать даже военные корабли и казармы японцев, что было нужно для составления разведывательных донесений.

Он находится в командировке с конца 1869 г. по конец 1870 г. и по возвращению в Россию в 1871 г. публикует как исправленное и расширенное издание прежней книги новый труд «Обзорение Японского архипелага в современном его состоянии». Расширяются рамки страноведческого описания, которое было дополнено более подробными сведениями по статистике, государственному устройству и этнографии Японии.

Кроме того, в 1871 г. Венюков прочитал несколько лекций в Академии Генерального штаба, которые дают много ценных сведений о государственном устройстве и армии Японии и Китая этого времени. Он начал свои лекции с описания Японии, обосновав свой выбор тем, «что в этой стране прогрессивное движение особенно заметно и дало уже ощутительные результаты, хотя началось очень недавно»².

Русский исследователь значительно раньше многих других оценил масштабность происходивших во время Мэйдзи исин перемен. Анализ Японии Венюков начинает с государственного устройства и оценки Мэйдзи Исин. По его мнению, события Мэйдзи были важным государственным переворотом, который дал возможность

² Венюков М.И. О современном состоянии современных сил и средств Японии и Китая по данным 1869–1870 годов. Публичные чтения в академии Генерального штаба. Чтение первое // Электронный ресурс: http://az.lib.ru/w/wenjukow_m_i/text_0050.shtml.

сконцентрировать государственную власть, что «всегда служит шагом к усилению внешнего могущества страны».

В Японии Венюков видит прежде всего «духовное, общественное, государственное и промышленное переорождение Японской империи. Для философа-историка, для мыслящего государственного деятеля это представляет зрелище, полное поучительности и неотразимого обаяния для тех, которого страстное участие в ходе событий и удары судьбы приводят к печальному неверию во внутреннее достоинство наших образованности и гражданственности, это – историческое явление, способное облегчить историческую усталь»³. Для Венюкова образованность и гражданственность являлись синонимом цивилизации⁴, в чем проявлялось критическое отношение к самодержавным порядкам в России.

Венюкова интересовала Япония как место проведения преобразований, которые могли бы стать примером для либеральных реформ в России. В предисловии к «Обозрению Японского архипелага в современном его состоянии» Венюков писал: «Над покрытым многовековой туманною завесой крайним востоком Азии взошла прекрасная утренняя заря. Целое племя, многочисленное и даровитое, но долго отделенное от остального мира положением своей страны и государственными уставами, примкнуло к торжественному ходу передовых народов земли. С запасом свежих и бодрых сил, с пламенным рвением юности оно стремится догнать тех, которые опередили его. Все старое, отжившее, непригодное для новых условий жизни, откидывается; все современное,

³ Там же. С. IV.

⁴ Венюков М. И. Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора. 1855-1878. Т.1. Общий взгляд на эпоху; перемены в составе государства; международное положение России. Лейпциг: Без изд., 1879. С. 5.

полное мощи и возбуждающее лучшие силы духа, принимается с увлечением. И двигателем исторического преуспевания является не железное самовластие правителей, как в Египте, Сиаме и им подобных странах, а общественное сознание, пробужденное внешним толчком от многовекового застоя»⁵.

В Европе было распространено представление о традиционной Японии как отсталой восточной стране с деспотическим строем. Поэтому Венюков отрицает подобный характер у японской власти и противопоставляет Японию Китаю как типичной восточной деспотии, не способной на радикальные перемены: «Давно уже известно, что японское общество имеет аристократический строй, что есть в нем могущественные наследственные высшие классы и потом целый ряд ступеней нисходящих. Это совершенно естественно потому, что Япония искони была государством монархическим, а уже Монтескье заметил, что где есть монархия, там есть и дворянство, и даже наоборот: только там есть монархия, а не деспотия, где есть самостоятельное дворянство. Япония в этом случае резко отличается от Китая, которому обязана многими началами образованности, но который сам не сумел создать ничего лучшего, как автократию, окруженную чиновничеством, т. е. самый тяжкий вид деспотизма, где ни честь, ни даже интересы наследственного собственника, не руководят уже правителем по отношению к управляемым, и где двигатель всех событий внутренней жизни народа есть чиновничье честолюбие и корысть»⁶. В целом, делает вывод Венюков, «Япония, по общественному строю,

⁵ Венюков М. И. Обзорение Японского архипелага в современном его состоянии. Вып.1. СПб.: Скоропечатня Ю. О. Шрейера, 1871. С. III.

⁶ Венюков М. И. Обзорение Японского архипелага в современном его состоянии. С. 130.

есть государство чисто аристократическое, в роде Германии средних веков»⁷.

По мнению Венюкова, программа либеральных преобразований в России была сильно ограниченной и отсутствовал противовес самодержавному деспотизму, поэтому он идеализировал роль феодальных князей в Японии. По мнению Венюкова, в отличие от китайского чиновника, японский князь, то есть даймё, был «самостоятельный государь, подобно северогерманским князьям нашего времени. ... При безмолвности массы народа, при политическом ничтожестве большинства, он действительный страж интересов страны, её щит от деспотизма, от бесконтрольного самовластия»⁸.

Видя в князьях важный элемент формирующейся системы нового государства, Венюков пишет о том, что «император остался непосредственным владельцем только своего удела, а князья сохранили свои прежние земли, хотя с оговоркою по закону, что они суть только правители этих земель во имя императора». Поэтому каждый даймё был сродни полунезависимому правителю, который «имеет свои сухопутные войска. Свои корабли, которых служба, за исключением случаев внешней войны, совершенно зависит от него. И не только служба, но содержание, организация, распределение по территории... Они сохранили при этом даже некоторые внешние признаки самостоятельности, например флаги, выставляемые на мачте судов и салютуемые во всей Японии как флаги царственных особ».

Венюков явно переоценил политическую и военную роль феодальных князей, которые были рудиментом прежнего строя. В первые годы после Мэйдзи исин новым

⁷ Там же. С. 331.

⁸ Венюков М. И. Обзорение Японского архипелага в современном его состоянии. С. 337.

правительством принимались только первые ключевые решения, сломавшие основы общественного устройства в эпоху сёгуната и определившие развитие страны в направлении быстрой модернизации. Через несколько месяцев после чтения данных лекций феодальные княжества были ликвидированы и стали административными единицами централизованного государства — префектурами, а князья — сменяемыми губернаторами, княжеские войска были распущены. Впоследствии были проведены многочисленные реформы, что закрепило начавшееся прогрессивное движение и сделало его необратимым. А пока страна находилась в рамках короткого переходного периода, зачастую остающегося вне пределов интереса исследователей.

Армия Японии в 1869 г.

Венюков отмечает значительную самостоятельность даймё в военной сфере, которая сохранилась со времени сёгуната. Он пишет: «В случае войны средства всей Японии, особенно военные, поступают в распоряжение центрального правительства, которое и в мирное время имеет надзор над их состоянием, хотя чисто-внешний». Японская система напомнила Венюкову немецкую, когда войска находились в подчинении императора, но имели значительную самостоятельность, что позволило Венюкову записать, что для императора это «были столько же японские войска, сколько контингенты Саксонии и Брауншвейга войска германские для императора Вильгельма». То есть Венюков увидел в Японии сходство с Германией до ее объединения.

В тоже время Венюков уже понимал, что даймё — это «только исполнители» законов государства. Поскольку формирование армии уже осуществляется на основании одного общего закона, изданного в марте 1870 г. «В соответствии с ним было предписано иметь на каждые 10 тыс.

коку бо солдат при 2-3 офицерах. Кавалеристы должны были засчитываться за несколько солдат. Хотя закон не определял сколько». То есть Венюков увидел японскую армию еще тогда, когда сохранился принцип формирования армии, существовавший еще при власти сёгунов, также устанавливавших размер военной повинности в соответствии с размерами рисового дохода. Принцип всеобщей воинской повинности еще только обсуждался, а армии формировались в соответствии со своим статусом в определенной пропорции в соответствии с размерами владений своего даймё.

Действительно, даймё обладали значительной степенью самостоятельности не только в отношении комплектования и содержания армии в мирное время, ведь это означало перекладывание на них военных расходов еще слабой центральной властью, но и в вопросах административного управления своими землями. В первые годы после Мэйдзи исин степень их самостоятельности не только не уменьшилась, а даже возросла, так как они фактически получили право вести прямые контакты с европейцами и закупать вооружения для своих армий.

Венюков отмечал скорость, с какой произошла трансформация японской армии, начавшаяся, по его мнению, лишь в 1859 г. Основную роль, по его мнению, сыграли голландские и французские военные специалисты, хотя он также делает намек на то, что некоторые даймё имели контакты с представителями других стран, что подразумевало Англию. Германская военная школа еще не успела проявить себя и начала наращивать активное влияние в более позднее время.

Повторим, что Венюков посетил Японию в тот непродолжительный период, когда она еще не освободилась от наследия сёгуната, а ее армия мало отличалась от того состояния, в каком она была на

заключительной стадии существования бакуфу и княжеств. Закон о всеобщей воинской повинности еще не был принят, также как и не было ликвидировано существование владений даймё, поэтому армия представляла собой пестрое сочетание новой еще немногочисленной императорской армии и воинских контингентов даймё.

Венюков посетил страну сразу после гражданской войны (босин сэно), закончившейся в 1869 г. Свидетелем военных действий он не был, хотя ему также бросилась в глаза огромное влияние княжества Сацума, которое возглавляло антисёгунскую коалицию. Венюков при этом пишет, что войска Сацума в несколько раз превосходили количество, которое должно было быть в соответствии с законом. Этот даймё содержал примерно 20-тысячный контингент, в то время как по закону полагалось иметь только 4670 человек. Напротив, войска, непосредственно контролировавшиеся императором, насчитывали всего 13500 чел., в то время как по закону их численность могла быть около 48 тыс. человек. Контроль за даймё и их армиями велся в форме смотров. В них участвовали войска многих князей наряду с императорской гвардией⁹. Один такой смотр был поведен в период пребывания Венюкова в Японии 17-го мая 1870 г.

Не только принципы формирования армии, но и ее обеспечения еще базировалось на правилах прошлой эпохи. Продолжала существовать практика выплаты жалования в натуральной форме. Как пишет Венюков, рядовой солдат получал несколько десятков мешков (риса), каждый весом в 3,5 пуда. Значительная часть полученного риса немедленно продавалась, чтобы получить деньги. Эта

⁹ Наверное, имеется в виду часть императорской армии, именовавшаяся «кангун», так как императорская гвардия была создана в феврале 1871 г. с численностью в 10 тыс.

система практически полностью повторяла прежние порядки сёгуната.

В столице Венюкову бросилось в глаза обилие войск даймё, которые он называет караульными, так как они располагались вокруг резиденций своих даймё. По его мнению, караульные дома, над которыми развевались княжеские флаги, «можно было видеть постоянно». Кроме того, княжеские войска располагались не только в родных владениях, но и некоторых городах. Официальной статистики не было, но от японских офицеров Венюков услышал цифру в 100 тыс. человек в неимператорских контингентах, что говорит о том, что они в несколько раз превышали численность императорских войск.

Как пишет М.Венюков, люди, которые служили в армии и находились на государственных должностях, образовали особое сословие «якунинов»¹⁰, которые отделили себя от купцов, крестьян и рыбаков, которые не имели права служить в армии. Прежние самураи – как лица благородного происхождения, составляли только часть тех, кто находился на службе императора.

Из этих наблюдений можно сделать вывод, что после Мэйдзи очень быстрыми темпами шло сословное оформление тех сил, которые на стороне императорской власти боролись с сёгунской властью. В 1869 г. со службы было уволено до 400 тыс. человек под предлогом необходимости существенного сокращения численности служилых людей. Их сословные права были также значительно урезаны и разрешалось носить только один самурайский меч вместо двух. Можно предполагать, что большую часть уволенных составили противники императорской власти,

¹⁰ Термин переводится, как служилый человек или чиновник. В дальнейшем он трансформировался полностью в сторону обозначения работников административного аппарата и перестал включать солдат и офицеров.

которых было немало в армии во время гражданской войны. Их массово начали убирать в этот период, выделяя им небольшое двухлетнее содержание, что повлекло появление случаев очень серьезного недовольства. Поэтому Венюков пишет, что были даже вооруженные восстания и беспорядки, в которых участвовали увольняемые, которые правда, по его мнению, быстро стали сходить на нет.

Ситуация быстро менялась. В 1871 г. была создана императорская гвардия из войск Сацума, Тёсю (Ямагути) и Тоса. Императорская гвардия в столице состояла из двух пехотных батальонов двух кавалерийских эскадронов и артиллерийской батареи. Помимо гвардии в Эдо¹¹ находились еще несколько батальонов пехоты, кавалерия и полевая артиллерия. Остальные контингенты, непосредственно подчинявшиеся императору, были размещены в ключевых пунктах страны, таких как Киото, Осака, Кобе, Нагасаки и др.

Затем Венюков переходит к изложению описанию собственно военных контингентов. Несмотря на очевидную феодальную дробность армии, у Венюкова, не вызвало сомнений, что «тактически японские войска ныне устроены по-европейски». Он отмечал даже в тактике отсутствие полной централизации, так как одни войска пользовались голландскими уставами, а другие – французскими», однако контингенты даймё уже осваивали европейские принципы ведения боевых действий и не создавали впечатление полуфеодального воинства.

Венюков также подробно описывает солдата этого времени. Эти заметки заслуживают того, чтобы привести их полностью: «Одет японский воин нашего времени следующим образом: черный сюртук – двубортный или однобортный – сшит либо из сукна, либо из ластика, т. е. в

¹¹ Венюков использует старое название столицы, хотя город был переименован в сентябре 1868 г.

обоих случаях из европейских материй, так как сама Япония по неимению овец, не производит шерстяных тканей; но панталоны обыкновенно бумажные, из туземной ткани, также черные и довольно узкие. Никаких кантов, клапанов, цветных обшлагов и т. п. вздорных, но дорого стоящих осложнений военной одежды, у них нет; для отличия чинов служат галуны на рукаве и, у некоторых, на шапке, а набивной или тканый герб на груди либо на рукаве выше локтя обозначает, к войскам какого князя принадлежит солдат. Головной убор различен в войсках разных князей и даже в императорских. Гвардия микадо, например, имеет низкие, почти цилиндрические шапочки без козырьков, а в Нагасаки императорский батальон носит конусообразные лакированные шляпы, для защиты от дождя и солнца. Обувь японского пехотинца двоякая: парадная – башмаки и даже сапоги из европейской кожи, и обыкновенная – национальные сандалии из соломы. При смотрах и парадах японские солдаты надевают через плечо шарфы, наподобие, англичан: это есть единственная цветная часть военного убранства, у императорской гвардии, например, голубая. ... Вне службы японские солдаты охотно носят национальное платье, что им не возбраняется. Артиллеристы все одеты по-европейски». Отметим, что черный цвет формы и конусообразные шапки – это особенности, которые не имели аналогов в Европе. Они сложились в Японии под влиянием в первую очередь предложений школы Такасима Сюхан, которая имела абсолютное лидерство в вопросах распространения европейских военных знаний в Японии в домэйдзийский период.

Заметно также, что японская кавалерия значительно меньше была подвержена европейскому влиянию. «Кавалеристы имеют даже сполна национальную одежду, очень свободную, и потому не заставляющую солдат подсаживать друг друга на лошадь. У них и шапки

национальные же, из *pariemachie*, лакированные. Но, впрочем, европейская гвардейская кавалерия носит одежду европейского покроя, которая ближе всего подходит к гусарским венгеркам, из черного сукна с черными же шнурками». В контингентах даймё, по мнению Венюкова, кавалерия, даже не имеет другого костюма, кроме национального, т. е. широкой юбки, разрезанной сзади и заменяющей панталоны, да кофты или бурнуса, соответствующего мундиру.

Конечно же, Венюков не мог обойти стороной непрменный атрибут вооружения японца того времени – это меч, или, как он пишет, национальная сабля, которая была элементом вооружения у пехотинцев, артиллеристов и кавалеристов. Он пишет: «Вторую существенную часть солдатского вооружения составляет национальная сабля, которая, в понятиях благородного японца, неделима с его телом столько же, как душа. Собственно японский самурай носит, при своей национальной одежде, две сабли: длинную и короткую, т. е. кинжал; но как последний до известной степени заменяется штыком, то японец на фронте имеет, кроме ружья, только одну саблю». Интересно, что уже в это время появились хорошо понятные европейцам рассуждения о значении самурайского меча с точки зрения души. Они для европейцев выходили на первый план по сравнению с ролью в плане определения статуса, которая была основной для японцев. Поэтому Венюков объясняет наличие у солдат только одной сабли наличием штыка, а не желанием отделить солдат с точки зрения статуса от основной массы самураев, которые имели право носить два меча.

Далее Венюков переходит к описанию вооружений японской армии. Он обращает особое внимание на то, что основным типом вооружения пехоты уже стало нарезное оружие. Он пишет: «Уже в 1862 г. японцы, бывшие в Европе,

успели оценить превосходство ружей Дрейзе¹² над всеми другими, употреблявшимися тогда в европейских армиях». По его мнению, уже в 1863 г. Япония имела до 10 тыс. скорострельных винтовок, а общее количество ружей, ввезенных в Японию в период с 1859 по 1870 гг. оценивалось в более чем полмиллиона.

Особое внимание Венюков уделяет описанию артиллерии. Он пишет, что полевая артиллерия была вооружена главным образом нарезными заряжающимися с дула четырехфунтовыми орудиями, моделью для которых служили французские орудия образца 1859 г. Лафеты очень напоминали горные, так как большая часть территории страны представляем собой гористую местность и имеет лишь выючные и пешеходные дороги. Каждая батарея имеет по шесть орудий. Артиллеристы вооружены также револьверами и саблями. Обратим внимание на слова Венюкова о том, что полевая артиллерия состояла из самых современных на тот момент нарезных артиллерийских орудий. Отказ от гладкоствольной артиллерии, предопределивший революцию в артиллерийском деле, происходил в мире как раз в этот период, и обращает на себя внимание та скорость, с которой в японской армии увидели преимущества нового типа вооружений и оснастили им свою армию. Первыми такие орудия были приняты на вооружение французской армией в 1860 г. и уже на

¹² Первый тип казнозарядного нарезного ружья (винтовки) заряжавшаяся с казённой части бумажным патроном. При спуске курка игла затвора прокалывала дно бумажной гильзы патрона и воспламеняла ударный состав капсюля, находившийся на донце пули. Ружье предложено в 1827 г. немецким оружейником И.Н.Дрейзе. Первый образец введён в прусской армии в 1840 г. Однако в Японии получили распространение не образцы немецкого производства, а в первую очередь стрелковые вооружения французского и английского производства, такие как ружье Минье.

следующий год были приняты на вооружение русской армией (4-х фунтовая пушка Маиевского) Всего с опозданием на несколько лет они появляются в Японии. Более того, они начинают производиться в стране по образцу французских орудий. Производились не только орудия, но и боеприпасы к ним. Прежние ядра были заменены продолговатыми снарядами с цинковыми выступами. В момент выстрела снаряд, двигаясь по каналу ствола, получал вращательное движение, в результате чего достигалась устойчивость снаряда на траектории. Это обеспечивало большую точность стрельбы артиллерийских орудий, которой невозможно было достичь даже точными математическими расчетами при стрельбе из гладкоствольных пушек. Отсутствие достаточной точности было сильным аргументом противников европейской артиллерии в Японии, но значительное повышение точности стрельбы, ставшее очевидным фактом во время гражданской войны, дало огромный толчок распространению передовых типов вооружений в Японии.

Влияние Франции на японскую армию не вызывало сомнений. Франция была одной из самых развитых в военном отношении стран. В Эдо военные науки преподавали в основном иностранцы, преимущественно французы. В Осака среди преподавателей также было много французов. Обучение офицеров производилось двумя способами: в местных офицерских школах и путем отправки за границу. Военные школы располагаются в Эдо и Осаке и созданы еще при прежнем режиме. В обеих школах обучались одновременно до 150-200 слушателей. Кроме того, много молодежи посылалось в Европу и Америку. А как успешно они овладевали военной наукой, можно было узнать из многочисленных отзывов английских, бельгийских и американских журналов. Также к этому времени были офицеры, прошедшие курс обучения в Америке, в которой совсем недавно завершилась война между Севером и

Югом. Тем не менее, «В Японии уже есть несколько офицеров, окончивших полный курс военных наук в Вест-Пойнте, школах Гранта, Томаса, Ли и других генералов американской войны», пишет Венюков.

Говоря о военной промышленности, Венюков в первую очередь отмечает наличие оружейных мастерских в Эдо, где была также литейная мастерская, которую можно назвать также артиллерийским двором, на котором отлито уже до 100 орудий. Там же изготавливаются артиллерийские лафеты и ящики. Кроме этого, имеются мастерские в Осака и Иокосуке. В Иокосуке они располагаются при морском арсенале¹³, который вызвал восхищение Венюкова, называвшего его «замечательнейшим военно-техническим учреждением». В арсенале кроме литейной мастерской имелась обширная кузница с четырьмя паровыми молотами и 16-ю ручными горнами, имеющими паровую тягу. Арсенал имел котельную, а также деревянную, сборную и такелажную мастерские, канатный завод, механическую и слесарную мастерские, верфь, эллинг и два дока.

Эти два дока вызвали восхищение Венюкова, который называет «великолепными» и «лучшими на всем востоке». Они были вытесаны прямо в скале и имели длину 430 и 385 футов. Летом 1870 г. доки уже активно работали. В них прошли ремонт 16 иностранных судов и построены несколько японских пароходов. В его подчинении также находится механический завод в Иокогаме, на котором ремонтируются суда, находящиеся там. Другие мастерские по ремонту пароходов Венюков увидел в районе Нагасаки¹⁴. Здесь производились даже паровые машины, но отличительной особенностью которого было то, что на

¹³ Строительство было начато в 1865 г. под руководством французского инженера Вернье.

¹⁴ Имеется в виду скорее всего Нагасаки сэйтэцусё.

нем не работало ни одного иностранного специалиста. При этом имеющийся на тот момент японский флот, Венюков считал явно недостаточным для нужд обороны островного государства. По его мнению, «к особенно военным судам причисляют едва 14 пароходов, в главе которых должен быть поставлен башенный броненосец таран Stonewall и броненосный же корвет Jho-shu maru. Очевидно, что никакого серьезного сопротивления значительной европейской эскадре такой малочисленный флот оказать не может, и, вернее всего, сделается добычей неприятеля при первой же войне».

По мнению Венюкова, в промышленности японцы также быстрыми темпами осваивали европейские достижения в физике и химии. Первыми стали методы рафинирования для производства различных материалов. Кроме того, японцы к тому времени научились производить барометры для определения высоты, зрительные трубы и электрический телеграф.

Венюков также очень высоко оценивает моральные качества японских войск. Он считает, что патриотизм японских войск выше всякого сомнения, что «в случае внешней войны они будут драться с мужеством, которого, конечно, не встретишь ни у одного народа Востока и которое на самом Западе немного найдет себе подобных». Он также отмечает, что «даже солдаты на столько образованы, что свободное от службы время, даже в караулах, проводят в чтении». Уже в расчете на русского слушателя он делает достаточно спорное утверждение, что «пьянство совершенно им неизвестно, и хотя японцы любят повеселиться и выпить, но делают это дома».

Заключение

В работах Венюкова содержатся очень важные сведения о состоянии японской армии и общества в первые годы после Мэйдзи исин. Основные законы нового

государства еще не были приняты, поэтому общество и армия представляли собой причудливое сочетание нового и старого. В стране еще не был упразднен институт даймё, а японское войско состояло из еще немногочисленной императорской армии и воинских контингентов даймё.

Тем не менее для Венюкова очевидны значительные успехи японцев в преобразовании армии, которая имеет уже многие черты европейской организации. Он делает краткий обзор пехоты, артиллерии, кавалерии, флота и военной промышленности того времени. Он отмечает заметное влияние Франции, которая имела большую военную миссию в Японии при сёгунском правительстве. Поэтому его высокая оценка степени преобразований японской армии в Японии должна в значительной степени должна быть адресована сёгунскому режиму. То, что именуется мэйдзийским государством, возникло значительно позднее на основании указов начала семидесятых годов. Это в значительной степени иное общество, которое отличалось от того, что увидел Венюков, который оставил для нас важные сведения об обществе и армии Японии переходного периода, когда они еще мало отличались от последних лет сёгуната.

Наблюдения Венюкова почти уникальны, потому что посещение Японии в тот сложный период было редкостью не только для русских, но и для европейцев. Представляется, что заслуги Михаила Ивановича Венюкова необходимо оценить высоко по самым высоким мировым стандартам. Он был военным, исследователем-путешественником, либеральным демократом, внесшим большой вклад в становление отечественного японоведения, в том числе и в изучение армии и истории этой страны.

Особенности организации внешнеполитической службы в Японии в период Мэйдзи (1868–1912)

По сравнению с внешнеполитическим опытом западных стран, японская дипломатическая служба является одной из самых молодых в своем роде. Связано это как с естественными, так и искусственными причинами.

К естественным причинам следует отнести в первую очередь географический фактор. Японское государство это набор больших и малых островов, причем островов, которые находятся на значительном удалении от других стран. Эта естественная изоляция и предопределила во многом ограниченный характер контактов Японии с другими государствами. К тому же географическое положение Японии долгое время способствовало самодостаточности архипелага, а в случае необходимости Япония вступала в контакт лишь со своими ближайшими соседями – Китаем и Кореей.

К искусственным причинам можно отнести самобытный духовный фактор Его складывание, начавшееся с процессом оформления в Японии ранней государственности и окончательное формирование к IX–X вв., стало искусственной преградой в контактах Японии с сопредельными государствами. Основной причинной являлось оформление синто¹ 神道 как исконно японского вероучения, призванного обосновать легитимность правящей

¹ Букв. «путь богов» – традиционное японское вероучение, возникшее на основе фетишизма, магии, тотемизма, культа обожествления природы и культа предков. Согласно синто, японский император, а, следовательно, и все японцы, ведут свое происхождение от одного из бесчисленных божеств — kami 神. Поэтому не японец не может войти в состав японской нации. Полностью синто оформляется в VI–VIII вв. В рассматриваемый в работе период синто было государственной идеологией, которая, используя тезис о превосходстве японской нации, была прикрытием внешнеполитической деятельности Японии.

династии. Поскольку японский император уникален, то и внешняя политика страны должна была быть «уникальной». Однако эта претензия Японии не вписывалась в китайскую внешнеполитическую модель, по которой все соседние страны и народы должны были признавать свою зависимость от Китая и приносить дань китайскому императору.

Ситуация изменилась в середине XIX в., когда под угрозой военного вторжения Япония была вынуждена вступить в контакт с США и европейскими странами и заключить ряд крайне невыгодных для нее договоров. Не обладавшая достаточным уровнем развития техники, науки и экономики и не имевшая четкого представления о западных правилах международных отношений, Япония была не в силах противостоять Западу. Страна была вынуждена следовать диктовавшимся ей условиям и спешно приступить к изучению положения дел в других странах.

Насильственное втягивание Японии после долгого перерыва в связях с внешним миром, однако, не привело к созданию специальных органов для управления и контроля над этими отношениями. На первом этапе «открытия» страны вопросы взаимоотношений японцев с зарубежными представителями, равно как и отношения Японии с другими странами, решались исключительно путем контактов чиновников центрального государственного аппарата (бакуфу 幕府²) и местных (даймё) властей с иностранными консулами.

² Букв. «полевая ставка» — первоначально полевая ставка командующего армией – сёгуна 將軍. После узурпации военным сословием политической власти (в конце XII в.) стало центральным правительством Японии. Сёгун стал главой этого правительства. В истории Японии существовало три, последовательно сменивших друг друга бакуфу, последнее из которых было низложено в 1867 г.

Собственно внешнеполитическая служба, в ее современном понимании, начала создаваться в Японии только после революции Мэйдзи, т. е. с 1868 г.

В январе 1868 г. была учреждена новая система государственного управления, получившая название «три должностных ранга» – «сансёку» 三職. Во главе правительства стоял председатель – сосай 総裁. В его подчинении находились 10 старших советников – гидзё 議定 и 20 младших советников – санъё 参与. Заниматься внешнеполитическими вопросами, ввиду остроты проблемы, было поручено одновременно нескольким старшим и младшим советникам, которые и вступили от лица государства в контакты с иностранными представителями. В подчинении старших и младших советников было 7 отделов – ка 課, один из которых и ведал внешними сношениями. 9 января 1868 г. руководство этим отделом было поручено принцу Ямасина но мия Акира 山階宮晃 (1816–1898).

Третьего февраля 1868 г. последовала реорганизация этой системы, в результате чего в Японии был создан департамент иностранных дел – гайкокудзимукёку 外国事務局. Штат департамента насчитывал 11 старших и младших советников. Возглавлял департамент по-прежнему старший советник Ямасина.

В мае того же года был издан новый указ о государственном устройстве. Взамен «сансёку» был учрежден государственный совет – «дадзёкан» 太政官, являвшийся центральным органом; он состоял из семи ведомств, в том числе и ведомства иностранных дел – гайкоккан 外交官. Для ведомства иностранных дел было отведено небольшое здание в токийском районе Цукидзи, недалеко от порта. На пост главы ведомства в начале 1869 г. был назначен Сава Нобуёси 澤宣嘉 (1836–1873), который и считается «отцом» японской дипломатии.

После принятия в 1871 г. закона об упразднении княжеств последовала очередная реформа органов государственного управления. Новый государственный совет был разделен на три палаты — центральную (сэйин 正院), правую (уин 右院) и левую (саин 左院). В ведении центральной палаты находились вопросы религии, дипломатии, войны и мира, заключения договоров. Правая палата осуществляла административное руководство, а левая готовила рекомендации по законопроектам центральной палаты. Для непосредственного управления страной было сформировано восемь министерств (сё 省), в том числе и министерство иностранных дел (гаймусё 外務省), возглавил которое 14 июля 1871 г. Ивакура Томоми 岩倉具視 (1825–1883) (в ноябре того же года его сменил Создзима Танэоми 副島種臣 (1828–1905)). Расширение поставленных перед министерством задач привело к тому, что оно получило новое более просторное здание в центре Токио – в районе Касумигасэки 霞ヶ関. Хотя с того времени и до наших дней министерство иностранных дел несколько раз меняло место расположения, оно не покидало пределы этого района. В связи с этим, и сегодняшнюю японскую дипломатию часто называют «дипломатией Касумигасэки».

Поскольку Япония все больше и больше втягивалась в отношения с другими государствами, внутри министерства иностранных дел постоянно проходили структурные реформы, направленные на поиск наиболее приемлемого варианта организации. Так, по уставу министерства 1873 г. были созданы департаменты (кёку 局) и отделы (ка).

Было создано шесть департаментов, возглавляли которые советники (дзё 定). Первый департамент по иностранным делам ведал отношениями со странами Европы. Второй был ответственен за отношения со странами Америки и Азии. Третий – координационный

департамент, занимался обработкой официальных документов, хранением договоров и соглашений, выдачей виз и лицензий, нотной перепиской, а также поддерживал телеграфную связь с японскими дипломатическими представителями за рубежом. Департамент переводов обеспечивал устный и письменный переводы, занимался подготовкой переводчиков, организовывал языковые занятия для сотрудников министерства. Договорный департамент занимался вопросами составления и проверки текстов договоров и соглашений. Шестой – департамент по общим вопросам занимался кадровой политикой³.

Во главе отделов были поставлены секретари (року 録). В штате министерства также находились переводчики трех рангов и канцелярские работники.

Следует заметить, что структурные перестройки министерства впоследствии проходили постоянно, хотя зачастую для этого не было серьезных причин. В октябре 1873 г. на пост министра иностранных дел был назначен выходец из самурайской среды княжества Сацума Тэрасима Мунэнори 寺島宗則 (1832–1893).

В 1885 г. взамен государственного совета по образцу Германии был создан кабинет министров из десяти министерств. Министерство иностранных дел сохранилось в неизменном виде. Пост министра иностранных дел был отдан Иноуэ Каору 井上薫 (1836–1915).

С начала 70-х гг. XIX в. Япония, следуя примеру западных держав, открывает за рубежом свои представительства – косикан 公使館 (В Японии первые западные миссии были открыты США в 1856, Францией и Россией в 1858, Великобританией в 1859, Швецией в 1864, Бельгией в 1886 и многими другими странами). Первые миссии были открыты Японией в 1870–1874 гг. в США, Великобритании,

³ См. Панов А. Н. Японская дипломатическая служба. М., 1988. С. 9.

Франции, России, Австрии и Китае. К началу первой мировой войны японские миссии в крупнейших странах – США, России, Франции, Англии и Италии были преобразованы в посольства – тайсикан 大使館 и генеральные консульства – сорёдзикан 総領事館. Причем первое японское посольство появилось в 1905 г. в Великобритании.

Япония постоянно увеличивала и штат своих дипломатов за рубежом. Так, накануне первой мировой войны в японском посольстве в Петербурге работало 18 дипломатов. Японские консульства действовали в Москве, Владивостоке, Николаевске, Одессе. В девяти странах – Бельгии, Бразилии, Чили, Китае, Испании, Мексике, Нидерландах, Швеции и Германии дипломатические представительства оставались на уровне миссий. Кроме того, Япония имела 17 генеральных консульств (из них 7 в Китае) и 29 консульств – рёдзикан 領事館 (из них 17 в Китае). В 1937 г. у Японии уже было 12 посольств (в том числе в Германии, Польше, Бельгии, Турции, Китае, Бразилии), 36 генеральных консульств и 45 консульств⁴. К числу открытых непосредственно перед началом второй мировой войны зарубежных представительств Японии можно отнести Никарагуа (1935), Египет (1936), Ирак (1939). К настоящему времени посольства Японии открыты в 117 странах. К тому же действует 65 генеральных консульств⁵.

Открыв себя для внешнего мира, японская дипломатия была вынуждена проводить свою внешнюю политику в соответствии с принципами, которые уже давно сложились на Западе. Стране Восходящего солнца ничего не оставалось, как принять уже готовую форму дипломатических отношений. Япония признала и приняла на

⁴ Панов А. Н. Указ. соч. С. 10.

⁵ См. Гаймусёдзёхохё (Информационный справочник МИД). Токио, МИД, 2006. С.2.

венском конгрессе 1815 г. конвенцию о дипломатических рангах.

Согласно этой конвенции, дипломатические представители разделялись на следующие классы:

1. Послы и папские легаты. Полный титул посла обычно «чрезвычайный и полномочный посол» (тайси 大使).
2. Чрезвычайные и полномочные посланники. Полный титул – «чрезвычайный посланник и полномочный министр» (коси 公使).
3. Поверенный в делах (дайритаиси 代理大使).

Возглавляемое послом дипломатическое представительство называется посольство. Дипломатические представительства, возглавляемые представителями других рангов, называются миссиями – косикан 公使館, либо консульствами.

Различие между посольством и консульством заключается в том, что консульство возглавляет консул, который представляет назначившее его государство не перед правительством страны своего пребывания, а перед местными властями района своей деятельности в данной стране, называемого консульским округом. Число консулов на территории государства определяется соглашением между правительствами стран. Посольство, как правило, располагается в столице государства.

В международной практике приняты следующие ранги консулов:

1. Генеральный консул (сорёдзи 総領事).
2. Консул (рёдзи 領事).
3. Вице-консул (фукудзитё 副次長).
4. Консульский агент (рёдзигайкоин 領事外公員).

Генеральный консул назначается в крупные мегаполисы, а консульский агент, соответственно, в

небольшие города, где объем работы невелик. Поскольку задачи работы не позволяют более подробно останавливаться на общих положениях дипломатической работы, в качестве справочной литературы мы рекомендуем ставшие классикой нижеуказанные работы⁶.

В первые годы существования японского министерства иностранных дел все крупные дипломатические работники назначались на должности не по своим знаниям и качествам, а по политическим или личным соображениям. Отсутствие действительно толковых работников крайне негативно отражалось на работе молодого министерства. Однако, по мере того как Япония стала ставить перед собой вполне конкретные внешнеполитические задачи, для их осуществления требовались уже действительно высокопрофессиональные дипломаты. Поэтому, уже с конца 70-х гг. XIX в. в Японии начинает действовать вполне профессиональная система подготовки кадров дипломатических работников. На наиболее ответственные посты и в важные для Японии государства стали направляться лица, получившие хорошую подготовку имевшие опыт работы в МИД. На рубеже XIX–XX вв. была введена система экзаменов для лиц, желавших занять ответственную должность в министерстве и его зарубежных представительствах. Кандидат должен был не только обладать широким кругозором, но и прекрасно разбираться в системе международных отношений, знать дипломатический протокол и владеть несколькими иностранными языками.

Вследствие чрезвычайной важности и сложности дипломатической работы, ежегодно на службу принималось не более 10 человек. Значительное увеличение рабо-

⁶ Джон Вуд, Жан Серре. Дипломатический церемониал и протокол / Пер. с англ. М., 1974. и Э. Сатоу. Руководство по дипломатической практике / Пер. с англ. М., 1961.

ра и, соответственно, общего штата работников, происходит с конца 20-х гг. XX в., когда Япония приступает к практическому воплощению идей покорения Китая.

Со второй половины XIX в. японские дипломаты спешно учились у Запада правилам дипломатической игры и оказались весьма способными учениками. Они не только взяли на вооружение господствовавшие в тот период во внешней политике западных стран методы колониальной политики, но и по многим показателям уже к началу XX в. обошли своих «учителей».

В предшествующий «реставрации» период и в первые годы после революции Мэйдзи Япония была вынуждена проводить дипломатию уступок Западу, которая получила название «дипломатии слабости» – нандзюку гайко 軟弱外交 или «дипломатии гейши» – гэйся гайко 芸者外交⁷. При этом второе определение – «дипломатия гейши», свидетельствует не о слабости японской внешней политики, а скорее о хитрых приемах дипломатического маневрирования, используя которые, Япония искала подходящий повод и время, чтобы начать свою успешную внешнеполитическую деятельность. Хотя Япония и была опутана сетью неравноправных договоров, она, тем не менее, используя различные методы, вынуждала более слабые соседние страны подписывать такие договоры и соглашения. По мере экономического и военного усиления Японии ее внешняя политика избавлялась от «комплекса неполноценности» и приобретала все большую самостоятельность. В ход шло создание и благоприятное «разрешение» в интересах Японии различных «инцидентов» и провокаций, а когда это не помогало, то и открытое вероломство.

⁷ Панов А.Н. Указ. соч. С. 14.

В целом, уже с конца XIX в., после победы над Китаем в войне 1894–1895 гг., внешнеполитический курс Японии был определен вполне четко. Главной своей целью Япония видела установление гегемонии в регионе, а задачами – подчинение Кореи и Китая, и, судя по высказываниям японских дипломатов 80-90 гг. XIX в., российского Дальнего Востока. По мере частичного выполнения этих задач в первой половине XX в., Япония ставила перед собой более глобальную цель — изгнать из региона и, в первую очередь, из Китая все европейские страны и монопольно пользоваться его источниками сырья и рынком сбыта. В результате Япония была вынуждена все больше и больше ухудшать отношения с бывшими некогда своими партнерами, что, в конечном счете, и привело к началу войны на Тихом океане и разгрому Японии.

Японские адреса Невского проспекта 1917 года

*«Нет ничего лучше Невского проспекта,
по крайней мере в Петербурге,
для него он составляет все».*

Н. В. Гоголь

Невский Проспект – главная улица города Петербурга. Он начинается от Адмиралтейства и заканчивается Московским вокзалом. Петербург – искусственный город, это первый город в Европе, построенный на пустом месте, по плану. С момента своего создания он был городом очень интернациональным: в нем жили, работали и творили итальянцы, немцы, французы, финны и пр. Ни на одной главной столичной улице Европы нет церквей других вероисповеданий – в Петербурге же и каменная лютеранская церковь и католический костел были построены даже раньше православного Казанского собора. Прибывший в 50-х годах XIX столетия в Петербург французский писатель Александр Дюма-отец, увидав на Невском проспекте, тогда уже главной улице столицы, все иностранные церкви и вспомнив, что в его родном свободолюбивом Париже они, эти церкви, затискивались в закоулки, потому что только церковь господствующей религии должна выдвигаться на первый план, назвал Невский проспект «улицей веротерпимости».

В начале XX в. Невский преобразился: в домах, где ранее были изысканные аристократические салоны, французские и английские магазины разместились банки, страховые общества, госпитали и всевозможные технические и торговые конторы. Было среди них и немало японских контор. Попробуем по ним пройти. Наш путь пойдет от Московского вокзала до Дворцовой площади. Японцы старались найти офисные помещения рядом с вокзалом, который тогда считался конечным пунктом Транссибирской магистрали. Поэтому больше всего япон-

ских контор сосредоточилось на отрезке от вокзала до гостиницы «Европейская».

С 1914 по 1916 гг. в Петербурге открылось более 20 японских контор и организаций. Более 100 человек японцев было официально зарегистрированы в Петербурге. Но в действительности, учитывая количество командировочных, количество японцев было больше в несколько раз. Крупнейшие японские торговые компании «Окура», «Мицуи» и «Таката» еще до Первой мировой войны образовали синдикат «Тайхэй кумиаи», через который Япония продавала вооружение и амуницию, ненужную военному министерству, но произведенную на государственных предприятиях. До России они продавали вооружение в Китай, Мексику и Тайланд. С началом Первой мировой войны, уже на рубеже 1914–1915 гг. в Японии производили многомиллионные закупки шесть главных управлений российского военного министерства – Генерального штаба, артиллерийское, интендантское, военнотехническое, военно-санитарное и военно-воздушного флота. Япония выполняла крупные заказы российского военно-морского ведомства, Красного Креста, Центрального военно-промышленного комитета, главного уполномоченного по снабжению металлами, министерств торговли и промышленности, путей сообщения, земледелия, финансов. «Металлический комитет» и гражданские министерства покупали в Японии металлы, оборудование для угледобычи, портовые краны, землечерпалки, паровозы, медикаменты, телефоны и пр.

Все военные и правительственные контракты курировало специально для этого созданное Торгово-справочное бюро при Русско-японском обществе, которое располагалось на Преображенской улице Петербурга.

Японские компании сказочно обогатились. Но представительства всех японских компаний были закрыты и прекратили свою деятельность по причине Октябрьской революции 1917 года. Из компаний, которые открыли свои

представительства тогда в Петербурге, в своем неизменном виде до настоящего времени сохранились только четыре: «Мицуи», «Мицубиси», «Исикавадзима Харима» и фармацевтический завод «Инуи». Правда, компания «Окура» сохранила свой одноименный отель, а компания «Кухара» превратилась в компанию «Хитати».

Какие японские компании открыли в Петербурге свои представительства?

В книге Д.Б.Павлова «Забывтый союзник: Япония и Россия в 1914–1918 гг.» упоминаются следующие компании: «Мицубиси», «Исикавадзима» (судоостроительное и механическое производство), «Судзуки», «Карацу» (сталелитейное производство и экспортно-импортные операции), «Асано» (цемент), «Фурукава» (медь), «Оки» (электро- и телефонное оборудование), Токичи Ивамото, Тамайя, Накамура, Г.Мацумото, К.Томода (аптекарские товары, медикаменты, медицинское оборудование), поставщик двора Нисимура (изделия из шелка), Кавагуси, Общество Южно-Маньчжурской железной дороги (перевозки и туризм) и др. Я нашла информацию про следующие компании: «Таката», «Окура», «Мицуи», «Кухара», «Мицубиси», «Сузуки», «Инуи и Ко.» (аптечные товары), «Хара» (шелк), «Умэда сёкай», «Фурукава», общество Южно-Маньчжурской железной дороги, а также Швейцарско-японскую торгово-промышленную компанию.

Но сейчас мы пройдемся только по нескольким компаниям и организациям, расположенных на Невском проспекте и в близлежащих улицах и переулках. Начнем свой путь с компании **«Кухара»**, которая находилась совсем рядом с Московским вокзалом по адресу: **Гусев переулок 6, кв. 4**. **Каору Курихара** был главой представительства. Менеджером был **Огимати Суэтада**. Еще в представительстве работали два японца – **Сато Юзи (Сато Юдзу?)**, **Эйч-кун (?)** и **один русский американец П., родом из Кобэ**. Вероятнее всего, представительство в России

открыли в 1915 г. и закрыли в 1918 г. Перед открытием своего офиса в Петрограде в 1915 г. горнозаводская фирма «Кухара», основанная в Осаке в 1912 г., перевела в Петроград 100 000 рублей в пользу русских раненых воинов и их семей, за что получила царскую благодарность. Фирма существует до сих пор. Теперь она называется «Хитати».

Согласно информации от русско-японского торгово-справочного бюро, Горнопромышленное Акционерное общество КУХАРА (**Kuhara Mining Co.LTD**) имело головную контору в городе Осаке и отделения в Токио, Петрограде, Лондоне и Сингапуре. Компания также имела собственные рудники и заводы. Компания производила и предлагала на продажу электролитическую медь, цинк, свинец, серебро, медный купорос, аммонийно-серноокислый никель, электрические и горнопромышленные машины. Японские источники пишут, что компания занималась также нефтяными месторождениями в Баку и на Сахалине.

Японцы сняли большую квартиру номер 4 в доме номер 6 по Гусеву переулку. Небольшой, но уютный дом этот был построен в 1880 г. и принадлежал князю Сергею Александровичу Вяземскому. В офисной квартире жил только глава представительства. Другие приезжали на работу каждый день со съемных квартир и гостиниц. Кроме постоянных сотрудников, в офисе все время было много командировочных. Обычно, рабочий день начинался в 10:00 и заканчивался в 16:00. Про главу представительства **Курихара Каору** я никаких сведений не нашла, но зато нашла весьма интересную информацию про другого сотрудника – **Огимати Суэтада**. Потомственный аристократ из императорской семьи, выпускник юридического факультета Токийского Императорского Университета барон **Огимати Суэтада** в должности управляющего представительства компании «Кухара Когё» проживал в Петрограде с 1916 по 1917 гг. Снимал он две комнаты в

квартире на Кронверкском проспекте напротив Народно-го дома. Каждый день он ездил на работу либо на трамвае, либо на извозчике. Он был одним из японцев, который стал живым свидетелем февральской революции. Свои записки о том, чему он стал свидетелем, он опубликовал в 1930 г. в сентябрьском выпуске известного журнала «Бунгэй сьондзю». Журнал этот печатается до сих пор. Записки написаны очень живым языком и не кажутся устаревшими даже сейчас. Чувствуется, что писал их очень умный, тонкий и приятный человек, хотелось бы узнать о нем побольше. Но, к сожалению, я не смогла узнать никакой информации о его жизни, включая подробности его гибели в 1945 г. Предлагаю вашему вниманию отрывок из его журнальной публикации:

«3 октября (по русскому календарю 25 февраля). В этот день на площади перед Николаевским вокзалом произошло столкновение между толпой и полицией, один из рабочих был застрелен из пистолета. Это был первый выстрел, который стал катализатором начала революции. Над русской столицей нависли тяжелые свинцовые тучи. Невский проспект — главная улица Петрограда, как в Токио Гиндза, начинается от Адмиралтейства и кончается у Николаевского вокзала. На Невском в ряд стоят дорогие и шикарные магазины и рестораны. Каждый человек и днем и ночью тут может найти все, что душе угодно. После трех-четырех пополудни по проспекту начинают гулять и смотреть витрины красиво и дорого одетые мужчины и женщины высокого сословия. Вечером появляется много "накрашенных женщин" (проститутки), они сидят в кафе, ждут клиентов и стараются заловить их в свои сети. Если попробовать провести аналогию между достопримечательностями, реками и каналами Петрограда и Токио, то получается следующее:

Николаевский вокзал — вокзал Симбаси

Район Адмиралтейства — район Мансэй

Река Нева — в десять раз больше реки Канда

Противоположный берег Невы — тихий район, подобно
Нагататё

Александровский парк вместе с народным домом — парк
Уэно."

Одна из самых крупных японских торговых компаний начала XX в. — компания «**Окура и Ко.**» располагалась в доходном доме великого князя Сергея Александровича на углу Невского проспекта и улицы Рубинштейна, тогда Троицкой. Ее адрес в 1917 г. звучал так: **Троицкая улица 1 квартира 6.** Представителем в Петрограде был **Умадзиро Ямада.** Согласно справочнику русско-японского общества 1917 г., компания «Окура и Ко.» являлась поставщиком Императорских военно-морских и других правительственных учреждений. Компания являлась владельцем рудников, фабрик, лесных и других предприятий. Занималась экспортом и импортом во все страны мира. Главное правление находилось в Токио. Отделения в Шанхае и Петрограде. Товары и сервисы: Машины. Предметы электрического оборудования. Медикаменты. Химические материалы. Кожи. Шерсть. Пшеница. Рис. Хлопок. Всякие сырые материалы. Каменный уголь. Огнестрельное оружие. Поставки и разные строительные работы: постройка зданий, железных дорог и пр.

Агент компании «Окура» У.Ямада и агент компании «Мицуи» Ида были первыми представителями японских компаний, кто в августе 1914 г. поехал во Владивосток и предложил свои услуги по поставкам вооружения и военной амуниции. Потом чиновники японского военного министерства отрекомендовали русскому военному атташе фирму «Окура» как солидного и проверенного производителя интендантского имущества — котелков, подсумок, сапог, седел, шинельного сукна, и т. п. Потом

уже в Петрограде были проведены переговоры с представителями «Окура» в Петрограде в результате которых приемщики Главного интендантского управления поехали в Токио в 1915 г. и под руководством военного агента Самойлова купили и заказали в Японии военного имущества на 42 млн. йен. Д. Б. Павлов в своей книге пишет, что «как ни странно, из этих спешных и хаотичных покупок русской армии ко двору пришлось все, кроме японских седел». В московском военном архиве РГВИА сохранилась переписка конца 1915 – начала 1916 г. русского военного агента в Токио Мореля с военным ведомством о закупке напрямую в компании «Окура» 20 000 телефонных аппаратов и 50 000 верст телефонного и телеграфного кабелей со стальной проволокой в жиле. Общая сумма покупки составляла 3 200 000 рублей.

Дом, в котором «Окура» открыли своё представительство, стоял на углу ул. Троицкой (ул. Рубинштейна) и Невского, и часть его выходила на Невский проспект. Он был расположен очень удачно — и на Невском проспекте, и рядом с Николаевским (Московским) вокзалом. Хозяином дома, перестроенного в 1900 г., был великий князь Сергей Александрович. В 1917 г. домом владела его вдова, великая княгиня Елизавета Федоровна. В том же доме находился офис еще одной японской компании «**Умэда сёкай**» и офис правления члена русско-японского общества – Акционерного общества кузнечных каменноугольных копей (Кольчугинский рудник, Кемеровский рудник и Гурьевский завод). Также в начале XX в. в этом доме находились зубоврачебные кабинеты И.И.Хрущева, курсы Езерского, ателье-магазин фирмы «Норденштрём» и дешевый ресторан-бар «Квисисана», считавшийся заведением более низкого пошиба, чем его тезка на Невском 46. По иронии судьбы в доме на Невском, 46 находился офис давнего конкурента компании «Окура» – компании «**Мицуи**».

Крупнейшая японская торговая компания «**Мицуи**» открыла офис на **Невском проспекте дом 46**. Контора занимала две квартиры: квартиру номер 21 и 22. В 1914 г. открывал контору в Петрограде директор (General Manager) компании господин **Ямамото Дзётаро**. В 1917 г. его уже в Петрограде не было. В 1917 г. главой представительства был **Нива Ёсидзи**, кроме этого, в компании работали **Тэй Нагиса**, **Самэдзима**, **Имаи Сэйкити** и **Семёновский Аполлинарий Дмитриевич**. Когда-то в этом доме жил сам великий архитектор, основатель русского барокко Бартоломео Растрелли. Дом перестроили в 1901 г. для Московского купеческого банка, который сдал часть помещений разным конторам, в том числе и японской. Кроме банка и японского акционерного общества «Мицуи Буссан Кайша», которое было импортерами, экспортерами и комиссионерами, в здании располагались популярный ресторан «Квисисана» с механическим буфетом-автоматом, магазин оптики Милька, кондитерская фирмы «Блигкен и Робинсон», музыкальные и драматические курсы Б.В.Поллака, общество страхования «Волга» и зубоврачебная лечебница-школа И. А. Пашутина. Сотрудник компании «**Мицуи**» **Имаи Сэйкити** в начале 1917 г. по рекомендации сотрудника японского посольства Уэда Сэнтаро стал также работать внештатным корреспондентом газеты «Токио Асахи». В действительности Уэда сам подрабатывал в этой газете, но в связи с резко возросшей занятостью, предложил работу своему товарищу. Под своей настоящей фамилией Имаи Сэйкити писать не мог, поэтому он взял псевдоним и стал подписываться **Мойка Кэйдзин**. Дословно, этот псевдоним можно перевести как «человек-угорь, который живет на реке Мойке». Сам Имаи жил в гостинице «Франция», окна которой выходили на реку Мойка. Поэтому он и придумал себе такой псевдоним. Вот отрывок его репортажа, благодаря которо-

му мы можем окунуться в атмосферу Невского проспекта в феврале 1917 года:

«11 марта (26 февраля) 1917 года

В этот день вышел повторный указ Командующего Петроградским военным округом генерала Хабалова о запрещении народных сборищ. Там было написано, что поскольку стачки – это тоже средство, чтобы расшатать ситуацию внутри страны, каждый работник должен вернуться на свое рабочее место, а если кто этого не сделает, того насильно отправят на фронт. В полчетвертого пополудни в западной части Невского рядом с Полицейским мостом отряд жандармов перекрыл проспект. На голове у них были серые меховые шапки, в правой руке – сабли. За спиной на шинелях у них ружья. Им на подмогу пришли конный отряд казаков и конной гвардии. Проспект перекрыли полностью. В восточной части Невского напротив памятника Екатерины Второй собралась толпа мятежников. Толпа напоминала черное пятно, но в центре толпы выделялось красное знамя. Толпа направилась к Адмиралтейству, они шли, распевая революционные песни, и количество их увеличивалось по мере продвижения. Количество красных знамен также увеличилось до двух. Отряд демонстрантов по большей части состоял из рабочих, но среди них виднелись и голубые фуражки студентов, и даже женщины были среди них. Когда толпа перешла Садовую и подошла к башне ратуши, к ним приблизились правительственные войска, и толпа остановилась. Среди демонстрантов были и те, кто поднял руки и кричали: "Ура! Ура!". И тут прозвучала команда: "Пли"! Я бросился на землю и отполз в ближайшую подворотню. Ряды демонстрантов тоже смешались, некоторые из них побежали, началась неразбериха. Ружейные залпы не прекращались, я с трудом вернулся к себе в гостиницу, где смог перевести дыхание. Что там дальше было на проспекте, не знаю. В тот же день около 17:00 в Петербург по Транссибирской магистрали прибыло

9 японцев. У них было с собой 20 мест большого и малого багажа. Их встречал представитель «Кухара Когё» в Петрограде Огимати Суэтада. Он был не один, с сослуживцами, и все равно не смог беспрепятственно довести командировочных до своего офиса. Он боялся выходить из здания вокзала и совсем растерялся, долго не зная, как поступить. Наконец, двоих человек из группы оставили караулить багаж на вокзале, а остальные пешком, по скользкой снежной дорожке за час к девяти вечера еле-еле дошли до офиса. У них была с собой лапша удон, которую они тотчас же отварили, сварили они и один килограмм риса, порезали маринованный дайкон – на одного человека по два кусочка – вот такой получился у них поздний скромный ужин. После этого все улеглись спать вповалку, так и не раздевшись. Вечером двенадцатого числа я смотрел на улицу из окна отеля, и стал свидетелем разного вида активности. До поздней ночи продолжались бои. Солдаты бегают под пулями. Ездили броневики. Видел я дезертировавших и убегающих солдат и жандармов. С моего верхнего этажа гостиницы было хорошо видно стреляющих людей. Вдруг появились марширующие солдаты. И я, Мойка – один из сотрудников представительства японской конторы – все это видел".

(Опубликовано в газете 20 мая 1917 года).

Помимо вышеупомянутых японских компаний, на Невском проспекте также располагались офисы следующих японских контор: «Хара», «Инуи», «Фурукава», «Сузуки», «Таката» и «Мицубиси». Кроме японских торговых контор, был в районе Невского Проспекта и **японский госпиталь**. Рядом с магазином Елисеева, на углу Итальянской и Малой Садовой улицы, 19 декабря 1914 г. в только что выстроенном здании Благородного собрания торжественно открыли **госпиталь японского отряда Красного Креста**. В нем работало 15 человек японских врачей и медсестер и один японский священник, которые

специально приехали в Петроград для работы в этом госпитале. Возглавил японский отряд Красного Креста известный в Японии доктор Йено (Zeno). Доктор Йено и медсестры говорили по-русски, который они запомнили еще во время Русско-японской войны. Супруга японского посла Мотоно также работала сестрой милосердия в этом госпитале. Японский госпиталь стал одним из 500 госпиталей и лазаретов, которые открылись в Петрограде в период с 1914 по 1916 г. В сентябре 1916 г. госпиталь посетил японский принц Кан-Ин во время своего официального визита в Петроград.

1916 год считается апогеем российско-японских отношений. 20 июня (3 июля) в Петрограде был подписан русско-японский договор о сотрудничестве с секретным приложением по военным поставкам и прочим нюансам внешней политики нового русско-японского союза. Мариинский театр поехал на гастроли в Токио. Много русских стало учить японский язык. Открылось несколько школ японского языка. Открылось много японских магазинов по всей стране. Даже русские деньги стали чеканить на Осакском монетном дворе. Количество членов Русско-японского общества увеличивалось с каждым днем. Открылось отделение общества в Москве. Собирались создать Русско-японский банк, японский чай решили поставлять только в Россию и больше никуда, поставлялось японское вооружение, в стране было много японских военных наблюдателей и т. д. и т. п. Однако не стоит забывать и о том, что в том же 1916 г., учитывая усиливающуюся революционную ситуацию внутри страны и ситуацию на фронтах, японцы стали разрабатывать сценарий интервенции Дальнего Востока.

**Образ Японии на страницах российской
провинциальной периодической печати
(1904–1905 гг.)**

В Российской империи печатные периодические издания были единственным источником информации о текущих событиях, происходящих в мире, доступных широкому кругу столичных и провинциальных читателей. Анализ статей, очерков и заметок позволяет судить о том, какую информацию распространяла в высоко- и малообразованном обществе периодическая печать. Особое внимание следует уделить провинциальной периодике, роль которой в формировании образов иностранных государств еще недостаточно глубоко изучена. В качестве исторического источника можно привлекать материалы нацеленной на массового читателя газеты «Кубанские областные ведомости», которая издавалась в городе Екатеринодар в конце XIX — начале XX в. и распространялась на территории Кубанской области. На страницах этого издания размещались распоряжения российского правительства, областных правительственных учреждений, войсковой администрации, рассказывалось о воинской службе казаков, быте их семей, освещались экономические и культурные проблемы и достижения региона. Кроме того, газета информировала о событиях, происшедших за пределами Отечества.

Цель данного исследования — представить образ иностранного государства (на примере Японии), который формировался в годы Русско-японской войны газетой «Кубанские областные ведомости», имевшей проправительственную идеологическую направленность.

Последовательный анализ публикаций данного издания позволяет проследить хронологию событий 1904–1905 гг. Казачьи подразделения принимали участие в боевых действиях, поэтому в газете «Кубанские област-

ные ведомости» информации с фронта уделялось повышенное внимание. Следует отметить важный факт: в годы Русско-японской войны редакционная коллегия провинциальной газеты не имела возможности отправить своих представителей на Дальний Восток, поэтому размещала информацию, заимствованную из столичных и московских печатных изданий, которые, в свою очередь, дублировали заметки иностранных газет. В результате данное печатное издание превратилось в уникальный исторический источник, позволяющий воспроизвести картины прошлых событий, которые формировались отечественной периодикой, а также получить сведения о представлениях европейской общественности.

Об азиатских государствах в российской провинциальной прессе писали мало¹. Источников информации было немного. Несмотря на то, что кубанская газета дублировала заметки авторитетных отечественных изданий, сведения поступали обрывочные и, зачастую, ошибочные. Следует учитывать, что в начале XX в. как европейская, так и российская наука располагала знаниями о народах, проживающих на землях иных материков, обширными, но недостаточными для составления их полной и адекватной характеристики. Для иллюстрации сказанного можно сослаться на одну из статей, в которой российских малообразованных провинциальных читателей знакомили с невероятными предположениями французских этнографов о еврейском происхождении японцев. Авторы ссылались на старинные японские рисунки, некоторые древние обряды и праздничные ритуалы, одеяния служителей храмов². Подобные материалы фор-

¹ Благодер Ю. Г. Российская периодическая печать о Китае (конец XIX — начало XX века). Краснодар: Изд-во ФГБОУ ВО «Кубан. гос. технол. ун-т», 2017. 340 с.

² Б.В. О происхождении японцев // Кубанские областные ведомости. 1905. № 107. 20 мая. С. 1.

мировали ложные представления об иностранных государствах и народах, проживающих на их территории.

Российская периодическая печать чутко воспринимала и оперативно отражала настроения, царившие в обществе. В конце XIX — начале XX вв. на мировоззрение российской интеллигенции серьезное влияние оказывала европоцентристская идеология. Не вызывает удивление тот факт, что на страницах российских газет, столичных и провинциальных, отечественный исторический опыт и духовный потенциал ставится неизмеримо выше восточного. Можно отметить следующие высказывания: «Китай раньше Японии начал реформы. Разве это делает его «высококультурным»? Япония и Китай ничего не внесли в сокровищницу общечеловеческих знаний и культуры. Ничего не создали ни в литературе, ни в науке, ни в искусстве»³. Между тем, российские газеты упоминали о японских прогрессивных реформах, например, введении в 1889 г. Конституции, учреждении парламентской системы и проч.⁴, но для консервативной печати самодержавной России, судя по вышеуказанным характеристикам, эти преобразования не считались выдающимися.

Японские политики были настроены решительно. Приведем несколько фрагментов их высказываний (орфография имен собственных сохранена): «Мы должны изгнать русских из Манчжурии, одержать ряд побед в Сибири, продиктовать условия мира в Петербурге» (граф Окума, март 1904 г.); «Станем поить лошадей в Волге» (г-н Томидзу, октябрь 1904 г.); «эта страна [Россия] уже давно мешает распространению истинной цивилизации ... ее нужно стереть с лица земли» (г-н Кондо Нофу, апрель

³ Х.Г.В. Россия и Япония // Кубанские областные ведомости. 1905. № 171. 11 августа. С.1.

⁴ Вести из-за границы. Япония // Кубанские областные ведомости. 1904. № 2. 3 января. С.3.

1904 г.); «все цивилизации должны сплотиться вокруг Японии ... Япония есть центр обитаемой земли. Великобритания не годится для этой роли, так как расположена среди второстепенного моря, Индия слишком близка к европейской цивилизации и потому несовершенна, Китай слишком массивен, Соединенные Штаты слишком юны и неопытны» (г-н Ямада Хио)⁵.

Конкуренция России и Японии в Маньчжурии усиливалась. Отношения двух империй обострялись, но представители политических и финансовых кругов многих стран считали вооруженное столкновение маловероятным⁶. Между тем, как сообщали корреспонденты из Токио, «Япония готова к войне, которую ожидает спокойно. Во всей стране царит патриотическое единение»⁷.

В январе 1904 г. профессор П.С.Попов высказал свое мнение о действиях японцев во время восстания ихэтуаней, а именно, осады восставшими иностранных миссий в столице империи Цин. Он отмечал: «Японцы защищали не только свое посольство, но и французское «молодецки». Японские войска обучены хорошо. Долголетняя борьба, которую ведет народ, приучила к дерзости, если хотите – смелости»⁸. Между тем, российский дипломат не верил «в выносливость малорослого японца» и искренне полагал, что «для Японии воевать – значит поставить все на карту»⁹.

⁵ Н.В. Желтая опасность // Кубанские областные ведомости. 1905. № 191. 7 сентября. С.1.

⁶ Телеграммы. Токогама // Кубанские областные ведомости. 1904. № 1. 1 января. С. 2; Лондонские газеты // Кубанские областные ведомости. 1904. № 2. 3 января. С.3

⁷ Телеграмма. Токио // Кубанские областные ведомости. 1904. № 5. 8 января. С.3.

⁸ О чем пишут // Кубанские областные ведомости. 1904. № 8. 11 января. С.2.

⁹ Там же.

Иностранные державы внимательно наблюдали за развитием событий. Китайское правительство открыто демонстрировало желание сохранять нейтралитет¹⁰. По мнению публицистов, «любовь Китая и Японии вызвана ненавистью и страхом европейского нашествия»¹¹. Российские газеты выступали с весьма сомнительными утверждениями: «японское владычество будет китайцам гораздо неприятнее русского. Русский и китайский характер ближе, чем японский и китайский. Китайцам никогда не приобщиться к японской точности, педантичности и требовательности к службе и управлению. Особенно будет ненавистен всюду – проникающий контроль»¹². Твердость, проявленная Россией во время переговоров с японскими представителями по поводу содержания существующих договоров по Корее и «маньчжурскому вопросу»¹³, заставляет правящую цинскую династию сомневаться в успехах Японии¹⁴.

Японская общественность выступала за войну с Россией¹⁵. В январе 1904 г. из Порт-Артура телеграфировали о слухах, согласно которым производится мобилизация

¹⁰ Благодер, Ю.Г. Образы китайских чиновников в российской публицистике XIX – начала XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7-2 (13). Ч. II. С. 24–28.

¹¹ Телеграммы. Порт-Артур // Кубанские областные ведомости. 1904. № 1. 27 января. С. 2.

¹² Япония и Маньчжурия // Кубанские областные ведомости. 1905. № 108. 21 мая. С. 1.

¹³ Телеграммы. Петербург // Кубанские областные ведомости. 1904. № 23. 29 января. С. 2.

¹⁴ Телеграммы. Порт-Артур // Кубанские областные ведомости. 1904. № 21. 27 января. С. 2.

¹⁵ Телеграммы. Петербург // Кубанские областные ведомости. 1904. № 23. 29 января. С. 2.

японской армии¹⁶. Крупнейшее агентство «Рейтер» сообщало о подготовке японских флотских резервов¹⁷. Британская пресса писала о перемещении японских войск¹⁸. Тревожные настроения усиливали сообщения о том, что японский консул предложил соотечественникам покинуть Порт-Артур и Дальний; японцы распродавали товары и уезжали из Харбина, Владивостока и других городов¹⁹.

Всю ответственность за развязывание войны император Николай II возлагает на Японию²⁰. На страницах газеты «Кубанские областные ведомости» была опубликована статья А.С.Суворина, ранее увидевшая свет в газете «Новое время». В ней автор сравнивал Японию с притворившимся смиренным Дьяволом, «цивилизованным, приятным, скромным, ... который неожиданно поднялся и выпустил горячее пламя, и оно обдало нас и обожгло... Смерть разинула свою пасть и поглотила первые жертвы²¹.

Когда началась русско-японская война, интерес к дальневосточному региону стал возрастать. Образованной публике хотелось узнать как можно больше о новом противнике. Публиковали отзывы европейских офицеров-

¹⁶ Телеграмма. Порт-Артур // Кубанские областные ведомости. 1904. № 15. 20 января. С.2.

¹⁷ Телеграмма. Чифу // Кубанские областные ведомости. 1904. № 16. 21 января. С.2.

¹⁸ Телеграммы. Лондон // Кубанские областные ведомости. 1905. № 2. 4 января. С.2.

¹⁹ Телеграммы. Порт-Артур // Кубанские областные ведомости. 1904. № 20. 25 января. С. 2; Телеграммы. Иркутск // Кубанские областные ведомости. 1904. № 23. 29 января. С. 2; Телеграмма. Харбин // Кубанские областные ведомости. 1904. № 16. 21 января. С.2; Телеграммы. Порт-Артур // Кубанские областные ведомости. 1904. № 21. 27 января. С. 2.

²⁰ Телеграммы. Петербург // Кубанские областные ведомости. 1904. №1. 27 января. С.2.

²¹ О чем пишут // Кубанские областные ведомости. 1904. № 45. 28 февраля. С. 2.

инструкторов, которые позитивно характеризовали японскую армию и ее солдат – своих учеников. По мнению иностранных специалистов, тайна их успеха кроется, во-первых, в традициях: религия и воспитание учат японца, что нет выше славы и чести, как смерть в бою; во-вторых, в хорошей подготовке: «при худших пушках, японцы выигрывают лучшей выучкой»²².

Подавляющее число жителей Российской империи не имело понятия о японцах, и недооценивало силу их армии, поэтому в обществе царила уверенность в успехе. «Вдруг оказалось, что побеждаем не мы, а они. Не верили, поэтому печатали все наоборот. Японцы пускали на дно наши корабли, а мы писали о том, что мы потопили их суда. Тысячи лубочных картин разносили по всей серой массе крестьянского населения счастливую весть о наших победах»²³. На самом деле, «японцы отбрасывали нас отовсюду, сметая с лица земли целыми полками»²⁴.

Военные действия затянулись. Надежда на то, что «Россия победит, отомстит коварному врагу за навязанную нам тягостную войну ... прочно утвердится на берегах Тихого океана»²⁵, начала угасать. Как отмечают «Кубанские областные ведомости», жертвования уже не льются потоками, все меньше добровольцев отправляется на фронт, утихла работа в штабах, противники правящей династии занимаются «отыскиванием промахов ... Вместо настойчивых требований продолжать войну звучат жалкие

²² К событиям на Дальнем Востоке // Кубанские областные ведомости. 1905. № 25. 1 февраля. С.1; Швейцарский офицер о японских победах // Кубанские областные ведомости. 1905. № 85. 17 апреля. С.1.

²³ Б.В.О происхождении японцев // Кубанские областные ведомости. 1905. № 107. 20 мая. С. 1.

²⁴ Там же.

²⁵ Р.Л. К событиям на Дальнем Востоке // Кубанские областные ведомости. 1905. № 10. С. 1.

слова о бесцельности ее»²⁶. Проправительственная периодика всеми силами пыталась поддержать патриотическое настроение в обществе, но драматические события делали свое дело. Вера в успешный захват Сапдепу была разрушена сведениями об огромных жертвах. Оптимистические прогнозы победы под Мукденом сменялись скорбными замечками об отступлении.

О военных событиях писали в каждом номере екатеринодарского издания. Появлялись заметки о нападении на корабли 1-ой Тихоокеанской эскадры²⁷, поражении на р. Шахэ²⁸. Как отмечается в газете, падение Порт-Артура в армейских кругах все ожидали, поэтому это событие не произвело большого впечатления, но для российской общественности известие о сдаче крепости стало тяжелым ударом²⁹. В последующие месяцы о длительной осаде и героизме защитников города-крепости писали часто и много.

Предпринимались попытки выявить причины поражения. Екатеринодарская газета называла допущенные российским командованием и офицерами ошибки, но оправдывала военачальников, возлагая ответственность на революционные силы (шла буржуазно-демократическая революция) и антипатриотические настроения обывателей. «У Куропаткина было меньше войск, чем у японцев. Виновен ли Куропаткин в неточных данных, полученных разведкой? Виноват ли в стачках? – пишет газета «Кубанские областные ведомости». – В то время, когда японские вдовы, имея единственного сына, который

²⁶ Там же.

²⁷ Телеграммы. Петербург // Кубанские областные ведомости. 1904. № 30. 10 февраля. С. 2.

²⁸ К событиям на Дальнем Востоке // Кубанские областные ведомости. 1905. № 25. 1 февраля. С. 1.

²⁹ Телеграммы. Хуаньшан // Кубанские областные ведомости. 1905. № 2. 4 января. С. 2.

по закону не может идти на войну, режут себе горло, чтобы дать возможность сыну защитить родину, «московские дамы» подают прошения о прекращении войны, чтобы не подвергать детей опасности»³⁰.

Последнюю надежду на победу уничтожила Цусимская трагедия. Много месяцев внимание было приковано к заметкам о движении 2-ой Тихоокеанской эскадры З. П. Рожественского³¹. Для того, чтобы у россиян сложилось представление о противнике, редакционная коллегия включает заметки с характеристикой японского флота. В публикациях представлены различные мнения. Никто не знал, каким будет финал этой военной кампании. Европейские военно-морские критики приходят к заключению, что поражение в морском бою «будет как для России, так и для Японии знаменовать потерю всей кампании»³². Россия может потерять господство в водах Дальнего Востока. Если эскадра Того потерпит поражение, то будут открыты японские берега и порты для бомбардировки и прекращена связь сухопутной армии с родиной. Австрийские корреспонденты верят в победу Японии и отмечают численное и боевое превосходство ее армии и флота. Они считают, что положение японцев становится все более выгодным.

14 (27) мая 1905 года эскадра З.П.Рожественского в Цусимском проливе вступила в бой. В российскую провинцию информация поступала с опозданием на несколько дней. В то время, когда в Тихом океане российский флот

³⁰ Вина генерала Куропаткина // Кубанские областные ведомости. 1905. № 67. С. 2.

³¹ Благодар Ю.Г. Поход Второй Тихоокеанской эскадры и Цусимское сражение 1905 года в публикациях «Кубанских областных ведомостей» // Научный диалог. 2020. № 5. С. 359-375. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-359-375.

³² В ожидании боя // Кубанские областные ведомости. 1905. № 99. 8 мая. С. 1.

уже потерпел сокрушительное поражение, газета «Кубанские областные ведомости» писала о планах перемещения во Владивосток российских транспортных судов и намерениях боевых судов искать эскадру Того³³. Уже прошло несколько дней после окончания сражения, а газеты все еще подпитывали веру читателей в чудо. Так, 17 мая в разделе «Телеграммы» опубликовано известие из Шанхая: «Отовсюду телеграфируют о том, что идет морской бой между Цусимой и японским берегом. Подробностей нет, но тон телеграмм из Чифу благоприятен русским... Английская фирма извещена телеграммой о победе японцев, чему, однако, не верят. Город в возбуждении»³⁴. Сведения о том, что событие, которого ждали с таким нетерпением, свершилось, «Кубанские областные ведомости» опубликовали лишь 18 мая. В последующие дни страницы газеты наполнялись заметками, в которых описывались подробности боя. Гибель более 5000 тысяч человек и крушение надежды на победу — вот финал крупнейшего морского сражения «маленькой победоносной войны».

Война истощила силы ее участников, но по-прежнему как российская, так и японская пресса были пропитаны воинственным духом³⁵. В Портсмуте Россия одержала необычайную дипломатическую победу, а Япония поступилась своими интересами. Получив текст мирного договора, как пишет кубанская газета, присутствующие на конференции «японские корреспонденты разрыдались»³⁶. Известия

³³ Об эскадре адмирала Рожественского // Кубанские областные ведомости. 1905. № 104. 17 мая. С. 2.

³⁴ Телеграммы. Шанхай // Кубанские областные ведомости. 1905. № 104. 17 мая. С. 3.

³⁵ Утомление японцев войной // Кубанские областные ведомости. 1905. № 169. 9 августа. С.1.

³⁶ К событиям на Дальнем Востоке // Кубанские областные ведомости. 1905. № 181. 24 августа. С. 1.

о заключении мира были неоднозначно восприняты в Японии, много месяцев одерживавшей победы. От заключенного договора империя ожидала большего. В России произошедшее также воспринималось неоднозначно. Обывателей в большей степени интересовали сроки демобилизации, а политиков – обстановка (расстановка сил) на Дальнем Востоке. Мировому сообществу становится понятно, что «желтая раса пробуждается ... центр политической жизни перемещается к берегам Тихого океана»³⁷.

Подводя итог, отметим, что материалы газеты «Кубанские областные ведомости» следует считать ценным историческим источником, позволяющим представить образ государств Востока (на примере Японии), выявить степень осведомленности жителей Российской империи, в частности, Кубанской области (российской провинции, удаленной от театра военных действий), о событиях русско-японской войны.

³⁷ Мир // Кубанские областные ведомости. 1905. № 186. 1 сент. С. 1–2.

Японские служебные издания генерал-губернаторства о корейском сопротивлении

2020 год – год 75-летия победы над фашистской Германией в Великой Отечественной войне и разгрома милитаристской Японии. В связи с этим хотелось бы обратиться к колониальной истории Японии; проблематика истории этого периода остаётся актуальной и в наши дни. В данной статье автор обращается к антияпонскому сопротивлению народов её колоний, в частности Кореи. Корейское сопротивление подтачивало японское колониальное господство и стало одним из факторов победы над милитаристской Японией во Второй мировой войне и освобождения Кореи.

Одним из научных источников изучения истории периода 1910–1945 гг. можно считать служебные издания японского генерал-губернаторства в Корее, публикации японской тайной полиции, суда, прокуратуры. Данные материалы раскрывают как деятельность японских колониальных властей в Корее, так и ситуацию в стране, в том числе развитие антияпонских настроений и выступлений, помогают проследить этапы корейского сопротивления. Эти закрытые издания были выпущены японским генерал-губернаторством на японском языке в Сеуле в 20-е, 30-е гг., в начале 40-х гг. и были рассчитаны на очень узкий круг чиновников японской колониальной администрации. Издание их имело прагматические, прикладные цели. В данной статье автор ставит своей задачей проследить, как излагают и трактуют японские источники события каждого из этапов корейского сопротивления японскому колониальному господству.

К началу новейшего периода истории в Корее сложились условия для подъема народной борьбы за освобождение. Исследуемые материалы раскрывают степень нищеты, бесправия и протеста широких слоев населения в Корее (этот период часто называют временем «сабельного режи-

ма»). Рассматриваемые издания приводят сведения о «первомартовском» выступлении 1919 г. Это движение за провозглашение независимости распространилось по всей территории Кореи и стало самым крупным в эти годы выступлением на колониальном Востоке. Руководителями и участниками его были представители интеллигенции, молодежи и учащихся, предприниматели, крестьяне, религиозные деятели. «Первомартовское» выступление было жестоко подавлено¹.

Известно, что после событий 1919 г. японская администрация сменила жесткие методы управления и контроля в Корее на политику «культурного управления». Реформы, на которые была вынуждена пойти Япония, — одна из побед народного движения 1919 г. Одновременно они показали многоплановость системы мер, предпринятых Японией, маневренность и гибкость ее политики. Рассматриваемые издания подробно освещают новую политику и связанные с нею реформы. В частности, материалы, в основном исследованные автором книги «Корейская полиция» и «Словарь тайной полиции», приводят данные, которые описывают некоторые из этих реформ. Они свидетельствуют, что японские власти встали перед необходимостью их проведения после волнений 1919 г. Об этом написано и в специальной секретной публикации в издании штаба японской жандармерии «Беспорядки в Корее». Реформы охватывали различные области общественной жизни, урезанные, но всё же ощутимые для народа. При всей ограниченности реформ они привели к определенной либерализации режима, облегчали условия анти-японской борьбы².

В это время в борьбе корейцев за национальное освобождение наблюдалось переплетение двух внешне-

¹ «История Кореи», т. 2. М.: Наука, 1974. С. 37–58.

² Корейская полиция (Тё:сэн кэйсацугайё:) 朝鮮警察概要. Сеул: Издание генерал-губернаторства, 1938. С. 23.

политических ориентаций, что убедительно засвидетельствовали и события 1919 г. Источники указывают на воздействие на ситуацию в Корее революционных событий в России; пишут и о влиянии США, в частности «14 пунктов Вильсона». Кстати, воздействие на корейцев вильсоновских принципов значительно умереннее и скупер отмечается в изданиях, что позволяет предположить, что и само влияние не в такой степени беспокоило колониальные власти.

Один из главных, проходящих через все рассматриваемые издания тезис сводится к тому, что в Корее не было внутренних условий для активной освободительной борьбы, что она экспортировалась Москвой, что искусственно внедрялась. Неоднократно подчеркивалась и роль созданного в 1919 г. Коминтерна. И все же думается, что сами материалы закрытых японских изданий – с таблицами, схемами, приводимой персоналией борьбы за независимость, судебными делами о многочисленных процессах, арестах – дают основание не согласиться, что все это только насаждалось извне.

В источниках период после реформ именуется временем легальной борьбы левых сил. Указывается на создание множества легальных организаций коммунистического толка, которые проводили лекции, митинги, вели широкую агитацию и пропаганду. Этот период освободительной борьбы характеризуется японскими полицейскими изданиями как прямой непосредственный перенос, экспорт в Корею из-за границы – в первую очередь из России, а также из Китая и Японии – коммунистических идей.

В это время в зоне борьбы за национальное освобождение образовалось 2 течения: правое, унаследовавшее традиции движения за первоочередное накопление «реальных сил», за предложение автономии и движение, выступившее против примирения с японскими властями и за развертывание активной борьбы. В это время оба крыла национально-освободительного движения – левое и пра-

вое – охватило состояние кризиса, но в то же время наблюдалось стремление к созданию единого фронта. Одним из свидетельств этой тенденции стала июньская демонстрация 1926 г., проходившая под лозунгом борьбы за независимость Кореи и ставшая заметной вехой в борьбе народа за освобождение. Демонстрация не была общенациональным выступлением и ограничилась Сеулом. Вместе с тем она продемонстрировала значение и возможность единства действий патриотов разной политической ориентации, в том числе коммунистов и религиозного общества Чхондогё, пользовавшегося большим влиянием и имеющего в стране множество своих филиалов. В японских изданиях материалов об этом событии не так много. «Вестник идеологии» трактует июньскую демонстрацию 1926 г. главным образом как выступление корейских студентов. Японские издания пишут и о Синганхве («Обществе новых деяний»), в деятельности которого с 1927 г. Проявилась тяга к сотрудничеству правых и левых сил. Инициаторами создания этого общества были члены националистических групп и компартия, представители христианских организаций, старой ветви «Чхондогё», буддистов. Оно имело 140 отделений по всей стране и насчитывало свыше 40 тыс. членов³. «Синганхве» было распущено в 1931 г.

В 1928–1930 гг. продолжались массовые выступления рабочих, крестьян, интеллигенции: знаменитая Вонсанская забастовка, крестьянские волнения в Танчхоне, выступления учащихся Кванджу. Мировой экономический кризис и усилившаяся милитаризация Японии болезненно отразились на ухудшающемся положении народных масс; усиливалась дискриминация корейцев. В то же время при некоторой либерализации режима наблюдалась активизация антияпонской борьбы. Вместе с тем аппарат подавления

³ «Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время» (Сайкин-ни окэру тэ:сэндзиан дзэ:кё:) 最近における朝鮮治安状況. Сеул: Издание генерал-губернаторства, 1939. С. 74

японской администрацией еще более был укреплен и продолжал функционировать. Основное внимание он сосредоточил не на легальной деятельности патриотов, а на подпольных леворадикальных организациях, большинство которых назывались «коммунистическими».

Материалы японских служебных изданий генерал-губернаторства содержат ценный материал и о борьбе корейцев за национальное освобождение в первую половину 30-х гг. В этот период она приобрела новые черты. Это прежде всего касается леворадикального движения – в нем усилились левацкие ультрареволюционные наслоения, отход от наметившегося единства действий с буржуазно-патриотическими силами, что было в первую очередь отражением установок VI Конгресса Коминтерна. Японские издания приводят сведения об огромном количестве так называемых «красных» рабочих и крестьянских союзах, подпольных организациях интеллигенции, учащихся, которые наряду с борьбой за независимость Кореи выдвигали на первый план беспочвенные лозунги «коммунизации» Кореи, строительства там социалистического общества. Явно повышенное внимание источники уделяют левым союзам интеллигентов; как явствует из контекста этих изданий «левые» по-прежнему рассматривались японской администрацией как влиятельная, активная сила освободительной борьбы. При любом упоминании подобной группы или организации японские издания непременно указывают на «руку Москвы», пишут о большом влиянии Коминтерна, советской России.

Итак, 30-е годы стали особым этапом в борьбе корейцев за своё освобождение. Это было связано не только с изменениями в самом лагере корейского сопротивления. В рассматриваемое время нарастают милитаристские устремления Японии и связанные с этим меры по обеспечению спокойствия в Корее, созданию прочного тыла, особенно после захвата Маньчжурии и усиления подготовки к «большой» войне. Придавая особое значе-

ние Корею как плацдарму продвижения на материк и «успокоению» народа колонии, японская колониальная администрация усилила полицейский террор, отбирала у народа остатки тех частичных свобод, которые была вынуждена провозгласить после движения 1919 г., ужесточила карательные акции в отношении антиколониальных и антивоенных сил Кореи.

Рассматриваемые источники приводят ценные, во многом новые материалы, касающиеся умеренного крыла интеллигенции, центристов, часть которых хотя и входила в «красные» союзы, но не поддерживала их ультралевацкий курс, выступая за первоочередность национально-освободительных задач, за блокирование с националистами-патриотами разных политических направлений. «Центристы» старались сочетать подпольную работу с легальной, вели культурно-просветительскую деятельность, особенно в деревне, связывались с красными союзами трудящихся, участвовали в их выступлениях, хотя не были сторонниками насильственных форм борьбы. Они ратовали за духовное развитие деревни и вообще корейского общества. К сожалению, в рассматриваемое время не они – умеренные – играли ведущую роль в освободительном движении.

В рассматриваемое время резко усилился процесс дифференциации в среде национал-реформистов. Это было связано не только с приобщением Японией корейской буржуазии к военно-промышленному строительству, но в большей мере и с крайним левачеством в подполье страны. Одних патриотов, не согласных с этим, оно толкало вправо, другие вовсе отходили от освободительной борьбы. Отток, как явствует из японских материалов, был очень значительным. Издания полиции отмечают, что некоторые «раскаявшиеся» стали оказывать помощь мероприятиям японского правительства. Но вместе с тем «Вестник идеологии» пишет о сожалении властей, что некоторые из таких лиц снова нарушали закон об общественном спокой-

ствии. «Предотвратить это – наша задача»⁴. Японские материалы позволяют судить и о мужестве и самоотверженности оставшихся в подполье патриотов. Вместо репрессированных активистов приходили новые, взамен разгромленных организаций создавались под разными названиями другие. Несмотря на глубокую ошибочность курса, на драматизм его последствий, на заведомо обреченные на провал выступления и многочисленные жертвы, подполье продолжало функционировать.

По материалам японских служебных изданий можно проследить и развитие партизанского движения в Корее. Из них можно сделать вывод, что по сравнению с 1920-ми гг. активность партизан в первой половине 1930-х гг. снижается. «Во время маньчжурских событий, – говорится в книге «Состояние общественного спокойствия...», – в Маньчжурии насчитывалось около 50 тыс. партизан; затем с созданием маньчжурского государства усилились объединенные действия против них японо-маньчжурских войск и полиции, и к концу марта того же года (1931 г.) число партизан сократилось до 10 тыс. С началом китайских событий активность партизан возросла, и число их превысило 16 тыс. чел.»⁵.

Материалы японских изданий приводят сведения, что в пограничных с Маньчжурией провинциях действовала наиболее широкая сеть подпольных групп. Они указывают, что членами их была главным образом молодёжь, что из пограничных районов они распространяли свою деятельность на юг, что организуя диверсии на транспорте, военных объектах, подпольные группы намечали органи-

⁴ «Вестник идеологии» (Сисо: ихо:) 思想彙報, выпуск 1936 г. № 6. Сеул: Издание генерал-губернаторства, 1936. С. 93.

⁵ «Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время». С. 412-413.

зывать совместно с партизанами вооружённое восстание в Корее»⁶.

Во второй половине 1930-х гг. в мире произошли серьезные перемены. В Корее с подготовкой Японии к войне с Китаем и ее развязыванием колониальные власти усилили свою бдительность в колонии, еще более ужесточили репрессии в отношении антияпонских сил. В этот период произошли изменения и в зоне корейской освободительной борьбы. В левом лагере освободительного движения стали проявляться симптомы постепенного «выздоровления», отход от «левачества», что было в немалой степени связано с решениями VII Конгресса Коминтерна. Борьба корейского народа за своё освобождение велась в рассматриваемое время по двум потокам – и в самой стране, и в Маньчжурии. Материалы японских изданий свидетельствуют, что к середине 1930-х гг. центр партизанского движения переместился в Маньчжурию, так как в Корее, наводненной японскими войсками, действия партизан были почти невозможны. Они указывают, что в середине 1930-х гг. именно Маньчжурия стала активной ареной антияпонской борьбы корейцев-партизан. Там были сильны традиции вооружённых форм борьбы; партизанская борьба велась там ещё с начала XX в. Здесь действовали «Армия справедливости» Ыйбён и «Армия независимости» Топпункун. (Это были не армии – так называли совокупность отрядов, организаторами и руководителями которых были члены националистических групп). Способствовали ведению партизанской борьбы и географическое положение, непосредственная близость к Корее, особенности ландшафта. К 1935 г. в Маньчжурии проживало около 1 млн корейцев, многие из которых включились в антияпонскую борьбу. Кроме того, там обосновалось значительное количество коммунистов, которые до роспуска корейской компартии (1925 г.) были

⁶ Там же.

её членами. Позже (1930 г.) они объявили о своём слиянии с компартией Китая. Отряды корейских коммунистов-партизан вошли в Китайскую освободительную армию. Помощь Компартии Китая корейским коммунистам-партизанам концентрировалась, в основном, на «кадровом» фронте»; китайцы часто являлись комиссарами в корейских партизанских отрядах. Вот что пишет о партизанах японское издание «Состояние общественного спокойствия» «Приблизительно до 1935 г. коммунисты и партизанские группы действовали раздельно, без всякой связи между собой. Однако в 1935 г. КПК опубликовала так называемую декларацию «8.1» («Спасение страны и борьба с Японией»), объединив на базе прежней Северо-восточной народно-революционной армии все партизанские группы, находившиеся в Маньчжурии. Преобразовав эти силы в Объединенную Северо-восточную антияпонскую армию, КПК подчинила её своему руководству. Каждой армии или дивизии был определён свой участок действий; в каждую такую армию, дивизию или группу были посланы политработники. Находившийся по ту сторону границы от провинции южная Хамгён маньчжурский уезд Чанбай был определён районом действий 6-й дивизии 2-й армии в составе антияпонской объединённой армии. Командиром был назначен Ким Ир Сен. В районах действий 6-й дивизии под его руководством совершались частые рейды, сопровождавшиеся убийствами, грабежами, похищениями отдельных лиц и нанесением им ранений. По указанию Коминтерна и Компартии Китая, эта дивизия, как и другие подобные соединения, развернула работу по расширению организаций антияпонского фронта»⁷.

Сравнительно большой материал приводится в изданиях о связях партизан и «Общества возрождения отечества» с патриотами в самой Корее. Он показывает, что такие связи были установлены несмотря на усилившиеся

⁷ Там же. С. 409–410.

репрессии японских властей. Политработники, посланные в Корею руководством партизан, часто работали и с подпольными организациями, которые функционировали в стране. К примеру, в книге «Состояние общественного спокойствия...» сказано, что «Ким Ир Сен привлек некоторых радикалов из пограничного района Южная Хамген, поручил им развернуть там активную деятельность»⁸. В том же издании говорится, что политработники 6-ой дивизии были командированы на важные военные базы, а также в другие 10 пунктов, где были созданы антияпонские организации. По сведениям рассматриваемых изданий «партизаны нападали на военные объекты, нарушали связь, совершали диверсии на железных дорогах, срывали важные работы военного характера, разоружали японские гарнизоны»⁹. Для борьбы с партизанами полицией Японии была установлена тесная связь с полицейскими органами Маньчжурии, приняты совместные меры, проведены массовые аресты¹⁰.

Издание «Состояние общественного спокойствия...» пишет, что 1937 г. отмечен возросшей активностью партизанских отрядов. Там сказано, что действия партизан «имеют самое непосредственное отношение к происходящим в настоящее время событиям. Если не будут проведены аресты, всё это может привести к дезорганизации тыла, результатов которой следует опасаться»¹¹.

Партизаны продолжали действовать и во время усилившейся подготовки Японии к войне против СССР, когда в 1938 г. в районе озера Хасан и в 1939 г. в Монголии, у реки Халхин-гол имели место японские провокации. В

⁸ Там же. С. 410.

⁹ «Вестник идеологии» (Сисо: ихо:) 思想彙報, выпуск 1937 г. № 11. Сеул: Издание генерал-губернаторства, 1937. С. 9–14.

¹⁰ Там же.

¹¹ «Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время». С. 418–419.

это время в промышленных центрах Северной Кореи усилились саботаж и диверсии на военных объектах, были случаи ухода рабочих в партизанские отряды. Как сообщают японские издания, и ранее аналогичные факты имели место и в других районах северной Кореи¹².

Итак, борьба корейцев за освобождение от японского колониализма в 1930-е гг. была представлена двумя потоками: движением непосредственно в стране и действиями партизан, база которых находилась в Маньчжурии. Из материалов служебных изданий можно сделать вывод о приоритете хотя и ослабленного, но продолжающего свою деятельность сопротивления в самой Корее. Думается, эти потоки не стоит противопоставлять. Ведь они были взаимосвязаны, подпитывали друг друга. Материалы свидетельствуют, что и в 1930-е гг. действовало немногочисленное, но мобильное и мужественное подполье. Оно в не меньшей степени тревожило японскую администрацию, чем действия партизан. При этом внимание японских властей приковано не к ущербу, который партизаны наносили японским подразделениям – он был, думается, незначителен – а, к напряжению, создаваемому ими в японских тылах.

Закрытые издания японской администрации рассматривают корейские партизанские подразделения как составную часть китайской освободительной армии, которая слепо следовала её установкам и указаниям. Но подходя к оценке событий всесторонне, нельзя отрицать и того, что корейские партизаны – члены китайской компартии – одновременно ставили и задачи достижения корейской независимости. Это нашло отражение в разработанных ими документах, особенно в программе «Общества возрождения отечества». Судя по материалам, это общество имело филиалы по стране, но общенациональ-

¹² «Вестник идеологии», выпуск 1937 г. № 11. С. 84–85, 92.

ной организацией, консолидирующей все разнородные силы против колониализма и войны, оно не стало.

Исследуя материалы изданий генерал-губернаторства, мы можем сделать вывод, что в данный период японская администрация усилила и идеологическую обработку народа. Была активизирована борьба с «идеологическими преступлениями», власти всячески старались подорвать влияние антияпонских, антивоенных сил. Была создана сеть новых прояпонских организаций. «Словарь тайной полиции» указывает, например, на деятельность одной из самых крупных подобных организаций – «Союза всеобщей мобилизации духа нации». Ячейки последнего – патриотические группы – были созданы по всей стране и механически охватывали все население поголовно. (В 1939 г. в Корее насчитывалось 350 тыс. «патриотических групп», а в 1940 г. уже 438 тыс. Численность их соответственно составляла 4600 тыс. и 7080 тыс. чел.)¹³.

Вторая мировая война изменила ситуацию в корейском освободительном движении. Япония увязла в агрессии против Китая, продолжала готовиться к большой войне. Обстановку в мире усложнила начавшаяся в 1941 г. агрессия Японии на юге и юго-востоке Азии. Материалы японского генерал-губернаторства позволяют сделать вывод, что в начале 1940-х гг. в методах колониального управления в Корее ещё больше проявилось сочетание жестких методов полицейского контроля и террора с идеологическими формами воздействия на население. В декабре 1941 г. был принят указ об обеспечении общественного спокойствия в чрезвычайное военное время. Проводилось разъяснение указа в газетах, а также в специальных агитационных группах¹⁴. Японские колониаль-

¹³ «Словарь тайной полиции» (Ко:то: кэйсацу ё:годзитэн) 高等警察用語辞典. Сеул: Издание генерал-губернаторства, 1935. С. 21–22.

¹⁴ Шабшина Ф.И. В колониальной Корее (1940-1945). Записки и размыш-

ные власти насаждали идеи паназиатизма. Выдвигался лозунг «Азия для азиатов» под эгидой Японии, как нации, якобы призванной историей стать руководителем «сферы совместного процветания». Эта политика проникла во все поры общественной жизни, и особенно глубоко в бытовые сферы. В годы второй мировой войны политико-идеологическая обработка населения менялась и увеличивалась по мере перемен обстановки на фронтах. Естественно, все антияпонские, антиколониальные выступления в Корее были строго запрещены. Но сопротивление японскому колониальному господству продолжались, преимущественно в самой Корее. Роль китайской зарубежной базы корейской освободительной борьбы резко снизилась. Руководители крупных отрядов перебравшись в Советский Союз, а мелкие партизанские группы действовали непосредственно в Корее. Существовавшие в стране архипасные, сложнейшие условия многих патриотов надломили. Отход от борьбы был очень значительный. Но всё же действовавшие подпольные группы проявляли большое мужество и стойкость. В это время наметилась тенденция к тому, что потоки национально-освободительного движения снова сливались. Из Северо-Восточного Китая в Корею время от времени тайно перебирались члены партизанских отрядов, связывались с местными леворадикальными группами. В годы войны возникали различные группы, провозглашавшие своей задачей освобождение Кореи от колониального господства. Например, «Сеульская группа», деятельность которой выходила за рамки столицы, а также «Союз возрождения государства», провозгласивший одной из своих задач «создание объединенного антияпонского фронта». Союз просуществовал недолго, но сумел оставить свой след в антияпонском сопротивлении корейского народа. Продолжали свою деятельность и корейцы-патриоты в Китае, в

частности там была создана в качестве организации единого фронта «Лига независимости Кореи».

Исследуя тему корейского сопротивления, необходимо коснуться и лагеря национал-реформистов. Надо сказать, что в него входило и много искренних патриотов, ратовавших не за соглашательство с японскими властями, а лишь за временные компромиссы, дабы избежать крови и насилия. В годы Второй мировой войны открытые формы борьбы, массовые выступления были невозможны. Несмотря на запреты властей, иногда на страницы легальных газет проникали сведения о растущем брожении в стране, в частности о саботаже рабочих на заводах, шахтах, в портах, на транспорте. В промышленных районах Пхеньяна, Чхонджина, Хыннама несмотря на строжайший запрет властей проходили стачки. В годы войны годы получили распространение диверсии на военных заводах и шахтах; взрывы, организованные рабочими на военных предприятиях, аэродромах, железных дорогах, в портах. Выводились из строя станки, оборудование. Это была одна из форм антивоенной борьбы, антияпонского сопротивления. Японские власти отводили Корею важную роль в обслуживании войны, поэтому выведение из строя военных объектов, диверсии на транспорте, срыв выполнения военных заказов наносили серьёзный ущерб японскому милитаризму. 180 дней в году японская полиция, как указывают служебные японские издания, относила к числу «опасных».

«Брожение» происходило не только в городе, но и в деревне. Усилилось в годы войны недовольство крестьян. Весной 1943 г. в городах прошли «рисовые волнения». Ухудшение условий жизни, недостаток продовольствия, рост налогов и другие тяготы военного времени вызывали недовольство. Так, в 1941 г. было отмечено более 4850 арендных конфликтов, в которых участвовали 10,4 тыс.

человек¹⁵. Сопротивление крестьян мероприятиям властей выражалось в невыполнении программы военных обложений, плана поставок риса. Протест в разных слоях населения вызвали закон о всеобщей воинской повинности для корейцев и закон об их трудовой мобилизации. Многие из студентов не вняли призывам колониальных властей и ушли в горы к партизанам. В своеобразные демонстрации протеста превращались проводы корейцев, отправляемых в Японию по трудовой мобилизации. Уклонившиеся от мобилизации уходили в горы, вливались в отряды сопротивления. Они разбирали железнодорожные пути, организовывали диверсии. Массовые аресты, облавы, полицейские угрозы создавали в стране обстановку предельной напряженности, но не могли ослабить народное сопротивление. Оно уходило глубже в подполье.

Призывы властей «думать, говорить и писать по-японски, ибо это необходимо для участия Кореи в построении Великой Восточной Азии» не встречали ожидаемого ими отклика. В движении против ассимиляторских акций властей участвовала прогрессивная корейская интеллигенция. Нараставшие в колонии недовольство и волнения вынудили японские власти принять дополнительные меры по «успокоению корейского тыла». Был разработан закон о политических правах корейцев, предусматривалось некоторое улучшение условий их жизни в Корее и Японии. В 1944 г. был принят закон о предоставлении корейцам избирательных прав и провозглашены другие меры.

Продолжались выступления интеллигенции, студенчества. Отказ многих студентов идти добровольцами в японскую армию расценивался национальными силами как крупная антивоенная, патриотическая акция. Для борьбы с ней власти задабривали молодежь, заигрывали с ней, в то же время запугивали её и наказывали. Следует

¹⁵ «История Кореи». С. 144.

отметить, что настроение молодежи, студентов, как и профессуры, интеллигентской элиты, не было единым и однозначным. Антияпонские, антивоенные настроения были не у всех, некоторые группы находились в плену идеологической пропаганды. Были и такие, которые искренне надеялись, что победа Японии принесет корейскому народу если не свободу, то какое-то облегчение, верили лозунгам единства метрополии и колонии.

Итак, антияпонские выступления в Корее в годы Второй мировой войны проходили по следующим основным направлениям: борьба отрядов сопротивления и партизанских групп; саботаж и забастовки на предприятиях, диверсионные акты на железных дорогах; движение протеста против призыва в японскую армию, отказ некоторых студентов идти в неё добровольцами. Партизаны, разбившись на небольшие группы, также продолжали борьбу.

Хотелось бы подчеркнуть, что корейские патриоты, действовавшие внутри страны, так и группы и организации, ведущие свою деятельность за её пределами, в том числе и партизаны в Маньчжурии, внесли свой вклад в борьбу корейского народа за независимость. Это корейское сопротивление на протяжении всех этапов японского управления в Корее подтачивало японское колониальное господство и стало одним из факторов победы над милитаристской Японией во второй мировой войне.

**Отношение России к Японии с точки зрения
строительства судна «Хэда»**

ヘダ号建造から読むロシアの対日意識

1. はじめに

日本とロシアの交流が正式に始まったのは 1855 年の日露修好条約締結による。その命を受けて来日したプチャーチン提督ら一行が下田で条約締結のための会談を始めたばかりの 1854 年 11 月 4 日、安政の大地震に伴う津波により乗船してきたディアナ号が大きな被害を受けた。その修理のために西伊豆の戸田に向かう途中で嵐に遭い船は沈没、戸田にて日本人と共に新たな代替船・ヘダ号を建造して帰国した。この鎖国の時代に繰り広げられた国を超えた人道的支援と西洋式大型帆船建造の経験は日本にとって大きな意味を持つ。ただ、造船技術を巡る交流については、大型船建造を禁じていた日本にとっての竜骨（キール）をはじめとする西洋の造船技術獲得のための絶好の機会というように、ロシア側から日本への技術供与という側面がこれまで強調されることが多かった。しかし、本論では船大工の作業道具や細かな技術以外に、日本人が提案する船の構造が代替船に取り入れられている事実により、このヘダ号建造がまさに日露双方の造船技術交流の成果であったことを確認する。そして、ヘダ号建造を通して当時のロシア人が日本をどのように認識していたのか、その対日意識について考察する。

2. 日露技術交流の結晶であるヘダ号

1854 年 7 月、日本ではアメリカのペリー率いる黒船 4 隻が浦賀に現れたことにより世情不安が高まり、幕府が

海軍の創設・強化の必要性を認識し、大船建造禁止令を撤廃したのが1853年10月である。しかし、この直後に日本人の手だけで建造した鳳凰丸、旭日丸などは、形だけは西洋船であっても内部の構造は脆弱でとても使い物にならないのが実情であった。そこにロシアのディアナ号の代替船建造という西洋の大型船建造方法を学ぶことのできる機会が天から降ってきたのである。勝海舟の「此魯国の一不幸や我が幸となり、我が諸工艱苦を経たりと雖も西洋造船の諸法暗に是を実地に得たるもの多しとす...（中略）...我邦耐えて無き処、是を一時に備ふ。豈に邦家の幸いと言はざるべけんや」（『海軍歴史』）とは偽らざる日本側の心情であった。

ロシア側のヘダ号建造の責任者の一人であるアレクサンドル・コロリツォフは、「日本におけるスクーナー『ヘダ』の建造」（“Морской Сборник” 1856.6）の中で、この代替船建造における日本の船大工たちの勤勉で熱心な様子や、彼らの確かな技術力、ロシアにはない「墨壺」などの有用な道具について触れている。そして、材料の確保や尺貫法、言語の違いを乗り越えて、これまでの日本の造船にはなかった竜骨（キール）と肋材によって強度が備わった船体が出来上がるのを見守る日本人について「彼らは嬉しそうに、また得意げに微笑んでいた」と書いている。また、コロリツォフは日本人が船の進水方法に強い関心を示したことに注目している。これまでの和船の「ころ」を用いた進水方法ではなく、船を載せる台（檣）と二列の角材からなる土台（レール）と長さ30フィートの架台により素早く水中に導く方法があることをロシア人から教えられた日本の船大工たちは、建造した船の進水の実演を懇願したという。そして、船が

完成し、進水の当日、どのように手伝ったら良いのかわからず見守るしかなかった日本人たちがあまりに素早い代替船の進水に呆然とした様子を記している。この記述を裏付けるように、日本人の船の進水方法に対する強い関心は東洋文庫所蔵の『戸田浦露国軍艦建造図巻』における進水の場面からも読み取ることができる。この場面は船そのものよりも船を乗せる台（檣）と土台、架台、更にそれらを支える石垣の部分が精密に描写されている。そして、船の周囲には多くの喜ぶ日本人とロシア人の姿がある。コロコリツォフは、この建造船の見事な進水により胸襟を開いた日本人から、石川島で建造した水戸藩の旭日丸は浅瀬の海岸で造られたため移動が困難であり、その進水の支援の相談を持ちかけられたことも記している。

こうした大型船の進水を含めロシアの造船技術に驚嘆した日本人であったが、ロシア側がヘダ号に日本の船の構造を取り入れたことも忘れてはならない。それは六艇の檣を船に装備したことである。コロコリツォフは次のように書いている。

我々が、彼らから檣を採用したということは、日本人に対し大変な好印象を与え、彼等は、更に一層檣が役立つように、我々に助言を与えることに努めた。

檣をこぐと、状況が良ければ、3.5 節迄の速度がえられた。それで、我々は 5 月 10 日ペテロパブロフスクにおいて、尻の下に敵の視界内を逃走する際、約 18 漕ぎを檣によって航走し通した。このような檣で漕ぐ場合、波浪の下では我々の（オール）に対して劣るが、平穏な天候の下では多大な優越性を有する。

ヘダ号はカムチャッカのペトロパブロフスク入出港、宗谷海峡通過等、3回に及ぶ英仏艦隊の封鎖突破を経て、日本出発から42日後の6月7日にアムール河口のニコライエフスクに到達した。当時クリミヤ戦争中のロシア人にとって、日本式の櫓の設置が彼らの敵である英仏艦隊からの逃走を助けたのだ。この櫓装置を含めて、日本人とロシア人との技術協力の成果がヘダ号なのである。ヘダ号は進水後、何度か日本人を同乗させて試験航海をしている。その時の様子についてコロコリツォフは次のように書く。

この試験航海の時、日本人たちは全く我々と喜びを共にした。何故なら、彼らにとってもスクーナーは他人ものではなく、同乗していた各人が、我々もまたこの船を建造したのだということができたからである。

このように代替船の建造が両国民によって成し遂げられたものであったことを明記しているのである。これは彼のみの感慨ではない。海軍中将シャンツも「スクーナー・ヘダの建造は、われわれと日本人の間をすっかり親密にしてしまった。このことは同時にこの国とわれわれとの将来の関係の上にも、間違いなく好ましい影響を及ぼすであろう。」と記しているからだ（「スクーナー『ヘダ』の建造の記事に対する異議」“Морской Сборник” 1856.8）。

3. ロシアの対日意識

このように、ロシア人はこの共同作業が日露両国の友好に密接に結びつくと考えていた。ではその具体的な意味とは何か。コロコリツォフはヘダ号進水の際の祝賀

宴会の様子について、次のように書いている。

多くの乾杯が発議されたが、その一つは日本の海軍の創設を祝したものであり、またもう一つは、未来の日本の艦隊司令長官としての中村氏の健康を祈念したものであった。

中村氏とは当時勘定組頭であった中村為弥のことであり、日露修好条約締結の際の日本側全権、筒井正憲と川路聖謨を補佐した人物である。ロシア人は日本側が開国を機に国防のために海軍設置の準備を急いでいたことを十分理解していて、この造船経験が日本の国防に大きく寄与するだろうことを認識、自負し、中村を未来の司令長官として称えているのである。単に水や食料の供給地として、また、貿易による利益の為だけに日本に開国を迫ったのではなく、そこにはアメリカとは違う「隣国」としての共存繁栄を願う意識があったといえるだろう。それは先に結ばれた日米修好条約と日露修好条約を比較すれば明らかだ。日米修好条約にはないが日露修好条約にあるものとは何か―。それは第 9 条「両国近隣の故を以て、日本にて向後他国へ免す処の諸件は、同時に魯西亜人にも差免すべし」である。この「両国近隣」の意識こそが共同造船作業の根幹をなしていることを忘れてはならないだろう。それゆえに無為な摩擦を避けるべく国境策定が論議され、エトロフ島とウルップ島の間を国境とするという第 2 条が決定されたのである。これはもちろん日米修好条約にはない部分である。

こうしたロシアの隣国意識は次の事実からも窺える。1856 年 10 月 11 日、日露修好条約批准書交換のために使節・ポシェートは下田に来航した。この時、美しく装飾さ

れたヘダ号を返還するとともに、ディアナ号が下田湾で安政の大地震に伴う津波を受けた際に陸揚げしていた大砲 52 門を幕府へ贈ることを申し出ている。これは長崎に入港した際のプチャーチンの感慨から発している (“Морской Сборник” 1856.1)。

このとき、日本の砲台が姿を現しました。そこでは砲は古い砲架の上に載っているか、そうでなければ全く砲架がなく、ただ横たわっていました。

このことから私たちは日本においては現在戦術のレベルは、間違いなく真に憐れむべき状態にある、という結論に達しました。これらの海岸は海側からの、たとえ非常に僅かな兵力による攻撃に対しましても、対抗するには困難でありましょうこのプチャーチンの想いが時の皇帝・アレクサンドル二世に伝わり、大砲 52 門の日本への移譲が許可されたのである。これを受け、宰相・ネッセルローデが日本の老中に宛てた書簡案には次のような言葉が見える(1856.1.10 АВПРИ)。

これらの砲は一方では貴国政府の高潔かつ賞賛に値する行為の、他方ではこれらの砲を以ってする、わが国政府の衷心からの感謝のしるしの、永遠の記念物となるであります。さらに相互の尊敬と友誼の念、二つの大国の間の善隣関係は益々強化されつつあります。

このように、ロシアは日本とロシアの双方のより良き共存を目指し、その弱点を補うべく協力体制を築こうとしていたといえる。こうしたロシアの対日意識を象徴していると思われるのはプチャーチンが皇帝から伯爵の位を授けられた際の紋章である。周知のようにこの紋章に

はロシア人と日本人の従卒が王冠を頂く盾を持ち、その盾の中にはロシアの国章である双頭の鷲、及び、帆船とプチャーチン家の象徴である剣のついた A の文字が描かれている。このデザインは日露修好条約を締結したプチャーチンの功績を凝縮していると共に、日本という国への親愛の情を読み取ることができるだろう。プチャーチンの死後、1887 年、娘オリガ・プチャーチナが戸田を訪れ、金一封を戸田村に寄付し、さらにその 4 年後、彼女の遺産の一部が戸田と日本の困窮者及び赤十字社のために寄贈された。これもヘダ号建造を機に醸成された日本人とロシア人の心理的結びつきを物語るエピソードである。

このような日露の心理的な結びつきは、ロシアとアメリカの日本人密航者に対する取り扱いを比較すると一層顕著になる。プチャーチンの報告書には次のような密航者に関する記述がある。

— 箱館に寄港した際、夜、ひそかに小舟に身を隠してディアナ号に近づいてくる漁民がおり、乗船を希望した。一度はこれを拒否したが本船近くで転覆したため、これを救助し話を聞いたところ、ロシアの風習や生活に心惹かれ近づいたという。犯罪者でもないのそのまま船内に留め置き従卒の一人とした。日本人の才覚と艦長のリソフスキーの配慮、そして、約 3 か月の戸田での生活においても幕府側に発見されなかったために彼をロシアに同伴した。今はアムール河口に定住している。—

そして、ディアナ号の乗組員が 3 回に分かれて帰国する際、最後のグレタ号には掛川藩の出身で蓮華寺に寄宿していた橘耕斎が通訳・ゴシケウィチの援助によりロシアへの密航に成功している。この二人が協力して『和露

『通言比考』を著したことは周知の事実であろう。こうした日本人密航者に対する寛大な取り扱いにはロシア側の打算も多分にあったであろうが、アメリカのペリーの密航希望者への対応と比較すると、日本人とロシア人の間には隣国ゆえの国境を超えた心情的結びつきが存在したと思われる。ペリーは下田で吉田松陰がアメリカへの渡航を企て乗船を試みた時、これを拒否した。鎖国という日本の方針を尊重すると共にこれは日本の罨かもしれないという疑念がそうさせたと考えられる。修好条約締結について、高圧的なアメリカのアプローチに対してロシアのアプローチは融和的であったとよく指摘されるところだが、密航者についても米露の意識と対応の違いは興味深い。

4. 終わりに

以上、述べてきたように、幕末の日露両国民の協力によるヘダ号建造の様々なエピソードから、ヘダ号は日露相互の技術交流の成果であったこと、また、ロシアは日本を「隣国」と意識し、両者のより良き共存と発展を求めていたことが改めて確認できる。その後、日露戦争や第二次世界大戦など、両国にとって不幸な歴史が存在したことは事実であるが、日本とロシアが初めて共同作業を成し遂げたこの戸田の記憶を忘れることなく、より良き関係を発展させていくことを願いたい。

ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Государственно-частное партнерство в инновационном развитии современной экономики Японии

На современном этапе развития проекты государственно-частного партнерства (ГЧП) являются одними из важнейших форм привлечения инвестиций и развития международных социально-экономических связей в мировой экономике. Государственно-частное партнерство как форма взаимодействия государства и бизнеса предполагает не ослабление роли государства, а усиление институтов и механизмов партнерства, направленных на социализацию общественных отношений. Кроме того, все более приоритетными становятся проблемы взаимодействия государства и бизнеса, содействующие стимулированию трансформации экономики в инновационную при помощи развития системы государственно-частного партнерства в инновационном секторе. В этой связи интересен японский опыт становления прочных доверительных партнерских отношений государства и бизнес сообществ. Целью данного исследования является рассмотрение японского опыта становления государственно-частного партнерства в рамках инновационного развития современной экономики страны.

На первом этапе исследования были определены текущие позиции Японии в глобальном мировом сообществе в рамках развития государственно-частного партнерства. Согласно рейтинговым данным международной статистики Япония находится на второй стадии развития

государственно-частного партнерства, при этом, ей удастся прочно удерживать свои позиции на протяжении долгого времени (рис. 1).

Китай	Новая Зеландия	Австралия
Мексика	Италия	Великобритания
Латвия	Греция	Индия
Россия	Португалия	Франция
Венгрия	Япония	Ирландия
Мексика	США	
Южная Африка	Канада	
Польша	Испания	
Стадия I	Стадия II	Стадия III
<ul style="list-style-type: none"> - принятие государственного решения о развитии ГЧП; - формирование законодательства в сфере ГЧП; - формирование пакета проектов в приоритетных отраслях и их реализация; - реализация первичных мер по привлечению частных инвесторов; 	<ul style="list-style-type: none"> - создание нормативно-правовой базы в сфере ГЧП; - создание институтов развития и системы управления ГЧП; - стимулирование и развитие рынка операторов ГЧП; - создание условий для привлечения новых источников финансирования; 	<ul style="list-style-type: none"> - сформирована эффективная система управления ГЧП; - ликвидированы правовые барьеры для различных моделей ГЧП; - постоянный поток проектов ГЧП; - используется полный спектр источников финансирования проектов (различные фонды);

Рисунок 1. Характеристика стадий развития государственно-частного партнерства в мировой практике, 2019 г.

При этом, необходимо понимать каким именно потенциалом обладает страна для долгосрочного развития партнерских отношений государства и бизнеса. Для этого обратимся к исследованиям Азиатского Банка Развития (Asian Development Bank), который с 2015 г. представляет сводную оценку некоторых стран АТР по ряду показателей готовности стран к проведению долгосрочных проектов государственно-частного партнерства. Это сводный индекс Infracore, состоящий более 100 количественных и качественных показателей (Нормативно-правовая основа (вес 25%); Институциональная основа (вес 20%); Развитость институтов (вес 15%); Инвестиционный климат (вес 15%); Финансовая основа (вес 15%); Субнациональный контроль (вес 10%). Сводный индекс стран оценивается по шкале от

о до 100, где 100 — это идеальная среда для осуществления проектов государственно-частного партнерства.

С 2015 г. ведущие позиции среди многих стран АТР по данному индексу имеют Австралия, Республика Корея, Япония (рис. 2).

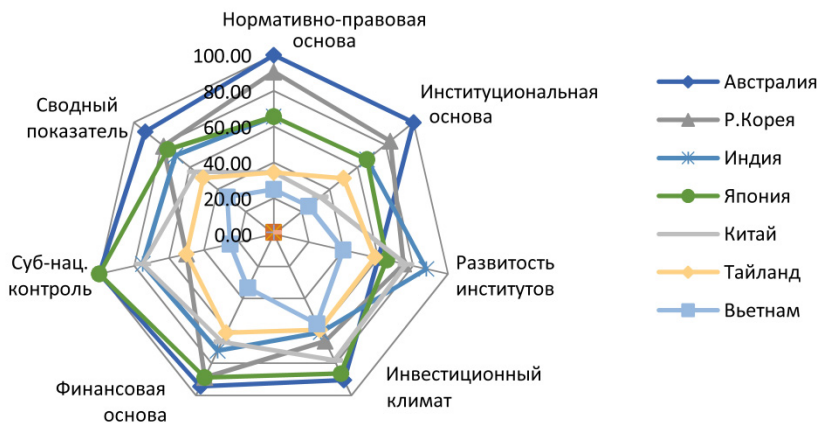

Рисунок 2. Сводная оценка стран по индикаторам готовности к долгосрочным проектам государственно-частного партнерства на основе рейтинга Asia Infrascope

Австралия занимает в рейтинге первое место в качестве одной из самых развитых стран по партнерству государства и бизнеса. Она имеет надежную организационную и нормативную основу, благоприятный инвестиционный климат, хорошо регулируемый финансовый сектор, а также имеет большое количество реализованных проектов государственно-частного партнерства. Р. Корея, Япония, Индия и Филиппины были классифицированы данным рейтингом как развитые рынки государственно-частного партнерства, обладающие соответствующей институциональной и нормативной основами, однако здесь обнаруживается недостаток в управленческом механизме при реализации проектов государственно-частного

партнерства, таких как: технические возможности, эффективные методы разрешения споров, стандартов для учета обязательств и т. д.

Таким образом, было определено, что Япония имеет значительный потенциал для развития проектов государственно-частного партнерства в формате мировой статистики.

На следующем этапе исследования проведен анализ становления механизмов государственно-частного партнерства в Японии. Япония имеет отлаженную систему планового экономического развития страны с активным участием государства. Немаловажную роль в этой системе играет выстроенное взаимодействие государства и частного бизнеса. Здесь разработан комплексный механизм государственного содействия развитию государственно-частного партнерства.

Прежде всего, следует отметить, что в стране сформирована эффективная система законодательного и нормативного регулирования. Структурной особенностью системы является ее многоуровневый характер. На вершине законодательно-нормативной пирамиды находится специальный Закон о содействии развитию общественных объектов за счет использования частных финансовых средств (Закон о частной финансовой инициативе, 1999 г.), который является краеугольным камнем системы законодательного регулирования государственно-частного партнерства в Японии, регламентируя практически все основные вопросы, относящиеся к этой сфере. Имея рамочный характер, закон делегирует полномочия детального регулирования правительственным постановлениям и министерским распоряжениям, а также законодательным актам органов местной власти. Такое «На современном этапе

развития проекты государственно-частного партнерства (ГЧП) являются одними из важнейших форм привлечения инвестиций и развития международных социально-экономических связей в мировой экономике. Государственно-частное партнерство как форма взаимодействия государства и бизнеса предполагает не ослабление роли государства, а усиление институтов и механизмов партнерства, направленных на социализацию общественных отношений. Кроме того, все более приоритетными становятся проблемы взаимодействия государства и бизнеса, содействующие стимулированию трансформации экономики в инновационную при помощи развития системы государственно-частного партнерства в инновационном секторе. В этой связи интересен японский опыт становления прочных доверительных партнерских отношений государства и бизнес сообществ. Целью данного исследования является рассмотрение японского опыта становления государственно-частного партнерства в рамках инновационного развития современной экономики страны. распределение обязанностей» между законодательными и нормативными актами дает возможность более полно учитывать отраслевую и региональную специфику. При этом закон предусматривает минимально необходимое государственное вмешательство в деятельность частного сектора в рамках партнерств.

Британская инициатива частного финансирования (Private Finance Initiative, PFI) привлекла внимание правительства Японии несколько десятилетий назад. Суть данной концепции заключается в привлечении частных инвестиций для строительства крупных государственных инфраструктурных объектов (автомагистралей, школы, больницы), при этом частный бизнес сам производит

строительство государственного объекта за счет своих средств. Компенсация расходов частного инвестора осуществляется впоследствии либо за счет доходов от эксплуатации, либо за счет платежей из бюджета. До принятия в 1999 г. Закона об инициативе частного финансирования реализация инфраструктурных проектов в Японии была исключительным преимуществом государства. Внедрение японского варианта инициативы частного финансирования открыло широкие перспективы практического внедрения предпринимательской инициативы в государственном секторе.

На основе прописанного в законе принципа минимального вмешательства государства в деятельность частного сектора по реализации проектов государственно-частного партнерства регламентируется лишь минимальный набор требований к частным операторам, например: составление плана реализации проекта, необходимость согласия местного органа законодательной власти на реализацию проекта.

Отметим, что в данный закон был внесен ряд мер государственной поддержки, которые свидетельствуют, что японское правительство предпочло свой вариант реализации частной финансовой инициативы. Правительство предложило свои меры поддержки проектов инициативы частного финансирования, которые включают: приобретение государством долговых обязательств операторов на срок от 5 до 30 лет, сдачу в аренду государственной административной собственности, предоставление в безвозмездное пользование государственной собственности; предоставление беспроцентных кредитов по линии государственных финансовых институтов для проектов с особой общественной значимостью, содействие в при-

обретении земли, финансовые и налоговые льготы, смягчение мер административного регулирования и др.

Одной из главных особенностей использования метода частной финансовой инициативы (PFI) при реализации общественных проектов в Японии является разграничение обязанностей между государством и частным сектором (рис. 3).

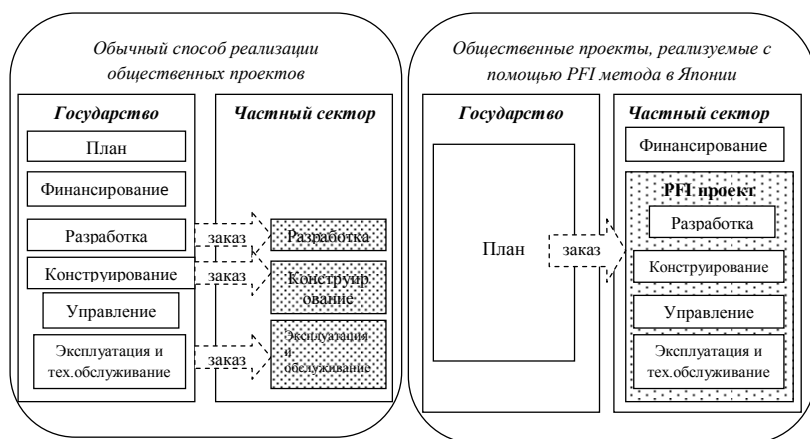

Рисунок 3. Особенности метода частной финансовой инициативы (PFI) в Японии при реализации общественных проектов

Реализация частной финансовой инициативы является способом создания государственно-частного партнерства путем финансирования инфраструктурных проектов (строительство, управление) с частным капиталом. К достоинствам реализации частной финансовой инициативы (PFI) можно отнести: предоставление качественного обслуживания с низкой стоимостью; реформирование роли правительства в предоставлении государственных услуг; создание новых возможностей для бизнеса в частном секторе.

Государство формирует планы развития, на основании которых делается государственный заказ. Далее частный сектор, опираясь на заданные государством параметры, осуществляет комплекс работ по разработке, конструированию, управлению, эксплуатации и обслуживанию проекта. Наблюдается согласованность действий государства и частного бизнеса. Имеется механизм обратной связи, при которой наиболее быстрым способом решаются текущие проблемные вопросы. Этот метод показал свою действенность в условиях японского рынка.

После этапа становления государственно-частного партнерства в сфере инфраструктурных проектов Япония переходит к построению инновационной экономики страны. Правительство Японии приступило к формированию инновационной системы как целостной, комплексной структуры в 1980-е гг. Для этих целей в 1990-х гг. был принят ряд важных законов и программ по созданию инновационной системы на базе партнерского сотрудничества между университетами и промышленностью (“Innovation System through Industry-University Collaboration in Japan”). Все это послужило формированию основ государственно-частного партнерства в инновационной сфере.

В Японии целевые программы это средство стимулирования новых наукоемких отраслей (электроника, робототехника, информационные системы). Они содействуют проведению в сфере бизнеса научных исследований в приоритетных для страны направлениях. С этой целью программно-целевое финансирование носит индикативный характер, при этом программы и темы определяют базовые ориентиры для частного бизнеса. Таким образом, создан механизм воздействия на инновационные програм-

мы предприятий, ориентируя частный бизнес на развитие стратегически важных технологий. Программно-целевой метод в Японии – это сочетание прогноза научно-технического развития с мерами прямого и косвенного регулирования экономики.

В Японии исторически сложилась практика неформального регулирования развития частного бизнеса, где главным методом воздействия является административное руководство (механизм «*мадогутти сидо*»). Особенности национальной культуры японцев накладывают отпечаток на характер руководства бизнесом со стороны государства. Это не принуждение бизнеса, а убеждение и договоренность, т. е. стремление к консенсусу. Такой характер государственного регулирования предполагает организацию непрерывного обмена мнениями (обратная связь) между частным бизнесом и государством. Это происходит посредством сети организаций, которые выступают в роли посредников между государственными и частными компаниями. Главными среди них являются отраслевые, региональные ассоциации предпринимателей. Ведущей среди этих организаций является *Ниппон Кэйданрэн* (Японская федерация экономических организаций), которая объединяет крупные банки и корпорации страны, отраслевые и региональные ассоциации предпринимателей. Характерной особенностью данной ассоциации является наличие множества комитетов, занимающихся экономическими отношениями Японии с разными регионами и странами мира. Цель федерации – добиваться лидирующего положения частного сектора, построения жизнеспособной экономики и процветающего общества, участвовать в выработке правительственного курса, учитывая при этом интересы частного сектора экономики.

Таким образом, инновационное развитие в Японии осуществляется во многом посредством укрепления государственно-частного партнерства в различном формате: 1) механизм совместного финансирования научных исследований в ходе реализации программы Инновационные исследования малого бизнеса (Small Business Innovation Research, SBIR); 2) создание фондов по финансированию проектов в области экологически безопасных технологий, согласно Плану низкоуглеродистых технологий, Технологии экологичной энергетики; 3) реализация программ международного сотрудничества в области проектов ГЧП в инновационной сфере в рамках «Инициативы по созданию международных исследовательских центров мирового уровня» (World Premier International Research Center Initiative), Национального прогноза технологического развития Японии на период до 2040 г., Национального института научно-технологической политики (NISTEP); 4) реализация Национальной стратегии в области промышленной технологии Государственного совета по промышленной конкурентоспособности, Стратегической технологической дорожной карты (Strategic Technology Roadmap, STR), включающей такие направления, как «Стратегическая программа по нейронауке», «Практическая реализация исследований по регенерации клетки (iPS cell)», «Суперкомпьютеры нового поколения»; 5) реализация Новой стратегии роста 2010–2020 гг. (The New Growth Strategy), Четвертого научного и технологического основного плана 2011–2015 гг. (The Fourth Science and Technology Basic Plan), согласно которым самофинансирование НИОКР частных компаний составило 98%, были установлены приоритеты научного развития страны с акцентом на разработку экологически безопасных технологий, развитие

системы прав интеллектуальной собственности; 6) реализация региональных программ: Инициативы кластеров знаний (Knowledge Clusters Initiative), Программы адаптированного и плавного трансфера технологий через управляемые институты на основе целей НИОКР (Adaptable and Seamless Technology Transfer Program through Target-Driven R&D), направленных на стимулирование трансфера знаний между университетами и бизнесом.

Проведенное исследование японского опыта государственно-частного партнерства позволяет сделать вывод о том, что основными факторами, способствующими развитию государственно-частного партнерства в Японии, являются: стабильная плановая государственная экономическая политика, направленная на поощрение предпринимательской инициативы; применение мер поддержки государственно-частного партнерства (субсидии, налоговые льготы); низкие политические и социальные риски; эффективное использование законодательно-правовой базы. Безусловно, Япония находится лишь в начале пути по степени развитости государственно-частных проектов в инновационной сфере, существует еще множество проблем и трудностей, которые требуют постоянной координации действий между государством и предприятиями. Однако, наличие развитых механизмов планомерного системного взаимодействия, созданного на взаимных доверительных отношениях государства и бизнеса в Японии, приносят свои положительные результаты. Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что именно государственно-частное партнерство будет являться надежной опорой для дальнейшего становления современной инновационной экономики Японии.

Список литературы

1. Белов А. В. Япония: экономика и бизнес: учеб. Пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2017. 383 с.
2. Иванов О. В. Государственно-частное партнерство в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: учеб. пос. М.: МГИМО, 2019. 269 с.
3. Емельянов Ю.С. Государственно-частное партнерство: инновации и инвестиции. Мировой и отечественный опыт. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 368 с.
4. Innovation Report. URL: <https://www.japan.go.jp/innovation/>
5. Evaluating the environment for public-private partnerships in Asia, The 2018 Infrascope. URL: https://infrascope.eiu.com/wp-content/uploads/2019/02/EIU_Asia-Infrascope-2018_final-report.pdf

Трансформация отношения японского правительства и общественности к проституции

Впервые феномен проституции упоминается в старейшей антологии японской поэзии «Манъёсю» («Собрание мириад листьев»), составленной в период Нара (710–794). Отомо-но Якамоти, один из авторов сборника, упоминает об артистках (сабуруко), оказывающих сексуальные услуги за денежное вознаграждение [13, р. 6]. Не обходят стороной существование этого феномена и другие классические произведения японской литературы — «Повесть о Гэндзи» и «Юдзёки» («Записи о юдзё», в японской культуре сформировалось собирательное наименование всем видам куртизанок — юдзё). На сегодняшний день ночной развлекательный бизнес в Японии обозначается эвфемизмом «мидзу-сёбай» («торговля водой»). Исследователи японской культуры считают, что ассоциация с водой имеет прямую связь с отдыхом на горячих источниках (но без намёка на сексуальные отношения). Этот термин был придуман в период Эдо (1600–1868), когда общественные бани были очень популярными среди населения [8, р. 23].

Необходимо отметить, что до 1868 г. японцы не разделяли западные христианские взгляды на греховность сексуальных отношений. В древности японцы почитали плодородие, а фаллические символы были распространёнными объектами поклонения в сельской местности: на территории Японии было найдено множество фаллических каменных прутьев, относящихся к периоду среднего Дзёмон (около 3600–2500 г. до н.э.), свидетельствующих о поклонении божествам плодородия и брака. Само японское восприятие сексуальных отношений во многом исходит из религии синтоизма, который не содержит сексуальных запретов: в синтоизме отсутствует связь между сексуальными действиями и моральной виной [6, с. 378].

В начале XVII в. в Эдо (современный Токио) все дома удовольствий, в которых куртизанки оказывали сексуальные услуги, были объединены в единый квартал — Ёсивара, а затем подобные кварталы стали создаваться и в других крупных городах страны (например, Симмати в Осаке и лицензированный Симабара в Киото, который действовал вплоть до 1958 г.). Инициатором создания в Эдо единого квартала удовольствий (или «квартала красных фонарей») в 1612 г. являлся горожанин Сёдзи Дзинъюэмон, который убедил правительство бакуфу в том, что размещение всех домов удовольствий в одном месте упростит сбор платежей, повысит общественную мораль и позволит контролировать безопасность в районе. Известно, что в конце XVII в. в стране насчитывалось 35 лицензированных кварталов, только в Ёсивара и Симабара работало 2800 куртизанок [12, р. 4].

В кварталах удовольствий уже с первых дней существования применялось разделение куртизанок на классы: высшими считались *таю*, затем *коси* и, последними, были *сантя*. *Таю* были куртизанками самого высокого класса, поскольку были наделены естественной красотой, умом, грацией, были образованными и редкими, а, соответственно, очень дорогими. Стоимость услуг *сантя* была самой низкой, и в начале XVIII в. класс полностью вытеснил утонченных *таю* и *коси*.

Куртизанкам не разрешалось носить одежду с золотой и серебряной вышивкой. Причина была, вероятно, связана с разделением на классы: куртизанки считались по социальной принадлежности ниже лавочников и торговцев и относились к той же категории, что и хинин (не-человек), большинство из которых были нищими. Исключением считались куртизанки, имевшие богатых покровителей [13, р. 11].

Дома удовольствий также разделялись на классы в зависимости от типа оказываемых услуг, цены на которые прямо зависели от класса куртизанок, работающих в них. Всего было пять классов домов, но наиболее востребованными были три: *омакаги*, *хаммагаки*, *дайтё комисэ*. Два других низших класса имели мало места и были дешевыми. Куртизанки, доступные к покупке, демонстрировались в передней части дома за металлическими стержнями. По этим стержням чаще всего и можно было определить класс дома: самые дешевые имели горизонтальные стержни, дорогие — вертикальные [13, p. 12].

В период Эдо существовало две формы проституции: частная и регулируемая государством. Частная форма состояла из уличных куртизанок, официанток чайных домов (яп. *тяя*) и банщиц в общественных банях. Регулируемая государством форма включала в себя простых куртизанок (яп. *дзёро*) и более утонченных (*таю*, *ойран*) [14, p. 147]. Регулируемая государством форма существовала до 1956 г. (года официального запрета проституции в стране), в течение этого периода государственная поддержка оказывалась 25 специализированным районам. Куртизанки в этих районах были женами и дочерьми фермеров, проданными владельцам домов по контрактной форме на обслуживание клиентов. Их возраст варьировался от 14 до 27 лет. После 27 лет куртизанки считались уже старыми и выбрасывались на улицу, некоторые из них выходили замуж за клиентов, возвращались в свои семьи либо продолжали заниматься уличной проституцией. Одними из способов покинуть квартал были следующие: выкуп контракта куртизанки богатым клиентом, который в дальнейшем содержал ее в качестве жены или наложницы; самостоятельный выкуп куртизанкой своего контракта, если она являлась достаточно успешной и знаменитой.

В период Мэйдзи (1868–1912) произошла кардинальная смена курса правительства на модернизацию страны

по западным образцам, и многие феномены культуры подверглись резкой критике, в том числе сунга и проституция. В 1872 г. был принят Закон об освобождении проституток, который освободил всех вовлеченных в занятие проституцией лиц, запретил торговлю людьми и аннулировал все долги, возникшие в результате такой торговли. В 1873 г. были приняты схемы лицензирования аренды помещений, в соответствии с которыми куртизанка стала лицензированным «независимым подрядчиком», а дома удовольствий — «комнатами аренды» [14, р. 148], что позволило существовать данным домам в дальнейшем.

В 1879 г. куртизанку Такагаси Одэн (1851–1879), вынужденную заниматься проституцией после смерти мужа, проговорили к смертной казни из-за убийства одного из клиентов. Это событие вызвало широкий общественный резонанс, привлекло внимание защитников женских прав, которые при поддержке христианских женских организаций, развернули кампанию против проституции [4, с. 171]. В Токио была учреждена организация «Армия спасения», распространявшая в «районах красных фонарей» брошюру «Военный клич», в которой говорилось о том, что любая девушка, вовлеченная в занятие проституцией, может обратиться за помощью к организации и получить другую, достойную работу.

В 1900-х гг. в ответ на социальные реформистские группы, такие как Общество Кёфу японских женщин-христианок, которые лоббировали правительство с целью полной отмены проституции, правительство приняло Постановление о контроле проституток, позволявшее женщинам прекратить занятие проституцией, если они заявят об этом полиции. Однако на практике таких женщин часто возвращали назад, потому что полицейские сговаривались с владельцами домов удовольствий [14, р. 148].

Официально в Японии проституция была запрещена только в 1956 г. Существовало две причины для введения подобного запрета на данное явление: сохранение общественного порядка и профилактика венерических заболеваний [14, p. 149].

Начиная с 60-х гг. XX в. особой популярностью в Японии пользовался, так называемый, секс-туризм в Восточную и Юго-Восточную Азию. В 1970–1980-х гг. секс-туризм являлся значительным бизнесом, а крупные японские компании предоставляли своим работникам возможность отправиться в эти туры. Например, в 1979 г. компания Касио провела такой тур с банкетом в отеле Манилы для своих 200 ведущих продавцов [10, p. 64]. В 1980-х гг. Христианская организация иностранных женщин начала кампанию против секс-туризма японских мужчин в Восточную и Юго-Восточную Азию, в результате которой четыре крупные организации труда Японии призвали японских мужчин прекратить секс-туры [10, p. 64]. Однако такая мера привела лишь к тому, что женщин из небольших деревень Восточной и Юго-Восточной Азии начали привозить в Японию.

В настоящее время сексуальная индустрия обозначается как «фудзоку» и является одной из самых прибыльных в мире (Япония получает прибыль в 2,37 триллиона долларов США в год) [8, p. 23]. Причем женщины, занятые в этой индустрии, не все являются гражданами Японии, как это отмечалось выше: приблизительно от 40 до 50 тыс. из них — уроженки Таиланда [5, с. 232].

Особой популярностью среди местного населения пользуются *рабухо* – «отели любви». По данным 1999 г. в Японии насчитывалось более 38000 *рабухо*, из которых 3000 находились в Токио [8, p. 23]. Популярность и востребованность *рабухо* объясняется отсутствием у молодых людей места для уединения в густонаселенных городских районах.

Внимание исследователей японской культуры привлекает новое для Японии явление под названием «эндзё кёсай» («свидание для помощи»): когда школьницы в возрасте 14–18 лет встречаются с 40–60-летними мужчинами и получают за это деньги, которые тратят на покупку дорогих вещей. В 1995 г. более 5000 девочек этого возраста стали объектами контроля со стороны правоохранительных органов [2, с.220]. Однако, «свидания для помощи» приводят к значительным психологическим сдвигам в сознании японской молодежи. Популяризация СМИ образа школьницы как секс-символа эпохи и постоянный показ общественности рекламы эротического характера привели к тому, что молодые японцы относятся к сексу, как к бизнесу. В 1999 и 2002 гг. директор клиники Японской ассоциации планирования семьи Китамура Кунио совместно с японской вещательной корпорацией Эн-Эйч-Кэй провел опрос молодежи относительно ее половых предпочтений. Данный опрос показал, что «число молодых людей в возрасте 20 лет, “имевших половые связи в течение года” за три года значительно снизилось и если в 1999 г. в половые отношения вступали 74% юношей и 81% девушек, то в 2002 г. — соответственно только 68% и 62%» [1, с. 239–240]. Как видно из проведенного опроса интерес к сексуальным отношениям между парами у современной молодежи отсутствует и возрастает популярность одноразовых ночных свиданий с «девушками по вызову».

Как показывает современная практика, несмотря на то что проституция в Японии запрещена законом, сексуальная индустрия научилась умело маскировать свои учреждения для оказания сексуальных услуг под видами общественных бань, массажных салонов, отелей и т. д. По данным Национального полицейского агентства (яп. NPA) в Японии насчитывается приблизительно 1200 заведений типа Soaplands («Мыльные заводы» — учреждения, оказывающие интимные услуги) и 17500 других учреждений секс-

индустрии, включая массажные салоны, стриптиз-клубы и т.д. [8, p. 25]. Существует также множество различий между каждым учреждением, например, в заведении типа *кябакура* мужчин будут развлекать красивые женщины, известные как хозяйки, однако этот тип заведения не требует, чтобы хозяйка вступала в интимную связь с посетителем. Необходимо также отметить, что чем выше по статусу заведение, тем менее вероятность того, что там будут оказываться сексуальные услуги. Закон о проституции определяет это явление как «строго ограниченное сексуальное проникновение, и поэтому многие учреждения специализируются на предоставлении клиентам сексуальных услуг без проникновения, например, оральный, реже анальный секс» [8, p. 23].

В 1977 г. в Японии было проведено достаточно интересное, на наш взгляд, исследование по выявлению общественного мнения на предмет того, стоит ли считать определенное деяние преступлением и какова степень его тяжести. Результаты анкетирования ранжировались на две группы: первая оценивала деяния по максимальному наказанию, предусмотренному законом; вторая в баллах по оценке общественности (4 балла – смертная казнь; 3 балла – лишение свободы с принудительным трудом; 2 балла – штраф; 1 балл – достаточно вмешательства полиции; 0 баллов – нет необходимости уголовно-правового запрета). В соответствии с данными по первой группе: смертной казни заслуживает разбойное нападение, повлекшее смерть, а также взрыв, приведший к смерти; шоу с обнаженными участницами – 2 года лишения свободы с принудительным трудом (максимальное наказание); за отправление естественных потребностей на улице необходим уголовный арест; проституция должна быть только запрещена законом, а гомосексуализм не должен вообще регулироваться законом [3, с. 133]. По результатам второй группы деяний первое место занимает разбойное нападение, повлекшее

смерть (3,79 балла). Проституция имеет 1,82 балла; шоу с обнаженными участницами – 1,54 балла; адюльтер – 1,35 балла; отправление естественных потребностей на улице – 1,33 балла; гомосексуализм – 0,61 балла [3, с. 134]. Как мы видим, существует некоторое расхождение в оценках степени деяния общественностью и законом. Так, например, шоу с обнаженными участницами законодатель оценивает строже, чем общественность, а вот в случае с проституцией все наоборот.

Согласно опросу, проведенному офисом Премьер-министра в 1980-х гг., насчитывалось пять категорий куртизанок в Японии [14, р. 153–154]: уличные проститутки (яп. *гайсёгата*); хозяйки баров и других заведений, лицензируемых и регулируемых Законом о предприятиях, затрагивающих общественные нравы (принят в 1985 г.) (яп. *фудзоку эйгёгата*); частные смотрители ванн (яп. *косицу ёкудзёгата*); хозяйки или служащие новых типов развлечений для взрослых, таких как отдельные ванны комнаты или массажные салоны (яп. *син фудзокутэнгата*); девушки по вызову (яп. *хакэнгата*), приезжающие в гостиничные номера после договора по телефону.

Также офис Премьер-министра в середине 1980-х гг. оценил процентное соотношение каждой категории: уличные проститутки составляют 15 %; хозяйки баров и других заведений – 12 %; частные смотрители ванн – 20 %; хозяйки развлечений для взрослых – 11 %; девушки по вызову – 42 % [14, р. 154].

Отдельную проблему в современной Японии составляет похищение и продажа людей с эксплуатацией в сексуальных целях. В целях криминализации торговли людьми японское правительство представило законопроект о внесении изменений в Уголовное право и другие, связанные с ним законы в Парламент, который принял этот законопроект. Законы были изданы 22 июня 2005 г. и

введены в действие 12 июля 2005 г. В соответствии с этими законами статья 226 (Преступление за похищение людей и похищение людей в целях вывоза из Японии) запрещает акты похищения людей, покупку и продажу лиц для перевозки из Японии в другое государство. Статья также запрещает перевозки лиц, проданных или похищенных из Японии в другое государство. Однако статья не распространялась на похищение людей, а также на покупку и продажу лиц для перевозки из другой страны в Японию [9, р. 85]. Поэтому в данную статью были внесены поправки, в соответствии с которыми статья 226 была разделена на статьи 226 («Похищение для перевозки из страны»), 226-2 («Покупка или продажа людей») и 226-3 («Перевозка похищенных лиц из страны»). Так, например, статья 226-3 (Перевозка похищенных лиц из страны) уже оговаривает, что «лицо, которое перевозит другое похищенное с помощью силы или соблазна или другое, купленное или проданное, из одной страны в другую страну, наказывается лишением свободы на срок до двух лет» [11, р. 85].

Особое внимание японским правительством уделяется защите детей, так, например, в Законе о наказании за действия, связанные с детской проституцией и порнографией и о защите детей, принятым в Японии в 1999 г., статьей 4 (Детская проституция) оговаривается, что «любое лицо, которое занимается детской проституцией, наказывается тюремным заключением на срок до пяти лет или штрафом в размере до трех миллионов иен» [7]. Или статья 5 (Посредничество в детской проституции): «Любое лицо, которое является посредником в детской проституции, должно быть приговорено к тюремному заключению на срок до пяти лет и/или штрафу в размере до пяти миллионов иен. (2) Любое лицо, которое временно занимается детской проституцией с намерением делать это на регулярной основе, должно быть приговорено к тюремному

заклучению на срок до семи лет и штрафу в размере до десяти миллионов иен» [7].

Проституция в Японии насчитывает многовековую историю, четкую структуру и представляет собой, в некотором роде, институт. Начиная с XII в. все дома удовольствий, в которых работали куртизанки стали объединяться в кварталы внутри крупных городов. Постепенно в данных кварталах стали различаться классы куртизанок и, соответственно, классы самих домов удовольствий. После официального запрета проституции в середине XX в. сексуальная индустрия значительно видоизменилась и стала включать в себя различные учреждения для оказания сексуальных услуг под видами общественных бань, массажных салонов, отелей любви и др.

Начиная с 1958 г., японским правительством ужесточаются наказания за занятия проституцией, сутенерством, торговлей людьми с целью сексуальной эксплуатации, а также особое внимание уделяется законам, направленным на защиту детей.

Список литературы

1. Куланов А.Е. Частная жизнь японцев, сокрытое в листе // Портрет современного японского общества. М.: АИРО-XXI, 2006. С. 223–241.
2. Маркарьян С.Б. Японка в интерьере «мужского» общества // Портрет современного японского общества. М.: АИРО-XXI, 2006. С. 202–222.
3. Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. М.: Прогресс, 1989. 256 с.
4. Фредерик Л. Повседневная жизнь Японии в эпоху Мэйдзи. М.: Молодая гвардия, 2007. 310 с.
5. Яковлева А. А. Глобализация сексуального насилия: от проституции к транснациональной сексуальной индустрии // Гендерные исследования. 2003. №7-8. С. 226–245.

6. Яроцкая Ю. А. Образ телесности в Японии // Религия и коммуникация: материалы VI Международной научно-практической конференции, Минск, 18–20 апреля 2019 г. Минск : Ковчег, 2019. С. 377–383.
7. Act on Punishment of Activities Relating to Child Prostitution and Child Pornography, and the Protection of Children. [Electronic resource]. Access mode: http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail_main?re=&vm=02&id=10. – Date of access: 30.08.2017.
8. Egilsdóttir Ragnheidur Tóra. Sexual Appreciation in Japan. A journey down the rabbit hole of kink. Island: Háskóli Íslands, 2016. Pp. 1–42.
9. Kamino Tomoya. Japanese law and policy against human trafficking. [Electronic resource]. Access mode: <http://www2.odn.ne.jp/kamino/NewFiles/humantrafficking2.pdf>. – Date of access: 22.10.2017.
10. Moerman, D. Max. Demonology and Eroticism: Islands of Women in the Japanese Buddhist Imagination // Japanese Journal of Religious Studies. 2009. Vol. 36. No. 2. Pp. 351–380.
11. Penal Code (Act No.45 of 1907). [Electronic resource]. Access mode: <http://www.cas.go.jp/jp/seisaku/hourei/data/PC.pdf>. Date of access: 22.09.2017.
12. Peterfreund, Tenica. Japan's prostitution prevention law: the case of the missing geisha // Law School Student Scholarship [Electronic resource]. Access mode: https://scholarship.shu.edu/student_scholarship/57. Date of access: 27.07.2020.
13. Stephenson, A. L. Culture of Desire // The history and development of sexual services in Japan. 2008. Pp.1–33.
14. Wakabayashi, Tsubasa. Enjokosai in Japan: Rethinking the Dual Image of Prostitutes in Japanese and American Law // UCLA Women's Law Journal. 2003. № 13(1). Pp. 143–184.

Права женщин в Японии в настоящее время

Большой резонанс в Японии произошел в Токийском медицинском университете, когда сына чиновника каким-то образом зачислили, несмотря на низкий балл за вступительный экзамен, а девушкам, получившим отметки выше, пришлось подыскивать другое учебное заведение. Вскоре все будут вспоминать как глава комитета по продвижению равенства в Токийском медицинском университете Тэцуо Фукуока пытался оправдаться. «Я думаю, дело в том, что мы не до конца осознавали, какие правила существуют в современном обществе», — объяснялся Фукуока, который отвечает за равенство полов в стенах университета. Ранее премьер-министр Синдзо Абэ объявил о всесторонней поддержке женщин, но стало ли им легче жить? Так им приходится выбирать между семейным счастьем и карьерными амбициями. В связи со всем вышесказанным такая проблема, как японки живут под прессом стереотипов и репродуктивного насилия, является актуальной.

Скандал, который разразился в Медицинском университете Токио в августе 2018 г., показывает лишь наличие проблемы, которая назревала и имело место быть уже долгое время. Так университет уличили в систематическом занижении баллов за вступительный экзамен девушкам, такая негласная политика была направлена на сокращение числа студенток-медиков и проводилась уже с 2006 г. После такого случая в Японии начались проверки, как итог за 6 месяцев аналогичные нарушения были обнаружены в 9 из 81 медвуза страны. Стоит вспомнить что, придя к власти, премьер Японии Синдзо Абэ объявил о политике всесторонней поддержки женщин обещая, что японкам будет жить очень хорошо. Так на выполнение этих планов в закрома Токийского медицинского университета ушло около 13 миллиардов иен (более 122 миллионов долларов) субсидий от государства. Но задумки правительства по

увеличению числа женщин-докторов в японских больницах провалилась. В целом данная ситуация – яркий показатель того, как вообще работает план Абэ. Газета The Japan Times отмечала, что число сотрудниц в правительственном аппарате в целом тоже значительно не выросло и остается на «шокирующе низкой отметке» в 3,7%. «Мы построим общество, в котором женщины будут блистать», – обещал глава правительства, в кабинете которого спустя восемь лет заседает одна женщина на 19 мужчин.

Среди стран Организации экономического сотрудничества и развития Япония имеет один из самых высоких показателей разрыва между женской и мужской зарплатами. Так несмотря на отчаянные попытки сузить пропасть, за 2015 г. разрыв составлял 25,7%. Страна стоит перед проблемой старения населения, и спасти экономику от стагнации в таких условиях могут только женщины. По этой причине японкам приходится нелегко, с одной стороны женщины должны выходить на работу и активно вносить вклад в производство, с другой стороны Японок заставляют рожать детей на благо страны. Однако взгляды на то, как именно они могут осуществить свою миссию и отдать долг Отчеству, расходятся. Одни уверены, что женщины должны выходить на работу наравне с мужчинами, другие ругают работающих японок – зачем просиживать в офисе или стоять у станка, если можно просто нарожать побольше японцев, чтобы те обеспечивали экономический рост. Вместе с тем совмещать материнство и работу в Японии кажется вовсе невозможным.

Стоит вспомнить особенности корпоративной культуры Японии. Те, кому приходилось сталкиваться с этим, наверняка знают, что чем больше времени служащий проводит на работе – тем он ценнее для компании. Впервые удивляясь дисциплине и лояльности работников, со временем можно заметить, что работники могут часами раскладывать пасьянс «косынка» на компьютере, лишь для

одной цели уйти домой позже начальника. Реальная эффективность такого рода трудоголизма является вопросом открытым. Переработка, по сути, также обязательна для всех японских служащих, и, хотя сами японцы понимают абсурдность такой традиции, изменения в данном направлении не существенны. Существует даже понятие «кароси» которое характеризует смерть в результате чрезмерных переработок. По причине всего вышеперечисленного японкам держаться в строю куда сложнее чем мужчинам, даже несмотря на призывы правительства и его «поддержку».

Рассматривая права японок, следует отметить, что по закону во время беременности они могут быть освобождены от тяжелого физического труда, им также гарантирован шестинедельный декретный отпуск перед родами, 14-недельный, если ожидаются близнецы. В течение первых шести месяцев каждому ушедшему в декрет родителю выплачивается две трети зарплаты. Но если один из родителей останется сидеть с ребенком, то впоследствии сумму зарплаты урезают до 50%. Отпуск по уходу за ребенком длится до 12 месяцев – до первого дня рождения ребенка, – при этом ухаживать за ним в это время может как мать, так и отец. Если же после полугода на работу не возвращается ни один из родителей, то им до конца отпуска продолжают выплачивать две трети зарплаты. При этом работодатель не несет финансовых убытков так как фирма не обязан сам начислять зарплату, вместо него это делает страховая компания. По данным Министерства здравоохранения, труда и благосостояния за 2015 г., в течение 12 месяцев на работу вернулись лишь 31,8% родивших женщин до этого работавших полный рабочий день. Японки боятся, что если они уйдут в декрет, то им не продлят рабочий договор. Для сравнения за аналогичный период (1 год) только два процента мужчин, имеющих право на декрет, воспользовались возможностью поучаствовать в уходе за новорожденным.

Но проблемы на этом не заканчиваются: если матери нужно забрать ребенка из детского сада или отвести к врачу, задержаться на работе она уже не сможет. Как итог – даже если японка не отпрашивается пораньше с работы, а уходит вовремя, то она считается менее эффективной, чем сидящие до последнего коллеги.

Вышеизложенные проблемы нашли отражение в жизни Саяки Осакабэ, история японки обрела известность в 2014 г., спустя два года после того, как Абэ объявил о политике всесторонней поддержки женщин. Так Саяки Осакабэ после первого выкидыша попросила начальника снизить ей нагрузку, а тот в ответ посоветовал отложить роды на пару лет и сосредоточиться на работе. Вскоре Саяки Осакабэ забеременела снова, но начальник заявился прямо к ней домой и потребовал уволиться, так как ее отсутствие на рабочем месте «создавало неприятности». Она вернулась в офис так как не хотела терять работу, как выяснилось позднее, ценой жизни своего ребенка. Пережив трагедию во второй раз, Саяки Осакабэ вновь вышла на работу. Терпение Осакабэ лопнуло, когда она вернулась в офис, первое, о чем ее спросил начальник, — есть ли у нее менструация и занимаются ли они с мужем сексом, она уволилась и подала на работодателя в суд за харассмент. Как итог данное дело оказалось резонансным и привлекло внимание общественности и журналистов, женщина, отсудив у компании 1,7 миллиона иен (15,6 тысячи долларов). Вскоре Саяка занялась поддержкой японок, подвергающихся «матахара» — харассменту из-за материнства (от английского *maternity harassment*). В итоге Саяки Осакабэ все-таки родила малыша и создала свою организацию *Matahara.net*, занимающуюся поддержкой работающих матерей. В Японии около 60% женщин вынуждены уходить с работы из-за беременности, согласно информации организации Саяки Осакабэ.

Многие девушки, наблюдая, как прессуют их коллег, решают вообще не иметь детей, либо уволиться. В то же время столкнувшиеся с харассментом матери зачастую говорят, что, если бы знали, чем обернется их положение, – не решились бы заводить детей. Отмечается также, что матахара «заразна», работодатели заставляли их чувствовать, что беременность – это плохо.

Организация Осакабэ выделяет три типа харассмента матерей:

- Первый тип связан с навязыванием традиционных гендерных установок. Муж, родители, родственники и даже друзья навязывают девушке идею что, «Ребенок – твой приоритет, поэтому нужно сидеть дома и заниматься его воспитанием». А муж, традиционно, должен заботиться о деньгах, по мнению традиционно мыслящих японцев. Как отмечают в организации Саяки Осакабэ, такое поведение не всегда является нарочно продуманным актом демотиваций, как правило вредные советчики сами являются жертвами своего ограниченного мышления.

- Второй тип харассмента связан с намеренным унижением. Это как правило проявляется таком виде, когда начальник и коллеги наседають на женщину с претензиями, выражают свое недовольство. Так коллеги могут высказать девушке, что им приходится подстраиваться под ее новый график. Если для русских такие претензии не кажутся чем-то ужасным, то следует иметь в виду что страх быть неудобным вообще преследует японцев с самого детства, а чувство стыда – один из самых эффективных инструментов управления людьми в Японии, да и практически во всех азиатских странах. Коллеги, не входя в положение девушки, могут напрямую упрекать беременную в эгоизме и в том, что ей достается больше выходных. При этом, насколько выходной беременной женщины можно считать днем отдыха, вопрос спорный.

- Третий тип харассмента связан с не просто унижением, а прямым давлением. На данном этапе основные усилия направлены на «выживание» беременной с работы. Так начальник может высказывать что им не нужен сотрудник, который уходит из офиса раньше положенного, а «особого отношения» предоставлять девушке он не собирается. Как итог, если женщина капитулирует без боя – то есть уйдет сразу, узнав о беременности, – она останется без работы, но, по крайней мере, сохранит нервные клетки. Тем же, кто решил не сдаваться и идти до конца, предстоит сталкиваться с психологическим насилием еще долгие годы.

-Следует отдать должное правительству совместно с премьером Синдзо Абэ пытается улучшить положение японок в обществе. Так согласно провозглашенным в 2012 г. принципам премьера Синдзо Абэ, программа нацелена на поддержку и продвижение женщин по службе, улучшить ситуацию в этом вопросе предполагалось к 2020 г. Так если до 2012 г. на рынке труда был задействован 61% японок, при этом более половины занимались низкоквалифицированным трудом или работали неполный рабочий день. Поэтому одним из пунктов в программе Абэ значится как тройное увеличение числа женщин на руководящих постах: с 10% в 2012 г. до 30% в 2020 г. Но по факту в реальности достижении данных целей приходится сомневаться, так, например, даже на местных выборах в апреле 2019 г. всего 6 из 59 мэрских постов заняли женщины. При этом, в самом парламенте расходятся мнения по поводу данной инициативы. Так, сторонники программы Синдзо Абэ активно продвигают эти идеи. «Нам нужны налоги, которые женщины могли бы платить», – утверждает депутат Юноки Митиёси, он считает, что планы Абэ крайне полезны для экономики страны в целом. Вместе с тем, депутат Сёдзи Нисида считает, что квоты – плохой способ помочь женщинам. Так по мнению Сёдзи Нисиды – «Компании разорятся,

пытаясь соответствовать правительственным требованиям. Либо фирму ждет крах, либо женщины будут занимать посты лишь номинально». С учетом вышесказанного, нет единого мнения как необходимо преодолеть разрыв, на логичный вопрос, что в таком случае делать, Сёдзи Нисида указывает, что гендерный баланс 50/50 вообще не является хорошей идеей.

Правительство Японии предпринимает определенные шаги для помощи женщинам в Японии. Так, правительство считает увеличение количества детских садов будет способствовать возвращению женщин на работу, правительство уже выделило средства на 500 тысяч мест в новых яслях. Но данная работа не ограничивается правительством, некоторые крупные фирмы в Японии самостоятельно следуют предвыборным обещаниям премьера: косметическая компания Shiseido довела количество женщин в руководстве до 30%, а также берет на себя ответственность за заботу о детях сотрудниц, которые составляют 80% всей рабочей силы. По мнению Эми Ватанабэ поддержка работодателей помогла ей сохранить карьеру и стать хорошей матерью. Она пришла в компанию сразу после выпуска из университета. За время работы она вышла замуж и родила двоих детей. Данный пример сотрудницы не исключение, по словам работниц компании Shiseido к работе после родов возвращаются 96% работниц. Компания по производству пищевых продуктов Calbee в рамках поддержки женщин-сотрудниц открыла детский сад, а за последние несколько лет число женщин-руководителей увеличилось в четыре раза: с 6 до 24%. Так, по утверждению владельца компании Calbee Акира Мацумото, традиционные переработки вредны не только работающим матерям, но и вообще всем сотрудникам. Он признает, что нельзя, чтобы предприятием управляли исключительно мужчины, изменения необходимы. Несмотря на то, что не все разделяют его мнение, пока ни один человек в компании

из-за правил не уволился. Довольно интересный пример продемонстрировала строительная компания Taisei, они не ограничиваются поддержкой сотрудниц компании, но и не забывают о поддержке мужчин и поощряют их уход в декрет. Многие японцы стесняются и даже стыдятся уходить с работы ради ребенка, а если уходят в декрет, то по возвращении испытывают неудобства, так как должны вернуться в прежний рабочий ритм и перерабатывать, уходить вовремя не позволяет все то же давление со стороны общества. В компании Taisei проводятся семинары для супружеских пар, основное содержание данных семинаров, как совмещать семью и карьеру и разделять обязанности супругов. Позитивный пример японцам подал сын 56-го премьера страны Синдзиро Коидзуми. Синдзиро Коидзуми ушел в декрет в январе 2020 г., тем самым стал первым членом правительства из мужчин который ушел в декрет. Он проработал по сокращенному графику в течение двух недель.

Но в тоже время премьера Синдзо Абэ критикуют за то, что он не соответствует своим же требованиям. Так, по числу женщин в парламенте Японии, страна занимает лишь 159-е место. В собственном кабинете премьера Синдзо Абэ на данный момент представлена только одна женщина министр регионального развития Сацуки Катаяму. При это даже ее назначение в кабинет, не прошла без казусов, сразу после церемонии назначения ей пришлось отправиться в магазин за более подходящим по дресс-коду нарядом. В Японии уже давно идет борьба активисток за различные правила дресс-кода: изменение цвета волос, обязательным ношением обуви на высоком каблуке, запретом на ношение очков и т. д. На вопрос, почему Синдзо Абэ отправил вторую женщину-парламентария в отставку, хотя на место претендовали 12 женщин, все склоняется к тому, что на места в кабинете попали сплошь мужчины, поддерживающие курс партии Абэ и выступающие за пересмотр пацифист-

ской конституции страны. Синдзо Абэ заявил, что только разгоняется, и вскоре женщин в кабинете будет больше, но изменений пока не наблюдается. По мнению главы института азиатских исследований в токийском университете Джеффри Кингстона – «Синдзо Абэ назначил старых друзей и надежных союзников, чтобы обеспечить себе стабильность».

В результате на данном этапе Японии, как и любой другой стране с сильными традициями, нужно больше времени, чтобы полное предубеждений старшее поколение уступило дорогу более продвинутой молодежи. Несмотря на меры поддержки правительства Японии и компании, в ближайшие пару лет больших изменений японкам ждать не стоит.

Изменение структуры малых и средних предприятий Японии после глобального финансового кризиса 2008–2009 гг.

Введение

Глобальный финансовый кризис 2008–2009 гг. оказал на экономику Японии существенное негативное влияние, вызвав одно из наиболее сильных падений ВВП среди развитых стран. Помимо того, что Япония имеет тесные связи с экономикой США, и это обусловило подверженность кризисным явлениям, резкое сокращение зарубежного спроса и, соответственно, японского экспорта привели к ухудшению ситуации в сфере производства, потребления и занятости. Такая ситуация не могла не оказать негативного влияния на японские МСП (малые и средние предприятия).

Японская экономика претерпевает определенные изменения в структуре предпринимательства, которые начались еще до глобального финансового кризиса, но получили дальнейшее развитие после серьезного экономического спада. Эти изменения также являются отражением проблемы старения и отхода от дел все большего числа японских предпринимателей. Стоит упомянуть и такой момент как перенос производства в развивающиеся страны с более низкими издержками, а также известный факт о достаточно низком уровне предпринимательской активности японского населения. Помимо этого, МСП, будучи более чувствительными к экономическим процессам, могут вытесняться крупным бизнесом.

В данной работе была поставлена цель выяснить тенденции и причины изменения структуры японских МСП после глобального финансового кризиса. Для этого были использованы показатели изменения структуры МСП и вытеснения их крупным бизнесом, сформулированные

В.Б.Рамзесом¹: расслоение внутри МСП со снижением доли наиболее мелкого уровня и изменение состава занятых при одновременном сокращении индивидуальных владельцев и росте наемных работников.

Изменения в структуре японских МСП

В японской практике можно обнаружить разные определения МСП, однако основное определение, согласно которому ведется государственная статистика, дается в Базовом законе о малых и средних предприятиях (Акт № 154 от 1963 г. с поправками от 3 декабря 1999 г.). Согласно его положениям, к МСП относятся следующие категории предприятий:

1. Компания с капиталом или объемом инвестиций, не превышающим 300 млн. йен, или компания или частное лицо с числом работников не более 300 человек, занятая преимущественно в таких секторах как производство, строительство, транспорт или других, помимо указанных в пунктах 2 и 4 ниже;
2. Компания с капиталом или объемом инвестиций, не превышающим 100 млн. йен, или компании или частное лицо с числом работников не более 100 человек, занятая преимущественно в оптовой торговле;
3. Компания с капиталом или объемом инвестиций, не превышающим 50 млн. йен, или компания или частное лицо с числом работников не более 100 человек, занятая преимущественно в сфере услуг;
4. Компания с капиталом или объемом инвестиций, не превышающим 50 млн. йен, или компания или частное лицо с числом работников не более 50 человек, занятая преимущественно в сфере розничной торговли.

¹ Рамзес В.Б. Мелкие и средние предприятия послевоенный Японии. М.: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1965. 177 с.

Согласно Белой книге о малых и средних предприятиях 2020 г. число МСП в Японии (здесь и далее – без учета первичного сектора) на 2016 г. составляло около 3,6 млн. предприятий, то есть 99,7% от общего числа. При этом 84,9% МСП составляют малые предприятия. Как видно из Таблицы 1, число предприятий в Японии неуклонно снижается. Тем не менее, число крупных фирм остается на относительно том же уровне, тогда как структура малых и средних предприятий постепенно изменяется. Несмотря на сохранение доли МСП в общем числе предприятий на уровне 99,7%, заметна тенденция снижения доли малых фирм и увеличения доли средних предприятий.

Таблица 1 – Количество предприятий в Японии, ед.²

	2009		2012		2014		2016	
Всего	4 213 190	100,0%	3 863 530	100,0%	3 820 338	100,0%	3 589 333	100,0%
Крупные фирмы	11 926	0,3%	10 596	0,3%	11 110	0,3%	11 157	0,3%
МСП	4 201 264	99,7%	3 852 934	99,7%	3 809 228	99,7%	3 578 176	99,7%
-из них малые	3 665 361	87,0%	3 342 814	86,5%	3 252 254	85,1%	3 048 390	84,9%
-из них средние	535 903	12,7%	510 120	13,2%	556 974	14,6%	529 786	14,8%

Относительное снижение доли малых предприятий можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, глобальный финансовый кризис привел к ухудшению

² Составлено по Приложению 1 «Число предприятий по отраслям и размеру» (産業別規模別企業数) к Белой книге по МСП 2020 (2020 年版中小企業白書) / Small and Medium Enterprise Agency. URL: https://www.chusho.meti.go.jp/pamflet/hakusyo/2020/PDF/chusho/99Hakusyo_zentai.pdf (дата обращения 20.07.2020)

экономической конъюнктуры, произошло резкое сокращение заказов на внутреннем и внешнем рынках, что не могло не ударить по наиболее уязвимой группе малых предприятий. Несмотря на то, что тенденции к снижению численности мелких предприятий были и до кризиса, кризис привел к ускорению данного процесса.

Во-вторых, в связи со старением населения Японии владельцам малых фирм может быть сложнее найти преемника, и с уходом от дел или смертью владельца фирма прекращает деятельность. И наконец, на данный момент японское правительство поощряет слияния МСП, которое позволяет сохранить предприятие, когда владелец отходит от дел.

Эти предположения подтверждаются статистическими данными, разделяющими предприятия на компании и индивидуальных предпринимателей (ИП). Они показывают, что наибольшее снижение количества МСП за 2009-2016 год произошло за счет снижения числа именно малых компаний и ИП (-12,5% и -19,4% соответственно), а число средних компаний и ИП изменилось не сильно (-1,5% и +0,2% соответственно)³.

Общее число работников на МСП в 2016 г. составило более 32 млн. человек, то есть 68,8% от общего числа занятых (см. Таблица 2), но на малые предприятия приходится лишь 22,3% от числа работников на МСП. Здесь прослеживается похожая, но менее заметная тенденция: при сохранении доли крупных предприятий в занятости на уровне около 30%, а МСП – на уровне около 70%, заметно, что число занятых на крупных и средних предприятиях имеет тенденцию к увеличению, тогда как занятость на малых предприятиях снижается.

³ Там же.

Таблица 2. Число работников на предприятиях Японии, млн. чел.⁴

	2009		2012		2014		2016	
Работники, всего								
Всего	8,0	00%	6,1	00%	7,9	00%	6,8	00%
Круп. фирм	4,9	1,0%	3,9	0,3%	4,3	9,9%	4,6	1,2%
МСП	3,1	9,0%	2,2	9,7%	3,6	0,1%	2,2	8,8%
-из них малые	2,8	6,7%	1,9	5,8%	1,3	3,5%	0,4	2,3%
-из них средние	0,3	2,3%	0,2	3,9%	2,3	6,6%	1,8	6,5%
Постоянные работники								
Всего	39,3	100%	38,8	100%	40,6	100%	40,2	100%
Круп. фирм	14,6	37,2%	14,5	37,3%	14,1	34,8%	14,4	35,8%
МСП	24,7	62,8%	24,3	62,7%	26,5	65,2%	25,8	64,2%
- в т. ч. малые	6,3	16,2%	5,9	15,3%	5,9	14,6%	5,5	13,7%
- в т. ч. средние	18,4	46,7%	18,4	47,5%	20,6	50,6%	20,3	50,6%

Эта тенденция подтверждается также данными о постоянных работниках, занятых в компаниях. Наблюдается очевидное перераспределение работников из малых предприятий в пользу средних и крупных предприятий. Кроме того, наибольшее падение числа работников приходится на малые компании и ИП, а у средних компаний наблюдается даже общий рост работников за период

⁴ Составлено по Приложению 2 «Количество работников по отраслям и предприятиям» (産業別規模別従業者総) и Приложению 3 «Количество постоянных работников по отраслям и предприятиям» (産業別規模別常用雇用者) к Белой книге по МСП 2020 (2020 年版中小企業白書) / Small and Medium Enterprise Agency. URL: https://www.chusho.meti.go.jp/pamflet/hakusyo/2020/PDF/chusho/99Hakusyo_zentai.pdf (дата обращения 20.07.2020)

2009-2016 с его некоторым снижением в 2016 г. У средних ИП и крупных компаний, начиная с 2014 г., занятость постепенно возрастает, хотя и не достигает уровня 2009 г. Более того, если смотреть на ситуацию с постоянными работниками, то здесь ситуация еще более однозначная: средние компании и ИП являются теми предприятиями, занятость на которых в целом не падает, а даже растет. Учитывая, что постоянные работники – это работники с долгосрочными контрактами, то данная структура и тенденции в занятости также являются долгосрочными. Что касается малых предприятий, то они демонстрируют существенное снижение числа постоянных работников в компаниях и еще большее в ИП⁵. Такое перераспределение трудовых ресурсов еще раз подтверждает, что предприятия Японии постепенно движутся к укрупнению.

Если рассматривать долю МСП в продажах (Табл. 3), то в 2015 г. на них приходилось примерно 44,1%, а на малые и вовсе всего 9,5% от общих продаж. Также, наблюдается ситуация, при которой доля СП в стоимости продаж постепенно растет, тогда как доля МП — неуклонно снижается, несмотря на постоянный рост стоимости продаж. Кроме того, можно заметить, что темп прироста продаж, будучи примерно одинаковым для крупных предприятий и МСП в целом, в случае рассмотрения малых и средних предприятий по-отдельности показывает значительное отставание малых предприятий.

⁵ Там же

Таблица 3. Стоимость продаж предприятий Японии,
в 100 млн йен⁶

	2011		2013		2015	
Всего	11 823 348	100,0%	12 059 357	100,0%	14 276 218	100,0%
Крупные фирмы	6 635 207	56,1%	6 825 458	56,6%	7 986 085	55,9%
МСП	5 188 141	43,9%	5 233 899	43,4%	6 290 133	44,1%
-из них малые	1 216 840	10,3%	1 218 549	10,1%	1 359 085	9,5%
-из них средние	3 971 301	33,6%	4 015 350	33,3%	4 931 048	34,5%

Более того, если рассматривать продажи в разбивке на компании и ИП, то можно заметить, что рост продаж происходит в целом за счет средних и крупных компаний, а продажи малых ИП фактически стагнируют⁷.

Тем не менее, в 2015 г. на долю МСП в целом пришлось 52,9% всей добавленной стоимости, но доля малых в общей добавленной стоимости составила лишь 14%. С 2011 по 2015 гг. вклад малых предприятий снизился на 2%, а доля средних и крупных предприятий выросла на 0,4% и 1,6% соответственно⁸. Более того, не только вклад малых предприятий в создании добавленной стоимости весьма низок, но и одновременно с этим рост роли средних компаний и

⁶ Составлено по Приложению 4 «Продажи по отраслям и размеру предприятия» (産業別規模別売上) к Белой книге по МСП 2020 (2020 年版中小企業白書) / Small and Medium Enterprise Agency. URL: https://www.chusho.meti.go.jp/pamflet/hakusyo/2020/PDF/chusho/99Hakusyo_zentai.pdf (дата обращения 20.07.2020)

⁷ Там же.

⁸ Расчеты по Приложению 5 «Добавленная стоимость по отраслям и размеру предприятия» (産業別規模別付加価値) к Белой книге по МСП 2020 (2020 年版中小企業白書) / Small and Medium Enterprise Agency. URL:

https://www.chusho.meti.go.jp/pamflet/hakusyo/2020/PDF/chusho/99Hakusyo_zentai.pdf (дата обращения 20.07.2020)

ИП во много раз превышает вклад малых компаний и ИП⁹. Это может быть сигналом того, что малые предприятия и дальше будут терять свою роль, вытесняясь средним и крупным бизнесом.

Таким образом, хотя МСП составляют подавляющую часть предприятий Японии, они создают чуть более половины добавочной стоимости в экономике, а их доля в продажах еще меньше. Тем не менее, на данный момент этих предприятиях трудится около 70% работников, что отражает социальную значимость МСП. При этом средние предприятия, составляя всего 15% от МСП, имеют занятость 68% работников или 79% постоянных работников МСП, долю в стоимости продаж МСП – 78%, долю добавленной стоимости, созданной МСП, – 74%. Очевидно, что вклад более многочисленной суммы малых предприятий намного ниже: на малых предприятиях по сравнению со средними трудится в 2 раза меньше работников и в 3,7 раза меньше постоянных работников, стоимость продаж в 3,6 раз меньше, а доля в добавленной стоимости меньше в 2,8 раза.

Получается, что в настоящее время средние предприятия вносят более весомый вклад в экономику, чем малые предприятия, а по таким показателям как доля работников и доля постоянных работников в общем числе занятых на предприятиях Японии средние предприятия даже превышают крупные: 46,5% против 31,2% работников и 50,6% против 35,8% постоянных работников.

Тенденции Японии не совпадают с европейскими: там, наоборот, число и вклад МСП в экономику возрастают (см. Рис. 1). Кроме того, после 2016 г. все показатели: число МСП, количество работников и добавленная стоимость, продолжили свой рост. В 2017 г. они выросли на 2,2%, 2,0% и 3,5%

⁹ Там же.

соответственно, а в 2018 г. – еще на 2,0%, 1,8% и 4,1% соответственно¹⁰.

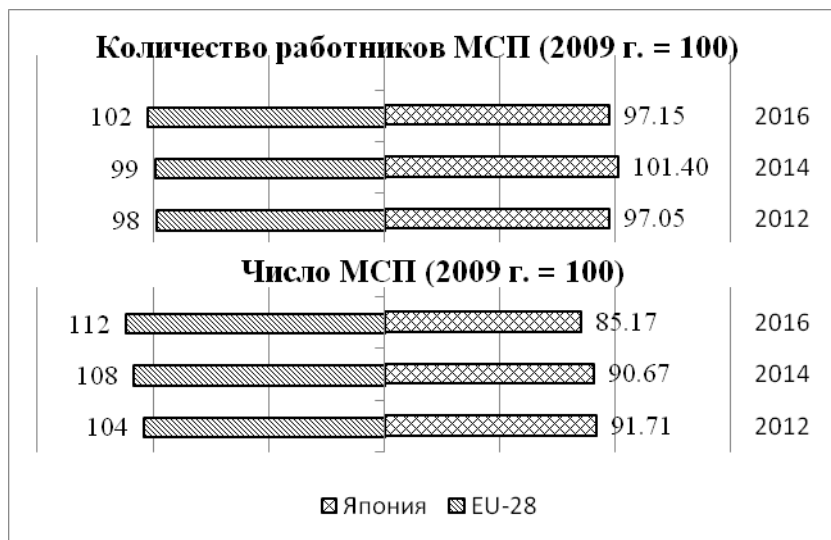

Рисунок 1. Сравнение показателей МСП стран EU-28 и Японии в 2009-2016 гг.¹¹

¹⁰ ANNUAL REPORT ON EUROPEAN SMEs 2017/2018 / European Commission, URL:

<https://ec.europa.eu/docsroom/documents/32601/attachments/1/translations/en/renditions/native> (дата обращения 23.07.2020) и ANNUAL REPORT ON EUROPEAN SMEs 2018/2019 / European Commission, URL <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/38365/attachments/2/translations/en/renditions/native> (дата обращения 23.07.2020)

¹¹ Расчеты по Annual Report on European SMEs 2016/2017 / European Commission, URL: <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/36581/attachments/1/translations/en/renditions/native> (дата обращения 23.07.2020) и Белая книга по МСП 2020 (2020 年版中小企業白書) / Small and Medium Enterprise Agency. URL: https://www.chusho.meti.go.jp/pamflet/hakusyo/2020/PDF/chusho/99Hakusyo_zentai.pdf (дата обращения 20.07.2020)

Причины изменения структуры МСП в Японии

Если рассматривать возможные причины снижения числа МСП после глобального финансового кризиса, то в первую очередь стоит отметить более уязвимые позиции МСП по сравнению с крупным бизнесом. Так, наиболее глубокое падение в продажах МСП, вызванное резким сокращением спроса, пришлось на первый квартал 2009 г. и составило около 30% для производственного сектора и от 10% до 20% в случае непромышленного сектора. Выбраться из этой ситуации МСП смогли только к концу 2009 г.¹² Отрицательные значения прироста продаж продлились фактически два года. Можно предположить, что это привело к ускорению закрытия многих мелких фирм, а в послекризисный период высвободившаяся рабочая сила и растущий спрос рынка могли привести к расширению деятельности средних предприятий, усилив тенденции укрупнения бизнеса.

Также стоит упомянуть проблему старения населения Японии. Как видно из Рис.2, в Японии из года в год повышается доля населения старшего возраста (более 64 лет). Сокращение трудоспособного населения в возрасте от 15 до 64 лет выглядит в процентном соотношении небольшим, однако в абсолютных значениях за период 2009-2018 г. это составляет около 6 млн. человек. Число же людей от 65 лет за указанный период выросло на 6,6 млн. человек. Значительная часть населения в возрасте старше 65 лет уже не

¹² Ogawa, K., Tanaka, T. The Global Financial Crisis and Small- and Medium-sized Enterprises in Japan: how did they cope with the crisis? / K. Ogawa, T. Tanaka, - RIETI Discussion Paper Series, - 12-E-012,- URL: <https://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/12e012.pdf> (дата обращения 29.07.2020)

работает, передает дела или закрывает бизнес. Так, по результатам опроса директоров МСП старше 60 лет не 35,5% планируют продолжать бизнес, 30% рассматривают наследование дела членами семьи, 24,5% еще не задумывались о судьбе своего бизнеса, а оставшиеся рассматривают иные способы передачи своего дела новым владельцам¹³.

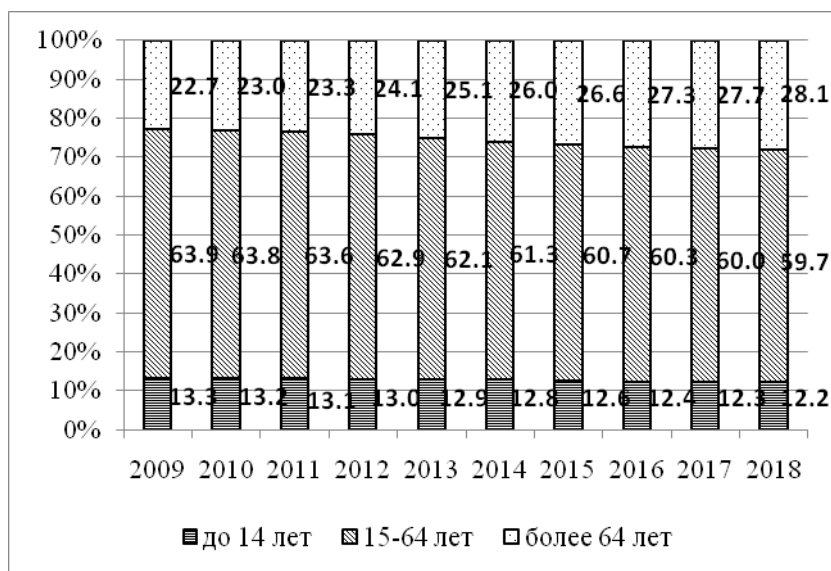

Рисунок 2. Распределение населения Японии по возрастным группам (%)¹⁴

¹³ Таблица 1-3-33 из Белой книги по МСП 2020 (2020 年版中小企業白書) / Small and Medium Enterprise Agency. URL: https://www.chusho.meti.go.jp/pamflet/hakusyo/2020/PDF/chusho/99Hakusyo_zentai.pdf (дата обращения 20.07.2020)

¹⁴ Statistical Handbook of Japan, разные годы. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/handbook/index.html> (дата обращения 22.07.2020)

У более чем 50% владельцев МСП в возрасте старше 60 лет нет наследников, которые бы взяли бизнес в свои руки¹⁵. Также меняется структура наследования: наследование членами семьи сокращается и растет доля наследования бизнеса работниками предприятий или приглашенными специалистами¹⁶.

Более того, уровень предпринимательской активности в Японии существенно ниже, чем в целом в мире. Так, перспективной данную деятельность считают всего 10,6% населения от 18 до 64 лет, в то время как в среднем по миру данный уровень составляет 53,6%. Ощущают себя способными на такую деятельность всего 14% по сравнению со среднемировым 58,3%. Кроме того, только 24,6% считает, что предпринимательская деятельность является хорошим выбором карьеры, в отличие от 65,7% по миру в среднем¹⁷.

В то же время стоит отметить, что средняя производительность труда на МСП, несмотря на сокращение числа фирм и количества работников, остается примерно на одном и том же уровне в течение всего рассматриваемого периода и на данный момент составляет примерно 40% от производительности крупных предприятий¹⁸. Тем не менее,

¹⁵ Таблица 1-3-24 из Белой книги по МСП 2020 (2020 年版中小企業白書) / Small and Medium Enterprise Agency. URL: https://www.chusho.meti.go.jp/pamflet/hakusyo/2020/PDF/chusho/99Hakusyo_zentai.pdf (дата обращения 20.07.2020)

¹⁶ Там же, Таблица 1-3-32

¹⁷ Japan / Entrepreneurial Behaviour and Attitudes / Global Entrepreneurship Monitor. URL:

<https://www.gemconsortium.org/economy-profiles/japan> (дата обращения 25.07.2020)

¹⁸ Таблица 1-2-1 из Белой книги по МСП 2020 (2020 年版中小企業白書) / Small and Medium Enterprise Agency. URL:

производительность труда Японии ниже, чем средняя по странам ОЭСР, и за 2015-2018 г. снизилась на 0,2%¹⁹. Внутри МСП есть также расслоение по уровню производительности: она растет с увеличением количества работников²⁰, а также выше у предприятий, ведущих зарубежную деятельность или участвующих в цепочках субподряда²¹. Поэтому укрупнение предприятий может быть связано еще и с необходимостью повысить производительность труда.

Кроме того, с 1980-х гг. МСП столкнулись с сильной конкуренцией товаров из развивающихся стран, и это привело к тому, что некоторые МСП начали переносить производство за рубеж или развивать зарубежные подразделения для снижения издержек. Работа на зарубежном рынке может быть более выгодной для МСП, и со временем малые предприятия могут расширяться до уровня средних, переходя из одной категории в другую.

Заключение

Нам удалось показать, что японский малый бизнес вытесняется более крупными предприятиями. Глобальный финансовый кризис обозначил дальнейшее развитие процесса снижения числа МСП и их укрупнения. На такую тенденцию стоит обращать внимание, поскольку малые и мельчайшие предприятия являются важной частью любой экономики. Они не только выступают источником налоговых поступлений, но и выполняют важную социальную роль в виде создания новых рабочих мест. Кроме того, МСП способны быстро ориентироваться на спрос потребителей, внедрять новые технологии и приемы ведения деятель-

https://www.chusho.meti.go.jp/pamflet/hakusyo/2020/PDF/chusho/99Hakusyo_zentai.pdf (дата обращения 20.07.2020)

¹⁹ Там же, Таблица 1-2-3

²⁰ Там же, Таблица 1-2-6

²¹ Там же, Таблица 1-4-8

ности или сменить род деятельности – также в ответ на процессы в экономике или спрос потребителей. Несмотря на то, что в настоящее время МСП сохраняют свои важные функции в экономике Японии, изменение их числа и структуры может отражать как объективную необходимость повышения эффективности производства, так и стать признаком того, что в будущем МСП будет сложнее выполнять свою социальную роль и вносить вклад в развитие регионов.

Список литературы

1. Белая книга по МСП 2020 (2020 年版中小企業白書) / Small and Medium Enterprise Agency. URL: https://www.chusho.meti.go.jp/pamflet/hakusyo/2020/PDF/chusho/99Hakusyo_zentai.pdf (дата обращения 20.07.2020)
2. Рамзес В.Б. Мелкие и средние предприятия в послевоенной Японии. М.: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1965. 177 с.
3. Annual Report on European SMEs (разные годы) / European Commission, URL: https://ec.europa.eu/growth/smes/business-friendly-environment/performance-review_en (дата обращения 23.07.2020)
4. Ogawa, K., Tanaka, T. The Global Financial Crisis and Small- and Medium-sized Enterprises in Japan: how did they cope with the crisis? / K. Ogawa, T. Tanaka, - RIETI Discussion Paper Series 12-E-012, URL: <https://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/12e012.pdf> (дата обращения 29.07.2020)
5. Statistical Handbook of Japan, разные годы. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/handbook/index.html> (дата обращения 22.07.2020)

«Cool Japan»: синергия культурной дипломатии и креативной экономики Японии в XXI в.

На протяжении последних двадцати лет в японских СМИ всё чаще можно встретить термин «Cool Japan» (яп. *кӯру дзяпан*, *クール・ジャパン*; «Классная Япония»). Согласно определению правительства Японии, «Cool Japan» – это уникальная привлекательность Японии (яп. *нихон ко̄ю но мирёку*, *日本固有の魅力*), которая является «cool» (классной) с точки зрения иностранцев¹. Данный термин используется по отношению к японской популярной и традиционной культуре, креативным индустриям², а также одноимённой государственной программе – программе «Cool Japan» – национальной брендинговой стратегии экономического роста, которая является индустриальной политикой для креативных индустрий и инструментом современной культурной дипломатии.

Откуда произошел термин «Cool Japan»? Как и когда правительство Японии приняло одноимённую государственную программу? Какие цели и задачи данной программы? Для того чтобы ответить на данные вопросы автор рассматривает теорию появления концепции «Cool Japan» и процесс принятия программы «Cool Japan» правительством Японии. В реализации программы принимает участие большое

¹ Кӯру дзяпан сэнряку ницуитэ (*クールジャパン戦略について* = О стратегии Cool Japan). — 2019. [Электронный документ]. — URL: https://www.cao.go.jp/cool_japan/about/pdf/cj_initiative.pdf. Проверено: 12.03.2020.

² В 2011 г. к креативным индустриям (яп. *куруэйтибу сангё*, *クリエイティブ産業* или *сōдзō сангё*, *創造産業*; англ. *creative industries*) Японии были отнесены девять индустрий: мода, еда, контент, региональные продукты, стиль жизни, туризм, реклама, искусство и дизайн. Однако, всё чаще в последнее время данный термин также включает в себя высокие технологии.

количество государственных учреждений, однако автор сконцентрируется на деятельности трёх из них, роль которых была и является наиболее значимой, а именно: Кабинет министров, Министерство экономики, торговли и промышленности (МЭТП), а также Министерство иностранных дел (МИД).

Теория появления концепции «Cool Japan». С 1980-х гг. правительство Японии активно пропагандировало японскую традиционную культуру за рубежом, «сделав культурную дипломатию одной из основ внешней политики»³. В это время креативные индустрии Японии, в частности индустрия контента, стали активно экспортировать свою продукцию за рубеж и уже в 1990-е гг. завоевали мировую популярность. Благодаря активному потреблению продукции японской массовой культуры, такой как анимэ, манга и видеоигры, миллионы молодых людей во всем мире были очарованы Японией. Hello Kitty, Pokémon, Nintendo, PlayStation и Tamagotchi стали неотъемлемой частью повседневной жизни молодого поколения не только в Японии, но и во многих странах мира. Мировой успех современной массовой культуры Японии заставил правительство обратить внимание на то, что «путь к культурному лидерству лежит через распространение массовой культуры, бурное развитие которой объясняется, в первую очередь, запросами потребительского общества, а также стремительным развитием новых технологий»⁴. Однако, до начала 2000-х гг. правительство недооценивало значимость популярной культуры и креативных индустрий⁵. Формально анимэ и манга даже не считались частью японской культуры.

³Катасонова Е. Л. Японцы в реальном и виртуальном мирах: очерки современной японской массовой культуры. М.: Вост. Лит., 2012. С. 313.

⁴ Там же. С. 316.

⁵Matsui, T. Nation Branding through Stigmatized Popular Culture... Р. 84.

Министерство образования Японии (в настоящее время: Министерство образования, культуры, науки, спорта и технологий) впервые официально признало анимэ и манга частью японского искусства лишь в 2000 г. в издаваемом министерством «Белой книге об образовании» (яп. *кёику хакусё*, 教育白書), спустя 12 лет со времени выпуска первого издания⁶.

В 2002 г. вышла статья американского журналиста Дугласа МакГрея «Japan's Gross National Cool» («Валовая национальная крутость Японии»). Автор статьи обратил внимание на то, что несмотря на утрату статуса «экономической сверхдержавы», Япония приобрела новый статус – мировой «культурной сверхдержавы», благодаря своей современной культуре. МакГрей заявил, что хотя рост ВВП Японии сократился, её ВНК («валовая национальная крутость») значительно возросла за счёт увеличения популярности современной японской культуры⁷. Статья МакГрея привлекла внимание японцев после того, как её перевод на японский язык был опубликован в специальном выпуске журнала «Тюокорон» (яп. *тёоко́рон*, 中央公論) в мае 2003 г. После этого выражение «Japan Cool», а затем «Cool Japan» можно было часто услышать в японских средствах массовой информации⁸. Ярким примером является передача

⁶Тасай на синкинō дэ сякай ни оокику кōкэн суру дзидайгата мёдзиаму (多彩な新機能で社会に大きく貢献する次世代ミュージアム = Музей нового поколения, который своими разнообразными новыми функциями внесёт огромный вклад в общество) // Креативный Киото M&T. Киото: Центр поддержки промышленности префектуры Киото, 2007. №21. С. 9–10.

⁷McGray D. Japan's Gross National Cool // Foreign Policy. 2002. 44–54 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://web.mit.edu/condry/Public/cooljapan/Feb23-2006/McGray-02-GNCool.pdf>. Проверено: 01.03.2020.

⁸Судзуки А. Ку:ру дзяпан сэнряку но гайё то ронтэн (クールジャパン戦略の概要と論点 = Суть и вопросы стратегии Cool Japan). 2013. С. 1. [Электронный документ]. URL: <https://dl.ndl.go.jp/view/download/>

«COOL JAPAN Hakutsu: Kakkoii Nippon!» (яп. COOL JAPAN ~発掘! かつこいいニッポン~) – передача о японской культуре с точки зрения иностранцев, которая выходит с 2006 г. по настоящее время. Изначально термин относился к индустрии контента⁹, преимущественно к продуктам японской поп-культуры, таким, как анимэ, манга, видео-игры и т. д., но затем преобрёл более широкое значение: от контента, моды и дизайна до традиционной культуры, культуры питания и даже высоких технологий и т.д.¹⁰ Считается, что именно статья МакГрея послужила началом появления концепции «Cool Japan» и полемики вокруг того, что именно в Японии является «cool», став поворотным моментом в смене отношения правительства к современной культуре и креативным индустриям.

Таким образом, с начала 2000-х гг. правительство обратило внимание на потенциал японской массовой культуры для распространения положительного имиджа Японии посредством поп-культурной дипломатии, а также на потенциал креативных индустрий для стимулирования экономики путём увеличения экспорта, создания рабочих мест и т.д. Осознав стратегическую и экономическую значи-

[digidepo_8321807_po_0804.pdf?contentNo=1&alternativeNo=.](#)

Проверено: 12.03.2020.

⁹«Контент» (яп. контэнцу, コンテンツ; англ. content) включает в себя фильмы, видео, телевидение (включая анимацию), музыку, печатную продукцию (в том числе манга), игры, программное обеспечение. «Индустрия контента» (яп. контэнцу сангё, コンテンツ産業) — одна из креативных индустрий, которая производит, распространяет и продает такую креативную продукцию, как анимэ, манга, музыка, кино, игры и т. д. Индустрия контента включает в себя такие более узкие отрасли, как индустрия анимации, индустрия видеоигр, кино-индустрия и т. д.

¹⁰Күру дзяпан сэнряку (クールジャパン戦略 = Стратегии Cool Japan).

2019. [Электронный документ]. URL:

https://www.cao.go.jp/cool_japan/about/pdf/190903_cjstrategy.pdf.

Проверено: 15.03.2020.

мость креативных индустрий и вооружившись теоретическим обоснованием концепции «Cool Japan», правительство сделало её частью культурой дипломатии, а также постепенно разрабатывало индустриальную политику поддержки креативных индустрий¹¹. Рассмотренные далее документы Кабинета министров, МЭТП и МИД подтверждают обоснованность утверждения.

Кабинет министров: брендинговая стратегия «Cool Japan». Впервые необходимость государственной поддержки индустрии контента стала серьёзно обсуждаться в июле 2002 г. в документе под названием «Основные положения стратегии интеллектуальной собственности» (яп. *титэки дзайсан сэнряку тайкō*, 「知的財産戦略大綱」), разработанном Советом по интеллектуальной собственности (яп. *титэки дзайсан сэнряку кайги*, 知的財産戦略会議), который был учрежден в марте 2002 г.¹² Данный документ предлагал план политики в области интеллектуальной собственности, цель которого было превратить Японию в «нацию интеллектуальной собственности» (яп. *титэки дзайсан риккоку*, 知的財産立国), чтобы восстановить конкурентоспособность японской экономики. Согласно документу, создание «нации интеллектуальной собственности» означало создание страны с экономической и социальной системой мирового класса, с богатым творческим потенциалом в широком спектре областей, таких как наука, техника и культура, которые будут способствовать развитию промышленности и улучшению жизни людей». В документе также говорилось о поддержке создания медиа-контента (кинофильмы, анимация, компьютерная графика

¹¹ Matsui, T. Nation Branding through Stigmatized Popular Culture... P.82.

¹² Ibid. P. 86.

и т.п.), дизайна и брендов¹³. В декабре 2002 г. был принят «Основной закон об интеллектуальной собственности» (яп. *титэки дзайсан кихонхō*, 「知的財産基本法」), который вступил в силу в марте 2003 г. Согласно 24 статье этого закона, в мае 2003 г. при Кабинете министров был учрежден новый орган – Штаб-квартира интеллектуальной собственности (яп. *титэки дзайсан сэнряку хонбу*, 知的財産戦略本部; далее – Штаб-квартира ИС). Целью создания Штаб-квартиры ИС было повышение международной конкурентоспособности Японии путём создания новой и защиты уже существующей интеллектуальной собственности¹⁴.

В январе 2003 г. премьер-министр Коидзуми Дзюнитиро отметил международный успех анимационного фильма Миядзаки Хаяо «Унесённые призраками». Это было впервые, когда премьер-министр упомянул произведение популярной культуры в своем ежегодном обращении к Парламенту¹⁵.

В 2004 г. Коидзуми подтвердил готовность правительства сделать Японию «нацией интеллектуальной собственности» и способствовать продвижению бизнеса, связанного с кино, анимацией, программным обеспечением и другими

¹³Титэки дзайсан сэнряку кайги (知的財産戦略大綱 = Основные положения стратегии интеллектуальной собственности). — 2002. [Электронный документ]. — URL: <http://www.kantei.go.jp/jp/singi/titeki/kettei/020703taikou.html#0-1>. Проверено: 10.03.2020

¹⁴Титэки дзайсан кихон хō (知的財産基本法 = Основной закон об интеллектуальной собственности). — 2002. [Электронный документ]. — URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/singi/titeki/hourei/021204kihon.html>. Проверено: 10.03.2020.

¹⁵Matsui, T. Nation Branding through Stigmatized Popular Culture: The "Cool Japan" Craze among Central Ministries in Japan. *Hitotsubashi journal of commerce and management*, 2014. — № 48 (1). P. 86.

видами контента, которые высоко ценятся в мире¹⁶. Это свидетельствовало о твёрдой решимости властей содействовать развитию креативных индустрий. В апреле 2004 г. Штаб-квартира ИС разработала документ «Политика продвижения контент-бизнеса: национальная стратегия в эпоху мягкой силы» (яп. *контэнцу бидзинэсу синкō сэйсаку*, 「コンテンツビジネス振興政策 —ソフトパワー時代の国家戦略—」), в котором отмечалось, что индустрия контента должна рассматриваться как основа национальной стратегии из-за размера её рынка, её влияния на экономику и как средство «мягкой силы» Японии: «Контент, такой как кино, музыка, анимэ, видеоигры, заслужив высокой оценки, приобрёл международное признание и мировую популярность, и начинает сильно изменять имидж Японии на COOL JAPAN. [...] Контент-бизнес весьма крупномасштабен и способен оказывать влияние на другие индустрии, что делает его важной отраслью национальной промышленности. Кроме того, контент играет важную роль в улучшении имиджа страны за рубежом (так называемая «мягкая сила») и является важной областью при рассмотрении национальной стратегии»¹⁷. Проблема, указанная в документе, заключалась в том, что японский контент был попу-

¹⁶ Дай хяку го дзю кю коккай ни окэру Коидзуми найкаку сори дайдин дзисси энсэцу (第159回国会における小泉内閣総理大臣施政方針演説 = Выступление премьер-министра Коидзуми на 159-й сессии Парламента) — 2004. [Электронный документ]. — URL: <http://www.kantei.go.jp/jp/koizumispeech/2004/01/19sisei.html>. Проверено: 03.03.2020.

¹⁷ Контэнцу бидзинэсу синкō сэйсаку. Софуту павā дзидай но кокка сэнряку (コンテンツビジネス振興政策 —ソフトパワー時代の国家戦略— = Политика продвижения контент-бизнеса: национальная политика в эпоху мягкой силы). — 2004. [Электронный документ]. — URL: http://www.kantei.go.jp/jp/singi/titekiz/tyousukai/contents/houkoku/0404_09houkoku.pdf. Проверено: 10.03.2020.

лярен, но индустрия не получала достаточного дохода, в отличие от США, которым удавалось получать огромную прибыль от своего контента. Согласно документу, размер японской индустрии контента составлял 2% от ВВП Японии, в то время как в США этот показатель был равен 5%, а средний международный показатель – 3%. Данный документ призывал к тому, чтобы Япония, её дипломатические представительства и такие организации, как JETRO и Японский фонд оказывали помощь в распространении японской культуры за рубежом¹⁸.

В 2004 г. вышел «План продвижения интеллектуальной собственности» (яп. *титэки дзайсан суйсин кэйкаку*, 「知的財産推進計画」), в котором термин «интеллектуальная собственность» охватывал ноу-хау, дизайн, бренды, музыку, фильмы, анимацию, видео игры и т. д.¹⁹. В июне 2004 г. правительство обнародовало «Закон о продвижении создания, защиты и использования контента» (яп. *контэнцу но сōдзō хого оёби кацуё но сокусин ни кансүру хō*, コンテンツの創造、保護及び活用の促進に関する法律), согласно которому термин «контент» относится к кино, музыке, театральным выступлениям, литературным произведениям, фотографии, манга, анимации, видеоиграм и др.²⁰. В законе указывалось, что Штаб-квартира ИС отвечает

¹⁸ Контэнцу бидзунэсу синкō сэйсаку. [Электронный документ]. — URL: http://www.kantei.go.jp/jp/singi/titekiz/tyousakai/contents/houkoku/0404_09houkoku.pdf. Проверено: 10.03.2020.

¹⁹ Титэки дзайсан суйсин кэйкаку (知的財産推進計画 = План продвижения интеллектуальной собственности). — 2004. [Электронный документ]. — URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/singi/titekiz/kettei/040527f.html>. Проверено: 10.03.2020.

²⁰ Контэнцу но сōдзō, хого оёби кацуё но хосин ни кансүру хōрицу (コンテンツの創造、保護及び活用の促進に関する法律 = Закон о продвижении создания, защиты и использования контента). — 2004.

за контроль политики поддержки креативных индустрий. В том же году Штаб-квартира учредила Рабочую группу по японскому бренду для обсуждения интеллектуальных культурных ресурсов, которые не были защищены в качестве интеллектуальной собственности, например, кулинария и мода²¹. В феврале 2005 г. был опубликован доклад «Продвижение стратегии бренда Японии» (яп. *нихон бурандо сэньяку но суйсин*, 「日本ブランド戦略の推進」), в котором уделялось особое внимание необходимости использования «мягкой силы» посредством продвижения моды, культуры питания и региональных продуктов²².

В 2006 г. Абэ Синдзо сменил Коидзуми на посту премьер-министра и председателя партии. В мае 2007 г. Абэ принял концепцию «Ворота в Азию» (яп. *адзиа гэтовэй кōсō*, *アジア・ゲートウェイ構想*) – комплекс мер, необходимых для активного взаимодействия со странами Азии, а также повышения роли и статуса Японии²³. В качестве приложения к документу концепции была разработана «Стратегия развития культурных индустрий Японии» (яп. *нихон бунка*

[Электронный документ]. — URL: <http://www.cas.go.jp/jp/hourei/houritu/kontentu.html>. Проверено: 03.03.2020

²¹ Matsui, T. Nation Branding through Stigmatized Popular Culture... P.87.

²² Нихон бурандо сэньяку но суйсин (日本ブランド戦略の推進 = Продвижение стратегии бренда Японии) — 2005. [Электронный документ]. — URL:

<https://www.kantei.go.jp/jp/singi/titekiz/tyousakai/contents/houkoku/050225hontai.pdf>

.Проверено: 03.03.2020

²³ Дай хяку року дзюго коккай ни окэру Абэ найкаку сори дайджин сёсин хэмэй энсэцу (第165回国会における安倍内閣総理大臣所信表明演説 = Выступление премьер-министра Абэ на 165-й сессии Парламента). — 2006. [Электронный документ]. — URL:

<http://www.kantei.go.jp/jp/abespeech/2006/09/29syosin.html>.

Проверено: 03.03.2020

сангё сэнряку, 「日本文化産業戦略」), в которой утверждалось, что креативные индустрии напрямую связаны с экономическими и дипломатическими интересами Японии²⁴. Согласно стратегии, распространение продукции креативных индустрий в зарубежные страны способствует появлению симпатии к японским ценностям и эстетике, пониманию японской культуры, искусства и традиций, которые легли в основу этих индустрий. Документ указывал на важность креативных индустрий и на необходимость государственной поддержки.

В марте 2009 г. была разработана «Стратегия бренда Японии» (яп. *нихон бурандо сэнряку*, 「日本ブランド戦略」), в которой говорилось о необходимости содействия экспорту и продвижению так называемых «индустрий мягкой силы» (яп. *софуто павā сангё*, ソフトパワー産業), таких как контент (анимэ, манга, кино, сериалы, музыка, игры), кухня, мода, дизайн и др. Данный документ указывает на то, что креативные индустрии рассматриваются правительством как мягкая сила Японии²⁵. С 2010 г. началась работа над стратегией «Cool Japan». В июне 2010 г. была опубликована «Новая стратегии экономического роста» (яп. *син сэйтё сэнряку*, 「新成長戦略」), где «Cool Japan» стал одним из стратегических проектов возрождения Японии. В данном документе ещё раз говорилось о необходимости

²⁴ Нихон бунка сангё сэнряку (日本文化産業戦略 = Стратегия культурных индустрий Японии). — 2007. [Электронный документ]. — URL: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/asia/betten_2.pdf. Проверено: 12.03.2020.

²⁵ Нихон бурандо сэнряку. Софуто павā сангё о сэйтё но гэндорёку (日本ブランド戦略～ソフトパワー産業を成長の原動力に～ = Стратегия бренда Японии: превращение индустрий «мягкой силы» в движущую силу экономического роста) — 2007. [Электронный документ]. — URL: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/titekiz/houkoku/090310_nihonbland.pdf. Проверено: 12.03.202

раскрыть потенциал «Cool Japan» – потенциал креативных индустрий Японии²⁶.

17 марта 2011 г. Штаб-квартира ИС опубликовала «План действий по продвижению Cool Japan» (яп. *курудзяпан сусин ни кансүру акүсён пуран*, 「クールジャパン推進に関するアクションプラン」). В нём были представлены конкретные меры, которые должны были быть реализованы соответствующими министерствами и ведомствами, ответственными за «Cool Japan», а также обозначены две основные цели «Cool Japan»: с одной стороны, стимулирование японской экономики за счёт распространения продукции, соответствующей определению «Cool Japan», а с другой стороны, улучшение имиджа и, таким образом, утверждение «мягкой силы» Японии на международной арене. В соответствии с данным документом, в понятие «Cool Japan» входила такая японская продукция, как видеоигры, манга, анимэ и другие виды контента, мода, региональные продукты, культура питания, традиционная культура, дизайн, а также роботы и другая высокотехнологичная продукция²⁷. В сентябре 2011 г. была утверждена унифицированная эмблема с надписью «Japan. Cool Japan», созданная Секретариатом Кабинета министров.

В декабре 2012 г. при правительстве Абэ был учрежден пост министра, ответственного за стратегию «Cool Japan» (яп. *курудзяпан сэнряку тантō дайdzин*, *クールジャパン戦*

²⁶ Син сэйтэ сэнряку (新成長戦略 = Новая стратегия экономического роста). 2010. [Электронный документ]. URL <https://www.kantei.go.jp/jp/sinseichousenryaku/sinseichou01.pdf> Проверено: 12.03.2020.

²⁷ Курү дзяпан суйсин ни кансүру акүсён пуран (クールジャパン推進に関するアクションプラン = План действий по продвижению Cool Japan). — 2011. [Электронный документ]. — URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/singi/titekiz/kettei/cjap.pdf>. Проверено: 12.03.2020.

略担当大臣)²⁸. В настоящее время Штаб-квартира ИС и Управление по продвижению стратегии интеллектуальной собственности (яп. *титэки дзайсан сэнряку суйсин дзиму кёку*, 知的財産戦略推進事務局) Кабинета министров отвечают за руководство, координацию и регулирование программы «Cool Japan», осуществляемой соответствующими министерствами для продвижения креативных индустрий и увеличения «мягкой силы» Японии. Штаб-квартира действует как посредник между министерствами по вопросам реализации программы. Кабинет министров отвечает за направление средств каждому министерству или агентству, анализирует отчёты и политику министерств и ведомств, а также может дать рекомендации по изменению политики²⁹.

Министерство экономики, торговли и промышленности: индустриальная политика «Cool Japan». Основная цель Министерства экономики, торговли и промышленности (МЭТП) – это увеличение роста ВВП Японии. В контексте креативных индустрий МЭТП изначально сфокусировался на экспорте японского контента. В 2001 г. в Управлении торговой информационной политики (яп. *сёму дзёхё сэйсаку кёку*, 商務情報政策局) МЭТП был учрежден Отдел медиа и контента (яп. *мэдиа контэнцу ка, メディア・コンテンツ課*), который впоследствии был переименован в Отдел индустрии контента (яп. *контэнцу сангё ка, コンテンツ産業課*). Отдел сосредоточил свою деятельность на расширении рынка японской индустрии контента за счёт

²⁸ Күру дзэпан сэнряку ницуитэ (クールジャパン戦略について = О стратегии Cool Japan). — 2019. [Электронный документ]. — URL: https://www.cao.go.jp/cool_japan/about/pdf/cj_initiative.pdf. Проверено: 12.03.2020

²⁹ Garvizu, N. Cool Japan: the relationship between the state and the cultural industries. P. 206.

экспорта и создания новых рабочих мест на внутреннем рынке труда³⁰. Целью этого отдела стало развитие и укрепление индустрии контента в Японии. Так, например, с 2007 г., МЭТП стал оказывать поддержку крупномасштабному Японскому международному фестивалю контента (яп. *дзяпан кокусай контэнцу фэсутибару*, JAPAN 国際コンテンツフェスティバル), который сейчас больше известен как «CoFesta»³¹.

В июле 2003 г. Отдел индустрии контента МЭТП создал Исследовательскую группу по международной стратегии индустрии контента (яп. *контэнцу сангё кокусай сэнрюку кэнкё кай*, コンテンツ産業国際戦略研究会). Уже тогда предполагалось, что индустрия контента может стать одной из новых ведущих индустрией для оживления экономики Японии и внесения вклада в повышение ценности национального бренда как в экономическом, так и в культурном аспектах. Мацуи Такаси предполагает, что тогда впервые в документах МЭТП появился термин «Cool Japan»³². Теоретической базой, подтверждающей уместность употребления термина «Cool Japan» стали статья Дугласа МакГрея «Japan's Gross National Cool», теория Ная о «мягкой силе» государства и работа Ван Хэма «Rise of Brand State». В своей работе Ван Хэм писал, что «бренд государства» включает в себя представление внешнего мира о конкретной стране, а также утверждал, что в современном мире произошел сдвиг в политической парадигме от современного мира геополитики и власти к постмодернистскому миру имиджа, и поэтому влиятельные государства строят свои бренды на основе репутации и отношений так же, как это делают известные компании³³.

³⁰ Matsui, T. Nation Branding through Stigmatized Popular Culture... P.87.

³¹ Ibid..

³² Ibid. P. 88.

³³ Matsui, T. Nation Branding through Stigmatized Popular Culture... P.88.

В июне 2010 г. МЭТП опубликовало «Перспективы индустриальной структуры 2010» (яп. сангё кōдзō бидзён, 「産業構造ビジョン 2010」), в котором предлагалось сосредоточиться на усилении пяти стратегических отраслей экономики, включая креативные индустрии³⁴. В данном документе констатировалось, что экономика Японии находится в весьма плачевном состоянии: с 2000 по 2008 гг. ВВП на душу населения упал с 3-го до 23-го места мирового рейтинга. Помимо этого, Япония столкнулась с проблемой быстрого старения и сокращения населения, что влекло за собой снижение внутреннего спроса³⁵. Также, отчёт предлагал уменьшить зависимость Японии от автомобильной промышленности, поставив в приоритет рост пяти стратегических отраслей, указанных в документе. МЭТП предполагал, что благодаря популярности японского контента, моды, дизайна, продуктов питания и т.д. иностранцы захотят не только приобрести товары японского производства, но и посетить саму Японию, что способствовало бы развитию индустрии туризма и стимулировало внутренний спрос³⁶.

В июне 2010 г. в Управлении торговой информационной политики МЭТП был учреждён Кабинет Cool Japan (яп.

³⁴ Сангё кōдзō бидзён 2010. Косси (産業構造ビジョン 2010 骨子 = Перспективы индустриальной структуры 2010. Суть). 2010. [Электронный документ]. URL: <https://www.meti.go.jp/committee/summary/0004660/vision2010gist.pdf>. Проверено: 12.03.2020.

³⁵ Сангё кōдзō бидзён 2010 (産業構造ビジョン 2010 = Перспективы индустриальной структуры 2010). 2010. С. 3–5. [Электронный документ]. URL: <https://www.meti.go.jp/committee/summary/0004660/index.html>. Проверено: 12.03.2020.

³⁶ Сангё кōдзō бидзён 2010 (産業構造ビジョン 2010 = Перспективы индустриальной структуры 2010). — 2010. С. 12. [Электронный документ]. — URL: <https://www.meti.go.jp/committee/summary/0004660/index.html>. Проверено: 12.03.2020.

кӯру дзяпан сицу, Кӯрул-Джяпан-сима)³⁷. Началась разработка политики «Cool Japan». 1 июля 2011 г. Кабинет Cool Japan был реорганизован в Отдел креативных индустрий, который в июне 2017 г. был переименован в Отдел политики Cool Japan³⁸. Вместе с открытием в 2011 г. Отдела креативных индустрий были чётко обозначены девять «креативных индустрий Японии»: мода, еда, контент, региональные продукты, стиль жизни, туризм, реклама, искусство и дизайн³⁹. Эти креативные индустрии должны были стать «драйвером экономического роста и создания рабочих мест»⁴⁰. Лозунг «Cool Japan» заинтересовал политиков с обеих сторон: правящую Демократическую партию Японии и её основную оппозицию – Либерально-демократическую партию⁴¹. Программа «Cool Japan» была одобрена и МЭТП активно принялся за её реализацию.

В настоящее время МЭТП в основном занимается поддержкой экспорта товаров и услуг креативных индустрий, взаимодействует с другими министерствами, агентствами

³⁷ Кӯру дзяпан сицу но сэтти ницуитэ (Кӯрул-Джяпан-симаの設置について = Об учреждении Кабинета Cool Japan). 2010. [Электронный документ]. URL:

<http://warp.da.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/8422823/www.meti.go.jp/press/20100608001/20100608001.pdf>. Проверено: 10.03.2020.

³⁸ Кӯру дзяпан сэйсаку ницуитэ (Кӯрул-Джяпан-сима政策について = О политике Cool Japan). — 2018. [Электронный документ]. — URL: https://www.meti.go.jp/policy/mono_info_service/mono/creative/file/181101CooljapanseisakuNov.pdf. Проверено: 12.03.2020.

³⁹ Куриэйтибу сангё но дзиттай то кадай ни кансүру тёса (クリエイティブ産業の実態と課題に関する調査 = Исследование действительного положения и задач креативных индустрий). — 2017. С. 2. [Электронный документ]. URL: <https://www.sangyo-rodo.metro.tokyo.jp/toukei/pdf/monthly/creative2014.pdf>. Проверено: 10.03.2020.

⁴⁰ Craig T. Cool Japan: Case Studies from Japan's Cultural and Creative Industries. BlueSky Publishing, 2017. P. 15.

⁴¹ Garvizu N. Cool Japan: the relationship between the state and the cultural industries. P. 216.

и организациями (JETRO, Фонд Cool Japan, VIPO и др.), вовлечёнными в программу, а также имеет контакты с креативными индустриями⁴². С 2011 г., помимо Отдела индустрии контента, индустриями контента также занимается Отдел политики Cool Japan. Отличие между этими отделами заключается в том, что Отдел индустрии контента занимается фильмами, видеоиграми, телешоу, музыкой, анимэ и манга и больше ориентирован на внутренние вопросы, а Отдел политики Cool Japan – всеми креативными индустриями и больше ориентирован на зарубежные рынки. Однако, несмотря на то, что Отдел индустрии контента больше ориентирован на внутренний рынок, он контролирует проект J-LOD⁴³, которым занимается Организация по развитию визуальной индустрии (яп. *эйдзō сангэ синкō кикō*, 映像産業振興機構; сокр. от англ. VIPO) в рамках программы «Cool Japan», в то время как Отдел креативных индустрий контролирует Фонд Cool Japan⁴⁴.

В рамках программы «Cool Japan» МЭТП оказывает финансовую и другую поддержку креативным индустриям. Существует две формы финансовой поддержки. Первая – субсидирование ориентированных на зарубежный рынок бизнес-проектов, выбор которых происходит на конкурсной основе: инициаторы проекта, в основном владельцы

⁴² Күру дзяпан сэнряку ницуитэ. [Электронный документ]. — URL: https://www.cao.go.jp/cool_japan/about/pdf/cj_initiative.pdf. Проверено: 12.03.2020; Garvizu, N. Cool Japan: the relationship between the state and the cultural industries. P. 202.

⁴³Проект J-LOD (Japan content Localization and Distribution) предполагает выделение субсидий компаниям на локализацию и дистрибуцию японского контента. МЭТП, надеется, что локализация и экспорт контента повысит присутствие японской популярной культуры на зарубежных рынках, положительно скажется на других отраслях экономики и увеличит число туристов, приезжающих в Японию.

⁴⁴ Garvizu, N. Cool Japan: the relationship between the state and the cultural industries. P. 215.

малого и среднего бизнеса, должны оформить заявку, представив свой бизнес-план на рассмотрение в правительство в определённый срок. В год правительство отбирает примерно 10–15 проектов, которым выделяются средства на осуществление их бизнес-идеи. МЭТП выделяет субсидии в размере нескольких десятков миллионов иен на различные проекты креативных индустрий в качестве тестового маркетинга, собирая таким образом данные о зарубежных рынках для будущей экспансии японских компаний, особенно малого и среднего бизнеса⁴⁵. Это является попыткой найти успешную бизнес-модель для экспорта креативных товаров и услуг. Вторая форма финансовой поддержки – частно-государственный Фонд Cool Japan, предоставляющий инвестиции (рискованный капитал) креативным индустриям на осуществление их бизнес-проекта (как правило, ориентированного на зарубежный рынок)⁴⁶. К не финансовым формам поддержки относятся такие полномочия государства, как регулирование законов и налоговой системы, торговые переговоры и матчинг⁴⁷.

Министерство иностранных дел: поп-культурная дипломатия. В 2003 г. концепция «Cool Japan» стала частью культурной дипломатии Министерства иностранных дел. Исследовательское общество международных обменов, организованное Японским фондом, подготовило доклад под названием «Дипломатия в новую эру и новая роль международных обменов» (яп. *аратана дзидай но гайкō то кокусай кōрю но аратана якувари*, 「新たな時代の外交と国

⁴⁵ Михара, Р. Күру дзяпан ва надзэ кираварэру но ка: «нэkkē» то «рэйсē» о коэтэ (クーリジャパンはなぜ嫌われるのか — 「熱狂」と「冷笑」を超えて — = Почему Cool Japan не популярна? За пределами энтузиазма и насмешек). — Токио: Тюокорон Синся, 2014. С. 196.

⁴⁶ Там же. С. 198.

⁴⁷ Там же. С. 199–200.

際交流の新たな役割」)⁴⁸. Доклад стал одним из первых официальных документов, содержащих ссылку на статью МакГрэя. В докладе утверждалось, что национальный имидж Японии жизненно важен для экономики и что существует необходимость создания и продвижения нового национального имиджа, используя все потенциальные ресурсы Японии. Решение, предложенное в докладе, заключалось в использовании культурной продукции «Cool Japan», в частности в распространении такой современной японской культуры, как манга, анимэ, мода, игры, телевизионные драмы, поп-музыка и другое⁴⁹.

Продвижение «Cool Japan» со стороны МИД стало особенно заметно с назначением Асо Таро министром иностранных дел в октябре 2005 г. 28 апреля 2006 г. он выступил с речью «Новый взгляд на культурную дипломатию» (яп. *бунка гайкō но син хассō*, 「文化外交の新発想」) в частном университете Digital Hollywood University (яп. *дидзитару хариуддо дайгаку*, デジタルハリウッド大学)⁵⁰. Асо выступил за использование поп-культуры в культурной дипломатии Японии: «Я думаю, мы можем с уверенностью сказать, что любой вид культурной дипломатии, который не использует преимущества поп-культуры, не заслуживает того, чтобы называться культурной дипломатией»⁵¹. Призывая японских деятелей культуры помогать правительству в

⁴⁸ Аратана дзидай но гайкō то кокусай кōрō но аратана якувари (新たな時代の外交と国際交流の新たな役割 = Дипломатия в новую эру и новая роль международных обменов). 2003. [Электронный документ]. URL: <https://www.jpfa.go.jp/j/about/survey/kkk/all.pdf>. Проверено: 12.03.2020.

⁴⁹ Matsui, T. Nation Branding through Stigmatized Popular Culture... P.89.

⁵⁰ Matsui, T. Nation Branding through Stigmatized Popular Culture... P.89

⁵¹ Асо, Т. Бунка гайкō но син хассō (文化外交の新発想 = Новый взгляд на культурную дипломатию). [Электронный документ]. — URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/enzetsu/18/easo_0428.html#05. Проверено: 02.03.2020.

улучшении мягкой силы Японии, он заявил, что чем больше иностранцев имеют положительный имидж Японии, «тем легче Японии будет донести свои взгляды в долгосрочной перспективе. Другими словами, тогда японская дипломатия может шаг за шагом продвигаться вперед и в результате добиваться лучших и лучших результатов». В этом смысле японское правительство надеялось использовать японскую поп-культуру для продвижения своих национальных интересов. Асо считал, что поп-культура является мощным инструментом японской дипломатии. Личный интерес этого политика стал катализатором для МИД, чтобы начать «поп-культурную дипломатию». Под его руководством МИД начал полагаться на поп-культуру в дополнение к традиционной японской культуре и искусству в качестве инструмента культурной дипломатии⁵².

Одним из первых мероприятий, связанных с японской поп-культурой, которым МИД начал оказывать поддержку, стал Всемирный саммит косплея (яп. *сэкай косупурэ самитто*, 世界コスプレサミット) – ежегодный международный конкурс косплея, учрежденный в 2003 г.⁵³. В 2007 г., по предложению Асо Таро, в целях поощрения зарубежных авторов, вносящих вклад в деятельность по распространению культуры манга за рубежом, была учреждена «Международная премия манга» (яп. *кокусай манга сё*, 国際漫画賞)⁵⁴. Затем, в марте 2008 г. МИД назначил Дораэмона (яп. *Драэмон*), персонажа манга и анимэ, на должность «посла культуры анимэ» (яп. *анимэ бунка тайси*, アニメ文化大使)⁵⁵, а в феврале 2009 г. трёх молодых девушек на должности «послов каваи» (яп. *каваи тайси*, カワイイ大使).

⁵² Garvizu N. Cool Japan: the relationship between the state and the cultural industries. P. 247.

⁵³ Matsui, T. Nation Branding through Stigmatized Popular Culture... P.89.

⁵⁴ Ibid.. P. 90.

⁵⁵ Ibid.

Каждая девушка представляла один из стилей японской моды: Аоки Мисако – стиль «Лолита», Кимура Ю – стиль «Харадзюку», а Фудзюока Сидзюка – стиль японских школьниц. Их миссия как послов заключается в том, чтобы «донести новые тенденции японской поп-культуры в области моды до остального мира и содействовать пониманию Японии путём участия в культурных проектах, проводимых посольствами Японии и Японским фондом»⁵⁶.

Так, помимо традиционной культуры, МИД стал использовать поп-культуру в качестве одного из средств культурной дипломатии, и на сайте министерства даже появился раздел про «поп-культурную дипломатию» (яп. *поппу карутя гайкō*, ポップカルチャー外交). В настоящее время Департамент публичной дипломатии МИД отвечает за продвижение традиционной и современной культуры Японии, а также за распространение японского языка за рубежом при поддержке Японского фонда. МИД предоставляет информацию о Японии через свои посольства и консульства, а также через Japan House. Japan House («Дом Японии») – новый «государственный коммуникационный канал трансляции японских культурных ценностей»⁵⁷, который был открыт в рамках программы «Cool Japan» в 2017 г. в Лондоне, Лос-Анджелесе и Сан-Паулу⁵⁸. Посредством распространения японской культуры МИД надеется повысить интерес иностранцев к Японии.

⁵⁶ Поппу карутя хассин си (ポップカルチャー発信使 = Послы поп-культуры). — 2009. [Электронный документ]. — URL: <https://www.mofa.go.jp/ICSFiles/afieldfile/2009/02/26/Go242.pdf>. Проверено: 02.03.2020.

⁵⁷ Крячкина, Ю. А. «Мягкая сила» во внешней политике Японии... С. 99.

⁵⁸ Diplomatic Bluebook. — 2019. P. 291–293. [Электронный документ]. — URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000527162.pdf>. Проверено: 05.03.2020.

Программа «Cool Japan»: цели и задачи. В настоящее время программа «Cool Japan» является важной национальной брендинговой стратегией Японии, которая имеет две основные цели: первостепенную — экономическую и второстепенную – политическую (дипломатическую)⁵⁹. С одной стороны, программа нацелена на стимулирование экономики Японии за счёт превращения креативных отраслей в катализатор экономического роста на фоне застоя экономики Японии, «частичной утраты международной конкурентоспособности традиционными экспортными отраслями»⁶⁰ и сокращения внутреннего спроса ввиду быстрого старения населения и низкой рождаемости⁶¹. Продвижение креативных индустрий должно способствовать расширению экспортных возможностей страны, созданию новых рабочих мест, а также притоку туристов в Японию, оживлению внутреннего спроса и развитию регионов. С другой стороны, программа направлена на улучшение имиджа и утверждение «мягкой силы» Японии на международной арене посредством укрепления национального бренда страны и продвижении его за рубежом⁶². Таким образом, в первом случае, программа представляет собой индустриальную политику для креативных индустрий, а во втором – инструмент современной культурной дипломатии. Меры, осуществляемые в рамках программы «Cool Japan», также можно назвать и культурным маркетингом,

⁵⁹ Михара Р. Ку:ру дзяпан ва надзэ кираварэру но ка... С. 203-207.

⁶⁰ Тимонина, И. Л. Креативность как экономический ресурс: опыт Японии. С. 109.

⁶¹ Craig T. Cool Japan: Case Studies from Japan's Cultural and Creative Industries. — BlueSky Publishing, 2017. P. 15.

⁶² Күру дзяпан суйсин ни кансүру акусён пуран (クールジャパン推進に関するアクションプラン = План действий по продвижению Cool Japan). — 2011. [Электронный документ]. — URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/singi/titekiz/kettei/cjap.pdf>. Проверено: 12.03.2020.

который «напрямую связывает расходы на имидж страны и доходы от туризма, брендинг регионов и интерес инвесторов, стимулирование местного бизнеса, в частности МСП, и рост креативного сектора в экономике»⁶³. Для достижения целей программы «Cool Japan» правительством Японии были определены три следующие задачи: первая – создание японского бума за рубежом посредством эффективного распространения информации о Японии; вторая – приобретение прибыли за рубежом посредством осуществления зарубежной экспансии (экспорт креативных товаров и услуг и открытие креативного бизнеса за рубежом); третья – активизация внутреннего потребления посредством развития туризма в Японию⁶⁴.

Продукты потребительской культуры такие, как манга, анимэ, кино, музыка, мода, кухня и т.д. способны создать цепную реакцию и превратить представителей других стран в «добровольных промоутеров»⁶⁵. В результате увеличения информации о Японии и распространения продуктов «Cool Japan» за рубежом МЭТП надеется, что иностранные потребители этой продукции посетят Японию, что будет способствовать развитию индустрии туризма. В частности, среди фанатов японского контента приобретает популярность контент-туризм (яп. *контэнцу цуридзуму*, *コンテンツツーリズム*) – туристическое пове-

⁶³ Цит. по: Стоногина, Ю.Б. Бусидо 5.0. Бизнес-коммуникации в Японии. — М.: ВКН, 2017. С. 121.

⁶⁴ Күру дзяпан сэйсаку ницуитэ (クールジャパン政策について = О политике Cool Japan). — 2018. [Электронный документ]. — URL: https://www.meti.go.jp/policy/mono_info_service/mono/creative/file/1811_01CooljapaneseisakuNov.pdf. Проверено: 12.03.2020; Ку:ру дзяпан сэнряку ницуитэ (クールジャパン戦略について = О стратегии Cool Japan). — 2019. [Электронный документ]. — URL: https://www.cao.go.jp/cool_japan/about/pdf/cj_initiative.pdf. Проверено: 12.03.2020.

⁶⁵ Стоногина, Ю. Б. Бусидо 5.0. Бизнес-коммуникации в Японии. С. 121.

дение, полностью или частично мотивированное повествованиями, персонажами, местами и другими творческими элементами популярных форм культуры, включая кино, телевизионные драмы, манга, анимэ, романы и компьютерные игры⁶⁶. Кроме того, увлечение молодежи поп-культурой может перерасти как в желание просто посетить Японию в качестве туристов, так и в желание учиться или работать в Японии. Таким образом, программа предполагает не только создание сообщества фанатов японской культуры за рубежом, но и превращение их в потребителей японской продукции, а также в туристов, посещающих Японию.

Выводы

Основной проблемой креативных индустрий было и остаётся отсутствие связи между популярностью японской продукции за рубежом и реальной прибылью от неё. Таким культурным продуктам, как, например, анимэ, манга, J-Rock, J-Pop, удалось завоевать мировую популярность благодаря быстрому распространению пиратской продукции, однако сами производители, то есть креативные индустрии не получали той прибыли, которую они могли бы действительно получить⁶⁷. Понимание необходимости решения данной проблемы также стало одной из основных причин начала разработки государственной программы «Cool Japan». Меры, осуществляемые в рамках данной программы, должны способствовать оживлению экономического роста и укреплению национального бренда посредством зарубежной экспансии японской культуры, японского языка и японских креативных товаров и услуг, а также посредством въездного туризма. Проекты, реализуемые в

⁶⁶ Seaton, P. Contents Tourism in Japan: Pilgrimages to “Sacred Sites” of Popular Culture / Philip Seaton, Takayoshi Yamamura, Akiko Sugawa-Shimada, Kyungjae Jang. NY: Cambria Press, 2017. P. 3.

⁶⁷ Михара Р. Ку:ру дзяпан ва надзэ кираварэру но ка... С. 208–209.

рамках программы «Cool Japan», должны решить, с одной стороны, такие общие проблемы японской экономики, как сокращение внутреннего спроса из-за быстрого старения населения и низкой рождаемости, а с другой стороны, проблему, с которой столкнулись креативные индустрии, – отсутствие связи между популярностью и реальной прибылью из-за распространения пиратской и имитационной продукции. Концепция «Cool Japan» прошла долгий путь от статьи «Japan's Gross National Cool» до того времени, когда термин «Cool Japan» стал синонимом к японской культуре и креативным индустриям, которыми восхищаются иностранцы. Программа «Cool Japan», разработанная правительством Японии, представляет собой комплексную политику государства и является уникальным примером соединения культурной дипломатии и индустриальной политики для креативных индустрий.

Социально-демографические последствия старения населения в Японии

Со второй половины XX в. в большинстве развитых стран начала определяться проблема значительного роста доли пожилых в структуре численности населения, и Япония стала флагманом эшелона стран, идущего прямым курсом в «стареющее» общество. Снижающаяся рождаемость и растущая продолжительность жизни способствовали тому, что доля пожилого населения в возрастной структуре японского населения к началу 2019 г. составила 28,4% при том, что у следующей за ней Италии аналогичный показатель равен 23%.

История демографического старения Японии. В 1950 г., спустя несколько лет после окончания Второй мировой войны, ожидаемая продолжительность жизни японских мужчин и женщин составляла всего 58 и 61,5 лет соответственно. Однако быстрый экономический рост и связанное с ним развитие системы здравоохранения способствовали неуклонному повышению качества жизни, и уже рожденные в 2000 г. японские мальчики и девочки по прогнозам могли дожить до 77 и 84,5 лет соответственно. Рожденные же в 2018 г. в среднем должны доживать до 81,3 (мальчики) и до 87,3 (девочки) лет [1]. Следствием роста ожидаемой продолжительности жизни стало увеличение численности людей старших возрастных групп как в абсолютном, так и в относительном измерении (см. рис.1). Количество долгожителей, перешагнувших столетний рубеж, в настоящее время составляет 69 тыс. человек, в то время как в 2000 г. их было 13 тыс. человек. При этом стоит учесть, что в 1963 г. (год, с которого ведется официальный статистический учет населения возрастной группы 100+) таких долгожителей насчитывалось всего 153 человека на всю страну.

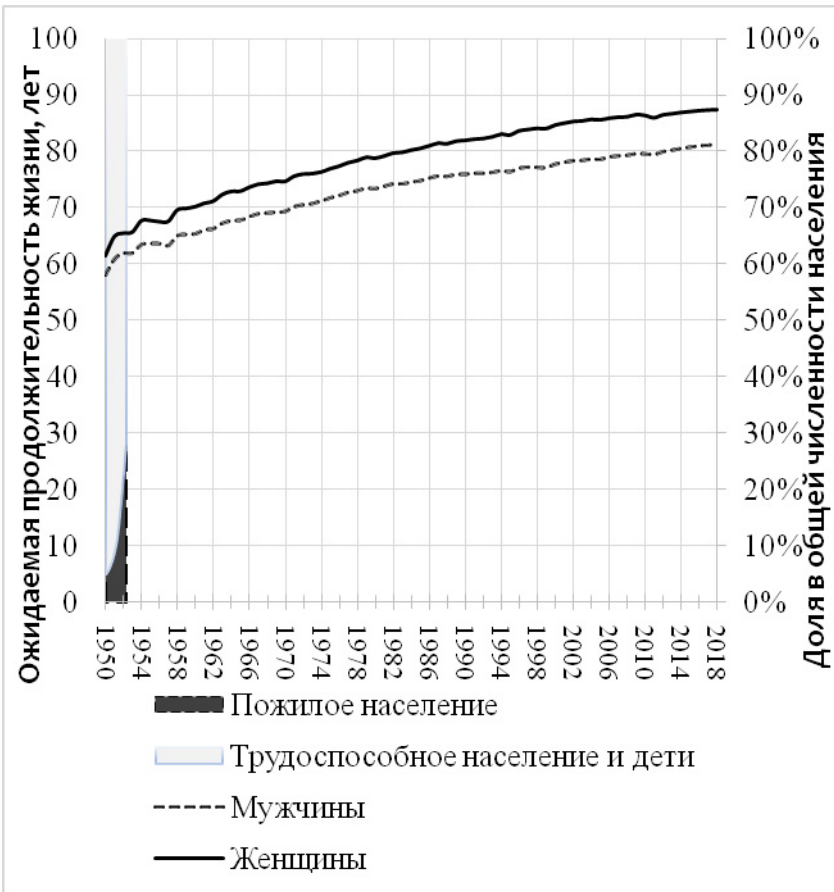

Рис.1. Динамика ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин (левая шкала) и доли пожилого населения в общей численности населения Японии (правая шкала) в 1950-2018 гг.
 Источник: составлено автором по [1,3].

Население страны стабильно росло с окончания войны, постепенно замедляя свой рост, и к 2007 г. достигло максимальной отметки в 128 млн человек (см. рис.2). Начиная с этого момента идет убыль населения, которое на июль 2020 г. оценивалось уже в 125,9 млн. человек. Убыль

началась из-за превышения смертности над рождаемостью. Однако это превышение не было неожиданным. Практически одновременно во второй половине 1970-х гг. начались два процесса – рост смертности и падение рождаемости, – усиленные в том числе демографическим эхом Второй мировой войны.

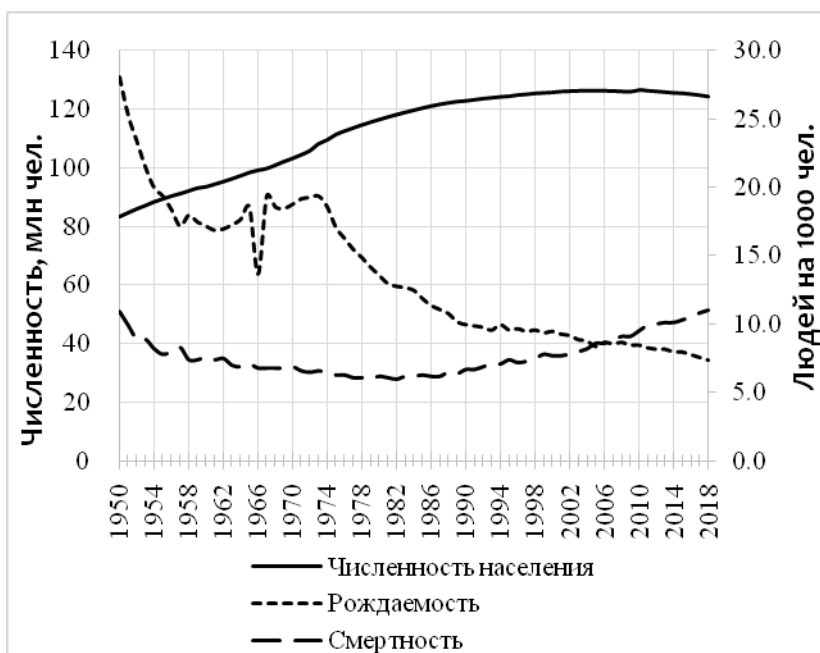

Рис.2. Динамика общей численности населения Японии (левая шкала), рождаемости и смертности (правая шкала) в 1950-2018 гг. ПРИМЕЧАНИЕ: 1966г. – «год Огненной Лошади». Рожденные в этот год девочки считались импульсивными, что могло привести к проблемам в браке. Источник: составлено автором по [8].

В 1980 г. коэффициенты рождаемости и смертности в стране равнялись 13,6‰ и 6,2‰, в 2005 г. (первый год послевоенной истории, когда смертность превысила рождаемость) они составляли уже 8,4‰ и 8,6‰, а в 2018 г. – 7,4‰ и

11% соответственно. Наметившаяся тенденция дальнейшего роста разрыва между ними может привести к усилению убыли населения и сильнейшей депопуляции.

Демографическая пирамида Японии. Современная половозрастная структура Японии выглядит следующим образом (см. рис.3). В структуре населения отчётливо выделяются два «бэби-бума» – конца 1940-х (послевоенный) и начала 1970-х гг. (первое демографическое эхо). Основная часть населения располагается как раз между двумя этими бумами.

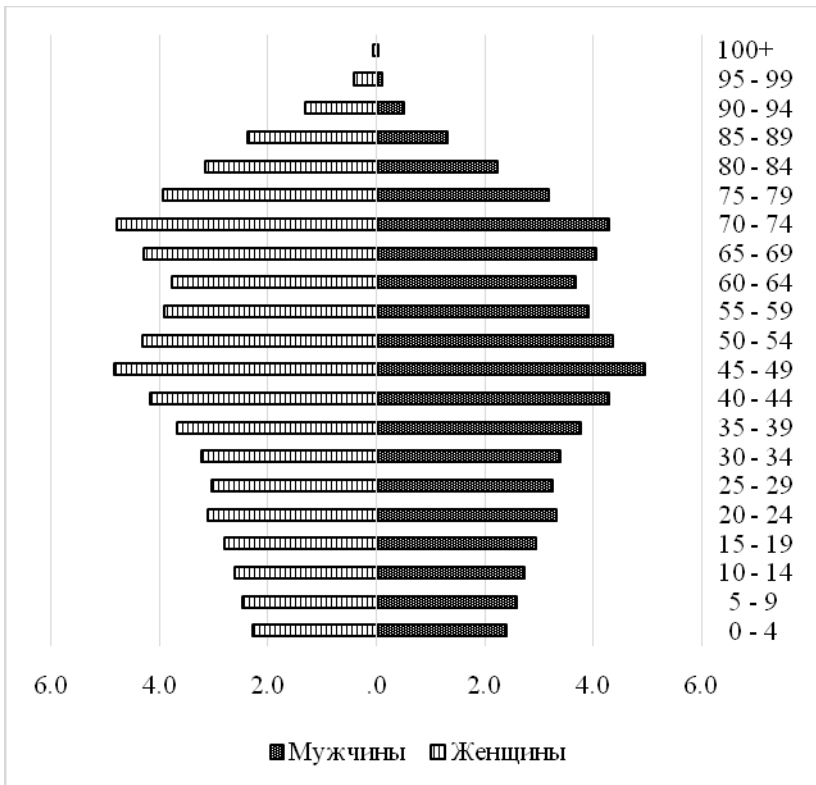

Рис.3. Половозрастная структура населения Японии на 01.07.2020 г., в млн чел. Источник: составлено автором по [4].

Обращает на себя внимание нижняя часть пирамиды, демонстрирующая не просто низкий, а постоянно снижающийся уровень рождаемости: это подтверждает тот факт, что детей в более высоких «пятилетних» категориях больше, чем в минимальном возрасте (0-4 лет). Связано это с резким снижением общего коэффициента фертильности, который в 1950 г. в среднем составлял 3,65 рождений на одну женщину репродуктивного возраста (15-49 лет), а в 2018 г. всего 1,42. Поэтому можно наблюдать «перевернутую» демографическую пирамиду в нижней части графика, которая будет подниматься со временем. Такая ситуация чревата тем, что с каждым годом будет становиться всё меньше женщин детородного возраста, что в свою очередь снижает потенциальную рождаемость. Ухудшает данную ситуацию и то, что медианный возраст рождения первого ребенка у женщин вырос с 28,7 лет в 1950 г. до 32 лет в 2018 г. Затягивание с материнством ведет к снижению рождаемости.

Депопуляцию населения, обусловленную вышеизложенными причинами, мог бы частично скорректировать механический прирост, но на данный момент он слишком мал, чтобы компенсировать существующую естественную убыль. До недавнего времени он и вовсе был практически постоянно отрицательным, и только с 2013 г. в связи с обновлением миграционной политики стал положительным, достигнув максимального значения в 161 тыс. чел. в 2018 г. Тем не менее этого недостаточно, поскольку естественная убыль населения более чем в два раза выше (в 2018 г. она равнялась 424 тыс. чел.).

Пространственные особенности демографического старения в Японии. В целом японское общество стареет плавно, без резких скачков и без замедления темпов, но отдельные префектуры демонстрируют в этом плане иную

картину. Самыми «молодыми» префектурами на конец 2018 г. являлись Окинава и Токио с долей населения старше 65 лет 21,6% и 23,1% соответственно [3]. В Окинаве доля лиц трудоспособного возраста (61,4%) и рождаемость (10,4‰) выше, чем в среднем по стране (59,7% и 7,4‰ соответственно). Более того, экономика Окинавы ориентирована на туризм, что требует работников обслуживающей отрасли, которые являются молодыми людьми. В Токио наблюдается аналогичная ситуация, однако здесь доля работоспособного населения ещё выше (65,7%). Являясь мощным экономическим центром, Токио стягивает молодых работников из других префектур и таким образом «омолаживается».

Регионы с наиболее высокой долей пожилого населения расположены вдали от основной экономической жизни страны, развитой транспортной сети. Это такие префектуры, как, например, Акита (первое место по доле пожилого населения среди всех префектур), Коти и Ямагути с показателями 37,2%, 35,2% и 34,3% соответственно. Акита в целом является примером того, что происходит с префектурой при первичном секторе экономики, миграционном оттоке населения в другие префектуры и демографическом старении. Особенно активно её покидают молодые люди, которые стремятся за получением образования, рабочего места и возможностью карьерного роста.

Как видно из графика (см. рис.4), в префектуре Акита население гораздо «старее», чем в среднем по Японии. Доля каждой из возрастных групп, начиная с группы 55-59 лет, в структуре населения префектуры Акита выше, чем в структуре населения Японии, в то время как Япония превосходит Акиту по доле «рабочего» и детского населения, особенно по доле молодёжи 20-24 и 25-29 лет. При этом если сместить японскую пирамиду вверх на 20-25 лет, то её очертания повторят очертания пирамиды Акиты.

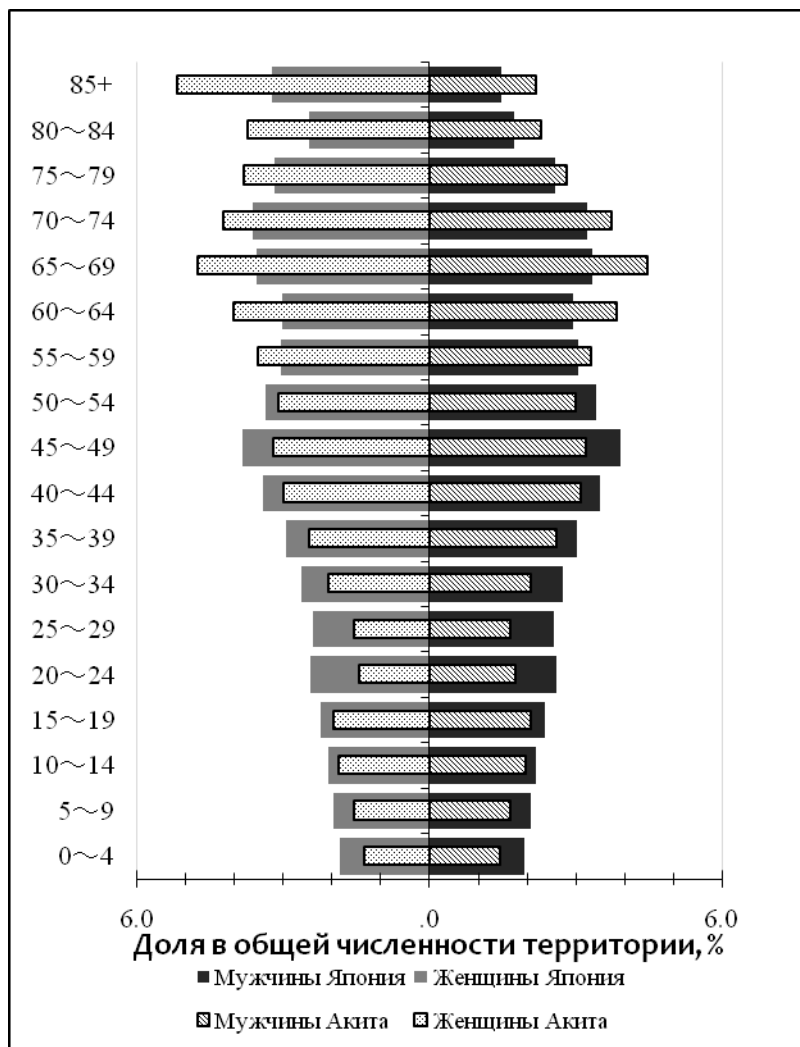

Рис.4. Сравнение формы половозрастной пирамиды префектуры Акита с половозрастной пирамидой Японии, 2019 г. Источник: составлено автором по [2,4].

Структура старшей возрастной группы населения Японии. Изменения происходят и в самой группе пожилого

населения. Заметна тенденция на всё большее «старение», которая проявляется в увеличении численности населения в самых высоких возрастах. Так в 2000 г. среди людей старше 65 лет 59,1% занимала группа 65-74 лет, 30,7% группа 75-84 лет и 10,2% группа лиц 85 лет и старше. Но уже в 2018 г. у групп 65-74, 75-84 и 85+ доли стали равны 49,5%, 34,5% и 16% соответственно.

Другим процессом является всё большее гендерное неравенство в структуре населения. Если в детском возрасте и среди молодежи количество девочек и мальчиков примерно одинаково, то у старшей половины трудоспособного населения число женщин уже превышает число мужчин. А после преодоления отметки в 65 лет разрыв и вовсе начинает возрастать с увеличением возраста. Высокая продолжительность жизни у женщин привела к тому, что в 2019 г. 31% всех лиц женского пола находилось за границей 65 лет (каждая третья), в то время как среди мужчин доля преодолевших этот возраст была 25% (каждый четвертый).

Медицинские последствия демографического старения. Снижение рождаемости способствует возрастанию влияния на структуру общества и наэкономику со стороны людей старше 65 лет – установленной ООН границы, с которой человек относится к старшей возрастной группе. Увеличение числа японцев старше 65 лет прямо пропорционально способствует и увеличению числа умерших в данной возрастной категории. Это привело к тому, что на 2019 г. 90% смертей приходилось на людей старше 65 лет, при этом на возрастную группу 90+ лет пришлось 26% всех смертей. Логично, что и в общей структуре смертности населения по причинам растёт количество случаев смерти от болезней, характерных для высоковозрастных лиц (см. Табл.1).

Таблица 1. ТОП-5 причин смертей по их количеству на 100 000 человек в 1960-2018 гг.

год	I место	II место	III место	IV место	V место
1960	Болезни системы кровообращения	ЗНО*	Болезни сердца	Старческая деменция	Пневмония
1970	Болезни системы кровообращения	ЗНО	Болезни сердца	Происшествия	Старческая деменция
1980	Болезни системы кровообращения	ЗНО	Болезни сердца	Пневмония	Старческая деменция
1990	ЗНО	Болезни сердца	Болезни системы кровообращения	Пневмония	Происшествия
2000	ЗНО	Болезни сердца	Болезни системы кровообращения	Пневмония	Происшествия
2010	ЗНО	Болезни сердца	Болезни системы кровообращения	Пневмония	Старческая деменция
2018	ЗНО	Болезни сердца	Старческая деменция	Болезни системы кровообращения	Пневмония
	301	168	88	87	
	280	150	98	94	
	235	117	106	69	
	177	135	99	61	
	140	139	106	34	
	176	116	87	43	
	161	100	73	58	
					49
					38
					28
					26
					31
					36
					76

Злокачественные образования, наиболее характерные для людей преклонного возраста, с 1981 г. занимают лидирующую позицию по количеству смертей на 100 тыс. человек и их число возрастает с увеличением доли пожилого населения. Влияние болезней кровообращения постепенно снижается, так как число мужчин, которые являются наиболее подверженными данной болезнью, снижается из-за увеличивающегося гендерного дисбаланса, влияние на который оказывает возрастание разрыва в ожидаемых продолжительностях жизни полов, а также благодаря высокому уровню медицины, позволяющей на ранних стадиях обнаружить болезнь и принять меры. Так, доля мужчин старше 65 лет в Японии составила в 2019 г. 12,4% населения страны, в то время как доля женщин того же возраста составляла 16%. Однако всё большее значение приобретают болезни сердечной мышцы: с ростом продолжительности жизни возрастает и срок работы сердца, которое, как и все мышцы, не может функционировать бесконечно и постепенно ослабевает.

Повышающемуся значению смертей пожилого населения способствуют и снижение количества суицидов, которые достигли максимальных значений в конце 1990-х – нач. 2000-х гг. (основной причиной данного явления стала потеря рабочих мест из-за экономического спада вследствие лопнувших «мыльных пузырей», которые вызвали проблемы на рынке труда и рост безработицы до рекордных 5,4%), уменьшение числа производственных травм вследствие механизации и автоматизации труда, а также снижение случаев дорожно-транспортных происшествий с летальными исходами вследствие ужесточения требований к безопасности транспортных средств. Преимущественно в перечисленных случаях смерти приходились на младшие возрастные группы, а также на действующих работников, а текущее снижение идёт на пользу росту доли в смертности старшего населения.

Социально-экономические последствия демографического старения. Депопуляция, усиливаемая демографическим старением, ведет к ещё одной проблеме – дефициту рабочих рук и стремительному росту демографической нагрузки пожилым населением. Согласно прогнозу Бюро статистики Японии, доля трудоспособного населения впервые в истории к 2060 г. станет меньше 51%. Труд как один из факторов экономического развития должен в такой ситуации заменяться либо повышением производительности уже существующих производственных мощностей, либо повышением трудовой нагрузки на рабочее население и большим вовлечением в экономику всех возможных трудовых ресурсов (молодёжи, женщин, пенсионеров), либо заменой «искусственными» рабочими – роботами и автоматизированными комплексами. Однако на данный момент проблематично осуществить замену трудовых ресурсов технологиями ввиду того, что не во всех сферах это возможно, а технологии ещё не настолько сильно развиты. Вовлечение в рабочий процесс пенсионеров и женщин также встречает трудности, поскольку первые не способны к тяжелому физическому труду и менее выносливы, а женщины испытывают затруднения с поиском работы и половой дискриминацией.

Альтернативой снижению внутренних трудовых ресурсов может послужить их компенсация трудовыми мигрантами. Хотя такая политика и начала проводиться с весны 2019 г., когда была введена новая трудовая виза «особых навыков» [5], доля трудовых мигрантов всё ещё чрезвычайно низкая (1,9% в 2018 г.). Несмотря на существующие консервативные устои и нежелание разбавлять моноэтническое японское общество иммигрантами, прийти к такому придётся. Более того, данный метод выгоден в экономическом плане, поскольку вблизи находятся рынки дешёвой рабочей силы Китая, Индии, Филиппин.

Демографический прогноз. Увеличение числа пожилого населения, особенно подросткового за счёт вошедшего в него бэби-бума конца 1940-х гг., и в настоящее время способствует повышенной смертности. А чем выше со временем будет сдвигаться данная часть населения по половозрастной пирамиде, тем больше будет и смертность. При этом потенциальное исчерпание данного источника смертности в ближайшие 30 лет не поможет сильно снизить общую смертность и остановить убыль населения, которая уже приняла форму депопуляции. Всё дело во втором бэби-буме начала 1970-х гг. В него входят люди, которые через 15-20 лет войдут в группу пожилого населения, что при снижающемся показателе рождаемости будет снижать сильно долю детей в структуре населения, ощутимо понижать долю трудоспособного населения и наращивать долю людей старше 65 лет. Если к этому моменту не произойдет каких-либо значительных событий, способных резко увеличить или снизить рождаемость или смертность, а также изменений в механическом движении населения или послабления в миграционной политике, то половозрастной состав Японии станет похожим на текущее состояние в анализируемой выше префектуре Акита. Это означает, что население Японии должно будет ощутимо сократиться уже за 20 лет за счёт того, что умрут нынешние пожилые люди. Но на этом депопуляция не остановится, поскольку люди, родившиеся в 1970-х гг., только перешагнут рубеж пожилого возраста. И опять для смертности будет обеспечена база, на основе которой продолжится депопуляция населения, но уже не на 15-20 лет, а на 20-25 лет из-за потенциального увеличения продолжительности жизни для обоих полов.

Примерно через 30 лет население Японии приблизится к 100 млн человек [6], теряя ежегодно 0,6-0,9 млн человек. Именно такую оценку даёт Бюро статистики Японии. При этом доля населения старше 65 лет будет составлять

уже чуть больше 37%, а половозрастной состав будет представлять идеальную перевернутую пирамиду. Примечательно, что на данный момент префектура Акита – лидер демографического старения в Японии – уже имеет похожие характеристики: продолжающаяся депопуляция, доля пожилого населения 37% и практически идеальная перевернутая демографическая пирамида.

Достижение Японией перевернутой пирамиды в половозрастном составе населения не остановит депопуляцию: она будет продолжаться, уменьшением численности населения сужая пирамиду как таковую. Долгосрочный прогноз предполагает, что население Японии к 2100 г. будет примерно 50 млн человек (в 2,5 раза меньше, чем на июль 2020 г.).

Выводы. Демографическое старение Японии породило множество проблем в различных сферах жизни. Растущая доля пожилого населения способствует росту смертности, что ведёт к увеличению естественной убыли населения, что на фоне низкого миграционного прироста ведёт к долгосрочной депопуляции. Учитывая то, что японская экономика социально ориентирована, у государства возрастают расходы на социальное обеспечение и пенсионное обеспечение, а также на здравоохранение. Редущее рабочее население принимает на себя всё большую нагрузку из-за возрастающего числа пенсионеров, вследствие чего происходит дефицит трудовых ресурсов. Поскольку технологии ещё недостаточны развиты для возмещения труда, приходится пересматривать миграционную политику и приглашать иностранную рабочую силу, а также искать дополнительные источники на внутреннем трудовом рынке.

Япония является своеобразной «лабораторией по изучению мер проведения экономической политики в данных условиях» [9]. Остальные развитые страны должны руководствоваться и принимать во внимание опыт демо-

графического старения Японии и всех его экономических, социальных и демографических последствий. В то же время, Япония может рассматривать своё возможное будущее, используя как «лабораторию» свои «пожилые» префектуры. Такой префектурой может стать Акита, которая уже переживает сильную депопуляцию на фоне мощного демографического старения и одной из самых низких по стране рождаемостей.

Список литературы

1. Life Tables [Электронный ресурс] // Ministry of Health, Labour and Welfare. URL: <https://www.mhlw.go.jp/english/database/db-hw/vso2.html> (дата обращения: 10.07.2020).
2. Population by Age (Five-Year Groups) and Sex for Prefectures [Электронный ресурс] // Portal Site of Official Statistics of Japan. URL: <https://www.e-stat.go.jp/en/stat-search/files?page=1&layout=datalist&toukei=00200524&tstat=00000090001&cycle=7&year=20190&month=0&class=000001011679> (дата обращения: 18.07.2020).
3. Population Estimates [Электронный ресурс] // Statistics Bureau of Japan. URL: <http://www.stat.go.jp/english/data/jinsui/2.html> (дата обращения: 07.07.2020).
4. Population Estimates by Age (Five-Year Groups) and Sex [Электронный ресурс] // Portal Site of Official Statistics of Japan. – URL: <https://www.e-stat.go.jp/en/stat-search/files?page=1&layout=datalist&toukei=00200524&tstat=00000090001&cycle=1&year=20200&month=23070907&tclass=000001011678> (дата обращения: 19.07.2020).
5. Specified Skilled Worker [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. – URL:

- <https://www.mofa.go.jp/mofaj/ca/fna/ssw/us/index.html>
(дата обращения: 23.07.2020).
6. Statistical Handbook of Japan 2019 [Электронный ресурс] // Statistics Bureau of Japan. – URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2019all.pdf> (дата обращения: 16.07.2020)
 7. Trends in leading causes of death [Электронный ресурс] // Statistics Bureau of Japan. URL: <https://www.e-stat.go.jp/en/stat-search/file-download?statInfId=000031883933&fileKind=1> (дата обращения: 15.07.2020).
 8. Vital Statistics [Электронный ресурс] // Ministry of Health, Labour and Welfare. URL: <https://www.mhlw.go.jp/english/database/db-hw/vs01.html> (дата обращения: 14.09.2020).
 9. Хон Г. Х., Шкайдер Т. Экономика депопуляции: уроки из Японии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2020/03/pdf/shrinkanomics-policy-lessons-from-japan-on-population-aging-schneider.pdf> (дата обращения: 20.07.2020)

Положение японских хикикомори в период пандемии новой коронавирусной инфекции

11 марта 2020 г., через 102 дня после первого случая заражения, генеральным директором Всемирной организации здравоохранения Тедросом Аданом Гебреисусом была объявлена пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19¹. На 20 июля 2020 г. количество заболевших составило 14,7 млн человек² – на 306 тысяч больше, чем днём ранее. В Японии за все время было инфицировано 25 тысяч человек, 454 из которых заболели сегодня. 30 июня количество заболевших в день превысило 100 человек и с тех пор растёт.

Пандемия заставила весь мир уйти на самоизоляцию. В Африке и Америке, Азии и Европе люди выходят на акции, направленные против режима карантина³. Однако, в отношении Японии такой информации нет. Около миллиона японцев ушли на самоизоляцию задолго до объявления пандемии. Их называют хикикомори: люди, которые не выходят из дома 6 или более месяцев, не работают, не учатся и не общаются ни с кем кроме родственников. Их возраст варьируется от 20 до 65 лет (основной возрастной слой – 40 лет), и большинство составляют мужчины.

В данной работе путем изучения научной литературы и анализа статей современных периодических новостных изданий будет рассмотрено положение японских хикикомори в период пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19. Для достижения цели понадобится найти и изучить научные и публицистические статьи (последние –

¹ <https://www.bbc.com/russian/news-51842591>

² Ежедневный отчет ВОЗ за 20 июля 2020 года.

³ <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/04/21/828569-protesto-vat-protiv-samoizolyatsii>

для составления картины положения в реальном времени). После этого произойдёт выборка наиболее важных, на основе которых впоследствии будет произведен анализ изменения уровня жизни японских хикикомори за время пандемии.

Для хикикомори нет средней цифры проведенных дома лет, так как в виду скрытного образа жизни невозможно получить хотя бы примерную статистику – известно лишь то, что многие из них проводят в качестве затворников от 6 месяцев до 4 лет; далее же процент опрошиваемых снижается, но более 5% опрошенных в 2018 г. 5000 хикикомори ведут подобный образ жизни 30 и более лет⁴.

Обычно такие люди большее количество времени уделяют просмотру телевизора, интернету, чтению книг⁵. Подобный стиль жизни далеко не всегда приносит удовольствие: хикикомори становятся вынужденно, и на то есть множество причин. Например, издевательства на работе или учебе, недопонимание в семье, чувство вины перед родителями за невыполнение их ожиданий, неразделенные чувства, разочарование в жизни. Не имея поддержки, люди уходят в себя и всё тяжелее воспринимают реальный мир, предпочитая его дому. Притом, осознанное затворничество не является психическим заболеванием.

Центры помощи хикикомори – специализированные учреждения, где люди постепенно социализируются для дальнейшего «выхода в люди»⁶. Довольно часто их сотрудниками или учредителями становятся бывшие хикикомори – это позволяет на собственном примере показать, что самоизоляция – не приговор. Помочь хикикомори берутся и психиатры-активисты.

⁴ <https://www.nippon.com/ru/japan-data/hoo463/>

⁵ Там же.

⁶ Семенова Л.О. Феномен хикикомори или добровольная самоизоляция от общества.

Они устраивают встречи, на которых можно общаться и находить друзей, обмениваться опытом и интересами, однако сейчас их организация ввиду соблюдения не представляется возможной. Люди, которые стремятся преобразовать свою жизнь к лучшему, остаются без нужной внешней поддержки, так как рекомендация на запрет на сбор больших групп людей для предотвращения распространения инфекции соблюдается. Подобные собрания – неотъемлемая часть «терапии» для хикикомори.

С другой стороны, положение «спасают» онлайн-встречи по типу таких, которые сейчас устраиваются для обучения студентов дистанционно — взамен реальных занятий, однако в полной мере заменить физические мероприятия для хикикомори они не могут – многие просто не принимают такой формат⁷. Сам факт того, что нужно собраться с силами и выйти на улицу, преодолеть какое-то количество километров и только после этого попасть на встречу, дает некий терапевтический эффект, без которого мероприятие не дает должного ощущения победы над собственным страхом социализации.

Несмотря на то, что онлайн-встречи не могут заменить живого общения, для тех, кто принимает в этом участие, чувствуется своеобразное единение с теми, кто далеко. Благодаря подобной практике представляется возможность рассказать о себе или о своих интересах и увлечениях то, что нельзя представить на всеобщее обозрение посредством физического контакта. Так или иначе, встречи в интернете дают свой положительный эффект.

Подобные центры, в которых работают и бывшие хикикомори, всем своим примером показывая, что вернуться в «нормальное» течение жизни вполне возможно, также устраивают для своих подопечных различные практики, где предоставляется возможность работать

⁷ <https://www.asahi.com/articles/ASN5X728XN5MUTIL05J.html>

вместе и ощущать поддержку единомышленников, однако и этот путь восстановления на данный момент довольно ограничен в исполнении. Шансов выбраться из бедственного положения во время полного карантина практически нет – и они вынуждены вернуться к прежней жизни затворников.

Люди, которые занимались различными подработками, в большинстве своем тоже потеряли заработок, подкреплявший их веру в себя. Ограничение работы тренажерных залов и иных досуговых учреждений поставило под угрозу жизнь тех, кто балансировал между «обычной» и затворнической жизнью⁸.

В число людей, которые могут стать хикикомори по вине коронавируса, входят абитуриенты и студенты. Ограничение работы заведений типа караоке и кафе – основных мест подработки молодых людей, влечет за собой снижение заработной платы или даже увольнение сотрудников. Так как в Японии нет бюджетного высшего образования, недостаточно обеспеченные студенты будут вынуждены думать, каким образом можно решить остро стоящую проблему нехватки финансов для обучения и жизни в целом. Конечно, в настоящих условиях университеты организуют помощь нуждающимся, однако далеко не во всех ситуациях можно обойтись без отчисления. Выпадение из студенческой жизни, потеря работы и перспектив – все это может послужить причиной увеличения числа хикикомори.

Также в довольно затруднительном положении оказались студенты, которые надеялись на обучение за границей. На 20 июля 2020 г. более 30 европейских стран и стран Шенгенского соглашения закрыли свои границы для иностранных граждан⁹, всего же закрытых стран – более 80.

⁸ <https://www3.nhk.or.jp/news/html/20200520/k10012437291000.html>

⁹ <https://www.bbc.com/russian/features-51944880>

В мире приостановлена международная мобильность, и это не может не сказаться на тех, кто многие годы всесторонне готовился к поступлению в иностранный вуз.

Потеря работы (например, закрытие предприятий малого бизнеса) тоже не может не влиять на психологический фон человека, что увеличивает возможность стать хикикомори и для людей старше 25 лет. Открывшиеся незадолго до пандемии кафе тоже вынуждены соблюдать предписания безопасности, из-за чего траты начинают превышать прибыль, сотрудники увольняются и предприятия закрываются. Разочарование в собственном деле (особенно если владелец малого бизнеса потратил большое количество денег и вложил много усилий) порой наносит слишком сильный удар по ментальному равновесию человека, что тоже не может не склонять к изменению образа жизни в пользу хикикомори.

Для обеспечения безопасности своих сотрудников многие японские компании предоставляют им возможность для работы удаленно. Таким образом, родственники хикикомори все больше времени проводят дома, и из-за этого психологическое состояние последних становится хуже: по сравнению со временем до пандемии, хикикомори стали видеться со своими родными намного чаще. Несмотря на мнимую незначительность данного факта, ему стоит уделить внимание. Хикикомори в большинстве своем стараются жить тихо, не считая, что в современном мире действительно есть место для них.

Постоянное наблюдение за тем, как люди рядом с ними беспрепятственно работают и «живут» полной жизнью, вызывает ещё большее чувство вины за собственное существование и отсутствие возможности «стать полноценным членом общества». Сравнение себя со своими работающими родными, постоянные конфликты на этой почве вызывают новые приступы самобичевания и

в разы уменьшает шансы хикикомори в скором времени вернуться в «нормальное» течение жизни.

С другой стороны, миллионы «обычных» людей вынужденно оказались в положении затворников в условиях новой коронавирусной инфекции. Таким образом нельзя понять, что чувствуют хикикомори, так как самоизоляция по причине обеспечения безопасности здоровья и самоизоляция по причине психологического давления – разные вещи. Однако, их объединяет невозможность выйти из дома и все вытекающие из этого неудобства – и это может помочь обратить на проблему хикикомори должное внимание.

Несмотря на то, что политики пытаются изменить ситуацию, японское общество осуждает «ленивых» хикикомори, а их родные в большинстве своем относятся к ним как к позору семьи¹⁰. Ввиду различных факторов, которые негативно влияют на родственников, проживающих вместе, лечение проходит вся семья.

В общем и целом, качество жизни хикикомори претерпело изменения: и без того трудные для преодоления пути к социальному восстановлению стали менее доступны, а психологическая нагрузка довольно сильно выросла. Однако, в условиях всемирной самоизоляции можно предположить, что благодаря пандемии и собственному опыту люди станут более серьезно и лояльно относиться к проблеме хикикомори и общественное давление на них наконец снизится.

Список литературы

На японском языке

1. 新型コロナがひきこもり当事者直撃 外出機会失う // 朝日新聞デジタル. Дата обновления: 29.05.2020. [Электронный ресурс]. URL:

¹⁰ Вокруг света. 2020. №6 (2957). С. 118-123.

- <https://www.asahi.com/articles/ASN5X728XN5MUTIL05J.html> (дата обращения: 20.07.2020).
2. 新型コロナ 学生生活に大きな影 家計急変相次ぎ 困窮／奈良 // 毎日新聞. Дата обновления: 16.07.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://mainichi.jp/articles/20200716/ddl/k29/040/282000c> (дата обращения: 20.07.2020).
 3. 新型コロナでひきこもりは、今 // NHK NEWS WEB. Дата обновления: 20.05.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/html/20200520/k10012437291000.html> (дата обращения: 20.07.2020).
 4. 接客通じ自信持って 就労支援の農産物直売所、古河にオープン 農家協力、新鮮で高品質／茨城 // 毎日新聞. Дата обновления: 27.06.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://mainichi.jp/articles/20200627/ddl/k08/040/029000c> (дата обращения: 20.07.2020).

На английском языке

1. Coronavirus disease (COVID-19) Situation Report // World Health Organization. Дата обновления: 20.06.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/situation-reports/20200720-covid-19-sitrep-182.pdf> (дата обращения: 20.07.2020).
2. Saito T. Hikikomori: Adolescence Without End. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2013.
3. What Japan's hikikomori can teach us about self-isolation // Kyodo news. Дата обновления: 25.04.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2020/04/d5183b807f64-feature-what-japans-hikikomori-can-teach-us-about-self-isolation.html> (дата обращения: 20.07.2020).

На русском языке

1. Более 80 стран закрыли границы, аэропорты и объяви-

- ли карантин // интернет-журнал для независимых путешественников 34Travel.me. Дата обновления: 26.03.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://34travel.me/post/covid-19-karantin> (дата обращения: 23.07.2020).
2. ВОЗ объявила о начале пандемии COVID-19 // Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро. Дата обновления: 12.03.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-emergencies/coronavirus-covid-19/news/news/2020/3/who-announces-covid-19-outbreak-a-pandemic> (дата обращения: 22.07.2020).
 3. ВОЗ объявила пандемию нового коронавируса // BBC NEWS Русская служба. Дата обновления: 11.03.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-51842591> (дата обращения: 21.07.2020).
 4. В Японии около миллиона затворников-хикикомори // Nippon.com. Дата обновления: 05.06.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nippon.com/ru/japan-data/ho0463/> (дата обращения: 21.07.2020).
 5. Европа закрылась из-за коронавируса. Что это значит для иностранцев? BBC NEWS Русская служба. Дата обновления: 18.03.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-51944880> (дата обращения: 21.07.2020).
 6. Колесниченко М.Б, Паршакова О.Ю. Социологический подход к студенческой прокрастинации // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2018. №2. С.17-26.
 7. Кузнецова Е, Кэммоку А. «Хикики» – японцы, которые самоизолировались задолго до пандемии // Вокруг света. 2020. №6 (2957). С. 118-123.
 8. Люди в разных странах начинают протестовать против самоизоляции // Электронное периодическое

- издание «Ведомости». Дата обновления: 21.04.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/04/21/828569-protestovat-protiv-samoizolyatsii> (дата обращения: 23.07.2020).
9. «Подземелье»: жизнь в изоляции от общества // Nippon.com. Дата обновления: 31.01.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nippon.com/ru/column/g00472/> (дата обращения: 22.07.2020).
 10. Познина Н.А, Коломоец И.В. Феномен хикикомори в современном обществе // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2014. №2 (34). С.178-183.
 11. Семенова Л.О. Феномен хикикомори или добровольная самоизоляция от общества // Вопросы студенческой науки. 2020. №4 (44). С. 712-716.
 12. С какими чувствами живёт затворник, ушедший из общества? Интервью с Маруямой Ясухико, бывшим хикикомори // Nippon.com. Дата обновления: 25.04.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nippon.com/ru/column/g00464/> (дата обращения: 23.07.2020).
 13. Страна утомленного солнца: Япония продлевает карантин до 31 мая // Сетевое издание IZ.RU. Дата обновления: 05.05.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1007445/nataliia-portiakova/strana-utomlennogo-solntca-iaponiia-prodlevaet-karantin-do-31-maia> (дата обращения: 21.07.2020).
 14. Японское общество: более миллиона хикикомори и изоляция целыми семьями // Nippon.com. Дата обновления: 23.03.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nippon.com/ru/japan-topics/c07401/> (дата обращения: 20.07.2020).

Влияние пандемии COVID-19 на рынок труда в современной Японии

Япония – страна, занимающая третье место в мире по размеру ВВП, однако, поддерживать такой статус довольно проблематично, учитывая тенденции, укоренившиеся в обществе, например всё более обостряющуюся нехватку рабочих рук или неблагоприятную демографическую ситуацию. В 2020 г. положение дел усугубилось ввиду распространения по всему миру новой коронавирусной инфекции COVID-19, и, как следствие, введения определенных ограничений. В этой связи возникают закономерные вопросы относительно определения тенденций, преобладавших на рынке труда до пандемии, и выяснения того, каким образом эпидемиологическая ситуация повлияла на него. Кроме того, следует задаться вопросом, какие меры предприняло правительство для стабилизации ситуации.

Попытка ответа на эти вопросы подразумевает краткий обзор актуальных проблем японского общества. За последние десятилетия демографическая ситуация в стране стала весьма удручающей: показатели рождаемости неуклонно снижались, количество пожилых людей, то есть лиц старше 65 лет, наоборот, стремительно возрастало. Отсюда можно сделать логичный вывод о том, что на сокращающуюся долю населения трудоспособного возраста (от 15 до 65 лет) увеличивалась налоговая нагрузка для того, чтобы покрывать расходы на социальные льготы и пенсии. В итоге возникла нехватка рабочей силы.

Наиболее отчетливо данная проблема проявляется в 12 отраслях, среди которых находятся такие отрасли, как сельскохозяйственная и туристическая, обрабатывающая

промышленность, уход за престарелыми и другие. Для минимизации последствий процесса стремительного старения населения, которого в Японии называют «серебряным цунами», правительство разработало ряд мер и законов, направленных на увеличение экономической активности и расширение возможностей занятости всех доступных трудовых ресурсов, включающих занятость женщин, пожилых людей, а также инвалидов. Стоит отметить также ряд мер по автоматизации производства в промышленных областях, а также внедрение роботов в такие сектора экономики как логистика, сельское хозяйство. Кроме того, в апреле 2019 г. было объявлено о революционном для Японии решении о привлечении в течение ближайших 5 лет порядка 345 тыс. иностранных специалистов разного уровня квалификаций¹. В соответствии с принятым законодательством был введён новый тип виз, позволяющий работать не только высококвалифицированным специалистам, но и «синим воротничкам».

Для оценки эффективности действующей политики необходимо ознакомиться с данными, представленными в таблице 1.

¹ Япония открывает границы для гастарбайтеров // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2019/05/09/iaponiia-otkryvaet-granicy-dlia-gastarbajterov.html> (дата обращения 15.02.2020).

Таблица 1. Трудовые ресурсы Японии
(2012–2020.05 гг., млн человек)

Годы	Число лиц 15 лет и старше	Общее число занятых, из них:	Безработные (оба пола)	Мужчины	Женщины	Степень экономич. активности населения, %
2012	111,10	65,65	2,85	37,96	27,69	59,1
2013	111,07	65,93	2,65	37,83	28,09	59,3
2014	111,09	66,09	2,36	37,76	28,32	59,4
2015	111,10	66,25	2,22	37,73	28,52	59,6
2016	111,11	66,73	2,08	37,81	28,92	60,0
2017	111,08	67,20	1,90	37,84	29,37	60,5
2018	111,01	68,34	1,66	37,17	30,14	61,5
2019	110,92	68,9	1,62	38,28	30,58	62,1
2020.01	110,86	68,46	1,59	38,09	30,37	61,8
2020.02	110,83	68,5	1,59	38,14	30,36	61,8
2020.03	110,84	68,76	1,76	38,24	30,52	62,0
2020.04	110,80	68,17	1,89	38,12	30,05	61,5
2020.05	110,84	68,54	1,98	38,28	30,33	61,8

Источник: [Monthly Labour Survey, табл. 1–2].

ПРИМЕЧАНИЕ: степень экономической активности населения представляет собой отношение общего числа занятых к доле лиц 15 лет и старше.

Как видно из таблицы, положение на рынке труда до 2020 г. становилось всё более благоприятным, поскольку общее число занятых ежегодно прирастало, а уровень безработицы снижался. Можно считать это неплохой динамикой при учёте, что доля лиц 15 лет и старше с 2016 г. начала медленно уменьшаться. Отсюда можно сделать вывод о том, что демографическая ситуация в стране на данный момент не влияет на величину количественного потенциала трудовых ресурсов страны.

Стоит отметить увеличение занятости женщин: если в 2012 г. было задействовано 27,69 миллионов работниц, то в 2019 г. их число достигло 30,58 миллионов, то есть увеличилось почти на 3 миллиона человек. Одной из причин такого результата можно отнести политику по привлечению женщин на рынок труда, проводимую кабинетом премьер-министра Абэ Синдзо, которая получила название «Womenomics»². Другой же причиной является проявление интереса к занятости и желания строить карьеру со стороны женского населения.

С одной стороны, можно считать такую динамику довольно неплохим показателем, однако при более близком рассмотрении становится заметно, что в последние годы женская часть населения работоспособного возраста осознанно выбирает неполную занятость (табл. 2).

² Jay Shambaugh, Ryan Nunn, Becca Portman. Lessons from the rise of women's labor force participation in Japan // The Brookings Institution. URL: <https://www.brookings.edu/research/lessons-from-the-rise-of-womens-labor-force-participation-in-japan/> (дата обращения 23.03.2020).

Таблица 2. Численность постоянных и непостоянных работников с учётом гендерного признака (2013–2020.04 гг., млн. чел)

Годы	Мужчины		Женщины	
	Пост. занятость	Непост. занятость	Пост. занятость	Непост. занятость
2013	22,81	6,11	10,30	12,99
2014	22,75	6,31	10,23	13,37
2015	22,80	6,36	10,47	13,51
2016	22,95	6,51	10,81	13,73
2017	23,18	6,47	11,14	13,89
2018	23,47	6,69	11,38	14,51
2019	23,42	6,91	11,61	14,75
2020.01	23,56	6,74	11,61	14,75
2020.02	23,72	6,72	11,58	14,87
2020.03	23,40	6,76	11,66	14,73
2020.04	23,59	6,40	12,04	13,79
2020.05	23,31	6,69	12,04	13,76

Источник: [Monthly Labour Survey, табл. 1–6].

ПРИМЕЧАНИЕ: без учета управленцев компаний.

По данным, представленным в таблице 2, видно, что численность постоянно занятых мужчин примерно в 2 раза превышает аналогичные показатели среди женщин. Что касается неполноценной занятости, то там наблюдается обратная пропорциональная картина. Связано это с устоями и стереотипами, которые давно укоренились в японском обществе, согласно которым мужчина считается кормильцем, а женщина обязана заниматься домашними заботами и воспитанием детей. Работодатели зачастую неохотно берут японок на постоянную должность в виду опасений, что сначала она займет вакантное место, на неё будут

потрачены время и средства на внутрифирменное обучение, а в конечном итоге она уйдет в декретный отпуск. Кроме того, за одну и ту же выполненную работу, при одинаковом уровне образования, средняя разница зарплаты между мужчиной и женщиной в среднем составляет 26%³. Другой причиной такой ситуации является тот факт, что после рождения ребенка молодые мамы посвящают себя его воспитанию, в виду чего работа на постоянной основе весьма проблематична.

На фоне ставшей более благополучной, однако всё равно непростой экономической ситуации в Японии 31 декабря 2019 г. появились сообщения о вспышке новой коронавирусной инфекции в китайском городе Ухань, которая впоследствии получила наименование COVID-19. Несмотря на попытки сдержать вирус, эпидемия довольно быстро распространилась по всему миру, и 11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявило её пандемией. Для безопасности и защиты граждан японское правительство приняло решение о закрытии границ страны для международного сообщения, делая исключения для специальных рейсов, которые возвращали на родину своих сограждан из регионов с наиболее неблагоприятной эпидемиологической обстановкой, в первую очередь из Китая.

Несмотря на принятые меры, темпы роста заражённых на территории японского архипелага вынудили правительство ввести чрезвычайное положение: 7 апреля 2020 г. для семи префектур, затем 16 апреля действие режима ЧП было расширено на территорию всей страны. В соответствии с чрезвычайной ситуацией работа большинства предприятий была остановлена, а людей попросили сократить встречи на 70–80% и по возможности оставаться дома и не

³ Там же.

выходить на улицу без крайней необходимости. При этом в отличие от некоторых стран, материальные штрафы или уголовная ответственность за нарушение самоизоляции предусмотрены не были, по большей части правительство сделало акцент на самодисциплину граждан. От проведения массовых мероприятий, например спортивных или музыкальных было призвано отказаться, а деятельность объектов, в которых возможно большое скопление народа, то есть гостиницы, рестораны и пр. было решено ограничить или приостановить. За нарушение распоряжений и игнорирования требований властей со стороны наименования нарушителей включались в специальный публикуемый список. Попадание в него могло отрицательно сказаться на репутации некоторых заведений, хотя по большей части данная мера была рассчитана на моральный эффект.

Ограничения ощутимо повлияли на экономику страны. Въездной поток в апреле 2020 г. сократился на 99,9% в сравнении с аналогичным периодом за прошлый год, а от перемещения между префектурами на время ЧС, если на то не было крайней необходимости, было призвано отказаться. В виду этого туристическая отрасль, а также ресторанный или гостиничный бизнес уже понесли колоссальные потери. Из-за сбоев поставок необходимого сырья или оборудования, а также сокращения спроса на товары, экспортируемые из Японии, пострадали и отрасли промышленности, например обрабатывающая, машиностроительная и пищевая. В виду своего рода стагнации экономики нехватка рабочей силы стала ощущаться не так остро. По результатам опроса, проведённого аналитической компанией Teikoku Databank, только 31% компаний сообщил о том, что

им не хватает штатных сотрудников, а необходимость в непостоянно занятых работниках упала до 16,6%.⁴

Возвращаясь к данным таблицы 1, можно проследить увеличение безработицы: если в 2019 г. количество людей, не имеющих работу было 1,62 млн, то в мае 2020 г. оно увеличилось на 360 тыс. и составило 1,98 млн. чел. Вполне вероятно, это связано с сокращениями на предприятиях и фирмах, а также увольнении сотрудников третичных отраслей. Стоит учесть, что несмотря на колоссальную сумму финансовой поддержки со стороны правительства, в том числе и поощрения в виде субсидий за сохранение численности своих работников, многим компаниям всё равно проблематично находиться в простое большое количество времени, поэтому они вынуждены проводить сокращения.

Для более полного понимания тенденций, происходящих на рынке труда в настоящий момент, следует вновь обратиться к таблице 2. Из её данных видно, что после снятия чрезвычайного положения 25 мая число полноценных работников мужского пола сократилось, а непостоянных, наоборот, возросло. Можно предположить, что часть уволенных сотрудников смогла найти временную работу для того, чтобы получить средства для существования. Как ни странно, в женской занятости наблюдается обратная картина: доля постоянных работниц до и после ЧП не изменилось, а число временных работников уменьшилось.

В результате запрета на выезд из страны и ограничений в работе многие иностранные работники либо потеряли работу, либо их доходы сократились из-за простоя или

⁴ В Японии в условиях коронавируса меньше ощущается нехватка рук // Портал Nippon.com. URL: <https://www.nippon.com/ru/japan-data/h00734/> (дата обращения 05.06.2020).

сокращения смен. При обращении на биржу труда в поиске работы или подработки зачастую им либо не отвечали, либо отказывали без объяснения причин. Положение иностранных работников усугублялось еще и тем, что большинство из них не были осведомлены о своих правах ввиду недостаточного знания японского языка. Например, закон Японии о трудовых стандартах требует, чтобы фирмы покрывали, по крайней мере, 60% своей средней заработной платы, если они заставляют своих сотрудников брать выходные дни. Этот закон распространяется на всех трудящихся независимо от их гражданства. Для решения этого вопроса министерство здравоохранения, труда и социального обеспечения запустило информационный портал на 15 языках, на котором сообщается, что работники из других стран имеют такие же юридические права, как и их японские коллеги.⁵

В качестве финансовой поддержки правительство объявило о единовременной выплате 100 тыс. йен всем гражданам страны, включая резидентов-иностранцев, имеющих карту резидента, однако, многие жители назвали данные меры несвоевременными и недостаточными. Для поддержки технических стажеров, которые не могут продолжить обучение или стажировку из-за последствий COVID-19, а также для улучшения положения дел в таких отраслях как сельское хозяйство, рыболовство и пищевая промышленность, Министерство юстиции объявило о «специальной мере», позволяющей стажерам таких программ как TITP (от англ. Technical Interns Training Program), найти

⁵ Menju Toshihito. Can Japan Embrace Multiculturalism? // Портал Nippon.com. URL: <https://www.nippon.com/en/in-depth/do0534/can-japan-embrace-multiculturalism.html> (дата обращения 15.04.2020).

альтернативную работу по «визе определенных видов деятельности»⁶.

За последние десятилетия Япония смогла пережить несколько экономических кризисов и удержать при этом лидирующие позиции на мировой арене. Правительству удалось сдержать распространение коронавируса на территории своей страны, не прибегая к серьезным мерам, а также минимизировать рост безработицы. Тем не менее, в настоящее время эпидемия ещё не побеждена, поэтому невозможно определённо сказать, какие последствия она оставит после себя, и чем столкнётся общество в будущем. Однако правительство должно принять все возможные меры для формирования новой реальности.

Список литературы

- Лебедева И.В. Японский рынок труда в XXI веке. Экономические и социальные проблемы. М.: Институт востоковедения РАН, 2019. 314 с.
- Стрельцов Д.В. Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй. М.: АИРО-XXI, 2013. 296 с.

⁶ Там же.

ГЛАВА 4. ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Право иностранцев на вторичный въезд в Японию при эпидемии коронавируса

Введение

Эпидемия так называемого COVID-19 до сих пор влияет на разные процессы в мире. Число заболевших все еще не идет на убыль, да и никаких других признаков улучшения ситуации пока не ожидается. К тому же передвижения между странами весьма ограничены, в результате чего большое количество граждан, находящихся на территории иностранных государств с разрешением на долгосрочное пребывание, сталкиваются со сложностями при пересечении границ странам гражданства и нахождения. В Японии данная проблема также находится в центре внимания со 2 апреля, когда ограничения передвижения по миру вступили в силу.

В этой статье будут проанализированы вопросы прав иностранцев на вторичный въезд в Японию в настоящей ситуации, вызванной эпидемией коронавируса, с точки зрения юриспруденции. Мы будем разбирать, во-первых, правовой статус иностранного гражданина в Японии, а во-вторых, мероприятия, реализованные правительством Японии в зоне пограничного контроля в ответ на пандемию COVID-19.

1. Правовой статус иностранного гражданина в Японии

1-1. Понятие «иностранец» в Японии

Юридически статус гражданина Японии строго отличается от статуса иностранного лица.

Статья 10 Конституции наделяет Закон «о гражданстве»¹ полномочиями на установление условий, определяющих понятие «гражданин». Закон в свою очередь предусматривает наделение гражданством по принципу крови, а не по месту рождения.

Согласно 2 статье Закона «об иммиграционном контроле и признании беженцев»², иностранцем является лицо, не имеющее гражданства Японии.

Что касается статуса пребывания иностранцев, то «долгосрочными резидентами» являются лица, проживающие на территории Японии более трёх месяцев за исключением «специальных постоянных жителей Японии», которыми являются лица, потерявшие японское гражданство в связи со вступлением в силу Мирного договора 1952 года, а также их потомки. Большинство из «специальных постоянных жителей Японии» являются граждане Кореи, которые также входят в понятие «иностранец», но в некоторых случаях отличаются от «долгосрочных резидентов»³.

Закон устанавливает 27 видов статуса долгосрочно-го пребывания. 23 из них даются в соответствии с родом деятельности (например, студенческая виза или рабочий контракт), в то время как остальные 4 вида основываются на юридическом положении (например, виза супруга). В таком случае на основании статьи 26.2 Закона «об иммиграционном контроле и признании беженцев» выдается карта

¹「国籍法」(昭和 25 年法律第 147 号)

²「出入国管理及び難民認定法」(昭和 26 年政令第 319 号)

³統計局「国籍・地域別 在留資格(在留目的)別 在留外国人」(2019 年 6 月現在)

резидента, обеспечивающая автоматический вторичный въезд с даты выезда на год или до окончания срока пребывания.

1-2. «Иностранец» и обеспечение прав человека Конституцией

В третьем разделе Конституции Японии определяются «Права и Обязанности гражданина». В 12 и 13 статьях⁴ устанавливаются общие положения «основных прав человека» для граждан Японии. Однако есть некоторые разногласия относительно защиты обеспечиваемых Конституцией прав человека иностранных граждан. Одно из основных учений настаивает на том, что вопросы о защите обеспечиваемых Конституцией прав человека принадлежат к усмотрению законодателя на основании 12 и 13 статей Конституции, предусматривающих исключительно лица японского гражданства, как упомянуто выше. Таким образом, вопрос о нарушении Конституции не поднимается, даже если иностранцам не обеспечивается защита прав человека. Очевидно, что такое мнение не может существовать в современном интернациональном обществе. Более того, оно противоречит тому, что Конституция Японии основывается на идее «естественного права» и её предисловии, которые объявляют сотрудничество с мировым обществом. Поэтому в последние годы все чаще

⁴ Статья 12. Свободы и права, гарантируемые гражданину настоящей Конституцией, должны поддерживаться постоянными усилиями народа. Народ должен воздерживаться от каких бы то ни было злоупотреблений этими свободами и правами и несет постоянную ответственность за использование их в интересах общественного благосостояния.

Статья 13. Все граждане должны уважаться как личности. Их право на жизнь, свободу и на стремление к счастью является, поскольку это не нарушает общественного благосостояния, высшим предметом заботы в области законодательства и других государственных дел.

признается другое учение, одобряющее защиту права человека иностранцев Конституцией в определённых областях⁵.

В зависимости от областей, в которых права человека обеспечиваются иностранным гражданам, данное учение классифицируется ещё на два вида. Одно обращает внимание на то, что в Конституции употребляются понятия «граждане「国民 (こくみん)」» и «каждый человек, личность「何人 (なんびと)」» как субъекты прав. Однако данная теория критикуется из-за того, что в Конституции не всегда ясно используются «гражданин» и «каждый» в зависимости от характера права человека⁶.

В результате сегодня не только в академических учениях, но и в судебных прецедентах возникают затруднения в понимании, связанные с характером каждого права человека, обеспечиваемого Конституцией. Таким образом, к правам, не обеспечиваемым иностранным гражданам относятся «право на въезд и пребывание», «социальные права» и «избирательное право».

1-3. Пример в судебных прецедентах, касающихся правового статуса иностранцев

4 октября 1978 года верховный суд вынес решение о правовом статусе иностранцев⁷.

По инициативе министра юстиции срок пребывания гражданина США, который въезжал в Японию с разрешением пребывания на год, не был обновлен по причине его участия в политической деятельности против войны во время его пребывания на территории Японии. После чего данный гражданин США подал иск в суд с целью обжа-

⁵ 野中=中村=高橋=高見『憲法 I 第 5 版』, 有斐閣, 222-223 頁

⁶ 同上, 222-223 頁

⁷ 最大判□昭和 53 年 10 月 4 日, 民集第 32 卷 7 号 1223 頁

ния данного взыскания. В этом кейсе верховный суд рассматривал следующее: «является ли объектом обеспечиваемых прав человека Конституцией Японии иностранный гражданин?», «Гарантируется ли иностранцам свобода участия в политической акции?»

Согласно верховному суду, обеспечиваемые права человека в третьем разделе Конституции должны гарантироваться иностранцам равно с гражданами Японии, кроме прав, которые толкуются как обеспечиваемые только гражданам Японии. Таким образом, свобода участия в политических акциях также гарантируется иностранцам, кроме случаев, когда она может быть не уместна в соответствии с правовым статусом иностранца, например, случаев, влияющих на процессы принятия политических решений или их осуществления. Поэтому суд заключает, что участие этого гражданина США в данном виде деятельности может считаться гарантией с учетом характера политической деятельности.

Что касается гарантий прав человека для иностранцев в Конституции, верховный суд подчеркивает, что они обеспечиваются в рамках системы контроля пребывания иностранцев. Таким образом, иностранцам не гарантируется, что любая деятельность, обеспечиваемая Конституцией, не расценивается как неблагоприятное обстоятельство при рассмотрении о продлении срока пребывания.

По этому решению, оказалось, что предоставление прав человека иностранным гражданам, находящимся в Японии, фактически может быть ограничено министром юстиции в соответствии с законом о пограничном контроле несмотря на то, что суд на постановления суда о том, что права человека гарантируются иностранцам Конституцией Японии.

В следующем параграфе будут рассмотрены вопросы о праве на вторичный въезд.

1-4. «Права на пребывание и вторичный въезд» и иностранцы

22 статья Конституции гласит, что каждый имеет свободу выбора и свободу передвижений, а также выбора профессии, так как это не нарушает общественного благосостояния (1 пункт). Наконец, любой человек имеет свободу выезда за границу, а также свободу отказа от своего гражданства. Главное, данные права не должны нарушаться (2 пункт). На первый взгляд, казалось бы, эта статья обеспечивает «каждому человеку» свободу выбора и перемены места жительства и позволяет каждому выезжать за границу. Однако по отношению к иностранцам, живущим в японском обществе, вопросами являются гарантии прав на пребывание и, в частности, вторичный въезд.

Что касается права на пребывание, в вышесказанном решении в 1978 г. разъяснилось, что 22 статья Конституции устанавливает только свободу выбора и перемены места жительства в Японии, а государство имеет право решать вопросы приема иностранцев, если не существует регулирующего этого международного договора. Поэтому верховный суд заключает, что либо право на въезд, либо право на пребывание Конституцией Японии иностранцам не гарантируются, в то время как право на вторичный въезд в Японию связано со свободой передвижений в рамках временной поездки.

С 1950-х по 1970-е гг. суд низшей инстанции не имел возражений по поводу того, что 22 статья Конституции предусматривает свободу временных поездок за границу в том числе и для иностранцев, и заключил, что министр юстиции может отказывать иностранцам во вторичном въезде только в случае, опасения нарушений интересов

Японии или ее общественного порядка.⁸ Другими словами, считалось, что все иностранцы, находящиеся в Японии, могут свободно осуществлять поездки за границу пока они не нарушают общественного благосостояния.

Однако начиная с 1980-х гг., суд каждой инстанции стал отказывать в предоставлении иностранцам гарантии свободы временных поездок. Так 16 ноября 1992 г. Верховный суд вынес решение по делу гражданки США, заключившей брак с гражданином Японии в 1973 г.⁹ С момента первого въезда в Японию у нее неоднократно снимались отпечатки пальцев в соответствии с законом, но в 1982 г. она отказалась от этого, и в результате чего была оштрафована. После совершения туристической поездки в Корею гражданка США запросила разрешение въезда в Японию. Однако несмотря на получение разрешения во время предыдущих поездок, в этот раз ей было отказано по причине инцидента со снятием отпечатков пальцев. Иностранка подала иск в суд с требованием отменить данное взыскание министра юстиции. Однако верховный суд отклонил её жалобы, постановив, что свобода временной поездки за границу не гарантируется иностранцам Конституцией Японии на основании вышесказанного решения 1978 г.

Кроме того, в этом кейсе упомянут «международный пакт о гражданских и политических правах», ратифицированный Японией в 1978 г. 4 пункт 12 статьи данного пакта гласит, что никто не может произвольно лишаться права въезда в свою страну. В этом случае суд уделял внимание на толкование «своей страны», поясняя, что в понятие «своей страны» включены не только «страны гражданства», но и «страны постоянного жительства», что должно быть учтено при толковании 22 статьи Конституции. Однако суд

⁸ 近藤 敦「自国に入国する権利と在留権：比例原則に反して退去を強制されない権利」, 『名城法学』64巻4号, 2015年, 18-20頁

⁹ 最判□平成4年11月16日, □集民第166号575頁

подчеркивает, что «право въезда в свою страну» в 4 пункте 12 статьи пакта может быть применено только к гражданам Японии. В то же время 2 пункт этой же статьи гласит, что каждый обеспечивается правом «покидать любую страну и в том числе свою». По этой причине данный суд заключает, что «своя страна» должна толковаться как «страна гражданства», и Конституция не гарантирует иностранцам право на вторичный въезд, учитывая тот факт, что право въезда иностранным гражданам в международной практике, как правило, не одобряется. Это понятие также было принято во второй инстанции и подтверждено верховным судом, ссылающимся на решение 1978 г.

С тех пор отношение суда к праву иностранных граждан на вторичный въезд не изменилось – более того, по решению верховного суда в 1998 г. оказалось, такое отношение применяется и к «специальным постоянным жителям Японии»¹⁰. Некоторые ученые настаивают на том, что долгосрочным резидентам должно гарантироваться право на вторичный въезд в Японию, учитывая позицию Комитета по правам человека ООН о том, что «своя страна» в данном пакте шире «страны гражданства»¹¹.

2. Мероприятия правительства Японии, направленные против коронавируса в пограничном контроле

В связи с развитием эпидемии коронавируса в Китае, в начале февраля правительство Японии начало принимать меры в пограничном контроле. Запрет на въезд в Японию, впервые объявленный 13 февраля, был направлен только на граждан Китая, имеющих паспорт, выданный в провинции Чжэцзян, а также других иностранцев, посещавших этот регион менее, чем за 14 дней до даты подачи заявки

¹⁰ 最判平成 10 年 4 月 10 日, 民集 52 卷 3 号 776 頁

¹¹ 山下威士 「3. 外国人の再入国の権利-森川キャサリン事件」, 『憲法判例百選 I [第 5 版]』, 有斐閣, 8-9 頁など

на въезд в Японию¹². Со временем под запрет попали и другие регионы, в зависимости от степени распространения вируса. В результате с 22 июля список стран, гражданам которых запрещен въезд в Японию, вырос до цифры в 146¹³.

Дело в том, что по объявлению агентства иммиграционных служб от 1 апреля, всем иностранцам, за исключением «специальных постоянных жителей Японии», покинувших Японию после 3 апреля, запрещается повторный въезд из стран данного списка без «особых обстоятельств»¹⁴. К тому же считается, что случаи, в которых иностранные граждане, имеющие статус долгосрочного резидента с юридическим положением в Японии, могут рассматриваться как «особые обстоятельства», если данные иностранные граждане покинули Японию перед вступлением запрета на въезд.

Что касается определения «особых обстоятельств», 12 июня данное агентство разъяснило ситуации, при которых вторичный въезд в Японию может быть разрешен. Согласно этим данным, повторный въезд не запрещается в случае, если иностранный гражданин покинул Японию перед объявлением запрета въезда пассажиров из этой страны в Японию. Наконец, присутствие «особых обстоя-

¹² 法務省「新型コロナウイルス感染症に関する取組について」（2020年2月12日）

(http://www.moj.go.jp/nyuukokukanri/kouhou/nyuukokukanrio1_00114.html, 2020年7月31日参照)

¹³ 法務省「新型コロナウイルス感染症に関する取組及び渡航自粛の要請について（6）」（2020年7月22日）

(http://www.moj.go.jp/nyuukokukanri/kouhou/nyuukokukanrio8_00056.html, 2020年7月31日参照)

¹⁴ 法務省「新型コロナウイルス感染症の拡大防止に係る上陸拒否の措置に関し、個別の事情に応じて特段の事情があるものとして再入国を許可することのある具体的な事例」（2020年6月12日）

тельств» также может быть определено конкретными случаями.

Иностранцам, уехавшим в какую-либо страну из списка перед вступлением запрета въезда из нее в Японию, разрешен вторичный въезд в случае, если 1) семья иностранного лица находится в Японии; 2) лицо покинуло Японию вместе с несовершеннолетним ребенком, являющимся учеником образовательного учреждения Японии; 3) лицо, претендующее на вторичный въезд нуждается в лечении или планирует рожать ребёнка в Японии; 4) лицу, которому пришлось выехать из Японии, необходимо присутствовать на похоронах родственника или навестить тяжело больного родственника, живущего за границей; 5) лицо, претендующее на вторичный въезд, нуждалось в лечении или планировало рожать ребёнка за границей; 6) лицо покинуло Японию по причине приглашения заграничного суда, например, в качестве свидетеля.

К тому же иностранцам, уехавшим в какую-либо страну из списка после вступления запрета въезда из нее в Японию, также разрешен вторичный въезд в случае, если 1) лицу, которому пришлось выехать из Японии, необходимо присутствовать на похоронах родственника или навестить тяжёлого больного родственника, живущего за границей; 2) лицо, претендующее на вторичный въезд, нуждалось в лечении или планирует рожать ребёнка за границей; 3) лицо покинуло Японию по причине приглашения заграничного суда, например, в качестве свидетеля.

Данные мероприятия, казалось бы, спорны тем, что направлены на иностранных граждан, имеющих статус долгосрочного резидента в соответствии с юридическим положением в Японии. Таким образом, иностранцам, влившимся в японское общество, например, путем заключения брака с японцем или на основании ведения бизнеса в Японии, также может быть отказано в разрешении осуществле-

ния вторичного въезда. Причем остается неясным, почему «специальным постоянным жителям Японии» не запрещен въезд даже в условиях эпидемии, несмотря на их настоящий статус «иностранцев».

Заключение

22 июля премьер-министр Синдзо Абэ объявил, что с августа вне зависимости от статуса пребывания в Японии все долгосрочные резиденты, покинувшие Японию перед ужесточением мер вторичного въезда, по желанию смогут вновь вернуться в Японию¹⁵. Соответственно, данное право не получают иностранные граждане, покинувшие Японию после введения мер. Таким образом, можно предположить, что данная политика может «спасти» только учащих либо работающих иностранцев, покинувших Японию перед эпидемией коронавируса. Поэтому, настоящие мероприятия, реализуемые в зоне пограничного контроля в ответ на эпидемию COVID-19, основываются на «слишком негативной» правовой традиции Японии, заключающейся в том, что все без исключения иностранные граждане не получают гарантию на въезд в Японию. Как было выше упомянуто, всем долгосрочным резидентам вне зависимости от вида разрешения пребывания, обеспечивается автоматическое разрешение на вторичный въезд в Японию. Однако при нынешней эпидемии коронавируса оказалось, что юридически это очень слабое основание, которое зависит от усмотрения правительства, так как никакой правовой базы в Конституции нет.

Конечно, я не считаю, что даже иностранцам с разрешением на краткосрочное пребывание должны гарантиро-

¹⁵ 朝日新聞「首相、外国人の再入国制限の緩和を表明 対象は9万人か」(2020年7月22日)

(<https://digital.asahi.com/articles/ASN7Q648LN7QUTFK010.html>, 2020年7月31日参照)

ваться права на вторичный въезд в Японию. Однако я полагаю, что право вторичного въезда иностранного гражданина в Японию должно быть рассмотрено в соответствии с уровнем связи данного лица с японским обществом.

Между тем, в апреле 2019 г. правительство Японии объявило, что готово принять до 350 000 квалифицированных иностранцев в течение 5 лет ввиду сокращения числа работоспособного населения, что, несомненно, даст возможность получения постоянного вида на жительство, в случае выполнения требуемых условий¹⁶. В результате этого несомненно, что число иностранцев, постоянно пребывающих на территории Японии, в ближайшее время увеличится. В таком случае, в некоторых ситуациях и вопросы права на вторичный въезд в Японию также станут еще серьезнее.

Поэтому на мой взгляд, Японии пора пересмотреть позицию относительно вторичного въезда, по крайней мере, в отношении иностранцев – долгосрочных резидентов с учётом позиции Комитета по правам человека ООН о понятии «своя страна».

Список используемой литературы

1. 近藤 敦「自国に入国する権利と在留権：比例原則に反して退去を強制されない権利」, 『名城法学』 64 巻 4 号, 2015 年
2. 野中=中村=高橋=高見『憲法 I 第 5 版』, 有斐閣, 2012 年
3. 山下威士「3. 外国人の再入国の権利-森川キャサリン事件」, 『憲法判例百選 I [第 5 版]』, 有斐閣, 2007

¹⁶ 日本経済新聞「外国人労働者受け入れ拡大、改正入管法施行 入管庁が発足」 (2019 年 4 月 1 日)

(<https://www.nikkei.com/article/DGXMZO43163430R00C19A4EAF000/>, 2020 年 7 月 31 日参照)

- 年
4. 朝日新聞「首相、外国人の再入国制限の緩和を表明 対象は 9 万人か」(2020 年 7 月 22 日)
(<https://digital.asahi.com/articles/ASN7Q648LN7QUTFK010.html>, 2020 年 7 月 31 日参照)
 5. 日本経済新聞「外国人労働者受け入れ拡大、改正入管法施行 入管庁が発足」(2019 年 4 月 1 日)
(<https://www.nikkei.com/article/DGXMZO43163430R00C19A4EAF000/>, 2020 年 7 月 31 日参照)
 6. 法務省「新型コロナウイルス感染症に関する取組について」(2020 年 2 月 12 日)
 7. (http://www.moj.go.jp/nyuukokukanri/kouhou/nyuukokukanrio1_00114.html, 2020
 8. 年 7 月 31 日参照)
 9. 法務省「新型コロナウイルス感染症の拡大防止に係る上陸拒否の措置に関し、個別の事情に応じて特段の事情があるものとして再入国を許可することのある具体的な事例」(2020 年 6 月 12 日)
 10. 法務省「新型コロナウイルス感染症に関する取組及び渡航自粛の要請について(6)」(2020 年 7 月 22 日)
(http://www.moj.go.jp/nyuukokukanri/kouhou/nyuukokukanrio8_00056.html, 2020 年 7 月 31 日参照)
 11. 統計局「国籍・地域別 在留資格(在留目的)別 在留外国人」(2019 年 6 月現在)
 12. 最高裁大法廷判決 昭和 53 年 10 月 4 日
 13. 最高裁判決 平成 4 年 11 月 16 日
 14. 最高裁判決 平成 10 年 4 月 10 日

**Вопрос о конституционности правовых мер
по усилению безопасности Японии
и пересмотр Конституции как политический шаг**

Конституция любой страны мира является Основным ее законом, закрепляя результаты расстановки политических сил в стране в определенный исторический отрезок времени. Конституция — это фундамент для выстраивания новой правовой системы в стране и нового государственного строя, а также документ, который устанавливает итоги мощных перемен в стране, явившихся следствием военных действий или революционных реформ. Япония не является исключением. Первая Конституция Японии 1889 г. явилась подтверждением расстановки сил правящих кругов в стране в период революции Мэйдзи, предусмотрев, что императору принадлежит вся полнота государственной власти, а также утвердив парламент в стране, закрепив демократические свободы граждан и основу независимой судебной власти. Действующая Конституция 1947 г. стала результатом участия Японии во Второй мировой войне, из которой она вышла как проигравшая страна, вследствие чего система государственной власти претерпела изменения не без участия американских оккупационных войск. Период милитаристской Японии является самым трагичным периодом в истории Японии.

Что касается японской Конституции, то уже на протяжении многих лет предметом обсуждения возможного изменения Конституции является в том числе и ее «мирная» статья 9. Одним из острых политических вопросов и сегодня, в новую для Японии эпоху Рэйва, по-прежнему остается внесение изменений в текст действующей Конституции страны. Премьер-министр С. Абэ решительно настроен реализовать свою давнюю политическую цель и взяться за внесение изменений в Конституцию, переписав

статью 9 об отказе от войны¹. Однако уже сейчас можно отменить, что конституционное законодательство, регулирующее вопрос усиления безопасности страны изменило «антивоенный дух» Конституции Японии. Политическая воля в Японии правящих влиятельный кругов состояла в том, чтобы через ряд принятых в период 2013–2016 гг. нормативных правовых документов об усилении безопасности страны изменить трактовку «мирной» статьи Конституции и затем привести в соответствие фактическое существование военных сил Японии с правовой основой, обеспечивающей ее существование через внесение изменений в Конституцию.

Неясность правового статуса Сил самообороны Японии, причиной которой является статья 9 Конституции Японии, давно требовала прояснения. Однако в связи с тем, что по способу изменения текста японская Конституция является «жесткой» в соответствии со статьей 9б, которая определяет, что «проект поправок инициируется квалифицированным парламентским большинством в две трети голосов, после чего утверждается простым большинством на общенациональном референдуме»², внести изменения в текст не так просто. Жесткий режим изменения Конституции обеспечил стабильность действия самой Конституции и верховенство права в стране, но и расколот страну на два лагеря: приверженцев изменения Конституции в плане расширения прав и свобод человека и гражданина и отмены «мирной» статьи 9, и противников

¹ <https://mainichi.jp/english/articles/20200503/p2g/oom/ona/038000c>
(дата обращения: 6 июня 2020 г.)

² http://www.shugiin.go.jp/internet/itdb_annai.nsf/html/statics/shiryo/dl-constitution.htm#6sho (дата обращения: 11.06.2020)

ее изменения³. Это также явилось причиной того, что в текст Конституции 1947 г. еще не вносились изменения.

О необходимости пересмотра Конституции заговорили практически сразу после ее вступления в силу и в 1957 г. в Кабинете министров была образована Комиссия по Конституции, а в январе 2000 г. в обеих палатах парламента были образованы Комиссии по изучению Конституции, деятельность которых направлена на всестороннее обсуждение конституционных поправок. Если конкретизировать, то целью деятельности Комиссии по Конституции верхней палаты парламента (палаты советников), к примеру, является проведение широкомасштабных и комплексных исследований Конституции Японии и основных законов, связанных с Конституцией Японии, а также проведение обсуждения по законопроектам о внесении поправок в Конституцию, инициирование конституционных поправок, а также законопроектам, связанным с общенациональным референдумом⁴.

Закон «О процедуре внесения поправок в Конституцию Японии» (Закон о референдуме), определяющий процедуру проведения общенационального референдума по поправкам к Конституции и был принят 18 мая 2007 г., а вступил в силу 1 января 2010 г⁵.

Далее с 2013 года в Японии было принято несколько нормативных правовых документов, которые направлены на обеспечение безопасности страны путем расширения

³ Старостина И. А., Савинцева М. И. (Амара). Конституционный референдум в Японии. М., 2010. С. 4.

⁴ <https://www.sangiin.go.jp/japanese/joho1/kousei/eng/committ/list/10905e.htm> (дата обращения: 11.06.2020)

⁵ Текст Закона о референдуме и комментарий к нему см.: Старостина И. А., Савинцева (Амара) М. И. Конституционный референдум в Японии. М., 2010.

полномочий Сил самообороны без непосредственного внесения изменений в статью 9. В частности, 13 декабря 2013 года был принят Закон «О защите особых секретов», который ужесточил меры наказания за разглашение секретной информации, а 19 сентября 2015 г. в Японии был принят целый блок нормативных правовых документов под общим названием «законодательство о мире и безопасности» (平和安全制) с целью обеспечения национальной безопасности Японии при использовании Сил самообороны для коллективной самообороны, не нарушая при этом целостность Конституции. Принятие законов, касающихся обеспечения мира и безопасности Японии, по сути, настолько сильно изменили саму трактовку статьи 9 и в целом «антивоенный дух» всей Конституции, что возник вопрос об их конституционности. Законодательство о мире и безопасности позволило военным оказывать материально-техническую поддержку союзникам за рубежом, а также вооруженную поддержку в условиях, когда бездействие угрожает «жизни и выживанию японской нации», расширив полномочия Сил самообороны, что привело к массовым протестам в Японии. Так, были приняты: Закон о развитии законодательства о мире и безопасности⁶ (принят в парламент 19 сентября 2015 г. и вступил в силу в марте 2016 г.) и Акт о международном сотрудничестве по поддержанию мира⁷. В итоге, принятие данных Законов, представленных премьер-министром С.Абэ в ходе

⁶ http://www.cas.go.jp/jp/gaiyou/jimu/pdf/anpohosei_eng.pdf (дата обращения: 08.06.2020)

⁷ https://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/pdf/2016/DOJ2016_2-3-1_web.pdf

ожесточенных дебатов, разделило нацию из-за вопроса об их конституционности⁸.

Еще в 2014 г. премьер-министр С. Абэ заявлял о том, что без изменения Конституции будет изменена трактовка ее «мирной» статьи. Таким образом и был сделан новый шаг к пересмотру Конституции и была инициирована так называемая ревизия Конституции Японии путем ее новой интерпретации, включая также новую трактовку Руководящих принципов сотрудничества между США и Японией в области обороны⁹ от 27 апреля 2015 года¹⁰. В целом ситуация с интерпретацией статьи 9 и расширение полномочий Сил самообороны в Японии является примером обманчивого компромисса, который был предпринят с единственной целью – создания правовых условий обеспечения безопасности страны в связи с новыми угрозами, которые были четко обозначены в первом правовом документе блока «законодательства о мире и безопасности» – Постановлении Кабинета министров «О разработке законодательства в области плавного обеспечения безопасности для сохранения Японии и защиты ее народа», которое было

⁸Hitoshi Nasu. Japan's 2015 Security Legislation: Challenges to its Implementation under International Law / International Law Studies/ Volume 92. 2016

См.: <https://core.ac.uk/download/pdf/146503001.pdf> (дата обращения: 08.06.2020).

См.: <https://www.japantimes.co.jp/news/2015/05/15/national/politics-diplomacy/abe-cabinet-oks-bills-relax-limits-sdf-operations-abroad/#.XuSZlEX7RPY> (дата обращения: 08.06.2020)

⁹ https://archive.defense.gov/pubs/20150427_-_GUIDELINES_FOR_US-JAPAN_DEFENSE_COOPERATION.pdf, (дата обращения: 08.06.2020)

¹⁰ Руководящие принципы сотрудничества между США и Японией в области обороны приняты 27 Ноября 1978 г. См.: <https://www.files.ethz.ch/isn/189420/Strategic-Perspectives-18.pdf> (дата обращения: 08.06.2020)

принято 1 июля 2014 г. Можно сказать, что «законодательство о мире и безопасности» вторглось в епархию исключительно конституционную, тем самым уже изменив сам «антивоенный дух» Конституции. Безусловно, на это есть много причин, прежде всего, политических и военно-стратегических. Но стоит также отметить интересный факт, что в 2014 г. Нобелевский комитет принял заявку от нескольких депутатов Парламент Японии о присуждении статье 9 японской Конституции премии мира¹¹. Действительно, «мирная» статья 9 Конституции является ценной сама по себе, поскольку декларировала стремление к мирному существованию страны.

В 2017 г. была создана Конституционная демократическая партия Японии, деятельность которой направлена на: защиту конституционализма и демократии, основываясь на признании императора в качестве символа государства, поддержании уважения суверенитета народа, уважение основных прав человека и поддержания духа пацифизма, закрепленного в Конституции Японии¹².

Этап изменения законодательства по расширению полномочий Сил самообороны и разъяснения их статуса и был открыт принятием Постановления «О разработке законодательства в области плавного обеспечения безопасности для сохранения Японии и защиты ее народа»¹³ с учетом трансформации среды безопасности в современном мире. Целью внесения изменений законодательства по усилению мер безопасности страны, не дожидаясь при этом принятия поправок в Конституцию,

¹¹ <https://apjif.org/-Alexis-Dudden/4792/article.html> (дата обращения: 08.06.2020)

¹² <https://cdp-japan.jp/english> (дата обращения: 08.06.2020)

¹³ https://www.mofa.go.jp/fp/nsp/page23e_000273.html

явилось то, что произошел сдвиг в мировом балансе сил, а также быстрое развитие технологических инноваций, разработка и распространение оружия массового уничтожения и баллистических ракет, а также такие угрозы, как международный терроризм, породивший напряженность в Азиатско-Тихоокеанском регионе, которые могут оказать влияние на безопасность Японии¹⁴. Как сказано в преамбуле к Постановлению, «кроме того, в последние годы риски, которые могут препятствовать свободному доступу к морю, космосу и киберпространству, становятся все более серьезными. Ни одна страна не может обеспечить свой собственный мир только сама по себе, и международное сообщество также ожидает, что Япония будет играть более активную роль в обеспечении мира и стабильности на планете, соразмерно ее национальным возможностям»¹⁵.

В 2016 г. правительством Японии были представлены принципы применения Сил самообороны, заключающиеся в следующем: когда происходит вооруженное нападение на Японию и страну, которая является союзником Японии и в результате есть угроза безопасности Японии; когда нет иных подходящих средств для отражения атаки и защиты населения; применения силы должно быть сведено до минимально необходимой степени и должны применять в рамках международного права¹⁶. 15 ноября 2016 г. Правительство Японии приняло решение передать обязанности так называемой миссии «*kaketsuke-keigo*» об оказании

¹⁴ https://www.mofa.go.jp/np/nsp/page23e_000273.html (дата обращения: 08.06.2020)

¹⁵ Там же. «О разработке законодательства в области плавного обеспечения безопасности для сохранения Японии и защиты ее народа».

¹⁶ <https://www.mofa.go.jp/files/000143304.pdf> (дата обращения: 08.06.2020)

помощи географически удаленному подразделению или персоналу, подвергающемуся нападению, инженерному подразделению Сил самообороны.

В свою очередь принятый Закон 2013 г. «О защите особой информации» также направлен на то, чтобы укрепить военные силы и закрыть от доступа общественности информацию, относящуюся к обеспечению безопасности страны. Принятие этого Закона наделало много шума среди экспертов по доступу к информации, а американские эксперты отметили, что «это худший закон в демократическом государстве в XXI веке», поскольку нарушает принципы Тсване (Международные принципы национальной безопасности и права на информацию» (от 12 июня 2013 г.))¹⁷, поскольку они касаются соображений национальной безопасности, а не всех оснований для утаивания информации. В тексте говорится, что «чрезмерная концентрация правительства на проблемах национальной безопасности может серьезно подорвать основные институциональные средства защиты от злоупотреблений со стороны правительства: независимость судов, верховенство закона, законодательный надзор, свободу СМИ и открытое правление». Здесь мы видим, что Япония пошла по пути большего засекречивания информации вразрез с общемировой тенденцией открытия массивов информации.

Квадратура круга японского права

Есть такая задача, проблема и даже понятие в математике, как квадратура круга, которая отчасти напоминает сложно-разрешимую задачу и в японском конституционном законодательстве. В целом всю историю права Япо-

¹⁷ <https://www.right2info.org/exceptions-to-access/national-security/global-principles> (дата обращения: 06.06.2020)

нии можно представить в виде квадратного круга, как бы это абсурдно не звучало. Примечательно, что в переводе на японский язык слов «круг, окружность» (яп. *мавари*) присутствует иероглиф в виде квадрата в квадрате: 回 ㄩ). Сама правовая система Японии и сердцевина японского права – смешение черт романо-германской правовой системы, в которой источником права является нормативно правовой документ, а также традиции в обществе, которые трансформировались в правовые традиции. На протяжении истории выстраивания японской правовой системы до сегодняшнего дня можно увидеть, что современная японская правовая система – это сочетание элементов европейской романо-германской системы с традициями в обществе, существующие на протяжении веков, а также новых тенденций современного мира.

Взаимосвязь между правом, его применением, государственным устройством и мировосприятием, с одной стороны, и социальными, морально-этическими нормами, являющимися социальными регуляторами общества, сложившимися в обществе, с другой стороны, в Японии неразрывна. В свою очередь традиции японского общества являются связующим звеном между прошлым и настоящим, гармонично поддерживая социальные отношения в обществе.

Особенное мировосприятие японцев в соответствии с принципом гармонии «*ва*» сильнее всего повлияло на формирование такого важнейшего принципа в праве, как Принцип гармонии «*ва*» является одним из основополагающих понятий общего мировоззрения и мироощущения японцев, суть которого заключается в поддержании равновесия и гармонии в государстве и жизни людей, которым пронизаны многие положения Конституции Японии 1947 г. Принцип «*ва*», к примеру, четко прослеживается в преамбуле Конституции Японии: «Мы, японский народ, желаем мира на все времена и глубоко привер-

жены высоким идеалам, главенствующим в человеческих отношениях»; «право на жизнь, свободу и стремление к счастью является в пределах, не нарушающих общественного блага, важнейшим пунктом в законодательстве и других государственных вопросах»¹⁸. Статья 9 Конституции Японии об отказе от войны также направлена на поддержание гармонии в мире и является выражением сути принципа «*ва*»: «Искренне стремясь к международному миру, основанному на справедливости и порядке, японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров. Для достижения цели, указанной в предыдущем абзаце, никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны. Право на ведение государством войны не признается»¹⁹.

То, что многие преобразования в японском обществе, включая весьма серьезные, происходили плавно и без резких скачков и разрушений сформировавшихся социальных отношений, также объясняется существованием характерного для Японии подхода к решению проблем путем компромисса с целью поддержания гармонии (*ва*) в обществе. С переходом Японии в новый исторический период – эпоху Рэйва с 1 мая 2019 г., в стране сохранился тот самый японский феномен сочетать несочетаемое и выстраивать свою гармонию мира, но уже на новых современных условиях.

¹⁸ Конституции зарубежных стран. М., 2003. С. 430.

¹⁹ Там же. С. 432.

Японский подход к миротворчеству

Дипломатия, ставящая в центр ООН, долгие годы является основой японской внешней политики. На протяжении нескольких десятилетий она ведет кампанию, направленную на получение места постоянного члена СБ ООН, что обуславливает особое внимание к вопросам миротворчества. Участие в обеспечении международного мира и безопасности рассматривается и в стране, и за рубежом как ответственность, присущая Японии как одной из ведущих мировых держав, занимающей третье место по размерам ВВП, и обладающей вооруженными силами, оснащенными по последнему слову техники.

Миротворчество является слабым местом ооновской дипломатии Японии в связи с конституционными особенностями. Проблема участия Сил самообороны в миротворческих операциях связана с ограничениями, налагаемыми 9 статьей Конституции. Согласно правительственной трактовке, она запрещает право коллективной самообороны и отправку Сил самообороны за рубеж с целью применения силы, поскольку это ведет к превышению необходимого для самообороны минимума вооруженных сил. В то же время, в 51 статье Устава ООН за всеми странами-членами ООН признается «неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону», что не раз подчеркивалось в ходе дебатов о международных миссиях Сил самообороны.

На протяжении всех лет «холодной войны» Япония отказывалась участвовать в миротворческих операциях ООН, хотя вопрос об ее участии впервые был поднят вскоре после вступления Японии в эту организацию. Впервые Япония направила гражданских лиц в Намибию в ооновскую миссию ЮНТАГ, а в феврале 1990 г. шесть гражданских лиц присоединились к миссии по наблюдению за выборами в Никарагуа, хотя официально это не

была миротворческая миссия ООН. В обоих случаях участвовал только гражданский персонал, об отправке сил самообороны речи не шло.

Проблематика участия в миротворческой деятельности ООН получила широкое освещение в Японии после окончания «холодной войны», когда страна находилась в поиске новой глобальной роли. Под давлением внешних факторов в 1992 г. был принят Закон о сотрудничестве в ОПМ и других операциях ООН. Он предусматривает возможность участия Японии в трех видах операций – ОПМ, международных гуманитарных операциях и операциях по наблюдению за выборами. Согласно закону, при канцелярии кабинета министров учреждался штаб по сотрудничеству в деле мира, возглавляемый премьер-министром. В круг его задач входит разработка планов участия в миротворческих операциях, управление контингентами и т.д.¹

Хотя принятие закона и позволило отправлять Силы самообороны в составе миротворческих контингентов, условия их участия отличались от остальных миротворцев, поскольку должны были соответствовать ограничениям, связанным с 9 статьей конституции. Во-первых, японским военнослужащим разрешалось участие в ограниченном перечне операций: наблюдении за проведением выборов, работе с гражданской администрацией, оказании медицинской помощи, тыловом обеспечении, ремонте мостов и дорог, оказании помощи в охране окружающей среды. Во-вторых, должны быть выполнены пять условий: обязательное наличие соглашения о прекращении огня между конфликтующими сторонами, их согласие на участие Японии в международных соединениях, беспристрастное отношение со стороны миротворцев, использование ору-

¹ Кокусай хэйва кёрёку хо. URL: http://www.pko.go.jp/pko_j/data/law/pdf/law_data07.pdf (дата обращения 20.07.2020)

зия только в целях самозащиты, возможность прервать участие в операции при нарушении перечисленных условий. В-третьих, каждый отдельный случай использования японского контингента требовал специального решения парламента, а уже принятое решение подлежало новому обсуждению и голосованию каждые два года².

Впервые персонал был направлен в Камбоджу. В основном это были инженеры, занятые на ремонте дорог и мостов в зонах с малой вероятностью ведения боевых действий. Позже силы самообороны были направлены в Мозамбик, в Заир, на Голанские высоты и др. Всего на 2019 г. Япония направила 12500 чел. для участия в 27 миссиях³. Миротворчеству уделялось все большее внимание в контексте расширения функций Сил самообороны. В 2004 г. Совет по безопасности и обороне рекомендовал определить «сотрудничество в целях международного мира» как основную миссию Сил самообороны, а в 2007 г. миротворческие миссии перешли в разряд основных задач Сил самообороны⁴. Особенности японского участия в миротворчестве состоят в том, что военный компонент в нем присутствует по возможности минимально. В основном оно представлено миссиями, исключаящими вероятность применения военной силы, такими как наблюдение за выборами. Часто в них участвует гражданский персонал сил самообороны, а военный контингент представлен инженерными и строительными войсками.

² Закон о сотрудничестве в операциях Организации Объединенных Наций по поддержанию мира. www.jda.go.jp (дата обращения 10.05.2020)

³ Diplomatic bluebook 2019. P.182. <https://www.mofa.go.jp/files/000527154.pdf> (дата обращения 02.08.2020)

⁴ K.Hatakeyama. Japan's peacekeeping policy: strategic calculation or internationalization of an international norm? // The Pacific review, No 5, Vol. 27, 2014. P.637.

Принятие Закона 1992 г. не решило всех проблем, стоящих перед Японией в области миротворчества. Ограничения на деятельность Сил самообороны определяли их обособленное положение в миротворческих контингентах ООН. В Закон о сотрудничестве в ОПМ были внесены поправки в 1998 г., 2001 г. и 2015 г., направленные на расширение круга операций, в которых Силы самообороны могли принимать участие, и на смягчение ограничений на использование оружия.

Особенно стоит отметить принятые в 2015 г. Поправки, которые впервые позволили Силам самообороны приходить на помощь подвергнувшемуся нападению миротворческому контингенту или персоналу ООН или неправительственных организаций, участвующему в той же ОПМ. Расширен спектр операций, к которым могут быть привлечены японские военнослужащие, а также смягчены ограничения на использование оружия. Поправки направлены на приведение деятельности сил самообороны в соответствие с международными стандартами миротворчества и на более масштабное участие в постконфликтном урегулировании, что немаловажно с учетом амбиций Японии в ООН⁵.

На момент принятия законодательства единственной миссией, в которой были заняты Силы самообороны, была длящаяся с 2012 г. миссия в Южном Судане. Туда Япония направила в общей сложности около 4 тыс. персонала Сил самообороны, который восстановил более 200 км дорог. В то же время, несмотря на законодательные инициативы, провозглашение С.Абэ «активного пацифизма» и призывов к участию в миротворчестве – наблюдается противоположная тенденция к сокращению японского присутствия

⁵ Добринская О.А. Законодательство об обеспечении мира и безопасности: глобальное, региональное и национальное значение. Япония Ежегодник. 2016. С.65–66.

в миротворческих операциях. При С. Абэ были завершены миссии на Гаити и Голанских Высотах, а новых миссий начато не было. Это позволяет сделать вывод, что нынешняя администрация кажется более заинтересованной в расширении функций Сил самообороны за рубежом, чем в увеличении японского вклада в существующих законодательных рамках⁶.

Вклад Японии в миротворчество остается весьма незначительным по международным меркам. Она занимает второе место по размерам взносов в мире, в 2015 г. на нее приходилось 10.8%. При этом Япония занимает одно из последних мест по численности персонала, участвующего в миротворческих операциях. В апреле 2020 г. Япония заняла 109 место по объему вклада в миротворчество (только 4 чиновника было командировано в Южный Судан). Южный Судан должен был стать первой площадкой апробирования нового законодательства, однако через пять месяцев Япония приняла решения о выводе войск, а новые правила так и не были реализованы на практике⁷.

Перспективы японского участия в миротворческих операциях становятся все более призрачными и в связи с ужесточением условий деятельности международных миротворцев. В 2017 г. был выпущен «Доклад Круза», посвященный ситуации в сфере миротворчества и возможным шагам по обеспечению безопасности миротворцев. В нем говорится о необходимости дать миротворцам возможность использовать силу при осуществлении операций. Этот доклад назвали ударом по японскому миротвор-

⁶ P.Midford. The influence of public opinion in foreign policy in Asia: the case of Japan, //The SAGE handbook of Asian foreign policy. Ed by T.Inoguchi. P.397.

⁷ Japan's Mistaken South Sudan Withdrawal
<https://www.rand.org/blog/2017/06/japans-mistaken-south-sudan-withdrawal.html> (дата обращения 30.07.2020)

честву, поскольку стало очевидно, что Япония не сможет выполнить новые требования, предъявляемые к миротворцам. В «Докладе Круза» говорится о том, что никакие особые условия со стороны отправляющих миротворцев стран не будут приниматься во внимание, что ставит Силы самообороны в невыгодную позицию и делает их будущее участие отдаленной возможностью⁸.

Более перспективным направлением миротворческой деятельности для Японии является миростроительство. Япония стремится уйти от военных аспектов участия в обеспечении международной безопасности, гораздо больше ее привлекает возможность социально-экономического содействия. В этой связи она охотно взяла на вооружение концепцию «безопасности человека», что привело к повышению внимания к вопросам миростроительства, постконфликтного восстановления. В японском политическом лексиконе говорится о миростроительстве (*хэйва котуку*) как одном из направлений внешнеполитической деятельности страны. Миростроительство близко к понятию «сотрудничество в целях обеспечения мира» (*кокусай хэйва кёрёку*), которое основано на Законе 1992 г. Японский подход к миростроительству несет в себе сильный акцент на ОНР с учетом «безопасности человека» и искоренением бедности. В Японии нередко используют понятие миростроительство в широком смысле, включающее предотвращение конфликтов, создание мира, сохранение мира, за которым следует постконфликтное закрепление мира.

В декабре 2002 г. был выпущен доклад с рекомендациями по укреплению японских возможностей миростроительства, а в JICA был учрежден отдел миростроительства.

⁸ Peacebuilding Without Japanese Deployments. Hideaki Shinoda. <https://www.nippon.com/en/in-depth/a06102/peacebuilding-without-japanese-deployments.html#> (дата обращения 30.07.2020)

Комплексный подход к конфликтам и упоминание о миростроительстве стали присутствовать во многих внешнеполитических инициативах, предпринятых в 2002–2003 гг. По мнению ученых, в японском истеблишменте сложился консенсус по поводу миростроительства. В глазах левых сил строительство мира отражает нормы пацифизма, а для правых националистов это возможность для Японии играть большую политическую роль в мире и получить желанное место в СБ ООН. В связи с этим в Японии нет серьезных противоречий между «голубями» и «ястребами» в поддержке миростроительства⁹.

Можно сказать, что нынешнее правительство стремится компенсировать японский вклад в миротворчество за счет других направлений деятельности. Выступая на втором саммите по миротворчеству, С. Абэ обозначил направления японского вклада: инженерная деятельность Сил самообороны, использующая передовые технологии, отправка персонала в штаб-квартиру миссии и штаб-квартиру ООН. Он заявил, что Япония будет изучать другие возможности содействия миротворчеству, такие как организация воздушных перевозок для быстрого размещения миссий¹⁰.

Япония делает акцент на альтернативных вариантах вклада в миротворческую деятельность. Речь идет об ее традиционном инструменте – финансировании, поскольку она является вторым по величине финансовым донором ОПМ. Это интеллектуальный вклад, то есть участие в различных структурах, имеющих отношение к миротвор-

⁹ Lam Peng Er. Japan's peacebuilding in Mindanao: partnering Malaysia, the Philippines and the Moro Islamic liberation front. // Japanese studies, vol.28, No 1, May 2008. P.48.

¹⁰ Statement by Prime Minister Shinzo Abe at the 2nd Leader's Summit on Peacekeeping September 28, 2015. https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201509/1212997_9928.html (дата обращения 30.07.2020)

честву, таких как Специальный комитет по ОПМ, Рабочая группа СБ ООН по операциям по поддержанию мира, Комиссии по миростроительству.

Миротворчество для Японии представляет в определенном смысле дилемму. С одной стороны, нельзя не отметить выгоды от японского участия в ОПМ. Япония на протяжении многих лет стремится получить постоянное кресло в Совбезе ООН, и вклад в миротворчество может стать весомым аргументом в пользу ее заявки. Участие в ОПМ представляет хороший опыт взаимодействия Сил самообороны с военными других стран, ценный с точки зрения нетворкинга, наработки опыта практических операций, с целью повышения уровня их готовности. Направление контингентов также способствует распространению японского влияния в тех странах, где размещаются японский персонал. В то же время вопрос о соответствии миротворческой деятельности конституции, учет общественного мнения как внутри страны, так и за ее пределами, заставляет Токио проявлять осторожность в выборе способов вносить вклад в обеспечение международной безопасности. Можно ожидать, что Япония предпочтет сосредоточиться не более безопасных вариантах содействия миротворчеству, таких как постконфликтное восстановление, невоенные вспомогательные миссии, обучение миротворческого персонала, использование новейших технологий в помощь международному миротворчеству.

**Врата открываются:
сравнительный анализ современной
японской и южнокорейской иммиграционной политики**

До начала 1990-х гг. словосочетание «иммиграционная политика» вряд ли можно было найти в политической риторике Японии и Республики Корея (Южной Корее). Во второй половине XIX – начале XX вв. и даже в 1950-е гг., в период послевоенной экономической нестабильности, страны Восточной Азии являлись странами-экспортерами рабочей силы. Начиная с 1840-х годов Китай, а впоследствии Япония и Корея явились регионами массового найма контрактных рабочих, которые заменили труд рабов на плантациях Нового Света. В то же время в период ускоренного экономического роста в 1960–1980-е гг. Япония явилась единственным представителем высоко-развитых экономик, которая не восполняла трудовые ресурсы иностранной рабочей силой. Республика Корея также рассчитывала исключительно на внутренние ресурсы. Ситуация резко изменилась на рубеже 1980-х и 1990-х гг. Смягчение ограничений на въезд и наем иностранцев привел к быстрому росту численности жителей, рожденных за пределами страны, в обоих государствах. В 2017 г. по сведениям министерств юстиции в Японии иностранцы составили 2 456 000 человек или 2% общего населения, а в Южной Корее 51 446 000 человек или 4,2% населения. Интеграция этих социальных групп в общество стран-реципиентов привлекла внимание как ученых в самих Японии и Корее, так и исследователей за пределами этих стран. В то время как значительное число работ¹ посвящены представителям «старой миграции» (oldcomers) довоенного и военного времени, осевшим в Японии после второй

¹ Например, Sonya Ryang & John Lie (eds.) *Diaspora without Homeland: Being Korean in Japan*. Los Angeles: University of California Press, 2009.

мировой войны – этнических корейцев (*дзайниту*) и китайцев, количество исследований о «новой миграции» (*new-comers*) продолжает расти в геометрической прогрессии².

В данном докладе, основанном на научных материалах, собранных в ходе полевых исследований в Японии и Республике Корея в 2000–2010-х гг., анализируется эволюция иммиграционной политики двух государств за последние три десятилетия. В работе будет показано, как правительства двух изначально закрытых для иммиграции государств постепенно изменили политику в отношении приема иностранной рабочей силы, перейдя от узко ограниченных специальных программ (*side-door mechanisms*) к введению политики мультикультураризма в Республике Корея и новой программе приема работников без специального образования в Японии. Докладчиком будут выявлены основные этапы эволюции иммиграционной политики двух стран в указанный период и рассмотрены изменения структуры миграционных потоков в Японии и Республике Корея.

Причины роста иммиграции в Японии и Республике Корея. Самый высокий уровень старения населения в мире в Японии (27,8% населения старше 65 лет в 2018 г.) и самый низкий уровень рождаемости в Южной Корее (1,9% в 2007 г.) являются яркими примерами притягивающего фактора закона миграции Е. Равенштейна. Ускоренный экономический рост и вызванный им рост стоимости жизни и образования вызвали резкий спад уровня рождаемости в обеих странах. В то же время кардинальное повышение качества медицинского обслуживания значительно увеличило среднюю продолжительность жизни. Третий

² Например, Tsuda, Takeyuki and Cornelius, Wayne A. Japan: Government Policy, Immigrant Reality, Controlling Immigration: a Global Perspective. Stanford: Stanford University Press, 2004, pp. 439-478.

фактор – урбанизация – привел к сильным диспропорциям в возрастном составе сельского и городского населения. 3,1 млн фермеров в Японии были старше 65 лет уже в 2007 г.³ Кроме особенностей возрастной структуры населения существует еще четыре дополнительных «притягивающих» фактора. Во-первых, острая конкуренция с более дешевой китайской продукцией диктовала необходимость урезания фонда зарплаты для сокращения общих издержек производства⁴, что, в свою очередь, заставило компании, в особенности, малые и средние предприятия, искать трудовые ресурсы, согласные на зарплату ниже средней в данном секторе производства или сервиса. Во-вторых, щедрая система социальной защиты привлекает работников из стран, где она намного слабее развита. В-третьих, японская и южнокорейская молодежь имеет сравнительно высокий образовательный ценз и не рассматривает неквалифицированную работу как один из возможностей постоянного заработка после окончания образовательных учреждений⁵. В-четвертых, другие источники трудовых ресурсов промышленности как, например, сельское население или женский труд, оказались почти полностью исчерпаны к концу XX в.

Развитие политики по приему иностранцев в двух странах в 1990–2005 гг.: использование специальных программ и их результат. Первые шаги, направленные на восполнение трудовых ресурсов за счет иностранной рабочей силы, были сделаны почти синхронно в обеих государ-

³ The East, vol.43, no.4, 2007, p.8.

⁴ Tsuda, Takeyuki and Cornelius, Wayne A. Japan: Government Policy, Immigrant Reality, p. 444; Biao Xiang, “Transplanting Labor in East Asia”, Yamashita et al., eds. Transnational Migration in East Asia, Senri Ethnological Reports, no. 77, 2008, p.180.

⁵ Tsuda, Takeyuki and Cornelius, Wayne A. Japan: Government Policy, Immigrant Reality, pp. 444-445.

ствах. С начала 1990-х гг. Япония и Республика Корея внедрили сходные программы, рассчитанные на краткосрочный прием иностранных работников с их обязательным или желательным возвращением на родину по истечению определенного срока.

Первой мерой в Японии стало внесение изменений в действовавший с 1952 г. Закон о иммиграции и беженцах, которые давали право иностранным гражданам японского происхождения (*никкэйдзин*) до третьего поколения включительно жить и работать в Японии без ограничений по времени и роду занятости. Казалось, что данный закон открывал возможность для многочисленных потомков японских эмигрантов переселиться на родину их предков. В одной только Бразилии в то время проживало около миллиона *никкэйдзин*, более 100 тысяч осели в США, около 60 тысяч обосновались в Перу, а также тысячи лиц японского происхождения являлись гражданами Канады, Мексики, Филиппин и целого ряда различных южноамериканских стран. Однако, как пишет американский исследователь Такэюки Цуда, для *никкэйдзин* был широко открыт доступ в страну не только по причине наличия у них культурных корней, но и в связи с предположением о том, что их достаточно высокий социальный и имущественный статус в странах их постоянного проживания делает их пребывание в Японии краткосрочным⁶. Однако, как и в послевоенной миграции контрактных работников из Турции в Германию и многих других известных случаев перехода краткосрочных форм труда за рубежом в долгосрочные, сотни тысяч *никкэйдзин*, начав трудиться в японских компаниях, стали возобновлять свои контракты и планировать продливать вновь и вновь свое пребывание

⁶ Tsuda, Takeyuki. The Permanence of «Temporary Migration»: the «Structural embeddedness» of Japanese-Brazilian immigrant workers in Japan. *The Journal of Asian Studies*, vol. 58, no. 3, August 1999, p. 688.

в Японии. За десять лет с 1988 по 1998 гг. их численность в Японии увеличилась с 4 159 до 222 217 человек⁷. В Республике Корея в конце 1990-х гг. была введена сходная с японской программа для «соотечественников за рубежом» (*кёпо*), имевшая однако строгие ограничения по времени пребывания в стране. В первые годы после ее введения двухлетняя виза F-4 выдавалась лицам корейского происхождения, значительное количество которых прибывало из КНР, Узбекистана и Казахстана.

Вторым важным механизмом привлечения иностранной рабочей силы явилась система приема стажеров (*гайкокудзин кэнсю сэйдо* на японском и *санё кисул ёнсу чэдо* на корейском), участники которой на самом деле выполняли ту же работу, что и японские или корейские работники, но за небольшую «стипендию» (обычно 20-25% средней зарплаты) и проживали в общежитиях компаний. В Японии эта система начала действовать с 1991 г., а Южная Корея «скопировала» ее в 1993 г. Абсолютное большинство «стажеров» в первые годы в Республике Корея были из китайской провинции Ляонин, однако уже в 1994 г. были подписаны соглашения о рекрутинге в Узбекистане и Казахстане, а в 1996 г. – в Монголии. Япония также полагалась, в основном, на труд китайских участников программы, вскоре однако расширив список стран. «Стажер» не мог подписывать официальный контракт с работодателем и поэтому не попадал под защиту трудового законодательства. В Японии эту программу координировала Организация по сотрудничеству в сфере международного тренинга Японии (*Japan International Training Cooperation Organization, JITCO*), созданная министерствами иностранных дел, экономики, промышленности, труда и транспорта. Другим организациям

⁷ Ibid.; Carvalho, Daniela de. *Migration and Identity in Japan and Brazil: the Nikkeijin*. London and New York: Routledge Curzon, 2003, p. 80.

также разрешалось нанимать стажеров⁸. В Южной Корее прием «стажеров» проходил под эгидой Корейской федерации малых и средних предприятий (The Korea Federation of Small and Medium Business, KFSB) и его отделения – Корпорации по сотрудничеству в сфере международного тренинга (Korea International Training Cooperation Corps, KITCO), образованного в 1994 г. и как две капли воды похожего на своего японского близнеца. Хотя стипендия была невелика (в Японии – эквивалент 600-800 долларов США, а в Южной Корее – в среднем 640 ам. долларов), за разрешенный срок работы в 2-3 года «стажеры» могли сделать некоторые накопления. Причем, в Южной Корее, несмотря на то, что условия труда были суровее, за счет низких издержек на проживание, участник программы мог сделать сравнительно большие накопления — до 200 тысяч юаней (эквивалент 23 тыс. долларов США)⁹. К категории «стажер» можно причислить и тех, кто въезжал в Японию по двум другим типам визы “pre-college student” и “entertainer”¹⁰.

Прием «стажеров» по краткосрочным контрактам сходен с послевоенной системой межгосударственных соглашений о найме работников из бывших колониальных владений или других стран государствами Западной Европы. В то время, как в Японии система «стажеров» достаточно сурово регулируется и компании обязаны отчитываться о возвращении работников на родину, в Южной Корее «стажерам» легче продлить контракт или даже остаться в стране нелегально. Согласно статистике

⁸ Biao Xiang, *Transplanting Labor in East Asia*, p.176.

⁹ Biao Xiang, *Transplanting Labor in East Asia*, p.176-177.

¹⁰ Tsuda, Takeyuki and Cornelius, Wayne A. *Japan: Government Policy, Immigrant Reality*, pp. 440-441.

корейского министерства труда 63%¹¹ «стажеров» оставалось в стране.

Как это не парадоксально, одним из скрытых механизмов увеличения трудовых ресурсов явились международные браки. С конца 1980-х гг. японские и корейские мужчины, в особенности фермеры в сельской местности испытывали сложности в поиске спутника жизни из-за сильного оттока молодежи в города, где инфраструктура и качество жизни были выше. Например, в начале 2000-х гг., огромный билборд с надписью «подберем вам невест в Китае» можно было увидеть одиноко стоявшим среди рисовых полей в одном из аграрных районов страны на побережье Японского моря. От иностранной жены из Китая, Юго-Восточной Азии или других регионов ожидали, что она разделит с мужем труд на сельскохозяйственных угодьях семьи или возьмет значительную часть другой работы по дому. Значительная часть таких браков распадалась, и бывшие жены либо возвращались на родину, либо вливались в армию неквалифицированной рабочей силы в стране иммиграции. В 1990-х гг. наблюдалось и значительное количество фиктивных браков, целью которых было остаться для работы в стране «избранника».

Таким образом, до 2006 г. механизмы восполнения недостатка трудовых ресурсов в обеих странах были практически идентичными, при этом корейская система во многом копировала японские институты специальных программ возмещения дефицита трудовых ресурсов. Однако их результатом стал экспоненциальный рост количества жителей страны, рожденных за рубежом, как в Японии, так и Южной Корее.

¹¹ Biao Xiang, *Transplanting Labor in East Asia*, p.176-177.

Новая иммиграционная модель в Республике Корея.

В Республике Корея все кардинально изменилось в 2006 г. в период правления президента Но Му Хёна. Столкнувшись с фактом значительного роста численности иностранных рабочих в стране и необходимостью дальнейшего использования их труда в производственном и других секторах экономики, правительство страны решило срочно разработать политику их социальной интеграции. Как сказал в интервью в апреле 2008 г. один из экспертов министерства юстиции по вопросам иммиграции и один из основателей Корейского общества миграционных исследований, правительство страны нуждалось в срочной разработке интеграционной политики и конкретного плана по использованию выделенных для этих целей бюджетных средств. По его мнению, такое быстрое изменение политики стало возможно благодаря отличию от японского механизма принятия решений в Южной Корее. Если в Стране Восходящего Солнца принятию любого закона или его изменению предшествует длительной обсуждение проблемы на всех уровнях власти, начиная с самого низкого, в Республике Корея, руководство страны принимает решение самостоятельно и требует его немедленного исполнения¹².

Одним из первых шагов в этом направлении стала замена двухлетней визы F-4 для «зарубежных соотечественников» в сентябре 2007 г. на пятилетнюю H2-1. По мнению корейского эксперта, было необходимо преодолеть дискриминацию иностранцев и оказать им различные виды содействия в жизни, трудовой деятельности и социальной интеграции в Южной Корее. В 2009 г. в стране состоялось 15 различных мероприятий под общим названием: «Добиться понимания мультикультураризма».

Структура иностранного населения в стране стала крайне разнообразной в конце 1990-х – начале 2000-х гг. В

¹² Интервью с профессором И Чжинён, 25.04. 2008 г., Сеул.

то время, как более половины мигрантов составляли выходцы из КНР, большинство которых являлись китайцами корейского происхождения, резко увеличилась численность мигрантов из стран Юго-Восточной Азии, Монголии и центрально-азиатских государств. Одной из первых организаций, оказывавших помощь иностранцам, стал Центр содействия мигрантам в городе-спутнике Сеула – Ансане, районе скопления индустриальных предприятий и самой высокой концентрации иностранного населения из 58 стран¹³. Район города вокруг железнодорожной станции заполнили предприятия торговли и сервиса, обслуживающие иностранцев. Флаги различных государств на вывесках магазинов говорили о том, на каком языке, кроме корейского, клиенты могут получить консультацию. Вновь открытый центр содействия мигрантам оказывает различного рода консультации более, чем на двадцати языках мира. В конце 2000-х гг. правительством было введено понятие «многонациональной семьи» (multinational family) и внедрена политика их особой поддержки. Согласно статьям 2 и 3 Закона об обхождении с иностранными жителями (Foreign Residents Treatment Act) «многонациональным семьям», в которых хотя бы один из родителей должен был быть иностранцем, предоставляется поддержка в изучении корейского языка, образовании детей и поиске работы. Мигранты, чей образ в обществе, прессе и даже кинематографе был долгое время крайне негативен, постепенно стали трудиться не только в качестве неквалифицированной рабочей силы, но и как профессионалы высокой и средней квалификации. Некоторые из них, в особенности предстравители более молодого поколения, чьи родители начали трудиться в Корее еще в начале 1990-х гг., начали открывать свои собственные предприятия в сфере сервиса и торговли, ориентиро-

¹³ Тёсэн ниппо, Chosun.com, просмотрено 24.03. 2008 г.

ванные как на представителей растущих этнических сообществ, так и коренных жителей Южной Кореи. В связи с бумом китайского туризма особенно оказались востребованы китайцы корейского происхождения, свободно владеющие двумя языками и имеющие достаточную квалификацию для обслуживания китайских туристов. Некоторые из них открыли и собственные предприятия, ориентированные на туристов из Поднебесной. В конце 2000-х гг. женщина-мигрант из Монголии, состоявшая в браке с гражданином Южной Кореи, впервые стала государственным служащим. Таким образом, стала более разнообразной, как и структура иностранного населения в Республике Корея, так и структура занятости иностранных жителей страны. Несмотря на сохраняющиеся сложности социальной интеграции и отсутствие возможностей для натурализации для большинства мигрантов, корейцы постепенно стали менять свои представления о роли иностранцев в жизни общества.

В поисках иммиграционной модели в Японии. Продолжающееся высокими темпами старение населения и острая нехватка трудовых ресурсов в Японии также способствовали постепенному смягчению визовых ограничений в этой стране. Ставка была сделана на привлечение высококвалифицированных специалистов со степенями бакалавра, магистра или доктора наук, а также обладателей дипломов о среднем специальном образовании таких, как, например, представителей младшего медицинского персонала. В поисках модели для развития политики по приему иностранцев, которую все с большей уверенностью можно назвать «иммиграционной политикой», японское правительство попыталось внедрить элементы австралийской модели, в которой приоритет в получении вида на жительство и гражданство отдается иностранцам, закончившим местные высшие учебные заведения. Четыре

и более лет обучения в вузе принимающей страны помогают студенту адаптироваться к культурным нормам принимающего общества, что по мнению австралийского министерства иммиграции и проблем коренного населения способствует их успешному трудоустройству и социальной интеграции. Следуя этой же логике, японское правительство расширило план приема 100 тысяч иностранных студентов, принятый в 1980-х гг., на новый, рассчитанный на привлечение в вузы страны уже 300 тысяч студентов. Японские университеты стали ежегодно проводить презентации своих вузов в соседнем Китае, а затем и во все большем количестве стран. В это же время был введен специальный тип полугодовой визы «для поиска работы», на получение которой могли подать документы выпускники бакалавриата, магистратуры или докторантуры, если они стремились найти вакансию в японской компании или организации. В начале 2000-х гг. ценз для получения постоянного вида на жительство был снижен с десяти до пяти лет. Хотя процедура последующей натурализации так и не была четко сформулирована, увеличилось количество иностранцев, получивших японское гражданство.

С начала 1990-х гг. термин «интернационализация» (*кокусайка*) стал все чаще повторяться на страницах японской прессы. Ее претворением в жизнь стала концепция «межкультурного сосуществования» (*табунка кёсэй*), нашедшая практическое применение на уровне муниципальных органов власти – городских и префектуральных администраций тех районов Японии, где доля жителей-иностранцев наиболее высока (токийского муниципального округа, префектур Гумма, Канагава, Сидзуока, Айти, Гифу, Миэ и некоторых других). С 2001 г. каждый год представители городских и префектуральных властей, а также общин иностранцев из этих районов собираются на всеяпонские Съезды представителей городов с самым большим иностранным населением (*гайкокудзин сюдзю*)

тосу кайги). Такие съезды, например, состоялись в 2001 г. в г. Хамамацу, в 2004 г. в городе Тоёта, в 2006 г. в г. Ёккайти и в 2008 г. в г. Минокамо. За три десятилетия с 1990 г. до 2020 г. значительно изменилась структура иностранного населения страны. Численность этнических корейцев, принадлежавших к «старой иммиграции», сократилось благодаря ускорившейся натурализации второго и последующих поколений. Частично сохраняя корейские национальные традиции, молодежь корейского происхождения все чаще вступает в межкультурные браки с японцами и становится все менее заметной с точки зрения культурной самобытности. В то же время значительно увеличилось количество мигрантов из КНР, Индии, Шри-Ланки, Вьетнама и других стран Южной и Юго-Восточной Азии. Разброс мнений японцев о иностранцах в Японии и их жизнедеятельности в стране очень велик. Государственный чиновник, например, сказал в неофициальной беседе, что иностранцы работают лучше японцев (г. Нагоя, 2007 г.) в то время, как домохозяйка выразила испуг, узнав, что количество иностранцев увеличивается: «Что они делают в нашей стране?» (Нагоя, 1998 г.). Другая домохозяйка, наоборот, выразила радость по поводу того, что стало больше иностранцев в ее городе и что с ними интересно общаться (Ниигата, 2002 г.). Широко известно высказывание на публичном мероприятии мэра Токио Исихара Синтаро, который заявил: «Мы должны усилить Силы Самообороны, поскольку так много лиц из стран третьего мира проживают в Японии.» (Токио, 2000 г.). Впоследствии он подвергся за эти слова резкой критике внутри страны и зарубежом и публично принес извинения. В другом случае председатель японского аналога товарищества собственников жилья (ТСЖ) положительно отозвался о том, что иностранец будет снимать квартиру в многоквартирном доме, где он проживал. «Ведь сейчас время интернационализации», – сказал он (Нагоя, 2018 г.). Термин

«интернационализация» (кокусайка) все прочнее входит в обиход в Японии, что показывает, что современные японцы, особенно в городских конгломератах, привыкли к новой реальности: иностранные работники стали привычной частью повседневной жизни. Их труд востребован на малых и средних предприятиях, в сфере обслуживания и многих других секторах экономики.

В ноябре 2018 г., в то время, когда нехватка трудовых ресурсов стала ощущаться особенно остро в связи приближающимися Олимпийскими Играми в Токио, парламент страны одобрил закон о разрешении въезда в Японии для работы 340 тысяч работников по новому типу «специальной визы для квалифицированных кадров» (токутэй гино биза), формально требующей подтверждения определенной квалификации, но не требующей диплома о среднем или высшем образовании.

Заключение. Второе десятилетие XXI в. стало переломным моментом в дискурсе о роли иностранной рабочей силы в двух восточноазиатских государствах. Сначала в Республике Корея в 2006 г., а затем и в Японии в 2018 г. рамки приема иностранных специалистов самой разной квалификации были существенно расширены, что позволяет говорить о появлении и развитии концепции иммиграционной политики в обеих странах. Изменилась и политика социальной интеграции внутри обоих государств. Концепция «многонациональной семьи» (multicultural family) в Республике Корея и региональная политика по «межкультурному сосуществованию» (табунка кёсэй сэйсаку) в Японии прошли испытание временем в течение двух первых десятилетий нового века и стали платформой для дальнейшей более детальной разработки концепций мультикультурного общества в обеих государствах.

Список использованной литературы

1. Carvalho, Daniela de. Migration and Identity in Japan and Brazil: the Nikkeijin. London and New York: Routledge Curzon, 2003.
2. Sonya Ryang & John Lie (eds.) Diaspora without Homeland: Being Korean in Japan. Los Angeles: University of California Press, 2009.
3. Tsuda, Takeyuki and Cornelius, Wayne A. Japan: Government Policy, Immigrant Reality, Controlling Immigration: a Global Perspective. Stanford: Stanford University Press, 2004, pp. 439-478.
4. Tsuda, Takeyuki. The Permanence of «Temporary Migration»: the “Structural embeddedness” of Japanese-Brazilian immigrant workers in Japan. The Journal of Asian Studies, vol. 58, no. 3, August 1999, pp. 687-722.
5. Xiang, Biao. “Transplanting Labor in East Asia”, Yamashita et al., eds. Transnational Migration in East Asia, Senri Ethnological Reports 77 (2008), pp .175-186.

The Main Issues of Japan-India political relations in the 1960s: Diverging Visions on Mutual Cooperation

In the early 1960s, the Cold War realities started to influence much the international relations in every part of the world. In the context of growing tensions between the Soviet Union and the United States the key countries of the Asian region were also supposed to take a distinct position in their foreign policy that would correspond to their national priorities. It is obvious that such “key players” as India and Japan continued to follow the basic concepts of their foreign policies that led to the divergence between the two countries.

It was India that turned to be one of the main organizers of the Belgrade Conference in September 1961, when the Non-Aligned Movement (NAM) was established. In broader meaning, the major issues of the Conference were the impact of decolonization, the problem of racial inequality, the countries contribution to peace and disarmament, which meant following a non-alignment policy in the Cold War conflicts¹. In fact, India had taken the leading role in the Non-Aligned Movement among the Asian countries. Consequently, the Jawaharlal Nehru’s government stood for the political cooperation between various countries of the region in the matter of maintaining peace and security, regardless of their pro-American or pro-Soviet orientation.

As for Japan, it continued to adhere to the policy of strengthening and expanding the Japan-US military and political alliance that was officially established after the Treaty of Mutual Cooperation and Security between the United States and Japan was signed in 1960. According to the terms of the Treaty the national security of Japan was maintained by the US military presence in Japan. The Japanese government, in its turn, was virtually obliged to

¹ Iurllov F.N., Iurlova E.S. Istoriiia Indii. XX vek [The history of India. XX century]. Moscow, IV RAN, 2010, p.577.

follow and support the foreign policy principles of the United States.

However, the "Security Treaty" conclusion caused a large-scale protest, which led to a deep political crisis in Japan. As the result, the Kishi government² was forced to resign in late June 1960, and the next Prime Minister Ikeda Hayato (池田 隼 人) formed a new government³. It is noteworthy, that mass demonstration's participants, opposing the adoption of the Japan-US Treaty, called also to follow the principles of the Bandung Conference^{4 5}.

On the other hand, Japanese officials continued to express skepticism about the idea of non-alignment. Even the Prime-Minister Ikeda once remarked in the context of Sino-Japanese tensions over the border territories, that "only weak and small countries chose the middle course of non-commitment where important issues were concerned"⁶. Possibly, the true meaning of the remark might be that such a powerful country as India was able to protect its national interests in other ways rather than following the non-alignment policy.

One should also take into account the both countries relationship with the superpowers, i.e. the USA and the USSR. Japan, as mentioned above, was involved in the strategic

² Kishi Nobusuke (岸信介) was a Japanese politician and the Prime Minister of Japan from 1957 to 1960.

³ Iurlov F.N., Iurlova E.S. Ibid., pp. 320, 322.

⁴ The Bandung Conference was the first large-scale Asian-African Conference, held in 1955, with the participation of the 29 newly independent countries. The Conference aimed at promoting Afro-Asian economic and cultural cooperation and became an important step towards the creation of Non-Aligned Movement.

⁵ Okatachi Kohei. Nichiin kankei sho:shi (The history of Japan-India relations in brief). 大形 孝平. 日印関係小史. Tokyo, «Asia Economy», 1969, p. 91.

⁶ Narasimha Murthy P.A. India and Japan. Dimensions of their relations (historical and political). New Delhi, ABC Publishing House, 1986, p. 359.

program of the US Asian policy. The government of India, in turn, could not but realize that the United States possessed large economic and military resources, and also supported India in its democratic development policies. However, from Indian perspective the “Western world” was directly connected with colonialism and imperialism, which contradicted the basic ideas of the Bandung Conference. For this reason, for the Indian Premier Nehru it was more preferable to intensify relationship with the Soviet Union. Moreover, the USSR could probably act as a counterweight to China in regards to the Sino-Indian tensions⁷. Thus, India preferred political rapprochement with the USSR rather than with the United States.

In general, in the beginning of the 1960s, both India and Japan officials' attention was mostly paid to their internal problems. Since Japan was concerned about its rapid economic development the international relations issues, including deepening relations with the Asian countries, were not among the priorities of the Japanese government policy. India, on the contrary, had a poorly developed economic system that required significant modernization. Moreover, India had been facing the problem of territorial disputes with its neighbouring countries for several decades.

In this context, the second official visit of the Japanese Premier Ikeda to India, made in November 1961, had played far less important role than the visit of his predecessor Kishi in 1957.

During the summit meeting, Pandit Nehru expressed his hope to his Japanese counterpart that "convergence between Japan and India would not be limited only to the economic aspect, but would also expand to mutual cooperation in regard to contributing toward peaceful settlement of disputes, focusing especially on the Asian region"⁸. In addition, he pointed to the tendency for

⁷ Iurlov F.N., Iurlova E.S. Ibid., p. 576.

⁸ Okatachi Kohei. Ibid., p. 93.

spreading the Chinese influence in Southeast Asia and expressed his concerns about the political isolation of India due to existing tensions with China. In these conditions, the rapprochement with Japan seemed, in Nehru's opinion, extremely important⁹.

Still, the Prime Minister Ikeda's viewpoint turned out to be the opposite. He stated that the Japanese government's attitude to the Chinese issue was different, so it did not intend to interfere or mediate in resolving the Sino-Indian border conflict. Moreover, he made it clear that, at the moment, Japan would adhere to the terms of the treaties of 1951¹⁰ in its foreign policy.

At the same time, the Ikeda government paid special attention to its Official Development Assistance (ODA) policy towards developing countries in Asia. In this connection, the main purpose of Ikeda's visit was likely to persuade India to reconsider its foreign policy principles in exchange for a promise to increase Japanese economic assistance¹¹.

The factors, mentioned above, did not contribute to the strengthening of mutual trust between the governments of Japan and India. Hence, the results of the Prime Minister Ikeda visit to India demonstrated the differences existing between the two countries leaders in their foreign policy views. It also had no any significant impact on the further bilateral political cooperation in a regional interaction process as a whole. This is evidenced by the fact that the next

⁹ Ibid.

¹⁰ This refers to the Security Treaty between the United States and Japan signed simultaneously with the San Francisco Peace Treaty in 1951. Some of the articles of the Security Treaty were reconsidered further, and the new Japan-US Treaty of Mutual Cooperation and Security was signed in 1960.

¹¹ Molodiakov V.E., Molodiakova E.V., Markar'ian S.B. *Istoriia Iaponii. XX vek* [The history of Japan. XX century]. 2nd ed. Moscow, IV RAN, Kraft+Publ., 2009., pp. 343-344.

official visit of the Japanese Prime Minister to India was made only 23 years later.

The first half of the 1960s turned to be a difficult period for India, in which it was involved in two military conflicts - the Sino-Indian border conflict in 1962 and the Indo-Pakistani war in 1965. It was the time when the Japanese government demonstrated clearly its position of non-involvement in any interstate conflicts of other countries, thereby making it clear that creating a comprehensive cooperation with any country of the Asian region is not among its political priorities.

Since the border dispute escalation between India and China¹² in 1959, both countries had still been unable to come to an agreement on resolving the territorial conflict in the Himalayas. Eventually, in October 1962 the Chinese army crossed the border, broke through the Indian defense and moved deep into Indian territory, invading disputed territory along the Himalayan border¹³. In these circumstances the Prime Minister J. Nehru had to send official requests for support to the heads of friendly governments, including Japan. In his message Nehru said: "The present Sino-Indian border conflict is not just a mere local border clash. This incident is a full-scale military act of aggression by China against India. Therefore, we appeal to the solidarity and seek for help and support of all friendly countries"¹⁴.

Replying to this the Japanese Prime Minister expressed sympathy with India over the difficulties thrust upon it by Chinese military action but did not intend to go beyond extending moral support. It was a neutral position which

¹² This refers to the Sino-Indian border dispute over the sovereignty of the territory in the Himalayas. The so-called McMahon Line was recognized by the Simla Convention (1914) between British India and Tibet, without the agreement of China.

¹³ Chinese troops invaded about 2000 mile-long territory in Ladakh and across the McMahon Line.

¹⁴ Okatachi Kohei. *Ibid.*, p.94.

Japan took, unlike the support pledge by most other “free nations”¹⁵.

At the same time the Prime Minister Nehru sent a request for military support to the US President J. Kennedy. The US government was about to provide military assistance to India, when in November 1962 China declared a ceasefire and announced its withdrawal to the northern point of the McMahon Line. Although the Chinese army left the invaded territory in the northeast, China claimed its presence in the strategically important Aksai Chin area in the northwest. As a result, China demonstrated its military advantage over India¹⁶.

Soon after the Sino-Indian military conflict had come to its end, Premier Ikeda reiterated the official position of the Japanese government on the issue by saying that “Japan was not thinking of either stopping trade with China or cutting down its economic commitment to India”¹⁷. Moreover, he preferred not to make any comments on whether China’s actions were aggression against India or not, and said the following: “...we are to decide ourselves what role we are to play in the Sino-Indian border dispute...we are willing to extend aid so long as it is not military”¹⁸.

Then, on December 10, the Prime Minister said in his foreign policy speech to the Diet: “The reality of the armed Sino-Indian clashes in the border dispute has demonstrated how unrealistic are advocacy of neutralism and mere calls for peace”¹⁹.

From the above it should be noted that there was some hope in Nehru’s government that Japan, keeping in mind the appearance of Indo-Japanese relations in the postwar decade, might offer its support in a severe situation. For that reason it

¹⁵ Narasimha Murthy P.A. Ibid., p. 376.

¹⁶ Iurlov F.N., Iurlova E.S. Ibid., p. 684.

¹⁷ Narasimha Murthy P.A. Ibid, p. 376.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

came as a surprise that Japan even did not expressed any intention to.

In this regard, an Indian researcher P.A. Narasimha Murthy discusses the reasons for Japan's refusal to support India in its military clash with China as the followings.

Firstly, “it was one of those rare occasions when the Japanese government was able to demonstrate to the political opposition that it could take independent action on specific international issues like the Sino-Indian conflict. Whereas the United States had responded favourably to India’s call for support, Japan was non-committal”²⁰.

Secondly, “the Sino-Indian border conflict came at a time when China and Japan were about to carry their economic relations to a new stage. In the circumstances a neutral stand seemed the best way out – one which did not jeopardize Tokyo’s already acquired economic interests in India, and goodwill and markets which were about to be gained in China”²¹.

Thirdly, “Japanese public reaction to the conflict remained mild and non-committal, as the public were more concerned about the crisis in Cuba than the local conflict in the Himalayas. Thereby, it induced official policy to move in the same direction”²².

One could say that the border war of October-November 1962 provoked the Indian public to reconsider the country's foreign policy principles. The international isolation and the defeat that India experienced during the conflict shattered the Indian leader’s faith in Asian solidarity. As the result, the Prime Minister J. Nehru decided to pursue a policy of containing China's influence in Asia that led to deepening the cooperation with the Soviet Union. Nevertheless, Pandit

²⁰ Narasimha Murthy P.A. Ibid., p. 377.

²¹ Narasimha Murthy P.A. Ibid., pp. 377-378.

²² Narasimha Murthy P.A. Ibid., p. 378.

Nehru never abandoned the idea of non-alignment in his foreign policy.

After the death of Jawaharlal Nehru in 1964, Lal Bahadur Shastri took over as Prime Minister of India. In the face of the formation of military ties between China and Pakistan and the first Chinese nuclear tests, conducted in 1964 and 1965, Shastri's government proclaimed the State program for strengthening the defense capability of the country. It required both political and economic reforms, as well as renovation of the country's diplomacy. First of all, the new Indian government took measures to intensify military cooperation with both superpowers – the US and the Soviet Union. Moreover, the Prime Minister Shastri held a course for deepening cooperation with the Asian region countries, among which Japan could become a priority one as a developed Asian country which was in alliance with the United States.

At the same time some Indian and other foreign politicians made proposals “to persuade the two countries to match their perceptions and move towards concerted diplomatic action in order to infuse confidence among other Asian nations. Moreover, taking into consideration the fact that the balance of power in Asia had been upset and peace was disturbed by China, a corrective measures an Asiatic defense consisting of India and Japan was necessary”²³. Needless to say that there was no any idea to create an “integrated military alliance in free Asia, but a diplomatic coalition of the stronger powers, in other words, a countervailing power to restrain China”²⁴.

However, in the beginning of the 1960s neither India nor Japan was interested in such conception. The reason was that both countries leadership considered the best way to withstand pressure from China was to build their own

²³ Narasimha Murthy P.A. *Ibid.*, p. 380.

²⁴ *Ibid.*, p. 381.

political, economic and military (that is for India) strength as soon as possible.

In summing up one may note that a “Chinese factor” had already appeared in the early 1960s in the concept of Indo-Japanese political relations. However, in that period of time it hadn’t yet played the role of the factor that could encourage for improving the convergence between the two countries. At the time of the 1960s Japan was aimed at developing its economic cooperation with the People Republic of China, while India was to protect its national interests and contain China by strengthening its military capability.

Soon after the Sino-Indian border clash, India was involved in another armed conflict with Pakistan, also known as the Indo-Pakistani War of 1965. This conflict referred to the territorial dispute between the two countries over the state of Kashmir. Pakistan, claiming the entire Kashmir, did not recognize the division along the armistice lines²⁵. Therefore, as an agreement on the Kashmir issue had not yet been reached, India and Pakistan remained in contention. Moreover, in March 1963 the foreign ministers of Pakistan and China signed a temporary border agreement in Beijing, according to which the Pakistani jurisdiction over the northern regions of Kashmir was recognized.

In the period of 1962-63 several rounds of negotiations were held between the foreign ministers of India and Pakistan through the mediation of the United States and Great Britain, but ended in vain²⁶. As for Japan, its government, from the start, was not eager to take any action

²⁵ In the result of the Indo-Pakistani War of 1947-1948 Kashmir was divided into two parts, i.e. Indian and Pakistani. However, the Pakistani government continued to claim to the whole territory of Kashmir.

²⁶ Nasenko Iu.P. Vneshnepoliticheskie vozzreniia Dzhavakharlalu Neru [Jawaharlal Nehru’s visions on Foreign policy] // Mirovozzrenie Dzhavakharlala Neru [Jawaharlal Nehru’s ideology]. Eds. B.G. Gafurova, A.D. Litman. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 316-319.

to mitigate the tense situation on the Indian-Pakistani border. The policy of Japan towards the subcontinent was to participate in economic development programmes of both India and Pakistan and not to get drawn in their disputes. In other words, Japan stood for “maintenance of parity which meant that a yen credit given to India must be matched with a similar yen credit given to Pakistan, and a fertilizer factory set up in India must be matched with a steel mill in Pakistan”²⁷. It is natural to assume that the policy of avoiding the controversial Kashmir problem could ensure Japan's pursuit of development assistance to the subcontinent countries.

Ultimately, the unresolved Kashmir conflict caused a series of military clashes that took place from April to September in 1965 between India and Pakistan. Initially, the Indian army met with success, and soon after both sides turned to be in the statue of military confrontation²⁸. In these circumstances, the United States government imposed an arms embargo on Pakistan in order to force it to cease hostilities. Japan, following its ally, also suspended the assistance to Pakistan. However, it was only after the UN Security Council, following diplomatic intervention by the Soviet Union and the United States, appealed to the governments of India and Pakistan for a ceasefire that the parties agreed to hold peace talks. In the end, in January 1966, the Indian Prime Minister Shastri and the Pakistani President Ayub Khan signed an agreement, known as the Tashkent Declaration, under which the military forces of both countries were withdrawn to pre-war positions and the ceasefire was declared²⁹.

Even after the Tashkent Declaration was signed, tensions prevailed between India and Pakistan. That was the reason why the United States announced suspension of all

²⁷ Narasimha Murthy P.A. Op. cit., p. 382.

²⁸ Iurlov F.N., Iurlova E.S. Ibid., pp. 687-688.

²⁹ Ibid., p. 688.

economic and military assistance to India as well until the conflict with Pakistan was resolved. Japan again followed its ally and declared that “aid promised for 1965-1966 and all project aid to India would remain suspended”³⁰. Therefore, this time the Japanese government took the position not to demonstrate its independence in action on specific international questions as it did in the case of the Sino-Indian border conflict in 1965.

From the Japanese perspective these measures seemed to be quite natural in terms of maintaining parity between India and Pakistan. However, from the Indian point of view “the parity idea was destructive and was used by interested nations to bend others to their will”³¹. In the case of the United States its actions seemed to be quite understandable for Indians, as the US, being an ally of Pakistan had its own reasons to suspend aid to India in order to keep following its policy in South Asia. Still, it was very difficult for the Indian government to understand the reason why Japan had decided to follow the parity principle, for Japan had never supplied any war materials neither to Pakistan nor to India.

In this regard, it's worth citing Dr. V.K.R.V. Rao's opinion³² that expressed all the disappointment of the Indian public over Japan's actions. He said: “You (Japan) should distinguish yourself from others in the matter of aid to Asian nations. You should take an outstanding role (in the region)”³³.

Nevertheless, despite the protest from the Indian side, it was not until 1969 when a resumption of Japanese project

³⁰ Narasimha Murthy P.A. Op. cit., p. 382.

³¹ Ibid.

³² Dr. V.K.R.V. Rao was an Indian economist, politician and educator. During his visit to Tokyo in 1966 he gave a speech at the meeting with members of the Committee for Studies on the Economic Development of India and Japan.

³³ Narasimha Murthy P.A. Op. cit., p. 383.

aid was announced during the Prime Minister Indira Gandhi's official visit to Japan.

It's worth noting that the visit turned to be successful only in terms of the further development of economic cooperation between the countries. "In the joint communiqué issued on June 28, at the conclusion of the visit, the Japanese Premier agreed to resume project aid to India, starting with the development of the outer harbour of Vishakapatnam, and oil exploration"³⁴. Thus, the Japanese government terminated the suspension of assistance to India that was announced in the result of the Indo-Pakistani War of 1965.

From a point of political relations, it seemed that the visit had deepened them with regards to security issues in the Asian region. For instance, the two Prime Ministers³⁵ exchanged views on Vietnam, Laos, and Cambodia issues, and also on the US campaign in the region. On the other hand, this visit did not bring any significant results in terms of intensifying the regional cooperation. It is remarkable that such burning topics as Kashmir, the Kurile Islands, and the problem of China were ignored during the summit meeting. «Regarding the Indo-Japanese state of interaction at this point, P. A. Narasimha Murthy noted in 1967, "There can be no meaningful Indo-Japanese political contacts if the two countries cannot support each other on these problems"»³⁶.

³⁴ Annual Report 1969-1970 / Government of India. Ministry of External Affairs, New Delhi // MEA Library // [URL]: <http://mealib.nic.in/?pdf2496?000> (accessed: 17.02.2020), p. 46.

³⁵ The Prime Minister of Japan Sato: Eisaku (佐藤栄作) and the Prime Minister of India Indira Gandhi.

³⁶ Cit. ex: Ankit Panda. Asia's Democratic Bulwark: A Theoretical Analysis of Strategic Convergence between India and Japan in the Early 21st Century / Princeton University Senior Theses // [URL]: <http://www.ankitpanda.com/wp-content/uploads/2012/06/Asias-Democratic-Bulwark-Ankit-Panda.pdf> (accessed: 05.04.2020), p. 25.

To conclude, the decade of the 1960s became the period when India and Japan visions on the global and regional issues were diverging significantly. Consequently, both governments failed to find any common points for building their cooperation that led to a long period of stagnation in their political relations.

References

1. Annual Report 1969-1970 / Government of India. Ministry of External Affairs, New Delhi // MEA Library // [URL]: <https://mealib.nic.in/?pdf2496?000> (accessed: 17.02.2020).
2. Ankit Panda. Asia's Democratic Bulwark: A Theoretical Analysis of Strategic Convergence between India and Japan in the Early 21st Century / Princeton University Senior Theses // [URL]: <http://www.ankitpanda.com/wp-content/uploads/2012/06/Asias-Democratic-Bulwark-Ankit-Panda.pdf> (accessed: 05.04.2020). 118 p.
3. Iurlov F.N., Iurlova E.S. Istoriiia Indii. XX vek [The history of India. XX century]. Moscow, IV RAN, 2010. 920 p.
4. Molodiakov V.E., Molodiakova E.V., Markar'ian S.B. Istoriiia Iaponii. XX vek [The history of Japan. XX century]. 2nd ed. Moscow, IV RAN, Kraft+Publ., 2009. 528 p.
5. Nasenko Iu.P. Vneshnepoliticheskie vozzreniia Dzhavakharlalu Neru [Jawaharlal Nehru's visions on Foreign policy] // Mirovozzrenie Dzhavakharlala Neru [Jawaharlal Nehru's ideology]. Eds. B.G. Gafurova, A.D. Litman. Moscow, Nauka Publ., 1973. Pp. 166-184.
6. Narasimha Murthy P.A. India and Japan. Dimensions of their relations (historical and political). New Delhi, ABC Publishing House, 1986. 431 p.
7. Okatachi Kohei 大形孝平. Nichiin kankei sho:shi 日印關係小史 (The history of Japan-India relations in brief). Tokyo, «Asia Economy», 1969. 107 p.

ГЛАВА 5. ЛИТЕРАТУРА ЯПОНИИ

Поэтическое странствие в средневековой Японии

Поэтическое странствие формировалось и развивалось ещё со стихов первой антологии национальной поэзии «Манъёсю» («Собрание мириад листьев», 759). Большое внимание тематике странствий уделялось и в императорских антологиях, создание которых осуществлялось на протяжении столетий.

Для антологии «Хатидайсё» («Поэзия восьми поколений», 1235) Фудзивара Тэйка (Садаиэ, 1162–1241) составил последовательную цепь пятистиший на тему странствий (*кирё но ута*), выбрав их из восьми императорских антологий (*тёкусэнсю*, X–XIII вв.). Эта подборка (книга десятая) содержит шестьдесят три стихотворения¹.

Первые восемь пятистиший этого цикла рассмотрены в статье А. О. Мурахвери². Несколько песен странствий из антологии «Манъёсю» представлены в статье А. Е. Садовой³.

На основе материала из антологии «Хатидайсё» автор настоящей статьи ставит цель выявить тематику странствий в средневековом японском стихе, определить специфику художественной речи, а также своеобразие поэтического

¹ Тэйка хатидайсё (Извлечения Тэйка из восьми императорских антологий). Токио: Иванами сётэн, 1996, т. 1, с. 215–230, № 771–833.

² Мурахвери А.О. Песни странствий в ранней японской поэзии (антология «Хатидайсё», 1235 г.) // Вестник СПбГУ. Серия 13, вып. 4. 2016, с. 72–81.

³ Садова А.Е. «Восемь песен странствия Такэти Курохито» в контексте формирования японской дневниковой литературы путешествий // Там, где цветет мугунхва и распускается сакура. Слово об ученом. Казань: Бук, 2019, с. 288–292.

цикла как цельного повествования. В связи с этим выдвигается задача осуществить перевод и последовательный анализ стихотворений, установив ряд рубрик.

Вдали от родных мест. Цикл стихов открывает пятистишие (771) Абэ Накамаро (698–770), тоскующего о родине в далеком Китае. О пребывании в Китае свидетельствует и стихотворение (772) Яманоз Окура (660–733), мечтающего скорее вернуться домой и встретиться с родными. Эти стихи связаны с поездками за рубеж по делам службы.

Императрица Гэммэй (660–721) пишет о перенесении столицы из селения Фудзивара в Нара и высказывает сожаление о том, что приходится покинуть полюбившиеся места (773). В стихотворении звучит обращение к близкому человеку – «кими» («ты»), свойственное любовной лирике. Так тематика странствий включает элементы куртуазной поэзии, и поездка императора Сёму (702–758) говорит о разлуке с женой и морском просторе (774).

Поэт и царедворец Отомо Табито (645–712), вернувшись домой, уже с легкостью относится к дальности расстояний (775). На о. Кюсю (Цукуси), месте почетной ссылки, он служил губернатором, поэтому шутиливо говорит: «И вот я здесь, / А где Цукуси?».

Неизвестный поэт рассказывает о трудностях перехода через горы (776). В тумане промокли рукава (символ слез) и не просыхают (символ скорби). Какиномото Хитомаро (ум. в 710 г.) описывает долгий морской путь на веслах в провинцию Ямато (777). Затем он выражает тоску о любимой, ночуя в глухих горах (778). Преодоление препятствий становится постоянным мотивом поэзии странствий.

Поэзия изгнания. Морская даль предстает в стихотворении (779) Оно Такамура (802–852), покидающего столицу. Следующее пятистишие (780) он сложил,

находясь в ссылке, на о. Оки. Стихотворение передает горечь разлуки, описывает тяготы существования на заброшенном острове. Свое пребывание в глуши он сравнивает с долей рыбаков.

Аривара Юкихира (781)

Вакураба ни	Если неожиданно
Тоу хито араба	Кто-нибудь спросит, ответьте:
Сума но ура ни	«На побережье Сума,
Мосио тарэцуцу	Страдая от одиночества,
Вабу то катаэё	Слезы проливает он»...

わくらばにとふ人あらば須磨の浦に藻塩垂れつつ侘ぶと
答へよ

Аривара Юкихира (818–893), знатный вельможа, был сослан на побережье бухты Сума, где рыбаки добывают соль из морских водорослей (*мосио тарэцуцу*). Метафорически переосмысляя традиционный промысел жителей побережья, автор раскрывает горечь своего пребывания в изгнании – вдали от придворной жизни.

Далее следуют десять стихотворений (782–791) из наследия Сугавара Митидзанэ (845–903), посвященные изгнанию.

Сугавара Митидзанэ (782)

Ама цу хоси	У звезд в небесах
Мити мо ядори мо	Намечен путь и пристанище,
Аринагара	Хоть и плывут по небу,
Сора ни укитэ мо	А у меня, думаю,
Омооюру кана	Нигде приюта нет!..

天つ星道も宿りも有りながら空にうきても思ほゆるかな

Выдающийся поэт был автором китайских стихов (*канси*) и японских песен (*танка*). В 899 г. Митидзанэ занял пост Правого министра (*удайдзин*), однако вскоре, в 901 г., был обвинен в заговоре против императора и сослан наместником на о. Кюсю, в Дадзайфу, где скончал-

же спустя два года. В этом стихотворении поэт гиперболически выражает тоску об оставленном доме, рисуя космическое пространство.

Великий изгнанник стал жертвой навета. В период его пребывания в изгнании в стране происходили стихийные бедствия, расцененные как действия «мстительного духа» Митидзанэ. Чтобы умилостивить его дух, поэту посмертно был присвоен ранг старшего советника (дайнагон) и предоставлена должность Великого министра (дайдзёдайдзин) – главы Государственного совета. Впоследствии он был обожествлен под именем Тэмман Тэндзин как покровитель наук и искусств.

Говоря об участи изгнанника, который не может покинуть место ссылки даже с течением времени, поэт прибегает к образному параллелизму, сравнивая себя с бревном, три года плывущим по течению, но в отличие от опального поэта, находящим пристанище (783). В стихах выражается стремление вернуться в столицу, бежать из заточения по неведомым дорогам (784), сквозь туман (785), по полям (786), через заставы (787). Он видит красочные сны и предается воспоминаниям (788). Он заявляет о чистоте своих помыслов (789) и, обратившись к легенде о Танабата – встрече звезд, выражает желание достичь столицы по небесам (790). Поэт сравнивает свой удел с тяжелой участью рыбаков, добывающих соль (791). Видно, что эта аллегория активно используется поэтами, утверждаясь в японском стихе.

О страданиях изгнанника пишет и Оно Садаки (IX в.), служивший губернатором в провинции Каи.

Оно Садаки (792)

Миякобито

Икани то товаба

Яма таками

Харэну кумои ни

В столице спросят –

Так ответь:

Среди высоких гор

Не прояснятся дали,

Вабу то котазэ И там страдает он...
都人いかにととわば山高み晴れぬ雲井に侘ぶとこたへよ

Структура его *танка*, напоминая пятистишие Фудзивара Юкихира (781), становится характерной для поэзии странствий. Горы и облака — это образы препятствий, мешающие вернуться в столицу.

Дорожные впечатления. Следующие пять стихотворений (793–797) принадлежат Аривара Нарихира (825–880). В цикле песен странствий происходит смена тематики. Горестные мотивы изгнания сановника уступают место чувству радости кавалера на пути в столицу. Набегающие на берег волны откатываются назад. Это метафора возвращения к родным берегам (793). Не оставлен без внимания и знаменитый акростих «Какицубата».

Аривара Нарихира (794)
Каракоромо В китайские одежды
Кицуцу нарэниси Облачена любимая...
Цума си арэба И думаю с тоской,
Харубару кинуру Как далеко зашел я
Таби о си дзо омоу В странствии своем!..

唐衣きつつなれにしつましあれば
はるばるきぬる旅をしぞ思ふ

Изысканная поэзия Аривара Нарихира рассказывает о приключениях столичного кавалера в провинции. Она наполнена любовными переживаниями, выраженными в образах пространства и времени, расцвечена игрой слов, специфическими средствами классической японской поэтики. Первые слоги пятистишия выстраиваются в слово «какицубата» – «ирис».

Кавалер тоскует об оставленной столице, вспоминает возлюбленную, тревожится за ее судьбу. Свободный полет птицы обозначает дальность расстояний (795). Для

путника, покинувшего столицу, дым над горой Асама становится вехой на пути в восточные провинции (796).

В поэтическое повествование вводится цепь оронимов – Уцу (797), Саянонака (798), Арима (799), Касэ (801). Название горы Уцу обладает метафорическим смыслом, частично омонимично слову «уцуцу» — «явь», «действительность», что стало распространенным звукоповоротом с применением риторического введения.

Устойчивым мотивом песен странствий является ночлег в пути. Неизвестный автор ночует в Исэ, срезав камыш (800), проходит по равнине Мика (*три дня*) к реке Идзуми, у горы Касэ хочет одолжить (*касэру*) одежду (801). Топонимы служат целям создания приема омонимической метафоры (*какэкотоба*), в котором выявляется их вещественное значение.

Песни странствий выливаются в жанр *митиюки* (*хождение по дорогам*), ставший распространенным позднее – в военно-феодальном эпосе, пьесах традиционного японского театра. Он близок дескриптивной лирике, поскольку отличается перечислением географических названий, но использованных, как правило, для игры слов.

Песни неизвестных авторов относятся к наиболее раннему пласту японской поэзии, их отличает обращение к таким приемам художественной речи, как постоянные эпитеты (*макура-котоба*) и введения (*дзэси*), применяемые в риторических целях, а также топонимические метафоры (*утамакура*).

Какиномото Хитомаро в утреннем тумане задумчиво следит за уходящей вдаль ладьей (802). Поэтесса Оно Комати (834–900) говорит о ночлеге в пути на скалистом утесе (803), провоцируя епископа Хэндзё (816–890) на остроумное предложение вместе укрыться одеждой монаха (804). Религиозный мотив продолжает звучать в

пястишии Сугавара Митидзанэ: «Не захватил я в путь / Ленты молитв» (805). От буддийского храма повествователь переходит к святилищу на дороге, описывая осенний пейзаж.

Образы разлуки. Скрытый деревьями дом (806), скрытый облаками остров (807), погребальный костер (808) рисуют картины разлуки. Изголовье из трав окропляется росой (слезами) – образ, утвердившийся в ранней японской поэзии как метонимическое обозначение странствия, ночлега в пути (809). Непреодолимое расстояние между влюбленными не дает им встретиться вечером (810). Фудзивара Санэката (ум. в 998 г.) устраивается на ночлег на корабле, в бухте Сикицу (811). Среди песен странствий преобладают песни скитальцев, однако встречаются и песни их близких, обращенные к пилигримам с заботой о них и тревогой (812, 813).

Отражение луны в воде осмысляется метафорически как ее остановка на ночлег, и странник, вслед за луной, находит пристанище у заставы Аусака (814). На заставе Сума лунный свет сочится сквозь кровлю (815). Странник предается созерцанию луны, обращаясь мыслями к возлюбленной (816), любителю рассветной луной (817). Описание застав является обязательной частью сюжета странствия. На рассвете выпадает обильная роса на горной тропе (818), и закат луны предвещает новый день (819). Странник мокнет от росы в полях (820). Морская вода уподобляется слезам, пролитым странником на рукав дорожного платья (821).

Низкорослый бамбук описывается как поросль скорбей (822). На рукаве в слезах отражается луна – устойчивый образ разлуки и страдания (823). «Иду от бухты к бухте» (824) – так бесконечно странствие, но краток сон (824, 825). Странник любителю сменой пейзажей – бухтами, рассветной луной, красотами архипелага

Мацусима (826). Луна соединяет влюбленных (827) и сопровождает странника (828).

Фудзивара Тэйка (829)

Табибито но	Странника рукава
Содэ фукикаэсу	Треплет
Акикадзэ ни	Осенний ветер,
Юухи сабисики	И печален закат в горах –
Яма но какэхаси	У мостика над бездной...

旅人の袖吹きかへす秋風に

夕日さびしき山のかけはし

Еще одно испытание для странника – опасный переход по подвесному мосту в горах. Осенний ветер, лучи заходящего солнца, шаткий мост – все эти образы создают атмосферу тревоги, уныния. Странник испытывает глубокое чувство одиночества.

В разлуке его душевная боль усиливается осенним ненастьем (830, 831). Странник отрекается от суетного мира, погружаясь в инобытие (832). Наконец он достигает покоя и умиротворенности, следя за сменой картин природы глубокой осенью:

Готоба-ин (833)

Миру мама ни	Наблюдаю,
Ямакадзэ араку	Как усиливается горный ветер,
Сигурумэри	Собирается дождь,
Мияко мо има ва	И в столице сейчас,
Ёкан наруран	Думаю, холодно ночами...

見るままに山風あらくしぐるめり

都も今は夜寒なるらん

В десятой книге «Хатидайсё» стихотворения расставлены в хронологической последовательности, что свидетельствует о стремлении автора запечатлеть историю развития японского стиха. Очевидно, что из императорских антологий выбраны лучшие произведения, которые считаются образцами поэтического искусства. Вместе с тем

цикл песен выстраивается как связанное повествование с последовательной сменой тематики.

В поэзии странствий ведущей является тема разлуки – с родиной, друзьями, любимыми. В последнем случае ей свойственны мотивы и образы куртуазной лирики. Отдельно можно говорить и о поэзии изгнания с ее мотивами горечи, одиночества, забвения и тягот бытия. Песни-сновидения и песни-воспоминания характерны для этой поэзии, насыщенной образами преград, перипетий странствия. В песнях странствий воспета также надежда на возвращение в столицу и радость от встреч с близкими людьми. Песни посвящались выездам императора и его приближенных, деловым поездкам. Особое место занимают песни, связанные с религиозным паломничеством, посещением святых мест, пребыванием в монастырях — с духовным странствием. Любование природой становится эстетическим паломничеством.

Язык и стиль ранней (VIII в.) поэзии странствий отличается безыскусностью, простотой выражения естественного чувства (*макото*). Позднее (IX–X вв.) в силу вступают требования эстетики печального очарования вещей (*моно но аварэ*) и стилистики изысканного (*мияби*) с ее сложной поэтикой конструирования образа. На заключительном этапе развития классического японского стиха (XI–XII вв.) в песнях преобладают монохромные краски (*юэн*).

Поэзия странствий предполагает введение в текст топонимов, известных своими достопримечательностями, и описаний ландшафта. Поэтическая география отличается обширностью, она обладает множеством имплицитных смыслов, расширяющих содержание произведений.

Идея избегания беды в японской прозе сэцува по материалам сборника «Удзи сюи моногатари» (XIII в.)

Традиционно, в исследованиях японского жанра сэцува, сборники коротких назидательных рассказов принято причислять к вспомогательным буддийским текстам – проповедям, служившим для наиболее быстрого и успешного распространения и популяризации буддийских идей среди простого населения раннесредневековой Японии [Горегляд, с. 98]. Безусловно, ранние буддийские сэцува отражают и государственную идеологию, и устойчивые жанровые особенности сэцува, заимствованные под воздействием китайской буддийской повествовательной литературы. В целях быстрого распространения нового вероучения среди паствы, монахи в краткой форме пытались передать основные догмы буддизма: идеи кармы и спасения, представления о загробном суде и страданиях за грехи. В сэцува авторы-монахи часто прибегали к методу устрашения и запугивания, как к наиболее эффективному способу воздействия на паству.

Изначально рассказы аккумулировали описание тех прегрешений, которые в буддизме считались наиболее первичными и тяжкими, и соответствовали актуальным в то время указам императоров, как то, к примеру, указ о запрете на охоту и отлов рыбы, необходимость иметь буддийский алтарь, сутры и статуи буддийских божеств в каждом доме.

Герои сэцува, совершив тяжкий грех, преждевременно попадали в ад, однако всякий раз они желали избежать смерти, придумывая различные уловки для отсрочки приговора. Сообразительность и хитроумие дает им шанс на воскрешение, как и возможность исправить свою карму при жизни, покаяться и прийти к вероучению. Иначе говоря, в ранних сэцува отчётливо проходит идея благоговейного страха перед смертью и бессрочным пребыванием в аду. Тем не менее, наряду с устрашением тут же дается

подсказка о том, как согрешившему избежать беды (как, к примеру, в рассказах из «Удзи сюи моногатари»: «Про Тосиюки Асон», св. 8, р. 4/102; «Про то, как Хиротака был позван во дворец царя Эмма», св. 6, р.1/83, «Про то, как Министр охранного Ведомства провинции Инаба велел вырезать статую Дзидзо», св. 3, р. 13/45).

В *сэцува* преждевременная смерть буддиста-мирянина рассматривается как трагедия – человек не успел встать на путь Истины, не завершил переписывание начатой сутры или статуи будды. В синтоизме этот момент также опасен, так как преждевременная, скоропостижная смерть влияла на свойство души умершего: она могла стать мстительным духом *онрё* и вредить живым людям, насылая беды и болезни. Таким образом, японская повседневность включала в себя определенные практические знания о том, как следовало заботиться о своей жизни, просчитывая последствия наперед.

Хотелось бы рассмотреть рассказы сборника *сэцува* «Удзи сюи моногатари» («Рассказы, собранные в Удзи», XIII в.) с позиции идеи «избегание беды». Как упоминалось выше, сюжет в *сэцува* в силу жанровой специфики разворачивается вокруг того или иного происшествия, однако по сюжетной структуре это не только описание произошедшего, а часто и предоставление совета о том, как же человеку избежать неприятностей или смертельной опасности.

Пересмотр историй *сэцува* в «Удзи сюи моногатари» с точки зрения рассматриваемой концепции позволяет выявить превалирующую идею в менталитете японцев, а именно: как человеку сохранить жизнь, не погибнуть раньше отведенного срока, как не навлечь беды и как ее избежать?

Возможно, следует сделать оговорку и пояснить причину проведения подобного анализа рассказов *сэцува*. В процессе пристального изучения и перевода «Удзи сюи моногатари», безусловно, данная концепция обращала на

себя внимание, однако после ознакомления со статьей Е.М.Османова «Учебные пособия для военнослужащих как источники по идеологическому воспитанию солдат японской императорской армии (период Мэйдзи)» стало очевидно, насколько широко трактовалась идея «избегания беды». Речь идет о массовых тиражах популярных в ранний период Мэйдзи брошюр для будущих призывников. Среди подобных документов огромной популярностью пользовались материалы, объясняющие порядок освобождения от призыва в армию. Так, работа «Тэхэй мэнъэки ёроку» («Разъяснения по вопросам освобождения от отбывания воинской повинности») на протяжении 1870-х гг. являлась настольной книгой во многих семьях с юношами призывного возраста [Османов, с. 41]. В беседе с автором статьи удалось выяснить, что уход сына в армию рассматривался домочадцами в негативном ключе не только потому, что семья лишалась помощника в хозяйстве или в семейном деле — призыв в армию вызывал у родителей чувство беспокойности и страха за жизнь своих сыновей. Информация по вопросам освобождения от возможного призыва юноши излагалась как раз в ключе «как избежать» призыва, что нужно сделать, чтобы юношу не призвали и т.п.

И в литературе *сэцува*, и в подобных популярных брошюрах отражение находит концепция «избегания беды», усвоенная японцами еще из «родной» религии. Анимистические представления с верой в духов предков, способных навлечь беду на живых людей, сформировали у японцев стойкую схему мирного, гармоничного сосуществования живых людей с потусторонним миром. Страх навлечь на себя гнев духов и испытать его на себе породил практические знания не о том, как человеку жить в этом мире, избегая опасности, исходящей от непонятных ему сил природы и проявлений гнева мстительных духов. Основная идея многих рассказов жанра *сэцува* – на примере опасной ситуации показать выход, способ ее избегания

любыми методами, пусть даже это будет ложь, хитрость и изворотливость.

Анимистические представления в ранних буддийских *эцува* (в первую очередь, «Нихон рёики», VIII–IX вв.) настолько искусно сплетаются с буддийскими идеями, что приходит понимание того, что эта литература служила не столько распространению наиболее важных идей нового для японцев вероучения, сколько помогала им самим приспособить буддизм к своему менталитету и мировосприятию. Иными словами, анализ *эцува* с точки зрения рассматриваемой категории демонстрирует стойкие синтоистские корни *эцува*, оказавшие влияние на его структуру. С другой стороны, допустимо рассматривать *эцува* в категории удачного проявления синто-буддийского синкретизма, ведь история *эцува* главным образом касается буддийского божества или идеи, но сюжет развернут в синтоистском ключе. Об этом свидетельствуют истории *эцува*, связанные с попаданием в буддийский ад и благодаря уловкам, избежать вечных мук, что указывает на еще неявный отход от культа предков [Мещеряков, с.133–134].

Таким образом, в канве *эцува* находит отражение менталитет людей эпохи, хоть, как мы и видим, в популярной литературе для призывников 1870-х гг. просматривается всё та же концепция построения материала – советы как поступать, чтобы избежать призыва в армию, которая во многих японских семьях рассматривалась как опасность для сыновей.

Возвращаясь к материалу «Удзи сию моногатари» стоит отметить пласт рассказов о магиико-мантической практике *оммёдо* в Японии X–XI вв. В те времена огромной популярностью среди придворных пользовались колдовские заклятия и порча как средства мести или смещения соперника с придворной должности, что было делом привычным и бескровным, не противоречащим синтоистскому понятию о сакральном осквернении *кэгарэ*, как и

законам буддизма об убиении живых существ. В этих рассказах «Удзи сюи моногатари» содержится осуждение подобной практики, а также в некоторых случаях на примере поступка мудрого опытного человека демонстрируется способ избегания опасности, которая могла нанести непоправимый ущерб всему роду конкретного человека. Так, в истории «Про то, как Ацуюки позволил вынести покойника через [свои] ворота» идет речь о том, что сведущий в геомантии аристократ Ацуюки, понимая значение выноса тела в неблагоприятную сторону, выломал ограду между домами и настоял на том, чтобы тело вынесли через ворота усадьбы Ацуюки, так как они находились в благоприятном направлении. Так, герой рассказа проявил заботу о будущем сына своего уважаемого соседа, или, иначе – помог соседу избежать беды [Удзи, с. 77–79]

В целом многие истории «Удзи сюи моногатари» популяризируют необходимость обращения к человеку, сведущему в гаданиях, толковании снов или физиогномике, для того чтобы наиболее верно избежать определенной опасности.

С распространением буддизма японцы знакомятся с более развитой концепцией загробного мира, его мифологией, на один страх наслаивается новый, но можно увидеть, как через литературу *сэцува* транслируются способы борьбы с последствиями, формы избегания беды, предотвращения неприятных последствий.

Смысловая структура текста *сэцува* – прямое отражение сознания японского общества, в котором родные элементы повседневной культуры плавно соединились с китайским культурно-религиозным влиянием. Верное восприятие смысловых отрезков избранных рассказов *сэцува* может быть достигнуто лишь в совокупности синто-буддийских, конфуцианских и даосских элементов японской культуры.

На примере понятия «избегание беды» мы видим, как один и тот же идейный концепт применяется и к теме буддизма, и к *оммёдо* (к середине-концу эп. Хэйан, превратившемся из сугубо даосской практики в повседневную обрядовость буддийских школ *миккё*), при этом вышеперечисленные синто-буддийские категории полностью соответствуют и философии китайского и корейского конфуцианства с его идеями беречь свою собственную жизнь, чтобы суметь позаботиться о престарелых родителях, а впоследствии молиться за их души [Курбанов, с. 22].

Живучесть рассматриваемого концепта в литературе *сэцува*, как изначально идеологической литературе, а в ранний период Мэйдзи и в брошюрах для юношей призывного возраста, можно считать первоосновой японского сознания, наиболее удобным «инструментом», мериллом к иным социально-культурным явлениям, способом постижения чужеродных элементов или возможностью адаптации к собственному сознанию. Учитывая синтез религиозно-философских концепций, существовавших в Японии к VIII в., их влияние на сознание японского общества, как и на языковые средства описания новых для японского языка буддийских реалий, нельзя выделять лишь одну религиозно-философскую концепцию для понимания текста. По мнению отечественного япониста-литературоведа Е.М.Дьяконовой, в литературе классического периода синтоистское мировосприятие переплетается с буддийским, составляя саму ткань произведений. Так, синтоизм в симбиозе с буддизмом, искал и своё предназначение, и гармонично вписывался в японскую повседневность и художественную литературу [Дьяконова, с.289–290]. И, тем не менее, анимистическое сознание как превалирующая форма мышления японцев сыграло важную роль в восприятии буддизма и описании его идей в литературе *сэцува*.

Список использованной литературы

1. Горегляд В.Н. Японская литература VIII-XVI вв. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.
2. Дьяконова Е.М. Отражение синто в искусстве и литературе / Боги, святилища и обряды Японии: Энциклопедия синто / Под ред. И. С. Смирнова; отв. Ред. А.Н.Мещеряков; отв. секр. В.А. Федянина. (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности; вып. 26). М.: РГГУ, 2010.
3. Курбанов С.О. Конфуцианский классический "Канон сыновей почтительности" в корейской трактовке: корейское восприятие универсальной категории "почтительности к родителям". СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007.
4. Мещеряков А.Н. Древняя Япония: буддизм и синтоизм. Проблема синкретизма. М.: Наука, 1987.
5. Османов Е.М. Учебные пособия для военнослужащих как источники по идеологическому воспитанию солдат японской императорской армии (период Мэйдзи) // Япония: 150 лет революции Мэйдзи. Исследования российских и зарубежных учёных, посвящённые 150-ой годовщине революции Мэйдзи. Сер. "Issues Of Japanology = Вопросы японоведения". СПб., 2018.
6. Удзи сюи моногатари. (Библиотека-серия «Нихон котэн бунгаку дзэнсю». Т. 50. Составление, пер. со старояп. и коммент. Кобаяси Мацуко, Масуко Кадзуко. Токио: Сёгаккан, 1996). 宇治拾遺物語.日本古典文学全集 50. 東京 : 小学館, 1996.

Сходства в различиях

Введение. Лаза Лазаревич (1851–1891) и Мори Огай (1862–1922) жили во 2-й пол. XIX в., творили каждый в рамках своей цивилизации и общества, но у них была похожая судьба. Лаза Лазаревич был реалистом, писал сербские психологические рассказы, а Мори Огай – романтиком, открывшим период романтизма в японской художественной прозе. Они родились в разных странах и на разных континентах. Лаза Лазаревич – в Сербии (Европа), Мори Огай – в Японии (Восточная Азия), и обе эти страны в XIX в. начали своё развитие.

В XIX в. Сербия представляла собой страну, которая после пяти веков правления в ней турок получила назад свою былую независимость на Берлинском конгрессе 1878 г., неся с собой тяжёлый багаж турецкого наследия, а также патриархальную систему, в течение пяти веков оберегавшую сербские традиции, культуру, религию, семью, и представляющую собой по-прежнему основу отношений, где процесс культурного развития только что начался. Япония, обладавшая своей собственной огромной культурной традицией, в XIX в. начала промышленную революцию по европейской модели, в которой по-прежнему присутствовали отношения, основанные на традициях конфуцианства.

Сербия и Япония установили дипломатические отношения после конгресса в Берлине, когда король Милан Обренович уведомляя европейских правителей о своем вступлении на престол, направил письмо и японскому императору Мэйдзи, сообщая о своем короновании и международном признании Сербии. В ответ император Мэйдзи подтвердил принятие решений Берлинского конгресса. Таким образом, официально были установлены отношения между монархиями в 1882 г.¹

¹ Маркович Л. Р., Йович Джалович М. В. Рецепция и влияние японской литературы в Сербии // Мировая Литература на перекрестке культур и

Основные биографические данные

Лаза Лазаревич и Мори Огай происходят из семей разных социальных слоёв. Лаза Лазаревич родился в богатой купеческой семье, а Мори Огай – в потомственной семье врачей. Его отцом был врач у даймё Камэй Корэнори, чьи предки также служили лекарями.

Писатели родились в 60-е годы XIX в. с разницей приблизительно в десять лет. Лаза Лазаревич – в 1851 г., а Мори Огай (при рождении Мори Ринтаро) – в 1862 г. Огай – его творческий псевдоним, выбранный им в 1887 г.

Оба были первыми из четырёх детей в семье: у Лазы Лазаревича было ещё три сестры, а у Мори – два брата и одна сестра. Отец Лазаревича умер, когда Лазе было всего девять лет, и он всю оставшуюся жизнь заботился о матери и сёстрах. Его привязанность к семье повлияла и на его литературные работы. Культ семьи и жертв, приносимых им ради её интересов, постоянно присутствовал как в жизни писателя, так и в его произведениях.

И тот и другой писатели окончили медицинский факультет и стали военными врачами (Мори Огай завершил службу в звании генерала-лейтенанта, а Лаза Лазаревич – в звании подполковника), однако их жизненные пути были разными. В 1871 г. Лазаревич закончил юридический отдел Высшей школы в Белграде², а через год получил государственную стипендию и начал изучать медицину в Берлине, где в 1879 г. защитил докторскую диссертацию³. Мори Ринтаро окончил медицинский факультет в Токио в 1881 г., и в девятнадцать лет стал самым младшим выпускником медицинского факультета Токийского университета⁴. Буду-

цивилизаций. Научный Филологический Рецензируемый Журнал. № 3 (17). 2017. С. 46.

² После 1905 г. Белградский университет.

³ Deretić, J. (2013). *Istorija srpske književnosti*. Beograd: Sezam Book

⁴ Motwani, Prem - "Social order tradition and change in Meiji fiction a special study of selected writings of Mori Ogai and Natsume Soseki"

чи молодым военным врачом, он получил четыре года специализации в Германии по гигиене и военной санитарии (1884–1888).

Общее между ними также в том, что оба были одновременно и врачами, и писателями, но оба не жили литературным трудом. Ещё одно их сходство: во время обучения в Германии у обоих были романы, и оба написали рассказы, вдохновлённые этими чувствами. На том их любовь и окончилась, ни один из них не женился, в отличие от известных личностей в сербской культуре, как Вук Стефанович Караджич, Владан Джорджевич, воевода Живоин Мишич и другие, связавшие свои судьбы с немками и вернувшиеся вместе с ними в Сербию.

И Лаза Лазаревич, и Мори Огай написали значительное количество работ как по медицинской специальности, так и художественного характера. Участвовали в войнах и получили ордена. В своих культурах оба оставили глубокий след.

Участие в войнах. Мори Огай был военным врачом, и участие в Японо-китайской (1894–1895 гг.) и Русско-японской (1904–1905 гг.) войнах было для него исполнением профессионального долга, в отличие от Лазы Лазаревича, который прервал свою учебу, чтобы добровольно участвовать в Сербско-турецкой войне (1876 г.), а затем и во Второй сербско-турецкой войне (1877–1878 гг.). Своё обучение он продолжил только после окончания Сербско-турецкой войны в 1878 г.

Оба служили в санитарных частях. Мори Огай сначала командовал медицинским корпусом Второй армии, после чего получил звание командующего медицинской службы

императорской гвардии в Токио и звание генерала-майора⁵.

Лаза Лазаревич за время Первой сербско-турецкой войны находился в военном медицинском корпусе Дринской дивизии, а во Второй сербско-турецкой войны работал в больнице Дринского корпуса и получил звание лейтенанта медицинской службы.

Наряду с сербами на войне против турок было немало российских добровольцев, как среди врачей (Боткин, Склифосовский, Таубер, Марконет, Игнатовский, Райер, Ринек), так и среди военных, самым известным среди которых был полковник Н.Н.Раевский (1839–1876), погибший вместе с тридцатью одним офицером в августе 1876 г. в Верхнем Адровце у Алексинца. На его отпевании присутствовали король Милан и министры, а на месте гибели в память о нём воздвигнута церковь Святой Троицы, освящённая 2 сентября 1903 г.

Послевоенный период. Период с 1879 по 1891 гг., то есть одиннадцать с половиной лет, представляют собой время разносторонней деятельности Лазы Лазаревича и переплетения между собой в его жизни медицины и литературы. Большие нагрузки на войне сильно сказались на его и без того слабом здоровье. Чтобы ему помочь, король Милан Обренович переводит его на активную военную службу с 1 февраля 1889-го года и повышает его до звания подполковника санитарной службы. Одновременно, он включает его в члены Военно-санитарного комитета и делает своим личным врачом. При этом попытка улучшить условия его жизни оказалась напрасной, Лаза Лазаревич умер от туберкулёза в ночь с 28 на 29 декабря 1890 г.

⁵Yoshino Toshihiko (2003) Mori Ogai – Pioneer of Modern Japanese Literature. Journal of Japanese Trade & Industry 22.1 (С. 51-55). Tokyo: Japan Economic Foundation.

За свою работу Лаза Лазаревич награждён Орденом Святого Саввы четвёртой степени и Белого орла пятой степени, в память об участии в этой войне. Оценивая литературный вклад, а также врачебный труд Лазы Лазаревича, Сербская королевская академия⁶ избрала его своим членом 10 января 1888 г.⁷

Мори Огай получил награду в январе 1906 г., орден Золотого фазана третьей степени и орден Восходящего солнца второй степени. Через год ему присвоили чин генерала, и назначили на должность начальника санитарной службы армии, где он служил до пенсии, на которую вышел в 1916 г.⁸

Ещё одно сходство между этими двумя писателями, пусть и печальное, в том, что оба умерли от туберкулёза, Лаза Лазаревич в 1890 г. в возрасте тридцати одного года, а Мори Огай в 1922 г. в шестьдесят один год.

Литературное творчество. Лаза Лазаревич начал писать относительно поздно, с 1878 г., когда уже сформировался как личность. Литературную деятельность начал в 60-е гг. с переводов произведений Н.В.Гоголя, Н.Г.Чернышевского. Написал девять рассказов, сюжеты для восьми из них были взяты из реальной жизни. Свои рассказы Лазаревич печатал в журналах. В 1886 г. вышел его первый сборник «Шесть рассказов Лазы Лазаревича», заслуживший всеобщее внимание благодаря свежим темам, юмору и отличному стилю. Рассказы принесли автору репутацию самого талантливого сербского писателя, «сербского Тургенева». Некоторые из них («У колодца» и «Мой отец») переведены и на русский язык в «Неделе» и «Мире Божьем» в 1890 г. За своё последнее произведение, рассказ «Он

⁶ Сегодня — Сербская академия науки и искусств

⁷ Nedok A.S. (2011). Potpukovnik dr Laza Lazarević – lekar, književnik, ratnik (1851–1890). Vojnosanitetski Pregled, 68 (12), str. 1084-1087.

⁸ Иванова Г. Д. Мори Огай, (1982) Москва: Наука, стр 54

знает всё», Лазаревич получил награду Сербской королевской академии.

Лаза Лазаревич относится к писателям-реалистам. Считается создателем сербского психологического рассказа. Он написал девять рассказов, а восемь осталось не законченными. При жизни писателя их вышло восемь⁹. Рассказ «Швабица (Немка)» он тогда не публиковал, поскольку, как многие считают он был слишком автобиографичным. Его опубликуют лишь в 1898 г., спустя семь лет после его смерти. Для рассказов Лаза Лазаревича характерны идеализация и возвеличивание патриархального мира и семейных ценностей, ради которых в жертву можно принести даже своё счастье.

Известный сербский критик Йован Скерлич (1877–1914) писал «В каждой его повести победу одерживают те строгие догматические взгляды, та консервативная сила семьи и её традиций. С весьма несущественным исключением везде он выявляет тот культ семьи и абстрактное ощущение долга, которое не обсуждается, но принимается, и защищает его с некоторым даже религиозным чувством»¹⁰.

Литературные произведения Мори Огай уместаются в тридцати восьми томах, и всем хорошо известны. Как автор, рецензент и переводчик, он долго оказывал влияние в мире японской литературы, а его заслуги в отношении Японии с Германией были всеми хорошо известны. 12 октября 1984 г., на сотую годовщину его прибытия в Берлин, в доме 39 на Луизенштрассе, в единственном месте, где он останавливался в Германии, был открыт мемориал Мори Огая.

⁹ Восемь рассказов Лаза Лазаревича: «В первый раз с отцом на утрене», «Школьная икона», «В добрый час, хайдуки!», «У колодца», «Вертер», «Всё народ озолотит», «Ветер», «Он знает всё».

¹⁰ Skerlić, J. (1914) Laza Lazarević: književna studija. Izabrane pripovijetke / Laza Lazarević Zagreb: Matica Hrvatska. S. 16.

Швабица (немка)¹¹ (Лазаревич) – Танцовщица¹² (Мори). Одно из самых значительных сходств сербского и японского писателей – это их истории с одинаковой темой – любовный роман в Берлине. Оба молодых человека были отправлены, каждый своим государством, на обучение в Германию (Лазаревич – в университет, Мори – на повышение квалификации), там влюбились, но домой вернулись в одиночестве, ибо не посмели (или не захотели) нарушать патриархальных семейных обычаев (Лазаревич) и уничтожить перспективу своего будущего (Мори).

В рамках истории оба автора поднимают вопросы об ответственности: перед моральными обязанностями и ценностями патриархальной среды; перед возлюбленной особой, которой осознанно, или неосознанно давали всяческие обещания; перед страной, которая отправила их на учёбу и совершенствование и которая ждёт их возвращения домой.

Всё это авторы показывают через Мишу Маричича, сербского студента медицины, и Ото Тоётаро, японского стажёра. Оба были молодые и амбициозные, Миша хочет стать врачом (закончить медицину), Тоётаро – совершенствоваться в профессии. Оба в Берлине проводят примерно по четыре года. Их пребывание авторы описывают от первого лица, но по-разному. Лаза Лазаревич использует форму писем (всего тринадцать писем), а Мори Огай – рассказ, разворачивающийся в первом лице. Лаза Лазаревич начинает с описания пансионата в Берлине и рассказывает в настоящем времени, тогда как Мори Огай повествует в прошедшем времени в виде воспоминаний. В этом разница в повествовании. Другое отличие состоит в объёме рассказов. Пока Лазаревич в большей части истории говорит о пансионате и отношениях с Анной, дочерью хозяйки, Мори смотрит шире и особое внимание

¹¹ Lazarević Laza (2001) "Švabica", Pripovetke. Beograd: Nolit

¹² Ōgai, M., & Bowring, R. (1975). *Maihime*. (The Dancing Girl). *Monumenta Nipponica*, 30(2), С. 151-176.

посвящает отношениям со своим окружением, особенно с официальными структурами.

Приезд в европейскую столицу для Тоёторо было возможностью продвинуться в карьере – «Теперь у меня появился шанс сделать себе имя и разбогатеть, мне не было жаль, даже что я оставил родную мать, хоть ей уже пятьдесят лет. Так я оставил дом далеко у себя за спиной и прибыл в Берлин»¹³. Однако перемена окружения изменила и его самого. Лишь в Берлине он ощутил себя свободным. У Миши Маричича изменений было вероятно куда меньше, но и их Лаза Лазаревич не рассматривает. Рассказ о любви начинается с появления Элис у Тоёторо и Анны у Миши, которую часто автор в тексте зовёт «швабицей»¹⁴.

Знакомства также происходят разным образом. Анна была дочерью владелицы пансионата, в котором остановился Миша, здесь они и познакомились, о чём Лазаревич не пишет, а Тоёторо и Элис встретились случайно на улице. «Пока я шёл мимо, я обратил внимание на одну молоденькую девушку, плакавшую перед закрытыми дверьми церкви. Ей было, должно быть, где-то шестнадцать, или семнадцать лет. Её лёгкие светло-золотые волосы струились вдоль её шарфа, а платье её было безукоризненно чистым. Не ожидав услышать мои шаги, она удивлённо обернулась. Отдать ей должное признание мог бы только поэт. Её глаза были голубыми и ясными, но наполненными грустью. Тень на них отбрасывали длинные ресницы, сдерживавшие скрытые наполовину слёзы. Почему один её взгляд, брошенный мне из-за плеча, пробил оборону моего сердца?»¹⁵.

¹³ Ōgai, M., & Bowring, R. Ibid. С. 152. Этот текст и последующие — в перевод авторов.

¹⁴ Швабами в Сербии называют австрийцев, немцев, со времён Австро-венгерской монархии (Словарь сербскохорватского литературного языка. Т. 6. Белград: Нолит, 1990. С. 935).

¹⁵ Ōgai, M., & Bowring, R, Ibid .стр 155

Развитие чувства и расставание, представленные по-разному у Лазаревича и Мори. Оба были против женитьбы, поскольку осознавали, что она не принесёт им счастья. Миша переживает за семью, он не хочет причинять боль и несчастья родным и друзьям: «Мы ни о чём не говорили. Я думал о ней и чего только себе не намечтал. Представлял себе моё Вальево и её там, людей, говорящих о нас, когда мы будем проходить по улице: «Ты посмотри на него, одурманила его немка», и мою мать, с красными глазами, которая не понимает свою собственную сноху, и детей моих сестёр и братьев, которые перестанут заходить, с тех пор как я привёл её в дом, и её вечное ощущение одиночества, ибо никто её не понимает, и она тоже никого не понимает...» (VI письмо).

Миша осознал, что в таких условиях ни он, ни Анна не смогут быть счастливы, и поэтому, ради благосостояния семьи и её спокойствия, он отрекается от своей любви. Этим поступком он разбил сердце себе и Анне. Она поняла, что для него долг перед семьёй важнее, чем она и не противилась этому решению: «Она вскочила и облокотилась кончиками пальцев на пианино. Голос её изменился, так что по мне пробежал холодок: «Миша, — сказала она, — всё это так неожиданно, что я и не знаю, что сказать. Не надо меня жалеть. Ты... Вы свободны!» Затем упала на стул и ударив локтем по клавишам пианино и прильнула головой к руке.» (XII письмо).

«Сегодня ровно два года со дня смерти Анны. С тех пор ничего не поменялось! Я стал совсем другим.» (XIII письмо).

Отношения между Элис и Тоётаро становились всё сильнее, и это стало мешать его соотечественникам в Берлине. Один из них сообщил в посольство о его пренебрежении обязанностями, и поэтому его сняли с должности. «Министр в посольстве отдал мне этот приказ, сказав, что оплатит мой билет, если я сразу же вернусь

домой, но что я не могу рассчитывать на помощь от работы, если приму решение остаться»¹⁶.

Тоётаро оказался в тяжёлой ситуации. «Если я соглашусь так вернуться, то пропущу учёбу и моё имя будет опозорено. Я никогда бы не мог от этого оправиться. Но, с другой стороны, если останусь, не смогу найти средства на жизнь и учёбу»¹⁷. Сложную финансовую ситуациюотяготила и беременность Элис.

В отличие от Миши Маричича, который сам решает проблему, Тоётаро помогает его старый друг Аидзава Кэнкити, который сначала его устроил на работу в газету и помог найти таким образом средства для жизни, а затем выручил с честным возвращением в Японию, притом, конечно, без Элис.

«Когда я явился, граф тепло меня приветствовал и благодарил за работу в России. Затем он спросил меня, не желаю ли я с ним вернуться в Японию. Ты многое умеешь, а твоё знание языка может очень сильно пригодиться – сказал он. Если я не воспользуюсь этим шансом, то могу потерять не только Родину, но и средства, при помощи которых бы мог вернуть своё доброе имя. Я продемонстрировал недостаток моральных качеств и согласился. Это было срамно. Что я скажу Элис, когда вернусь?»¹⁸.

Тем временем Тоётаро заболел, так что позднее Аидзава рассказал Элис об обещании и как тем вечером принял предложение графа. Она вскочила со стула с пепельно-белым лицом и прокричала: «Тоётаро! Как ты мог меня вот так обмануть!» – и вдруг упала в обморок¹⁹.

«Когда я уехал с графом в Японию, я на этот счёт говорил с Аидзавой и передал её матери довольно денег на скромное существование; также я оставил немного денег

¹⁶ Ōgai, M., & Bowring, R, Ibid, стр.157

¹⁷ Ōgai, M., & Bowring, R, Ibid, стр.159

¹⁸ Ōgai, M., & Bowring, R, Ibid, стр.164

¹⁹ Ōgai, M., & Bowring, R, Ibid, стр.165

на оплату рождения малыша, которого я бросал в утробе бедной сумасшедшей девушки.

Такие друзья, как Аидзава Кэнкити – действительно, редкость, и всё-таки какая-то часть меня и по сей день его прокликает»²⁰.

В обоих случаях, немка представляет собой цивилизацию более развитую, в которой учатся и которую обожают как средство, которое переведёт их через границу, которая их разделяет, и своей мощью объединит их традиционный мир с новым, современным.

Заключение. В процессе модернизации в начале XIX в. и Сербия, и Япония применяли одинаковые методы постижения знаний от развитых стран. Помимо использования зарубежных специалистов, страны отправляли свою образованную молодёжь в ключевые развитые державы на дополнительное образование и повышение квалификации. Ожидалось, что по завершении программы молодые люди вернутся и новые знания применят во благо своей страны.

В новеллах Лаза Лазаревича и Мори Огай оба автора ставят на первый план вопросы ответственности, причём Лаза Лазаревич имеет в виду ответственность перед патриархальной средой, а Мори Огай – перед своей страной и своей успешной карьерой. Тем самым теряется их ответственность перед любимыми девушками, и их личные чувства становятся жертвами их обязательств.

Этим подчёркивается стремление преодолеть прошлое и открыть дорогу в современное общество к которому стремились их страны в процессе модернизации.

²⁰ Ōgai, M., & Bowring, R, Ibid, стр.166

Рассказ Масамунэ Хакутё «Ад»

Современная японская литература зародилась в конце XIX – начале XX вв., в эпоху Мэйдзи, когда многие области искусств, и особенно литература, претерпевали значительные изменения. В это время возникло немало новых различных течений, движений, значительное влияние оказывала западная литература.

Масамунэ Хакутё (1879–1962) родился в начале эпохи, и он не оставался сторонним наблюдателем процесса трансформации культуры Японии, а напротив, принимал в нем активное участие. Одним из литературных течений того периода являлся натурализм представителем которого считается Хакутё.

К творчеству Масамунэ Хакутё обращались Рехо К., Роберт Т. Рольф, Гото Рё, Оива Ко, Фукуда Кёто и другие исследователи на чьи труды мы опирались в настоящей работе. Однако в данных исследованиях затрагивались лишь общие аспекты жизни и писательской деятельности Хакутё. Раннее творчество не находило отдельного изучения в научной литературе, а его произведения не переводились на русский язык, что обуславливает новизну данного исследования.

Целью статьи является рассмотрение раннего творчества Масамунэ Хакутё. Задачи – проанализировать рассказ «Ад» (Дзикоку), выявить его художественные особенности, которые характеризуют начальный этап работы писателя.

Первый рассказ «Одиночество» («Сэкибаку») появился в ноябре 1904 г., но на него не обратили никакого внимания. Второй рассказ «Разлад и гармония» («Хатё хэйтё»), был опубликован в феврале 1906 г. Но именно третий рассказ автора «Окно на втором этаже» («Никай но мадо»), опубликованный в журнале «Васэда бунгаку»,

демонстрировал приближение Хакутё к натурализму, или *сидзэнсюги*.

Термин *сидзэнсюги* («сидзэн» – «натура», «природа»; «сюги» – «принцип», «изм») был введен Мори Огай (1862–1922) в 1889 г. для обозначения направления, наиболее ярким представителем которого в европейской литературе был Эмиль Золя (1840–1902). Творческие принципы Золя были использованы для создания литературного стиля, который резко контрастировал с многословностью, эротизмом и пышной декоративностью прозаической манеры эпохи Эдо (1600–1868).

Литература натурализма – одно из специфических явлений в культуре Японии, которое, как и многие другие заимствованные западные явления, было «японизировано». Считается, что *сидзэнсюги* положило начало развитию практически всей современной японской литературы. Наиболее яркий период творчества Масамунэ Хакутё приходится именно на время расцвета данного направления.

Художественный метод писателя приближался к натурализму постепенно. Одним из ключевых моментов вовлеченности в движение натурализма Хакутё стало появление «Собрания сочинений Куникада Доппо» («Доппо сю»). Т.П. Григорьева отмечает, что в сочинениях Доппо (1871–1908) этого сборника автор мечтает проникнуть за оболочку видимого, кажущегося мира, «непосредственно пережить факт» через удивление. Другими словами, Доппо пытался пережить мир в его истинности, как он есть, а не как показывает разум или привычка; воспринимать вещь не применительно к себе, а в ее собственном смысле. В этом стремлении можно увидеть явно обозначившиеся намеки на субъективизм – один из принципов натурализма¹.

¹ Григорьева Т.П. Японская литература XX в. М.: Худ. лит., 1983. С.32–33.

Роберт Рольф обращает внимание на то, что в статье Хакутё «Читая сочинения Доппо» («Доппо сю о ёминагара»), автор впервые обратился к проблеме создания теории написания произведений. Наибольший интерес вызывает его взгляд на литературу как на искусство, способное воссоздать объективную реальность. Через некоторое время попытки воссоздания объективной реальности станут главной целью японских писателей-натуралистов, которые старались ее достичь, даже опираясь на факты из личной жизни, чтобы усилить объективность и правдивость произведений. Хакутё восхваляет Доппо в своей статье и одновременно критикует предыдущего литератора, Одзаки Коё (1867–1903), утверждая, что ему не хватило творческой силы для реалистического описания характеров героев².

В 1907 г., в феврале, публикуется повесть «Пыль» («Дзинъай»). Как отмечается в японском литературоведении, именно с этого произведения начался писательский путь Хакутё. «Пыль» – первое натуралистическое произведение, в котором уже видны характерные черты стиля автора.

После «Пыли» Хакутё начинает писать значительно быстрее. В 1907 г. выходят рассказы «Спокойствие» («Ансин», июнь), «Призрачная картина» («Ёкай га», июль), «Хорошие люди» («Кодзимбуцу») и «Господин К» («Ку сан»). В каждом из этих рассказов прослеживается влияние русской литературы. «Господин К» отмечен характерным для А.П.Чехова (1860–1904) юмором, особая природа которого заключалась в грустной иронии, рожденной беспомощностью перед силами природы, и серьезностью,

² Rolf R. Masamune Hakucho. Boston: Twayne Publishers, 1979. P. 22.

скрывавшейся за шуткой³. В литературном мире писателя начинают называть «японским Чеховым»⁴.

Влияние Чехова остро ощущается в рассказе «Ад», который был опубликован в январе 1909 г. в журнале «Васэда бунгаку» и в этом же году стал вторым в составе «Собрания сочинений Масамунэ Хакутё». По словам самого Хакутё, это произведение написано под впечатлением от чеховской «Палаты № 6»⁵.

Впервые «Палата №6» опубликована в журнале «Бунгэй» (№ 4 за 1906 г.) в переводе с русского Сэнума Каё (1875–1915). «Сборник шедевров» Чехова, включал в себя тринадцать рассказов и повестей и открывался «Палатой №6». Как отмечает в своем исследовании К.Рёхо, перевод «Палаты №6» был выполнен небрежно и с большими сокращениями, но, несмотря на это, вызвал положительные отклики у японской критики⁶.

Как и в произведении русского писателя, в рассказе описывается жизнь сумасшедшего человека, а название произведения весьма символично описывает то, как главный герой воспринимает окружающую его реальность. Оба автора с самого начала погружают читателя в атмосферу боли и уныния. У Чехова с первых строк видим картину, полную безысходности и мрака, писатель проводит читателя вдоль больничных стен, рядом с крапивой, репейником и дикой коноплей. Растения, которые «жалют», колют и цепляются к одежде, словно само безумие. Далее, уже внутри, словно воссоздана картина дантова ада, к которой

³ Завырылина Т.А. Становление индивидуалистического сознания и «новая драма» в Японии // Человек и мир в японской культуре. М.: Наука, 1985. С. 229.

⁴ 福田清人. 正宗白鳥. 人と作品. 東京: 清水書院、1993. 53 頁.

⁵ 福田清人. 正宗白鳥. 人と作品. 東京: 清水書院、1993. 109 頁.

⁶ Рёхо К. Русская классика и японская литература. М.: Худож. лит., 1987. С. 253.

бы подошла надпись: «Оставь надежду всяк сюда входящий». Хакутё вводит образ холодного осеннего ветра, символизирующего боль, одиночество и подавленность.

Согласно японским критикам и признанию самого Хакутё, рассказ является автобиографическим⁷. И школа, которую посещает главный герой, – это школа Хакутё, и время событий совпадает со временем обучения в ней писателя. Это прослеживается с первых строк рассказа: «Дело было четырнадцать-пятнадцать лет назад», и понятно из описания школы, которая находилась на окраине маленького городка в районе Тюгоку (он включает и родную префектуру Хакутё – Окаяма). Однако писатель отказывается от одного из основных принципов натурализма – абсолютно точного изображения реальных событий. Содержание рассказа не является полностью скопированным с действительности. Это можно понять хотя бы из того, что в течение жизни писатель не сходит с ума. Хакутё, по-видимому, использует факты своей биографии для создания образа, близкого по натуре и характеру к нему. Возможно, писатель хочет увидеть себя на месте героя своего рассказа, понять его психологию. Образ главного героя – это образ автора, трансформированный соответственно обстоятельствам.

Тема сумасшествия появлялась и ранее в произведениях Хакутё, например, в «Призрачной картине» («Ёкайга»), позже он разрабатывает ее в пьесе «Прелести жизни» («Дзинсэй но кофуку») и в самом объемном произведении «Я убил человека...» («Хито о коросита га»). Изображение душевнобольных людей – один из характерных приемов натурализма. Объясняя причины безумия главного героя, Хакутё обращается к законам физиологии, вспоминает дурную наследственность героя. В рассказе важна тема гибели человека, отчужденного от общества в силу обстоя-

⁷ Rolf R. Masamune Hakucho. Boston: Twayne Publishers, 1979. P. 67.

тельств, в качестве которых выступает сумасшествие персонажа.

Центральным персонажем рассказа оказывается школьник, страдающий развивающейся паранойей, приступ которой, в конце концов, происходит на глазах его одноклассников.

Акиура Отокити, болезненный подросток, – главный герой рассказа. Он проклинает своего лечащего доктора за то, что тот не может его вылечить, тогда как сам, не следует врачебным предписаниям. Он перестает ходить в больницу из опасения, что лекарства отравят его. Герой боится сойти с ума, как его отец, или упасть в обморок и умереть, как его бабушка. Место страхов перед чудовищами и демонами, появившимися в раннем детстве, теперь занимают неприятные мысли о законах наследственности, физиологических факторах, которые могут угрожать ему. Единственным способом избавления от этих страхов для него служит чтение в одиночестве.

Страх наследственных отклонений порождает манию преследования у Акиура. Его борьба с боязнью чудовищ приводит к еще большему патологическому страху, выливающемуся в приступ во время занятий в школе. Следовательно, трагедия Акиура – трагедия человека, находящегося во власти внутренних чувств, что делает его неспособным противиться этому лишенному надежд на будущее миру⁸. Проблемой рассказа становится отчуждение от общества. Вопрос о том, почему человек выбирает одиночество и как он к этому приходит, составляет идейно-нравственное содержание произведения. Таким образом, можно высказать предположение, что хотя Хакутё и писал рассказ под впечатлением от «Палаты №6», но оба произведения сходны только по тематике.

⁸ 大島仁. 正宗白鳥. 何云ってやがるんだ. 京都: ミナト 7 書房, 2004. 190 頁.

Рагин из «Палаты №6» страдает от одиночества; несмотря на наличие у него приятеля, его некому выслушать. Он вынужден общаться с душевнобольным Громым, поскольку тот единственный человек, который понимает его⁹. Идеи, которые выражает доктор, можно охарактеризовать одним словом – «смирение». У него нет воли и веры в свое право изменять жизнь к лучшему. Громов, напротив, заявляет, что такая философия доктора не что иное, как лень: «...презираете вы страдания и ничему не удивляетесь по очень простой причине: суета сует, внешнее и внутреннее презрение к жизни, страданиям и смерти, уразумение, истинное благо – все это философия, самая подходящая для российского лежебока»¹⁰. Когда Рагин, стараниями своего помощника, оказывается в той же палате, он не выдерживает навалившегося на него осознания действительности и умирает на следующий день от апоплексического удара. Таким образом, трагедия Рагина – это трагедия человека, не имеющего никаких проблем, не замечающего вокруг себя человеческих страданий и вдруг столкнувшегося с ними лицом к лицу. Его смерть вызвана осознанием реальности. Философия «смиренности» не дала ему сил выжить¹¹.

По-иному складывается судьба Акиура. Здесь писатель приходит к выводу, что отчуждение от общества – это не следствие его сумасшествия, а напротив, причина такого психологического состояния героя. И если у Чехова в «Палате №6» общество отказывается от Громова и Рагина, то в «Аде» герой сам выстраивает стену между собой и внешним миром. Иными словами, мания, сведшая

⁹ Чудаков А. П. Мир Чехова. М.: Сов. писатель, 1986. С. 317.

¹⁰ Чехов А. П. Повести и рассказы. Владивосток: Дальневост. книжное изд-во, 1982. С. 152.

¹¹ Тюпа В.И. Художественность чеховского рассказа. М.: Высш.шк., 1989. С. 38.

с ума главного героя «Палаты №6», была детерминирована тогдашней российской действительностью, в то время как состояние главного героя «Ада» предопределяется только его собственными внутренними мотивами.

Среди других героев Хакутё изображает миссионера Р., его жену и дочерей. Они не принимают активного участия в развитии повествования, упоминаются лишь для создания контраста между ними, «счастливыми людьми», и Акиура. У Акиура появляется друг, студент Сано. Он любит писать карикатуры на Акиура, а также издеваться над европейцами и их религией, христианством.

Можно предположить, что взгляды студента Сано на христианство четко отражают взгляды самого Хакутё. Несмотря на то, что автор проявлял большой интерес к этой религии, был крещен в 1897 г. и даже раздумывал над тем, чтобы стать священником, в 1901 г. отходит от религии.

Гото Рё указывает две очевидные причины, почему Хакутё оставил религию. Во-первых, как позже пишет сам Хакутё, религия проиграла перед юношеским желанием следовать естественным человеческим инстинктам. Он начал ощущать, что такие мирские явления, как театр и развлечения, несут в себе гораздо больше реальности, чем христианская религия, которую он стал считать фальшивой. Во-вторых, Хакутё говорил о том, что, будучи студентом, он понял, что христианство – жестокая религия, основа которой является утверждение, что раз Христос нес свой крест, то и каждый верующий должен нести свой. Он чувствовал, что, несмотря на мягкий тон, которым написана Библия, христианство слишком строго и ожидает от верующих отказа от радостей жизни, что было неприемлемо для Хакутё¹².

¹² 後藤涼. 正宗白鳥: 文学と生活. 東京: 新潮社, 1966. 45 頁.

Христианские мотивы легко просматриваются в рассказе об Акиуре. Он впечатлен библейской историей о Содоме и Гоморре, а его боязнь людей, возможно, связана со страхом перед гневом Божьим. Эта тема часто встречается в литературе, но в данном рассказе нет детального описания связи между устрашающим образом Бога и психологией Акиура.

Как утверждает А.Ю.Закуренько, у Чехова в «Палате №6» с библейской точки зрения – болезнь и страдания могут послужить делу спасения человека. Последние муки перед смертью Рагина символизируют всю бессмысленность человеческой жизни, если считать, что Бога нет, но могут быть и спасительны, ведь через них Рагин способен ощутить то, что отрицал его разум. Умиравший доктор неожиданно понимает, что мог быть и не прав и бессмертие все же существует¹³. Был ли Чехов верующим – вопрос, который задавали себе еще его современники, однако, согласно исследованиям А. С. Собенникова, Чехов не прошел «мимо Христа». Тема религии широко представлена в его произведениях, а герои сами выбирают свою позицию «верующего или нет»¹⁴.

Другой приятель Акиура – Ёнэмацу – сын домовладельца, юноша с увлекательным прошлым, переживший как минуты безудержного счастья, так и горечь трагедий. Он говорит, что его единственное желание – это деньги, и любая работа, которая принесет богатство, подходит ему. Он рассказывает о гейшах, ругает Акиура за то, что тот учится слишком много, и делится планами побега из дому и желанием стать пиратом.

¹³ Закуренько А.Ю. Возвращение к смыслу. Старые и новые образы в культуре: опыт глубинного прочтения, Litres, 2020. С. 123–124.

¹⁴ Собенников А.С. «Между "есть Бог" и "нет Бога"...» (о религиозно-философских традициях в творчестве А.П.Чехова), Иркутск 1997. С.97.

Более важную роль в рассказе играет женщина, учительница у девушек. Она молода; живет отдельно от своего мужа. Акиура постепенно проникается к ней доверием. Женщина очень религиозна, она с большой симпатией относится к семье миссионера. Акиура пытается убедить ее, что их проповеди – это обман, что она должна прекратить свою монашескую жизнь и выйти в реальный мир. Зачастую идеи, приходящие в голову Акиура, поражают ее. Например, в одном из эпизодов Акиура говорит, что если бы не было людей, не было бы боли и мучений, не было бы и ада. Женщина опасается спорить с ним, поскольку ее беспокоят терзающие его странности и страхи.

Акиура все больше отдаляется от людей, становится подозрительным. Ему повсюду мерещатся угрозы для его жизни. Так он рассматривает даже обычное приглашение Сано прогуляться. Акиура отказывается слушать рассказ Сано о том, что у Ёнэмацу, кто, как становится понятным из сюжета, посещал учительницу, были сексуальные отношения с ней. Эта новость оказывается последней каплей для Акиура. Он видит что-то пугающее его на холме за школой и начинает кричать: «Они приближаются! Бежим!». Он понимает, что «они» поймают его, куда бы он ни убежал.

Для анализа структуры сюжета необходимо выделить три опорные точки произведения. Первой, по словам Р.Рольфа, становится состояние героя, в рассматриваемом рассказе близкое к сумасшествию¹⁵. Такое психологическое состояние Хакутё напрямую связывает с отсутствием желаний, каких-либо стремлений у героя, что приводит его к полному одиночеству. Второй стадией развития личности героя, так называемым «осознанием», становится внезапное понимание Акиура, что единственный человек,

¹⁵ Rolf R. Masamune Hakucho. Boston: Twayne Publishers, 1979. P.104.

которому он доверял, предал его. Притворство учительницы уничтожает последний источник общения персонажа с людьми, что ведет его к полному помешательству. Последнее и становится завершающим этапом развития личности – «решением». Акиура проще спрятаться за маску сумасшествия, чем принять действительность такой, какая она есть.

Самой заметной особенностью «Ада», заимствованной у Чехова, можно назвать форму короткого рассказа. Это был первый опыт японского писателя, но именно небольшой объем произведения критики назвали главным недостатком «Ада». По мнению Р.Рольфа, невозможно полностью раскрыть сумасшествие такого сложного персонажа, как Акиура, в рассказе, по объему составляющего лишь пару десятков страниц. Несмотря на то что Хакутё предлагает большое количество фактов, описывающих жизнь Акиура и тем самым объясняющих развитие его болезни и усугубления отращения к окружающей действительности, этого недостаточно для полноты образа¹⁶. Если сравнить объем произведений Эмиля Золя и Фрэнка Норриса (1870–1902), который авторы посвящают изображению сумасшествия, то произведения Хакутё заметно проигрывают. Поскольку европейские писатели следили за жизнью героев в течение нескольких десятилетий, читателю легко заметить и понять изменения, происходящие в персонажах. Более того, эти изменения очень правдоподобны благодаря тщательному описанию фактов их жизни. Использование короткой формы рассказа, как считает Фукуда Кёто, неоправданно для тех целей, которые ставит перед собой Хакутё в «Аде». Однако, несмотря на недостаточную временную составляющую рассказа, последний дает впечатляющий портрет Акиура¹⁷.

¹⁶ Ibid. P. 69.

¹⁷ 福田清人. 正宗白鳥. 人と作品. 東京: 清水書院、1993. 111 頁.

Еще одной особенностью рассказов Чехова и Хакутё следует назвать характер героев. Типичный чеховский персонаж – это человек из толпы, один из многих. Чехов отличался от русских писателей конца XIX века тем, что не пытался наделить героя эпохальностью, сделать его «типичным представителем». Как утверждает В.И.Тюпа, «личность» человека — это его единичность и одновременно всеобщность, так как быть личностью – «специфический человеческий способ существования». На этой всеобщности единичного человеческого бытия, по мнению исследователя, и основывается чеховский метод типизации¹⁸. Сопоставив произведения писателей, можно утверждать, что и герой Хакутё, хотя и был современником эпохи изменений, но в отличие от «типичных представителей», не соответствовал своему обществу, хотя круг идей, детали внешнего облика, доставшиеся персонажу в случайной реальности мира, оставлены ему писателем в мире художественном.

Японский писатель Ито Сэй (1905–1969) говорит о чеховских рассказах следующее: «В предельно естественной и простой, как будто даже и не реалистичной манере писатель изображает человеческие радости и печали, причем дает только их наиболее существенный штрих». Хакутё также старается не использовать пространных пояснений, описаний состояния героев – он передает его через мельчайшие детали. Недосказанность рассказа также говорит о влиянии Чехова, который считал, что «лучше всего избегать описывать душевные состояния героев...»¹⁹.

¹⁸ Тюпа В.И. Художественность чеховского рассказа. М.: Высш. шк., 1989. С. 33.

¹⁹ Рехо К. Японская литература (на рубеже XIX веков) // История всемирной литературы: В 9 т. М.: Наука, 1983. Т. 8. 1994. С. 585.

Хакутё не стремится удивить читателя перестановкой эпизодов, непредвиденной развязкой событий. Фабула интересна для автора не движением событий, а движением внутренней жизни героев. Финал рассказа, в котором у главного героя постепенно развивается мания преследования, мог быть выражен лишь внезапным сильнейшим приступом болезни. Это единственное логически выверенное окончание, любое другое было бы надуманно. Такое же понимание функции финала и у Чехова²⁰.

Следует вывод о том, что Чехов оказал огромное влияние на метод художественного изображения Масамунэ Хакутё. И, хотя в этом рассказе Хакутё еще не полностью добился желаемого результата, уроки Чехова не остались напрасными. В произведениях японского писателя, в частности рассказе «Ад», прослеживаются элементы характерной манеры, присущей Чехову. Это и лаконичность повествования, и краткая форма рассказа, и незавершенность произведения, что, несомненно, перекликается с японской национальной традицией. Хакутё в начале своего творческого пути искал формы художественного выражения, а произведения Чехова подтолкнули его к написанию коротких рассказов.

Очевидно, что русская литература реализма оказала не меньшее влияние на направление *сидзэнсюги*, чем западная. Органичный синтез тенденций французского натурализма и русского критического реализма является своеобразной чертой раннего творчества Масамунэ Хакутё.

²⁰ Чудаков А.П. Мир Чехова. М.: Сов. писатель, 1986. С. 315.

**«Слабые» и «сильные» женские персонажи
в детективных рассказах
современных японских писателей**

В качестве материала для анализа были выбраны произведения наиболее популярных современных японских авторов, работающих в жанре детектива: Атода Такаси (р. 1935), Миябэ Миюки (р. 1960), Акагава Дзиро (р. 1948), Фудзисава Сюхэй (1927–1997) и Отиаи Нобухико (р. 1942). Эти писатели – представители новейшего этапа японской остросюжетной прозы, когда среди так называемых криминальных жанров на первый план выступают психологический триллер, приключенческий детектив, исторический детектив и криминальная драма (как полицейская, так и шпионская). В целом современный японский детектив изучен слабо и редко подвергался специальному подробному рассмотрению; известны лишь несколько монографий на японском и английском языках¹. Фактическим материалом настоящего исследования послужили психологические триллеры «Гостья», «Моя полная копия» и «Мужчина, который ждёт» Атода Такаси, полицейский детектив «После долгого сна» Акагава Дзиро, приключенческий детектив «Не говори ничего» Миябэ Миюки, исторический детектив «После сезона цветов» Фудзисава Сюхэй и шпионская драма «Нелегал из КГБ» Отиаи Нобухико.

¹ См., например: Хонкаку мисутэри: но гэндзай. Новая волна японской остросюжетной прозы / коллектив. моногр. под ред. Касаи Киёси. – Токио: Кокусё канко:кай, 1997. (На япон. яз.); Kawana Sari. Murder Most Modern: Detective Fiction and Japanese Culture. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008; Seaman Amanda C. Bodies of Evidence: Women, Society, and Detective Fiction in 1990s Japan. Honolulu: University of Hawaii Press, 2004.

Эти семь криминальных рассказов объединяет подход к главным женским персонажам; в центре пяти историй оказывается пара женщин (не обязательно знакомых друг с другом), представляющая две полярности – «добро» и «зло», причём добро ассоциировано со слабостью и безвольностью, зло – с силой и напором; также встречаются неоднозначные персонажи. Добро соотносено с категорией «несчастья», в то время как зло – счастливо и удовлетворено.

Подобно классику японской литературы Танидзаки Дзюньитиро (1886–1965), признанный мастер психологического детектива Атода Такаси показывает тёмную, порочную сторону женской натуры. В его рассказах перед читателем зачастую предстает женщина падшая, которой не суждено подняться, – особенно в том случае, если с рождения ей предопределена не лучшая участь. Озлобленные личными неудачами, героини восстают против враждебных обстоятельств, часто с помощью преступления. Кандзаки Хацуэ из рассказа «Гостья»², всю жизнь прожившая в бедности, не сумела как следует воспитать дочь, которая стала женщиной легкого поведения и воровкой. Устроившись уборщицей в родильный дом, Хацуэ выжидает удобный случай и, убив новорождённую дочь богатой Макико, подменяет её своей крошечной внучкой, которую бросила мать, – в надежде, что хотя бы у внучки будет другая жизнь, жизнь беззаботная и обеспеченная, которой всегда жаждала сама Хацуэ. Узнав правду, Макико понимает, что Кандзаки нашла способ отомстить ненавистным богачам, которым всегда завидовала, – пробравшись в мир, которому она была чужда и который её отвергал:

² Атода Такаси. Райхōся // Тоой мэйкю. Гостья // в сб.: Далёкий лабиринт. Токио: Сю:эйся, 2007. С. 31-59. (На япон.яз.). Рассказ отмечен премией Ассоциации японских писателей в жанре детектива (1979 г.).

теперь Макико, относившаяся к Хацуэ с брезгливостью и пренебрежением, должна будет воспитывать её внучку. Макико ревностно оберегала свой мир и дочь от вторжения ненавистной Хацуэ – и всё-таки, когда за утренней гостьей закрылась дверь, а спустя недолгое время на пороге появилась полиция, Макико понимает, что вторжение в её мир «чужого» произошло, и не сегодня, а несколько месяцев назад: её настоящий ребёнок убит, а в колыбельке в детской дремлет «гостья», оставленная Хацуэ.

Итак, первая пара, вокруг которой разворачиваются события, – пара Хацуэ – Макико. Для каждой из них самое главное – комфорт и богатство, просто для первой оно – недостижимо и страстно желаемо, а для второй – привычная норма, образ жизни, унаследованный от богатых и влиятельных родителей. Правда, вместе с богатством девушка унаследовала и светские манеры, представления о приличиях, не позволяющие выставить за дверь надоедливую «уборщицу из роддома». Готовность юной Макико быть «жертвой» очевидна с первых строчек, когда в её особняк, несмотря на намёки на занятость и неудобства, является «гостья»; «уборщица-убийца» пытается хозяйку подробными расспросами о младенце целый час, тискает годовалую девочку грязными руками, даёт советы по уходу за младенцем; в ситуации, когда любая другая мать выставила бы вон наглую «гостью», Макико продолжает терпеть, преодолевая отвращение, в чём выражается традиционная для японского общества учтивость младших по отношению к старшим, особенно если ты чем-то обязан старшему (в данном случае – Макико чувствует себя обязанной за уход в роддоме, несмотря на то, что платила уборщице более чем щедрые чаевые). В триллере данная традиционная вежливость и почтительность – в ущерб собственным чувствам – облечена Атода Такаси в гротескную форму: молодая мать, как выясняется

в конце, целый час терпела наглость и бесцеремонность убийцы своего настоящего ребёнка.

Героиня второго рассказа Атода Такаси «Мужчина, который ждёт»³, наркоманка и преступница, совращает героя, которого преследуют неудачи в отношениях с женщинами, и ради неё он начинает грабить и убивать, сам удивляясь, как вышло так, что теперь он способен на преступление; когда же мужчина решает начать новую, честную жизнь, уезжает и обзаводится семьей, находит достойную работу – вдруг появляется его прежняя возлюбленная, которая не простила предательства и теперь шантажирует его, угрожая раскрыть всем его прошлое. Мужчина идёт на своё последнее преступление и отравляет её. Развращённая женщина способна сбить мужчину с истинного пути и ради собственной выгоды погубить всех вокруг себя; рядом с ней слабый мужчина теряет либо волю, либо – достоинство. Этот образ противопоставлен образу примерной жены из «новой» жизни мужчины; при этом мужчина искренне любит жену, испытывая к порочной любовнице страсть, граничащую с безумием.

Похожая пара женщин представлена в криминальной истории «Нелегал из КГБ»⁴ Отиаи Нобухико. Детективы Отиаи Нобухико относятся к лёгкому развлекательному чтиву, зачастую не имеющему под собой достоверной базы исторических фактов. Главный герой рассказа, действие которого происходит в Советской России в 1960–1970-е гг., – Сергей, – оказывается безработным, его

³ Атода Такаси. Маттэ иру отоко (Мужчина, который ждёт) // в сб. Маттэ иру отоко (Мужчина, который ждёт). Токио: Кадокава сэтэн, 1988. С. 6–26. (На япон. яз.).

⁴ Отиаи Нобухико. Кэй дзи би иригару (Нелегал из КГБ) // в сб.: Отокотати-но барāдо (Мужские баллады). Токио: Сьюэйся, 1991. С. 184–246. (На япон. яз.).

увольняют с завода. В отчаянном положении он живёт в коммунальной квартире с тихой и покорной женой Верой, измученной бытом; их троим детям совершенно нечего есть. Сергей пытается украсть немного хлеба для детей; тут же его арестовывают, а затем он оказывается завербован спецслужбами. Сергей покидает семью и уезжает якобы «на заработки»; на самом же деле он проходит обучение под руководством сексуальной женщины-вамп – американки Софи, агента высшей категории, которая была замужем за русским, но развелась и теперь учит Сергея шпионить в США в пользу СССР. Невольно сравнивая свою жену Веру и Софи, Сергей понимает, что преданность и жертвенность Веры, которая ведёт всё домашнее хозяйство и занимается детьми, стала его угнетать; подчёркнутая сексуальность Софи, то, как она стремится доминировать, в отличие от во всём покорной ему Веры, не оставляет Сергея равнодушным, даже когда для него становится очевидной расчётливость и бездушность этой женщины, которую интересуется лишь нажива. Софи в корне меняет личность Сергея, до той поры доброго и робкого человека; под её влиянием молодой мужчина открывает в себе худшие стороны и учится убивать – как и очарованный своей порочной любовницей герой из триллера Атода Такаси «Мужчина, который ждёт». Софи охлаждает пыл Сергея на протяжении всего периода обучения; но по окончании обучения сама предлагает ему секс. Неожиданно для Софи и себя самого Сергей отвечает: «Не могу, я ведь теперь агент КГБ. А это значит, что моё тело и сердце принадлежат Родине и социализму»⁵. Софи, самолюбие которой уязвлено, спустя недолгое время выдаёт Сергея спецслужбам США, в результате чего он погибает.

⁵ Там же. С. 210.

Как и в предыдущих рассказах, в приключенческом детективе Миябэ Миюки очевидно противопоставление «удачливое зло» – «незадачливое добро». Героинями детективных рассказов Миябэ Миюки часто становятся одинокие девушки, ничем не примечательные, глубоко несчастные в личной жизни и неудачливые в карьере, — до той поры, пока жизнь не изменит какое-либо выбивающее из колеи событие. С готовностью пускаясь навстречу приключениям, девушки начинают собственное расследование, а как только оно заканчивается – вновь оказываются наедине со своим одиночеством. Такие девушки – простые служащие, которые живут одни в большом городе; событие, вторгающееся в их жизнь, всколыхнувшее их разум, служит раскрытию образа героини, обнажая её проблемы и её собственную душевную драму. Героини произведений Миябэ Миюки постепенно становятся всё более активными и смелыми; их желание действовать ищет выход и вырывается наружу, когда катализатором становится преступление или трагедия, произошедшая на глазах героини. Так, в душе героини рассказа «Не говори ничего»⁶ Сатоми давно назревал бунт: разругавшись с начальником из-за его бестактности, девушка понимает, что придется увольняться и заново строить жизнь. Ночью она бродит потерянная по городу в невесёлых мыслях о будущем, когда на её глазах незнакомый водитель автомобиля, почему-то явно узнавший её, теряет управление, и происходит авария. Сатоми принимается выяснять обстоятельства, которые привели к трагической гибели супружеской четы Асихара, и в ходе расследования с удивлением узнаёт с новой стороны не только себя, свою

⁶ Миябэ Миюки. Ивадзу-ни оитэ (Не говори ничего) // в сб.: Хэндзи ва иранай. (Ответ не нужен). Токио: Синтёся, 1991. С. 101–140. (На япон. яз.).

решительность и дерзость, умение бороться, но и учиться по-другому смотреть на тех, кто её окружает. Таким образом, трагедия, произошедшая на глазах героинь Миябэ Миюки, – это предоставленная возможность вырваться из «замкнутого круга» и, разгадав загадку, не только помочь людям, но и помочь себе. Очевидно, что героиня Миябэ Миюки, в отличие от персонажей Атода Такаси, способна открыть свой внутренний потенциал и направить его на реализацию не злого, но созидательного умысла.

Ещё одна пара, которую следует рассмотреть, – это пара «Сатоми – Рэйко» из рассказа «Не говори ничего». Волею судеб скромница Сатоми оказывается как две капли воды похожа на преступницу Мидзута Рэйко, разыскиваемую любовницу влиятельного бизнесмена Асихара, укравшую значительную сумму денег. Как и мужские персонажи рассказов «Мужчина, который ждёт» и «Нелегал из КГБ», Асихара Сёдзи, ранее примерный муж при больной супруге, становится жертвой молодой алчной любовницы Мидзута Рэйко. Вовлечённая в череду событий и постепенно раскрывающая убийство любовницы, которое совершил Асихара перед тем, как покончить с собой в машине вместе с женой, Сатоми понимает, что способна на большее, чем работать «девочкой на побегушках» в пыльном и душном офисе. Таким образом, преступление и смерть отрицательной героини становятся стартом для новой жизни героини положительной – это типичный сюжет для приключенческого детектива Миябэ Миюки.

В исторических детективах Фудзисава Сюэхэй положительные женские персонажи тоже часто представлены как возродившиеся после раскрытия совершённого преступления. Такова, например, юная Ито из рассказа «После

сезона цветов»⁷, действие которого происходит в эпоху Эдо (1603–1868). В Ито можно разглядеть многие черты Сатоми, героини Миябэ Миюки: она тоже росла в аристократической семье, где строго блюли обычаи, тоже была стеснительной и даже страдающей от комплексов девушкой, не осмеливавшейся до поры до времени проявить свою сильную натуру (о которой и сама едва ли подозревала). Скромность Ито была такова, что с самого детства она не смела даже улыбаться и заговаривать лишний раз, чтобы не привлечь внимание к своему, как она считала, чересчур большому рту. Ей противопоставлена Касэ – девушка на два года старше, из соседнего дома: раскрепощённая, вульгарная, распутная, лживая, не знающая чести и совести. Ито же тайно влюблена в Магосиро, юношу храброго, благородного и добродетельного; однако по воле родителей Магосиро именно Касэ становится невестой молодого человека, – в то время как родители Ито, в свою очередь, тоже просватывают дочь, обещая её юноше по имени Саисукэ, который ей несколько не приятен и не интересен, но родство с семьёй которого выгодно семейству Ито.

В девушке зреет бунт, она начинает меняться, преодолевая присущую ей стеснительность; на протяжении нескольких лет после свадьбы возлюбленного с Касэ, которая несколько не ценит мужа и тут же начинает ему изменять, отчаявшаяся Ито упражняется в фехтовании и изучает совершенно не подобающее женщине воинское искусство: она чувствует, что это раскрепощает, придаёт ей силы и словно роднит её с Магосиро, ведь они познакомились на одном из фехтовальных турниров.

⁷ Фудзисава Сүхэй. Хана-но ато (После сезона цветов) // в сб.: Хана-но ато (После сезона цветов). Токио: Бунгэй сүндзю, 2005. С. 231–268. (На япон. яз.).

Обстоятельства складываются таким образом, что Ито несколько раз случайно застала супругу возлюбленного с красивым, но подлым и бесчестным Фудзии, а спустя некоторое время до неё дошли слухи, что Магосиро покончил с собой, потому что счёл, что в рамках переговоров на высоком уровне опорочил себя незнанием этикета. Понимая, что выдающийся молодой человек, занимающий высокое положение посланца для военного правительства, не мог совершить подобную ошибку, Ито начинает собственное расследование; она выясняет, что его подставил Фудзии, любовник его жены, который по долгу службы обязан был подготовить Магосиро к встрече с высокопоставленными лицами, но специально неправильно объяснил, как следует оформлять официальные документы. Как ни странно, в этом расследовании девушке помогает нелюбимый и не особенно умный жених, свадьба с которым должна вот-вот состояться; эта самоотверженная помощь, а также то, с какой готовностью жених позволяет собой руководить, несколько примиряет Ито с необходимостью разделить с ним жизнь. Рассказ заканчивается тем, что девушка вступает с Фудзии в бой на мечах и убивает негодяя, отомстив за смерть возлюбленного; после этого она возвращается к семье и выходит замуж за нелюбимого, но поддержавшего её в трудную минуту Саисукэ, полагая, что её юность, пора цветения, кончилась так же быстро, как недавно завершившийся сезон любования сакурой. Примечательно, что в этом нежеланном браке Ито заняла положение лидера и всю жизнь продолжала указывать мужу, что, когда и как ему делать; а с женой Магосиро, изменницей Касэ, расправляться не стала, невзирая на то, что Касэ изменяла Магосиро с человеком, предавшим его. Ито не захотела её убивать, считая, что та уже достаточно наказана смертью мужа и любовника, и имя Касэ теперь настолько запятнано, что ей

суждено остаться в одиночестве и быть презираемой всеми.

Герой рассказа «Моя полная копия» Атода Такаси⁸, молодой сотрудник торговой компании Ямамото Горо, не особенно успешный в жизни, случайно узнаёт от своего коллеги, что тот якобы видел его в одном из элитных баров в Йокогама. Поражённый, герой отправляется туда из Токио на разведку и выясняет, что его двойник и впрямь существует. В результате слежки ему становится известно, что мужчина живёт в элитном квартале с удивительно красивой женщиной. Желание пожить роскошной жизнью обеспеченных людей кружит молодому человеку голову, и он, следуя непонятному порыву, снова и снова приезжает к дому мужчины, как две капли воды похожего на него. Однажды его случайно замечает Фуюко – красавица-жена его двойника – и принимает за своего мужа, уехавшего в командировку; Горо подыгрывает ей. Дело доходит до секса, когда после колебаний парень всё-таки решает признаться, что он не тот, за кого себя выдаёт. Фуюко, довольно быстро сориентировавшись в ситуации, выпроваживает его со словами, что хочет обдумать «одно дело», и просит его оставить ей визитку, чтобы она могла ему перезвонить. Спустя несколько дней от неё раздаётся звонок; девушка назначает встречу, на которой признаётся, что хочет убить мужа, потому что он ужасный человек, – однако деталей не сообщает и просит никогда не пытаться разузнать у неё причину ненависти к мужу. Фуюко уговаривает героя помочь ей, обещая совместное безбедное будущее, и он, очарованный её неземной красотой, соглашается.

⁸ Ато́да Такаси. Орэ то онадзи отоко (Моя полная копия) // в сб.: Маттэ иру отоко (Мужчина, который ждёт). Токио: Кадокава сэтэн, 1988. С. 98–133. (На япон. яз.).

Пара договаривается, что через месяц Горо, уволившись с работы и уладив все дела с немногочисленными знакомыми, переедет из Токио в Йокогама и будет ждать в отеле звонка от Фуюко. Девушка звонит и сообщает, что напоила мужа снотворным и убила, и ей понадобится помощь, чтобы скинуть труп с обрыва в залив. Горо подъезжает к назначенному времени, но из машины выходит не она, а её живой и невредимый супруг. Выясняется, что Фуюко с супругом обанкротились, и единственным выходом для них расплатиться с банками могло бы стать получение страховки, поскольку жизнь мужа-двойника Горо была застрахована на крупную сумму. Молодая женщина рассказала мужу о договорённости с простаком Горо, и они тщательно спланировали его убийство. В результате полиция должна была бы обнаружить труп Горо, приняв его за погибшего мужа; Фуюко получила бы страховку и, расплатившись с долгами, поделила бы оставшиеся деньги с мужем, а со временем «познакомилась» бы с мнимым Горо – двойником «горячо любимого» супруга, и они могли бы снова «пожениться». В результате ни женщина, ни читатель не знают, чем закончился поединок у обрыва и кто из мужчин выжил; рассказ заканчивается беседой Фуюко с одним из двойников, который требует свою часть денег и совместное будущее, как ему (обоим из них) было обещано хитроумной интриганкой, – что начисто лишает читателя возможности узнать, с кем из них ей теперь предстоит рассчитываться (вероятнее всего, с обманутым Горо).

В данном произведении, как и в двух других рассмотренных триллерах Атода Такаси, мотивом убийства для преступницы является финансовая выгода; отношения между главными героями складываются так же, как и в рассказе того же автора «Мужчина, который ждёт»: наивный мужчина сперва полностью доверяет коварной соблаз-

нительнице, но затем ему удаётся перехитрить её, полностью уверенную в своей власти над ним.

Рассказ Акагава Дзиро «После долгого сна»⁹ представляет наиболее устрашающую героиню – обезумевшую серийную убийцу, юную Аяко, которая пронесла обиду на семью через всю свою жизнь, начиная с раннего детства. Все родственники, как и следователи, ждали, когда же она выйдет из комы, чтобы прояснить обстоятельства роковой ночи: её отец Ясуо и мать Кикиё, обеспеченные владельцы прибыльного бизнеса, были убиты у себя в особняке. Дело выглядит так, будто Ясуо убил жену и покончил с собой, потому что других отпечатков на пистолете не обнаружено; тем не менее, дело ещё не закрыто из-за комы главной свидетельницы. Данный детектив относится к жанру полицейской драмы, поскольку, помимо психологических подробностей, показывает также особенности жизни и работы заурядного сотрудника уголовного розыска, с уклоном, как это характерно для данной разновидности жанра, в малоприятные детали, характеризующие героя не с лучшей стороны: дурные привычки следователя, пренебрежение семейной жизнью, неприязнь к работе, в данном случае – ещё и коррумпированность.

Выйдя из комы, Аяко умело вводит всех в заблуждение, что у неё частичная амнезия, она обманывает и родственников, и врачей, и полицию, – это становится ясно только ближе к финалу произведения. Детектив грубо давит на неё, заставляя действовать, чтобы она, как можно скорее всё вспомнив, помогла ему раскрыть дело и тем самым получить прибавку к пенсии. По наущению следователя отправляя родственникам анонимные письма от

⁹ Акагава Дзирō. Нагаки нэмури-но хатэ-ни (После долгого сна) // в сб.: Сабисигария-но ситай (Труп одиночки). Токио: Кадокава сэтэн, 1988. С. 6–26. (На япон. яз.).

«доброжелателя», девушка собирает всех в особняке Ясуо и Кикую, где произошло убийство. В дом прибывает Юитиро – старший брат покойного отца Аяко, семья Акико – младшей сестры покойного, а также полицейский, которому скоро выходить на пенсию, – поэтому он не питает никакого интереса к делу и даёт понять, что готов принять взятку от убийцы, кем бы тот ни оказался, потому что семья богатая, и он видит в произошедшем преступлении прежде всего возможность получить собственную выгоду. Акико готова выделить долю из ожидаемого наследства и дать взятку полицейскому, чтобы тот отступился от дела и отказался от всех подозрений в отношении её семейства; она быстро заставляет замолчать своего мужа Фусими, который предостерегает её от подкупа, – очевидно, что муж во всём покорен ей. Пока родственники недоумевают, продолжая обвинять и подозревать в произошедшем друг друга, они ходят по особняку и поочерёдно погибают в многочисленных хитроумно расставленных ловушках. В конце концов в живых остаётся только двоюродный брат Аяко, Юдзи; Аяко открывается ему, только когда все остальные уже погибли. Оказывается, её целью было наказать всю семью за корыстолюбивое отношение и жадность: родственники начали делить наследство Ясуо, когда его труп ещё не успел остыть, а девушку в больнице не навещали и нисколько не тревожились о её судьбе. Но прежде всего выясняется, что убийцей отца была сама Аяко: в ту ночь она услышала, как родители ссорились, и мать обвиняла отца в пренебрежительном отношении, признаваясь, что изменяет ему с Фусими, мужем Акико, которому надоело, что жена руководит всеми и обращается с ним, точно с двоечником в школе, где работает учительницей. Услышав выстрелы, Аяко вбежала в спальню родителей, чтобы защитить мать, но не успела, – отец уже застрелил её в

состоянии аффекта и выронил пистолет. Девушка схватила пистолет и выстрелила в отца, а затем на полгода впала в кому, потому что одна из пуль от ricochet от стены ей в голову.

Аяко признаётся Юдзи, что росла несчастным брошенным ребёнком в семье, где каждого заботила только прибыль от бизнеса, и что отец её никогда не любил. Поэтому, выйдя из комы, она решила поквитаться со всеми, дабы отомстить за корысть и равнодушие. Однако кузен, раскрыв Аяко материалы дела, в которых та не потрудились разобраться, приводит доказательство того, что отец любил её: оказывается, на оружии были обнаружены только отпечатки покойного, – судя по всему, умирая от огнестрельных ранений, Ясуо из последних сил подполз к пистолету и стёр отпечатки дочери, чтобы уберечь её от обвинений и ареста. Услышав это, девушка, охваченная чувством вины и раскаянием, тотчас застрелилась на глазах шокированного Юдзи.

В целом героиня японской литературы на рубеже веков, во многом как и герой, представляется потерянной, одинокой, чуждой обществу и себе самой; зачастую она является опасной не только для себя, но также источником социальной угрозы. Особенно очевидным это становится на примере прозы криминальной. Традиционные ожидания от женщины в социуме уже не могут удовлетворить мужчину, как это видно из произведений, послуживших материалом для статьи; в то же время, традиционная женская покорность, готовность к самопожертвованию во благо семье и добродетельность несут двоякую нагрузку в криминальном жанре: с одной стороны, такой персонаж по-прежнему желанен и привлекателен, ведь женщина-хранительница очага, мать детей и хозяйка – это образ, ассоциирующийся с добром и чистотой. С другой стороны, положительная героиня, следующая традиционным устоям,

уже не очень интересна мужчине, обычно глубоко несчастна и позволяет себя обманывать (Макико из «Гостья», Вера из «Нелегал из КГБ», жена героя из «Мужчина, который ждёт», жена Асихара из «Не говори ничего»), либо до поры до времени безропотно даёт другим волю управлять её жизнью и решать её судьбу (Сатоми из «Не говори ничего», Ито из «После сезона цветов»); тогда как отрицательные женские персонажи получают желаемое без проблем (любимого мужчину, деньги, отмщение, лучшее будущее для своих детей, – правда, зачастую расплачиваясь за это либо жизнью, как уборщица-преступница и женщина-совратительница в рассказах Атода Такаси, либо же репутацией и положением в обществе – как развратница Касэ, героиня Фудзисава Сюхэй).

Женские персонажи многих популярных в современной Японии писателей не знают покоя и не видят спасения ни в любви, ни в семье, ни в работе, – даже в случае абсолютного благополучия во всех сферах жизни, как, например, богатая наследница Аяко из рассказа Акагава Дзиро «После долгого сна». В современной японской криминальной прозе женщина представляется существом губящим, склонным к саморазрушению и к разрушению судеб близких и других людей. Во многом подобно герою, «положительная» героиня японской детективной прозы на рубеже веков – женщина растерянная и меланхоличная, не имеющая внутренних сил противостоять действительности. Большинство «положительных» героинь демонстрируют нерешительность и покорность внешним обстоятельствам, терзаются комплексами и сомнениями, живя в атмосфере отчужденности и чуждости окружающему миру; бунт зачастую «перегорает» внутри героини, и пламя из искры не разгорается. Героине ничто не может служить утешением – ни любовь, ни работа, ни друзья, ни родные; её сердце работает «вхолостую». В криминальной прозе преступление становится тем самым катализатором,

которое помогает женщине – или мужчине рядом с ней – открыть себя с новой стороны: и если в приключенческих детективах Миябэ Миюки или исторических детективах Фудзисава Сюхэй эта трансформация всегда оптимистична (прежде слабая девушка раскрывает преступление и обретает силу и уверенность в себе), то в других работах мы будем наблюдать скорее деградацию, отказ от морали (нравственное падение Сергея рядом с Софи, преступная деятельность «мужчины, который ждёт» под влиянием порочной любовницы; уборщица, опустившаяся до убийства ребёнка с целью обеспечить внучке достойное будущее). В четырёх из семи рассмотренных произведений мотивом являются деньги; трижды мотивом становится месть несправедливо обиженной женщины (Софи у Отиаи Нобухико и Ито у Фудзисава Сюхэй; к этой же категории можно отнести обезумевшую Аяко у Акагава Дзиро, убившую всех членов своей семьи). В целом в японской криминальной прозе в гендерном аспекте преступление можно рассматривать как протест женщины против не устраивающей её участи; преступление же, совершаемое женщиной, всё чаще совершается под пагубным влиянием женщины («Мужчина, который ждёт» и Ямамото Горо у Атода Такаси; Сергей у Отиаи Нобухико; Асихара у Миябэ Миюки; Фусими, готовый согласиться с идеей взятки правоохранительным органам под давлением Акико, своей жены).

**«Женский голос» и «персональный миф»
в романе Каваками Хироми «Голос воды»**

В 2014 г. был опубликован очередной роман Каваками Хироми 川上弘美 (р. 1958) – «Суйсэй» (яп. 水声, «Голос воды»)¹. Каваками Хироми – известная японская писательница, лауреат многочисленных литературных премий, работающая в основном в жанре бытописательской прозы, часто с элементами магического реализма. В романе «Суйсэй» Каваками вновь обращается к вопросам, красной нитью проходящим через все ее творчество, и, прежде всего, в сфере интересов писательницы по-прежнему находится женщина и ее поиски собственного места в мире.

В центре повествования «Суйсэй» – история нескольких поколений непримечательной, на первый взгляд, японской семьи. Все события читатель наблюдает глазами главной героини, Мияко 都, которую Каваками изображает в разные периоды ее жизни – она то девочка, то молодая девушка, то женщина средних лет. На протяжении романа Мияко переживает многочисленные события из жизни своей семьи, связанные с ее младшим братом Рё 陵, родителями, подругой детства Наоко 奈穂子 и другом семьи Такэдзи 武治. Жаркое лето 1969 г. – Мияко и Рё тогда было одиннадцать и десять соответственно – проведенное ими с Наоко, недавно вернувшейся из Америки; смерть матери в 1986 г.; 1996 год, когда Мияко и Рё вновь поселяются в старом родительском доме – эти и другие события причудливым образом переплетаются в сознании Мияко, которая, как становится понятно из последней главы, в реальности существует в 2013–2014 гг.

¹ Каваками Хироми 川上弘美. Суйсэй 水声 [Голос воды]. Токио: Бунгэйсюндзю, 2017.

Нелинейность времени – одна из наиболее примечательных черт «Суйсэй» с точки зрения структуры. При этом отметим, что перед нами – не просто ряд ретроспекций; роман, скорее, построен по ризомному принципу, представляя собой среду множества бесчисленных возможностей и смыслов; многочисленных потоков, с разной скоростью движущихся вдоль определенных линий, подобно структуре лабиринта². Центральной же точкой артикуляции этих многочисленных потоков становится смерть матери Мияко. 1986 год утверждается, по сути, в качестве единственной надежной точки отчета в зыбкой системе координат, в которой существуют герои «Суйсэй». Никакие другие происшествия не производят на них такого же ошеломительного влияния и не становятся для них постоянным референсом, хотя на страницах романа достаточно и других травматических событий. Так, например, Рё чудом удается спастись во время «заринового инцидента» в токийском метро в 1995 г. – он проезжает злополучные станции чуть раньше и невредимым покидает подземку. Весьма заметный отпечаток на детство и юность Мияко и Рё накладывает и проблема личности их отца. Сожитель матери, которого они считают отцом, оказывается их дядей, настоящий же родитель – Такэдзи, давний друг семьи. Но только смерть матери становится для Мияко тем пунктом невозврата, который разбивает реальность на «до» и «после», «уничтожает время» и переносит героиню в принципиально новое измерение³.

Переживание травматического события нарушает «нормальный» ход событий в реальности Мияко, и именно в этот момент на страницах романа появляются элементы

² См. подробнее: Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.

³ См. подробнее: Flores L. Matrices of Time, Space and Text: Intertextuality and Trauma in Two 3.11 Narratives. P. 141–169.

магического реализма. Переселившись через десять лет после смерти матери в старый родительский дом, до этого пустовавший, героиня начинает сталкиваться с загадочными явлениями. Из закрытой комнаты на втором этаже доносятся странные звуки – тиканье, постукивание, клацанье неведомым образом «оживших» часов, которые раньше коллекционировал отец Мияко и Рё. Примечательно, что именно комнату с часами Мияко запирает на всякий замок, а за источниками пугающих звуков подглядывает в замочную скважину – время в ее реальности «уничтожено» смертью матери, и дезориентированная в темпоральной структуре героиня бежит от часов, одновременно символизирующих для нее и возвращение в прошлое, к былому увлечению отца, который давно покинул дом и живет отдельно от семьи, и движение в будущее, к которому она все еще не готова. Однако на этом загадочные события не заканчиваются – теперь Мияко начинает встречаться со своей умершей матерью в снах. Впервые мать приходит к ней после того, как Мияко избавляется от старой домашней утвари.

— *Наконец-то вы живете вместе.*

Мама стояла передо мной в своем летнем кимоно с узором из бабочек. Темно-синий силуэт с красными крапинками на фоне белой земли⁴.

Первая встреча с матерью оказывается короткой, и оставляет двойственные впечатления. Впоследствии мать не раз появляется в снах Мияко, все глубже погружая героиню в воспоминания о былом, шаг за шагом ведя к разгадке мучающих ее вопросов.

Мияко во взаимодействии с умершей матерью вступает на путь, характерный для героини постмодернист-

⁴ Пер. по: Каваками Хироми. Суйсэй [Голос воды]. С. 15.

ской японской литературы – оказавшись перед лицом личного кризиса, будучи потерянной в поврежденном травматическим событием пространстве, она ищет и пытается собрать воедино разрозненные части себя в «персональном пространстве», «персональном мифе»⁵. При этом в поисках утраченной идентичности героиня обращается, прежде всего, к событиям прошлого. Значительная часть этих «путешествий в историю» связана, конечно, с фигурой матери. «Ненавижу вспоминать о том, что было» – говорит мать героини, и тут же начинается очередной рассказ. Истории многочисленны, они плавно перетекают друг в друга: воспоминания о подругах матери, о девушке по прозвищу Сэкия, которая «слыла мастерицей пересказывать сплетни»; истории о старом дедовском доме и магазине бумаги, который он содержал; рассказы о военном времени. Ретроспекция, однако, представляется совершенно не масштабной, и несмотря на упоминание определенного исторического контекста, всегда сосредоточена вокруг небольшого «персонального пространства» отдельной семьи. Это свойство характерно для женского нарратива – как замечает Элен Сиксу, «для женщины личная история сливается с историей всех женщин, а также с национальной и всемирной историей»⁶. И только благодаря подобному путешествию сквозь «персональный миф», Мияко удается впоследствии выйти из поврежденной реальности и найти собственное место в новом пространстве.

⁵ См. подробнее: Нумано Мицүёси. От литературы «J» к литературе «W». Некоторые тенденции современной японской литературы // Теория катастроф. Современная японская проза / Пер. с яп. М.: Иностранка, 2003. С. VII–XXIV.

⁶ См. подробнее: Сиксу Э. Смех Медузы. [Электронный ресурс] URL: <https://proza.ru/2016/07/03/901>. (дата обращения: 13.06.2020).

Мама, снова нерешительно окликаю ее я во сне. Мама, почему ты жила с папой?

Вопрос, который я так и не решилась задать ей при жизни⁷.

Именно этот вопрос становится для Мияко своей путеводной нитью, ведь жизнь ее семьи, по сути, буквально выстроена вокруг него. Героиня с самого детства начинает подозревать, что в отношениях родителей и господина Такэдзи присутствуют некоторые странности. Сама мать в рассказах о детстве и юности упоминает, что, хоть она и не вышла замуж за Такэдзи, дедушка, в конце концов, решил оставить ему в наследство магазин бумаги, в котором он и до этого довольно долгое время считался вторым после дедушки человеком по значимости. Мияко вспоминает, что господин Такэдзи всегда был частым гостем в их доме, он как будто приходил поговорить с их отцом, но на самом деле больше всего ему хотелось увидеть маму и Мияко с Рё. Он всегда много общался с ними, приносил разные подарки, и, как отмечает Мияко, крепко обнимал их, а потом подбрасывал в воздух, чего отец практически никогда не делал. Героиня искренне любит господина Такэдзи, тогда как позиция ее брата по данному вопросу в корне противоположна – Рё с детства сторонится Такэдзи и настроен по отношению к нему, скорее, недоверчиво, враждебно.

— Он на самом деле не ваш папа.

Господин Такэдзи рассказал это в тот год, когда я поступила в старшую школу. Рё тогда учился в девятом классе.

— Ваши мама и папа – брат и сестра⁸.

⁷ Пер. по: Каваками Хироми. Суйсэй [Голос воды]. С. 19.

⁸ Пер. по: Каваками Хироми. Суйсэй [Голос воды]. С. 72–73.

Так впервые Мияко и Рё получают объяснение странностям во взаимоотношениях родителей. И хотя у них и раньше были некоторые поводы для подозрения, слова Такэдзи становятся для них потрясением. Из его рассказа становится понятно, что отец начал жить с ними только после рождения Рё, а все детские воспоминания Мияко, которой всегда казалось, что папа рядом, только слишком много времени проводит на работе, – на самом деле фальшивые. После разговора с Такэдзи Мияко и Рё устраивают «военный совет». Несомненно, больше всего их занимает вопрос о том, кто же на самом деле является их отцом. Однако по итогу «военного совета» они решают не спрашивать дальше ни господина Такэдзи, ни родителей. Мияко и Рё еще не готовы встретиться лицом к лицу с правдой о своей семье и о самих себе, скрывая это за внешним пренебрежением и незаинтересованностью, предполагая, что от родителей и Такэдзи путного объяснения все равно не добиться.

В 1979 г., когда Мияко и Рё двадцать один год и двадцать лет соответственно, сестра и брат получают письмо, в котором Такэдзи предлагает им встретиться. «Странная это была ночка», – вспоминает Мияко о событиях того вечера. В ходе разговора, который ведет эта троица, собравшись в ресторане, Такэдзи, наконец, раскрывает Мияко и Рё всю правду о личности их настоящего отца. Оказывается, им является он сам – в юности они долго встречались с матерью Мияко и Рё, однако она наотрез отказалась выходить за него замуж, даже после рождения детей.

— Почему же вы не поженились?

— Она сказала, что не хочет. Что супружеская жизнь ей ненавистна. Да и хозяйкой отцовского магазина она тоже становится не собирается⁹.

⁹ Пер. по: Каваками Хироми. Суйсэй [Голос воды]. С. 161.

Казалось бы, признание Такэдзи должно было иметь ошеломляющий эффект и в корне переменить жизнь семьи Мияко, однако сестра и брат относятся к сложившейся ситуации весьма спокойно и ведут себя как будто отстраненно. До конца не поверив рассказу Такэдзи, они раздумывают, не провести ли ДНК-тест для подтверждения, но, в конце концов, не находят для этого ни одной причины. «Ну вот мы узнаем, и что тогда?» – спрашивает Рё, и Мияко не находит ответа.

Последствия откровения Такэдзи оказываются куда глубже, чем можно предположить на первый взгляд. Именно оно запускает череду изменений во взаимоотношениях Мияко и Рё, которые в дальнейшем и определяют окончательно судьбу героини. Будучи практически неразлучны в детстве, сестра и брат, тем не менее, проходят через множество взлетов и падений в отношениях, а после выпуска из средней школы их пути надолго расходятся. И только встреча с Такэдзи вновь сводит Мияко и Рё вместе. Когда они возвращаются домой на такси, Мияко вновь, впервые за долгое время, остается с ним наедине, чувствует рядом тепло его тела и понимает, что их опять объединяют общие переживания. Эта линия артикуляции, однако, вскоре разрывается, чтобы затем присоединиться к новой точке – 1986 году, моменту, окончательно разрушившему измерение, в котором существовала героиня. Здесь происходит своеобразная кульминация во взаимоотношениях Мияко и Рё. Мать в то время еще жива, но находится в тяжелом состоянии, сестра и брат живут в старом родительском доме вместе с ней и отцом. «Щёлк, щёлк, щёлк» – клацают стрелки часов в комнате на втором этаже, а Мияко засыпает у постели матери, убаюканная ее голосом. Ей снится странный сон: мужчина, похожий на рыбу-меч, чьи-то руки держат его за шею, и нестерпимо яркое сияние исходит от серебристой чешуи. Вот рыб становится уже две – и одновременно это

мужчина и женщина. Лиц их не видно, но тут мужчина начинает говорить – у него голос мальчика, голос, хорошо знакомый героине. Она понимает, что у женщины из сна есть имя – Мияко, а мужчина – ее часть, «тот, кто живет в ее теле». Мать Мияко и Рё спустя неделю умирает, а читатель узнает, что летом того же года сестра и брат занялись сексом.

Смерть матери и секс с братом в 1986 г. полностью перекраивают реальность Мияко, одновременно разрушая ее и позволяя ей возродиться вновь. Однако пройдет еще десять лет, пока в 1996 г. Мияко и Рё вновь поселятся вместе в старом родительском доме после «заринowego инцидента». Казалось бы, это событие знаменует окончательную деконструкцию «персонального пространства» героини – прошлое целиком заполняет собой настоящее, Мияко слепо следует путем матери, окончательно утверждает в качестве части ее нарратива, утрачивая собственный голос. Между строк здесь как будто звучат слова старухи Ито из рассказа Каваками Хироми «Дворец морского царя»: «Ты просто забываешь то, что сама сделала... Сделанное или несделанное – то же самое»¹⁰. Мияко и до событий 1986 и 1996 гг. представляется слабой фигурой, бесцельно плывущей по течению. Она не находит себя ни в работе, перебиваясь случайными заработками; ни в творчестве – по воспоминаниям Мияко, отец, всю жизнь мечтавший стать художником, ужасно удивился, когда она начала зарабатывать, рисуя иллюстрации (при этом сама героиня отмечает, что таланта у нее, разумеется, не было, только старание); ни в дружбе – всю жизнь Мияко подспудно испытывает зависть к своей единственной подруге Наоко; ни в любви – она встречалась со

¹⁰ Каваками Хироми. Дворец морского царя / Пер. с яп. В. Мазурика // Теория катастроф. Современная японская проза / Пер. с яп. М.: Иностранка, 2003. С. 329.

многими мужчинами, но отношения их всегда заканчивались плачевно. Мияко – всегда часть чужой истории, прежде всего, истории ее матери, у нее нет сил «писать собственную историю», а, значит, нет сил обрести свое истинное я¹¹. Однако с того момента, как Мияко и Рё поселяются вместе, героиня начинает поиски собственного голоса.

Мияко постепенно понимает – чтобы рассказать собственную историю, ей необходимо, прежде всего, примириться с «матерью внутри себя». Своеобразным пусковым механизмом для этого и становится секс с Рё. Брат, по сути, становится для нее физическим воплощением ушедшей матери – на протяжении всего романа Мияко отмечает, что Рё как две капли воды похож на нее внешне, столь же талантлив, пользуется популярностью среди девушек (как и мать, в которую были влюблены все окружавшие ее мужчины). И, главное, Рё всегда был любимцем матери, в отличие от самой Мияко. Одновременно с самого начала романа читатель наблюдает необычную привязанность Мияко к брату, доходящую, порой, до странных проявлений и умозаключений. «Это мой брат, и он принадлежит мне» – осознает Мияко еще во времена болезни матери. Соединившись, таким образом, с физическим воплощением образа матери, Мияко открывает возможность для общения с ней – именно после того, как Мияко и Рё начинают жить вместе, героиня видит первый из долгой череды снов о матери. И только в этих снах Мияко, наконец, шаг за шагом «обретает голос» – задает матери вопросы, на которые не решалась в жизни,

¹¹ См. подробнее: Такамацу Казэдэ 高松楓. Каваками Хироми «Суйсэй» рон – дзисин-но моногатари-о торимодосу моногатари 川上弘美「水声」論 – 自身の物語を取り戻す物語 [Каваками Хироми «Голос воды» – история о возвращении «персональной истории»] // Нихон бунгаку. №114. 2018. С. 125–143.

критически осмысливает как ее жизнь, так и собственную – глазами матери, осознает свою женскую идентичность, в которой «всегда, в той или иной степени присутствует мать, которая все исправляет, которая питает, и которая противится разделению; сила, которую невозможно уничтожить...»¹².

Этот диалог с самой собой продолжается около тридцати лет – только в 2013 г. Мияко перестает видеть мать во снах. «Я теперь старше, чем мама» – с этой точки начинается, наконец, персональная история героини. Но дело здесь не только и столько в датах – именно в этом году происходит окончательное соединение матери, Рё и Мияко в единое целое. Старый дом родителей снесен, под рухнувшей крышей тикают освободившиеся из плена запертой комнаты часы – время возвращается, наконец, к нормальному ходу, Рё (а через его слова – и мать) признается Мияко, что всегда любил ее, а сама Мияко в финале решает возобновить сексуальные отношения с братом.

Когда я вернулась в Токио, дом уже снесли – остался только плоский клочок земли. Он был гораздо меньше, чем мне казалось раньше. Любимые мамины гортензии и вишня тоже исчезли.

А потом снова пришло лето. Птицы, наверное, скоро опять запоют во весь голос. Думаю, сегодня я сама приду к Рё¹³.

Это происходит после их совместного путешествия в маленький городок на северо-востоке (как и героиня из «Дворца морского царя», Мияко и Рё вновь отправляются «в восточном направлении»), который однажды проезжали в молодости Мияко и Наоко.

¹² См. подробнее: Сиксу Э. Указ. соч.

¹³ Пер. по: Каваками Хироми. Суйсэй [Голос воды]. С. 248.

Ты помнишь тот город?

Конечно, помню. В тот год лето было жаркое, но по ночам становилось прохладно. И до сих пор как будто стоит перед глазами гостиница у реки, в которой мы тогда остановились.

— Интересно, что стало с рекой?

Я вспомнила волну цунами, накатывающую с побережья и поднимающуюся по реке. Эти кадры крутили по новостям. Разве это та самая река, по берегам которой мы когда-то прогуливались с Наоко?

— Река молчала. Может, из-за снега. Вода хоть и текла, но было так тихо. Как будто вода потеряла голос¹⁴.

Но, когда Мияко приезжает туда с Рё, уже перестав видеть сны о матери, все вдруг изменяется:

И тут я услышала голос воды. Доносящийся откуда-то с границ далеких миров, беспокойный, еле уловимый шум течения¹⁵.

Вода обретает голос – а вместе с ней и героиня, которая больше не чувствует себя «пустой». Она, наконец-то, находит слова для того, чтобы рассказать свою «персональную историю», объяснить, что их связь с Рё – гораздо больше, чем просто секс, больше, чем повторение пути их матери. «Мы все появились из воды», говорит Наоко, и Мияко представляет свое тело и тело Рё, заполненные водой, перетекающей из одного в другое. «Интересно, какие звуки вода при этом издает?» – размышляет героиня. Вода наполняет Мияко, и ее голос становится голосом и героини, и ее матери, и голосом прошлого. Вода может быть грозной стихией, разрушительной силой, но она же

¹⁴ Пер. по: Там же. С. 243–244.

¹⁵ Пер. по: Каваками Хироми 川上弘美. Суйсэй 水声 [Голос воды]. С. 248.

одновременно и живительная влага, постоянное движение и изменение, без которых существование теряет смысл. Мияко, таким образом, пройдя по пути своей матери, делает шаг еще дальше и совершает то, что той не удалось – мать Мияко так и не заполняет свою внутреннюю пустоту, хотя бесконечно стремится к этому, особенно перед смертью – героиня вспоминает, что мать тогда постоянно просила воды, но никак не могла напиться. Мияко же, окончательно примирившись и соединившись с Рё, обретает, наконец, внутреннюю целостность. Только в своем единстве Мияко и Рё способны теперь, словно божества-демиурги, брат и сестра Идзанаги и Идзанами, создать новый мир – свой «персональный миф», «мифологическое пространство любви»¹⁶ и победить смерть.

Я думаю, в человеке нет никакой души.

Так говорила мама.

Смерть – это конец. Но даже если и так, и души нет, я все равно все время думаю о вас. О папе, о тебе, Мияко, о Рё. О Такэдзи, правда, особо не думаю. Ну так он и не из нашей семьи, этот Такэдзи.

Когда я умру, вы уж там хорошенько погрустите. Чтоб как следует все было»¹⁷.

Переживание травмы занимает у героини около тридцати лет и полностью перестраивает структуры, в которых она существует, однако оно же позволяет Мияко, в конце концов, выстроить собственное новое измерение. Разорванная ризома восстанавливается, утверждая «бытие

¹⁶ См. подробнее: Гонда Хироми 権田浩美. «Сирой но» ни нагарэру «мидзу»: Каваками Хироми «Суйсэй» ронкэн <白い野> に流れる <水> : 川上弘美 「水声」 論権 [«Вода», текущая к «белому полю» : Каваками Хироми «Голос воды»] // Кёто гобун. № 27. 2019. С. 67–91.

¹⁷ Пер. по: Каваками Хироми. Суйсэй [Голос воды]. С. 208.

между», существование в «персональной утопии». Утопия эта порождена, прежде всего, любовью, и «история любви есть дань, которую влюбленный должен заплатить миру, чтобы примириться с ним»¹⁸. Мияко «расплачивается» с миром сполна: изоляцией, возможным общественным порицанием, но, главное, неизбежным, в итоге, исчезновением их семьи. Их с Рё «меж-бытие» антигенеалогично, оно аннулирует начало и конец, разрывает историческую преемственность. Похоже, однако, что это та цена, которую готова заплатить героиня перед лицом всеобъемлющего кризиса, пусть и выражающегося для нее в совершенно единичной, личной трагедии. К тому же, раз «мы все появились из воды», роман оставляет надежду на то, что «голос воды» – история Мияко – уже не затихнет, и этот поток, сливаясь с историями других, продолжит свое движение дальше, к «границам далеких миров».

¹⁸ См. подробнее: Барт Р. Фрагменты любовной речи. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

**Тексты «нового перевода» в Японии в XXI в.:
вариативность когнитивных трансформаций
(на материале русско-японских параллельных корпусов
художественных текстов)**

В начале XXI в. в переводческих кругах Японии обострилось противостояние условно выделяемых «классических» и «новых» переводных школ. В предыдущих исследованиях мы освещали вопросы когнитивной природы переводческих трансформаций в диахроническом аспекте – см., например, [5, с. 664–669]. Также подробнее о процессе становления в Японии переводческих школ и роли, которую играли в этом процессе первые профессиональные переводчики см. у А.Р.Садовой в [3], [4]. В данном исследовании мы продолжим анализировать природу когнитивных различий в механизмах языковой репрезентации различных фрагментов окружающей действительности на материале авторского корпуса параллельных текстов. Сравнивая переводы представителей условно «старых» и «новых» школ, попробуем продемонстрировать изменения, которые происходят в настоящее время в японском переводческом дискурсе, а также проследим в целом за принципиальными расхождениями в когнитивной структуре носителей различных лингвокультур.

Яркими представителями «нового перевода» русской классики в Японии являются Камэяма Икуо, Мотидзуки Тэцуо, Нумано Кёко, Ура Масахару, английской классики – Андзай Тэцуо, и т.д. Лозунг этого направления – воскресить переводную классическую литературу, «освежить» ее «легкими и простыми словами, которые дойдут до самой глубины сердца современного читателя, который мог бы заблудиться в авторитетных высказываниях классиков». Такие переводы обещают читателю «свежие, легкие тексты, которые «не заставят их особо задумываться» (из рекламных материалов издательства «Кобунся»). Самым обсуждаемым представителем «нового перевода» является Камэяма Икуо, чьи переводы действительно отличает тенденция к

несколько упрощенным вариантам передачи исходного материала, что особенно проявилось после выхода в свет в 2007 г. его перевода произведения Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы». Некоторыми коллегами по переводческому цеху такая переводческая стратегия была обозначена как «употребление Достоевского как продукта» и спекулирование именем российского писателя, «чтобы в условиях спада на издательском рынке получить прибыль, используя бренд» [8: с.23]. При этом отзывы в средствах массовой информации не были однозначными – в некоторых из них подчеркивалась «легкость прочтения», в результате которой «тяжеловесная и трудная для понимания русская литература» становится «до удивления ясна и понятна», а в других журналисты приводили мнения читателей о «маскировке» истинного текста в таких переводах [8: с. 49].

Что именно привлекает японского читателя (и вызывает неудовольствие и критику коллег-переводчиков) в текстах «новой школы перевода»? Что обеспечивает такую легкость прочтения и понимания иноязычных художественных текстов в японских вариантах? Рассмотрим это последовательно на лексическом и синтаксическом уровнях на материале параллельного корпуса русско-японских переводов художественных текстов.

Известно, что параллельные тексты служат информативным источником для изучения особенностей восприятия авторами явлений окружающей действительности; соответственно, такие тексты дают нам возможность изучения соответствующих контекстов и расхождений переводчиков в выборе языковых средств для репрезентации данных контекстов. По сути, любое толкование материала есть перевод, который также является толкованием – такая интерпретация переводческого процесса позволяет нам утверждать, что переводчик воссоздает в своих текстах новую действительность, в которой реализует свое видение мира. Помимо этого, параллельные тексты обеспечивают контрастивность таких исследований. Использование параллельных корпусов дает возможность исследовать переводческие стратегии,

компьютерная лингвистика, литературоведение, культурология, вклад в теорию перевода и обучение переводу (о методологической ценности и алгоритмах использования параллельных корпусов и количественных методов на их основе см. подробнее, например, в [7]).

Итак, рассмотрим особенности лексической репрезентации некоторых понятий, которые из-за своего упрощения, по мнению некоторых экспертов-представителей переводческих кругов Японии, сужают семантическое поле оригинального понятия до невосполнимых пределов. Возьмем примеры из произведения Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» и нескольких его переводов на японский язык, выполненных Ёнэкава Масао в 1917–1918 гг. (далее перевод обозначается как БК1), Хара Такуя в 1971 г. (далее БК2), Эгава Таку в 1979 г. (далее БК3) и Камэяма Икуо в 2007 г. (далее БК4). Соответственно, к «новой школе перевода» здесь относят только перевод Камэяма Икуо – посмотрим, по какой линии идет у него лексическое упрощение, и как это сказывается на адекватности перевода.

- (1) *Бедняжка оказалась в Петербурге, куда перебралась с своим семинаристом и где беззаветно пустилась в самую полную эмансипацию.*

Камэяма И. (БК4) передает понятие 'эмансипация' как 'свободная жизнь' 自由な生活にひたった, что принципиальным образом ограничивает данное понятие: действительно, эмансипация предполагает освобождений от зависимостей, но не от всех, а от определяемых обществом, поэтому здесь за счет упрощения понятия теряется сема социальности. В вариантах (БК1), (БК2) и (БК3) данное понятие передано как 女性解放 'освобождение женщины', что тоже исключает некоторые социальные зависимости, но, по крайней мере, добавляет гендерный фактор, что обеспечивает некий социальный контекст. Похожее сужение семантического поля наблюдается и при передаче понятия 'сладокрастность':

- (2) *Тем драгоценнее признание: стало быть, тебе*

уж знакомая тема, об этом уж думал, о сладострастье-то.

При общем сохранении во всех переводах сема плотского влечения, в (БК4) из него исключается сема страсти, выражаемая иероглифическим компонентом 欲, сохранившаяся в переводах (БК1), (БК2) и (БК3), что лишает данную лексическую единицу значительной содержательной части. Похожая тенденция наблюдается и в передаче понятия 'лихорадка':

(3) *Но ночные лихорадки совершенно исчезли, вот уже двое суток, с самого четверга.*

В (БК4) мы видим вариант けいれん, который обозначает судороги, конвульсии – значимый, но не обязательный и не единственный признак лихорадочного состояния, неотъемлемым компонентом которой является (даже при употреблении данного слова в переносном значении сема повышенной температуры сохраняется – например, мы краснеем, когда нас охватывает лихорадочное состояние, связанное с чувствами, «лихорадка любви»). В целом по данному блоку примеров можно констатировать факт, что семантические потери в (БК4) значительны и лишают японского читателя важных содержательных компонентов тех или иных понятий.

На синтаксическом уровне здесь также можно выделить несколько основных тенденций, которые меняют (иногда принципиальным образом) структуру предложения и текста в целом. Например, в переводах, проанализированных выше, встречаются расхождения в понимании тема-рематических отношений: так, при переводе предложения 'Алеша пошел к отцу' в (БК4) тематически выделяется アリヨーシャは 'Алеша', а не синтаксема アリヨーシャがまず手始めにしたのは 'сделанное первым делом Алешей', как в предыдущих вариантах перевода. Это действительно упрощает предложение, но при этом изменяет расстановку акцентов вплоть до дискурсивного искажения сути высказывания. Рассмотрим похожие случаи и на других примерах с целью проанализировать

расхождения в синтаксическом оформлении высказываний в русском и японском языках, а также выявить возможные различия в когнитивной структуре таких предложений.

Следует отметить, что на сегодняшний день в лингвистических исследованиях нет единого методологического подхода, который бы достоверно доказывал корреляции между языковыми нормами нации и особенностями когнитивной обусловленности высказываний носителей соответствующей лингвокультуры. В данной части исследования будут приведены результаты анализа особенностей иноязычного восприятия окружающей действительности сквозь призму поиска общего / разного в синтаксических структурах параллельных текстов с целью выявления разности представления материала на уровне когнитивных структур говорящих. Вычленение и описание сути такой разности, по Р.О.Якобсону, дает своеобразный толчок к развертыванию дальнейших интерпретационных процессов: «разногласия вскрывают антиномии и точки наибольшего напряжения в пределах рассматриваемой области и тем самым ведут к новым исследованиям» [6]. В своем исследовании мы опираемся на следующие методологические положения Н.С.Автономовой: «В анализе механизмов перевода нередко бывает заметно то, чего обычно не удастся увидеть в других формах и видах познания: а именно как различные слои и фрагменты опыта переходят из сферы неявного и невыраженного в регистр того, что доступно операционализации и интересубъективной проверке» [1: с. 23] и О. К. Ирисхановой о том, что «значимым для освоения мира, в том числе посредством языка, является не только фокусирование, но и когнитивные механизмы дефокусирования. Под последним понимается выведение из фокуса внимания определенных свойств объектов или ситуаций, осуществляемое говорящими с помощью языковых единиц» [2: с. 13]. В соответствии с этими методологическими принципами посмотрим, что является главным, а что – второстепенным для японских переводческих моделей.

Анализ грамматического материала, а именно: актантно-предикатной модели японского предложения, в

рамках данной работы был проведен на материале произведения Л.Н.Толстого «Анна Каренина» и его четырех переводов на японский язык, выполненных Кимура Хироси в 1961–1962 гг. (далее перевод обозначается как АК1), Китамикадо Дзиро в 1979 г. (далее АК2), Накамура Тору в 1989 г. (далее АК3) и Мотидзуки Тэцуо в 2008 г. (далее АК4); а также произведения Ф.М.Достоевского «Идиот» и пяти его переводов на японский язык, выполненных Ёнэкава Масао в 1914 г. (далее перевод обозначается как И1), Накаяма Сёдзабуро в 1934 г. (далее И2), Кимура Хироси в 1970 г. (далее И3), Мотидзуки Тэцуо в 2010 г. (далее И4) и Камэяма Икуо в 2015 г. (далее И5). Соответственно, здесь к «новой школе перевода» мы отнесем переводы, сделанные в XXI в., а именно: (И4) и (И5), и посмотрим, как переносится на японский язык сложная для японского мироощущения пропозициональная установка, когда неодушевленный актанта выступает аргументом агентивного предиката воздействия на одушевленного актанта, который в таком случае занимает синтаксическую позицию прямого или непрямого дополнения (второго или третьего актанта).

Сопоставительный анализ примеров авторского параллельного корпуса, описывающих вышеизложенную актантажно-предикатную модель, показывает, что значимую долю их занимают предложения, где варианты представителей «нового перевода» принципиальным образом отличаются от переводов XX в. Приведем несколько примеров из (АК) и (И) таких вариантов перевода соотношения агентивного предиката и его аргументов, когда или происходит взаимозамена первого и второго актанта, или при сохранении неодушевленного первого актанта происходит снижение агентивности предиката (как иное средство понижения агентивности всего высказывания). В любом случае, пониженная агентивность высказывания более соответствует японской когнитивной языковой норме, таким образом, мы будем считать, что варианты «нового перевода» более ориентированы на японского читателя.

Итак, проследим, какими аргументами выступает неодоушевленные субъекты в оригинальных текстах и их переводах в следующих примерах.

(АК)

	переводы XX века (АК ₁) (АК ₂) (АК ₃)	«новый перевод» (АК ₄)
газета производила туман в его голове	~を生みだす ~を麻痺させる	~がかかる
радость и страх охватили его сердце	~を締め付ける ~をとらえる	~がしびれる
известие раздражило Левина	~をいらいらさせる ~をいら立たせる	~は苛立つ
какая-то невидимая сила поддерживала ее	~をささえる	~は~に助けられる
не воды вылечили Кити, но его отличные кушанья	~を治す человека вылечили	~が治る человек излечился
событие разрушило радость Долли	~を破壊させる ~をぶち壊す	~が消し飛ぶ
ужас заставлял его думать	~を考えさせる	~は~を思い浮かべる
мысль привела его в сильное волнение	~を興奮させる	~が興奮する

Как было сказано выше, в данных примерах во втором столбце видна общая тенденция к снижению агентивности (следовательно, к более приемлемому с точки зрения когнитивной нормы варианту для японского читателя). При этом наблюдаются различные способы снижения этой агентивности: «возвращение» одушевленного субъекта на позицию первого актанта (не его раздражило, а он был раздражен); превращение высказывания в разносубъектное с полноценным одушевленным актантом и самостоятельно производимым действие неодоушевлен-

ным актантом 'туман возникал, человек его чувствовал') и тому подобные случаи синтаксической трансформации.

Рассмотрим еще одну группу примеров.

(И)

	переводы XX в. (И1) (И2) (И3)	«новый перевод» (И4) (И5)
чужое меня убивало	~を苦しめる ~を参らせる	~に打ちのめされかける ~に殺される я был подавлен, я был угнетен
слово меня не скомпрометирует	迷惑をかける ~を束縛する слово причинит мне неудобства	不名誉にならない 名誉が傷つくことにはならない я так скажу, и это не станет для меня потерей чести
зависть вдруг укусила его в самое сердце	~を刺す	~に食いつく ~に突き刺す
действительность его преследовала	~を追及する ~を悩ませる	~につきまといわれる ~に追われる
воспоминания обычно останавливают на месте	~を立ちどまらせる	~がとまる ~が立ちつく
впечатления внезапного ужаса спасли князя	~を救う князя спасли	~免れる ~を逃げる князь избежал удара
испуг напал на меня	~を襲う ~を覆う	~に襲われる испугом был ~に見舞われる охвачен
визит утомил меня	~を疲れさせる ~を疲れさす	~はへとへとになる ~は疲れ果てる
известие ошеломило Лизавету Прокофьевну	~を動顛させる ~を啞然する	~は度肝を抜かれる
новое ощущение томило его сердце	~を締めつける сжимало	~にのしかかる. навалилось на

К указанным в первой группе примеров средствам снижения общей агентивности высказывания здесь

добавляется такой способ как снижение агентивности предиката при сохранении исходной диатезы (вместо переходных глаголов с прямым дополнением 'ударять', 'сжимать' – глаголы с непрямым дополнением, маркированные дативным падежным показателем –ни 'вгрызаться в', 'навалиться на'). Общая тенденция представлена в том же соотношении, что и в первом блоке примеров.

Следует отметить, что в данной работе проанализирована лишь часть полученных в ходе корпусного исследования результатов; по мере углубления в языковой материал обнаруживаются и другие тенденции, иногда противоречащие вышеизложенным; таким образом, цель наших дальнейших исследований – увеличение репрезентативности выборки корпусного материала и применение количественных методов для статистического анализа выделяемых в ходе работы с корпусом примеров актантно-предикатных отношений в японском синтаксисе.

Список использованной литературы

1. Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыт философии языка. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 736 с.
2. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
3. Садокова А.Р. Первые переводы русской классики в Японии: от забавных казусов до общенационального признания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. 7(85). С. 50.
4. Садокова А.Р. У истоков русско-японских литературных связей // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: материалы III Межд. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2018 г.). Санкт-Петербург: Свое издательство, 2018. С. 4-7.
5. Стрижак У.П. Эволюция когнитивной модели перевода русских художественных произведений на японский язык (на материале параллельных текстов 1892–

- 2017 г.) // Япония: 150 лет Мэйдзи: коллективная монография [«Issues Of Japanology = Вопросы японоведения» №7]. СПб: Изд-во Art-xpress, 2018. С. 664–675.
6. Яacobсон P.O. Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". М., 1975.
 7. Gast V. Contrastive Linguistics: Theories and Methods. July 2012.
 8. Фудзии И., Накасима А. Хонъяку-но хинкаку. «Синъяку»-ни дамасарэру на. Токио: Дзика сюппанкай, 2012. 308 с. [Достоинство перевода: не быть обманутым «новым переводом»].

ГЛАВА 6. ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЯПОНИИ

Японская традиционная культура в глобальном мире: деятельность мастеров традиционных японских искусств неяпонского происхождения

Традиционные японские искусства, такие как чайная церемония, театр кабуки, искусство садов и многие другие неизменно вызывают интерес не только в Японии, но и за ее пределами. Число неяпонцев, изучающих японский язык и интересующихся культурой Японии, постоянно растет. При этом все чаще можно увидеть иностранцев, которые на профессиональном уровне занимаются изучением японских традиционных искусств.

В этой статье будет произведена попытка описать деятельность некоторых последователей школ японских традиционных искусств, которые не при этом не являются японцами, но заслужили признание со стороны японских мастеров. Естественно, в рамках одной статьи невозможно уделить внимание каждому выдающемуся деятелю искусств, поэтому для того, чтобы проиллюстрировать положения, приводимые далее в статье, были выбраны представители нескольких стран, занимающиеся различными искусствами.

Попытки привлечь иностранцев к занятиям традиционными японскими искусствами предпринимались еще в эпоху Мэйдзи (1868–1912), когда в стране впервые появилось большое количество иноземных граждан, остававшихся на длительный срок. *Иэмото* (глава) школы чайной церемонии *Урасэнкэ* даже предложил проводить чайную церемонию, используя столы и стулья на европейский манер, чтобы иностранцам, не привыкшим сидеть в традиционной позе *сэйдза*, было удобнее. Правда, новшество не прижилось. Попытки привлечь иностранных учеников

предпринимали и школы других искусств: икэбана, танцы и др.

Впервые традиционные искусства Японии были представлены широкой европейской публике в 1867 г. на всемирной выставке в Париже. Нельзя не сказать о том, что японское искусство стало оказывать влияние и на европейских художников, модельеров, артистов. В частности, многие исследователи отмечают влияние японской живописи на импрессионистов.

С другой стороны, и сами японцы стали использовать материалы и формы, привезенные с Запада и незнакомые им до сих пор. Особенно это характерно для декоративно-прикладного искусства, живописи, литературы. Можно сказать, что в конце XIX – начале XX вв. впервые начался полноценный культурный обмен между Японией и Западом, стимулом к которому, несомненно, послужили стремительные преобразования, происходящие внутри Японии. Однако в конце XIX – 1-й пол. XX вв. число иностранцев, занимающихся японскими искусствами профессионально, было еще очень мало. Скорее, это рассматривалось как экзотическое хобби.

Курс на распространение знаний о Японии и японской культуре начал активно развиваться уже после Второй мировой войны при поддержке министерства иностранных дел и Отдела культуры, входящего в Бюро общественной информации министерства иностранных дел. Отдел занимался заключением договоров о международном культурном обмене, проведением международных конференций по вопросам культуры, популяризацией японской культуры в других странах, отправкой студентов для обучения за границей и т.п. Правительством ежегодно выделялась значительная сумма для обеспечения этой деятельности. В 1968 г. было создано Управление по делам культуры, а в 1969 г. – Комитет по культурным связям с зарубежными странами, финансирующие различные культурные мероприятия и субсидирующие общественные культурные

ассоциации¹. При этом правительство Японии особо под-держивало крупные школы традиционных искусств, так как их деятельность способствовала созданию определенного образа страны в глазах иностранцев: возникла необходимость сменить образ страны с военного агрессора на миролюбивое демократическое государство, в котором существует множество традиционных искусств и ремесел, связанных с эстетикой дзэн, совместной работой и гармонией с природой. В связи с этим традиционная культура рассматривалась как одно из важнейших средств привлечения интереса международного сообщества к стране².

Несмотря на то, что первая школа чайной церемонии Урасэнкэ открылась в США еще в 50-е годы XX в., настоящий бум японской культуры на Западе произошел лишь после 1964 г., когда в столице Японии прошли Олимпийские игры. После этого на Западе открылись школы икэбана, школы игры на традиционных японских музыкальных инструментах и многие другие. Можно говорить том, что во 2-й пол. XX в. произошло полноценное распространение японских традиционных искусств на Запад. Помимо деятельности вышеупомянутых правительственных организаций этому способствовала и деятельность культурных фондов.

Деятельность фонда *Коннитиан Урасэнкэ* (чайная церемония) распространяется и на Японию, и на страны Запада. Помимо семинаров и обучающих выступлений проводятся чайные церемонии для учащихся средних и высших учебных заведений, на собраниях выступают не только мастера чая, но и последователи дзэн-буддизма, объясняющие основные постулаты дзэн для широкой публики.

¹ *Morais L.* Traditional Japanese Arts and Crafts Historical and Political Trajectories from the Meiji Period until Today// Journal of International and Advanced Japanese Studies Vol. 11, Tsukuba, Japan, 2019. P. 143.

² *Op. cit.* P. 142.

Деятельность фонда Сōгэцу (икэбана) направлена, как уже говорилось, в основном на Запад. Если посмотреть на список событий за 2010 г., можно поразиться тому, в каком количестве стран проходят лекции, семинары и мастер-классы школы Сōгэцу: США, Франция, Финляндия, Нидерланды, Кипр... Это далеко не полный список стран, в которых существуют отделения школы. Во многом этого удалось добиться благодаря деятельности фонда Сōгэцу. 16 января 2010 г. в Москве состоялся показ цветочных композиций школы Сōгэцу. При этом присутствовала нынешняя *измото* школы Тэсигахара Аканэ.

Многие лекции, анонсируемые фондом, проводятся на западных языках. Несомненно, это сделано с целью привлечения новых людей.

Принять участие в таких мероприятиях можно и не становясь последователем той или иной школы. Таким образом *измото* укрепляют позицию своей школы, привлекая даже тех людей, которые не хотят или не имеют возможности регулярно заниматься традиционными японскими искусствами. С другой стороны, в настоящее время действуют довольно много мастеров-неяпонцев, многие из которых получили японские артистические имена. Несмотря на некоторую экзотичность таких преподавателей, их деятельность способствует привлечению новых последователей, так как они могут объяснить сложные для понимания моменты на родном языке новичков, а некоторые обучают даже японцев.

Одним из таких мастеров стал бельгиец Тиас Сосэн (Tyas 宗笄, наст. имя Тиас Уйбрехтс (Tyas Huybrechts)), которого считают одним из самых молодых чайных мастеров в мире. Большая часть иностранцев, изучающих чайную церемонию, проходит обучение в одной из школ, основанных потомками великого чайного мастера Сэн-но Рикю. Особенно известна своей активностью за рубежом уже упомянутая выше школа Урасэнскэ. Однако Тиас Сосэн

стал мастером школы Энсю, не столь широко распространенной и гораздо менее известной даже в Японии³. До того, как начать практиковать чайную церемонию, Тиас Сосэн пробовал себя в боевых искусствах кэндо, каратэ, даже посещал студию театра но, однако после знакомства с мастером чайной церемонии начал серьезно изучать это искусство, чем занимается уже более 12 лет. Вместе с еще одним мастером-иностранцем Стивенем Сосюн (Stephen 宗駿) он даже открыл собственный чайный дом Кюгэцуан⁴. В настоящее время Тиас Сосэн не только является практикующим мастером чайной церемонии, но и активно продвигает это искусство, например, в сети Интернет: ведет блог в Инстаграм (более трех тысяч подписчиков), активно дает интервью, является автором книг о чайной церемонии. Как говорит он сам: «Получение лицензии на преподавание означало для меня, что я могу расширить свои знания о практике чая, обучая других. А также это возложило на меня ответственность за то, чтобы этот ритуал стал доступен и понятен как в Японии, так и за ее пределами»⁵.

Представляется естественным, что фондов, подобных вышеупомянутому, не возникло в таких традиционных искусствах, как театры но и кабуки. Связано это, несомненно, с тем, что театры изначально представляли собой замкнутую семейную структуру, ревностно оберегающую секреты своего мастерства от широкой публики. Кроме того, в силу таких специфических особенностей традицион-

³ Traditional Japanese tea ceremony with a Belgian master in Kyoto. URL: <https://arigatojapan.co.jp/experience-traditional-japanese-tea-ceremony-tea-master-kyoto/> (Дата обращения: 16.06.2020)

⁴ Pursuing the Moon and Good Tea: a Conversation with Tyas Sosen. URL: <https://specialtyteaalliance.org/world-of-tea/pursuing-moon-good-tea-nihoncha-instructor/> (Дата обращения: 16.06.2020)

⁵ Traditional Japanese tea ceremony with a Belgian master in Kyoto. URL: <https://arigatojapan.co.jp/experience-traditional-japanese-tea-ceremony-tea-master-kyoto/> (Дата обращения: 16.06.2020)

ного японского театра как, например, исполнение всех ролей, включая женские, мужчинами, японский театр в его классическом виде не может принимать всех желающих обучиться театральному мастерству. Конечно, существуют любительские театральные кружки, в которых могут участвовать и женщины, и иностранцы, но эти кружки не являются профессиональными (хотя мастерство актеров в них часто достаточно высоко) и, скорее, существуют в качестве хобби.

Одной из причин, препятствующих активному участию иностранцев в исполнительских искусствах Японии, является необходимость владеть японским языком на очень высоком уровне, чтобы быть способным не только понимать наставника, но и хорошо исполнять роли. Однако с распространением изучения японского языка в мире появляется все больше людей, свободно на нем говорящих, и даже в таких сложных в плане исполнения искусствах, как *ракуго* (искусство комического рассказа), появились сказители-иностранцы.

Одним из них является Кацура Саншайн (桂 三輝, наст. имя Грегори Робик (Gregory Robic)), ученик Кацура Бунси VI (桂 文枝), которого во времена ученичества Кацура Саншайн звали Кацура Санси (桂 三枝). Нетрудно заметить, что свое артистическое имя Кацура Саншайн получил от своего учителя – это фамилия и часть имени. Вторую часть своего имени – 輝, что означает «сияние», Кацура Саншайн выбрал сам, и настаивает именно на таком прочтении, чтобы возникала фонетическая ассоциация с английским «sunshine» – солнечный свет⁶. Таким образом, некоторые глобальные тенденции пробрались даже в японскую традицию передачи артистического

⁶ 4 Foreigners with Traditional Job in Japan. URL: <https://www.tofugu.com/japan/foreigners-with-traditional-japanese-jobs/> (Дата обращения: 01.07.2020)

имени, хотя в данном случае, это, скорее, шутка, которую вполне может себе позволить исполнитель *ракуго*⁷.

Кацура Саншайн является популяризатором искусства комического рассказа, и выступает не только в Японии, но и в странах Запада, Австралии, Сингапуре... При этом он является уникальным исполнителем, поскольку может выступать не только на японском, но и на английском языке. Помимо него есть еще только один мастер *ракуго*-иностранец Билл Кроули (Bill Crowley), который первым попробовал переложить *ракуго* на английский язык. Что касается уровня владения японским Кацура Саншайн, то публика то восхищается его высоким уровнем, то сокрушается, что его японский недостаточно хорош для *ракуго*, как говорит сам Кацура. Выступления же на английском несколько напоминают выступления стенд-ап комиков, хоть и с «японским колоритом». Можно говорить о некотором упрощении *ракуго* для западного зрителя. Впрочем, подобная тенденция к упрощению характерна для многих искусств в современном мире.

Например, при проведении чайной церемонии неподготовленным гостям могут разрешить сидеть в комфортной для них позе, представления театров но и кабуки сопровождаются комментариями на современном японском и английском языках, а демонстрация икэбана превращается в зрелищное шоу с яркими спецэффектами. Подобные меры служат для развития и популяризации искусств, а также для привлечения новых последователей. Тем же целям служит и активная деятельность в сети Интернет, в том числе, в социальных сетях. Например,

⁷ Стоит отметить, что подобным приемом пользуются и борцы сумо, которые часто выбирают себе псевдоним так, чтобы он напоминал о стране их происхождения. Например, псевдоним борца-россиянина Н.Ю.Иванова – Ам̄уру Муцухиро (阿夢露 光大) созвучен названию реки Амур, а борца из Эстонии Кайдо Хёвельсона – Баруто Кайто (把瑠都 凱斗), что напоминает о Балтийском море.

аккаунт школы икэбана Согэцу в Инстаграм насчитывает более десяти тысяч последователей.

Конечно, нельзя говорить о том, что все заинтересовавшиеся станут ярыми поклонниками японской культуры, однако определенное представление составить получится даже у человека, никогда не занимавшегося изучением Японии. Этому может способствовать современная поп-культура.

Следует отметить, что для японской поп-культуры эпоха глобализации оказалась очень благодатным периодом. Широкую известность получили такие жанры как анимэ, манга, японские сериалы-дorama, музыка J-рок и др. Повсеместное распространение сети Интернет способствовало тому, что во всем мире есть множество поклонников современной японской культуры. При этом поп-культура не только не противоречит распространению и сохранению японских традиций, но и может органично сосуществовать с ними, и даже в какой-то степени оказывать влияние на традиционные японские искусства.

Дэвид Булл (David Bull), канадец британского происхождения, возглавляет в Токио современную студию по созданию гравюр укиё-э. Одной из серий гравюр, созданных этой студией, является цикл, где герои видеоигр – Супер Марио, покемоны и др. – изображены в стилистике укиё-э⁸. Эта серия стала очень популярной в сети Интернет, и появились продолжения и подражания, где в традиционной стилистике изображены герои знаменитых сериалов, интернет-мемов и т. д. Таким образом, многие пользователи всемирной сети смогли познакомиться с искусством японской гравюры.

Существуют, однако, и такие редкие сферы деятельности, в которых мало специалистов даже среди японцев.

⁸ David Bull 木版画家 (Дэвид Булл – художник-гравер). URL: http://www.asahi-net.or.jp/~xs3d-bull/j_main_page.html (Дата обращения: 15.06.2020)

Например, мастеров, которых на постоянной основе с полной занятостью занимают реставрацией доспехов самураев, в Японии всего пять-шесть человек. И есть еще один мастер, Роберт Соунз (Robert Soanes), который живет в Англии и профессионально реставрирует не только доспехи, но и *дзидзай-окимоно* (железные фигурки животных на шарнирах), керамику и даже фигурки *нэцкэ*. Он является одним из признанных в мире специалистов-реставраторов, и работает как с крупными музейными, так и с частными коллекциями. При работе с доспехами и мечами, возраст которых насчитывает несколько веков, доскональное знание и понимание японской истории является ключевым фактором. Реставрация должна быть правильной с точки зрения истории: необходимо использовать не только аутентичную технику и материалы, но и правильные узоры и мотивы, свойственные тому периоду⁹.

Можно говорить и о том, что традиционная японская культура вдохновляет современных деятелей культуры и искусств из разных стран. Японский стиль популярен в дизайне интерьеров, модельеры выпускают коллекции с японскими мотивами, музыканты пробуют свои силы в создании произведений, в которых используется звучание традиционных инструментов.

Ярким примером этому может служить создание российскими авторами произведений для японского музыкального инструмента *кото*, которые впервые исполнила Н.Ф.Клобукова. Она является лицензированным преподавателем школы игры на *кото* Саваи, известным исследователем японской музыкальной традиции, участником и организатором многих фестивалей японской культуры¹⁰.

⁹ Мастер Роберт Соунз – реставратор самурайских доспехов. URL: <https://www.nippon.com/ru/views/b02309/?pnum=2> (Дата обращения: 30.06.2020)

¹⁰ МГК им. Чайковского- персоналии- Клобукова Наталья Федоровна. URL: <http://www.mosconsv.ru/ru/person.aspx?id=125461> (Дата обращения: 12.07.2020)

Или, например, архитектор и дизайнер Карл Бэнгс (Carl Bengs) из Германии, который занимается восстановлением забытых домов в маленьких пустеющих поселках Японии. Его энтузиазм столь велик, что сами жители приходят на помощь иностранцу, который прикладывает множество усилий для восстановления их места жительства. В своей работе Бэнгс применяет как традиционные японские, так и современные западные технологии, и восстановленный им поселок Такэтогоро теперь является одной из местных достопримечательностей префектуры Ниигата. Усилия Бэнгса по сохранению японской традиционной архитектуры и возрождению деревни, население которой быстро сокращалось, получили высокую оценку, и в 2016 году супруги Бэнгс были удостоены приза премьер-министра «Восстановление малых посёлков» (яп. *Фурусатодзукуру тайсэ* (Найкаку соридайзин сё), ふるさとづくり大賞 (内閣総理大臣賞)). Он сам говорит, что это его вдохновляет на дальнейшую работу, и он хочет приложить силы к тому, чтобы в Такэтогоро жило больше людей¹¹.

Таким образом, в современном глобальном мире не только японцы, но и иностранцы могут выступать хранителями и распространителями японской традиционной культуры. С этим согласен и автор Саканака Хидэнори, который писал следующее: «Если иностранцам, очарованным японской культурой, дать возможность блеснуть в тех областях, которые им интересны, они сыграют свою роль в сохранении и развитии этой традиционной культуры. Иностранцы, которые глубоко понимают и знают японскую традиционную культуру, должны считаться приоритетными иммигрантами. Я бы хотел, чтобы появились новые

¹¹ Восстановление старинных домов и поселков: дизайнер Карл Бэнгс. URL: <https://www.nippon.com/ru/views/b02339/> (Дата обращения: 18.06.2020)

категории статусов резидентов: “Традиционные искусства” и “Традиционные ремесла”»¹².

Естественно, в рамках одной данной статьи нельзя упомянуть всех замечательных деятелей культуры, которые бережно хранят и развивают японскую культурную традицию. Однако даже приведенные примеры иллюстрируют, что японская традиционная культура при всей ее самобытности органично вплетается в процесс глобализации, привлекая все новых последователей, которые, принимая правила, существовавшие на протяжении веков, приносят и что-то свое новое, что не только не вредит, но и дополняет, укрепляет традицию, тем самым придавая ей стимул к дальнейшему развитию и существованию.

Список использованной литературы

1. Восстановление старинных домов и поселков: дизайнер Карл Бэнгс. URL: <https://www.nippon.com/ru/views/b02339/> (Дата обращения: 18.06.2020)
2. Мастер Роберт Соунз – реставратор самурайских доспехов. URL: <https://www.nippon.com/ru/views/b02309/?pnum=2> (Дата обращения: 30.06.2020)
3. МГК им. Чайковского- персоналии- Клобукова Наталья Федоровна. URL: <http://www.mosconsv.ru/ru/person.aspx?id=125461> (Дата обращения: 12.07.2020)
4. 4 Foreigners with Traditional Job in Japan. URL: <https://www.tofugu.com/japan/foreigners-with-traditional-japanese-jobs/> (Дата обращения: 01.07.2020)
5. Morais L. Traditional Japanese Arts and Crafts Historical and Political Trajectories from the Meiji Period until

¹² Sakanaka Hidenori. Japan as an Immigration Nation: Demographic Change, Economic Necessity, and the Human Community Concept. Rowman & Littlefield, USA, 2020. P.181.

- Today // Journal of International and Advanced Japanese Studies Vol. 11, Tsukuba, Japan, 2019. Pp. 139-146
6. Pursuing the Moon and Good Tea: a Conversation with Tyas Sosen. URL: <https://specialtyteaalliance.org/world-of-tea/pursuing-moon-good-tea-nihoncha-instructor/> (Дата обращения: 16.06.2020)
 7. Sakanaka Hidenori. Japan as an Immigration Nation: Demographic Change, Economic Necessity, and the Human Community Concept. Rowman & Littlefield, USA, 2020. 286 p.
 8. Traditional Japanese tea ceremony with a Belgian master in Kyoto. URL: <https://arigatojapan.co.jp/experience-traditional-japanese-tea-ceremony-tea-master-kyoto/> (Дата обращения: 16.06.2020)
 9. David Bull 木版画家 (Дэвид Булл – художник-гравёр). URL: http://www.asahi-net.or.jp/~xs3d-bull/j_main_page.html (Дата обращения: 15.06.2020)

Ва ё тю — к вопросу о национальной кухне Японии

Звание одной из самых востребованных кухонь мира национальная кухня Японии завоевала еще в конце XX в. и в наше время продолжает свое «триумфальное шествие» по самым разным странам вопреки последствиям глобализации и быстро меняющимся трендам в ресторанной индустрии. В ноябре 2013 г. Японская организация по развитию внешней торговли (JETRO) провела исследование, целью которого было проанализировать популярность японской кухни за пределами Японии. Специалисты пришли к выводу, что главной причиной «японского бума», возникшего в 1970-х гг. в США, а затем распространившегося по всему миру, является то, что в глазах массового потребителя блюда японской кухни¹ всегда воспринимались как эталон здоровой пищи².

В декабре 2013 г. было принято решение включить японскую кухню *васёку* в список Нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. Среди основных принципов японской кухни подчеркивалось то, что помимо древней традиции, японские блюда отличаются разнообразием и свежестью ингредиентов при уважении к исходному вкусу. Эта особенность японской культуры питания была сформулирована еще В.В.Овчинниковым в известном произведении «Корни дуба»³, где автор, размышляя о национальном характере англичан, отмечал, что и японский, и английский

¹ Мировое признание японской кухни началось с блюда суси, которое в 1970-х гг. стало широко известным в США, а затем и в европейских странах.

² Специальный доклад «Предлагая японские блюда миру в эпоху популярности концепции здорового образа жизни» (ДЖЕТРО, 2013) URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/survey/pdf/2013_11_other.pdf (дата обращения 30.06.2020).

³ «Ветка сакуры» и «Корни дуба» впервые были опубликованы в журнале «Новый мир» в 1970 и 1980 гг., а затем вошли в сборник «Сакура и дуб».

повар «стремятся выявить натуральный вкус продукта в отличие от изобретательности и изощренности мастеров французской и китайской кухни. Уважение к материалу, к тому, что создано природой, – общая черта прикладного искусства двух островных народов»⁴.

При всей кажущейся символичности акта внесения объекта в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, безусловно, это способствует распространению благоприятного представления о кухне как внутри страны, так и за ее пределами. А.В.Павловская в своей статье «Еда и наука: две вещи несовместимые?»⁵, рассматривая теоретические вопросы изучения истории еды и традиций питания народов мира, обращает внимание на то, что гастрономическая экспансия всегда несет с собой культурное влияние: дает первичное знакомство с чужой культурой и пробуждает интерес к другим сторонам жизни⁵.

В 2020 г. Токио в очередной раз возглавил список городов с наибольшим количеством ресторанов Мишлен. Столица Японии является бессменным лидером среди всех «городов-гурманов» с конца 2007 г., когда самый известный из ресторанных рейтингов – «Красный гид Мишлен» – выпустил свой первый кулинарный путеводитель по Токио. На 2020 г. в городе находятся 464 ресторана и 34 гостиницы, отмеченные знаком отличия Мишлен, среди них 57 заведений впервые включены в данный список; 11 ресторанов с наивысшим рейтингом – «три звезды», причем три заведения удерживают этот статус на протяжении всех 13 лет. Генеральный директор японской дочерней компании Мишлен заявил, что изобилие и доступность высококачественных продуктов, а также кулинарный талант япон-

⁴ Овчинников В.В. Корни дуба // Сакура и дуб. М.: Дрофа, 2004. С.604–605.

⁵ Павловская А. В. Еда и наука: две вещи несовместимые? // Материалы I Международного симпозиума: Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира. Москва: Центр по изучению взаимодействия культур, 2015. С. 35–36.

ских поваров и в последующие годы позволят Токио сохранять лидерские позиции⁶. «Кулинарная победа» Токио в 2020 г. была особенно важна не только для представителей ресторанного бизнеса, но и для членов правительства и широкой общественности, так как летом этого года в Японии должны были состояться Олимпийские игры⁷: с одной стороны, национальная кухня *васёку* могла бы способствовать формированию позитивного имиджа страны, познакомить иностранцев с японскими кулинарными традициями и культурой, а с другой – многочисленные рестораны, предлагающие блюда западной кухни, должны были продемонстрировать гостеприимство японцев, их осведомленность и компетентность в вопросах мировой гастрономии.

География предлагаемых гостям блюд в токийских ресторанах с каждым годом становится все шире: заведения, отмеченные Мишлен в 2020 г., специализируются на корейской, индийской, испанской, тайской, вьетнамской, окинавской кухне, но первые четыре позиции традиционно занимают рестораны французской, японской, китайской и итальянской кухни. Данная статистика, представленная на официальном сайте «Красного гида Мишлен»⁸, является условной, так как заведения, специализирующиеся на одном блюде (окономияки, рамэн, карри, пицца и др.), не соотносятся с национальной кухней какой-либо страны, однако такое распределение стран в статистике отражает не только вкусовые предпочтения современных японцев, но и некоторые особенности японской культуры питания.

⁶ Osumi M. Tokyo's restaurants again boast world's most Michelin stars in 2020 guide // The Japan Times (26.11.2019). URL: <https://www.japantimes.co.jp/life/2019/11/26/food/tokyo-restaurants-most-michelin-stars/#.XvluUudn3IU> (дата обращения 30.06.2020).

⁷ Олимпийские игры в Токио в 2020 году были перенесены на лето 2021 года из-за пандемии коронавируса.

⁸ URL: <https://guide.michelin.com/en> (дата обращения 24.05.2020).

Необходимо уточнить, что понятие «национальная кухня» достаточно неопределенное и часто искусственно созданное: как правило, оно обозначает пищу людей, объединенных одной территорией и политической системой. Тем не менее, факт наличия национальной кухни влияет на общественное сознание и играет не последнюю роль в формировании восприятия себя как нации⁹.

Национальная кухня Японии состоит из трёх компонентов: японского, китайского и западного. «Ва ё тю» [和洋中] – термин, который японцы часто употребляют при разговоре с иностранцами о специфике их блюд. Как пишет знаменитый японский шеф-повар, пропагандист японской культуры питания, автор более 30 сочинений о гастрономии Цудзи Сидзуо (1933–1993): «Столетиями японцы приспосабливали к своему вкусу блюда из множества других стран... Мы едим китайскую лапшу на обед и рис с карри на ужин, но лапша рамэн на самом деле давно уже не китайская; а индийцы вряд ли опознают в нашем блюде свое карри; иностранные блюда давно изменены и приспособлены к японским вкусам»¹⁰. Восприимчивость японцев к иноземным кулинарным традициям и адаптация иностранных рецептов на протяжении многих лет в итоге привели к образованию самобытной японской кухни.

В разные исторические периоды в зависимости от внутривнутриполитической ситуации и / или внешнего курса правящих кругов один из компонентов японской кухни – китайский или западный – играл определяющую роль в японской культуре питания, тогда как исконно японский компонент можно проследить не только в истории отдель-

⁹ Осетрова М.Е. Национальная кухня и корейский национализм // Россия и Корея в меняющемся мире. М.: ИДВ РАН, 2014. URL: <https://koryo-saram.ru/m-e-osetrova-natsionalnaya-kuhnya-i-korejskij-natsionalizm/> (дата обращения 25.06.2020)

¹⁰ Цудзи Сидзуо. Японская кухня: изысканная простота. М.: Издательство ВВРС, 2010. С. 32.

ных блюд, но и в формировании традиций сервировки, в ритуально-обрядовом комплексе и в самом процессе адаптации несвойственных для японцев рецептов. За долгую историю взаимодействия японской цивилизации с китайской и западной, пусть и с разной степенью интенсивности в различные исторические периоды, многие элементы иноземной культуры питания стали частью японской национальной кухни.

Приведем в пример историю одной из самых традиционных японских сладостей – бобового желе *ёкан*. В XII в. блюдо, по рецептуре напоминающее овечий студень, было завезено на японский архипелаг из Китая, но под влиянием буддийских запретов на убийство животных и потребление мяса животный желатин был заменен сладкой бобовой пастой *анко*. В современной Японии *ёкан* возглавляет список традиционных японских сладостей, и японские кондитеры экспериментируют не только со вкусовыми свойствами *ёкан*, но и с эстетическим оформлением этого десерта, подчеркивая его неразрывную связь с японской культурой. Знаменитая историческая кондитерская «Торая», основанная в начале XVI в., каждый год предлагает своим посетителям новые виды этой сладости, среди которых и фруктовый *ёкан*; и *мидзу ёкан*, в котором прозрачное желе, приготовленное на основе агар-агара, создает образ водной глади; и *ёкан* из сезонных ингредиентов, таких как каштаны, батат или юдзу; и особые *ёкан*, в которых запечатлена красота японской природы – цветение сакуры, гора Фудзи в четырех сезонах или осенняя луна в деревне Сарасина; и *ёкан* по случаю определенных событий, например, Олимпийских и Паралимпийских игр¹¹. Таким образом, о китайских истоках и первоначальном виде этого блюда напоминает лишь его иероглифическое написание: первый иероглиф [羊] – это «овца», а второй [羹] – «густой суп».

¹¹ Официальный сайт кондитерской Торая URL: <https://global.toraya-group.co.jp/> (дата обращения 30.06.2020).

Традиционные карамельные конфеты *компэйто* также были завезены на остров издалека: первые португальские торговцы, прибывшие на японские острова в XVI в., познакомили местное население с новыми блюдами и способами готовки, в том числе и расширили знания японцев о возможности использования сахара, который в Японии использовался преимущественно в медицинских целях, а не в кулинарных¹². Долгое время сахар в Японии оставался очень дорогим, поэтому сладости считались ценным подарком. Известно, что в 1569 г. португальский миссионер Луиш Фроиш (1532–1597) с целью получить официальное разрешение на деятельность Христианской миссии преподнес Ода Нобунага (1534–1582) стеклянную вазу, наполненную *компэйто*¹³. А в XVII в. португальская карамель, как и другие европейские сладости (кастильский бисквит *касутэра*, печенье – *боро*), уже считались региональными яствами городов Киото и Нагасаки. Интересно, что в эпоху Мэйдзи (1868–1912) была позаимствована французская традиция преподносить гостям по случаю особых торжеств небольшие коробочки с конфетами (бонбоньерки) на память о событии и в знак признательности и уважения. Вероятно, впервые в качестве подарка бонбоньерки получили высокопоставленные гости в 1894 г. по случаю 25-ой годовщины свадьбы императора и императрицы Мэйдзи. В последующие годы без этого подарка не обходилось ни одно торжественное мероприятие, будь то церемония интронизации, рождение ребенка в императорской семье или банкет по случаю приёма представи-

¹² Симонова-Гудзенко Е.К. Пищевая культура // История Японской культуры. Москва: Наталис, 2011. С. 341.

¹³ Rath E. Food and Fantasy in Early Modern Japan. University of California Press, 2010. P. 96.

телей дипломатических миссий¹⁴. В 2000 г. в Музее императорских коллекций *Санномару сѣдзōкан* проходила выставка «Праздничные миниатюрные шкатулки. Красота декоративного искусства бонбоньерок», а в октябре 2019 г. на официальном банкете для иностранных высокопоставленных лиц по случаю интронизации нового императора Японии все гости получили в подарок бонбоньерки, наполненные японскими карамельными конфетами *компэйто*. Так, западные страны – Португалия и Франция – сыграли важную роль сначала в появлении японской карамели, а затем в формировании традиции дарения бонбоньерок по особым случаям. Как и в эпоху Мэйдзи, когда западные элементы культуры и повседневной жизни должны были подчеркнуть сходство японского императорского двора с европейскими и создать благоприятный образ страны в глазах иностранных монархов, так и в наше время западный компонент японской культуры питания позволяет японцам достойно преподнести себя на высоком международном уровне.

Термину «*ва ё тю*» и проблеме взаимодействия японского, западного, китайского элементов в японской кухне, как правило, отводится важная роль в исследованиях, затрагивающих историю японской культуры питания. Профессор Лейденского университета Катажина Цвертка в своей фундаментальной работе «Современная японская кухня. Продукты питания, власть и национальная идентичность»¹⁵ подробно разбирает влияние внешней политики страны на пищевые пристрастия японцев и связывает популярность китайской еды в Японии с политикой милита-

¹⁴ Информация о выставке на официальном сайте Управления императорского двора Японии Кунайтё: URL: <https://www.kunaicho.go.jp/e-culture/sannomaru/zuroku-28.html> (дата обращения 30.06.2020).

¹⁵ Cwiertka K. *Modern Japanese Cuisine: Food, Power and National Identity*. London: Reaktion Books/University of Chicago Press, 2006.

ризма и империалистическими амбициями страны в 20-х и 30-х годах XX в. В работе приводится точка зрения, что мода на западные блюда стала постепенно угасать после Русско-японской войны (1904–1905), так как *«уверенность Японии на международной арене укрепилась, а безрассудная страсть к Западу постепенно начала остывать»*¹⁶. Японский историк, почетный профессор Национального музея этнологии Наомити Исигэ в своем исследовании «История и культура японской кухни» также отмечает, что победа в японо-китайской войне (1894–1895) способствовала формированию представления о китайской еде как о непристойной, грязной пище из недостойной азиатской страны; и до окончания Первой мировой войны, когда была оценена питательность и экономичность китайских продуктов, в Японии практически не существовало китайских ресторанов, а постоянными посетителями заведений в китайских кварталах городов Кобэ, Йокогама и Нагасаки были только местные китайцы¹⁷. В обеих монографиях подчеркивается, что популярный в современной Японии термин «*ва ё тю*» появляется не раньше 20-х годов XX в.¹⁸ и связан с возросшей популярностью китайской кухни, тогда как разделение японской кухни на «*васёку*» (японские блюда) и «*ёсёку*» («западные блюда») происходит на полвека раньше – в эпоху усиленной вестернизации различных сфер жизни японского общества. Вероятно, этой хронологической последовательностью и объясняется порядок элементов в термине «*ва ё тю*»: к сочетанию идеограмм «*ва*» и «*ё*»,

¹⁶ Op. cit. P. 144.

¹⁷ Naomichi Ishige. The History and Culture of Japanese Food. Routledge, 2011. P. 143.

¹⁸ Однако лишь к 60-м годам XX века термин «*ва ё тю*» стал повсеместно использоваться в средствах массовой информации и укоренился в общественном сознании. Более подробно см. Cwiertka K. Op. cit., pp. 138-148 и Naomichi Ishige. Op. cit., pp. 155-158.

характерному для эпохи Мэйдзи, в первой половине XX в. добавляется «китайский компонент» – т \bar{y} . Подобная расстановка идеограмм противоречит исторической действительности, так как первые китайские кулинарные заимствования принято относить к эпохе древности, да и первичное знакомство японцев с западной цивилизацией состоялось задолго до эпохи Мэйдзи. Однако представляется, что такая последовательность идеограмм в термине «ва ё т \bar{y} » может свидетельствовать о том, что к первой половине XX в. большое количество иноземных блюд и кулинарных традиций уже были прочно вписаны в японскую культуру питания и не воспринимались как чужеродные элементы.

Однако в контексте вопроса взаимодействия западного и китайского компонентов японской кухни особый интерес представляет не процесс смены приоритетов и переориентации японцев на Запад или Восток, и не историческая последовательность иноземных заимствований, а взаимовлияние непосредственно китайского и западного элементов.

Модель интеграции западной традиции в японскую повседневную жизнь во второй половине XIX в. повторяла японский опыт восприятия и адаптации китайской культуры, так как лидеры эпохи Мэйдзи, стремясь избежать ущемления национальных чувств и социальных волнений, стали проводить исторические параллели и обратились к истории культурных заимствований. Поскольку на протяжении длительного времени Япония находилась под сильным культурным влиянием материкового Китая, то именно этот опыт был положен в основу модели отношений Японии с западными странами. Рассмотрим процесс восприятия японцами иноземной культуры на примере двух произведений, связанных с культурой питания: историческое эссе

«Заметки повара» (*Хōтё сёроку*, 1652)¹⁹, созданное философом, историком, одним из творцов идеологии сёгуната Токугава – Хаяси Радзан (1583–1657), и публицистический роман писателя-просветителя эпохи Мэйдзи Гэнсай Мураи (1863–1927) – «Наслаждение от приёма пищи» (*Куи дōраку*, 1903)²⁰.

В своем многоплановом литературном творчестве Хаяси Радзан обращался к разным областям повседневной жизни, преследуя цель усиления и укоренения в Японии конфуцианства чжусианского толка. Произведение Хаяси Радзан «Заметки повара» – это попытка автора сформулировать историю возникновения отдельных элементов японской кухни и связанного с ними ритуально-обрядового комплекса, тем самым продемонстрировав тесную связь японской и китайской традиции. Философ выявляет преемственность японской традиции по отношению к китайской посредством объединения схожих историко-мифологических сюжетов, обращается в некоторых главах к этимологии японских слов, а при отсутствии исторических и этимологических параллелей, прибегает к ассоциативному методу²¹. В своем гастрономическом романе Гэнсай Мураи в отличие от Хаяси Радзан не преследовал высокой идеологической цели, так как роман создавался как своеобразное пособие по новому стилю жизни

¹⁹ Хаяси Радзан. *Хōтё сёроку* (Заметки повара) // Нихон дзуйхицу тайсэй. Под ред. Нихон дзуйхицу тайсэй хэнсёбу, 23: 337–349. Ёсикава Кобункан, 1976.

²⁰ Мураи Гэнсай. *Куи дōраку* (Наслаждение от приема пищи). В 2-х томах. Токио: Иванами сётэн, 2005.

²¹ Более подробно об историческом эссе «Заметки повара» см. статью Наливайко О.А. Истоки японской культуры питания: «Заметки повара» Хаяси Радзана // История и культура традиционной Японии 8, серия *Orientalia et classica* Труды Института восточных культур и античности, СПб: Гиперион, том 57, 2015. С. 251-263.

для широкой аудитории, однако автору было важно не только осветить преимущества различных элементов западной кухни и предложить способы их интеграции в японскую повседневную жизнь, но и доказать своим читателям, что западная культура питания не противоречит конфуцианскими принципам, которые легли в основу многих японских традиционных искусств, в том числе и кулинарного. Так, в одной из глав²² главный герой романа рассуждает о древней китайской системе сочетания сладкого, соленого, острого, кислого и горького вкусов²³, подчеркивая, что этому принципу необходимо следовать и при приготовлении блюд западной кухни. Интерес вызывает и тот факт, что в начале XX в., когда был издан роман «Наслаждение от приёма пищи», китайская кухня в Японии не пользовалась популярностью и была представлена лишь несколькими заведениями, ориентированными в первую очередь на китайцев. Тем не менее Гэнсай Мураи в своем произведении подчеркивает мастерство китайских поваров, призывает читателей экспериментировать с сочетанием китайских и западных ингредиентов при приготовлении блюд из свинины и даже приводит подробный рецепт блюда «мясо Дунпо», история создания которого, по легенде, восходит ко временам империи Сун (960–1279) и связана с именем Су Ши (1037–1101) – китайского поэта, художника и государственного деятеля. Данные примеры подтверждают, что в эпоху вестернизации отдельные элементы китайской культуры по-прежнему имели боль-

²² См. главу 34 «Пять вкусов» по изданию Мураи Гэнсай. Указ.соч. Т. 1. С. 105-108.

²³ В китайской традиции пять вкусов соотносились с пятью элементами: соленый – вода, горький – огонь, кислый – дерево, острый или терпкий – металл, сладкий – земля. Каждое блюдо рассматривалось не как набор самостоятельных элементов, а представляло собой гармоничное единство различных продуктов и вкусов.

шое значение как для автора гастрономического романа, так и для его читателей.

Влияние западной традиции на китайский компонент японской кухни и механизм адаптации иноземных рецептов можно проследить и в истории конкретных блюд. Традиционный десерт *мандзю* был завезен в Японию из Китая в XIV в. и долгое время представлял собой рисовую булочку, которая начинялась не только сладкими ингредиентами, но и овощами²⁴. Именно первые европейцы способствовали видоизменению *мандзю* научившись использовать сахар в качестве подсластителя, японцы стали добавлять его в китайский рецепт, а в годы Бунка (1804–1818) рисовая булочка, начиненная сладкими бобами-адзуки, уже продавалась не только в крупных торговых центрах, таких как Эдо или Осака, но и в провинциальных городах²⁵.

Китайская лапша *рамэн*, являющаяся в наши дни одним из самых популярных блюд в Японии, впервые была подана в токийском ресторане Райрайкэн в 1910 г. До 50-х годов XX в. блюдо называлось «сина соба» [支那そば] – «китайская лапша», но постепенно термин был вытеснен другим – «тюка соба» [中華そば]: слово «сина», использовавшееся для обозначения Китая, приобрело негативную коннотацию, связанную с агрессивной политикой Японии в Азии, и было заменено словом «тюка», происходившим от официального названия КНР. Однако вскоре блюдо получило название «рамэн»²⁶ [ラーメン] – под таким именем оно впервые появилось в 1958 г. на полках магазинов в виде продукта быстрого приготовления. По словам Андо Момофуку (1910–2007), японского изобретателя «мгновенной лапши», он заметил длинные очереди у китайских

²⁴ Rath E. Op.cit. P. 91-92.

²⁵ Nagase-Reimer K. Copper in the Early Modern Sino-Japanese Trade. Leiden, The Netherlands: Brill, 2015. P. 174.

²⁶ Кит. ламянь [拉面] – «длинная лапша».

уличных прилавков и, оценив высокий спрос на это блюдо, занялся разработкой его подходящей формы для массового потребителя²⁷. Реализация проекта стала возможной только благодаря крупным американским поставкам пшеничной муки в Японию в период оккупации страны союзными войсками (1945–1952). Андо также отмечал, что лапша быстрого приготовления появилась благодаря неизменным пищевым привычкам японцев: запасы американской импортированной муки почти все были использованы для приготовления лапши, а не хлеба, так и не ставшего частью японской культуры питания²⁸. Так, благодаря экономической политике западного государства исконно китайская лапша приобрела в Японии статус национального блюда и стала одним из символов страны. На 2020 г. в Токио находятся 22 ресторана, специализирующихся на рамен, отмеченные знаком Мишлен.

Рассуждая о феномене японской культуры, Клод Леви-Стросс говорил о ее своеобразии по сравнению с Востоком и с Западом. Ученый выделил три этапа формирования современной японской культуры: «... в далеком прошлом она много получила от Азии [китайское влияние в эпоху древности и средневековья], в не столь отдаленном прошлом – от Европы [процесс вестернизации в эпоху Мэйдзи]. А в совсем близкие к нам времена она заимствовала у Соединенных Штатов Америки [послевоенная эпоха]. И вплоть до сегодняшнего дня японская культура не потеряла своей специфики. При этом Азия, Европа и Америка могут обнаружить в ней сильно измененные образы самих себя»²⁹. Будучи островной цивилизацией, Япония

²⁷ Solt G. Ramen and U.S. Occupation Policy // Japanese Foodways. Past and Present / ed. by E. Rath and S. Assmann. University of Illinois Press, 2010. P. 197.

²⁸ Op. cit. P. 198.

²⁹ Леви-Стросс К. Обратная сторона Луны. Заметки о Японии / пер. Е. Лебедева. М.: Текст, 2013. С. 62.

смогла выработать особый механизм заимствования и адаптации инокультурных форм и явлений, что в эпоху древности позволило ей построить государство по китайскому образцу; в период самоизоляции страны – получать из внешнего мира необходимую информацию; в эпоху Мэйдзи – провести ускоренную модернизацию, избежав при этом потери национальной идентичности; а в послевоенный период – восстановить свою экономику, превратив ее в одну из самых развитых в мире. На протяжении всей истории контакты Японии с другими странами неизбежно приводили к переосмыслению собственных традиций и возрождению интереса к собственной культуре.

В контексте размышлений о формировании японской национальной кухни представляется, что данные особенности исторического развития страны и привели к возникновению концепции «ва ё тю»: отдельные компоненты японской, западной и китайской культуры питания оказались прочно вписаны в историю японской кухни. Возможно, именно с этим связана неугасающая популярность японских блюд в самых разных частях мира в XXI в. С одной стороны, представители разных культур могут найти в японской кухне знакомые им элементы, с другой – переосмысление и видоизменения иноземных рецептов позволяют Японии поддерживать образ одной из самых «вкусных стран» мира, что каждый год подтверждает статистика наиболее известного и влиятельного из ресторанных рейтингов.

**Коллекция японской эротики
из собрания Е. Г. Спальвина**

В собрании рукописного отдела ИВР РАН хранится собранная профессором Е.Г.Спальвиным коллекция японской эротики. Это около десятка альбомов, разрозненных фотографий и гравюр, большая часть которых датируется 2-й пол. XIX – началом XX вв. С художественной точки зрения, эти экспонаты очень разнятся по своим достоинствам. Все рисунки и гравюры, генетически связанные с традицией эротической гравюры сюнга («весенние картинки») эпохи Токугава, имеют эстетическую ценность. К сожалению, такие экспонаты составляют только небольшую часть коллекции. Скорее всего, они были очень дороги и труднодоступны в 1920-1930-е гг., когда профессор Спальвин, служивший в советском посольстве, проживал в Японии (Токио). Поскольку в рамках политики перехода в число «цивилизованных и просвещенных» государств, японские власти периода Мэйдзи взяли курс на «модернизацию», многие элементы традиционной культуры стали рассматриваться как старомодные и устаревшие, тянущие страну назад. В числе такого «ненужного» (если не сказать «вредного» с моральной точки зрения властей) наследия оказалась и традиционная эротическая гравюра сюнга, запреты на которую очень ужесточились в эпоху Мэйдзи. К началу XX в. производство и продажа подобных гравюр осуществлялась исключительно нелегально, а создатели, продавцы и коллекционеры выслеживались и подлежали наказанию. Все найденные экземпляры сюнга безжалостно конфисковывались и уничтожались.

Это, на мой взгляд, объясняет, почему в частной коллекции профессора Спальвина подобных экспонатов было крайне мало, да и датировались они уже эпохой Мэйдзи, когда подпольное производство эротических рисунков и альбомов нелегально еще продолжалось. В этом смысле,

альбом из 12 рисунков в традиции сюнга и малоформатные гравюры мамэбан (досл. «размером в фасолину»), которые традиционно считались «защитными амулетами» солдат и во множестве производились в годы Японо-китайской войны 1894–1895 гг. и позднее, вплоть до Тихоокеанской войны, представляют большой исторический и художественный интерес.

Но в большинстве своем в собрании неплохо представлены образцы японской эротики начала XX в. Это, в первую очередь, фотографии, пришедшие на смену ксилографической печати, а также рисунки, сделанные на западный манер.

На мой взгляд, здесь о художественной ценности говорить не приходится. Эти экспонаты скорее представляют интерес как свидетельства того, что отказ от собственной традиции может нанести непоправимый урон собственной культуре. В данном контексте речь может идти о том, как на смену эротике, воспринимавшейся как естественная часть жизни и художественно осмысленной, приходит порнография, при всей спорности определения этого явления. Безусловно, речь идет только об общей тенденции, отнюдь не все экспонаты коллекции явно относятся к этой категории, однако не вызывает сомнения, что современная репутация страны, в которой производится одна из самых «жестких и изощренных порнографий» в мире, явно связана с процессами, происходившими в этой области в начале XX в.

Природные мотивы на гардах японского меча

Искусство изготовления художественной оправы японского оружия завоевало широкую известность и имеет горячих поклонников во многих странах мира. Это оригинальное, самобытное искусство непосредственно связано с историей Японии, с социально-политическими и художественными изменениями, которые происходили в стране Восходящего солнца в эпоху Средневековья и Нового времени. Распространение оружия обусловило развитие искусства кузнецов-оружейников, которые в разные исторические эпохи создавали истинные шедевры, отличавшиеся уникальными боевыми качествами и бесспорными художественными достоинствами¹.

На протяжении всей истории Японии изготовлению оружия всегда уделялось особое внимание. Данный интерес был связан с различными факторами и обстоятельствами.

Дело в том, что мужчинам в Японии запрещалось носить ювелирные изделия, и, таким образом, именно холодное оружие и, прежде всего, меч воспринимались как важный боевой атрибут воина и одновременно богатое и статусное украшение².

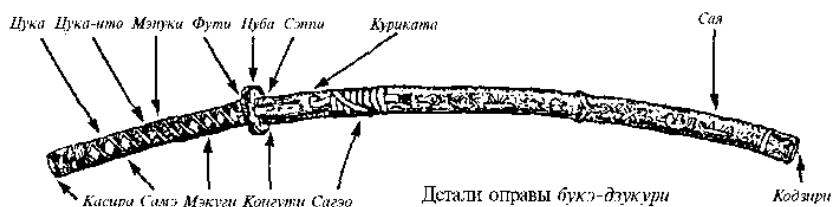
С другой стороны боевой меч был сакральным предметом, который обладал своим характером, «душой» и отражал особенные политические и художественные предпочтения своего хозяина.

Кроме того, элементы оправы японского меча являются достаточно интересным и ярким источником,

¹ Синицин А. Ю. Самураи – рыцари Страны восходящего солнца. История, традиция, оружие. СПб.: Изд-во Паритет, 2007. 352 с.

² Дашкевич В.Т. Коллекция художественной оправы японского холодного оружия в Государственном Эрмитаже // Труды Государственного Эрмитажа. Т. V. Культура и искусство народов Востока, 6. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. С. 299–312.

повествующим о духовной и материальной культуре страны. Наряду со знаменитой «чайной церемонией» в Японии с древнейшего времени существовала не менее значимая церемония «любования мечом». Отметим, что меч в Японии был разборным и состоял из отдельных функциональных деталей³.

Декоративной обработке подвергалась рукоять меча, состоявшая из разных элементов, которые несли не только декоративную нагрузку, но и отражали духовные, религиозные представления японцев и непосредственно владельца оружия. Оформлению японского оружия уделяли особое внимание, используя при его изготовлении дорогие материалы и разнообразные ювелирные техники, уникальные приемы и особенные орнаменты⁴.

В собрании отдела Востока Государственного Эрмитажа хранится более 700 предметов холодного оружия, среди которых; более 500 цуба (гарда), более 120 фути (кольцо) и касира (навершие), более 60 кодзука (рукоять ножа), более 20 мэнуки (украшения на рукояти) и целый ряд других мелких украшений⁵.

³ Оружие. Устройство японского меча.

<http://www.kosnet.ru/~ramal/katanaus.htm> (дата обращения 26.07.2020)

⁴ Скраливецкий Е. Б. Цуба. Легенды на металле. СПб.: Изд-во Оружейная академия. 2005. С.39-65.

⁵ Дашкевич В. Т. Указ. соч.

Основу коллекции Государственного Эрмитажа составляет собрание оправы японского холодного оружия, принадлежавшее до Октябрьской революции 1917 года барону Александру Людвиговичу фон Штиглицу (1814–1884) – крупнейшему российскому финансисту, промышленнику, управляющему Государственным банком России (1860–1866), меценату, благотворителю. Судя по архивным данным, эту коллекцию Штиглиц приобрел через посредство парижской торговой компании Вагнера, поставлявшей предметы оправы японского оружия европейским музеям. Затем, после революции 1917 г. коллекция цуба Государственного Эрмитажа пополнялась частными дарами и покупками, которые восполнили лакуны в собрании музея⁶.

Сегодня коллекция художественной оправы японского оружия Государственного Эрмитажа относится к наиболее значительным. Она постоянно пополняется, расширяется и является крупнейшим музейным собранием не только в Европе, но и в мире. Стоит отметить, что это не только количественная оценка собрания, но и качественная. В собрании музея представлены практически все известные школы, отражающие региональные особенности оружейного искусства Японии, исторические традиции и новации в практике мастеров-цубако.

История цуба непосредственно связана с историей холодного оружия в Японии и восходит еще к периоду раннего средневековья. За долгую историю сложились многие школы мастеров-оружейников, которые использовали свои оригинальные техники и были ориентированы на своих заказчиков.

Отметим, что к концу XIX века существовало более двадцати школ мастеров-цубако, которые, как правило, были семейными и получили название от фамилии мастера – основателя школы или от названия провинции, в кото-

⁶ Там же.

рой работали ведущие мастера. В рамках каждой школы формировался свой стиль, выраженный в художественных особенностях и технических приемах. Исследователи выделяют также и школы, которые работали по заказам постоянных клиентов и обслуживали богатых дайме или предлагали изделия для самураев среднего достатка, для которых главным критерием меча была его функциональность и боевые качества.

Мастера-оружейники к эпохе Нового времени достигли необычайных успехов и создавали оружие, обладавшее истинной художественной ценностью и высокими боевыми качествами.

На предметах холодного оружия мастера-цубако изображали жанровые сценки, воссоздавали мифологические образы. Большой популярностью у оружейников пользовались темы и сюжеты, воспринятые художниками-оружейниками из мира природы. Наиболее последовательно флора и фауна Японии были представлены в работах мастеров нескольких японских школ оружейников.

Одной из наиболее известных школ мастеров-оружейников Японии была школа Сёами. Своими истоками она восходит к концу периода Муромати (середина XVI века). Свое название школа получила по имени мастера основателя Сёами, имя которого дословно переводился как «некто талантливый в искусстве». Цуба, принадлежащие к данной школе, были популярны на протяжении долгого времени и получили широкое распространение особенно в среде военной аристократии. Их популярность объяснялась тем, что они имели сложную, причудливую форму, но, тем не менее, не утратили своей функциональности и хорошо защищали руку воина. Цуба школы Сёами отличала исключительная декоративность, которая достигалась за счет прихотливого выпуклого рисунка. На цуба были запечатлены оригинальные изображения змей, различных животных, драконов, растений. Причем рисунок цуба имел

весьма сложные формы: пластичного круга, овала, четырехугольника с неровными гранями.

Как отмечают исследователи, многие цуба, относящиеся к данной школе в XVI в. не имели подписей мастера, но, затем, уже в конце XVI – начале XVII вв. изделия стали подписываться авторами. В XVII в. данная школа приобрела заслуженную популярность в разных княжествах в связи с тем, что художники-оружейники разъехались по стране и во многих городах Японии основали собственные школы, которые обладали неповторимым стилем, но, имели и исконные черты школы Сёами⁷.

ЯМ 0039. Собрание Государственного Эрмитажа

Другой школой мастеров-оружейников в Японии, была школа Гото, которая ведет свою историю с XV в. С момента своего создания она пользовалась большой попу-

⁷ Skizze der geschichte des Japanischen schwertschmucks
<https://play.google.com/books/reader?id=SEsWAwAAQBAJ&pg=GBS.PR11>
(дата обращения 26.07.2020)

лярностью у высшей знати японского общества. Основателем школы был Гото Юдзо (1440–1512). Он родился в провинции Мино, но известность приобрел в Киото, где работал при дворе VIII сёгуна Асикага Ёсимаса. Именно здесь и сформировался его особый стиль и особая манера исполнения деталей японского оружия, а также именно здесь оформился круг тем и сюжетов, к которым обращались мастера-цубако школы Гото. Для изделий данной школы были характерны изысканность, вычурность декоративных элементов, которыми были украшены цуба. Секреты своего мастерства Гото Юдзо передал ученикам, унаследовавшим и преумножившим особенные приемы мастера-основателя. Для школы Гото характерно использование мягких цветных металлов, которые поддавались резцу легче, чем твердое железо. Для отделки и украшения цуба мастера активно использовали драгоценные металлы. Их изделия без преувеличения можно назвать произведениями ювелирного искусства, которые поражают изысканностью орнамента, большим вниманием ко всем деталям, интересным рисунком. На цуба воссоздавались классические японские пейзажи, поединки самураев, картины японской жизни. Тема природы представлена в произведениях данной школы достаточно широко. Картины японского пейзажа, флориальные мотивы, присутствуют как самостоятельные сюжеты, так и сопровождают жанровые сцены. Естественно, что подобные произведения были созданы для своих заказчиков, преимущественно для сёгуна и его близкого окружения. Цуба школы Гото – это весьма редкие экземпляры в собраниях европейских музеев. Художественное и техническое совершенство мастеров данной школы позволяют выделить её среди других школ мастеров оружейного искусства Японии. Как отмечают, исследователи, начиная с XVII в. мастера школы Гото стали уделять более пристальное внимание другим более мелким деталям оправы меча, таким как мэнуки,

когаи и кодзука. Причем мэнуки школы Гото часто были выполнены из чистого золота⁸.

ЯМ 0098 Собрание Государственного Эрмитажа

Школа мастеров-оружейников Асакуса также является достаточно популярной в Японии. Она возникла в одной из районов города Эдо в начале XVII в., а затем, её произведения стали популярны и в других княжествах страны восходящего солнца. Работы эдосских мастеров-цубако ценились за прочность, функциональность и, конечно, за художественное оформление различных элементов меча. Появилась школа Асакуса еще в начале XVII в., когда торговец мечами Кориганэи Никобэи вместе с тремя мастерами наладил производство цуба в одном из районов Эдо, который назывался Асакуса. Название района и дало имя школе, популярность которой особенно в XVII в. была весь-

⁸Skizze der geschichte des Japanischen schwertschmucks
<https://play.google.com/books/reader?id=SEsWAwAAQBAJ&pg=GBS.PR11>
(дата обращения 26.07.2020)

ма значительной. Школа Асакуса насчитывает восемь поколений мастеров, которые работали в едином стиле. Их цуба имеют закругленный край и легкую гравировку по прорезному орнаменту растительного или пейзажного типа. Они были настолько популярны в среде самураев, что те привозили их из столицы в качестве памятных подарков. Однако после завершения эпохи Эдо школа Асакуса практически прекратила свое существование⁹.

ЯМ 35 Собрание Государственного Эрмитажа

В XIX в. был издан императорский указ о запрете ношения холодного оружия сословием самураев¹⁰. С этого времени многие оружейные школы прекратили свое существование, а их продукция (холодное оружие, элементы меча) стала предметами коллекционирования в разных странах мира.

Сегодня холодное оружие Японии утратило свое функциональное назначение, но, по-прежнему интерес к

⁹ Skizze der geschichte des Japanischen schwertschmucks
<https://play.google.com/books/reader?id=SEsWAwAAQBAJ&pg=GBS.PR11>
(дата обращения 26.07.2020)

¹⁰ Баженов А. Г. История японского меча. СПб.: Изд-во Атлант, 2001.

нему как к производству оружейного искусства весьма велик. Цуба и другие элементы меча являются интересными материальными источниками, которые хранят уникальную информацию о технических достижениях страны Восходящего солнца, о художественных приемах оружейников, о мастерстве и эстетических предпочтениях художников и заказчиков. Оружие хранит и передает интересную информацию о религиозных, морально-этических, художественных традициях страны.

Сакральное значение оружия в Японии в эпоху Средневековья и раннего Нового времени требовало от мастеров тщательно выбирать художественные сюжеты. Не случайно, что в Японии, стране синтоистской, где оригинальное развитие также получил буддизм оружие было украшено растениями, разнообразными пейзажами, представителями флоры и фауны. Причем каждая из школ мастеров-оружейников находила свои художественные подходы и приемы для решения сложных художественных задач. В работах мастеров мы можем отметить и контурный рисунок цветов и листьев растений, и тщательно проработанный пейзаж. В данных произведениях проявился особенный характер народа, традиции искусства страны Восходящего солнца, особое отношение к сакральному миру природы, который воспроизводился на разных изделиях, служил источником вдохновения японских художников.

**Предметы роскоши *карамоно*
в системе торгово-экономических и культурных связей
Японского архипелага и материка в X–XIV вв.**

В свое время британский японовед Айван Моррис прозорливо заметил, что «пристрастие к новшествам – особенно к новшествам в иностранном духе – проявлялось в японской истории так часто и с такой силой, что мы имеем право считать его национальной чертой» [Моррис, 2019. С. 38; Morris I., 1960. P. 123].

Действительно, нечасто в мировом опыте встречаются примеры, когда страна, не подверженная серьезному внешнему давлению, столь страстно перенимала достижения чужой культуры. В то же время бытует мнение, что за периодами заимствования в Японии следовали периоды реакции, когда японское общество замыкалось в себе и сосредотачивалось на обработке и адаптации информации извне. В период Хэйан (794–1185) такой отправной точкой принято считать 894 г., когда после отмены посольства в танский Китай, возглавляемого Сугавара-но Митидзанэ, императорский двор перестал отправлять официальные миссии на материк¹.

Можно было бы заключить, что прекращение внешних сношений стало началом первого в истории архипелага периода «самоизоляции», если бы не одно обстоятельство. Даже после 894 г. в Японию продолжали поступать товары материкового производства, более того, объем этих поступлений имел тенденцию к увеличению с течением

¹ В эпоху Эдо (1603–1867) такой точкой стало существенное ограничение связей с другими государствами с 1639 г. и перенос голландской фактории на о. Дэдзима в 1641 г. [Кожевников, 2018. С. 160–172]. Лихорадочное заимствование всего западного в первые десятилетия эпохи Мэйдзи сменилось периодом крепнувшей националистической гордости, получившим мрачную кульминацию в виде ксенофобских настроений в 1930-е гг. [Моррис, 2019. С. 38].

времени. Между Японским архипелагом и его ближайшими соседями неуклонно крепились торгово-экономические связи, фундаментом для которых стал феномен *карамоно*.

Термин 唐物 *карамоно* (букв. «китайские изделия», «изделия [эпохи] Тан») встречается в японских исторических источниках и историографических трудах разных эпох. В широком смысле это понятие указывает на высококачественные импортные товары из разных стран, ввозившиеся, как правило, китайскими, корейскими и рюкюскими послами и торговцами, а также созданные из импортных материалов японские предметы или некоторые считавшиеся равными им по качеству японские изделия в китайском стиле. Содержательная широта этого понятия обусловлена тем фактом, что многие иностранные товары, попадавшие на архипелаг через Корейский полуостров и Китай, под воздействием японских реалий и местных представлений о материковой культуре трансформировались, приобретали новые, до того нехарактерные для них функции, наделялись несвойственным им ранее эстетическим или сакральным значением. Совокупный результат этих процессов, а также естественный дефицит таких предметов в обороте привели к появлению подражаний, чье исполнение варьировалось от точных копий до гибридных форм. Интегрирующим фактором для всех этих производных, которые могут показаться столь разными по своим внешним характеристикам, выступало восприятие – признание японским обществом непревзойденных эстетических качеств, свойственных исключительно предметам *карамоно*.

Исходя из приведенного определения можно вывести следующую классификацию предметов *карамоно*, бытовавших в Японии со второй половины эпохи Хэйан (XI–XII вв.) по начальный период Эдо (до конца XVII в.):

1. Импортные товары, которые представляют собой прочные, аккуратные, новые вещи. К ним относятся такие изделия, как фарфоровые кувшины из селадона, белые фарфоровые кувшины, красные лакированные

изделия с рельефным рисунком, черные лакированные изделия, китайские монеты.

2. Товары японского производства, сделанные по подобию иностранных или вдохновленные ими. Главными признаками таких изделий являются простота, изящество и высокая эстетическая ценность – например, керамика 瀬戸焼 сэтояки в стиле изделий эпохи Сун (в основном, чайная утварь); керамические изделия 常滑 токонамэ (кувшины, горшки, чайная утварь), произведения в жанре монохромной живописи 水墨画 суйбокуга и пр.

Кроме того, можно провести типологизацию предметов *карамоно* по функционалу. Самая простая типология такого рода была предложена Ватануки Томоко: предметы интерьера, используемые в религиозном и дворцовом церемониале; подношения и дары; храмовая утварь; коллекционные предметы, которые выставлялись владельцами по случаю или продавались как предметы роскоши на японских рынках; иные предметы (Цит. по: [Сэки Сюити, 2015. С. 29]).

Первые иностранные предметы роскоши проникли в Японию в VII в., их привозили возвращавшиеся от танского двора официальные посольства. Среди вещей, которые таким образом проникли в архипелаг, можно выделить следующие группы:

- предметы культа: буддийские сутры, статуи, четки, ароматическая древесина и пр.;
- конфуцианская литература: каноны, сведения о храме Конфуция и пр.;
- учебная и научная литература: законодательные своды, материалы по ароматической культуре, музыкальные трактаты, источники по летоисчислению и календарной обрядности, труды по церемониалу и этикету, этнографические и исторические сочинения и пр.;

- утилитарные предметы: оружие, утварь, ткани, предметы прикладного искусства и пр.

В это же время Япония также обменивалась посольствами с Корейским полуостровом. Известно, что эта деятельность жестко контролировалась императорским двором. Представители аристократии, желавшие приобрести товары через эти посольства, заранее подавали списки с указанием цены, которую они готовы заплатить за каждое наименование [Мори Кимиюки, 2016. С. 45–48]. В то же время, в отличие от танского двора, государство Силла проявляло инициативу и само снаряжало корабли до Японского архипелага. Таким образом, в Японию ввозились предметы культа, оружие и другие изделия из металла, ароматическое сырье, шелк, лекарственные травы, красители, курильницы, гребни, ширмы, стеклянная и керамическая утварь и пр.

Об ассортименте ввозимых в это время товаров могут дать представление разные документы и перечни предметов из хранилищ Тодайдзи, одного из старейших буддийских храмов в Нара. Среди них достойны упоминания «Документы сокровищницы Сёсоин» (正倉院文書 *Сёсоин мондзё*); свиток с «Описью документов и предметов из храма Тодайдзи» (東大寺献物帳 *Тодайдзи кэммоцу тё*)², составленные в середине VIII в., где можно найти перечни предметов с пометкой 唐 *кара / то* (букв. «династия Тан») или 唐様 *тёё* (букв. «танский стиль»). Многие из этих вещей были изготовлены из материалов, которые нельзя было добыть на территории Японии (рог носорога, слоновая кость, ароматическая древесина сандала и аквилярии). Среди вещей *карамоно* можно в этих списках упоминаются ножи для вскрытия писем *тоси*, зеркала, лютни *бива* и другие музыкальные инструменты, фарфоровые и керами-

² Этот документ известен также, как «Перечень национальных сокровищ» (国家珍宝帳 *Кокка тинбётё*) [Сэкинэ Синрю, 1990. С. 145].

ческие изделия, игровой инструментарий (богато декорированные доски для игры в шашки сугороку, го и шахматы сёги), мечи, разнообразные курильницы, а также сутры, статуи, алтари, изголовья, подставки для локтей во время отдыха полулежа и пр. [Сэкинэ Синрю, 1990. С. 102, 107–108, 145–152].

Исследовательница Кавадзоэ Фусаэ после изучения перечней карамоно сокровищницы Сёсоин отметила, что императорский двор установил контроль над оборотом предметов роскоши: импортные товары, которые приобретались в ходе формального обмена дарами между японскими посольствами с танскими, силласкими и бохайскими дворами, сначала попадали в руки императору, а затем жаловались подданным [Кавадзоэ Фусаэ, 2016. С. 64]. Ввозимые как японскими, так и иностранными миссиями вещи проходили через портовый город Хаката (о. Кюсю), где был сооружён специальный павильон Корокан (鴻臚館). В результате археологических изысканий в павильоне было найдено большое количество изделий из селадона, произведенных в провинции Чжэцзян, и керамических изделий из провинции Фуцзянь³.

Несмотря на охлаждение отношений с материком во второй половине IX в. и сокращение, а потом и прекращение официальных посольств к танскому двору и на Корейский архипелаг, поток товаров, поступавших в порт Хаката, не иссяк. Императорский двор пытался контролировать деятельность прибывавших на архипелаг торговых делегаций через региональное управление Дадзайфу (大宰府), которое должно было докладывать о прибытии кораблей, заниматься размещением грузов, пассажиров и команды;

³ Тагами Юитирō. Тёсэй кокусай бōэки тоси 「Хаката」-но тёса сэйка [田上勇一郎。中正国際貿易都市「博多」の調査成果]. Результаты исследования о средневековом городе международной торговли Хаката. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/84995687.pdf> (дата обращения: 27.04.2020).

проверять состав грузов. Иностранным торговым делегациям были предоставлены бесплатное размещение и возможность вести беспошлинную торговлю [Фершюр, 2016. С. 83].

В обязанности Дадзайфу также входила закупка товаров для императорского двора и отправка их в Киото. Аристократические дома, как правило, отправляли своих представителей в Хаката с аналогичным поручением. Жесткая конкуренция за предметы роскоши стала причиной для скачка цен в середине IX в., в результате чего императорский двор временно запретил чиновникам Дадзайфу и аристократам осуществлять закупки по завышенной стоимости. Запрет двора был проигнорирован, на что указывает ряд указов, выпущенных уже в конце IX в.: 1) иностранным торговцам разрешалось посещать Японию только раз в три года; 2) японцам запрещалось отправляться за границу; 3) запрещалась частная торговля между японцами и иностранными торговцами. С помощью этих мер императорский двор безуспешно пытался вернуть монополию на предметы *карамоно* [Фершюр, 2016. С. 84].

Стоит отметить, однако, что исполнение вышеуказанных постановлений строго контролировалось только в отношении корейских торговцев. На китайские торговые делегации, часто нарушавшие первое постановление, как правило, санкции не налагались [Там же. С. 86]. Хотя дипломатические отношения между Северной Сун и японским двором не были установлены, сунские корабли из порта Нинбо часто швартовались у японских берегов. Сначала императорский двор, отталкиваясь от докладов Дадзайфу, сам посылал послов для закупки предметов *карамоно*, однако постепенно это стало задачей Дадзайфу [Сэки Сюити, 2015. С. 20–21].

Несмотря на попытки императорского двора пресечь развитие нелегальной торговли, уже к правлению императора Итидзё (986–1011), т. е. к концу X в., в Японии постепенно сформировался черный рынок. Согласно корейским

историческим источникам, в то время торговцы приезжали из Цусима, Сацума, Икиносима, Тикудзэн. Как правило, их деятельность была инициирована крупными провинциальными землевладельцами и местной администрацией [Фершюр, 2016. С. 92]. В то же время нельзя сказать, что правительству было ничего неизвестно об этой подпольной деятельности, но каких-либо жестких мер в отношении ее организаторов ни двор, ни чиновники Дадзайфу не предпринимали. Последние с большой долей вероятности даже состояли в сговоре с нелегальными торговцами.

К середине XII в. частная торговля, все еще оставаясь нелегальной, приобретает значительный размах. Во многом этому способствует назначение Тайра-но Киёмори (1118–1181) в 1158 г. главой управления Дадзайфу. Своих родственников он назначал на ключевые посты в управлении о.Кюсю и поручал им держать контроль за торговыми портами. Кроме того, имея в собственном владении ряд территорий вдоль побережья Внутреннего Японского моря, он провел реновацию в порту Оовада-но томари (г. Фукухара), который постепенно превратился в один из важнейших центров японо-китайской торговли. В 1170 г. сунские торговцы преподнесли Тайра-но Киёмори и отрекшемуся императору Го-Сиракава (1127–1192) предметы *карамоно* и письменные принадлежности⁴. Эта деталь свидетельствует о том, что Киёмори осуществлял частную торговлю, не считаясь с монопольными правами Дадзайфу [Фершюр, 2016. С. 94].

В 1173 г. Тайра-но Киёмори отправил ответное письмо и дары в Цинъюань (Нинбо). Данный прецедент положил начало «выходу из тени» частной международной торгов-

⁴ Согласно документу 寛平の御遺誡 Кампё-но гоюикаи, прямое взаимодействие императора и иностранцев было запрещено. Этот прецедент вызвал острую критику в обществе.

ли⁵. В результате торговые отношения с Сун существенно расширились, сунские корабли стали заходить во Внутреннее Японское море и торговать через порт Оовада-нотомари. Для того времени это было неслыханным событием, поскольку существовал запрет на въезд иностранных судов. С 1175 г. в китайских источниках появляются упоминания о так называемых «выброшенных на берег» японских торговцах, прибывавших в Сун. Вероятно, они были послами, отправленными местными властями и провинциальными землевладельцами [Кавадзоэ Фусаэ, 2014. С. 99–100].

Японский исследователь Ватанабэ Макото предложил классифицировать всю торговую деятельность XI–XII вв. с участием товаров *карамоно* по нескольким категориям:

- официальная торговля (公貿易 *кōбōэки*), которая осуществлялась императорским двором через управляющих Дадзайфу;
- частная / народная торговля (私貿易/民間貿易 *сибōэки / минкан бōэки*), т. е. вся остальная торговая деятельность различных слоев населения, которая осуществлялась под контролем Дадзайфу;
- контрабандная торговля (密貿易 *мицу бōэки*), т.е. любая нелегальная торговая деятельность, осуществлявшаяся за рамками государственной системы управления торговлей (Цит. по: [Сэки Сюити, 2015. С. 22]).

Благодаря составленному в 1050 г. Фудзивара-но Акихира памятнику «Новые записи о *саругаку*» (新猿樂記 *Син саругакуки*) удалось установить, что к числу наиболее востребованных товаров из числа *карамоно* в XI в. относились различные ароматические вещества (аквилярия,

⁵ При этом поражение клана Тайра в борьбе с кланом Минамото в решающей битве 1185 г. предоставило большие возможности для других представителей японской элиты получать доступ к ведению торговли с иностранными купцами [Османов, 2015. С. 46].

мускус, гвоздичное дерево), натуральные красители (цезальпия, глянec), шкуры леопардов и тигров, узорчатый шелк, парча, пряжа алого цвета и пр. [Витязева, 2013. С. 175]. Во второй половине XII в. торговля предметами роскоши сосредоточилась в руках рода Тайра, из-за чего даже императорская семья не могла получить свободный доступ к покупке вещей *карамоно*. Поскольку предметы *карамоно* были не просто показателями благосостояния, но наделялись важной функцией демонстрации статуса, представители рода Тайра таким образом не только упрочили свое финансовое благосостояние, но также получили возможность оказывать давление на политических оппонентов [Кавадзоэ Фусаэ, 2014. С. 103–106].

Еще одним важным участником внешнеэкономических отношений в XII в. была северная ветвь рода Фудзивара (более известная как род Осю Фудзивара 奥州藤原). С одной стороны, средства, которые поступали от Северных Фудзивара в императорскую казну, были одним из главных источников процветающей торговли Тайра-но Киёмори и сунского Китая. С другой стороны, род Осю Фудзивара также активно занимался развитием инфраструктуры, необходимой для торговли: строились дороги в регионе Тохоку, были отстроены порты от Цуруга до Дэва. Неизвестно, существовал ли в действительности самостоятельный северный морской путь, или товары из Хаката отправлялись в северные порты, минуя столицу, но это в какой-то степени проливает свет на происхождение многочисленных вещей *карамоно* в ставке Осю Фудзивара в Хирайдзуми (например, белой сунской керамики, включая фарфоровые сосуды с четырьмя ручками).

Несомненным и важным доказательством существования активных морских торговых маршрутов между материком и Японским архипелагом служит ряд важных находок затонувших китайских судов, обнаруженных в 70-80-х гг. XX в. у побережий юго-восточного Китая и на юго-западе Корейского полуострова. Предположительно торго-

вые корабли следовали из южных морских портов Китая (совр. Нинбо, Гуанчжоу, Ханчжоу, Цюаньчжоу) в японский порт Хаката (совр. Фукуока).

Основными торговыми партнерами сунского Китая были страны южных морей, Индия, страны Ближнего Востока, а также и ближайшие соседи – Япония и Корея. Китайские товары в больших количествах экспортировались, включая медные монеты, шелк, чай, печатные книги, керамику, лакированные и ювелирные изделия, рис и другие зерна, благовония и специи. В обмен на это в порты восточного Китая отправляли лакированные изделия, селадон, драгоценные металлы, лошадей и волов из Кореи и Японии; в порты южного Китая привозили ароматическую древесину, специи и перья птиц из Юго-Восточной Азии; из Индии приплывали корабли, нагруженные специями, драгоценными камнями и тканями [Glahn, 2014. P. 264].

В XII–XIV вв. доминирующим торговым путем японо-китайской торговли становится путь Цинъюань–Хаката. Причиной этому стало более близкое расположение двух портов по отношению друг к другу (путешествие занимало семь–восемь дней), в отличие от более отдаленных южных портов Фучжоу, Цюаньчжоу и Гуанчжоу. В Хаката японцы продавали торговцам серу, древесину, золото, жемчуг и японские прикладные изделия (мечи, веера, лаковые изделия), а закупали в основном предметы *карамоно* – шелк и ткани; разные виды благовоний; ароматическую и обычную древесину; письменные принадлежности (кисти, чернильные палочки и чернильные камни); различные предметы искусства и декоративные предметы интерьера из слоновой кости, золота, серебра и драгоценных камней; буддийские писания; сунские монеты; керамику и фарфор [Yamamura, 1990. P. 358].

По мнению американского исследователя Р. фон Глана, внутренняя торговля в Японии в то время в значительной степени находилась в руках торговцев, которые были прикреплены к монастырям, таким образом получая

щедрые налоговые льготы. В XII–XIII вв. религиозные институты и аристократы стали основными заказчиками иностранного импорта. Переход от системы управляемой торговли под руководством Дадзайфу к прямой торговле между торговцами Сун и крупными землевладельцами изменил социальный ландшафт Хаката, где внутри японских поселений появился район «китайских кварталов» 唐房 (яп. *тобо:*) [Glahn, 2014. P. 275].

Более того, источники подтверждают факт строительства в порту Хаката буддийского храма Сёфукудзи (聖福寺), основанного в 1195 г. монахом Эйсаем по возвращении из Цинъюань. В 1242 г. по инициативе монаха Энни был построен второй крупный буддийский храм в Хаката – Дзотэндзи (承天寺), средства для строительства которого так же предоставили китайские торговцы⁶ [Ёккайти Ясухиро, 2016. С. 164]. Тем самым китайское торговое сообщество в Хаката проникло в местную элиту, установив тесные отношения с местными религиозными институтами и крупными аристократами. В связи с этим можно предположить, что в формировании торгового пути Цинъюань–Хаката важную роль сыграли тесные связи между представителями буддийского китайско-японского духовенства.

Однако постепенно организация внешней торговли претерпела значительные изменения. Влиятельные японцы стали самостоятельно отправлять свои корабли в Китай. Власти *бакуфу* решили поставить под контроль международную торговлю и стали отправлять свои собственные официально лицензированные суда. Город Камакура стал главным конечным пунктом морского торгового пути, который связывал Цинъюань, Хаката и Киото [История

⁶ Вскоре монах Энни покинул Хаката и перебрался в Киото, где основал монастырь Тофукудзи в Киото, который стал одним из самых мощных религиозных учреждений в Японии. Тем не менее, даже после отъезда Энни монастырь Дзотэндзи оставался тесно связанным с внешней торговлей [Ёккайти Ясухиро, 2016. С. 164].

Японии, 1998. С. 242]. Властям *бакуфу* не удалось ограничить деятельность могущественных монастырей Киото и Камакура, и частная торговля с другими странами продолжала процветать и в XIV в.

Обнаружение судна Синансон, которое затонуло у побережья Кореи в 1323 г., свидетельствует о сохраняющейся важности торговых связей Цинъюань–Хаката. По-видимому, затонувшее судно было заказано монастырем Тофукудзи в Киото для получения монет и товаров из Китая, чтобы профинансировать восстановление монастыря после разрушительного пожара в 1319 г. [Glahn, 2014. P. 279]. По-видимому, фактическое оснащение судна в Цинъюань было предпринято китайскими торговцами, присоединенными к храму Дзотэндзи, который к тому времени стал одним из главных храмов ветви, связанных с Тофукудзи. Здесь мы можем видеть решающую роль, которую сыграла торговая сеть Цинъюань–Хаката в организации торгового обмена между Китаем и Японией.

На затонувшем корабле Синансон (названному так по уезду Синан-гун, вблизи которого он был обнаружен), было найдено около 8 миллионов китайских монет, примерно 20 тысяч китайских керамических изделий, около 700 предметов из металла, бутылки, бруски ароматической древесины (розового сандала), курильницы и емкости для масляных ламп. Кроме предметов роскоши *карамоно* на судне были и различные товары для повседневной жизни: медные зеркала, музыкальные инструменты, посуда, замки, гири для весов и кухонная утварь. На многих табличках *моккан*, служивших бирками для товаров, имелись иероглифические надписи с названиями храмов: святилище Хакодзакигу (筥崎宮) и буддийский храмовый комплекс Тофукудзи (東福寺), в связи с чем предполагается, что заказчиками товаров, погруженных на корабль, были японские храмовые комплексы [Ким Ёнми, 2005. С. 59–67].

Обнаружение затонувшего судна Синансон стало важным доказательством того, что в XII–XIV вв. между сунским, а затем и юаньским Китаем (960–1368) и Японией эпохи Камакура (1185–1333) существовала активная частная торговля – несмотря на то, что официальные дипломатические отношения между странами не были установлены. Изучение путей распространения товаров *карамоно* может пролить свет на анализ специфики экономических связей и ключевых аспектов морской торговли между странами Восточной Азии в Средние века. Очевидно, что большую роль в установлении международных торговых отношений стран Восточной Азии сыграли такие портовые города, как Цинъюань (Нинбо), Хаката, Ресон (причем корёский порт Ресон был важным торговым центром Восточной Азии до начала XII в., а морской путь Цинъюань – Хаката стал доминирующим в японско-китайской торговле в XIV в.). Кроме того, в период Юань порт Цинъюань стал главным торговым центром не только Китая, но и вассальной Корё, поэтому японо-корейская торговля проходила не напрямую, а через китайский порт.

Таким образом, торговые отношения Японского архипелага и материка прошли длинный путь развития: зародившись из обмена дарами между посольствами и дворами, благодаря особому отношению к товарам материкового производства в Японии они развились в масштабную торгово-логистическую сеть, которая не только охватила страны Дальневосточной Азии, но органично встроилась в систему макрорегиональных связей с Юго-Восточной, Южной и Средней Азией.

Список использованной литературы

1. Витязева О.Г. «Новые записи о саругаку» (新猿樂記 Син саругакуки) как источник по социальной истории средневековой Японии // Вестник НГУ, 2013. Т. 12, № 4: Востоковедение. С. 166–176.
2. Ёккаити Ясухирос. 14 сэги ильбон-гва воннара-ый

- хэсанкёюк-есой синансон [웃카이치 야스히로. 14 세기 일본과 원나라의 해상교역에서의 신안선]. Кораль Синансон в морской торговле Японии и Юаньского Китая в XIV в. // По материалам Международной конференции «Азиатско-Тихоокеанская морская сеть и подводное культурное наследие», посвященной 40-й годовщине начала работ на корабле Синансон. Мокпо: Куннип хэянмун хвадже ёнгусо, 2016. С. 133–194.
3. История Японии. Т. I / Под ред. А.Е.Жукова. С древнейших времен до 1868 г. М.: Институт Востоковедения РАН, 1998. 659 с.
 4. Кавадзоэ Фусаэ. Дзё:дай-но хакусайхин-во мэгуру бункаси [河添房江。上代の舶載品をめぐる文化史]. История культуры заморских товаров древности // Карамоно и Восточная Азия: история культурных обменов через товары. Бэнсэй сьуппан, 2016. С. 51–65.
 5. Мори Кимиюки. Нара дзидай-то карамоно [森公幸。奈良時代と『唐物』 // 唐物と東アジア：舶載品をめぐる文化交流史]. Эпоха Нара и карамоно // Карамоно и Восточная Азия: история культурных обменов через товары. Бэнсэй сьуппан, 2016. С. 38–50.
 6. Ким Ёнми. Синансон-гва тоджаги киль [김연미。신안선과 도자기길]. Корабль Синансон и Путь керамики. Сеул: Тхончхон мунхваса, 2005. 118 с.
 7. Моррис Айван. Мир блистательного принца: придворная жизнь в древней Японии / Айван Моррис; пер. с англ. Д.Харитоновна. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 464 с.
 8. Османов Е.М. Особенности внешней политики Японии в XII – середине XVI в. // Вестник науки и образования. 2015. №8 (10). С. 45–50.
 9. Сэки Сюити. Тю:сэй-но карамоно-то дэнрай гидзюцу [関周一。中世の唐物と伝来技術]. Предметы

- карамоно и заимствованные технологии средневековья. Ёсигава ко:бункан, 2015. 255 с.
10. Фершюр Шарлотта фон. Хэйан дзидай-то карамоно [シャルロツテ・フォン・ヴェアシュア。平安時代とからもの // 唐物と東アジア：船載品をめぐる文化交流史]. Эпоха Хэйан и карамоно // Карамоно и Восточная Азия: история культурных обменов через товары. Бэнсэй сьуппан, 2016. С. 81–96.
 11. Сэкинэ Синрю. Сё:со:ин [関根眞隆。正倉院]. Сокровищница Сёсоин. Токио: Сёгакукан, 1990. 152 с.
 12. Glahn Richard v. The Ningbo–Hakata Merchant Network and the Reorientation of East Asian Maritime Trade, 1150–1350 // Harvard Journal of Asiatic Studies, 2014. Vol. 74, no. 2. P. 249–279.
 13. Morris I. Nationalism and the Right Wing in Japan. London: Oxford University Press, 1960. 476 p.
 14. Yamamura Kozo. The Growth of Commerce in Medieval Japan // The Cambridge History of Japan, Vol.1 // Cambridge University Press, 1990. P. 344–395.

The Drums of Osaka. Notes on Noda Ebisu Matsuri

Introduction. Fieldwork and methodology

For the past three years (starting in 2017) I have been doing research on what is generally known as one of the three great festivals of Japan, Tenjin Matsuri¹, with a focus on one of the main groups (kô) involved in its organization, Ôtori Mikoshi Kô. Some preliminary results of my research have been published in “The Summer Phoenix: Community and Masculinity within the Ôtori Mikoshi Group” (Tamas 2019), but in order to acquire a better understanding of the subject of my analysis, an element (or more) of comparison became necessary. That is why on July 19, the eve of Noda Ebisu Matsuri, I received permission to follow the Taiko Naka group as they were taking the drum around the neighborhood in preparation for the main day of the festival, July 20, when the god Ebisu is supposed to descend and revel in the celebrations together with the parishioners.

The purpose of this research is to investigate the role matsuri play in contemporary Japanese society, my hypothesis being that they provide support in establishing social relationships and community ties.

Most research on matsuri published in Japanese tends to focus on the historical and ethnographical aspects of the phenomenon (and the examples would be too many to list here), while the research published in English displays a tendency towards ritual studies, as well as a structural approach, as can be observed in Herbert Plutschow's comprehensive *Matsuri: The Festivals of Japan: With a Selection from P.G. O'Neill's Photographic Archive of Matsuri*

¹ Often translated as “festival”, matsuri represents the time when the divine spirits are welcome among mortals, “receiving offerings and being properly entertained with artistic performances and feasts, so that they would be pacified” (Fukuta & al. 2000: 577) For consistency purposes, the word matsuri will be used throughout the text.

(2007). My perspective is closer to that of Michael Ashkenazi (Matsuri. Festivals of a Japanese Town. 1993), who focuses not only on religious and symbolic meaning, but also on the relationship between matsuri and people's daily lives, economic and social background, as well as the network connecting the various smaller communities. Satsuki Kawano's 2005 book follows a similar pattern of analysis, where the performance of a ritual or a matsuri is closely associated with the daily existence of the individual and the community². The innovative part of my research is that I am focusing on matsuri conducted in a big urban center (Osaka being the second largest city in Japan), a situation that most definitely influences the inner mechanisms of the events, as well as the relationships among the participants and organizers. Another addition is the attempt to define the masculinity displayed and constructed on the matsuri stage. In a day and time when gender and "traditional" roles have become fluid and ever changing, an investigation not only into the role of the "matsuri men", but also into how they perceive themselves and are perceived by others can only lead to a better understanding of Japanese society.

According to Harris and Johnson (2007: 4), fieldwork implies "firsthand experience with the people being studied. It involves integration into a community through long-term residence and knowledge of the local language and customs while maintaining the role of observer." The fact that I attended Noda Ebisu Matsuri on a single day should not be interpreted as a superficial approach to the topic: I actually live in the area, and after the festival ended I met multiple times with several long-term participants in order to conduct interviews. The main methods I used were participant observation — which "places the ethnographer at the scene where a combination of direct observation and interviewing provides the evidence from which the ethnographic accounts

² "Ritual life is not so much about individual faith as it is about securing the well-being of their families and communities." (Kawano 2005: 23)

are constructed” (Harris and Johnson 2007: 4) — and in-depth interviews with the participants after the matsuri ended. Although my initial purpose in attending the event was the opportunity to compare the inner mechanisms of two exclusively male groups, being there made me realize that Noda Ebisu Matsuri is a fairly unknown sacred event on the larger Osaka stage. The volume dedicated to Osaka Prefecture from the extensive Sairei Gyôji series (Ôfû 1993) mentions two events taking place at the nearby Ebisu Yasaka Shrine, but Noda Ebisu does not even appear in the index at the end of the book. In 2009 the Osaka Museum of History hosted a special exhibition focused on the matsuri of Osaka³, and again Noda Ebisu Matsuri was conspicuously absent. It does not appear in the photographic album dedicated to the Showa Era Osaka (Jurinsha 2018) either, although a photo of the Moyôshi Daiko from Yasaka Shrine (not to mention the very famous Tenjin Matsuri Moyôshi Daiko) is included on page 204. Taking into account all these elements, I consider that Noda Ebisu Matsuri is worth further analysis, both as an example of preserving ritual values within a local community, as well as one more element defining Osaka culture.

Noda Ebisu Matsuri and community ties

According to the shrine records and a stela preserved within the shrine precincts⁴, Noda Ebisu Shrine dates back to 1115, the main deities worshipped there being Kotoshironushi-no-Ôkami, Amaterasusume-Ôkami, and Yahata-no-Ôkami. It may come as a surprise that a shrine that bears the name of the god Ebisu, and where the main annual events are conducted (in January and July) in its honor, should have three other deities as the main object of worship, but this appears to be due to the fact that during the Meiji Restoration, when Shinto was reorganized and strictly

³ http://www.mus-his.city.osaka.jp/news/2009/osakanomatsuri/osakanomatsuri_item.html (Accessed on October 30, 2019)

⁴ <https://www.noda-ebisu.com>

implemented as a state religion (Hardacre 2017, Lewis 2018), the shrine was compelled to register its name, architecture, and deities worshipped with the central government. At that time, the main kami indicated in the details submitted to the state was Kotoshironushi-no-Ôkami.

According to the shrine website, this apparent contradiction can be explained through the fact that Kotoshironushi-no-Ôkami, the son of Ôkuninushi-no-Kami, was found fishing at Miho-no-Saki (in Izumo county) at the moment when the Land of Japan was transferred (kuni yuzuri) from the divine beings to their human descendants, who established the Imperial House. Kotoshironushi-no-Ôkami becomes thus associated with a deity of the sea and protector of the fishermen — the god Ebisu, who had been worshipped in the area for centuries. The story of Ebisu dates back to the first records of Japan, Kojiki (712) and Nihonshoki (720). Hiruko (his name has often been translated as “leech child”) was the first offspring of the primordial couple Izanagi and Izanami. However, during their marriage ritual, after descending from heaven and going around the Heavenly Pillar, the goddess Izanami spoke first in invitation, and the child born from her union with Izanagi could not use his feet. The gods saw this as a mistaken ritual, as it was not for the female to speak first, and they decided to cast away their failed creation, the result of Izanami’s hubris. Hiruko, like Moses, was put in a reed basket and cast into the water. Nevertheless, it was precisely his unlucky birth that seemed to ensure Hiruko’s destiny as a god of good luck. In later stories, Hiruko turned into Ebisu, a maritime deity and one of the seven Gods of Good Luck (Tamas 2019; Nihon Fûzoku Shi Jiten 1979). As a patron of commerce (not just fishing or fish trading), Ebisu is celebrated at shrines all over the Kansai area in January, during a matsuri known as Tōka Ebisu — the Tenth-Day Ebisu, which is also the main annual event at Noda Ebisu Shrine.

However, Noda area was neighboring the large urban center Osaka (nowadays it is actually a part of Osaka City),

where summer matsuri were conducted as a form of goryô-e⁵ — rituals meant to pacify wrathful gods and prevent epidemics, and as such the local summer traditions were combined with the beliefs in god Ebisu to create Noda Ebisu Matsuri. The festival takes place on July 19th (yoimiya—the eve) and July 20th (honmiya — the main celebration day), and the god is offered entertainment in the form of a big drum constantly beaten by six men, a danjiri (an elaborately carved parade float), and a hoko (another type of parade float decorated with a sea bream — the symbol of the god Ebisu, who is often represented holding such a fish). In contrast with Tenjin Matsuri, where besides the permanent participants / organizers there are people who join only on the day of the festival to help carry the mikoshi⁶, Noda Ebisu Matsuri is entirely supported and organized by the local community. This is apparent not only in the fact that all the participants have known each other for years (with minor exceptions, they all still live in the same neighborhood), but also in the type the hospitality offered by the local bars and restaurants, who prepare food and drinks for the participants to enjoy when taking breaks during the festival. These special

⁵ Goryô-e — a religious practice popular in the ninth and tenth century Japan, which is also the origin of the famous Gion and Tenjin Matsuri. “Offering the spirits proper burial and enshrinement was, apparently, one of the means of appeasement. Indeed, several Japanese shrines are dedicated to evil spirits in an attempt to put them to rest. Enshrinement also entailed proper and regular worship, including periodic matsuri organized on the spirits’ behalf, called goryô-e, or Meeting with the August Spirit. These were usually as gay and lavish as possible in order to counteract the spirits’ dark, evil natures.” (Plutschow 2007: 83; Tamas 2018)

⁶ The accepted English version of the word mikoshi is “sacred portable shrine,” but the Japanese version will be used in the text as it is more appropriate from a conceptual point of view.

arrangements indicate a clear difference between Tenjin Matsuri — an event of a much larger scale, where only water and tea are prepared for the mikoshi carriers at places designated in advance — and Noda Ebisu Matsuri, a local celebration that becomes an opportunity for the community members to reconnect and enjoy the festivities together. The social and psychological significance of commensality has been often discussed by anthropologists, and I am not going to insist on the topic as it is not the focus of this paper. However, I must mention that it was one of the most outstanding things that happened on July 19th, when the drum was taken around the neighborhood. Once in a while, a group of participants would enter a small restaurant, closed to the general public, where food and drinks were awaiting — a small sign of gratitude for the sacred work they were performing on behalf of the community.

One of my informants, Mr. Kôji Komori⁷, stated that there are people whom he can meet only on the matsuri days, and this becomes a particularly happy occasion for him. Mr. Komori was not born in the area and joined the matsuri as an adult (which means that he has never been a drummer), having been invited by a customer of the restaurant where he worked at the time (27 years ago). After almost three decades of experiencing Noda Ebisu Matsuri, Mr. Komori emphasized its ludic aspect—two days when men can forget about their daily, ordinary lives, while drinking and partying with neighbors and friends.

The particular ties that connect the Osaka society as a whole became even more apparent for me during the process of being introduced to Noda Ebisu Matsuri, which set in motion a whole set of connections between matsuri organizers: the leader of Ôtori Mikoshi Kô talked to the leader of Tama Mikoshi, the other grand mikoshi paraded on the streets of Osaka during Tenjin Matsuri, which is supported by people working for the Osaka Central Market.

⁷ Interview conducted on October 15, 2019.

The market is the locus where fishermen, fish wholesalers, distributors, and restaurant owners meet, and many of them are affiliated with Noda Ebisu Shrine, so through this network I received an introduction to the Taiko Naka Group, thanks to Mr. Naoki Inoue, a local resident who “transferred” to Tenjin Matsuri after having taken part in Noda Ebisu Matsuri for many years. Although strong feelings of attachment towards the local (and smaller matsuri) are a given among the participants, it is not unusual for them to be involved in the performance of Tenjin Matsuri as well, since the latter is an event of such scale that it would be impossible for the Tenma community (the original area where Tenjin Matsuri developed) to conduct all the ritual practices without external support.

Masculinity re-asserted

The first thing I was told after having been introduced to one of the leaders of the Taiko Naka group was “I’m afraid it may sound discriminatory, but please do not touch the drum.” The discriminatory aspect was that only men are allowed to touch the drum, which is ritually purified before the matsuri. The fact that women are seen as polluted and therefore not allowed to come into contact with certain objects is something that I will discuss in more detail at a further time. For the purposes of this paper, I must mention that a similar taboo exists in relation to the Ôtori mikoshi as well, but it applies only on the matsuri day (July 25th), when the kami (deities) are assumed present among the mortals, patiently awaiting to be taken around the city in the sacred carriage in order to see how their worshippers are faring. According to Mr. Yoshiki Miyamoto (the group leader), before and after July 25th women may touch the mikoshi, as it returns to the state of profane object, no sacred presence involved. Nevertheless, not all members of the group agree, some considering that the mikoshi should never bear a female’s touch. This seems to be the general opinion among the Taiko Naka members, although few can actually articulate the reason for this interdiction, a tendency which supports

Fabio Rambelli suggestion that “from the perspective of religious objects and their role in everyday Japanese life, the presence of religion is far more pervasive than people usually acknowledge.” (2007: 2) Mr. Miyamoto, for example, is aware of the reasoning behind the taboo because he does research on Shinto and shrines due to personal interests, but other members of the group, just like the Taiko Naka members, would find it difficult to explain why certain things are done (or not done) the way they are. More than an acknowledged religious meaning (which is nevertheless there, on a subconscious level), objects such as the mikoshi or the drum elicit feelings of personal attachment.

Mr. Mitsuyasu Toyoda⁸ compared the drum with a woman — being a drummer gives you the same feeling of exhilaration as when you are together with the woman you love. We may ignore the romanticized approach, yet it is undeniable that unless a mechanism deeper than the mere desire for entertainment is at work, it would be difficult to explain why the men involved in matsuri would make such physical and often financial efforts every year during the two days they dedicate to the gods. Mr. Toyoda has belonged to the Taiko Naka group for 26 years — since he was in junior high school. During the first year of junior high school he decided he wanted to become a drummer because he liked the red hats they got to wear during the festival, but was told that newcomers must come as a group of six. At any time, the drum is beaten by six drummers, three on each side, wearing the characteristic tall red hats; at Noda Ebisu Matsuri they are called *uchiko* (literally, “those who beat,”), while their Tenjin Matsuri counterparts are known as *ganji*. It took Mr. Toyoda two years to find five friends willing to join him, and in his third year of junior high school, he finally started training as an *uchiko*. The *uchiko* are organized according to a strict hierarchy: *Sakura* (“Cherry blossom” — the youngest), *Ume* (“plum blossom”), *Take* (“bamboo”), and *Matsu*

⁸ Interviews conducted on October 18 and October 21, 2019.

(“Pine”). Take and Matsu are the most experienced levels, with only six drummers belonging to each, while Sakura and Ume may (and usually do, although recently the declining birthrate has affected the matsuri as well) have more than one group. Mr. Toyoda’s friends quit after one year, but he stayed on — the rule of joining together applies for the first year only — and gained the appreciation of his elders for the effort he was willing to make. He was named responsible for the Sakura level, a position he kept as he advanced to Ume (where he was in charge of the Sakura uchiko as well), and Take, where he was the hittôbô (leader). While the Sakura and Ume drummers are children or teenagers, Take and Matsu are made-up of experienced young men who perform only at designated places, and at special times. The Take group must beat the drum in front of Noda station — a special performance for those in attendance, as well as passersby, in the shopping arcade, and at the entrance to the shrine, in preparation for the Matsu uchiko taking the stage.

The Matsu drummers only perform inside the shrine, and their task is the most difficult. If the other groups beat the drum while it is carried around the neighborhood, announcing the imminent arrival or presence of the god, and greeting the people from the area, Matsu must put on a sacred show. Once it passes through the shrine gate, the drum is rapidly pulled towards the main hall, and crashed against the stone steps; the uchiko must keep drumming, paying attention (like any good performers) to rhythm and their elegant, circular arm movements. According to Mr. Naoki Inoue, who experienced both Tenjin Matsuri and Noda Ebisu Matsuri for many years, having been an uchiko himself, the drum beating style from Tenjin Matsuri is very simple and can easily be remembered, while the one from Noda Ebisu Matsuri is more complicated and requires extensive training. My personal observation supports this statement: uchiko use far more intricate arm movements than the ganji, the visual effect being that of swirling spirals contrasted with straight lines and sharp angles. What the uchiko and ganji have in

common are the athletic feats they must perform when the drums, this time carried on the shoulders of the participants, are turned to one side, so that three drummers are close to the ground, while the other three are high in the air. This spectacular element is called *kara usu* at Tenjin Matsuri, and has been designated as an intangible cultural property by Osaka Prefecture.

Such contexts become the ideal stage for a type of assumed and displayed masculinity; both Ōtori Mikoshi and Taiko Naka are exclusively male groups, but for whom do they perform and why? My initial conclusions regarding the Ōtori Mikoshi Group was that they embody a type of village masculinity (Tamas 2019), a “superior masculinity... based on their maturity” (Frühstück & Walthall 2011), yet I believe this is a topic that requires further analysis. In both cases my informants stated that it is important for them to have that special time every year when they work together, men only, for a common goal that not only gives them a feeling of well-being, but also strengthens their ties with the local community. They all acknowledge that it is hard work; Mr. Toyoda, for example, said that practice was hard, and the performance on the actual matsuri days was even harder, because they felt compelled to put on a good show. To quote him, “It’s not interesting, and it’s not fun while you do it. But once it’s over you realize it was good and you can enjoy that feeling.” This kind of fairly ambiguous answer is not the only one I received when asking the participants, both from Tenjin Matsuri and Noda Ebisu Matsuri, why they do it, what motivates them to spend time and money, as well as put in a considerable amount of physical effort for the sake of a divine being they are not even aware of most of the time. The relationships within the community are important, but one might think that they can be established and maintained in easier ways than carrying one and a half tons on one’s

⁹ https://www.tenjinmatsuri.com/tenjinmatsuri_navi/yoimiya_shinshin/moyoshidaiko (Accessed on October 30, 2019).

shoulders, or beating a drum for two days. However, it seems that this is the one time a year when the 21st century definition of gender is ignored, and men can return to *illo tempore* (to use Mircea Eliade's reference to the sacred time), when "men were men," supposed to do heavy work, stronger and more powerful than women, their place in society being well defined and uncontested.

Topics for future research

Since this paper is the result of a single participant observation, I do not presume to be able to draw pertinent conclusions at this time. However, as I stated in the beginning, I do believe that Noda Ebisu Matsuri and its impressive drum deserve not only further analysis, but also to be recorded as a significant ritual and social practice characteristic to Osaka culture. Tenjin Matsuri's *Moyōshi Daiko* may be the most famous (although its role, according to some participants, is less relevant in terms of the sacred and more related to that of an outstanding emissary announcing the arrival of the divine being), but it is not unique. Some researchers consider the drum from Ikutama Shrine to be the oldest from a ritual perspective (not the object currently in use), and similar instruments appear at Sumiyoshi Matsuri and other local festivals. The *Taiko Naka* from Noda Ebisu Matsuri is important not only due to the complicated drumming style, but also as an example of continuity despite social changes; it is a phenomenon that has survived urban development and decreased natality, and hopefully it will be preserved in the future as well.

Through further participant observation and interviews I hope to be able to offer some clear answers to questions related to the inner mechanisms of the group, the hierarchical relationships between members, their ties with the community, and the way masculinity is envisioned and constructed within the group.

References

1. Ashkenazi, Michael. 1993. *Matsuri. Festivals of a Japanese Town*. University of Hawaii Press
2. Frühstück, Sabine & Walthall, Anne. 2011. *Recreating Japanese Men*. University of California Press
3. Fukuta, Akio et al., 2000, *Nihon Minzoku Daijiten*, vol. 2, Tokyo: Yoshikawa Kōbunkan
4. Hardacre, Helen. 2017. *Shinto. A History*. Oxford University Press
5. Harris, Marvin & Orna Johnson. 2007. *Cultural Anthropology*. Pearson Education
6. Kawano, Satsuki. 2005. *Ritual Practice in Modern Japan. Ordering Place, People, and Action*. University of Hawai'i Press
7. Lewis, David C. 2018. *Religion in Japanese Daily Life*. Routledge
8. *Nihon Fūzoku Shi Jiten*. 1979. Kōbundō
9. *Ôsaka Shi no Shōwa. Shashin Arubamu*. 2018. Jurinsha
10. Plutschow, Herbert. 2007. *Matsuri: The Festivals of Japan: With a Selection from P.G. O'Neill's Photographic Archive of Matsuri*. Taylor and Francis. Kindle Edition.
11. Rambelli, Fabio. 2007. *Buddhist Materiality: A Cultural History of Objects in Japanese Buddhism*. Stanford University Press
12. *Sairei Gyōji. Ôsaka Fu*. 1993. Ôfû
13. Tamas, Carmen Sapunaru. 2019. *Ritual Practices and Daily Rituals. An Introduction to the World of Matsuri*. Pro Universitaria

ГЛАВА 7. ЯПОНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

Китайские исторические сюжеты и японские стихотворения вака в «Кара моногатари» («Рассказы о Китае», XII в.)

Знакомство с китайскими историческими сюжетами (историческими анекдотами) – *кодзи 故事* было обязательным для японских аристократов эпохи Хэйан. Образованность входила в число аристократических добродетелей. Отсылками к китайским сюжетам полна даже женская хэйанская проза, хотя женщины не должны были знать китайского языка. Когда поэзия на японском языке (*вака 和歌*) потеснила китайскую (*канси 漢詩*), «практическим» применением знания китайских сюжетов стало умение интерпретировать японские стихотворения *вака*, написанные на темы этих анекдотов, и умение сочинять свои стихотворения на эти темы. Поскольку *вака* – поэзия принципиально не сюжетная, *вака* на тему китайских исторических анекдотов как правило описывают эмоции героев, не называя их, так что знание самой истории абсолютно необходимо для понимания стихотворения.

В эпоху Хэйан было создано множество *вака*, опирающихся на китайские сюжеты. Темой становились строчки китайских стихотворений, как, например, в случае со стихотворениями и поэмами самого любимого в хэйанской Японии китайского поэта Бо Цзюй-и (772–846), или собственно история, отсылкой к которой могло быть имя героя или героини, или намёк на событие, о котором история рассказывает. Так, у поэтессы Исэ (Исэ-но Тайфу, 870?–940?), например, есть цикл из десяти стихотворений на темы, связанные с историей красавицы Ян-гуйфэй, описанной в поэме Бо Цзюй-и «Чан хэнь гэ» (яп. «Тё:гонка»

長恨歌 – «Вечная печаль»). В широкий поэтический обиход китайские сюжеты вошли с появлением антологии «Вакан ро:эйсю:» (和漢朗詠集 «Собрание японских и китайских песен для декламации», ок. 1013), эта антология включает строки из китайских стихотворений (написанных китайскими поэтами и сочиненных японскими авторами) и стихотворений-вака. Один из подразделов раздела «Разное» озаглавлен «Ван Чжао-цзюнь». В этот подраздел входят восемь стихотворений, одно из них — стихотворение-вака Фудзивара-но Санэката (?–998). Первой императорской антологией, в которую были включены стихотворения на тему «Ван Чжао-цзюнь» была четвертая императорская антология «Госю:и вакасю:» (1086), в которой есть три стихотворения, которым предшествует предисловие-котобагаки: «О: Сё:кун-о ёмэру» (сочинено о Ван Чжао-цзюнь). История Ван Чжао-цзюнь была одной из самых любимых в хэйанской Японии. Это история о том, как одна из красавиц императорского гарема была отдана варвару и была вынуждена уехать в дальние края, сюжет представлен и в сборнике «Кара моногатари» (唐物語 «Рассказы о Китае»).

«Кара моногатари»¹ – сборник китайских исторических анекдотов. Текст состоит из 27 отдельных историй, очень разных по объёму, от нескольких предложений и до достаточно длинной истории (в русском переводе 0,5 а. л.) о знаменитой красавице Ян-гуйфэй². Основными художест-

¹ Текст памятника известен по целому ряду рукописей, начиная с 1809 г. несколько раз издавался ксилографически. В работе над текстом памятника использовано несколько изданий, в т.ч. Комментированное издание с переводом на современный японский язык: Кара моногатари / под ред. Кобаяси Ясухару. Токио: Коданся, 2003. Все цитаты из «Кара моногатари» в статье даются по этому изданию. Памятник переведен на английский и итальянский языки.

² Перевод на русский язык и анализ данного отрывка: Торопыгина М. В. История о Сюань-цзуне и Ян-гуйфэй в японском памятнике XII в.

венными особенностями данного произведения являются литературный японский язык и наличие одного или нескольких стихотворений-вака в каждом эпизоде.

Поскольку ни одна из рукописей текста «Кара моногатари» не помещает имени автора и даты создания произведения, датировка и атрибуция памятника оказались чрезвычайно затруднены. Первой литературоведческой работой, на которую до сих пор ссылаются исследователи, является очерк учёного-кокугакуся Симидзу Хамаоми (1776–1824) «Кара моногатари тэйё:» (唐物語提要 «Краткий очерк “Кара моногатари”»)³, который предвзял ксилографическое издание памятника, выпущенное в Эдо в 1809 г.⁴ Симидзу Хамаоми определил время написания произведения как конец эпохи Хэйан, однако многие более поздние исследователи видели в произведении черты камакурской литературы и относили время создания к эпохе Камакура.

Имя возможного автора произведения было названо в 1954 г., когда был обнаружен каталог с названием произведения и именем автора. После того, как О:та Сё:дзиро: (1913–1987) опубликовал статью о своей находке⁵, автором стал считаться аристократ конца эпохи Хэйан Фудзивара-но Сигэнори (1135–1187), соответственно

«Китайские истории» («Кара моногатари»). <История об императоре Сюань-цзуне и Ян-гуйфэй> // Вопросы философии. 2020. № 2. С. 133–144.

³ Кара моногатари тэйё: [«Очерк “Кара моногатари”»] // Кокубун тю:сяку дзэнсё («Полное собрание отечественной классики с комментариями»). Токио: Кокугакуин дайгаку соппанбу, 1910. С.130-134. URL: <https://archive.org/details/kokubunchushakuz15muroouoft/page/593/mode/2up> (дата обращения 11.06.2020).

⁴ Кара моногатари. Эдо, Кинкадо:, [1809] URL: <https://kotenseki.nijl.ac.jp/biblio/200016583/viewer/1> (дата обращения 11.06.2020).

⁵ О:та Сё:дзиро:. «Со:ка соси» сёсаи «Косэки касё мокуроку» («Каталог старинных записей о японской поэзии» в «Со:ка соси») // Нихон гакусиин киё:. Т.12, №3 (1954). С.169–186.

в датировке вернулись к высказанной Симидзу гипотезе, то есть концу эпохи Хэйан. Поскольку на автора указывают только косвенные данные, причем имеется лишь одно упоминание, к тому же в названии произведения «Китай» записан не иероглифом 唐 *кара*, а иероглифом 漢 *кан*, исследователи, пишущие сейчас о «Кара моногатари», хотя и согласны с авторством Сигэнори, но никогда не забывают упомянуть, что авторство и датировка по-прежнему остаются под вопросом.

Источниками «Кара моногатари» являются исторические и литературные китайские тексты. Поскольку большинство историй – известные сюжеты, они излагаются в разных китайских текстах и в большинстве случаев трудно выявить непосредственный источник, тем более что все истории адаптированы к принципам создания японских художественных произведений. Сюжеты одиннадцати историй находят соответствие в китайском сочинении, по которому в Японии столетиями знакомились с китайскими историческими сюжетами – тексте «Мэн цю» (яп. «Мо:гю:» 蒙求 – «Незрелые ищут»). Шесть сюжетов связаны с произведениями Бо Цзюй-и, в том числе с циклом «Новые юэфу». Из 27 историй «Кара моногатари» лишь две истории не имеют китайских источников, это история 9 – о том, как было создано популярное в Японии произведение Чжан Вэнь-хэна (658?–740) «Ю сян ку» (яп. «Ю:сэнкоцу» 遊仙窟 – «Пещера странствующих бессмертных») и 27 – о том, как пёс становится мужем двум женщинам, живущим в отшельничестве.

Почти все истории кратко излагают сюжет и лишены каких бы то ни было отступлений. Исключение составляют история Ян-гуйфэй, которая могла существовать вне текста «Кара моногатари», и отрывок 17, рассказывающий историю преступлений императрицы Люй-хоу, который включает эпизоды, не относящиеся непосредственно к основному повествованию.

В «Кара моногатари» автор особенно много уделяет внимания отношению между женщиной и мужчиной, рассматривая этот вопрос с самых разных сторон. Так, в истории 3 жена господина Цзя не любит его за некрасивую внешность. В истории 4 некрасивой является жена, но это не так важно, поскольку она любит мужа и преданно ему служит. Потеря мужа (возлюбленного) или жены (возлюбленной) – тема целого ряда историй (8, 12, 13, 15, 18, 23).

Социальный состав героев историй разнообразен. Сверхъестественных событий в сюжетах «Кара моногатари» происходит мало. В истории 11 птица хоо (феникс) уносит на небо чету музыкантов. В истории 16 ханьский У-ди ищет эликсир бессмертия, в истории появляется владычица Запада Сиванму и бессмертный Дун Фаншо. В истории Ян-гуйфэй даос посещает остров бессмертных. Общий тон произведения – светский, буддийских мотивов немного.

Состоящие из отдельных историй литературные произведения очень характерны для японской словесности. Такое построение текста всегда вызывает вопрос, насколько случайна или неслучайна последовательность историй. Поскольку в «Кара моногатари» можно найти общую тему, то можно найти и связки между историями, однако поскольку существует рукопись с другим порядком историй⁶, приходится констатировать, что строгий порядок историй – не обязательное условие существования произведения.

Исследователи отмечают в произведении черты двух жанров японской хэйанской литературы: *сэцува* и *ута-моногатари*. Поскольку вопрос отсутствия в японской литературе строгих жанровых границ много раз обсуждался в японистической литературе, замечу лишь, что у произведений этих двух жанров много общего, в частности, ряду произведений обеих жанров свойственна структури-

⁶ См. Кара моногатари. С. 374.

рованность отдельных эпизодов. Определенную структурированность можно найти и в эпизодах «Кара моногатари».

Зачином «Кара моногатари» является слово *мукаси* (давно, давным-давно, в давние времена), с этого слова начинаются все без исключения истории. В первой фразе вводится имя героя произведения, однако время действия в большинстве случаев ограничено этим начальным «в давние времена». В тех историях, где героями являются императоры, обозначается название династии.

«В давние времена жил человек по имени Сян-жу» (история 5 рассказывает о том, как дочь из богатого дома вышла замуж за бедного человека, который позже преуспел благодаря своим талантам)

«В давние времена ханьский У-ди, после того, как Лифужэнь умерла, вздыхал по ней» (история 15).

Концовки рассказов не оформлены определенными словами. Однако их можно выделить в тексте, часто концовка – одно или несколько предложений, идущих после стихотворения. Во многих случаях, как справедливо пишет Мария Мильоре, истории «Кара моногатари» дают конфуцианские поучения женщинам⁷, однако далеко не всегда.

«Нетерпение, о чем бы не шла речь, всегда вызывает досаду. “Вернуться в родные края в парчовых одеждах” – сказано об этом человеке» (история 19 рассказывает о том, как жена уходит от мужа, поскольку не в состоянии выносить бедность. Однако, благодаря своим талантам, муж получает должность. Когда он видит свою бывшую жену, которая влачит жалкое существование, он зовет её к себе. Женщина умирает от стыда).

«Эти двое слуг ничего другого не мыслили, как только отомстить за господина, и в этом действительно есть

⁷ Migliore, Maria Chiara (2020). Sage Ladies, Devoted Brides: The Kara monogatari as a Manual for Women's Correct Behavior? *Journal of Asian humanities at Kyushu University*, Vol.5. P.81-95.

смысл. Имя их господина было Чжао Му» (история 20 о верных слугах, которые ценой своих жизней готовы спасти сына господина).

«После этого его сердце было отдано Небу, и он всё больше и больше желал стать бессмертным. По китайским повериям мудрым императорам служат все, даже бессмертные. И разве после смерти тело императора осталось, где было!» (история 16).

Особенностью прозаического языка «Кара моногатари» является его насыщенность поэтической лексикой, отсылками к «классическим» японским сочинениям (в первую очередь, это, конечно, «Гэндзи моногатари») и японским *вака*. В тексте используется очень небольшое количество иероглифов.

Все стихотворения, входящие в «Кара моногатари», написаны автором. Оформление поэтического текста в «Кара моногатари» имеет свои особенности. Видимо, чувствуящееся автором противоречие между китайским содержанием истории и стихотворением *вака*, заставляет автора полностью отказаться от поэтического диалога, которым наполнена японская классическая литература. Введение стихотворения в качестве прямой речи также редко, лишь в нескольких случаях вокруг стихотворения, перед ним или после него, есть слова, показывающие, что данное стихотворение произносит или сочиняет кто-то из героев. Удалось найти всего четыре случая специального текстуального обозначения того, что включенные в историю стихотворения сочиняют герои.

В рассказе 1, героем которого является Ван Цзы-ю, решивший в лунную снежную ночь отправиться к своему другу Дай Ань-дао⁸, но повернувший уже от ворот друга,

⁸ Перевод отрывка см. Торопыгина М. В. Интерпретация китайского сюжета «Ван Цзы-ю посещает Дая» в японской словесности XII–XIII вв. // История и культура Японии. Выпуск 12. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 32–46 (Orienslia et Classica. I (LXXII)).

не зайдя к нему, стихотворение сочиняет герой произведения.

«Кто-то его спросил: “Отчего же вы?..” — но он только ответил:

もろともに月みんとこそいそぎつれかならずひとにあは
むものかは

*моротомо-ни / цуки мин то косо / усогицурэ / канарадзу
хито-ни / ахаму моно ка ва*

Вместе // Любоваться лунной хотел, // Поэтому спешил. // А теперь разве обязательно // Встречаться с этим человеком?».

В этом рассказе стихотворение вводится фраза *тофу хито арикэрэба*, а после стихотворения стоят слова: *то бакари иитэ*.

В истории 10 речь идет о том, что вынужденные расстаться супруги разламывают зеркало, каждый берет себе половину, надеясь, что в будущем с помощью этих обломков сумеют найти друг друга. В этом рассказе два стихотворения, первое появляется тогда, когда мужчина теряет надежду найти жену. После стихотворения идут слова *каё:-ни омохикэру*, из чего понятно, что это мысли мужчины.

«まず鏡割れて契りしそのかみの影はいづちかうつりはて
にし

*масу кагами / варэтэ тигири си / соно ками-но / кагэ ха
идзутти ка / уцури хатэ ни си*

Чистое зеркало // Разделив, мы клялись в любви. // Где же ты? // Отчего ты в нем // Больше не отражаешься? — думал он».

В истории о Ян-гуйфэй восемь стихотворений. Два из них имеют обрамление. Перед одним стихотворением стоит: *микадо-но мигокоро-но ути-ни ха*.

«Император прочёл про себя:

何せんに玉のうてなを磨きけん野辺こそつゆの宿りなり
けれ

нанисэн-ни / тама-но утэна-во / мигакикэн / нобэ косо цую-
но / ядорионарикэри

Зачем // Было украшать // Драгоценный дворец? // Ведь для
росинки поле – // Последнее пристанище».

Слова каё:-ни омохицуцу, стоящие после ещё
одного стихотворения, показывают, что оно также
сочинено императором.

«Ему думалось, что лучше умереть.

もろともに重ねし袖も朽ちはてていづれの野辺の露結ぶ
らん

моротомо-ни / касанэси содэ мо / кутихатэтэ / идзурэ-но
нобэ-но / цуюмусубуран

Те рукава // Которые мы складывали вместе, // Истлели. //
Где, в каких полях, // На них ложится роса?

Погружённый в эти мысли, давясь слезами, он возвращался
изможденным, всё это невозможно описывать».

Стихотворения являются кульминацией повествова-
ния, они, как правило, помещены близко к концу, в
некоторых случаях в самом конце истории. Поскольку
стихотворения не имеют обрамляющей конструкции, их
можно воспринимать как мысли (слова) героев или
суждение автора произведения, читатель не получает
здесь подсказки. Приведу два подобных примера.

История 25.

«Когда-то давно жил ханьский император, звавшийся Юань-
ди. Среди трёх тысяч его жен и наложниц была жен-
щина по имени Ван Чжао-цзюнь, никем не превзойден-
ная в красоте. Многие в душе с неприязнью думали о

ней: “Если эта женщина сблизится с императором, нам будет не на что надеяться”.

В это время прибыл вождь варваров, он сказал: “Подарите мне какую-нибудь одну жену или наложницу из тех трёх тысяч женщин, что служат вам”. Тогда император, которому был недосуг самому рассматривать каждую, посмотрел их изображения на картинах. Видно, по чему-то наущению, только Ван Чжао-цзюнь была изображена уродливой. Получив её в подарок, вождь варваров был очень доволен и вместе с ней уехал в свою страну.

Слёз любви к родному краю было больше, чем придорожной росы. Весь путь по лесам и горам, она вздыхала, что рассталась с людьми, к которым привыкла. Так-то так, пусть и плакала в голос, но что тут поделаешь!

憂き世ぞとかつは知る知るはかなくも鏡の影を頼みける
かな

укиё дзо то / кацу ва сиру сиру / хаканаку мо / кагами-но
кагэ-во / таномикэру кана

Знала, знала, // Что в зыбком мире // Столько непостоянного.
// Отчего же полагалась // На отражение в зеркале!

Хотя он был воином, не знающим печального очарования вещей и не имеющим глубокого сострадания, он был пленен ее прелестным обликом, холил и лелеял ее, больше был занят ею, чем делами своей страны. И все же после того, как она рассталась со столицей, где жила долгие годы, и до сего дня её горестные слезы никогда не просыхали. Она полагалась только на то, что в зеркале её отражение чисто, и не знала, что людские сердца грязны».

История 3.

«Когда-то давно человек, звавшийся господином Цзя, совершенно безобразной наружности, взял себе

красивую лицом жену. Эта женщина не знала, как он уродлив, а когда вышла за него, ужаснувшись, даже хотела уйти к другому. Да что тут скажешь! С утра и до вечера, хорошо ли, плохо ли, она ничего не говорила, не улыбалась, не смеялась, жила вечно в напряжении. Мужчина думал: “Это так горько!” – он хотел, чтобы женщина говорила, улыбалась, но что для этого сделать, не знал. Прошло три года, весной они отправились в поля на прогулку. Над болотом летели фазаны, и вот муж взял лук и стрелы, и поскольку он был искусным лучником, перестрелял фазанов на лету. Когда жена это увидела, забыв неприязнь, которую испытывала годами, она восхитилась и заулыбалась. Тогда муж безмерно обрадовался.

きかましやいもがみとせのこの葉を野ざはのきぎすえ
ざらましかば

кикамаси я / имога ми тосэ-но / кото-но ха-во / нодзава-но
кидзусу / эдзарамасикаба

Как бы услышал // Первые за три года // Слова любимой, //
Когда бы фазана на болоте // Не подстрелил?

Услышав о таком, хочется все делать умело».

В ряде случаев стихотворение однозначно является выражением мыслей автора, стихотворение передаёт смысл истории. История 12 рассказывает о женщине, которая так любила мужа, что после его смерти превратилась в камень. Здесь автор помещает такое стихотворение:

ことはりや契りしことの固ければつひには石となりにけるかな

котовари я / тигири си кото-но / катакэрэба / цухи-ни ха
уси то / нариникэру кана

Оттого ли // Что любовная клятва была // Крепка, // В конце
концов // Превратилась в камень.

То, что стихотворения, включенные в «Кара моногатари» по стилю близки к эпохе Сайгё: (1118–1190) и Тэйка (1162–1241) заметил в своем очерке еще Симидзу Хамаоми. Фудзивара-но Сигэнори, поэт, которого современные исследователи считают автором «Кара моногатари», происходит из южной ветви клана Фудзивара. Сигэнори входил в высший аристократический круг (последний его ранг – старшая степень второго ранга, а должность – средний советник *тю:нагон*). Сигэнори был близок к поэтическому кругу Каринъэн, сформировавшемуся вокруг поэта-монаха Сюньэ (1113–?). В императорские антологии включены 13 его стихотворений. Стихотворения из «Кара моногатари» в число включенных в императорские антологии не входят.

«Кара моногатари» – произведение, интересное прежде всего для рассмотрения проблемы соотношения японского и китайского в японской письменной культуре. «Кара моногатари» адаптирует китайские тексты к канонам японской словесности. Прозаическая часть текста, написанная на японском языке, является не дословным переводом какого-то китайского текста, а литературным японским текстом, в котором имеются отсылки не только к китайской, но и к японской прозе и поэзии. Японские стихотворения *вака*, которые входят в каждый отрывок текста, являются своеобразным комментарием, маркируют основную эмоцию рассказа. Стихотворения могут служить образцом для сочинения *вака* на тему того или иного китайского сюжета.

**«Повесть о доме Тайра» и «История Ханьской династии»:
влияние китайской культуры
на японскую эпическую литературу конца эпохи Хэйан**

Период японской истории, получивший название Хэйан (平安, букв. «Мир и спокойствие», конец VIII – конец XII вв.) – это не только время расцвета придворной поэзии и прозы. Пока аристократы в столице занимались высоким искусством придворной интриги, флиртовали с дамами и слагали стихи, в провинциях потомственные кланы воинов расширяли свои земельные угодья, заключали союзы и сражались друг с другом, оттачивая военное мастерство. Мятеж Тайро-но Масакадо (936–941 гг.), напугавший своим размахом столичную власть, восстание семьи Абэ (1051–1062 гг.) и другие различные внутренние военные конфликты, происходившие в промежуток X–XII вв.¹, нашли своё отражение в литературных памятниках «гунки-моногатари» (軍記物語, букв. «Сказания о войнах и мятежах»).

Как известно, литература играла важную роль в жизни военных сословий. С одной стороны, исполняясь нараспев слепыми монахами-сказителями «бива-бодзу» под аккомпанемент различных музыкальных инструментов, она развлекала воинов во время пиров. С другой стороны, она, развивая их эстетическое чувство, подчеркивала этим культурное превосходство военного сословия над прочими. Литература повышала авторитет военного сословия: воспевала героев незапамятных времени, увековечивала подвиги героев современных, ставя их в один ряд с

¹ Онищенко В.А. Японские сказания о войнах и мятежах. СПб.: Гиперион, 2012. С. 5–28.

легендарными предшественниками². Ну и, конечно, литература консервировала ценности сословия, превращая их в традицию. Именно такую характеристику можно дать жанру военной эпопеи «гунки».

Первая особенность «гунки-моноготари» – это сам язык произведения, характеризующийся смешением стилистических элементов речи: «гагэн» (букв. «изыщные речения») и «дзокуго» (букв. «вульгарные выражения»)³. Иначе говоря, в «гунки» мы находим и элементы языка классических столичных романов «моноготари», и целый ряд простонародных слов. Это как нельзя лучше соответствует облику самого самурайства тех времен: высшие слои его, в лице вождей могущественных домов, были связаны с родовой знатью, а простые воины этих вождей были тесно связаны с народной массой, с тем же крестьянством. В обиходе первых имели хождение изыщная лексика и все изысканные обороты речи хэйанских аристократов; в среде вторых жил японский народный язык. Вторая же особенность заключалась во взаимодействии японских военных повестей с китайской культурной традицией: читая «гунки-моноготари» можно найти прямые отсылки к китайским классическим военно-философским трактатам, к династийным историям, к буддийским сочинениям⁴. Но несмотря на свою относительную связь с

² Серкова О.А. Сравнительно-исторический анализ средневековых героических эпопей. Литературные особенности «Повести о доме Тайра» и «Песни о Нибелунгах» // Вестник Томского государственного педагогического университета. Томск, 2012. С. 173; Aston G.W. A History of Japanese Literature. Rutland, 1977. P. 139.

³ Конрад Н. И. Очерки японской литературы. М., 1973. С. 174; Buttler D. K. The textual evolution of the Heike Monogatari // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1966. Vol. 26. P. 10.

⁴ Конрад Н. И. Указ. соч. С. 216.

«народной» средой, военные эпопеи «гунки» были в первую очередь написаны для военной аристократии: цитаты из сочинений классических китайских поэтов и философов, стихи «танка» и «рэнга» подтягивали самураев к высокой столичной придворной культуре, которая, в свою очередь, равнялась на Китай (умение сочинять стихи служило социальным и культурным лифтом для военной аристократии)⁵. Ярким примером влияния китайской классической культуры на японскую литературу является знаменитая «Хэйкэ-моногатари» (平家物語, букв. «Повесть о доме Тайра») написанная учёным-монахом Юкинагой в начале XIII в. (за основу произведения были взяты народные сказания о противостоянии рода Минамото и рода Тайра в годы войны Гэмпэй 1180–1185 гг.)⁶. Воссоздавая эпическую борьбу двух самурайских кланов, «Повесть о доме Тайра» оказала впоследствии огромное влияние на дальнейшее развитие японской культуры. Являясь своеобразной «японской Илиадой», данное произведение наполнено сокровенными человеческими драмами и эмоциями, которые происходили на фоне истории вражды между двумя самурайскими семействами, между аристократией и их вассалами, между взрослыми и их детьми. Влияние «Хэйкэ-моногатари» на более позднюю японскую литературу, мысли и нравы было настолько велико, что данное произведение можно назвать «классикой» японской средневековой литературы⁷.

⁵ Онищенко В. А. Японские сказания о войнах и мятежах. С. 174.

⁶ Конрад Н. И. Очерки японской литературы. С. 219–225; Bialock T. D. The Tales of the Heike // The Cambridge History of Japanese Literature. Cambridge, 2016. P. 300.

⁷ Buttler D. K. The textual evolution of the Heike Monogatari. P. 5.

В «Хэйкэ-моногатари» главные отсылки связаны со знаменитыми хрониками Ханьской династии (династийные истории), ставшими на долгое время для всего Дальнего Востока фактически культурным эталоном. Несмотря на то, что «династийные истории» являлись государственными идеологическими документами, отражавшими китайский взгляд на мир, именно они во многом повлияли на формирование литературы стран, находившихся под влиянием Поднебесного государства. В ходе проделанной работы было найдено 125 прямых отсылок на китайские литературные памятники (поэтические антологии, религиозные сочинения и т. д.), из них 62 отсылки связаны со следующими историческими источниками, входящими в канон Ханьских династийных историй: «Ши цзи» под авторством Сыма Цяня (史記, букв. «Исторические записки», конец II в. до н.э.), «Цянь Хань шу» под авторством Бань Гу (漢書, букв. «Ранняя история династии Хань», конец I в.) и «Хоу Хань шу» под авторством Фань Е (後漢書, букв. «Поздняя история династии Хань», первая половина V в.). Теперь же разберём некоторые фрагменты из «Хэйкэ-моногатари».

«Да, истина сия неоднократно подтверждалась во времена минувшие, в чужих пределах; вспомним судьбы Чжао Гао из царства Цинь, или Ван Мана в Ханьском государстве... Никто из них не следовал праведным путем премудрых государей, живших в древности, не пекся о народном благе, помышляя лишь об утехах праздных; внимал пустым наветам, не заботясь о роковых опасностях – о смутах, грозящих государству; и к скорой гибели привел их сей пагубный путь»⁸. В преамбуле к «первому свитку» описываются следующие исторические деятели китайской истории: Чжао Гао и Ван Ман (в дальнейшем

⁸ Юкинага. Повесть о доме Тайра: Эпос. М., 1982. С. 27–28.

автор сравнивает их с аналогичными деятелями японской истории эпохи Хэйан). Чжао Гао – евнух первого циньского императора Ши-хуана (годы правления 246–210 гг. до н.э.), вынудивший совершить самоубийство второго циньского императора – Эрши-хуана, за что сам поплатился жизнью (ханьская историческая традиция рисует его интриганом и коварным злодеем)⁹. Аналогичная ситуация и со вторым персонажем Ван Маном – ханьские историки рисуют его как честолюбца и жестокого деспота (Ван Ман, годы жизни 45 г. до н.э. – 23 г. н.э., родственник ханьского императорского дома по женской линии, в 8 г. узурпировал власть и объявил о создании своей собственной династии)¹⁰.

«"Некогда иньский государь У-дин во сне обрел доблестного вассала, а ныне я наяву утратил драгоценнейшего помощника!" Вот как велика была его скорбь! Нечто сходное бывало и в нашей стране. Не так давно покойный государь Тоба горько оплакивал безвременную кончину министра Акиёри, отменил все празднества с пением и музыкой, отложил выезд на богомолье в Яхату»¹¹. Сыма Цянь в «Исторических записках» сообщает, что однажды иньскому государю У-дину (XIV в. до н.э.) приснился мудрец по имени Юэ. "Он осмотрел своих приближенных и чиновников, но никто не был таким, как Юэ. Тогда У-дин заставил чиновников принять меры и найти мудреца вне города. Нашли Юэ в Фусяни. В это время Юэ как колодник работал на строительстве в Фусяни... Обретя Юэ и поговорив с ним, У-дин понял, что это действительно мудрый человек, и выдвинул его, сделав своим первым

⁹ Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. II. М., 2003. С. 88–97.

¹⁰ Юкинага. Указ.соч. С. 616.

¹¹ Юкинага. Повесть о доме Тайра: Эпос. С. 164.

советником. Иньское государство (с тех пор) стало хорошо управляться»¹².

Как видно из данных отрывков, сюжеты китайской «классики» сильно влияли на литературные каноны средневековой Японии. Но важно понимать, что происходило не просто копирование китайских сюжетов, а своеобразная «перекодировка» их смысловой значимости в условиях японской культурной реальности конца эпохи Хэйан. Если подробно рассмотреть последний упомянутый нами сюжет, связанный со смертью верного чиновника государя У-дина, то мы увидим разницу в трактовках. Сыма Цянь в «Исторических записках» описывает данный сюжет с позиций конфуцианской этики (неблагородный человек, преступник, благодаря своей мудрости стал первым советником правителя, его вернейшим слугой), но в «Повести...» сюжет трактуется с позиций традиционных кланово-родственных отношений (министр государя У-дина воспринимается в произведении именно как благородный аристократ, ставший именно вассалом у правителя, а не чиновником: «С какой стороны ни возьми, трудно было бы отыскать более доблестного, **заслуженного вассала!**», «Некогда иньский государь У-дин во сне обрел **доблестного вассала**»)¹³. Помимо переосмысления сюжетов китайской классики, в «Повести...» ярко прослеживается антагонизм между конфуцианскими нормами и клановыми традициями. С одной стороны, мы видим почитание правителей древности и осуждение тиранов в рамках конфуцианской этики («Никто из них не следовал праведным путем премудрых государей, живших в древности, не пекся о народном благе, помышляя лишь об утехах праздных; внимал пустым наветам, не заботясь о роковых опасностях – о смутах, грозящих государству; и к скорой гибели привел их сей

¹² Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. I. С. 173.

¹³ Юкинага. Повесть о доме Тайра: Эпос. С. 164.

пагубный путь»¹⁴), но с другой стороны, главные герои в произведении (представители военной аристократии) часто попадают в ситуации, когда им приходится выбирать между соблюдением конфуцианской этичности и верностью перед традициями своего клана («О, горестный выбор! Сохранить верность государю – значит, отвернуться от отца, чьи благодеяния намного превыше... О, скорбный выбор! Избегну греха сыновней непочтительности – значит, стану ослушником, нарушившим долг верности государю! Душа моя в смятении, я не в силах отличить правду от кривды! И поэтому я прошу вас: срубите голову! Вот уж тогда я не смогу оборонять дворец государя не должен буду встать на его защиту!»)¹⁵. С чем же связано переосмысление сюжетов китайской классики и основ конфуцианской этики, где верность своей семье стояло даже намного выше, чем верность государю?

Перекодировка китайских сюжетов в первую очередь связана с тем, что данное произведение («Повесть о доме Тайра») было создано в жанре «гунки» – военная эпопея, прославляющая подвиги именно военной знати («самурайство»), а не быт столичной аристократии «күгэ». Если в рядах столичной «мирной» аристократии клановый быт почти утратил свои здоровые черты (особенно после восприятия китайской культуры), то в рядах самурайства клановые традиции продолжали существовать и развиваться, а после знакомства знатных воинов с элементами культуры «Поднебесного государства», китайская философия и литература была органично встроена в традиционный быт военной знати (с соответствующим переосмыслением). Отсюда мы видим, что в эпической военной литературе китайские сюжеты встраиваются в реалии японской жизни того времени: если китайские историографы описывали в

¹⁴ Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. II. С. 88–97.

¹⁵ Юкинага. Указ.соч. С. 100.

своих трудах жизнь чиновников (бывших раньше простолюдинами), то японская знать воспринимала их как потомственных аристократов, а если в военном эпосе цитировался традиционный сюжет из китайской истории, то в него приплетались и религиозные элементы из японской культуры или добавлялись новые детали (додинастические китайские правители превращались в различных синтоистских зверей, демонов, что часто противоречило оригинальному повествованию китайских историографов).

Таким образом, можно сделать два вывода. С одной стороны, китайская культура во многом повлияла на развитие средневековой японской литературы, и исходя из сравнительного анализа источников, мы можем сделать вывод об определённой смысловой связи между «Повестью о доме Тайра» и Ханьскими династийными историями. Целые отрывки из сочинений придворных китайских историографов, цитирование знаменитых стихотворений той эпохи, поговорок, афоризмов, изречений, даже составление определённых аналогий между биографиями героев войны Гэмпэй и «мудрыми мужами» династии Хань – всё это говорит о всеобъемлющем влиянии «Поднебесного государства» на культурную жизнь Японии в годы Хэйан. С другой же стороны, культурное влияние Поднебесной перекодировалось и переосмысливалось согласно реалиям того времени (оригинальные китайские сюжеты из тех же Ханьских династийных историй становились более постижимыми для представителей той же клановой военной знати). Проблема соотношения китайского влияния и традиционной культуры в истории Японии весьма дискуссионная, и она ставит перед нами вопрос – являлась ли Япония отдельной цивилизацией со своими устоями или она была сегментом культурной традиции единой Дальневосточной цивилизации? И данный вопрос требует достаточно более подробного изучения, что впоследствии и будет предпринято автором данной статьи.

Список использованных источников и литературы

Источники:

1. Юкинага. Повесть о доме Тайра: Эпос. Пер. со старояп. И. Львовой. М.: Худож. лит., 1982. 703 с.
2. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. I. Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина под общей редакцией Р.В.Вяткина. М.: Восточная литература, 2001. 415 с.
3. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. II. Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина под общей редакцией Р.В.Вяткина. М.: Восточная литература, 2003. 567 с.

Литература:

1. Конрад Н.И. Очерки японской литературы. Статьи и исследования. М.: Худож. лит., 1973. 462 с.
2. Онищенко В.А. Японские сказания о войнах и мятежах. СПб.: Гиперион, 2012. 480 с.
3. Серкова О.А. Сравнительно-исторический анализ средневековых героических эпоей. Литературные особенности «Повести о доме Тайра» и «Песни о Нибелунгах» // Вестник Томского государственного педагогического университета. №9 (124). Томск, 2012. С.173–176.
4. Aston G.W. A History of Japanese Literature. Rutland: Charles E. Tuttle Company, 1977. 436 p.
5. Buttler D.K. The textual evolution of the Heike Monogatari // Harvard Journal of Asiatic Studies, 1966. Vol. 26. P. 5–51.
6. Bialock T.D. The Tales of the Heike // The Cambridge History of Japanese Literature. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 865 p.

Японские женщины в представлениях Карла Петера Тунберга (1743–1828)

В современном мире путешествия достигли пика популярности. Люди охотно отправляются даже в далекие, еще плохо изведанные места ради новых эмоций и впечатлений. Но путешествия не только даруют нам удивительные ощущения, но и представляют собой источник знаний, новой полезной информации, которая может пригодиться в любой момент жизни. Наконец, путешествия – хороший способ найти себя, понять кто ты есть. Ведь только трудности, с которыми приходится сталкиваться во время поездок, их успешное преодоление, испытываемые эмоции, как ничто другое помогают понять себя.

Парадоксально, но цели путешествий с течением времени практически не изменились. Так, в XVII–XVIII вв. продолжительное путешествие было одним из наиболее важных видов образовательной практики и считалось краеугольным компонентом, а также завершающим процессом воспитания джентльмена¹. Полагали, что заграничная поездка усовершенствует знания молодых людей, поможет применить их на практике. Джеймс Бёрг справедливо замечает, что вернувшиеся из иностранных земель молодые люди совершенствовались в своих знаниях людей и обычаев². Они становились более сведущими в культурных различиях народов, особенностях их политического устройства, религий и многого другого³. Совершались путешествия и с целью ознакомления с достижениями

¹Абрамова И.И. Значение «Гранд-тур» в образовании и воспитании джентльмена // Ярославский педагогический вестник. 2006. №3 (48). С. 1.

²Burgh J. The Dignity of Human Nature; or a Brief Account of the Certain and Established Means for Attaining the True End of Our Existence. Hartford, 1802. (1st London ed. 1754). P. 156.

³Абрамова И. И. Указ. соч. С. 8.

местной науки⁴, а также с целью изучения особенностей местной флоры и фауны. То есть, основными причинами путешествий и тогда были причины познавательного характера, связанного с поиском новой информации, рационализация уже полученных знаний и формирование себя как личности.

Во время путешествий полезным и важным считалось ведение путевых дневников или путевых заметок. Они помогали не забывать увиденное, систематизировать полученную информацию и знания. На основе материалов путевых записей мы узнаем немало любопытных фактов об интересующих нас местах, людях. В частности, существует немало путевых дневников, составленных во время путешествий по Японии. И в данной работе нами будут рассмотрены записки Карла Петера Тунберга, составленные им во время пребывания в стране восходящего солнца с 1775 по 1776 г. Данные записки собраны и представлены в труде британского ученого Тимона Скрича «Japan Extolled and Decried. Carl Peter Thunberg and the Shogun's Realm, 1775–1796» (2006).

Формально цель поездки Карла Петера Тунберга имела отношение к сбору первичного материала и систематизации неизвестных ранее растений японского архипелага для голландских ботанических коллекций. Во время своего путешествия он, тем не менее, подмечал любые заинтересовавшие его детали и скрупулезно фиксировал их в дневник. В Японию Тунберг прибыл в августе 1775 г. Перед поездкой ему пришлось выучить голландский язык (сам Тунберг был шведом и владел, помимо родного, только датским и немецким языками), так как в это время в Японию был разрешён въезд только голландским купцам. Карл Петер Тунберг остановился на Дэдзима – специальном, искусственно созданном острове, где находилась голланд-

⁴ Соколов А. Б. Тело как способ идентификации другого // Диалог со временем. 2010. № 33. С. 213.

ская фактория. Некоторое время он не покидал остров, исполняя должности хирурга; в 1776 г. ему было разрешено сопровождать главу голландского поселения в поездке в Эдо. В течение этого довольно долгого путешествия из Дэдзима в Эдо Тунберг не только комплектовал свою коллекцию растений, но и наблюдал за японским населением, записывая все свои замечания, соображения и мысли на этот счёт. Поэтому целью нашей работы хотелось бы сделать выявление особенностей японского народа, в частности женской части населения, через призму европейского взгляда на загадочную страну востока. С помощью записок, составленных Тунбергом, мы обратим взор на японских женщин в их повседневности, как они представлялись иноземцу, который ранее уже имел возможностью столь длительного ознакомления с нравами, царящими в далеких землях.

Описание местного населения путеводной нитью проходит через все содержание записок, причудливо переплетаясь с описанием найденных им растений. Среди свидетельств большое внимание уделяется женщинам японского архипелага, поэтому рассмотрение имеющегося в нашем распоряжении текста обладает особой притягательностью.

Особенное внимание Карл Петер Тунберг уделяет куртизанкам. Он свидетельствует, что почти в каждом городе Японии можно найти несколько улиц с особыми домами, созданными для развлечения иностранных путешественников и местных обывателей⁵. Более того, их созданию уделяли особое внимание, и зачастую подобные дома были самыми красивыми постройками города⁶. Город Нагасаки, в который на время прибыл шведский натуралист, также не был исключением: и здесь можно было найти

⁵ Screech T. Japan Extolled and Decried. Carl Peter Thunberg and the Shogun's Realm, 1775–1796. London: the Taylor & e-Library, 2006. P. 99.

⁶ Ibid. P. 117.

дома для увеселений. Так как этот город был доступен для посещения иностранцами, в частности голландцами и китайцами, с которыми японские сёгуны рода Токугава поддерживали торговые связи, он часто наводнялся купцами этих стран. В свою очередь китайские и голландские торговцы не стеснялись тратить деньги на посещение публичных домов; более того, они могли взять понравившуюся девушку на временное обеспечение, превращая её в своего рода компаньонку. В таком случае у куртизанки появлялась служанка – *камуро* – которая ежедневно ухаживала за своей госпожой, доставляя ей еду и напитки, помогая одеваться и сохраняя чистоту и порядок в доме⁷. Компаньонка могла находиться рядом с выбравшим её мужчиной сколько угодно: связь могла длиться год или даже больше. Единственным временным ограничением был установленный минимальный срок пребывания в подобном положении, который составлял трое суток⁸. Интересным является и тот факт, что женщина-куртизанка могла добровольно разорвать свою связь с патроном: для этого ей было достаточно обратиться к старшему офицеру города, служащему у городских ворот, и сообщить о своём решении больше не совершать визитов к выбравшему её мужчине⁹. Уделяет Тунберг внимание и тому, как женщина попадала в подобные дома. Проживающие в бедности родители, неспособные содержать всех детей, могли продать свою дочь в возрасте четырёх или более лет в подобный дом, где девочка первое время существовала в роли служанки, в основном оказывая услуги определенной куртизанке. Достигнув возраста пятнадцати или шестнадцати лет, девочка-служанка могла стать одной из тех дам, которым она прислуживала¹⁰. В отличие от японцев,

⁷ Ibid. P. 99.

⁸ Ibid.

⁹ Screech T. Op. cit. P. 99.

¹⁰ Ibid. P. 100.

которые по словам Тунберга не рассматривали распутство как порок и совершенно спокойно относились как к существованию подобных домов¹¹, так и к их посещению, сам автор дневниковых записей, как и любой другой благочестивый христианин, просвещённый моралью веры, с пренебрежением относился к общению с порочными женщинами этого круга¹². Более того, он, как благочестивый христианин, не мог понять, почему японцы, будучи людьми разумными и рассудительными, могли одобрительно относиться к учреждениям порочного характера¹³.

Внимание Тунберга привлекают и другие женщины. Он с пристрастием наблюдает за жизнью как замужних, так и незамужних дам, изучая общие и различные черты в образах жизни тех и других. Общей характеристикой, которой Тунберг наделяет абсолютно всех японских женщин, так это их нескромность. В чем же видел Тунберг проявление непристойности у японок? В своих записках он замечает, что женщины редко предпринимали какие-либо усилия для прикрытия своей наготы во время водных процедур на открытых местах¹⁴. Кроме того, все японские женщины, замужние или нет, могли свободно передвигаться по улицам города без сопровождения мужчин, поэтому не составляло никакого труда увидеть их беспечно прогуливающимися. Еще одной общей чертой, которую натуралист отмечает среди японских женщин, является особый интерес к музыке. Нередко они обучались игре на музыкальных инструментах, самым популярным из которых считалось кото. Женщины могли проводить целый вечера, музицируя¹⁵. И, тем не менее, внешние различия замужних и незамужних женщин были разительны. Так, главным

¹¹ Ibid. P. 99.

¹² Ibid.

¹³ Ibid. P.117.

¹⁴ Ibid. P. 110.

¹⁵ Ibid. P. 194.

отличием замужних дам были окрашенные в чёрный цвет зубы¹⁶. Крайне интересна реакция Карла Петера Тунберга на эту особенность: он иронично подмечает, что то, что обладает для японца пленительной притягательностью, вполне достаточно для европейского мужчины, чтобы навсегда покинуть свою жену¹⁷. Автор записок добавляет, что для него широкий рот, наполненный рядом чёрных зубов, оказывает пренеприятное впечатление. Наличие макияжа на женском лице также являлось отличительной чертой, помогающей определить статус женщины. В основном незамужние японские женщины красят губы, причём алым цветом, и Тунберг не забывает напомнить, что это отличает их и от европейских дам, которые обычно наносят алый пигмент на щёки. Натуралист также подмечает, что густо покрашенные губы нередко принимали фиолетовый оттенок, что считалось признаком наивысшего изящества¹⁸. Ещё одной особенностью, отличающей замужних женщин от незамужних, является форма причёски. В целом, у всех женщин были длинные, ухоженные волосы, блеск которым придавали различные масла, но одиноких женщин и служанок отличали причёски, при которых волосы были сложены по бокам головы в виде крылышек¹⁹. Во время своего пребывания в Эдо Тунберг увидел женщину совсем без волос. Вид несчастной женщины без волос показался Тунбергу забавным и своеобразным²⁰. Как он позже узнал, всякая женщина, расставшаяся со своим мужем, брилась налысо. Положение женщины в обществе также можно было узнать по её причёске и сопутствующим к этому аксессуарам. Состоятельность женщины определялась по гребню в её волосах: для

¹⁶ Ibid. P. 100.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Screech T. Op. cit. P. 167.

²⁰ Ibid.

простых женщин он был деревянный, для зажиточных – из панциря черепахи²¹. Примечательно замечание Тунберга об украшениях японских богатых женщин: дамы не используют жемчуг и бриллианты, обходясь украшениями из черепаховых панцирей и цветов²², что свидетельствует о том, что у них не укрепилось тщеславие за своё положение в обществе. Одежда – ещё один маркер, отличающий замужних женщин от незамужних. Все они носили длинные халаты, достигающие ступней, с широкими рукавами, которые даже могли достигать земли у молоденьких девушек²³. Также все женщины повязывали вокруг талии бант, но только замужние дамы повязывали его за спиной²⁴. Это было главной отличительной чертой в одежде замужней и незамужней японской женщины.

Таким образом, нами подробно были рассмотрены японские женщины, а в частности, особенности их внешности, поведение, занятия, отношение к иностранцам и иные черты, отличающие их от женщин других народов. Конечно, комментарии Тунберга – европейца-натуралиста, приехавшего в Японию с целью изучения и сбора новых видов растений, являются крайне субъективными, но от того они по-особенному интересны. Они помогают составить нам живой портрет японской женщины XVIII в., такой, какой её видел простой европеец. Из вышеуказанных характеристик можно сделать следующие выводы о дамах, населяющих страну восходящего солнца. Во-первых, женщины Японии совсем не стеснялись своей женской природы и даже использовали ее как стратегию выживания: работа куртизанкой зачастую спасала девушек от голодной смерти (т.к. их еще в малом возрасте отдавали на воспитание в увеселительные дома). Однако стоит

²¹ Ibid.

²² Ibid.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

напомнить, что кротостью не отличались и обычные женщины. Во-вторых, в Японии существовали различия между замужними и незамужними женщинами. В основном это были отличия внешнего характера, такие как: чернение зубов (являлось самой важной знаменательной чертой), использование макияжа, форма прически, детали в одежде. Статус женщины можно было легко установить по использованию и виду аксессуаров. В-третьих, отличающиеся друг от друга японские женщины еще более отличались от европейек. В каждом сюжете, свидетельствующем о японских дамах, Тунберг не забывает уведомить о том, как они непривычно и иначе выглядят по отношению к женщинам Запада. Также, исходя из содержания всех записок, можно сделать вывод о том, что отношение европейского ученого к японским женщинам крайне неоднозначно.

Список литературы

1. Абрамова И.И. Значение «Гранд-тур» в образовании и воспитании джентльмена // Ярославский педагогический вестник. 2006. № 3(48). С. 75-82.
2. Соколов А.Б. Тело как способ идентификации другого // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2010. № 33. С. 213-232.
3. Burgh, J. The Dignity of Human Nature; or a Brief Account of the Certain and Established Means for Attaining the True End of Our Existence. (1st London ed. 1754). Hartford, 1802.
4. Screech T. Japan Extolled and Decried. Carl Peter Thunberg and the Shogun's Realm, 1775–1796. London: the Taylor & e-Library, 2006.

**Император Мэйдзи и Петр Великий:
образ правителей-реформаторов
в китайской общественной мысли конца XIX века¹**

Движение за реформы, развернувшееся в конце XIX в., стало одним из самых значительных событий Новой истории Китая. Его возникновение и развитие связано с именем выдающегося китайского мыслителя Кан Ювэя (1858–1927), соединившего в своих теоретических трудах великолепное знание конфуцианской традиции с серьезным осмыслением современной ему эпохи, а кульминацией этого движения стали «100 дней реформ» 1898 г. («Усую бяньфа»). События, происходившие в то время в Китае, знаменовали собой начало перехода к качественно новому этапу эволюции китайского общества.

Оставаясь приверженцами монархической формы правления, Кан Ювэй и его сподвижники возлагали большие надежды на молодого императора Гуансюя и надеялись привлечь его на свою сторону в деле осуществления серьезных преобразований. Под влиянием Кан Ювэя император Гуансюй летом 1898 г. решился на проведение реформ, которые продолжались недолго (с 11 июня по 21 сентября 1898 г.) и были прерваны дворцовым переворотом, возглавленным вдовствующей императрицей Цыси. Именно эти события вошли в историю под названием «100 дней реформ».

Кан Ювэй и его соратники хотели видеть в молодом императоре образец монарха, соответствующего конфуцианским идеалам и требованиям, доступного для чиновников любого ранга, который прислушивается к мнению мудрых и эрудированных советников. Однако новая эпоха,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018 («Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: Социокультурная интерпретация и адаптация»).

в которой развивались эти события, побудила их искать примеры для подражания не только в древней истории Китая, но и за его пределами. Именно поэтому идеалом такого монарха и символом успешных преобразований стали для них два зарубежных государственных деятеля: русский царь Петр Великий и японский император Муцухито (девиз правления – Мэйдзи), инициировавшие и осуществившие крупномасштабные преобразования в своих странах. Кан Ювэй активно пытался убедить императора Гуансюя во всем следовать их примеру.

Этот аспект деятельности и взглядов китайских реформаторов частично рассматривался в исследованиях отечественных востоковедов С.Л.Тихвинского², З.Д.Катковой и Ю.В.Чудодеева³, а также китайского историка Ван Сяоцю⁴, однако, по нашему мнению, он требует более тщательного изучения и осмысления.

² Тихвинский С. Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1980. 360 с.

³ Каткова З.Д., Чудодеев Ю.В. Китай – Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н.э. – 30-40-е годы XX в.). М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2001.

⁴ 王晓秋。近代中日关系史研究。北京：中国社会科学出版社，1997 (Ван Сяоцю. Цзиньдай чжун жи гуаньси ши = Ван Сяоцю. Изучение истории китайско-японских отношений в Новое время. Пекин: Чжунго шэ хуй кэсюэ чубаньшэ, 1997); 王晓秋。近代中日文化交流史。北京：中华书局，2000。(Ван Сяоцю. Цзиньдай чжун жи вэньхуа цзяолю ши = Ван Сяоцю. История китайско-японских культурных связей в Новое время. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2000).

王晓秋。康有为的一部未刊印的重要著作——«日本变政考»评介 // 《历史研究》, 1980 年, 3 期。(Ван Сяоцю. Кан Ювэйдэ и бу каньиньдэ чжунъяо чжуцзо – «Жибэнь бяньчжэн као» пинцзе = Ван Сяоцю. Анализ важной неопубликованной работы Кан Ювэя «Исследование реформ в Японии») // Лиши яньцзю, 1980, № 3. С.165-178.

Образ Петра Великого заинтересовал некоторых китайских мыслителей в середине XIX в. В сочинениях Сюй Цзюня, Линь Цзэсюя и др. содержались весьма позитивные оценки его реформаторской деятельности⁵.

В свою очередь, Реформы Мэйдзи вызвали интерес у представителей китайской интеллектуальной элиты практически сразу же после их начала. Оценки этих преобразований содержатся в сочинениях китайцев, побывавших в те годы в Японии: Ли Сяопу, Фу Юньлуна, Хуан Циндэна, главы дипломатической миссии, направленной в Японию в 1877 г., Хэ Жучжана⁶. Однако наиболее развернутая характеристика преобразований, осуществленных императором Мэйдзи, и их анализ содержатся в сочинениях известного китайского поэта и просветителя Хуан Цзуньсяня, побывавшего в Японии в 1877 г. в составе посольства Хэ Жучжана⁷ и тщательным образом изучившего историю Японии и современную политическую ситуацию. Впечатления от Японии и оценка проведенных императором Мэйдзи преобразований содержатся в двух крупных работах Хуан Цзуньсяня:

⁵ Подробнее см.: Самойлов Н.А. Образ Петра Великого и идеология реформаторского движения в Китае в конце XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т.42. №4. С. 107–114.

⁶ Подробнее см.: Самойлов Н.А. К вопросу о восприятии Японии в китайской общественной мысли второй половины XIX в. // 20-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Т. 2. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1989. С. 187–189.

⁷ 罗立新。黄遵宪在日本 // 中国近代史通俗讲座。广州: 广东人民出版社, 1984。页 106-110。(Ло Лисинь. Хуан Цзуньсянь цзай жибэнь // Чжунго цзиньдай ши тунсу цзянцзо = Ло Лисинь. Хуан Цзуньсянь в Японии // Популярный курс лекций по новой истории Китая. Гуанчжоу: Гуандун жэньминь чубаньшэ, 1984. С. 106–110).

«Описание Японии» и «Японская мозаика в стихах»⁸. Можно вполне согласиться с мнением Камачи Норико о том, что Хуан Цзуньсянь был первым китайцем, постигшим всю глубину преобразований в Японии того времени⁹. К этому можно добавить только то, что успех этих преобразований он связывал прежде всего с личностью молодого и энергичного императора Мэйдзи.

Хуан Цзуньсянь считал своей важнейшей задачей познакомить китайцев с опытом проведения реформ в Японии и продемонстрировать их эффективность с тем, чтобы в дальнейшем перенести данный опыт на китайскую почву. Подчеркивая, что в прошлом Япония постоянно училась у Китая, он обращал внимание на то, что в новых условиях эта страна начала также активно перенимать передовой опыт западных стран. Хуан Цзуньсянь положительно оценивал восстановление позиций японского монарха, считая это возвращением к старым традициям. Падение дома Токугава и переход власти к императору Мэйдзи знаменовало собой, по его мнению, «возрождение Японии»¹⁰.

Рассуждения Хуан Цзуньсяня о причинах успеха преобразований Мэйдзи оказали сильное влияние на Кан Ювэя и его соратников. Реформаторы активно способствовали публикации сочинений Хуан Цзуньсяня и распространению его идей.

Следует отметить, что свою первую работу, посвященную Японии, Кан Ювэй начал писать в 1886 г., то есть задолго до первой японо-китайской войны и «100 дней

⁸ 黄遵宪。日本杂事诗。长沙：湖南人民出版社，1981 (Хуан Цзуньсянь. Жибэнь цза ши ши = Хуан Цзуньсянь. Японская мозаика в стихах. Чанша: Хунань жэньминь чубаньшэ, 1981).

⁹ Kamachi Noriko. Reform in China: Huang Tsunhsien and the Japanese Model. Cambridge: Harvard University Press, 1981.

¹⁰ 黄遵宪。日本杂事诗... С. 36.

реформ». После знакомства с «Японской мозаикой» Хуан Цзуньсяня (впервые опубликована в 1880 г.), он приступил к изучению преобразований в Японии и посчитал необходимым организовать в Китае перевод японских книг, особенно тех, где содержались примеры успешного применения западного опыта.

Кан Ювэй обратился с подобным предложением к влиятельному наместнику Лянгуана (провинций Гуандун и Гуанси) Чжан Чжидуну. Аналогичные идеи Кан развивал и в своем первом послании, адресованном императору Гуансюю и вдовствующей императрице Цыси, отмечая при этом, что Китай значительно крупнее Японии и производит гораздо больше товаров, поэтому его потенциал по сравнению с Японией также значительно больше¹¹. Через несколько лет Кан Ювэй развил эти идеи в специальной записке, не только указывая на потребность в расширении перевода японских книг на китайский язык, но и подчеркивая необходимость отправки китайских студентов на учебу в эту страну¹².

В конце декабря 1897 г. Кан Ювэй подготовил пятый по счету доклад (или, как принято именовать такого рода документы в китаеведной литературе – меморандум), адресованный императору, в котором предложил осуществить серьезные преобразования в сфере государственно-

¹¹康有为。上清帝第一书 // 戊戌变法。第二册。上海：神州 国光社，1953。页 123-131。（Кан Ювэй。Шан цин ди ди и шу = Кан Ювэй。Первый доклад на имя императора // Усюй бяньфа [Реформы 1898 года]。Т. 2。Шанхай：Шэньчжоу гоуан шэ，1953。С. 123-131）。

¹²康有为。请广译日本书派游学学习 // 戊戌变法。第二册。上海：神州 国光社，1953。页 222-224。（Кан Ювэй。Цин гуан и жибэнь шу пай ю сюэси = Кан Ювэй。Прошу расширить перевод японских книг и направить студентов учиться за рубеж // Усюй бяньфа [Реформы 1898 года]。Т. 2。Шанхай：Шэньчжоу гоуан шэ，1953。С. 222-224）。

го устройства. В этом меморандуме Кан Ювэй обратился к опыту не только Японии, но и России и порекомендовал провести в Китае реформы по образцу преобразований Петра Великого и японского императора Мэйдзи¹³. Он отмечал, что в прошлом Россия и Япония были слабыми государствами и тем самым походили на Китай, однако после проведения реформ, инициаторами которых стали мудрые правители (Петр I и император Мэйдзи), эти страны стали сильными и могущественными. Кан Ювэй писал о том, что Петр, странствуя по европейским странам и переодеваясь в простую одежду, изучал иностранный опыт. Применение этого опыта помогло ему укрепить и усилить свое государство до такой степени, что оно стало одним из сильнейших в мире. В конце 5-го меморандума Кан Ювэй предлагал Гуансюю провести в Китае преобразования, подчеркнув, что императору необходимо лично сформулировать основную политическую линию государства и инициировать реформы по образцу тех, что проводил российский император Петр Великий¹⁴.

Другой моделью реформ, вдохновившей Кан Ювэя, стали преобразования в Японии, проведенные при императоре Мэйдзи. К этому времени он уже детально изучил программу и ход этих реформ. Объективно Япония и проводимые там преобразования могли быть использованы в качестве образца для подражания благодаря географической и исторической близости этой страны к Китаю. К тому же Япония, как он подчеркивал, имела сходные с Китаем

¹³ 康有为。上清帝第五书// 戊戌变法。第二册。上海: 神州 国光社, 1953. 页 123-131. (Кан Ювэй. Шан цин ди ди у шу = Кан Ювэй. Пятый доклад на имя императора // Усюй бяньфа [Реформы 1898 года]. Т. 2. Шанхай: Шэньчжоу гоуан шэ, 1953. С. 188–197).

¹⁴ Там же. С.195-196.

культурные и государственные традиции¹⁵. Более того, Кан Ювэй, располагая информацией о характере и содержании этих реформ, рассматривал Японию как своего рода испытательный полигон в деле адаптации западных технических достижений и политических институтов на азиатской почве. Таким образом, Япония могла стать для Китая очень удобным источником уже апробированных там западных научных и общественно-политических знаний.

С другой стороны, Кан Ювэй отчетливо понимал различия между статусом и исторической ролью императора в Японии и Китае. По его мнению, бессилие японского императора в период сёгуната, предопределило остроту борьбы за реставрацию императорской власти. В Китае на протяжении его истории положение императора в государстве и массовом сознании было иным, поэтому и процесс реформирования должен пройти более спокойно.

В 6-м докладе императору Кан Ювэй постарался очень детально и даже с некоторыми элементами идеализации изложить ход преобразований, осуществленных императором Мэйдзи. Он писал, что японский император дал обещание служить делу реформ, и его примеру последовали японские сановники. Как полагал Кан Ювэй, император Мэйдзи всегда считался с мнением народа и привлекал на службу талантливых людей¹⁶. После долгих размышлений лидер китайских реформаторов пришел к выводу, что республиканский строй, который существует в США и Французской Республике, а также конституционная монархия, характерная для Великобритании и Германии, непри-

¹⁵ Там же.

¹⁶ 康有为. 上清帝第六书// 戊戌变法. 第二册. 上海: 神州 国光社, 1953. 页 197-202. (Кан Ювэй. Шан цин ди ди лю шу = Кан Ювэй. Шестой доклад на имя императора // Усуй бяньфа [Реформы 1898 года]. Т. 2. Шанхай: Шэньчжоу гоуан шэ, 1953. С. 197–202).

емлемы для Китая. Именно в этом Кан Ювэй старался убедить императора Гуансюя.

В то же время он писал: «Прошу Ваше Императорское Величество использовать решимость русского царя Петра Великого в проведении реформ как образец решимости, и избрать реформы, проведенные императором Мэйдзи, в качестве образца для своих реформ»¹⁷. Исходя из этого суждения, Петр для Кан Ювэя олицетворял стремление к реформам и твердость в их осуществлении, а император Мэйдзи – умение проводить преобразования. Сочетание лучших качеств этих монархов могло бы, по его мнению, помочь императору Гуансюю добиться успеха в реформировании Китая.

Следует заметить, что в период японо-китайской войны 1894–1895 гг. реформаторы являлись наиболее активными сторонниками сопротивления японской агрессии и продолжения военных действий. В своем сочинении «Политика наступления на Японию» Кан Ювэй писал: «Нам необходимо воевать, тогда мы добьемся мира. Мы должны первыми нанести удар Японии, лишь таким путем мы обеспечим свою безопасность»¹⁸. Такой же позиции придерживался в то время и другой лидер Движения за реформы – Лян Цичао, выступивший против подписания Симоносекского мирного договора. Кан Ювэй и Лян Цичао предлагали китайским ученым и чиновникам заявить решительный протест против условий, на которых настаивала Япония. Доводы против заключения этого договора содержались и в тексте «Коллективного меморандума» 1895 года – своеобразного манифеста реформаторского движения в Китае.

¹⁷ Там же. С.199.

¹⁸ Цит. по: Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века. М.: Наука. Глав. ред. вост. Лит., 1980. С. 90.

Однако эти идеи довольно быстро сменились размышлениями реформаторов о том, почему Япония, которая на протяжении всей предшествующей истории «училась у Китая», оказалась в данный момент сильнее в военном отношении и одержала убедительную победу. Феномен превращения восточного соседа из отсталой страны в сильное государство во многом определил направленность и содержание идеологии всего реформаторского движения 1895–1898 гг. Американский японовед, профессор Принстонского университета Мариус Джансен писал по этому поводу, что снисходительность, с которой прежде китайцы относились к Японии, после японо-китайской войны сменяется восхищением¹⁹.

Показательно, что Кан Ювэй и другие лидеры китайского реформаторского движения объясняли процветание или упадок того или иного государства достоинствами и недостатками его правителя. В предисловии к «Записке о реформах российского царя Петра Великого», которую он направил императору Гуансюю вместе с 7-м меморандумом, Кан Ювэй призывал императора, подобно Петру, быть ближе к народу и больше использовать талантливых людей. Он писал о том, что Небо не всегда поддерживает одну и ту же царствующую династию, и если правящий дом не осуществит в нужное время необходимые преобразования, то может попросту прекратить свое существование²⁰. В связи с этим он предлагал императору Гуансюю вспомнить о реформах, которые проводились в России и

¹⁹ Jansen M. Japan and China from War to Peace, 1894-1972. Chicago, 1975. P. 131.

²⁰ 康有为。進呈俄罗斯大彼得变政记序。第三册。上海：神州 国光社，1953。页 2。（Кан Ювэй。Цзиньчэн элосы да бидэ бяньчжэн цзисюй = Кан Ювэй。Предисловие к преподнесенной императору «Записке о реформах российского царя Петра Великого» // Усуй бяньфа [Реформы 1898 года]。Т. 3。Шанхай：Шэньчжоу гоуан шэ，1953。С. 2）。

следовать путем, проложенным Петром Великим. Именно пример Петра мог, по его мнению, спасти Китай от национальной катастрофы. «Реформы, проведенные Петром I, были подобны весеннему грому. Россия стала цветущей страной и превратилась в сильную державу»²¹.

Почти одновременно с 7-м меморандумом, императору была отправлена еще одна работа, написанная Кан Ювэем – «Исследование о реформах в Японии в период Мэйдзи» («日本明治变考»), в которой он подробно разобрал особенности и характер реформ, проведенных императором Мэйдзи в своей стране. Это сочинение выполняло ту же задачу, что и «Записка о реформах российского царя Петра Великого» – убедить Гуансюя в необходимости проведения в Китае реформ на примере теперь уже японского императора, поскольку Кан Ювэй был уверен, что император активно использует его рекомендации, основанные на изучении опыта реформ в Японии и роли императора Мэйдзи.

На протяжении длительного времени этот труд Кан Ювэя считался утраченным, даже была высказана версия о том, что он был уничтожен в период разгрома реформаторского движения. Однако, как выяснилось уже после Второй мировой войны, он все время находился в архиве императорского дворца Гугун. В 1947 г. американская исследовательница Мэри Райт сделала его микрофильм, и эта копия была использована при издании сборника работ Кан Ювэя на Тайване в 1974 г., а затем – в Японии²². Первое

²¹ Там же.

²² 吕万和, 吕景琳。关于康有为的《日本变政考》// 历史教学 1980 年, 6 期。页 44-46。(Люй Ваньхэ, Люй Цзинлинь。Кан Ювэйдэ «Жибэнь бяньчжэн као = Люй Ваньхэ, Люй Цзинлинь。О работе Кан Ювэя «Исследование реформ в Японии») // Лиши цзяосюэ。1980, №6。С.44-46.

детальное исследование этого труда было проведено китайским историком Ван Сяоцю²³.

Существенное место в сочинениях Кан Ювэя занимал разбор экономических аспектов преобразований Мэйдзи. Он позитивно оценивал реформы, которые привели к росту промышленности, активному железнодорожному строительству, созданию банков и т. д. Кан Ювэй считал, что и в этом плане китайцам также следует перенимать опыт Японии и брать с нее пример.

Причины успеха реформ Мэйдзи, по мнению Кан Ювэя, коренились в том, что при проведении преобразований особое внимание уделялось подъему «духа японской нации». В связи с этим он отмечал заслуги выдающихся государственных деятелей эпохи Мэйдзи, которые, благодаря дальновидности японского императора, сумели встать у руля преобразований. Именно таким образом он представлял себе роль императора Гуансюя в Китае: мудрый император, основываясь на рекомендациях высокоэрудированных советников, включая самого Кан Ювэя, проводит реформы в стране. И в этом смысле Гуансюй должен быть подобен Петру Великому и императору Мэйдзи. Благодаря реформам, умело проведенным Петром I, Россия стала цветущей страной и превратилась в сильную державу, а Япония, благодаря тому, что император сумел поднять «дух японского народа», не только стала богатым и сильным государством, но и выступила соперницей западных держав на Дальнем Востоке.

Несмотря на то, что Япония победила Цинскую империю в ходе войны 1894-1895 гг., она в историческом,

²³ 王晓秋。康有为的一部未刊印的重要著作——《日本变政考》评介 // 《历史研究》, 1980年, 3期。(Ван Сяоцю. Кан Ювэйдэ и бу каньиньдэ чжунъяо чжуцзо – «Жибэнь бяньчжэн као» пинцзе = Ван Сяоцю. Анализ важной неопубликованной работы Кан Ювэя «Исследование реформ в Японии») // Лиши яньцзю, 1980, № 3. С.165-178.

культурном и даже расовом отношении была ближе к Китаю, чем Россия. Этим объясняется более пристальный интерес реформаторов к японскому опыту. Если Петр Великий для Кан Ювэя являлся своего рода символом успешных реформ, то император Мэйдзи стал примером их успешного и очень эффективного проведения, причем в азиатской стране.

Такой же позиции придерживались и другие лидеры реформаторского движения: Лян Цичао, Тан Цайчан, Май Мэнхуа, а также близкие по взглядам к реформаторам китайские предприниматели Чжан Цзянь и Шэн Сюаньхуай.

Китайским реформаторам импонировал японский вариант эволюции и приобщения к достижениям Запада. В японском опыте их, прежде всего, привлекала возможность проведения преобразований «сверху», по воле императора. По этой причине они особо подчеркивали личную роль императора Мэйдзи в событиях «Минчжи вэйсинь» («Мэйдзи исин») и призывали императора Гуансюя подражать его умению проводить реформы.

Известный китайский историк Фань Вэньлань писал о том, что во время пребывания известного японского государственного деятеля Ито Хиробуми в Пекине осенью 1898 г., на имя императора Гуансюя была направлена петиция с предложением поставить Ито во главе китайского правительства²⁴. Данный эпизод показателен, поскольку в то время в сознании китайских элит спокойно уживались ощущение угрозы со стороны Японии и восхищение достигнутыми этой страной успехами.

Подводя итог, можно констатировать, что в Китае в конце XIX в. Петр Великий и японский император Мэйдзи становятся символами успеха, как в проведении глубоких

²⁴ Фань Вэньлань. Новая история Китая. Т. 1. 1840–1901. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. С. 467.

социально-политических преобразований, так и в заимствовании иностранного опыта. Образ правителя-реформатора был необходим Кан Ювэю и его единомышленникам для пропаганды собственной программы преобразований китайского общества. Популярность этих фигур среди представителей реформаторского движения в Китае была обусловлена тем, что идеологи данного движения проводили прямые аналогии между реформами в России и Японии и теми преобразованиями, которые было необходимо осуществить в Цинской империи для того, чтобы выйти из состояния глубокого социально-экономического и политического кризиса. К тому же, учитывая специфику взглядов участников реформаторского движения, следует отметить и другие привлекательные черты этого образа. Китайские реформаторы стремились к тому, чтобы император был ближе к народу и выражал интересы широких кругов шэньши и представителей иных сословий. Поэтому Петр I и император Мэйдзи в их понимании представляли собой идеальный образ правителя, целеустремленного и доступного для широких кругов, отличающегося гибкостью мышления и умением вывести страну из кризисной ситуации.

Американка Рут Бенедикт и японский национальный характер

В довоенное и военное время пропагандисты превозносили японцев за верность императору, умение избирательно заимствовать иностранный опыт, чистоплотность, вежливость, справедливость, чувство прекрасного и т.д.¹ Однако после войны эти хвалебные сочинения были выкинуты из сознания. Тем не менее, вопрос о «национальном характере» продолжал волновать общество. Большую роль в постановке этого вопроса сыграли американцы, которые, как это принято у колонизаторов, стали пристально вглядываться в тех людей, которых они оккупировали. Особенно большое впечатление произвела на японцев книга американского этнопсихолога (или «культурного антрополога») Руты (Руфи) Бенедикт «Хризантема и меч». На английском языке она была издана в 1946 г., японский перевод появился в 1948 г.²

Бенедикт была специалистом по индейцам и не владела японским языком. Она никогда не была в Японии, поэтому ей пришлось прибегнуть к методу, который она назвала «дистанционным изучением культуры». Основные информанты Бенедикт – интернированные американцы японского происхождения и военнопленные. Обследуя этих смиренных пленников (они не поднимали мятежей и не делали попыток сбежать), Бенедикт пришла к выводу, что никто из японцев не стремится к свободе. Анализируя с помощью переводчиков японскую пропагандистскую лите-

¹ Мещеряков А.Н. Хага Яити и его «Десять этюдов о национальном характере» // *Orientalia et Classica I (LXXII)*, «История и культура Японии», выпуск 12. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020.

² Рут Бенедикт. *Хризантема и меч. Модели японской культуры*. М.: «Росспэн», 2004.

ратуру и фильмы, она выделила следующие главные особенности всех японцев: желание знать свое место в иерархически организованном обществе и повиноваться долгу (*giri*), который препятствует формированию «свободной» личности.

Бенедикт придумала также оппозицию стыд/грех. Она подчеркивала: японцами управляет стыд (*хадзу*), то есть они больше всего боятся осуждения за свои действия со стороны других японцев. В то же самое время у них (в отличие от «западных людей», под которыми Бенедикт разумела преимущественно американцев, преимущественно белых, преимущественно христиан) отсутствует понятие греха как такового, каждый по отдельности они не различают добро и зло, то есть лишены морального начала, которое свойственно западным людям. В этом выводе есть зерно истины, но только зерно: японцы и вправду весьма чувствительны к мнению окружающих. Однако утверждать, что в японской культуре отсутствует понятие греховности как таковой – безусловно неверно. К такому выводу мог прийти только человек, порожденный христианской культурой, которая, как известно, не склонна допускать, что у «примитивных» языческих народов существует понятие о добре и зле – они попросту не различают их. Христианские миссионеры издавна пользовались этой заезженной формулой, Бенедикт тоже не пренебрегла ей.

Книга Бенедикт вызвала живейшую реакцию японских интеллектуалов. В четвертом номере журнала «Этнографические исследования» за 1950 г. были опубликованы отклики на нее. Японцы в это время мучились от комплекса неполноценности, и многие похвалили книгу Бенедикт. Однако философ Вацудзи Тэцуро (1889–1960) обиделся за японский народ и заявил: нельзя судить о нем только по армейским чинам, военнопленным, эмигрантам и прави-

тельственной пропаганде. Знаменитый этнолог Янагита Кунио (1875–1962) тоже написал рецензию. В ней он настаивал: рассуждения о японцах того человека, который не знаком с исследованиями самих японцев, лишены основательности. Возмутился он и рассуждениями о том, что у японцев отсутствует чувство греха. В исторической ретроспективе дело, по его мнению, обстоит с точностью наоборот: приверженные буддизму «простые люди» руководствовались прежде всего боязнью согрешить и быть наказанными за это адскими муками, а чувство стыда воспитывалось только у относительно немногочисленных самураев, которым конфуцианцы прививали мысль, что религия – это шарлатанство. Янагита поймал Бенедикт на нескольких неточностях и ошибках, справедливо утверждая, что ее суждения огульны и внеисторичны.

Несмотря на критику, влияние работы Бенедикт на умы японцев вышло значительным (совокупный тираж японского издания «Хризантемы и меча» составляет около 2,5 миллионов экземпляров). Прежде всего потому, что она заново легализовала понятие «национальный характер». Бенедикт не была знакома с работами довоенных исследователей (вернее было бы сказать певцов) японского характера, но точно так же, как и они, она рассматривала «японцев» вообще. Японцы же с удовольствием схватились за ее книжку, поскольку она исходила из предпосылки, что их «национальный характер» существует³.

У Бенедикт обнаружилось в Японии множество последователей и эпигонов. В списке бестселлеров 1951 г. на первом месте находилась книга журналиста Рю Синтаро (1900–1967) «Взгляд на мир: чему поучиться у Запада», в которой автор убеждал читателя, что, по сравнению с

³ Ёсино Сакудзо. Бунка насёнаридзуму-но сякайгаку. Гэндай нихон-но айдэнтити-но юкуэ. «Нагоя дайгаку сьуппанкай», 1997. С. 121–122.

западным человеком, в японце отсутствуют самостоятельность, независимость и рационализм, а потому воспитание этих качеств является первейшим условием для создания демократической Японии.

В 1953 г. была издана (и пользовалась большой популярностью) книга «социального психолога» Минами Хироси (1914–2001), получившего ученую степень в Корнельском университете, что придавало его сочинению дополнительный вес. Книга называлась «Психология японцев». В качестве отправной точки выступили рассуждения Бенедикт, которую в первых строках своего исследования автор обвинил в подгонке фактов под свои гипотезы, которые она ставит вперед фактов.

Тем не менее, Минами тоже упирал на «отрицательные» черты в личности японца, обусловленные пережитками «феодальной» структуры общества и сознания. К таковым он относил беспрекословное послушание (полиции, чиновникам, офицерам, императору, старшему по положению), которое приводит к фатализму, растительному существованию, пассивности и уничтожению индивидуальности, отрицанию своего «я», а это, в свою очередь, несмотря на все модернизационные институциональные реформы периода Мэйдзи, не позволило стать Японии по-настоящему «современным обществом»⁴. Японская армия исповедовала самурайские принципы бусидо. Согласно им, тело военного человека принадлежит не ему, а сюзерену, и этот принцип был бездумно перенесен в армию XX в., воспитывавшую культ жертвенности (по отношению к императору, начальству, родине) и героической смерти.

В своем исследовании Бенедикт уделила большое внимание понятию «долга» (*гири*) как базовой ценности,

⁴ Минами Хироси. Нихондзин-но синри. Токио: «Иванами», 2013. С. 20.

которая управляет поведением японца. Она рассматривала «гири» прежде всего как долг низшего по отношению к высшему. Согласно ее логике, такое понимание ведет к формированию тоталитарного режима. С опорой на тексты, созданные самурайской культурой, Минами показал: в своем изначальном понимании «гири» предполагает наличие обратной связи, т. е. не только подчиненный (низший), но и начальник (высший) должен быть верен долгу и проявлять заботу о нижестоящих. Однако в Японии военного и предвоенного времени в условиях милитаризации всех типов социальных отношений произошла деформация первичных смыслов, когда «долг» стал пониматься односторонне: как верность и безусловная жертвенность по отношению к императору и власти вообще. Этот тип отношений был «клонирован» и в семье, где отец обладал неограниченной властью, то есть на первый план выдвинулся сыновний и дочерний долг по отношению к родителям – в ущерб долгу родителей по отношению к детям. Таким образом, Минами фактически возводил одностороннее понимание долга в трактовке Бенедикт вовсе не к проклятому феодализму, а к государственности новейшего времени. Это не отменяет его осуждения по отношению к сложившемуся «семейному» (то есть патриархальному) типу отношений, который проецируется на все общество, поскольку при такой социализации человек на всю жизнь остается «ребенком», то есть существом зависимым и несамостоятельным⁵.

Тем не менее, остается фактом, говорит Минами, что чувство «долга» воспитывалось прежде всего в самурайской среде. Но самураи – это далеко не все общество, и самурайским понятиям о верности сюзерену противопоставлялись ценности горожан (торговцев и ремесленни-

⁵ Минами Хироси. Нихондзин-но синри. Токио: Иванами, 2013. С.187–195.

ков). Для обоснования этого положения Минами привлек сочинение Нисикавы Дзёкэна (1648–1724) «Мешок премудростей», в котором автор превозносит деловые качества горожан и с недоверием относится к самураям, ибо они думают лишь о чести, пренебрегают житейскими делами и ставят верность сюзерену выше верности родителям⁶.

В одной из историй-притч Нисикавы буддийский монах сулит добропорядочному и вполне благополучному горожанину переродиться после кончины самураем, но такая перспектива не манит горожанина. «Всю жизнь трепетать перед господином, не иметь сердечного отдыха, только и думать, что о славе, пугать людей, получать удовольствие от страшных дел... Нет уж, мне горожанином остаться больше нравится. Как же так? Всю жизнь служить доброду, а после смерти родиться неизвестно кем. Нет, мне это совсем не подходит»⁷.

Осудив порядки военной Японии, Минами не забыл и про такие традиционные установки, в которых он видел истоки недавних бед: смирение, подавление желаний, довольство существующим материальным положением, нежелание улучшить его – на том основании, что не в богатстве счастье: оно эфемерно, является источником опасностей и раздоров. Счастье же заключено в мудрости и умеренности, ограничении потребностей. Ревнителем такого образа мыслей Минами по-революционному отправляет под откос, поскольку они мешают нынешнему японцу интегрироваться в современный (американизированный) мир. Минами утверждал: японцы крайне редко ставят «счастье» в качестве своей жизненной цели, воспевают

⁶ Кайбара Экиэн. Поучение в радости. Нисикава Дзёкэн. Мешок премудростей горожанину в помощь. Перевод А. Н. Мещерякова. СПб.: «Гиперион», 2017. С. 109–110.

⁷ Там же. С. 130.

умение терпеть лишения и страдания, воспринимаемые как средство закалки характера. Иными словами, японцы являются клиническими мазохистами.

Процитируем некоторых мыслителей, на которых ссылается Минами Хироси в качестве доказательства ущербности того типа японца, которого воспитывало традиционное общество.

Скрывшийся от мирской тщеты в горной хижине Камо-но Тёмэй (1155?–1216) писал в своих прославленных «Записках из кельи»: «И сам хозяин, и его жилище, оба уходят они, соперничая друг перед другом в непрочности своего бытия...»⁸.

Буддист Ёсида Канэёси (Кэнко-хоси, 1283–1350) в своих признанных литературной классикой «Записках на досуге» (начало XIV в.) неоднократно обличает стремление к богатству. Например: «Глупо искать славы и выгоды, и истощать тем свою жизнь, не зная покоя. Богатство человека не спасает. Наоборот – богатство приносит неприятности и горести. Если после твоей смерти из твоего золота сложат гору, подпирающую Полярную Звезду, какой в том будет прок? Что толку в тех уладах, что радуют глаз человека недалекого? Роскошный экипаж, откормленные лошади, золото и камень... Для человека понимающего все это – забавы недоумка. Золото следует разбросать в горах, камень – утопить в пучине. Опьяняющийся богатством – круглый дурак»⁹.

А чем лучше знаменитый конфуцианец Кайбара Экикэн (1630–1714), по трудам которого учились жизни многие поколения японцев? «Если посчастливилось собрать много книг на полке, то как можно назвать тебя бедняком? Ведь

⁸ Исэ моногатари. Перевод Н. И. Конрада. М.: «Наука», 1979. С. 209.

⁹ Ёсида Канэёси. Записки на досуге. Перевод А. Н. Мещерякова. М.: «Наталис», 2009. С. 42–43.

у тебя настоящее богатство, которое не променяешь на корзину со золотом. Разговаривать с добрым другом о Пути, вместе с ним радоваться луне и цветам, пребывать в прославленных местах и чудных пределах, наслаждаться там непревзойденными видами – вот это и называется чистым счастьем. Если удалось тебе заполучить его – знай огромность этого счастья, которому не бывать у спесивого богача»¹⁰.

Разумеется, такие не изжитые к середине «прогрессивного» XX века установки совершенно не соответствовали, по мнению Минами, «современному» капиталистическому (демократическому) обществу, которое превозносит совсем другие добродетели: полагаться на свои силы, быть инициативным и предприимчивым, больше производить, зарабатывать и покупать, наслаждаться нынешним мгновением, стремиться к «счастью», делать карьеру и меньше болтать о всякой «нерациональной» ерунде.

Именно в «рациональных» (= капиталистических) поисках материальной выгоды Минами видел выход для «отсталого» японца. Альтернативой жертвенности по отношению к сюзерену или императору должна стать для него экономическая выгода, удовлетворение личных потребностей и забота о собственной семье, построенной на новых основаниях, когда каждый член семьи и общества обладает определенными правами для обеспечения своих интересов. До этого времени слово «свобода» (дзю) имело по преимуществу негативный оттенок и понималось как «своеволие». После войны оно приобрело положительный смысл, к которому следовало стремиться.

Книга американки Бенедикт будоражила японские умы. Янагита Кунио не только написал рецензию на

¹⁰ Кайбара Экиэн. Поучение в радости. Нисикава Дзёкэн. Мешок премудростей горожанину в помощь. СПб.: «Гиперион», 2017. С. 70.

«Хризантему и меч», но и составил сборник, который, без сомнения, был инспирирован этой книгой и последовавшей за ней дискуссией. Сборник назывался «Японцы» («Нихондзин», 1952 г.), в работе над ним приняли участие сотрудники этнологического института Янагиты. В первой же фразе предисловия Янагита пишет: «В данном томе мы хотим прояснить термин «японцы», который до этого времени употреблялся в весьма неопределенном значении. Если посмотреть на ситуацию в целом, то мы увидим, что ученые выстраивали свои искусственные и пристрастные конструкции на основании неверных трактовок: одни рисовали идеальную ситуацию, другие выдавали ничтожное меньшинство или же нетипичных людей за всех японцев, третьи демонстрировали чрезвычайно неприглядные черты как имманентно присущие японцам. Мы же прилагаем все усилия для того, чтобы, не впадая в крайности, отобразить истинного японца, то есть дать картину всего народа»¹¹.

Портретисты идеального японца – это довоенные идеологи, твердившие о его несравненной духовности, которая превосходит по этому мало верифицируемому параметру другие народы. Те, кто оценивал японцев исключительно негативно, – это послевоенные публицисты-мазохисты (вроде Рю Синтаро). Те, кто выдает меньшинство за большинство, – это Бенедикт и ее японские почитатели. Что до Янагиты и его этнологии, то только они описывали «японский народ» с максимальной объективностью.

«В основании жизни японцев есть то, что называют «сердцем японца», то, что можно было бы назвать «натурой» или «характером». Вот к этому понятию и следует подойти с научной стороны. Этнология является для этого наиболее подходящим средством... Имея в Японии бога-

¹¹ Нихондзин. Янагита Кунио хэн. «Майнити симбунся», 1976. С. 1.

тый этнологический материал, мы не относимся к нему как к грустному свидетельству отсталости страны, мы рассматриваем его как одно из тех предназначений, которые имеют японцы в мире»¹².

Этнологи полагали, что несмотря на региональные и социальные различия обитатели Японии представляют собой единый народ. И основу этого народа, его «сердце» образуют крестьяне, у которых и стоит учиться всем остальным. Вместо верности конкретному лицу (императору) этнологи предложили другую референтную группу – они предложили быть верными своему японскому народу, искать у него «сердцевину» японской культуры. Под «народом» понимались прежде всего крестьяне. Точно так же, как и военная пропаганда, этнологи делали свою основную ставку не на носителей городской культуры, а на «людей земли». Хотя Япония стремительно урбанизировалась, большинство горожан родились еще в деревне. Задача состояла в том, чтобы описать крестьянскую культуру, составить ее каталог, поднять ее статус и возбудить всеобщую ностальгию, чтобы превратить крестьянскую культуру в основу национальной идеологии.

Японских этнологов интересовало не событие, не его уникальность, а повторяемость событий. Поэтому их главное внимание было направлено на ритуалы и церемонии – годового и жизненного циклов. При этом этнологи исходили из того, что «японцы» существовали с начала мира. Однако иностранное влияние (сначала китайское, а потом европейское) лишило их значительную часть первозданной исконности.

Подчеркивая островное положение Японии, этнологи воспринимали море как преграду, а не как возможность

¹² Нихондзин. Под редакцией Янагита Кунио. Токио: «Майнити синбун-ся», 1976. С. 20–21.

для общения. Поскольку море препятствовало общению, это позволило сформироваться уникальной японской культуре. Ее синкретическая составляющая (сочетание автохтонных и заимствованных элементов из Кореи, Китая и стран Запада) интересовала их намного меньше, чем поиски самобытности.

Подход японских этнологов был уникален для середины XX в. Этнография (этнология) на Западе в значительной степени формировалась как способ познания тех народов, которые попали в тиски западного колониализма. Эти знания активно использовались для проведения более эффективной управленческой политики. Однако в послевоенной Японии этнологические знания служили совсем другой цели: они использовались прежде всего для познания собственного народа и поисков национальной идентичности. В этом отношении они походили на немецких и русских литераторов эпохи романтизма, которые поднимали на щит «фольклор».

Однако экономическое развитие Японии предполагало разрушение той среды природного и социального обитания, о которой рассуждали этнологи. Токио разбухал на деревенских дрожжах, и в 1962 г. превратился в первого в мире 10-миллионника. Города высасывали деревню, в 1945 г. там жило 72 процента японцев, а в 1970 г. – всего 28. Политическая элита взяла стратегический курс на истребление сельского хозяйства и деревни, решив, что только получение «городского продукта» с более высокой добавленной стоимостью способно вывести страну в мировые лидеры. Так и случилось – японский ВВП вышел на второе место в мире в 1968 г.

Происходившие изменения хорошо видны по отношению к такой категории как «экономия». Поощряемые правительством призывы вести экономный образ жизни

восходят по крайней мере к сёгунату Токугава. Эти призывы не прекращались и в первой половине XX в. Однако инициированное в середине 50-х гг. Движение за новую жизнь, которое агитировало за скромность в быту, быстро выдохлось. Японец становился другим: он хотел не скромности в быту, а полноценной потребительской жизни. Жизнь и вкусы городских японцев стандартизировались, эти люди легко поддавались рекламе – так же легко, как раньше они «велись» на пропаганду. Впрочем, реклама теперь стала разновидностью пропаганды. Японцами было по-прежнему легко управлять, но теперь их призывали не убивать и жертвовать собой, а производить и покупать. Однако большинство этих людей родилось в деревне, этнологи, многие из которых и сами были выходцами из деревни, подпитывали их ностальгические чувства. Чем больше деревенский быт и живой фольклор уходили в прошлое, тем большее внимание уделялось их изучению, тем больше читателей и почитателей находилось у сочинений этнологов, которые выписывали свидетельство о смерти прежней Японии.

Книга Рут Бенедикт достаточна популярна и в современной Японии. В ней имеется множество методологических недостатков и фактических ошибок. Тем не менее, ее историческое значение велико: она легализовала понятие «японский национальный характер», спровоцировала оживленную дискуссию, которая сыграла значительную роль в процессе послевоенной самоидентификации японцев.

- ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ -

Сохраняя традиции — в Новый век и в новую Эру цифровизации

Тема коллективного исследования и запланированного мероприятия, направленного на объединение японоведов и собрание воедино мнений и знаний о происходящем в Японии, настолько четко отражает состояние Мира сегодня, что трудно предложить какую-либо иную тему. Япония перешла в новый век, в новую Эру. Как и весь мир вместе с Японией. Какая она, эта новая Эра, в которую мы, нельзя сказать, что плавно перешли, а, скорее, устремились?

В настоящее время принятые главами государств мира меры по профилактике коронавируса вышли за рамки медицинского обеспечения безопасности людей и стали использоваться в качестве иных способов управления некоторыми социальными сферами с использованием цифровизации, увеличивая дистанцию между людьми. Уже сейчас можно сказать, что характерными чертами новой Эры для Японии являются рост рынка больших данных и аналитики (Big Data and Analytics) и дальнейшая оцифровка информации, революционное внедрение искусственного интеллекта (Artificial Intelligence) в сфере робототехники, но, что важно, сохраняя при этом японский дух технологического мастерства и производственной практики *ものづくり*¹. В настоящее время правительство Японии стремится к революционному прорыву робототехники, оснащенной искусственным интеллектом и внедрению беспилотных автомобилей, дронов и технологически усовершенство-

¹ https://www.eu-japan.eu/sites/default/files/publications/docs/artificial_intelligence_in_japan_-_guillermo_garcia_-_0705.pdf (дата обращения 25.09.2020).

ванного управления производством, в том числе умных фабрик с целью повышения производительности Японии.

Бывший премьер-министр Абэ Синдзо отмечал, что ключевым моментом второго этапа стратегии роста Японии является реализация четвертой промышленной революции, а индивидуальные услуги и новые бизнес-модели, ориентированные на каждого человека, будут созданы в результате Интернета вещей (Internet of Things)² и роботов. Все производства и магазины будут подключены через Интернет вещей, что обеспечит снижение до минимума складские запасы и обеспечит мгновенное производство заказов. По его словам, все это может изменить правила игры в этой отрасли...³. Сейчас мы наблюдаем, как формируются эти новые правила игры. Формируется и новая правовая база, направленная регулировать и контролировать виртуальную среду с тенденцией конвергирования (сближение, соединение) технологий. Так, например, с целью обеспечения защиты Интернет вещей в Японии в 2019 г. уже были приняты поправки в Закон №162 «Об организации исследований в области информации и связи»⁴, разрешающие правительственным чиновникам получать доступ к устройствам Интернета вещей в течение пяти лет. Поправки являются частью исследования количества

²Концепция «Интернет вещей» (Internet of Things, IoT) была сформулирована и представлена в 1999 году и в период с 2008 по 2009 гг. воплотилась в реальности. Там, по мнению аналитиков корпорации Cisco этот период стал «настоящим рождением «интернета вещей»», поскольку в этом промежутке количество устройств, подключённых к глобальной сети, превысило численность населения Земли, тем самым «интернет людей» стал «интернетом вещей». См.:

https://ru.wikipedia.org/wiki/Интернет_вещей,
<https://builtin.com/internet-things> (дата обращения 25.09.2020).

³ https://japan.kantei.go.jp/97_abe/actions/201605/19article8.html (дата обращения 25.09.2020).

⁴ https://elaws.e-gov.go.jp/search/elawsSearch/elaws_search/lsgo500/detail?lawId=411AC0000000162 (дата обращения 25.09.2020).

уязвимых устройств Интернета вещей, которое проводилось Национальным институтом информационных и коммуникационных технологий (NICT) под надзором Министерства внутренних дел и связи (MIC).

Вдвойне важно и интересно следить за развитием интернет технологий в Японии, ворвавшихся в бытовую жизнь людей, поскольку именно в Японии еще в начале 1960-х годов была сформулирована и затем обнародована теория «информационного общества» (情報社会). Именно Япония представила миру такие понятия как «информатизация» и «информационная индустрия». Теория «информационная индустрия», в свою очередь, была выдвинута в 1963 г. ученым Умэсао Тадао. В 1969 г. ученый Хаяси Юдзиро предложил свою теорию «информатизации» (情報化), заключающаяся в переходе от индустриального общества к интеллектуальному, информационно ориентированному обществу. Но, пожалуй, самым известным японским ученым, который популяризовал концепцию информационного общества, стал профессор Масуда Ёнэдзи, опубликовавший в 1983 г. книгу «Информационное общество как постиндустриальное общество» и ясно показавший свое понимание направлений развития информационного общества, в котором главным продуктом являются информация, технологии и знания. Кажется, что с тех пор ничего не изменилось и такое понимание стало основной тенденцией переустройства мира, в котором, по словам профессора Масуда, производство информационного продукта, а не продукта материального, будет движущей силой образования и развития общества⁵. В 2001 г. в Японии также был принят Закон «О формировании информационного и телекоммуникационного сетевого общества», который направлен на то, чтобы сформировать не просто передо-

⁵ MASUDA Yoneji. The Information Society as Post-Industrial Society. Washington, 1983. P.49.

вое информационное общество, а общество, в котором есть возможности улучшить качество жизни людей и обеспечить продвижение экономической реформы⁶.

Как хочется верить, что эта гонка за новейшими технологиями во всех сферах жизни и бизнеса, эта наблюдаемая нами трансформация общества и переход Мира в цифровую эпоху не уничтожит культурные национальные традиции Японии. В этой связи хочется процитировать мысль авторов сборника о культуре и обществе в эпоху научно-технической революции, опубликованного в 1985 г., которые считают, что Япония обладает высоким научно-техническим потенциалом, сохраняя черты традиционной восточной культуры. Согласимся с авторами этой книги, которые также отмечали, что для Японии такая традиционная черта национального характера, как способность быстро и без особых моральных издержек адаптироваться к непривычному, в условиях стремительно меняющейся действительности становится существенным фактором бытия. Тогда, в уже далеких для нас 1980-хх гг., советские японоведы отмечали, что взаимодействие традиции с современностью иногда бывает непредсказуемо своеобразным: как это ни парадоксально, научно-технический прогресс в специфических условиях японского общества частично вызвал возрождение старых стереотипов, основанных на интуитивном познании мира, стремлении к японскому варианту «социальной бесконфликтности и гармонии»⁷.

Будем надеяться, что план по революционному развитию новейших цифровых технологий не приведет к нарушению связи человека с природной средой, девальвации традиционных установлений и культурных ценностей,

⁶ Савинцева М.И. Правовые основы современной журналистики и информационного общества. М., 2006. С. 184.

⁷ Япония: культура и общество в эпоху НТР. М., 1985. С. 6.

обрекая на дегуманизацию межличностных отношений, снижение духовного потенциала общества⁸.

Проведение этого исследования и мероприятия благодаря кафедре японоведения СПбГУ, которое было запланировано еще задолго до ситуации с распространением COVID-19 по всему миру, реализуется сегодня в экстремальных условиях хаоса. Поэтому особенно ценно, что мероприятие не отменено. Принимаемые сегодня в государствах решения иногда напоминают хаос, в который беспрецедентно затянут весь Мир. Но, следуя теории хаоса и такому научному направлению как синергетика, основами которых является то, что у окружающей среды есть способности к самоорганизации, а хаос порождает порядок, будем мысленно и через свои действия стремиться к сохранению Мира и национальных традиций.

⁸ Там же. С. 5.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- АЛПАТОВ Владимир Михайлович, академик РАН, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания РАН. Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1/12.
- АМАРА (Савинцева) Марина Игоревна, кандидат юридических наук, независимый исследователь, автор проекта и сайта по изучению права Японии в России (japanpravo.ru).
- АРАКАВА Ёсико 荒川好子, кандидат филологических наук, доцент кафедры японоведения Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.
- БАСС Ирина Исаевна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков и лингвистики Санкт-Петербургского государственного института культуры. Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 2-4.
- БЛАГОДЕР Юлия Гариевна, доктор исторических наук, доцент кафедры истории, философии и психологии Кубанского государственного технологического университета. Россия, 350072, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Московская, д. 2.
- БОГОЛЮБОВ Алексей Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа. Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая пл., 2.
- БОРИСОВА Анастасия Анатольевна, ассистент кафедры японоведения Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.
- БОРЬКИНА Анастасия Юрьевна, старший преподаватель департамента востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ СПб. Россия, 190068 Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 123.
- БРЕСЛАВЕЦ Татьяна Иосифовна, кандидат филологических наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета. Россия, 690922. Владивосток. Русский остров. Аякс, 10. 20 Д, 915.

- БЫКОВА Стелла Артемьевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой японской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова. Россия, 125009, г. Москва, ул. Моховая, 11.
- ВОЙТИШЕК Елена Эдмундовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, профессор, заведующая кафедрой востоковедения и руководитель направления Востоковедение Гуманитарного института Новосибирского государственного университета. Россия, 630090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1.
- ВОРОБЬЕВА Наталья Александровна, кандидат экономических наук, доцент, и. о. зав. кафедрой японоведения Восточного института — Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. Россия, 690091, Приморский край, г. Владивосток, ул. Суханова 8.
- ГРАЧЕВ Максим Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова Россия, 25009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1.
- ДОБРИНСКАЯ Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Дипломатической академии МИД РФ (Россия, 119034, Москва, ул.Остоженка 53/2); научный сотрудник Института востоковедения РАН (Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д.12).
- ИЛЬИНА Александра Михайловна, студентка 4 курса кафедры востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета. Россия, 630090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1.
- ЙОВИЧ-ДЖАЛОВИЧ Марина Валерьевна, экстраординарный профессор Филологического факультета Университета в Белграде. Сербия, 110000, Белград, Студентски трг No. 3.
- КИКНАДЗЕ Диана Гургеновна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Центральной Азии и Кавказа Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.

- КОРНЕВА Оксана Петровна. студентка 2 курса бакалавриата по образовательной программе Востоковедения НИУ ВШЭ СПб. Россия, 190068, Санкт-Петербург, набережная канала Грибоедова, д. 123.
- КРНЕТА Наталья, кандидат филологических наук, доцент кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова. Россия, 25009 Москва, Моховая 11 с.1.
- КУЗНЕЦОВ Артемий Андреевич, магистр, лаборант лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН. Россия, 199004, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9.
- КУЗОВКОВ Максим Андреевич, магистрант Новосибирского государственного университета. Россия, 630090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1.
- КУМПОЛ Татьяна Анатольевна, магистрант кафедры востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета. Россия, 630090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1.
- КУТАФЬЕВА Наталия Витальевна, кандидат филологических наук, доцент Новосибирского государственного университета. Россия, 630090, Новосибирская область г. Новосибирск, ул. Пирогова 1.
- КУХТИН Арсений Владимирович, студент 2 курса магистратуры кафедры всеобщей истории исторического факультета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. Россия, 644077, Омск, пр. Мира, 55, корп. 2.
- ЛЕЛЕНКОВА Анна Викторовна, ассистент кафедры японоведения Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.
- МАГДЕЕВ Рафик Рашитович, ассистент кафедры алтаистики и китаеведения Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета. Россия, 420008, Казань, ул. Кремлевская 18.
- МАРАНДЖЯН Каринэ Генриховна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.

- МАРКОВИЧ Лиляна Радомировна, ординарный профессор Филологического факультета Университета в Белграде. Сербия, 110000, Белград, Студентски трг No. 3.
- МЕЩЕРЯКОВ Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ. Россия, Москва, ул. Старая Басманная, д.21/4.
- МИХАЙЛОВА Светлана Анатольевна, независимый исследователь.
- МУРАХВЕРИ Анастасия Олеговна, старший преподаватель кафедры японоведения Восточного института — Школы региональных и международных исследований Дальневосточного Федерального Университета. Россия, 690922, Приморский край, остров Русский, полуостров Саперный, поселок Аякс, 10.
- НАЛИВАЙКО Оксана Александровна, старший преподаватель кафедры истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова. Россия, 125009, г. Москва, ул. Моховая, 11, стр.1.
- ОВЧИННИКОВА Любовь Всеволодовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова. Россия, 125009, г. Москва, ул. Моховая, 11.
- ОСМАНОВ Евгений Магомедович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.
- ПРОКОФЬЕВА Ксения Андреевна, аспирант Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.
- РЕЧКАЛОВА Анастасия Александровна, ассистент кафедры востоковедения, младший научный сотрудник НОЦ «Наследие» Гуманитарного института Новосибирского государственного университета. Россия, 630090, Новосибирская область, г.Новосибирск, ул. Пирогова, 1.
- РУМАК Наталья Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки МГУ

им. М. В. Ломоносова. Россия, 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1.

САВЕЛЬЕВ Игорь Ростиславович, кандидат исторических наук; доктор философии (PhD), доцент Высшей школы гуманитарных наук, Нагойский университет. Япония, г. Нагоя, Тикуса-ку, Фуру-гё.

САЛОМАСОВА Маргарита Игоревна, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.

САМОЙЛОВ Николай Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.

СИМОНОВА-ГУДЗЕНКО Екатерина Кирилловна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова. Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, 11.

СТРИЖАК Ульяна Петровна, кандидат педагогических наук, доцент Школы востоковедения ФМЭИМП НИУ ВШЭ. Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20.

ТАКЭУТИ Оки 竹内大樹, аспирант юридических наук университета Кобе, научный сотрудник Японского общества содействия развитию науки (DC2). Япония, г. Кобе, Роккодай, Нада, 657-8501.

ТАРАСОВА Екатерина Сергеевна, младший научный сотрудник отдела языков Института востоковедения РАН. Россия, 107031 Москва, Рождественка, 12.

ТОЛСТОГУЗОВ Александр Анатольевич, почетный профессор Муниципального университета Аомори.

ТОЛСТОГУЗОВ Сергей Анатольевич, визитный профессор Хиросимского университета.

ТОРОПЫГИНА Мария Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН, профессор ИКВИА ВШЭ. 107031 Москва, Рождественка, 12.

- ТЮНЕВА Анастасия Сергеевна, выпускница Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова. Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1.
- УГАМОТИ Аяко 宇賀持綾子, старший преподаватель кафедры английского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.
- ФИЛИППОВ Александр Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой японоведения Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.
- ХРОНОПУЛО Лиала Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры японоведения Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.
- ЧАЙКА Егор Евгеньевич, студент кафедры Региональной экономики и географии Экономического факультета Российского университета дружбы народов. Россия, 117198, ЮЗАО, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.
- ЯКОВЛЕВА Юлия Игоревна, бакалавр востоковедения и африканистики, стажер-исследователь Токийского университета (с октября 2020 г.).
- ЯРОЦКАЯ Юлия Александровна, кандидат культурологии, старший преподаватель Белорусского государственного университета культуры и искусств. Беларусь, 220007, г. Минск, ул. Рабкоровская, 17.
- ЯСУМОТО Такако 安元隆子, профессор факультета международных отношений Университета Нихон. 2-тёмэ-31-145 Бункё-тё, г. Мисима, преф. Сидзуока 411-8555, Япония.
- TAMAS, CARMEN SAPUNARU, PhD, Associate Professor, School of Management and Economics University of Hyogo.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

XXI век, информационная эпоха: что ждёт Японию и традиционное востоковедение	(Филиппов А.В.)	3
--	-----------------	---

ГЛАВА 1. Японский язык

Актуальные вопросы изучения японского языка в настоящее время	(Алпатов В.М.)	12
XXI век и новые тенденции в японском языке	(Быкова С.А.)	24
Контрастивные исследования на материале японского и русского языков (к постановке проблемы)	(Басс И.И.)	36
Зооморфная метафора в японском языке	(Кутафьева Н.В.)	47
О некоторых случаях энантиосемии в японском языке	(Румак Н.Г.)	59
Языковые средства создания ложной гендерной идентичности при виртуальном общении на японском языке	(Крнета Н.Д.)	66
Аспектуальные функции конструкций te-iku и te-kuru	(Кузнецов А.А.)	78
Эмоции и их роль в изучении грамматики японского языка	(Прокофьева К.А.)	93
Особенности современной японской лексикографии в цифровую эпоху	(Тарасова Е.С.)	100
Когнитивный подход к методике преподавания японского языка на материале романа Кавабата Ясунари «Снежная страна» 日本語らしさの習得のための日本語教育と認知言語学—川端康成『雪国』の事態把握と視点を中心に	(Аракава Ёсико, Угамоти Аяко)	114
Особенности употребления императивных и прохибитивных форм и конструкций в современном японском языке: на материале анкетирования студентов 現代日本語における命令・依頼・禁止表現の使用実態—大学生のアンケート調査の結果を元に—	(Хронопуло Л.Ю.)	123

ГЛАВА 2. Япония и история

Тюремное бюро и полицейское ведомство в средневековой Японии (на материалах дневников сановников эпохи Хэйан)	(Грачев М.В.)	132
Первая русская экспедиция в Японию 1792 г. и географические карты	(Симонова-Гудзенко Е.К.)	144
Указ 1842 г. и письмо Виллема II	(Толстогузов С.А.)	154
Армия Японии в 1869–1870 гг. Анализ материалов М. Венюкова	(Толстогузов А.А., Толстогузов С.А.)	176
Особенности организации внешнеполитической службы в Японии в период Мэйдзи (1868–1912)	(Османов Е.М.)	197
Японские адреса Невского проспекта 1917 г.	(Михайлова С.А.)	207

Образ Японии на страницах российской провинциальной периодической печати (1904–1905 гг.)	(Благодер Ю.Г.)	218
Японские служебные издания генерал-губернаторства о корейском сопротивлении. К 75-летию победы в Великой Отечественной войне и разгрома милитаристской Японии	(Овчинникова Л.В.)	229
Отношение России к Японии с точки зрения строительства судна «Хэда»	ヘダ号建造から読むロシアの対日意識 (Ясумото Такако)	245
ГЛАВА 3. Социально-экономические тенденции		
Государственно-частное партнерство в инновационном развитии современной экономики Японии	(Воробьева Н.А.)	253
Трансформация отношения японского правительства и общественности к проституции	(Яроцкая Ю.А.)	265
Права женщин в Японии в настоящее время	(Магдеев Р.Р.)	276
Изменение структуры малых и средних предприятий Японии после глобального финансового кризиса 2008–2009 гг.	(Саломасова М.И.)	285
«Cool Japan»: синергия культурной дипломатии и креативной экономики Японии в XXI в.	(Яковлева Ю.И.)	299
Социально-демографические последствия старения населения в Японии	(Чайка Е.Е.)	323
Положение японских хикикомори в период пандемии новой коронавирусной инфекции	(Корнева О.П.)	338
Влияние пандемии COVID-19 на рынок труда в современной Японии	(Кузовков М.А.)	347
ГЛАВА 4. Внешняя и внутренняя политика		
Право иностранцев на вторичный въезд в Японию при эпидемии коронавируса	(Такэути Оки)	357
Вопрос о конституционности правовых мер по усилению безопасности Японии и пересмотр Конституции как политический шаг	(Амара М.И.)	370
Японский подход к миротворчеству	(Добринская О.А.)	380
Врата открываются: сравнительный анализ современной японской и южнокорейской иммиграционной политики	(Савельев И.Р.)	388
The Main Issues of Japan-India political relations in the 1960s: Diverging Visions on Mutual Cooperation	(Леленкова А.В.)	402
ГЛАВА 5. Литература Японии		
Поэтическое странствие в средневековой Японии	(Бреславец Т.И.)	415
Идея избегания беды в японской прозе сэцува по материалам сборника «Удзи сюи моногатари» (XIII в.)	(Кикнадзе Д.)	424
Сходства в различиях	(Йович-Джялович М.В., Маркович Л.Р.)	431

Рассказ Масамунэ Хакутё «Ад» (Мурахвери А.О.) 442

«Слабые» и «сильные» женские персонажи в детективных рассказах современных японских писателей (Хронопуро Л.Ю.) 455

«Женский голос» и «персональный миф» в романе Каваками Хироми «Голос воды» (Борькина А.Ю.) 471

Тексты «нового перевода» в Японии в XXI веке: вариативность когнитивных трансформаций (на материале русско-японских параллельных корпусов художественных текстов) (Стрижак У.П.) 484

ГЛАВА 6. Традиционная культура Японии

Японская традиционная культура в глобальном мире: деятельность мастеров традиционных японских искусств неяпонского происхождения (Борисова А.А.) 494

Ва ё тю – к вопросу о национальной кухне Японии (Наливайко О.А.) 506

Коллекция японской эротики из собрания Е. Г. Спальвина (Маранджян К.Г.) 520

Природные мотивы на гардах японского меча (Боголюбов А.М.) 522

Предметы роскоши карамоно в системе торгово-экономических и культурных связей Японского архипелага и материка в X-XIV вв. (Войтишек Е.Э., Речкалова А.А., Ильина А.М., Кумпол Т.А.) 531

The Drums of Osaka. Notes on Noda Ebisu Matsuri (Tamas, Carmen Sapunaru) 546

ГЛАВА 7. Япония и взаимодействие культур

Китайские исторические сюжеты и японские стихотворения вака в «Кара моногатари» («Рассказы о Китае», XII в.) (Торопыгина М.В.) 558

«Повесть о доме Тайра» и «История Ханьской династии»: влияние китайской культуры на японскую эпическую литературу конца эпохи Хэйан (Кухтин А.В.) 570

Японские женщины в представлениях Карла Петера Тунберга (1743-1828) (Тюнева А.С.) 579

Император Мэйдзи и Петр Великий: образ правителей-реформаторов в китайской общественной мысли конца XIX века (Самойлов Н.А.) 587

Американка Рут Бенедикт и японский национальный характер (Мещеряков А.Н.) 600

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Сохраняя традиции – в Новый век и в новую Эру цифровизации (Амара М.И.) 612

Сведения об авторах

Аффилиация 617

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

ЯПОНИЯ XXI NOVA: эра и век

Исследования российских и зарубежных учёных,
посвящённые наступлению девиза годов Рэйва

Печатается в авторской редакции

ДИЗАЙН И ОРИГИНАЛ-МАКЕТ: В.В.Щепкин, А.В.Филиппов

ISBN 978-5-4391-0637-0

9 785439 106370 >

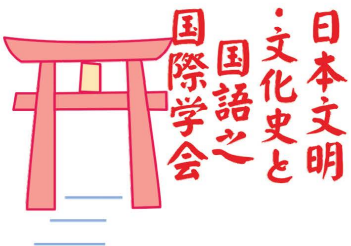
Подписано в печать 05.10.2020 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,57. Тираж 130 экз.
Заказ №30563

Отпечатано в «Изд-во "Art-xpress"»,
Санкт-Петербург, В.О., ул. Уральская, 17, корп.3, оф.4
тел. 331-33-22
<http://art-xpress.ru/>

ISBN 978-5-4391-0637-0

9 785439 106370 >

ISSN 0785-5439 L 0637.0

9 785439 106370 >

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

MONOGRAPH SERIES

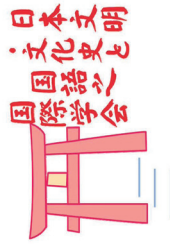
«Issues Of Japalogy = Вопросы японоведения» №8

JAPAN XXI NOVA
эра и век

«ISSUES OF JAPALOGY» №8

JAPAN XXI NOVA:
эра и век

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2020